В.Т.ПАШУТО

Русские историки эмигранты в Европе

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АРХИВ АН СССР

В. Т. ПАШУТО

Русские историки эмигранты в Европе

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. В. ЛЕВШИН



МОСКВА
НАУКА
1992

ББК 63.3(0)61
П22



Рецензенты:
кандидат исторических наук Л. Г. ДУБИНСКАЯ
профессор Е. В. СТАРОСТИН

Редактор идательства Г. И. РЫКОВА

Пашуто В. Т.
П22 Русские историки-эмигранты в Европе. — М.: Наука. 1991. — 400 с.
ISBN 5—02—008596—0

Основу публикации составляют подготовленные членом-корреспондентом АН СССР В. Т. Пашуто главы незавершенной монографии, посвященной деятельности Пражского и Белградского центров научной эмиграции. В издание включены также непубликовавшиеся, полученные В. Т. Пашуто от авторов или их наследников биографии и автобиографии крупных историков и переписка с учеными и членами их семей. Неоценимую помощь будущим исследователям окажет составленная В. Т. Пашуто библиография трудов историков-эмигрантов по истории России.

Для историков и всех интересующихся отечественной историей.

П $\frac{0502000000-229}{042(02)-91}$ 672—91, II полугодие ББК 63.3(0)61

ISBN 5—02—008596—0

Русская историография зарубежья в научном наследии В. Т. Пашуто

Книга о судьбах и творчестве русских историков, оказавшихся в послеоктябрьские годы за рубежом, была задумана и начата членом-корреспондентом А. Н. СССР В. Т. Пашуто в то время, когда имена ученых-эмигрантов упоминались по преимуществу с бранными эпитетами, а использование их материалов или выводов сопровождалось в лучшем случае застенчивой отсылкой на статью в международном журнале, а не на саму монографию, вышедшую в Париже или Лондоне. Богатейшее творческое наследие целого поколения талантливых русских византинистов, антиковедов, медиевистов, историков России осваивалось национальными зарубежными школами — нескольким же поколениям советских ученых это наследие было не только почти неизвестно, но и практически недоступно. В США, Англии, Франции, ЧССР, Югославии ученики русских историков-эмигрантов продолжают и развивают научные традиции своих учителей, мы же только приступаем к изучению их наследия.

Живой интерес к историографии — яркому отражению борьбы научных идей, уже в 1950-е гг. заставил В. Т. Пашуто, одного из крупнейших советских исследователей истории Древнерусского государства, обратиться к трудам таких видных русских историков, как Г. В. Вернадский (США), А. В. Соловьев (Югославия, Швейцария), В. А. Мошин (Югославия). В обстановке голословного неприятия «иностранщины» он пишет хотя и резко критические, но аргументированные статьи, направленные против методологических позиций Г. В. Вернадского, западногерманских историков, и в то же время находит в них — в разрез с «духом времени» — много ценного: и в фактическом материале, и в круге используемых ими источников, и в конкретных задачах. Ему импонируют широчайший исторический кругозор Г. В. Вернадского, источниковедческая скрупулезность В. А. Мошина, глубина исследований А. В. Флоровского.

В 1960-е гг., во время многократных поездок за рубеж, В. Т. Пашуто завязывает личные связи со многими русскими учеными в ЧССР и ГДР, Франции и Югославии, ФРГ и Англии, получает возможность ознакомиться с частными архивами некоторых из них, материалами, хранящимися в архивах Праги, Берлина, Парижа.

Вместе с осознанием научной ценности русской эмигрантской историографии приходит и понимание того, как много теряет отечественная историческая наука, а priori отвергая все, что написано русскими учеными за рубежом. Да, нужен дифференцированный подход к их трудам, да, необходимо критическое осмысление их наследия, но первое и главное — это наше, русское наследие, отказ от которого вреден для науки — таков первый итог изысканий В. Т. Пашуто в это время.

Более того, за рубежом находятся многочисленные материалы по русской истории, неопубликованные исследования историков-эмигрантов. Эти документы нашей науки и истории постепенно гибнут вместе со своими владельцами и, если не начать их учет, собирание, не попытаться перевезти их в СССР, то через несколько десятилетий изучение русской эмигрантской историографии станет невозможным. В 1974 г. В. Т. Пашуто публикует в газете «Голос Родины», специально рассчитанной на русскую эмиграцию, статью «Сохранить для науки, для истории», где обращается к русским историкам, их наследникам, членам их семей. Не дать погибнуть документальным свидетельствам прошлого — пафос его выступления.

К этому времени сам В. Т. Пашуто уже немало сделал в этой области. Наиболее тесные контакты связывают его с русскими славистами Чехословакии, — прямой результат его неоднократных поездок в Прагу, Братиславу, Брно. Он находится в постоянной дружеской переписке с А. В. Флоровским, П. А. Остроуховым, И. О. Панасом и другими, с невероятными усилиями «пробивает» публикации их статей в советских изданиях, является посредником в их отношениях с советскими учреждениями. Поэтому не случайно после смерти А. В. Флоровского и П. А. Остроухова вдовы историков именно В. Т. Пашуто передают их архивы, которые теперь находятся в архивах СССР. Он ведет переговоры с вдовой А. В. Соловьева Н. Н. Соловьевой о передаче его архива Академии наук и получает часть рукописного наследия слависта. Трогательно то доверие, которое оказывают ему старики Н. В. Манохин и И. О. Панас (см. переписку): ведя переговоры с посольством СССР в ЧССР, они отказываются передать материалы кому-либо, кроме В. Т. Пашуто, считая, что только он способен оценить их значение. Но поездка В. Т. Пашуто срывается по независящим от него обстоятельствам. И — где теперь эти ценные собрания документов и редких книг?

В отчете о командировке в Прагу 24/X—7/XI 1969 г., когда им и Е. П. Подъяпольской была привезена в Москву часть архива А. В. Флоровского, он пишет о беседах с П. А. Хмыровым об архиве Семинара (Института) Кондакова, о встречах с П. Н. Савицким, сыном известного историка-евразийца Н. П. Савицкого, вдовой историка Е. Ф. Максимовича Е. А. Максимович, профессором-славистом И. О. Панасом. В центре его внимания выяснение вопроса о местонахождении архивов этих и других ученых, возможности получения архивов Академией наук СССР. «Наконец,

проф. И. О. Панас, наш непременный и обязательный помощник по всем названным выше делам, поделился сведениями о ряде частных архивов (например, Францева) и государственных собраний, в которых, по его словам, имеются ценные материалы по истории русской науки и литературы. Получены сообщения и о существенных для русской истории источниках, имеющихся в архивах Братиславы, Кошиц и др.» (с. 5). В 1974 г. он снова возвращается к этой теме: «Выявление богатых собраний рукописей и книг, находящихся в частных руках русских ученых в ЧССР, далеко не исчерпано. Например, перед отъездом я познакомился с одним из руководителей „казачьего куреня“ в ЧССР Н. В. Манохиным, старейшим русским (ему 86 лет). Он сообщил мне о намерении своем, а также руководителя „куреня“ И. Р. Кохановскова передать на Родину большие собрания книг» (Отчет о командировке в Прагу 17/IV—19/X 1974 г. С. 14). Завершается отчет настоятельными рекомендациями направить в Прагу архивистов, специалистов по русской истории для сбора и изучения материалов и — по возможности — доставки на Родину русских архивных фондов. Не раз и не два обращается В. Т. Пашуто в различные учреждения, пытаясь спасти эти архивы. Но практических результатов было так мало!

Но это лишь одна сторона вопроса. Другая — это серьезное, объективное освоение научного наследия историков-эмигрантов. К середине 1960-х гг. оформляется замысел книги, в которой бы исследовалось становление эмигрантской историографии, возникшие в ней научные школы и направления, ее вклад в изучение истории России. Работа была задумана широко. В «Обосновании темы», помеченном февралем 1969 г., В. Т. Пашуто пишет о монографии объемом 40 а. л., посвященной теме «Феодальная Россия в эмигрантской историографии» с жестким названием «Под колесами истории».

В это время для В. Т. Пашуто, глубоко и искренне верящего в идеалы, провозглашенные партией, воспитанного в традициях партийности исторической науки, убежденного борца с буржуазной, т. е. враждебной, идеологией, яркого, темпераментного полемиста, «разоблачительный» пафос книги, воплощенный в ее названии и подчеркиваемый в «Обосновании» — и дань эпохе (могла ли быть хоть малейшая надежда получить разрешение работать над апологетической книгой об историках-эмигрантах?), и естественным выражением собственных взглядов ученого. Однако, отдав должное политико-публицистическому аспекту, он переходит к собственно научным разделам будущего труда.

Он предполагает рассмотреть, во-первых, «возникновение и деятельность главных историографических центров в Париже, Праге, Лондоне, Берлине, Белграде, Риге, Харбине, Нью-Йорке» (с. 2), отметив специально их печатные органы, а также проведение ими съездов, конгрессов и пр. Во-вторых, по мнению автора, целесообразно подвергнуть «краткому критическому рассмотрению философию эмигрантской русской истории, как она от-

разилась в трудах Н. А. Бердяева, Ф. А. Степуна и др.». Придавая большое значение методологии, В. Т. Пашуто был убежден, что без освещения теоретических и методологических основ важнейшие особенности эмигрантской историографии останутся неясными. Наконец, последнюю, основную, часть он собирался посвятить «анализу историографического наследства русской послеоктябрьской эмиграции за 1917—1945 гг., разбитому на периоды (1917—1920, 1921—1929, 1929—1936, 1937—1945 гг.), отражающие и влияние на судьбы эмигрантской историографии успешного развития советской исторической науки» (с. 2).

Такой объем исследования требовал длительной работы в центрах русской научной эмиграции (Берлин, Париж, Харбин и др.), в тамошних архивах. Но здесь обстоятельства часто бывали сильнее желания автора. Ему так и не удалось поехать в Белград, краткосрочные поездки в ГДР и Францию не давали возможности детально ознакомиться с архивами. Переписка В. Т. Пашуто с русскими историками-эмигрантами и членами их семей, историками Англии, США, ФРГ отражает непрестанную работу по собиранию материала для книги и лично, и с помощью зарубежных коллег.

Тем не менее во второй половине 1960-х—первой половине 1970-х гг. был накоплен большой материал, касающийся в основном двух центров исторической науки: Праги и Белграда. Были собраны почти полные комплекты всех изданий историко-научных организаций, функционировавших в этих городах, составлена библиография трудов ученых-историков и краткие биографические справки о них, наконец, получен ценнейший архивный материал из ЧССР, где В. Т. Пашуто удалось проработать полгода (в 1974 г.), и в значительно меньшем количестве, из Югославии.

В 1971 г. В. Т. Пашуто, наконец, обращается в дирекцию Института истории СССР АН СССР с просьбой включить в план научно-исследовательских работ монографию «Возникновение, развитие и крах русской эмигрантской историографии (проблемы феодализма)». Тема, хотя и не сразу, включается в планы (на 1972—1976 гг.), но работа над книгой шла медленно: не хватало материалов, не было возможности работать в зарубежных архивах, отвлекали другие дела. Лишь после поездки в ЧССР в 1974 г. В. Т. Пашуто приступает к написанию глав, посвященных пражскому научному центру эмиграции. Над ними, а также главами по отдельным проблемам русской истории он продолжает работать и во второй половине 1970-х, и в начале 1980-х гг. По результатам этой работы В. Т. Пашуто делает доклады в секторе историографии Института истории СССР «Семинарий Н. П. Кондакова» и в Археографической комиссии «Пражский архив П. А. Остроухова», но опубликовать ни тот, ни другой не удается. Одновременно он начинает писать раздел о белградском центре, но, видимо, из-за недостатка материала прерывает работу над ним. К остальным частям задуманного труда В. Т. Пашуто не приступил. В 1983 г. его не стало.

По мере накопления архивного материала, проникновения в подчас трагические судьбы ученых-эмигрантов, по мере личного общения с некоторыми из них постепенно меняется и отношение самого В. Т. Пашуто к избранной теме. В написанных главах представленная им картина русской научной эмиграции несравненно сложнее и объективнее, нежели та, которая рисовалась ему в начале работы. Преобладающая часть научной эмиграции не имела отношения к антисоветской деятельности и в целом не участвовала в политической жизни, погруженная в научную и педагогическую работу. Ее материальное положение, как правило, было чрезвычайно тяжелым, и не могут не вызвать по меньшей мере сочувствия те поистине героические усилия, которые предпринимались, например, сотрудниками Института Кондакова для сохранения памятников русского прошлого, оказавшихся за рубежом, ценнейших книжных и документальных собраний и для их изучения. Эволюция отношения В. Т. Пашуто к объекту исследования нашла отражение и в изменении названия книги. Резкое «Под колесами истории» в конце 1970-х гг. уступило место более нейтральному «Историография обреченных», в котором ощущается сочувствие к людям, волею судеб оторванных от Родины, вынужденных вести повседневную борьбу за существование.

Книга В. Т. Пашуто осталась незаконченной. В его архиве собраны десятки и сотни копий документов, выписок из архивных фондов, различных материалов, освещающих деятельность и Пражского, и других центров русской научной эмиграции. Лишь незначительная часть их была использована В. Т. Пашуто или смогла быть включена в данный том. В него вошли по преимуществу материалы, подготовленные к печати, хотя бы частично, самим В. Т. Пашуто. Это в первую очередь главы планировавшейся монографии, перепечатанные набело еще при его жизни (исключение составляет небольшой раздел о Русском научном институте в Белграде). В Приложениях к главам публикуется биобиблиография русских историков-эмигрантов по русской истории до 1861 г., которой В. Т. Пашуто придавал большое значение и над сбором материала для которой работал вплоть до своей смерти. В этой работе ему помогал А. В. Назаренко, который осуществил сверку библиографии для настоящего издания. Биографические сведения пополнены Е. А. Мельниковой.

В Приложении II помещен текст неопубликованной статьи В. Т. Пашуто «Пражский архив П. А. Остроухова», написанной в 1975—1976 гг. В Приложении III — описи полученных В. Т. Пашуто архивов. Приложение IV составляют воспоминания Н. Н. Алексеева, присланные В. Т. Пашуто зятем П. А. Остроухова В. М. Котрубенко. В Приложение V включены биографические материалы, привезенные или присланные В. Т. Пашуто, или подготовленные им самим.

Второй раздел настоящего издания составляет переписка В. Т. Пашуто с русскими историками-эмигрантами, членами их

семей, советскими и зарубежными историками по вопросам русской зарубежной историографии — ценнейшее свидетельство огромной работы В. Т. Пашуто по сохранению и изучению русского научного наследия за рубежом. К сожалению, из-за ограниченности объема книги составителям удалось включить лишь небольшую, наиболее существенную для данной темы, часть эпистолярного наследия В. Т. Пашуто. Публикация переписки сопровождается примечаниями, подготовленными Е. А. Мельниковой.

Издание завершает указатель личных имен. Подготовка издания к печати осуществлена М. К. Шацилло.

Е. А. Мельникова

Обозрение личного фонда члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук В. Т. Пашуто

Архив В. Т. Пашуто передан на постоянное хранение в Архив Академии наук СССР его вдовой Н. А. Тарасевич в 1987 г. В ходе научно-технической обработки личного фонда В. Т. Пашуто (№ 1890) были сформированы дела, которые, согласно принятой в Архиве АН СССР традиции, объединены в следующие подразделы:

1. Научные труды.
2. Материалы научно-организационной и преподавательской деятельности.
3. Биографические документы.
4. Фотодокументы.
5. Переписка.
6. Материалы других лиц.

Научные труды. Поскольку В. Т. Пашуто не сохранял в своем личном архиве рукописи увидевших свет трудов, в данном разделе отложились в основном неопубликованные работы, варианты или фрагменты, не вошедшие в окончательный текст, подготовительные материалы, наброски. Из опубликованных монографий представлены только полные переводы на немецкий язык книг «Образование Литовского государства» (опубликована на русском языке в 1959 г.) и «Внешняя политика Древней Руси» (опубликована на русском языке в 1968 г.), а также русский текст литовского издания книги «Образование Литовского государства»

(1971 г.), несколько отличающийся от вышедшей в Москве монографии.

В архивном фонде сохранились подготовительные материалы (выписки из источников и литературы, планы, наброски, заметки) к монографиям: «Помезания» (М., 1955), «Образование Литовского государства» (М., 1959), «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968), «Александр Невский» (М., 1974, 2-е изд. М., 1975) и др.

Наиболее обширный комплекс составляют материалы, собранные В. Т. Пашуто для написания монографии о русских историках-эмигрантах, главы из которой публикуются в данном томе. Значительное количество материалов, однако, не было использовано. Наряду с черновыми вариантами и набросками здесь содержатся многочисленные выписки из писем и документов (протоколов заседаний, отчетов организаций и т. п.), светокопии документов, оригиналы которых находятся в архивах ЧССР (Главного архива г. Праги, Архива Министерства иностранных дел, Национального музея, Архива г. Брно и др.).

Более полно представлены статьи и заметки (как в завершенном виде, так и подготовительные материалы, наброски к ним). Среди них «Битва под Ярославом 1245—1945 гг.» (заметка 1945 г.), «Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова» (опубликована: ИЗ. 1947. Т. 24, машинопись с правкой), «Поволжские вотчины боярина Б. Н. Морозова», «Ленинская экономическая платформа партии большевиков» и другие рефераты для сдачи кандидатских минимумов (машинопись, 1951 г.), «А. А. Шахматов — буржуазный источниковед» (опубликовано: ВИ, 1952. № 2, подготовительные материалы, приложение — письмо-отзыв А. Сидорова), «Принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики» (вариант статьи, машинопись, 1958 г.), «Как русский народ отстоял свою землю от немецких и датских рыцарей» (машинопись, 1959 г.), «Славная годовщина. 550-летие Грюнвальдской битвы» (машинопись, 1960 г.), «Исторический жанр. Пути творческого содружества историков и писателей» (машинопись, 1969 г.), «Значение феодальной раздробленности в истории Руси» (машинопись, 1971 г.), «О партийности источниковедения» (статья, машинопись, 1971 г.), «Политические взаимоотношения Руси, Литвы и Германии в XIII в.» (статья, машинопись. Опубликовано на немецком языке, 1974), «От средневековья до середины XIX в.» (статья, машинопись с правкой, 1979 г.), «Победы народа и его исторические традиции (Исторические традиции в судьбах народа)» (вариант статьи, машинопись с правкой, 1980 г.), «Некоторые проблемы отечественной истории на XV МКИН» (наброски статьи, машинопись с правкой, 1980 г.), «О кренделях профессора И. Я. Фроянова» (статья, машинопись, 1982 г.) и др.

В разделе научных трудов отдельно группируются тексты докладов и выступлений В. Т. Пашуто, среди которых сохранились

и непубликовавшиеся, например, «Начальный период в истории русского феодализма» (конспект доклада на сессии Академии наук СССР 19. V. 1952, автограф), «Товарное производство на Руси (до XVII века)» (доклад на теоретической конференции сектора феодализма Института истории СССР АН СССР 8. X. 1953 г., основные выводы которого изложены в одноименной статье, опубликованной: ВИ. 1954. № 1), тезисы к докладу «Некоторые вопросы истории борьбы народов нашей страны в Восточной Европе за независимость в XIII веке» (машинопись, 1954 г.), конспекты выступлений на XIII МКИН в Москве (автограф, машинопись, 1970 г.) и др.

Очень полно представлены в фонде написанные В. Т. Пашуто за период 1948—1982 гг. отзывы, рецензии, замечания на диссертации, статьи, учебники, монографии по социально-экономической и политической истории России периода феодализма, труды по истории культуры и другим проблемам. Общее число этих материалов превышает 1,5 тысячи единиц, сгруппированных в трех архивных делах (часть I — 1948—1955 гг., часть II — 1956—1967 гг., часть III — 1968—1982 гг.). В этом же подразделе отложились заключения об исторических художественно-литературных произведениях: о романах А. Югова «Даниил Галицкий», «Светоносцы», сочинении Н. П. Кончаловской «Наша древняя столица» и др., а также заметки о произведениях исторической художественной литературы, вышедших в 1950—1960 гг., заключения о научных трудах некоторых историков (К. Г. Гуслистого, Ю. И. Жюгжды, Я. Я. Зутиса, Г. Ловмяньского и др.).

В разделе «научные труды» имеется несколько дел, представляющих собой разнородные материалы (заметки, наброски, выписки, подборки документов), объединенные по тематическому принципу, например: «Мысли по поводу принципа историзма» (наброски, автограф, 1950—1960 гг.), «О генезисе феодализма» (выписки из произведений классиков марксизма-ленинизма, работ историков, наброски, автограф, 1952—1957 гг.), «О западноевропейских художниках» (заметки, наброски, автограф, 1959—1973 гг.), «О методологии источниковедения» (выписки, наброски; автограф, машинопись, 1964—1971 гг.), «Художественная литература и публицистика о своеобразии исторических путей России» (выписки, заметки; автограф, 1970 г.) и др.

Материалы научно-организационной и преподавательской деятельности В. Т. Пашуто можно разделить на несколько основных комплексов. Материалы по истории создания и публикации трудов В. Т. Пашуто составляют 21 дело. Это — документы по обсуждению монографий, статей, отдельных глав, докладов на заседаниях сектора феодализма Института истории СССР АН СССР (протоколы заседаний, заметки, конспекты выступлений, обсуждений), материалы о защите диссертаций, переписка с издательствами, редакциями, журналами по вопросам публикации трудов, издательские договоры.

27 дел освещают научно-организационную деятельность В. Т. Пашуто. Среди них — годовые отчеты, заявления и докладные записки в дирекцию Института истории СССР АН СССР по производственным вопросам, документы по работе в качестве члена Ученого Совета, заведующего сектором истории древнейших государств на территории СССР, материалы проверок и заключения о деятельности различных научных подразделений АН СССР, стенограммы выступлений В. Т. Пашуто при обсуждении трудов коллег, коллективных монографий и др.

Материалы по преподавательской деятельности В. Т. Пашуто представлены циклом из четырех лекций «Об основных проблемах русской медиевистики», прочитанных в ГДР (1961 г.), США (1964 г.), Австрии (1967 г.) и других странах (авторизованная машинопись, имеются переводы лекций на английский и немецкий языки): курсом лекций «История России в современной буржуазной историографии» и «История России периода феодализма», прочитанным в Московском областном педагогическом институте (1963—1969 гг.). Здесь же находятся заключения об итогах экзаменов в этом ВУЗе, подготовительные материалы для ведения студенческого семинара в МОПИ «Русская правда как исторический источник» (1970 г.).

Биографические документы представлены личными документами: дипломами (об окончании ЛГУ, кандидата и доктора наук, действительного заграничного члена Белостокского научного общества, премии им. Б. Д. Грекова), справками, удостоверениями, членскими билетами и др. Здесь же сохранились отзывы о научной деятельности В. Т. Пашуто и его отдельных трудах, характеристики.

В данный подраздел входит и юбилейно-поздравительная документация (в том числе шутливые новогодние поздравления, поздравления в связи с избранием в члены-корреспонденты АН СССР, пригласительные билеты на приемы в иностранные посольства, в исторические общества, статья в стенной газете «К 60-летию Владимира Терентьевича Пашуто» и пр.).

Фотодокументы личного архивного фонда В. Т. Пашуто представлены 284 фотографиями, объединенными в 25 дел. Здесь — фотопортреты В. Т. Пашуто, его жены Н. А. Тарасевич, ближайших родственников, друзей, коллег-историков, сотрудников Института истории СССР АН СССР. Сохранились и групповые снимки, отражающие многие этапы жизни В. Т. Пашуто — детские годы, период учебы в средней школе и ЛГУ, семейную жизнь, работу в Академии наук СССР и др.

Переписка составляет значительную часть архивного фонда — 315 дел. Поскольку В. Т. Пашуто, начиная с середины 1960-х гг., удалось сохранить все письма, направленные ему, а также отпуска, или копии писем, написанных им, общее количество писем, открыток, телеграмм насчитывает свыше 5 тысяч. Среди адресатов и корреспондентов В. Т. Пашуто — зарубежные и отечественные историки, деятели искусства и культуры.

Документы других лиц в основном представлены материалами, собранными В. Т. Пашуто в связи с подготовкой труда о русских историках-эмигрантах. Часть из них публикуется в настоящем томе. Это — воспоминания Н. А. Алексеева (см. Приложение IV) и Н. В. Манохина, автобиографии и биографии ряда историков (см. Приложение V). Среди этих материалов особое место занимает подготовленная к печати, но не опубликованная рукопись монографии П. А. Остроухова «Средняя Азия на Нижегородской ярмарке» (1832—1917 гг.)» (324 стр.).

М. К. Шацилло

В. Т. ПАШУТО. ГЛАВЫ ИЗ МОНОГРАФИИ

Глава I

Русские историки за рубежом
Предварительные замечания

1. Историографическое наследие историков-эмигрантов

Четверть века — таков срок, отпущенный историей той историографии, которая сложилась в среде двухмиллионной [1], самой многочисленной из когда-либо бывших, русской эмиграции. Своими корнями эта историография в основном восходит к школе В. О. Ключевского. Труд М. В. Нечкиной — классический пример оценки корифея русской досоветской исторической науки [2] — побуждает к изучению судеб оставленной им школы, не менее важного наследия, чем его собственные исторические исследования. Судьба этой школы после Октябрьской социалистической революции сложна, подчас трагична. Революция расколола эту школу. Одна часть учеников В. О. Ключевского приняла марксистско-ленинское мировоззрение и вошла в советскую историографию [3], другая — отвергла революцию, оказалась за рубежом и там в 1920—1945 гг. в основном завершила свое существование. Думается, что пришла пора прагматично оценить сделанное ею от имени России для мировой исторической науки. Это может оказаться и полезным, и поучительным.

Волею судеб за рубежом оказалось немало (около 90) историков—исследователей феодальной эпохи в широком смысле: собственно истории, истории культуры, историографии, вспомогательных исторических дисциплин, а также — византиноведения, востоковедения, антиковедения, славистики, литуанистики, скандинавистики, касавшихся истории России. Все они считали себя историками [4]. Следовательно, изучению подлежит историографическое наследство весьма значительной группы ученых, в которой можно обнаружить широкий спектр взглядов, подкрепляемых научной и политической деятельностью.

Это, прежде всего, сочинения тех русских ученых-эмигрантов, политические взгляды которых находили воплощение в научных изысканиях, получив широкое официальное признание за рубежом. Г. В. Вернадский и М. М. Карпович стали столпами новейшей историографии США [5]; сочинения П. Н. Милюкова, П. Б. Струве, а также евразийцев вошли важным составным элементом в исто-

риографию ФРГ, питая концепцию «европеизации» России [6]; теософы Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, церковные историки А. В. Карташев, С. Н. Булгаков и др. продолжают считаться апостолами русской философии истории [7].

Именно в исторических схемах этого круга авторов феодальная Россия предстает отсталой страной, куда вплоть до петровских преобразований не проникал свет западной культуры. Чуждая Европе Русь становится исходным пунктом родословной Октябрьской революции. Вспомним вывод П. Б. Струве: «...большевистский переворот и большевистское владычество есть социальная и политическая реакция эгалитарных низов против многовековой социальной и экономической европеизации России» [8].

Буржуазные правительства видели в ученых-эмигрантах не только антисоветскую идеологическую силу, но и долгодействующее средство подготовки будущих противников СССР. При создании Союза русских академических организаций за границей с центром в Праге и представители правительства ЧСР — Э. Бенеш и др., и сами эмигранты формулировали в качестве основной цели подготовку молодежи «в интересах будущей судьбы русского народа... и ... сохранение духовных сил для строительства Новой Великой России» [9]. В результате за рубежом начали обучение 12 тыс. студентов, из них 2 тысячи — в ЧСР [10].

Состав эмигрантов-историков не исчерпывался, однако, группой активных борцов с «Совдепией». Было среди них и другое течение, представители которого, как правило, занимались конкретными сюжетами и, оставаясь буржуазными учеными, ставили поиски истины выше активной защиты догм антисоветизма. Естественно, что нам дороги и зарубежные страницы отечественной истории, если они написаны научно. А таких страниц было создано немало, особенно к концу рассматриваемого периода, когда старая белая эмиграция погибла под колесами истории.

Приведу несколько примеров.

Мировой известностью и широким признанием на Родине пользуются разыскания известного востоковеда Владимира Федоровича Минорского (1877—1966 гг.), работавшего в Англии. Его труды по истории Руси и Кавказа не раз печатались в СССР [11]. Он передал свой архив отчизне, а многолетняя помощница ученого Т. А. Минорская перевезла из Кембриджа в Москву и похоронила на Новодевичьем кладбище его прах.

Глубокий след в историографии русско-чешских связей оставил профессор Карлова университета (Прага) Антоний Васильевич Флоровский (1884—1968 гг.) [12]. В послевоенные годы он, приняв советское гражданство, тесно сотрудничал с советскими учеными. После его кончины его вдова, В. А. Флоровская, прислала в дар Архиву АН СССР часть рукописного наследия ученого (другая часть передана Славянской библиотеке в Праге) [13], а также завещала все состояние Институту истории СССР АН СССР для подготовки аспирантов по истории Руси и славянства.



Н. А. Бердяев

В Югославии основы научного византиноведения заложил Георгий Александрович Острогорский (1902—1976 гг.) [14]; недавно там издано полное собрание его трудов [15], среди которых немало ценных и для историка России. И по сей день плодотворно трудится в Югославии (Скопле) известный славист, историк права и археограф Владимир Алексеевич Мошин, поддерживающий тесные творческие связи с учеными на Родине [16].

В Софийском университете доныне работают ученики известного историка культуры Петра Михайловича Бицилли (1879—1953 гг.) и славяноведа, члена Болгарской академии наук Михаила Георгиевича Попруженко (1866—1944 гг.), в Братиславском университете — декана факультета и исследователя русских летописей источниковеда Евгения Юлиановича Перфецкого (1888—1947 гг.) и крупного знатока славянского права Осипа Осиповича Маркова (1890—1976 гг.). На протяжении интересующего нас времени судьбы историков-эмигрантов резко менялись, вспомним Р. Ю. Виппера, Д. Н. Святополк-Мирского, Л. П. Карсавина, П. Г. Богатырева и др., завершивших свой жизненный путь на Родине.



В. Ф. Минорский

Но и среди тех, кто работал и умер за границей, немало выдающихся имен, из которых назову для примера историка искусств Н. П. Кондакова (Прага) [17]. Н. П. Кондаков был первым, кто включил древнерусское искусство в мировой исторический процесс, поставил вопрос о воздействии на него скифского, римского, готского, скандинавского, но, особенно, византийского и восточного искусства, стараясь проследить генетические связи и в археологическом, и в историческом материале. Им же был создан средневековый отдел в Эрмитаже. К его школе, если следовать М. И. Ростовцеву, относились Д. В. Айналов, А. Н. Шукарев, Я. И. Смирнов, С. А. Жебелев, В. А. Тураев, Г. Ф. Церетели, Б. В. Фармаковский. Размежевание советских ученых с этой школой в эмиграции шло медленно и болезненно. Не случайно в сборнике-манифесте, посвященном Н. П. Кондакову, участвовали и С. А. Жебелев и И. И. Толстой [18]. Сам Кондаков (он уехал в Константинополь в 1920 г.) в написанных еще в Одессе незаконченных воспоминаниях считает себя сторонником революции, однако видящим «полную неподготовленность русского народа к самостоятельной политической и общественной деятельности» [19].

Историком «смутного времени» был С. А. Коновалов (Кемб-



Г. А. Острогорский

ридж), выдающимися славистами — А. Л. Погодин (Белград) [20] и А. В. Соловьев (Женева) [21]. А. Л. Погодин особенно много сделал для изучения истории русско-сербских связей [22]. Признанный знаток истории Нижегородской ярмарки П. А. Остроухов (1885—1965) печатался и в СССР [23], его обширный архив был также передан семьей в распоряжение ЦГАОР (см. Приложение II).

Широко известны историко-картографические труды Л. С. Багрова. Членом-корреспондентом АН СССР был избран в 1927 г., ставший в эмиграции профессором Лейпцигского университета известный русский скандинавист Ф. А. Браун. Отлично известны специалистам труды историка права В. А. Рязановского и выдающегося археографа, десятилетиями печатавшего зарубежную «Россику», Е. Ф. Шмурло, Н. Т. Беляева, видного металловеда и вместе с тем автора интересных исследований по метрологии и истории русско-скандинавских отношений. Думаю, что сказанного достаточно: историографическое наследие этих людей заслуживает изучения.

Говоря о деятельности ученой эмиграции в ЧСР, не следует забывать и Братиславу, где в Университете им. Я. А. Коменско-



Е. Ю. Перфецкий

го прошли годы интенсивной научной деятельности Евгения Юлиановича Перфецкого и Осипа Осиповича Маркова.

Выпускник и доцент Киевского университета (1919—1921) Е. Ю. Перфецкий поначалу был ассистеном Карлова университета (1921—1922 гг.) затем (с 1922 г.) доцентом, а позже (с 1934 г.) и вплоть до кончины (1947 г.) — профессором университета Братиславы. Здесь на кафедре философского факультета он вел курсы и семинары по истории России, Карпатской Руси, Восточной Европы. Им подготовлено немало специалистов в области просвещения и науки, среди его учеников такой видный современный историк Словакии, как Петр Раткош, которому я обязан ценными сведениями по историографии эмиграции.

Е. Ю. Перфецкий хорошо известен в нашей науке как исследователь русской, польской и немецкой хронографии [24]. Последователь А. А. Шахматова, он развивал его формально-текстологические идеи, что, впрочем, не помешало ему провести немало ценных текстовых сопоставлений. Хотя на запрос начальника братиславской полиции о его лояльности деканат дал ему отличную характеристику (1927 г.), жизнь его не была легкой, и тот же деканат, ходатайствуя о дотации Перфецкому, отмечал, что его жена



О. О. Марков

с семьей «жила в большой финансовой нужде». Министерство выдало им 300 крон. Став профессором, Перфецкий мог сосредоточиться и на истории Карпатской Руси, получив на это дополнительные часы. В научный оборот давно вошли карпатские штудии Перфецкого, особенно по исторической топонимике, например о комитатах Ужгорода и Берега.

Осип Осипович Марков (1890—1976) — весьма эрудированный исследователь славянского права. Уроженец Львова, он был польским подданным. Учился на факультетах права сперва в Вене, затем во Львове, где стал доктором правоведения (1913) и начал юридическую практику. События войны принудили его к отъезду в Россию, здесь он учился у Зигеля, с началом гражданской войны попал в Донской университет (Ростов-на-Дону), затем — в Париж и, наконец, в ЧСР. После службы по юридической части в Ужгороде и Мукачеве Марков поступил в Карлов университет на Русский юридический факультет к П. И. Новгородцеву, где под руководством К. Я. Кадлеца получил степень магистра. Читал русское и сербское право. С 1929 г. Марков — доцент Братиславского университета, а с 1931 г. и до выхода на пенсию (1951 г.) — профессор славянского и всеобщего права. Это был весьма автори-

тетный правовед ЧСР. Я имел возможность лично узнать этого интересного ученого (в 1974 г.), большого знатока не только чешского, но и немецкого, польского и венгерского права, широко применявшего сравнение норм и институтов, и даже воспользоваться его ценными замечаниями по истории помезанского и корчульского права. Рад, что мне удалось ввести в нашу историографию некоторые его труды (например, о славянском праве судебного розыска — «сока»)[25]. Работу в Братиславе мне во многом облегчала постоянная готовность коллег помочь — это относится и к Р. Марсине, и к О. Галаге, а в архиве, как записано в моем дневнике, я «обработал три дела и пожал восемь рук»[26].

Мы обеднили бы отечественную науку, оставив в забвении имена ученых, посильно служивших ей в условиях, подчас очень нелегких. Если мы по достоинству ценим сделанное А. А. Алехиным, И. А. Буниным, С. В. Рахманиновым, Ф. И. Шаляпиным, а также труды ученых: зоолога К. Н. Давыдова, знатока сопротивления материалов С. П. Тимошенко, этнографа А. А. Башмакова и других деятелей русской зарубежной культуры, то нет оснований делать исключение для историков[27], тем более изучавших далекую древность и средневековье. Их труды — не американское или «европейское», а наше научное наследство. Раз это наследство — наш долг в нем разобраться и выяснить, что и как мы наследуем.

2. Изучение эмигрантской историографии

Доныне в международной историографии подобного обобщающего исследования нет, хотя отдельные опыты историографии «зарубежья» предпринимались неоднократно как в среде самой эмиграции, так и в иностранной науке. К первым относятся обширные статьи А. В. Флоровского, специально посвященные исторической науке[28]. Сочинения И. И. Гапановича[29] и П. Е. Ковалевского[30] освещают нашу тему в рамках «истории культурно-просветительной работы русского зарубежья». Ценность этого рода трудов несомненна: они помогают восстановить фактическую канву условий жизни и творчества историков. Но источниковедческая их методика очень несовершенна, она сближает их с мемуарным жанром, что и понятно: при скудости разноязычной информации и разбросанности многих авторов по свету приходилось пользоваться тем, что было доступно. Выходили книги и о деятельности эмиграции (в том числе и ученой) в разных странах[31].

Позднее к этой теме обратились иностранные исследователи в Германии, Франции, Англии, США. Делались попытки осветить творческий путь отдельных историков (тому пример книга П. Стюарда о П. Н. Милюкове[32], Р. Пайпса — о П. Б. Струве[33]), целые направления (как это в общем удачно сделал О. Бёсс относительно евразийцев[34], а Л. Г. Райнлендер — кондаковцев[35]), а также — доктрины[36], наконец значение русской эмигра-

ции для той или иной страны вообще [37] и для ее исторической науки в частности [38].

В историографии восточноевропейских стран тоже выходили работы, посвященные и русской послереволюционной эмиграции вообще [39], и ее деятельности в отдельных странах [40], и творчеству ряда историков-эмигрантов — Ф. А. Брауна, Н. П. Кондакова, В. А. Францева [41] и, наконец, отдельным трудам историков-эмигрантов — Г. В. Вернадского [42].

Пока что не разработана периодизация этой историографии. Сами эмигранты-историографы были склонны не ограничивать ее 1920—1945 гг. и делили ее историю на три неравных этапа: первый — от возникновения (1920) до начала второй мировой войны; второй — 1939—1945 гг., когда «всякая деятельность русских организаций была или совсем прекращена или сведена до минимума», и затем искусственно продолжали ее жизнь в этап третий, когда число зарубежных русских «сократилось. . . почти в пять раз»[43] и после второй мировой войны была создана историография из сочинений лиц, оказавшихся за рубежом в послевоенные годы.

Иностранные историографы (например Г. Хальм [44], Р. Вильямс) со своей стороны готовы вообще отрицать специфику этой историографии, видя в ней часть потока русской дореволюционной эмиграции, уходящей корнями в XIX век. Подобный подход далек от истины, ибо русская эмигрантская историография 1920—1945 гг. имеет свои закономерности возникновения, развития и упадка, органически связанные с нарастающим кризисом мирового капитализма.

Эмигрантская историография — явление неоднородное и имеющее множество своеобразных черт в зависимости от судеб страны пребывания, но в целом ее история может быть поделена на следующие три периода: первый — до начала кризиса капитализма (1920—1929 гг.), второй — до начала второй мировой войны (1929—1939 гг.) и третий — до ее конца (1939—1945 гг.). Оценка творчества историков должна быть, разумеется, индивидуальной, но факты свидетельствуют, что к началу кризиса, когда резко ухудшилось финансирование эмигрантских центров, появились явные признаки разброда в их среде, а к концу войны произошли и решающие перемены [45].

После победы над фашизмом историки-эмигранты, бывшие в странах, избравших социалистический путь, вновь пережили то же, что и после Октябрьской революции. На этот раз произошло их новое расслоение: одни влились в новую ученую среду, другие — вновь эмигрировали. Первые принесли несомненную пользу науке и образованию в социалистических странах, вторые, не создав ничего значительного, растворились в крупных центрах США и ФРГ. Собственных научных институтов они там уже не создали, и даже деятельность печально знаменитого Мюнхенского института изучения СССР (1950 г.), прекратилась в 1972 г.[46] К этому добавим, что расслоение эмигрантской историографии началось

еще до войны, когда в СССР возвратились Д. Н. Святополк-Мирский, Н. В. Устрялов и др. Расслоение усилилось с началом войны фашистской Германии против СССР. Отдельные историки были объективно нашими союзниками во второй мировой войне, участвуя в движении Сопротивления; так, этнографы А. Левицкий и Б. Вильде были расстреляны в 1943 г. фашистами, в честь Б. Вильде названа улица в Фонтенэ-о-Роз [47].

3. Научно-учебные организации и печать

Деятельность историков-эмигрантов протекала в странах Европы — Чехословакии, Франции, Англии, Югославии, Германии, Бельгии, Болгарии, Румынии, а также Латвии, Литве, Эстонии, кроме того — в Китае и США. Научная деятельность направлялась русскими академическими группами. При финансовой поддержке правительств ЧСР и Франции они собирались в количестве 400 человек из 16 государств на свои I и II Съезды русских академических организаций за границей в Праге в 1921 и 1922 гг. Центр, Правление Союза РАОЗ находился тоже в Праге, а руководящие политические органы эмиграции размещались в Париже. Высшие учебные заведения, разрабатывавшие русскую тематику, были созданы лишь в трех центрах — Праге, Париже и Харбине.

В Праге при первоначальном обилии научно-учебных организаций, поддержанных правительством ЧСР, возникли и периодические издания. Здесь, при Карловом университете, работал Русский юридический факультет (1922—1929 гг.), Русский народный (позднее — свободный) университет (1925—1944 гг.), Семинар им. Н. П. Кондакова (1925—1945 гг.) и др. Русская профессура наладила выпуск «Научных трудов» университета [48], в которых было опубликовано немало работ и по русской истории. Особенно известным изданием, получившим международное признание, стали труды «Семинара им. Н. П. Кондакова» [49], а также выпущенные им две серии (семь томов публикаций по иконографии — Ζωγραφικά и по археологии кочевников — Σκυθικά) [50], и уникальное четырехтомное издание русских икон [51]. Выходили в Праге и сборники, вроде «Записок Русского исторического общества» [52].

В Париже из семи русских высших учебных заведений с исторической тематикой были связаны русские отделения при Парижском университете (1921—1941 гг.) и Русский юридический факультет, но своих печатных органов они не имели, как не издавал своих трудов и парижский Русский народный университет (с 1921 г.). Силы местной эмиграции сосредоточивались на проблемах теософии, богословия, искусства. Органом этого рода деятелей, имевших целью, по определению Н. А. Бердяева, «подготовку духа», был журнал «Путь» [53]. К культурно-пропагандистской работе местная академическая группа привлекала историков-эмигрантов из других стран [54]. Русский юридический факуль-

тет в Харбине (1920—1929 гг.), третье высшее учебное заведение, издавал «Известия»[55], но историков здесь было совсем немного — крупный знаток истории права народов Востока В. А. Рязановский и Н. П. Устрялов, несколько специалистов по всеобщей истории.

Но были страны, где существовали русские научные институты, издававшие либо свои серийные труды, либо сборники. В Белграде такой институт опубликовал за 1930—1941 гг. семнадцать выпусков «Записок»[56], в которых из историков представлены члены Болгарской академии наук Ф. В. Тарановский, правовед Е. В. Спекторский, слависты А. Л. Погодин, А. В. Соловьев, М. Н. Ясинский и др. Исторические работы печатало в своих сборниках и тамошнее Русское археологическое общество (возникло в 1921 г.)[57]. В Берлине Русский научный институт просуществовал недолго (1923—1931 гг., с 1926 г. учебная работа в нем прекратилась), но местная академическая группа выпустила три тома «Трудов»[58]. Долговечнее других оказались «Оксфордские славянские записки», основанные в Англии С. А. Коноваловым; они выходят и поныне[59]. С самого начала они издавались на английском языке и постепенно вошли органической частью в британское славяноведение. Для исторической географии весьма полезным оказался организованный Л. С. Багровым ежегодник «Образ мира», выходящий в Лондоне[60]. Печатались историки и в «Трудах» съездов РАОЗГ. Таких съездов было пять (1921—1932 гг.), из них первые два — организационные[61], материалы третьего не публиковались, а в следующих немало работ историков, которые неплохо отражают и методологию, и тематику их интересов[62].

Участвовали эмигранты и в международных конгрессах историков. Уже VI МКИН в Осло (1928 г.) по настоянию советской делегации рассматривал их лишь как представителей стран пребывания[63]. Впрочем, с докладами они выступали лишь начиная с VII МКИН в Варшаве (1933 г.): Ю. Бруцкус («Хазары и Киевская Русь»), П. Н. Савицкий («Евразийская концепция русской истории»), П. Б. Струве («Феодальные элементы в социальной и политической структуре Московского государства»), А. В. Флоровский («Несколько наблюдений к истории торговых отношений между Чехией и народами Восточной Европы»)[64]. На VIII МКИН (1938 г.) в Цюрихе выступали Г. В. Вернадский («Феодализм в России»), И. И. Лаппо («Кодификация литовского права в XVI в.»), Е. Ю. Перфецкий («Взаимоотношение польской средневековой анналистики с немецкой и русской»), А. В. Флоровский («Чешско-моравские иезуиты в Восточной Европе»)[65]. На IX МКИН, проходившем в Париже (1950 г.), из эмигрантов выступил лишь А. В. Флоровский («Петр Великий и Австрия. Страницы истории дипломатии») и то как профессор Пражского университета, имевший к тому же с 1946 г. советский паспорт[66]. Советские историки в этом конгрессе не участвовали[67].

Наконец, историки широко печатались как в эмигрантской, так и в иностранной журнальной и газетной периодике. Крупнейшие из исследователей издали свои книги и сборники статей. Составить о них представление помогают специальные библиографические пособия, созданные в самой эмиграции, а труды наиболее видных среди них отражены в упомянутом славяноведческом библиографическом справочнике [68]. Имеются и специальные библиографии работ таких историков, как Г. В. Вернадский, А. А. Кизеветтер, В. Ф. Минорский, А. В. Соловьев, П. Б. Струве, Е. Ф. Шмурло и ряд других.

Для лучшего понимания и периодизации эмигрантской историографии, ее организации и, в конце концов, ее социальной функции целесообразно коснуться ее места в структуре эмигрантских учреждений, созданных по окончании гражданской войны в СССР за рубежом с благословения правительств стран Антанты. Для примера возьмем главный академический центр, возникший в Чехословакии.

Правительство ЧСР организовало известную Акцию русской помощи (ниже — АРП), в которой слились воедино помощь эмигрантам и голодающим в России. Здесь не место разбирать деятельность АРП, но стоит отметить, что продиктована она была далеко идущими притязаниями чехословацкой буржуазии. В Приложении к отчету той секции МИД Чехословакии, в ведении которой находилась АРП, за 1931 г., когда Акция шла к бесславному концу, читаем, что она была «признана акцией чисто политической и на этом основании вспоможения отпускались прямо или отдельным русским эмигрантам или обществам, возникшим на территории ЧСР и руководимым лицами, широко известными и уважаемыми в рядах русской эмиграции или, наконец, обществам русских эмигрантов, образовавшимся с одобрения Министерства внутренних дел. Эти лица, соответственно организации могли распоряжаться указанными субвенциями по собственному усмотрению, а по их возвращении в восстановленную Россию должны бы были пропагандировать ЧСР как в области культурной, так и хозяйственной, а суммы, затраченные чехословацким правительством на их поддержку в эмиграции должны были быть возмещены приглашением чешской интеллигенции в Россию. . . и выделением государственных дотаций чехословацкой промышленности, которая бы имела перед промышленностью других государств преимущественное право» [69].

Среди держав Европы именно буржуазная Чехословакия, к тому же запустившая руку в золотой запас России [70], решила придать борьбе с большевизмом разносторонний характер под эгидой государства. Как грибы после дождя, стали расти среди допущенных в ЧСР примерно 22 тысяч русских эмигрантов [71] всевозможные организации: военных инвалидов и женатых студентов, казаков и писателей, музыкантов, инженеров и техников, но вершиной АРП была, конечно, Русская академическая группа во главе с инженером-профессором А. С. Ломшаковым, при участии таких

известных ученых, как П. И. Новгородцев, Д. Д. Гримм, А. А. Кизеветтер, П. Б. Струве, И. И. Лаппо, Е. Ф. Шмурло, Н. П. Кондаков, Н. В. Ястребов, М. М. Новиков и др. Среди них было немало и таких, которые активно боролись против Советской России и бежали от ее карающей руки, либо были высланы за ее пределы. Под эгидой группы возникли Русская народная библиотека (1921 г.), Русский юридический факультет (ниже РЮФ) при Карловом университете (1922 г.), Русский институт (1922 г.), Русский народный (с 28 апреля 1934 г. по присоединении к нему Русского научного общества и Русского культурно-исторического музея — свободный) университет (1923 г.), Русский заграничный исторический архив (1924 г.), Русское историческое общество (1925 г.) и др.[72]

АРП замышлялась на короткий срок, и правительство ЧСР поначалу не жалело на нее средств: ассигнования, начавшись с 10 млн крон [73] (1921 г.), перевалили за 300 млн (1926 г.), и это при устойчивости местной валюты. В числе правительственных мер было и приглашение для научной работы более 100 русских ученых-эмигрантов, которым были созданы вполне сносные материальные и жилищные условия [74]. Руководство эмиграции носилось с идеей создать в Праге «до падения большевиков центр русской зарубежной академической и учено-учебной жизни»[75], подобно тому, как в Германии до 1929 г. был основной центр монархизма [76]. Коммунисты Чехословакии энергично протестовали против поддержки правительством антисоветской эмиграции [77], передовые деятели интеллигенции (среди них известный историк З. Р. Неедлы) выступали за развитие культурных и научных связей с СССР [78]. Советское правительство и печать систематически, настойчиво разоблачали проэмигрантские действия правительства ЧСР [79].

Объективные условия вели эмиграцию к упадку. С началом экономического кризиса наблюдается непрерывное снижение правительственной поддержки эмигрантам и постепенное свертывание их научных учреждений. Положение эмигрантов хорошо иллюстрирует отрывок из письма бывшего ученого секретаря Русского юридического факультета (к этому времени уже ликвидированного) профессора П. А. Остроухова, который предлагает свои услуги жившему в США социологу П. А. Сорокину: «Положение русской профессуры в Праге становится все тяжелее и тяжелее. А положение семейных людей, к которым принадлежу и я, грозит стать прямо отчаянным; казенные стипендии по нескольку раз в год сокращаются, а достать здесь сторонний заработок сейчас, при общем сжатии расходов в учреждениях и безработице среди чехов, в высшей степени трудно»[80]. Это пишет опытный ученый-экономист, владевший семью языками, в том числе и чешским. Несколько лучше жили те, кто сумел уехать в США, но, впрочем, и оттуда Г. В. Вернадский писал: «По американским понятиям я — нищий»[81].

Архив Свободного университета, несмотря на его бодрый офи-

циальный отчет за 15 лет [82], хранит ясные свидетельства постепенного захирения — сокращения дотаций, числа филиалов в крупных городах ЧСР, лекций и т. п. Явный признак упадка — денационализация печатных трудов, когда все бо́льшее число публикаций «выходит на иностранных языках. Документы университета [83], как, впрочем, и архивные материалы разного рода студенческих и других организаций в ЧСР, показывают, что с укреплением СССР, установлением дружественных отношений между ним и ЧСР расчеты на реставрацию досоветских порядков в СССР пришлось отбросить, а, значит, отпала и надобность в кадрах эмигрантских администраторов — «просветителей». Подобная же картина наблюдалась и в Германии: оживление эмиграции до Рапалло сменилось (в связи с отказом немецких догитлеровских властей от ставки на вооруженную интервенцию с помощью монархистов) упадком ее культурно-просветительских организаций [84].

Фашистская оккупация ЧСР открыла последнюю и самую позорную страницу истории значительной части ученой эмиграции и, в частности, Русского свободного университета. В архиве П. А. Остроухова сохранились документы за 1939—1944 гг., показывающие, как из респектабельного научно-просветительского заведения с группой известных профессоров во главе университет превратился в орган протектората Чехии и Моравии, подчиненный находившемуся в Берлине начальнику управления делами русской эмиграции в Германии. Ректор университета профессор В. С. Ильин стал с 1939 г. уполномоченным «опорного пункта» в протекторате. Сперва с университетом связывались далеко идущие планы, он получил поддержку, и к нему потянулись все другие ученые организации эмигрантов Праги. Одно за другим, еще быстрее, чем возникали, исчезают эти имевшие громкие вывески заведения, вливаясь в университет: и Русское историческое общество (1940 г.), и Русская библиотека, насчитывавшая около 30 тыс. томов, и Русская детская школа и др. Набралось два десятка профессоров и столько же доцентов и преподавателей. В апреле 1943 г. университет даже переименовывают в «Русскую ученую академию». Однако победы Красной Армии сорвали все планы, и уже в отчете Президиума Куратория от 23 января 1944 г. читаем, что деятельность «Академии» в 1943 г. «в связи с ослаблением надежд на немедленное возвращение» в Россию сократилась [85]. Угодничество перед немецкими властями не спасло: 19 октября 1944 г. «Академия» была закрыта, а в феврале 1945 г. и сам ректор бежал в США.

По освобождении Чехословакии Красной Армией не покинувшие страну русские ученые сдали в архив Главного магистрата более 11 тыс. книг фонда Русской библиотеки. Сам университет не был восстановлен «из-за малого числа членов и недостатка денежных средств» [86], а 2 марта 1949 г. по просьбе бывшего руководства окончательно закрыт. Одна часть его архива вместе с наиболее ценными произведениями Русского культурно-исторического музея в Збраславе (с 1933 г.) трудами его организатора, пере-

жившего фашистский концлагерь, В. Ф. Булгакова, была возвращена в СССР, куда в 1949 г. вернулся и сам В. Ф. Булгаков[87]. Угас и Семинар им. Кондакова — часть редакции выехала в Югославию, где еще в 1940 г. был опубликован последний том «Seminarium Kondakovianum». Для возрождения издания после войны ученых сил уже не было. Это ясно из переписки А. В. Флоровского с Г. А. Острогорским[88]. Так закончилась академическая жизнь русских историков-эмигрантов в Чехословакии. Объединение академических организаций тоже перестало существовать. Их съезды более не созывались. Сходной была судьба академических групп и в других странах Европы и Азии[89].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 49; *Иоффе А. Е.* Внешняя политика Советского Союза, 1928—1932 гг. М., 1968. С. 164—167.

[2] *М. В. Нечкина.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974.

[3] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 239—367; М., 1966. Т. 4. С. 138—179.

[4] Русское историческое общество в Праге за девять лет существования, 1925—1934. Прага, 1934. С. 4.

[5] Russian Emigrants. Contribution to the Scientific and Cultural Life of America. N. Y., 1967; *Zernov N.* Russian Emigré Authors. A Bibliographical Index and Bibliography of their Works on Theology, Religious Philosophy, Church History and Orthodox Culture, 1921—1972. Boston, 1973.

[6] *Пашуто В. Т.* Реваншисты — псевдоисторики России. М., 1971. С. 21—39, 68—78.

[7] *Кувакин В. А.* Религиозная философия в России. М., 1980. См. также: *Zernov N.* Russian Emigré Authors.

[8] *Струве П. Б.* Размышления о русской революции // Русская мысль. София, 1921. С. 36.

[9] Съезды русских академических организаций за границей. Прага, 1923. С. 13, 16.

[10] *Руднев В. В.* Русское дело в Чехословацкой республике. Париж, 1924. С. 40.

[11] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963; *Он же.* Куда ездили древние русы // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 19—28. Библиографию его трудов см.: Iranica. Publications of the University of Teheran, 1964. Vol. 775. P. XI—XXV, а также некрологи: *Абаев В. И.* Памяти В. Ф. Минорского // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1967. Т. XXVI. вып. 4. С. 398—399; *Lang D. M.* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London, 1967. Vol. XXIX. Part 3. P. 694—699; *Boyle J. A.* // Journal of Asiatic History, 1967. Vol. I. Part I. P. 86—89; *Gershevitch I.* Professor Vladimir Minorsky // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1967. P. 1—2. P. 53—57.

[12] *Флоровский А. В.* Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. // ТОДРЛ, 1961. Т. XVII. С. 482—494; *Он же.* Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге // Там же, 1960. Т. XVI. С. 573—580. См. некролог: *Зайончковский П. А.* Антоний Васильевич Флоровский // ИСССР, 1969. № 2. С. 251.

[13] *Пашуто В. Т., Подъяпольская Е. П.* [Сообщение о материалах привезенного ими в Москву архива чешского слависта А. В. Флоровского] // ВИ, 1970. № 3. С. 160—161. [См. также ниже: Переписка. Письма № 116—117, 120—127. — *Примеч. сост.*].

[14] Библиографию трудов см.: *Mélanges G.* Ostrogorsky. Zbornik radova Vizantiskogo instituta. 1963/1964. Т. VIII. Č. I, S. VII—XVIII; *Острогорски Г. А.* Сабрана дела. Београд, 1963. Кн. I. С. VII—XVIII; см. также о нем: *Ferluga J.* Georg Ostrogorsky (1902—1976) // JGO. 1977. Bd. 25. H. 4. S. 632—636.

[15] *Острогорски Г. А.* Сабрана дела. Београд, 1963—1970. Кн. I—4.

[16] Библиографию трудов см.: *Štefanič V.* Vladimir Mošin. O 75 godini zivota // Slovo. Br. 18—19. Zagreb. 1969. S. 141—154 (за 1925—1969 гг.): Зборник Владимира Мошина. Београд, 1977. Р. 7—16 (по 1976 г.). [В. А. Мошин скончался в 1987 г.]

[17] *Успенский Ф. И.* Памяти Никодима Павловича Кондакова // Известия АН СССР. VI сер. 1926. Т. XX. № 9. С. 567—576 [см. также: *Кызласова И. Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России. М., 1985. С. 74—155; *Она же.* Академик Н. П. Кондаков: традиция и поиск // Byzantinoslavica, 1985. Т. 46. N. 2. S. 168—182. — *Примеч. сост.*].

[18] Никодим Павлович Кондаков, 1844—1924: К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага, 1924 (см.: статьи Л. Нидерле, Е. Миннса, А. Муньоса, М. И. Ростовцева, С. А. Жебелева, И. И. Толстого).

[19] *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. Прага, 1927. С. 21. См. также: с. 10, 20—21, 68.

[20] *Соловьев А. В.* А. Л. Погодин (К десятилетию со дня кончины) // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 23. М., 1958. С. 57—59.

[21] Его жена, Н. Н. Соловьева (Раевская), прислала из Женевы для передачи Архиву АН СССР часть рукописного наследия мужа. [См. ниже: Переписка, письма № 167—171. — *Примеч. сост.*].

[22] *Погодин А.* Руско-српска библиографjа. 1800—1925. Београд. Кн. I. Д. 1—2, 1932—1936. Члены семьи А. Л. Погодина участвовали в антифашистской борьбе: один из его сыновей был расстрелян фашистами, другой, сражавшийся в рядах народно-освободительной армии, ранен.

[23] *Остроухов П. А.* Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг. // Исторические записки. Т. 90. М., 1972. С. 209—243.

[24] *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1950. С. 64, 70—79 и др.; *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978. С. 3.

[25] *Пашуто В. Т., Шталь И. В.* Корчула. М., 1976. С. 104—105.

[26] Запись в ежедневнике за 1974 г. Материалы, относящиеся к деятельности названных ученых-эмигрантов, хранятся в Архиве университета им. Я. А. Коменского в Братиславе: Archiv Univerzity Kommenského. Osobne Spisy, Sign. B. E. Perfecky, Y. Markov.

[27] *Пашуто В. Т.* Сохранить для науки, для истории // Голос Родины. М., 1974. № 7 (1787). Янв.. С. 572—573.

[28] *Флоровский А. В.* Русские историки-эмигранты в Праге // Русские в Праге. Прага, 1928. С. 262—268; *Он же.* Русская историческая наука в эмиграции (1920—1930) // Тр. V съезда РАОЗГ. София, 1931. Ч. I. С. 467—484.

[29] Ср.: *Gapanovich I. I.* Russian Historiography outside Russia. An Introduction to the Study of Russian History. Peking, 1935; Idem. Historiographie russe (hors de la Russie). Traduction et notes par B. P. Nikitine. P., 1946.

[30] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971; *Он же.* Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Париж, 1973; ср.: *Адамович Г.* Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961.

[31] Русские в Праге. 1918—1928 гг. / Редактор — издатель С. П. Постников. Прага, 1928; *Маевский В. А.* Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966; *Окунцов И. К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967; Русские в Канаде (1867—1967). Лондон, 1967.

[32] *Steward P. E.* P. N. Milioukov, représentant de la tradition libérale russe. P., 1968.

[33] *Pipes R.* Struve: Liberal on the Left, 1870—1905. Cambridge (Mass.), 1970; Idem. Struve: Liberal on the Right, 1905—1944. Cambridge (Mass.), 1980.

[34] *Böss O.* Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961.

[35] *Rhinelander L. H.* Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // Canadian Slavonic Paprers. 1974. Vol. XVI. N 3. P. 331—352.

[36] *Koons Tilghman B.* Histoire des doctrines politiques de l'émigration russe (1919—1939). P., 1939.

[37] *Reynold G.* Les groupes académiques russes. Genève, 1923; *Fischer O.* Russian Emigré Politics. N. Y., 1951; *Volkmann H.-E.* Die Russische Emigration in

Deutschland. 1919—1929. Würzburg, 1966; Russian Emigrants. Contribution to the Scientific and Cultural Life of America. N. Y., 1967; *Williams R. C.* Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany, 1881—1941. N. Y.; L., 1972; *Halm H.* Achtzig Jahre russischer Geschichtsschreibung auβerhalb Ruβlands // JGO. 1957. Bd. 5. H. 1/2. S. 9—42.

[38] *Beyerly E.* The Europocentric Historiography of Russia. An Analysis of the Contribution by Russian Emirgé Historians in the USA, 1925—1955, concerning 19th Century Russian History. The Hague. P., 1973. Для стран, где не было русской периодики, соответствующие сведения имеются в специализированных библиографических пособиях. Для Болгарии (за справку о русских историках в Болгарии благодарю В. Тыпкову): Алманах на Соф. ун-т «Св. Климент Охридски» 1888—1939. София, 1940; Алманах на Соф. ун-т 1888—1928. София. 1929: Библиография на Софийския университет «Св. Климент Охридски». 1904—1942 / Съст. А. Ковачев. София, 1943. Ч. 1—2; Каталог на университетските издания. 1943—1946 / Съст. А. Ковачев. София, 1947; Библиография на изданията на Софийские университет / Съст. Ю. Василева. София, 1956: Опис на изданията на Българската Академия на Науките. 1869—1953 / Съст. Е. Събева, М. Станчева. София, 1956; Сто години Българска академия на науките. 1869—1969. София, 1969. Для Словакии: Univerzita Kommenského Prehlád professorov 1919—1966 // Prehlád Prácovisk, 1917—1948. Bratislava, 1968. Для англоязычных стран: A Select Bibliography of Works in English on Russian History. 1801—1919 / Compiled by D. Shapiro. Oxford, 1962; A Bibliography of Works in English on Early Russian History to 1800 / Compiled by P. A. Crowther. Oxford, 1969; Dictionary of American Scolars. Vol. I. History. 5th Ed. N. Y.; L., 1969.

[39] *Шкаренков Л. К.* Белая эмиграция: агония контрреволюции // ВИ. 1976. № 5. С. 100—120; *Он же.* Конец белой эмиграции // ВИ. 1979. № 8. С. 85—103; *Он же.* Агония белой эмиграции. М., 1981 [2-е испр. и доп. изд. М., 1986. — *Примеч. сост.*].

[40] В ценном славяноведческом словаре, изданном в ЧССР, мы встречаем среди авторов А. В. Флоровского, а среди имен — свыше 50 русских славистов-эмигрантов, работавших в Чехословакии. См.: Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972.

[41] *Свердлов М. Б.* Ф. А. Браун — исследователь скандинавских источников по истории Древней Руси // Скандинавский сборник. Таллинн, 1976. Вып. XXI. С. 221—224; *Лазарев В.* Никодим Павлович Кондаков. М., 1925 (см. также примеч. 17); *Лаптева Л. П.* В. А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Slavia, 1966, roč. 35. S. 1. С. 79—95; *Syllaba Th.* V. A. Francev. Bibliografický soupis védeckých prací s přehledem jeho činnosti. Praha, 1977 (с полной библиографией); *Полевой Б. П.* Двухтомная история картографии России Л. С. Багрова (до 1800 г.) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1979. № 5. С. 131—136.

[42] *Тихомиров М. Н.* Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского // ВИ. 1946. № 4. С. 124—129; *Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т.* Рец. на кн.: Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953 // ВИ. 1955. № 8. С. 180—186.

[43] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия, С. 16.

[44] Г. Хальм в довольно неполной статье (*Halm H.* Op. cit.) рассматривает эмиграцию с 1877 г., а XX в. ведет по десятилетиям, смешивая эмигрантов и неэмигрантов, т. е. отдает наших чужим. К XI МКИН появилась статья Р. Смаль-Стоцкого с призывом изучить все аспекты эмиграции в рамках специальной дисциплины «эмигрантоведения»; сам он делил ее историю на три периода: от революции до второй мировой войны, вторая мировая война, после второй мировой войны: *Smal-Stocky R.* Die Erforschung der Emigration aus dem russischen Imperium und ihre Aufgaben // JGO. 1960. Bd. 8. H. 2. S. 232—235). Более внимательные исследователи конкретного материала считали 1929 г. убедительной гранью периодизации (*Volkmann H.-E.* Op. cit., Vorwort. Ср.: S. 122 — таблица упадка эмигрантской периодики, S. 133 — упадок эмигрантских культурных заведений). И. И. Гапанович берет тему в рамках 1880—1935 гг. и выделяет: 1881—1905 гг. — выработка в монографиях русскими историками общей концепции, 1905—1918 гг. — наличие самостоятельной концепции,

1918 г. — до 1931 г. — попытки самостоятельной интерпретации русской истории (*Gapanovitch J. J.* Historiographie russe. p. 17—91).

[45] К концу войны даже такой заклятый враг Советского Союза, как П. Н. Милюков, прошедший немецкий концлагерь, высказался против фашистской агрессии (*Кувакин В. А.* Указ. соч. С. 222—224, 203—204), а безусловно враждебный марксизму Г. В. Вернадский оказывал материальную помощь СССР.

[46] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. С. 66—67.

[47] См. подробнее: *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. С. 176—177.

[48] Научные труды Русского народного университета. Прага, 1928—1933. Т. I—V; Записки научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. Прага, 1935—1939. Т. VI—XIV.

[49] Seminarium Kondakovianum (с тома IX — Annales d'Institut Kondakov — Анналы института имени Н. П. Кондакова). Прага, 1927—1939. Т. I—X; Белград, 1940. Т. XI. Тираж колебался от 1200 (поначалу) до 450—550 экз., из них 450 расходились по подписке. Изданию предшествовал выпуск сборника: Recueil-Kondakov. Recueil d'études didiées à la mémoire de N. P. Kondakov, Praha, 1926.

[50] Ζωγραφικά: Вып. I. *Анисимов А. И.* Владимирская икона Божией матери. Прага, 1928; Вып. II. *Беляев Н. М.* Икона Божией матери Умиления из собрания Солдатенковых. Прага, 1932; Вып. III. *Грабар А. Н.* Нерукотворный образ Ланского собора. Прага, 1930; в вып. IV готовилась к печати публикация Н. Л. Окунева. «Христос во гробе», которая, однако, не увидела свет. Σκυθικά. Вып. I. *Ростовцев М. И.* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929; вып. II. *Fettich N.* Bronzeguss und Nomaden kunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler, Mit einem antropologischen Anhang von L. Bartucz. Pr., 1929; Вып. III. *Рерих Ю. Н.* Звериный стиль у кочевников северного Тибета. Прага, 1930; Вып. IV. *Rhé Gy., Fettich N.* Jutas und Oskü. Zwei Gräberfelder aus der Völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem antropologischen Anhang von L. Bartucz. Pr., 1931.

[51] *Кондаков Н. П.* Русская икона. Прага, 1928, 1929, 1931, 1933. Т. I—IV; английский перевод: *Kondakov N. P.* The Russian Icon. tr. by E. H. Minss. Pr., 1928, 1929, 1931, 1933. Vol. 1—4.

[52] Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Вып. 1; 1930. Вып. 2; 1937. Вып. 3.

[53] Об эмигрантской философской периодике, в том числе и о журнале «Путь» см.: *Кувакин В. А.* Указ. соч. С. 129—139.

[54] См.: *Beyssac M.* La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920—1930). P., 1971.

[55] Известия Юридического факультета. Харбин, 1925—1929. Т. I—VII (по отечественной истории материал имеется лишь в т. III).

[56] Записки Русского научного института в Белграде, 1930—1939. Вып. 1—17 (истории посвящены вып. 1, 1930; вып. 3, 1931; вып. 5, 1931; вып. 7, 1932; вып. 9, 1933; вып. 13, 1935; вып. 17, 1939).

[57] Сборники Русского археологического общества. Белград. 1927. Т. 1; 1936. Т. 2; 1940. Т. 3; Юбилейный сборник Русского археологического общества. К 15-летию общества. Белград, 1936.

[58] Труды русских ученых за границей. Берлин, 1922. Т. I; 1923. Т. 2; 1923. Т. 3.

[59] Oxford Slavonic Papers, 1949. Vol. I ff. См.: *Кузьмина В. Д., Хорошкевич А. Л.* Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записках» (1950—1957. Т. 1—7) // ИССCP, 1958. № I. С. 202—213. По сообщению В. Г. Коренчевского, в Англии русский Народный университет, существовавший с 17 июля 1922 г., представлял собой курсы лекций, которые делились по трем циклам (общеобразовательный, исторический и «Россия») из 110 лекций всего (Съезды Русских академических организаций за границей. Прага, 1923. С. 127). Видимо, он был недолговечен, ибо профессор Д. Феннел, пытавшийся по моей просьбе навести о нем справки, следов этого университета не нашел. Здесь в 1926 г. читал доклад «Борис Годунов и Гаральд Годвинсон» Н. Т. Беляев (SK. Т. III. С. 268, примеч. 228).

[60] Imago mundi. L., 1937. Vol. I ff.

[61] Съезды Русских академических организаций за границей: 1-й съезд. 10—17 октября 1921 г. Прага; 2-й съезд. 9—16 октября 1922 г., Прага; 3-й съезд. 25 сентября—9 октября 1923 г., Прага.
[62] Труды IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. Ч. 1—2. Труды V съезда РАОЗГ. София, 1932. Ч. 1.
[63] В официальном списке делегаций числятся лишь А. К. Елачич (Югославия), П. Н. Савицкий (ЧСР), М. И. Ростовцев (США). См.: VI^e Congrès international des sciences historiques. Liste des membres. Oslo, 1928. P. 31.
[64] VII^e Congrès international des sciences historiques. Programme provisoire des travaux du Congrès. Varsovie, 1933. В списке участников значатся еще А. Грабар и М. И. Ростовцев (Liste des membres. Varsovie, 1933). В 1927 г. состоялась Конференция историков Восточной Европы и славянского мира в Варшаве. См.: Conférence des historiens des états de l'Europe Orientale et du monde slave. Varsovie, le 26—29 juin, 1927. Varsovie, 1927; см. также: SK. 1928. T. II. P. 349—352.
[65] VIII Internationaler Kongress für Geschichtswissenschaft. Arbeitsprogramm. Zürich, 1938.
[66] IX^e Congrès international des sciences historiques. Rapports. Louvain, 1950. Vol. I.
[67] *Дудзинская Е. А.* Международные научные связи советских историков. М., 1978.
[68] Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Вып. 1 (1920—1930 гг.). Белград, 1931; Вып. 2 (1930—1940 гг.), Белград, 1941; Československé práce. См. также ниже Приложение I.
[69] SÚA. AMZV. RPA. Rozpočty, Karton 40.
[70] См.: Kudela J. O ruském zlatém poklade a československých legiich. Pr., 1924; ср. *Joseph C.* Zlatý poklad // Tribuna. Praha. № 45 от 6 ноября 1974 г. S. 6.
[71] SÚA. AMZV. Politické správy. Karton 39 (из «Меморандума» представителей русских эмигрантских организаций в МИД ЧСР от 3 февраля 1932 г.).
[72] Официозный взгляд на этот процесс см.: *Руднев В. В.* Русское дело в Чехословацкой республике. Париж, 1924. Но и этот автор, потолковав о культурном единстве и пр., пишет о главном: «Наконец, активное участие Чехословакии в хозяйственном возрождении России представляется, с точки зрения национальных интересов последней, в высшей степени желательным» (с. 17).
[73] 100 крон=1 американский доллар=1 рубль 94,3 копейки (Календарь для русских земледельцев на 1926 г. Прага, 1926. Раздел «Монеты»).
[74] См.: Русские в Праге, 1918—1928 гг. / С. П. Постников. Прага, 1928. С. 78.
[75] ANM. Fond K. Kramaŕa. Karton 2 (Корреспонденция), 5 (отдел), № 2433 (П. Б. Струве — К. Крамаржу от 6 ноября 1921 г. из Берлина). Приношу сердечную благодарность директору архива доктору А. Халупе за дружескую помощь.
[76] *Volkmann H.-E.* Op. cit., S. 61—120.
[77] См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1977. Т. 2. С. 222, 289—293.
[78] Там же. С. 562—563.
[79] Документы внешней политики СССР. М., 1964. Т. IX. С. 378—379, 554—555; Т. X. 1965. С. 485—486; ср.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 2. С. 254—255, 265—266, 320. Полную библиографию соответствующих материалов «Правды» см. в картотеке Bohemica в Славянской библиотеке Праги.
[80] АО. Коробка № 3: П. А. Остроухов — П. А. Сорокину от 10 сентября 1932 г.
[81] АСК: Г. В. Вернадский — Н. П. Толлю от 24 октября 1930 г.
[82] Часть этого архива хранится в Архиве Главного магистрата города Праги (AHMP), куда она была передана в 1948 г. П. А. Остроуховым.
[83] Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге (1923—1938). Pr., 1938.
[84] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 50—60, 121—134.
[85] AHMP. RSU. č. 3.
[86] АО. Коробка № 4: А. Н. Фатеев — В. Войтишку от 24 августа 1946 г.
[87] Там же, коробка № 3: В. Ф. Булгаков — А. Н. Фатееву от 28 мая 1949 г.
[88] АФ. Письма Г. А. Острогорский — А. В. Флоровскому.
[89] Возрожденная академическая группа во Франции, как и вновь созданная в США, по своим целям относятся уже к иному периоду истории эмиграции.

Глава II.
Русские историки-эмигранты в Праге

1. Seminarium Kondakovianum

Среди эмигрантских научных организаций одной из наиболее респектабельных и значительных был несомненно Семинар (позднее — Институт) им. Н. П. Кондакова, возникший 22 апреля 1925 г. в Праге и действовавший там до 1945 г. Издаваемые им труды по истории русского и византийского искусства, по археологии и истории получили мировую известность и признание.

История Семинара имеет и некоторую историографию, в которой наиболее обстоятельна статья Л. Г. Райнлендер (Канада) [1]; ею использованы материалы Архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета, а также содействие Н. Е. Андреева, Г. В. Вернадского и Г. А. Острогорского, непосредственных участников Семинара. Для суждения о деятельности Семинара я располагал изданными им трудами (которые почему-то остались вне поля зрения историографии). С архивом Семинара, хранящимся в обширном бетонном бункере Института теории и истории искусств АН ЧСФР, мне удалось познакомиться довольно обстоятельно. Архив не описан и не разобран. Изучая содержимое коробок, я одновременно сортировал документы по годам и именам. Просмотрел я протоколы ученых заседаний Семинара и Института с 30 октября 1925 г. по 8 мая 1943 г., протоколы собраний редакционной комиссии (с 3 июня 1925 г. по 4 декабря 1928 г.), папки дел «научного обмена», Йельского университета, правового положения Института, приходно-расходные книги, очень содержательную телефонно-адресную книгу, а также письма Г. В. Вернадского (за 1929—1939 гг.), Н. К. и Ю. Н. Рерихов (1931 г.), А. А. Васильева (1926—1940 гг.), В. А. Мошина (1934—1938), П. М. Бицилли, И. Э. Грабаря, Ф. И. Успенского, В. Н. Бенешевича (13 открыток за 1934—1937 гг.), Д. П. Рябушинского (из Парижа), С. И. Гессена (из Варшавы), С. Г. Елисеева (из Кембриджа), А. М. Тальгрена (из Хельсинки).

Протоколы заседаний, к сожалению, мало содержательны: сухие схемы с перечнем присутствующих, упоминанием, кто и что доложил, кто выступил и почему-то всегда с точным указанием времени заседания. Обычно собирались 10—15 человек, председательствовали по очереди. Перечень докладов, прочитанных в 1932—1937 гг., можно найти в годовых отчетах[2].

Протоколы собраний редакционных комиссий писались невразумительно: карандашом слева — слушали: «об оглавлении», справа — «представитель»; слева — «о Флоровском», справа — «отклонить» и т. п., притом — без дат. В целом архив позволяет

составить представление об истории деятельности Семинара, тем более, что в нем отложилась и часть материалов о работе отдела Семинара в Белграде. Содержание архива, особенно в его последней, очень скудной части хорошо дополняется материалом личного архива А. В. Флоровского, особенно на этапе ликвидации Института (см. Приложение III). Кроме того, я имел возможность при посещении Праги воспользоваться помощью А. В. Флоровского, П. А. Хмырова и П. А. Остроухова, а также любезным содействием профессора Кембриджского университета Н. Е. Андреева.

Семинар возник вскоре после смерти выдающегося археолога и искусствоведа Никодима Павловича Кондакова, представителя старой школы ученых, соученика В. О. Ключевского по Московскому университету[3]. Он обогатил отечественную и мировую науку разработкой трех важных тем: во-первых, древнерусское искусство в сравнительно-историческом плане, во-вторых, византийское искусство и его место в истории древнерусского и, наконец, восточное искусство и его место в истории и византийского, и древнерусского. Все три темы понимались и им, и собравшимися вокруг него учениками достаточно широко, в связи со средневековой историей культуры вообще. Профессор Карлова университета Н. П. Кондаков на склоне лет работал над завершением своего фундаментального труда по истории древнерусской иконы. Вокруг него объединилась небольшая группа (около 10 человек) энтузиастов для разработки конкретных занимавших его проблем.

После кончины Н. П. Кондакова ученики решили продолжить дело и исследования проблем, и издания наследия учителя. Возглавил Семинар археолог А. П. Калитинский, его сменили Г. В. Вернадский (февраль 1935 г.), А. А. Васильев (21 февраля 1936 г.), затем — Н. П. Толль и Н. Е. Андреев. К основателям Семинара относились княгиня Н. Г. Яшвиль — меценатка и друг Н. П. Кондакова (ее дочь Т. Н. Родзянко занималась в эмальерной мастерской Семинара), М. А. Андреева, Н. М. Беляев, Л. П. Кондратская, позднее, в 1932 г., Институт получил от президента Т. Г. Масарика еще две ставки и на них выдвинулись Д. А. Расовский и Н. Е. Андреев.

Семинар заседал регулярно; например, в 1926 г. было 26 заседаний, где с докладами выступали и ученые ЧСР, и иностранцы. Семинар посещали жившие в Праге В. И. Аничков, П. Н. Савицкий, Е. Ф. Максимович, Е. Ф. Шмурло, бывал Н. С. Трубецкой и др.; из чехословацких коллег видим Л. Г. Нидерле, Й. Гирсу, И. Мисливеца, наезжали из других стран А. Н. Грабар (Париж), Г. А. Острогорский (живший тогда в Германии), В. А. Мошин (Югославия), А. Грегуар (Брюссель), А. А. Васильев (США) и др. Позднее число научных заседаний не превышало пятнадцати в год. На Семинаре широко реферировались иностранные труды, в их числе и советские (К. В. Базилевича, А. В. Арциховского, А. Н. Некрасова и др.).

Финансировался Семинар при посредничестве президента

Т. Масарика, близко знавшего Н. П. Кондакова (который даже преподавал его дочери историю искусств). От родственника президента крупного американского промышленника и дипломата Чарлза Р. Крейна удалось получить средства на издание сборника Семинара, посвященного памяти Н. П. Кондакова. Далее Семинар должен был жить доходами с издания, получая помощь канцелярии президента, Министерства просвещения ЧСР, Славянского института в Праге [4]. Уже в первом томе видим имена крупных советских ученых, а также ученых из других стран — Л. Нидерле, Т. Вайтимера (Франция), эмигрантов — В. А. Францева (Прага), М. И. Ростовцева. Сборники — их было издано одиннадцать томов за 14 лет — рождались как интернациональное начинание, иначе бы им не выстоять. На втором томе в 1928 г. оборвалось сотрудничество в сборниках ученых СССР (см. ниже). Между тем надвигался экономический кризис, а сама идея подготовки кадров эмигрантов для управления Россией неуклонно девальвировалась. В результате Семинар вступил в полосу тяжелых финансовых затруднений. Выход искали в привлечении иностранных капиталов. В этом направлении действовал Г. В. Вернадский, который в 1927 г. уехал в США работать в Йельский университет.

Третий том трудов вышел меньшего объема, а на следующий год очередной сборник не вышел вообще[5]. Попытка А. П. Калитинского найти поддержку в Париже, создав там «отделение», не удалась [6]. Тогда он попытался превратить Семинар в Институт Кондакова [7] и, создав с помощью Н. Рериха «Общество друзей Института Кондакова», затем поставить Институт под эгиду нью-йоркского Roerich Museum или его филиала в Париже (Association Française des Amis du Roerich Museum), чтобы он примыкал к собственным успешным организациям Н. Рериха. Но последний понял «Рерихиаду», т. е. приглашение занять место почетного председателя как «аффилиацию» [8] с Гималайским институтом «Урусвати», а его сын Ю. Н. Рерих запросил полный отчет о делах Института, подчеркнув притом нежелательность разрыва отношений с правительством ЧСР [9]. Именно в это время по болезни из Института выбыл А. П. Калитинский, а в нем Н. Рерих видел основного партнера по сотрудничеству; кажется вообще, что Рерих в своих планах не нашел сочувствия у правления Музея, а в глазах кондаковцев (судя по переписке Калитинского с Толлем) утратил доверие. Из сотрудничества ничего не вышло. В это же время под колесами автомобиля погиб Н. М. Беляев.

Из отчета узнаем, что расходная часть бюджета Института составляла около 100 тыс. чехосл. крон. При нормальной распродаже сборников (из расчета 500 экземпляров по 6 долларов = 3000 долларов; 1 доллар соответствовал 100 кронам) доход от них составлял бы 300 тыс. крон. Но распродажа была делом трудным ввиду бедности русских читателей и скупости зарубежных толстосумов, к тому же напуганных кризисом. При Институте были иконописная и эмальерная мастерские (до 1934 г. эмальерной руководила Т. Н. Родзянко). Судя по приходно-расходным кни-

гам за 1932—1945 гг., продажа икон и репродукций [10] — важная статья дохода, из которого покупались книги, византийские монеты [11].

Из отчетов Института за 1932—1937 гг. видно, что финансовое положение Института непрерывно ухудшалось; хотя он и получал дотацию президента от 15 до 25 тыс. крон, он с 1934 г. оставался должен типографии свыше 30 тыс. крон. В прямой доходной части из примерно 80 тыс. крон продажа изданий приносила лишь 20—30 тыс., а иконок — 8—9 тыс. крон. Подчас продавали сборник в США через посредника из 50 % от номинальной цены издания при пересылке за счет издателя [12]. Поступления от «американских членов» Института составляли около 1 тыс. крон, т. е. не покрывали даже расходов на приобретение книг (1—2 тыс. крон), число которых на 1936 г. превышало 5,5 тыс. томов. Продавали иконки не только в ЧСР, но и в Югославии и в США. Из писем В. А. Мошина узнаем, что он продает издания Института и иконки, последние из расчета 105 штук за 1470 динар или 1 иконка = 14 динар [13]. Позднее, уже с образованием отделения Института в Белграде, Д. А. Расовский предлагал Н. Е. Андрееву поделить сбыт: он будет продавать иконки в Белграде, а Андреев — книги в Праге [14]. Кстати говоря, именно мастерским Институт был обязан уникальным качеством воспроизведения в публикациях древних памятников, и не только живописи — мы «пытались восстановить искусство старой византийской эмали» [15], — писал Расовский.

Когда не получилось дело с Рерихом, Г. В. Вернадский принялся энергично искать другие пути. Вместе с Джоном Крейном они прикидывали возможность сделать Институт «контрагентом» организуемого American Byzantine Institute.[16] Большая часть писем Г. В. Вернадского Толлю (он был женат на его сестре Нине) посвящена способам преодолеть финансовые затруднения, которые поставили в 1930 г. Институт на грань ликвидации. «К сожалению, — писал Вернадский, — здесь сейчас невыгодный момент для сбора денег. Экономический кризис» [17]. Отказываясь принять пост члена Совета Института, который возник 2 октября 1931 г.[18], Вернадский пояснял: «мое настоящее положение в Америке совершенно для такой помпезной роли не подходит. Было бы смешно, если бы я начал вместе с Крейном заседать в нем, ибо я по американским понятиям нищий и мне таких выступлений делать не полагается». Советует привлечь Ростовцева, тогда «будет очень удачное с американской точки зрения трио: княгиня, миллионер (Крейн. — *В. П.*) и ученый с мировым именем» [19]. Вернадский распространял подписку на труды Института, вербовал в члены-издатели состоятельных людей, самолюбию которых льстило упоминание их имен на обложке столь почтенного Института, успевшего уже опубликовать труды Н. П. Кондакова, А. Н. Грабара и другие работы по иконографии, эмалям, археологии. «Американцы платят не за получение [книг], а за членство», — с иронией сообщал Вернадский [20]. Финансовые

трудности побудили Правление постепенно ввести очень запутанную (зарубежным участникам почти непонятную) структуру членства, которая включала: почетных членов-благотворителей, почетных членов, членов-основателей, действительных членов, ученых членов и членов-корреспондентов. С почетных членов-благотворителей брали или единовременно 10000 чехосл. крон или ежегодно по 1000. Прочие тоже должны были исправно за год вперед вносить свои взносы. Главную роль играли члены-основатели, которые избирались правлением [21]. Когда А. А. Васильев отказался стать почетным членом Института, так как за это надо платить 15 долларов в год, Вернадский писал: «Я прилагаю все усилия, чтобы достать какую-нибудь поддержку для С⟨еминара⟩ и впредь буду. . . но чем же я виноват, что ничего не удается сделать. . . экономический кризис все ухудшается, постоянно лопаются банки. . . американцы, которые разоряются, а которые в панике. Думаю, что и Васильев в панике, поэтому он и отказался. . .» [22]. Пытался добыть деньги в Париже и Н. Т. Беляев у А. О. Гукасова и у Б. Гинзбурга, но безрезультатно [23].

Позднее, в 1935 г., тщетно пытались превратить Институт в европейский филиал American Council of Learned Societies, для чего Вернадский направил письмо, своего рода шедевр рекламы, где писал, что помощь ЧСР и, следовательно, существование Института проблематичны, «ввиду современных противоречий между ЧСР и Советской Россией» [24]. В этом году А. А. Васильев стал почетным председателем Института [25]. Но положение от этого не поправилось. «Я решительно не знаю, что предпринять», — писал А. А. Васильев. — Идея перенесения Института в Америку пока не осуществима» [26], а Славянский институт тревожится; впрочем, его директор профессор М. Мурко согласился и впредь поддерживать Институт, при том, однако, что его статус будет уточнен, «чтобы имущество. . . главным образом библиотека остались в Праге», тем более, писал М. Мурко, что и деятельность Института и его библиотека стали возможны «только благодаря подспорьям» президента республики, Министерства иностранных дел и Министерства просвещения ЧСР. Эта точка зрения была одобрена и новым президентом [27].

Тем не менее Институт явно сокращал свою деятельность; в 1933 г. вышла последняя крупная публикация вне «Seminarium Kondakovianum» — последний том труда самого Кондакова. Фашизм все явственнее угрожал Чехословакии, которая сближалась с СССР. Тогда при посредстве М. Кашанина, директора музея князя Павла, в 1937 г. возникла мысль о перенесении Института в Белград. К ней «с большим интересом» отнесся Г. А. Острогорский, профессор тамошнего университета [28]. Последним об этих планах узнал живший в США председатель А. А. Васильев. «Я не знал, что князь Павел официально принял И⟨нститут⟩ под свое покровительство. Это очень хорошо» [29]. В т. X (1938 г.) «Анналов» (такое название было принято с т. IX) [30] уже отмечено, что Институт находится под патронатом князя Павла, регента



Г. В. Вернадский

Югославии, а в т. XI (1940 г.) это вынесено в титульный лист.

Казалось в самом деле, что после многократных попыток продать Институт в США он, наконец, обрел прочное пристанище. В начале 1938 г. секретарь Института Д. А. Расовский двинулся в Белград открывать Отделение, надеясь на поддержку заведующего кафедрой византинистики университета Г. А. Острогорского. С собой Расовский взял труды и важнейшие бумаги Института. Возник свой Институт с директором Острогорским, секретарем Расовским; библиотекарем стала жена Расовского, И. Н. Окунева (погибла вместе с ним во время бомбежки Белграда в 1941 г.). О дальнейшем узнаем из письма Института Павлу[31]. Когда осенью 1938 г. Институт переселился в Белград, то королевский совет решением от 26 августа 1938 г. дал ему до 1 апреля 1939 г. кредит в 80 тыс. динар, а потом Министерство просвещения выделило с 1 апреля 1939 г. по 31 марта 1940 г. 99 тыс. динар, из коих, согласно финансовому отчету, 36 тыс. ушло на печатанье тома XI Seminarium Kondakovianum. В Белград прибыл и директор Н. П. Толль, но вскоре он уехал в США, в Йельский университет, что объяснялось его участием в 1934—1937 гг. в американской археологической экспедиции, производившей раскопки в Дура-Европос (Сирия); он ехал для обработки добытых материа-

лов. Институт был связан с Йельским университетом и тем, что курировал издание материалов сирийских раскопок [32]. Вывезти библиотеку из-за сложившихся условий не смогли; «однако если удастся, то перевезем то, что относится к истории Византии и к истории византийского и славянского искусства» [33]. Но Институт надеялся получить из Италии ценную библиотеку, оставленную в дар графом А. А. Бобринским (более 1500 редких книг, которых не было в Белграде). По одобрении Министерством внутренних дел Правил Института образовалась его Управа: профессор Острогорский, профессор Мошин, приват-доцент Расовский. В Праге остался Н. Е. Андреев для ликвидации дел. В 1939—1940 гг. королевский совет одобрил новую субвенцию в 110 тыс. динар. Институт нуждался в помещении. Он обратился к друзьям, и первым, кто отозвался на призыв, был великий композитор С. В. Рахманинов, который прислал щедрый дар. Институт готовился принять участие в праздновании 50-летия Софийского университета и в VI международном конгрессе византинистов. Сотрудники в конце письма благодарили князя за «мудрое и благородное решение», которое «оказалось спасительным для Института» [34].

Возобновились заседания. Судя по протоколам (с 20 февраля 1939 г. по 7 марта 1941 г.), под председательством Острогорского собирались до 10 человек — в разное время присутствовали А. Н. Смирнов, Л. М. Сухотин, А. В. Соловьев, В. А. Мошин, позднее — А. Л. Погодин, Д. Н. Анастасиевич, В. И. Короткевич. Успели подготовить одиннадцатый том сборника. Но судьба и этого Института была предрешена.

Н. Е. Андреев, оставшийся в Праге для ликвидации дел, изменил намерения, когда 15 марта 1939 г. в Прагу вступили фашисты: нечего было и думать об отправке материалов в Белград. Тем более, что вскоре Германия напала на Югославию, фашистской бомбой разрушило здание Института, погибли Расовские. В апреле 1941 г. немцы заняли Белград, а спасенные Острогорским остатки книг отправили обратно в Прагу, где вынужден был оставаться Институт. Андреев даже понадеялся издать здесь следующий том сборника [35].

Положение Института было, однако, критическое; из переписки Андреева и Вернадского, связанной с ликвидацией издательских контрактов с Йельским университетом и другими учреждениями, это ясно видно [36]. Бывшие руководители наставляли Андреева: «Вы оказались на самом ответственном посту и самом тяжелом», — писал Н. П. Толль [37], Г. В. Вернадский просил выслать причитающиеся ему 3 тыс. крон — «мое материальное положение здесь довольно незавидно, и я в сущности получаю недостаточно для того, чтобы жить»; просил он также сберечь его пишущую машинку; о том же относительно своей просил и Толль [38].

Н. Е. Андреев решил попытаться сохранить Институт и спасти его драгоценное имущество. Если посмотреть протоколы заседаний времен немецкой оккупации, то на заседании под председа-

тельством А. В. Флоровского выступает докладчиком кн. К. Шварценберг — жалкий дилетант, а среди присутствующих О. Келлер, Р. Н. Редлих, М. Ромберг, Э. Вейганд, С. Бранд, госпожа Маракуева, князь и княгиня Долгорукие и т. п. Ученая коллегия превратилась в собрание любителей — князей, генералов, дам-патронесс... Лишь изредка мелькали подлинно научные доклады: по документам 8 марта 1943 г. — последний отчет о докладе Н. Е. Андреева, сообщавшего о древностях Псково-Печерского монастыря. Сам Н. Е. Андреев писал мне, что последним было «интереснейшее сообщение нашего реставратора икон, Е. Е. Климова, об его расчистке образа Спаса Вседержителя, из знаменитого собрания старообрядца Кузьмы Терентьевича Солдатенкова (ныне эта икона находится в Москве. — *В. П.*). Если память мне не изменяет, доклад состоялся в декабре 1944 г.» [39]

Немецкие власти признали Институт как интернациональное учреждение, печатавшее свои труды на разных, в том числе и немецком, языках, и назначили Андреева «институтслейтером». Андреев, чтобы спасти Институт, решил превратить его редкие иконы и часть собрания К. Т. Солдатенкова из коллекции члена Института И. Гирсы (бывшего чехословацкого консула в Москве) в выставку. Выставка имела огромный успех. Финансовую поддержку Институту оказал князь Карл Шварценберг. Лишенный возможности печатать научные труды, Институт занялся производством копий своих икон. Среди них выделялись ма́стерские копии Г. О. Чирикова. Одну из них, Владимирской Богоматери (Умиления), подарил Третьяковской галерее П. А. Хмыров (см. Приложение III). Копии шли нарасхват. Когда на выставку своих работ в Прагу прибыл художник Евгений Климов, он тоже увлекся реставрационными работами и восстановил 15 потемневших икон, в их числе рублевский «Спас». Выставка этих икон имела блестящий успех [40]. Можно только поражаться силе воздействия древнерусской иконописи, демонстрировавшей мощь русского творческого духа в среде врагов России.

С освобождением Чехословакии Красной Армией и революционными преобразованиями в стране должна была окончательно решиться судьба Института.

Н. Е. Андреев вынужден был оставить Институт и после двухлетнего пребывания в Германии уехал работать в Кембридж. К руководству Институтом пришел, как можно судить по документу (на чешском языке) о правовом положении Института в 1948 г., А. В. Флоровский, при нем числились те руководители, что были в США (А. А. Васильев, Н. П. Толль), и Совет, включавший председателя — К. Шварценберга, Е. Ф. Максимовича, секретаря П. А. Хмырова и ревизоров — Й. Гирсу, Д. О. Шеманюк [41]. Отмечено, что Институт находится «в постоянном деловом контакте с АН СССР». Еще ранее доктор И. И. Мысливец обратился к А. В. Флоровскому с предложением возобновить работу Института [42], а тот счел нужным завязать контакты с АН СССР.

А. В. Флоровский после долгого перерыва обратился также

с письмами к Г. В. Вернадскому, через него — к А. А. Васильеву, Н. П. Толлю, А. Н. Грабару, Н. Н. Мартынову, написал В. А. Мошину, Г. А. Острогорскому, А. В. Соловьеву, в Кембридж В. Ф. Минорскому, Я. А. Бромбергу, предлагая возобновить подготовку очередного (12) тома трудов. Поначалу идея эта понравилась, и Острогорский даже наметил проблематику очередного тома — «Кочевники, Византия и славяне» [43]. Остальные (кроме Н. П. Толля) тоже согласились сотрудничать. К началу 1948 г. А. В. Флоровский в основном собрал том XII и нуждался лишь в санкции членов-учредителей на право представлять Институт [44].

Но из этих планов ничего не вышло, ибо и в Чехословакии, и в СССР, и в Югославии стало быстро оживать и развиваться собственное византиноведение, и интернациональный журнал с нечеткой идейной позицией никому не был нужен. Первым это понял Г. А. Острогорский: «Существование его оправдывалось обстоятельствами и было даже нужно, как зарубежного византологического органа, — пока в России работа в этой области не велась и когда в самой Праге существовало активное ядро учеников и приверженцев Н. П. Кондакова, которые могли эту работу вести. Сейчас в Сов[етском] Союзе византиноведение вновь развивается, возобновился даже старый русский виз[антиноведческий] журнал, а кондаковское ядро в Праге — и это главное — сошло на нет. Насколько оно сошло на нет, видно из того факта, что председателем Института является... Шварценберг. Но ведь прямого отношения к науке он не имеет ровно никакого». Это было справедливо: Шварценберг писал дилетантские статейки по геральдике [45]. «Существование русского зарубежного визан[тиноведческого] органа, — продолжал Острогорский, — не является более необходимым, да и русского зарубежья в прежнем смысле больше не существует. Идея же при данных обстоятельствах воскресить его научную деятельность и тем более снова издавать его журнал... по-моему просто нереальна и не иеет объективных оснований... И надо, мне кажется, признать этот печальный, но неоспоримый до очевидности факт» [46].

А. В. Флоровский пытался спорить [47]. Впрочем, полномочия на руководство он получил и от Г. В. Вернадского, и Н. П. Толля, и В. А. Мошина. Г. А. Острогорский ответил, что сотрудничать не будет, так как в Сербской Академии наук возник свой византиноведческий институт, и он его возглавил [48].

Став председателем Института, Флоровский вместе с П. А. Хмыровым (который ведал хозяйством), имея на руках статьи Я. А. Бромберга, Г. В. Вернадского, А. Н. Грабара, В. А. Мошина, А. В. Соловьева, англичанина Т. Райса (он потом забрал свою статью) [49], а также римского иезуита Гофмана, полагал, что «можно бы сделать недурной сборник» [50]. Пытался он привлечь Д. Сергиевского (Сараево), Д. Анастасиевича (Белград), Н. Трухачева (Лейпциг). Наконец, поскольку дело застопорилось, А. В. Флоровский обратился к советскому послу Н. И. Семенову с изложением истории своих трехлетних хлопот о возобновлении

работы Института и просил его принять решение [51]. Следовало учесть и то, что еще в 1948 г. в беседе с А. В. Флоровским президент Академии наук З. Р. Неедлы выразил пожелание об инкоропорировании Института Кондакова в АН Чехословакии. Решение было принято после посещения Института и беседы с А. В. Флоровским представителя АН СССР И. И. Удальцова [52] и осмотра коллекции и библиотеки Института. 17 августа 1951 г. представители советского посольства окончательно передали Институт правительственной комиссии во главе с проф. Яном Рыпкой [53]. Архив перешел в распоряжение Института теории и истории искусств, библиотека стала достоянием чехословацких византинистов, основная коллекция икон также была передана Чехословакии — лишь часть отправлена в Третьяковскую галерею [54].

Так завершилась деятельность Института Кондакова, который сохранял и изучал драгоценное культурное достояние России.

В какой мере Институту удалось его изучить, можно судить по изданиям фундаментальных публикаций икон и памятников археологии, давно по достоинству оцененным специалистами. Мне остается рассмотреть историческую в основном, собственно русскую часть одиннадцати томов «Seminarium Kondakovianum», тем более, что знакомство с ними наших ученых, если судить по историографии, трудно признать достаточным.

Издание имеет подзаголовок «Сборник статей по археологии и византиноведению», во французском варианте титула добавление: «по истории искусства». Русский историк, прочитав издание, не зря потратит время.

В основе издания лежала разработка трех вышеупомянутых тем, которыми Н. П. Кондаков обогатил отечественную и международную науку на рубеже XX в. Все три темы трактовались кондаковцами достаточно широко, в рамках средневековой культуры вообще; существенно и то, что они на материале и археологии (находки тканей, торевтики и т. п.), и искусства, и литературы развивали мысль о континуитете, преемственности восточной и византийской культур в древнерусской.

Относительно преемстенности Н. П. Кондаков писал: «Народное творчество установило свою полную типическую самобытность задолго до X века, тем более начала художественной промышленности выразились. . . прежде всего. . . не в церковной архитектуре и ее видах, но в обиходной жизни, в быту, костюмах, украшениях и пр. Народный быт развивался в оригинальных формах уже в самую раннюю эпоху, ранее V века, когда были восприняты с особою силой культурные формы Византии и средне-азиатского востока» [55]. Причем главная роль в преобразовании мира античного, греко-римского в мир новый, европейский, принадлежала Византии, восточному центру Европы [56].

Другое дело, что уровень историзма сравнительно-типологических исследований Семинара был недостаточно высок, особенно из-за присущего большинству из сотрудников традиционного норманизма и вульгарного компаративизма. Потому собранный

ими драгоценный материал о проникновении восточного и византийского культурного влияния на Север Европы нередко с большими натяжками, без веских оснований атрибутируется ими не восточным славянам, а скандинавам.

Особенностью «Seminarium Kondakovianum» было то, что он возник при преобладающем участии советских историков старой школы. В первых двух томах (из них первый в значительной мере включал статьи, посвященные 80-летию академика С. А. Жебелева, а второй посвящен памяти хранителя Эрмитажа Я. И. Смирнова) мы находим статьи В. Н. Бенешевича, Д. В. Айналова, Л. А. Мацулевича, С. А. Жебелева, А. Н. Кубе, А. В. Орешникова, Ф. И. Успенского и др. Видимо, сотрудничество развернулось достаточно широкое. В папке «Архив научного обмена» семинария Кондакова видим письма И. Э. Грабаря Г. В. Вернадскому, связанные с хлопотами об устройстве большой выставки русских икон XII—XVIII вв. из советских собраний. Институт получал и реферировал советские издания ученых не только Москвы, но и «Петербурга», Тбилиси, Саратова, Ташкента, Севастополя. В трудных [57] для специальных исторических дисциплин условиях того времени некоторые советские византинисты допускали возможность превращения «Seminarium Kondakovianum» «в центр (славянского. — *В. П.*) византинизма» [58]. Сотрудничество, однако, оборвалось, когда во втором томе С. А. Жебелев поместил посвященную Я. И. Смирнову статью, которая была выдержана в духе «воинствующего позитивизма и апологии» академика-«вещеведа», «фактопоклонника», «типичного русского ученого», чуждого «социологии», и содержала странную в устах советского ученого мысль о начавшемся у нас в 1918 г. «лихолетье» [59]. Сам факт участия 15 советских ученых в издании под одним переплетом с М. И. Ростовцевым вызвал решительное осуждение научной общественности [60] и вынудил участников издания, включая и акад. С. А. Жебелева, признать свою ошибку [61]. Последовал разрыв — заместитель директора РАНИОН В. М. Фриче писал: «коллегия НИИАиИ РАНИОН доводит до Вашего сведения, что помещение в выпускаемых Вами книгах выпадов, направленных против СССР, побуждает коллегию отказаться от продолжения обмена изданиями, установившегося между Институтом и семинарием Кондакова» [62]. Издатели ответили посвящением и третьего тома памяти Я. И. Смирнова, где поместили новый панегирик ему. Это были арьергардные идеологические бои с эмигрантами [63]. Частная переписка, однако, продолжалась [64].

Разрыв с советской наукой совпал, как мы видели, с периодом экономического кризиса, сокращением субвенций правительства ЧСР русским эмигрантам и, в частности, кондаковцам, которые судорожно искали способы сохранить Институт, привлекая в него иностранные силы. Это поставило издание на путь денационализации: количество статей на русском языке неуклонно сокращалось — даже Вернадский и Острогорский писали по-английски и по-немецки, уменьшалось и число собственно русских, славян-

ских тем, вытесняемых востоковедческими, подчас далекими от профиля сборников темами из истории Японии, Передней Азии и т. п.

И тем не менее в рамках кондаковской тематики разрабатывались важные для русских историков сюжеты. Прежде всего это относится к источникам — археологическим, в частности скифским древностям [65]; особенно обстоятельно изучались фибулы, и русские [66] и византийские [67]. Большое место в публикации заняла и иконография — на основе собрания К. Т. Солдатенкова опубликовали свои статьи Н. П. Толль и Н. М. Беляев [68]. Несомненного внимания наших исследователей метрологии — мер веса и длины — и нумизматики заслуживает серия статей видного инженера-металлурга, награжденного Бессемеровской медалью Н. Т. Беляева [69]. Работая в Лондоне, он сочетает занятия историей со своей главной профессией. В статьях, посвященных локтю, таланту, мине, золотнику, безмену, англо-саксонским скеатам, фризским монетам и др., он широко использовал сравнительно-исторический, в том числе уникальный музейный материал. Ему же принадлежат интересные, но весьма спорные мысли о древних фризско-славянских связях, включая отождествление Рорика Ютландского с Рюриком русской летописи [70]. Тем не менее эта линия наблюдений должна быть продолжена, чему немало могут содействовать совместные советско-немецкие археологические исследования на островах и побережье ГДР. В традиционном плане освещается норманский вопрос в статье Ю. Д. Бруцкуса [71], впрочем, тоже содержащей любопытные сопоставления.

Особенно широко представлена русско-византийская тема. Она исследуется хронологически с точки зрения принципа датировки, принятой в византийской хронографии [72]. Особо рассматриваются некоторые памятники канонического права [73]; проблему сходства древнерусских государственных институтов с византийскими и поднятый А. А. Васильевым вопрос о вассальной зависимости Руси от Византии глубоко исследует Г. А. Острогорский, решая ее в отрицательном смысле [74]. Отражение византийско-русских связей в искусстве, в живописи Софийского собора — тема статьи А. Н. Грабара [75]. Весьма любопытно затрагивает сюжет о боспорском континуитете В. А. Мошин в эссе о тмутараканском епископе Николае [76]. Большой фактический материал к теме о месте англо-саксонских эмигрантов в структуре вооруженных сил Византии, где они сперва выступали вместе с секироносцами из Руси, находим в статье А. А. Васильева [77].

Совершенно оригинальный материал и глубокую его разработку содержит цикл статей Д. А. Расовского по истории черных клобуков, печенегов, торков и берендеев и особенно половцев [78]. К ним примыкает работа В. А. Мошина о хазарах времен Святослава [79].

К области международных связей Руси относится публикация Н. фон Баумгартена и критические уточнения к его работам Д. А. Расовского [80].

Меньше собственно русских статей по славянскому сравнительному искусствоведению[81], но есть статьи, написанные учеными ЧСР и других стран.

К исследованию русско-арабских отношений относятся статьи А. В. Флоровского о данных Мискавейха[82] и Г. В. Вернадского[83] о византийско-ордынско-египетских отношениях.

Особо следует обратить внимание на исследования Н. Е. Андреева по истории иконографической мысли и связанных с иконографией споров в XVI в., в которые были вовлечены дьяк Висковатый, митрополит Макарий, Зиновий Отенский и сам Иван Грозный[84].

Помещали в сборниках и историко-теологические статьи — о Дионисии Ареопагите, Григории Паламе[85].

Исследователю эмигрантской историографии будут интересны и историографические статьи, в основном в форме воспоминаний, посвященные таким деятелям, как М. К. Тенишева, Н. Г. Яшвиль, М. И. Ростовцев, Н. М. Беляев, А. А. Васильев; очень интересна и статья самого А. А. Васильева о В. Г. Васильевском, наконец, Д. А. Расовского — о А. А. Бобринском[86]. Разумеется, именно историографическая часть сборников менее других свободна от критических выпадов против советской историографии, особенно связанных с временным замедлением в ней византиноведческих и антиковедческих исследований. Впрочем, и заметное оживление этих отраслей знаний во второй половине 30-х годов оставлено издателями сборника без внимания.

Я остановился лишь на важнейших аспектах деятельности в сборниках русских ученых, но надо иметь в виду и обширные публикации в них специалистов других стран. Например, о развитии терратологического орнамента в новгородской книжной миниатюре печаталось обширное исследование В. Борна, развивавшего мысль о появлении самобытного русского искусства лишь в XVI в., а до того сводившего его сперва к скандинавским, а затем смешанным скандинаво-византийским заимствованиям. Сторонников иной точки зрения этот автор, совсем как нынешние остфоршеры, считал славянофилами[87].

Подводя общий итог работы Института и имея в виду его исследовательскую, археографическую и культурно-просветительскую деятельность, можно считать, что он отнюдь не был стагнированным участком эмигрантской историографии, ибо довольно долго сохранял традиции русского либерально-буржуазного византиноведения и антиковедения, подкрепленные личным участием в его деятельности Н. П. Кондакова, А. А. Васильева, М. И. Ростовцева и других крупных русских ученых старой школы, сравнительно мало (за исключением Ростовцева в первые годы эмиграции) втянутых в политическую борьбу с СССР[88].

2. «Научные труды» Русского народного (свободного) университета в Праге

В отличие от Семинара Кондакова это — научно-просветительское учреждение. Оно было создано по инициативе Земгора [89] и открыто 16 октября 1925 г. Как видно из материалов, отложившихся в Министерстве иностранных дел ЧСР, в 1925 г. было образовано общество, в рамках которого должен был действовать Русский народный университет. Устав общества был утвержден 18 ноября 1925 г.[90] При его открытии 8 декабря того же года присутствовали 400 членов, каждый из которых предположительно должен был платить 25 чехословацких крон в год.

«Цель чешско-русского культурного сближения, — читаем в отчете за 1925/1926 г., — поставленная себе университетом с самого начала его деятельности, получила осуществление уже в самой конструкции общества», куда вошли представители Министерства иностранных дел и Министерства просвещения, а также чехословацкие ученые, что придало ему «чешско-русский характер» [91].

В дальнейшем органами общества стали: общее собрание, кураторий (совет преподавателей) под председательством инженера доктора Зденека Бажанта и президиум куратория. За образец организации был взят Народный университет им. А. П. Шанявского в Москве.

Ученый состав включал 64 преподавателя, из них 33 профессора. Среди профессуры видные ученые: А. Н. Фатеев, Е. А. Ляцкий, С. В. Завадский, Н. М. Могилянский, Н. О. Лосский, Д. И. Чижевский, А. А. Вилков, А. Л. Бем и др. Из более молодых — А. В. Флоровский, П. А. Остроухов, И. О. Панас и др.

На 1931 г. в университете обучался 251 студент. Лекции читались по кругу тем, отраженных в «Трудах».

В президиуме заседали «школьный советник» профессор И. Урбан — от Министерства просвещения, неуклонно посещавший заседания и всегда стоявший за сокращение смет, посланник П. Макса — от Министерства иностранных дел, И. И. Калюжный — от Земгора. Ректором стал профессор М. М. Новиков; казначеем долгие годы был Фр. Матоушек.

Когда праздновалось десятилетие университета, то состав гостей ясно отражал его характер: на первом месте — фирма «Бати», на втором — «Земска банк», далее — К. Крамарж, генералы, земгоровцы [92].

Университет первоначально имел пять отделений и соответственно строились его «Научные труды»: общественных наук (во главе — проф. Н. С. Тимашев и П. Н. Савицкий), историко-филологических (А. А. Кизеветтер), математических и естественных (по этому разделу печатались статьи, относящиеся к антропологии и этнографии), философских (И. И. Лапшин) и изучения Чехословакии.

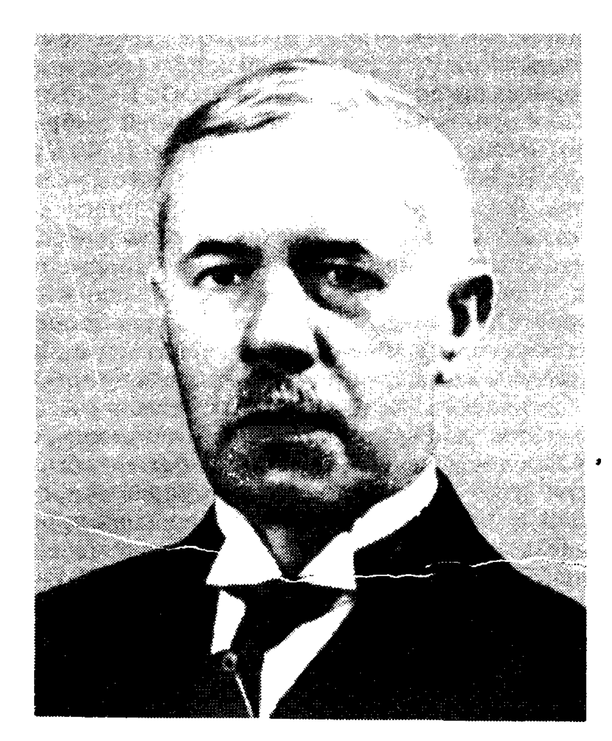
Из протоколов президиума куратория видим, что «главное внимание» университету предлагалось обратить «на изучение современной России» [93]. Но именно в этом эмигрантские историки менее всего преуспели. Вообще, наблюдается обоснованная закономерность — чем древнее история, чем больше в их руках источников, тем прочнее ученые традиции позитивизма и тем содержательнее их работы.

Едва начав работу и развернув преподавание для русских студентов, когда отзвучали пышные речи и «Адрес правительству ЧСР» о том, что Русский народный университет «под руководством и наблюдением выдающихся научных сил по справедливости является одним из прекрасных рассадников будущих зодчих возрожденной России» [94], университет столкнулся с финансовыми трудностями: о них не раз упомянут предисловия к трудам, объясняя малый объем статей и пестроту содержания. В целом, как следует из отчета З. Бажанта, за десять лет правительственные дотации университету сократились в три-четыре раза [95]. Довольно скоро последовал отказ от принятого деления на отделы.

Уже в 1931 г. «кадры русских студентов почти исчерпались» [96] и потому университет перешел от курсовых лекций к эпизодическим на актуальные темы; на платных курсах языков изучение русскими чешского языка постепенно вытеснялось изучением чехами русского (из 400 учащихся — 65 % чехи); доходной статьей были и платные лекции, которые читались во многих городах страны, а в Ужгороде даже было создано особое Отделение; поступал доход и от библиотеки, и от празднований «Татьянина дня» [97] и разных курсов. Постепенно таяло и общество — в 1940 г. оно насчитывало лишь 59 человек.

Переход университета к более широкому обслуживанию всей страны повлек за собой его переименование в 1933 г. в Русский свободный университет (РСУ) [98]: в связи с этим изменилось и название интересующего нас издания — оно превратилось в «Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете» начиная с 1935 г., когда вышел их первый том (с сохранением старой нумерации в скобках). На содержании трудов это отразилось тем, что по предложению ректора М. М. Новикова подавляющую часть статей стали печатать на чешском, немецком, английском, французском, а иногда и на латинском языках [99]. Следовательно, издатели пошли тем же путем, что и сотрудники «Seminarium Kondakovianum».

Материалы архива Н. А. Остроухова позволяют обрисовать последние годы деятельности РСУ. Обращаясь к ним, мы видим уже не прежнее, знакомое по фонду в Архиве города Праги русское учебно-просветительское заведение с группой известных профессоров во главе, с филиалами в крупных городах ЧСР, а Russische Freie Universität, входящий в состав Объединения русских культурно-просветительных и благотворительных организаций (руководимого в 1940 г. князем П. Долгоруким), которое в числе других семи было допущено к существованию в Протек-



Е. А. Ляцкий

торате Чехии и Моравии и имело свой центр в Берлине под руководством начальника Управления делами русской эмиграции в Германии (в 1940 г. им был генерал от кавалерии В. Бискупский). Уполномоченным этого начальника для «Опорного пункта» в Протекторате стал с 1941 г. профессор В. С. Ильин, он же — ректор РСУ с 16 декабря 1939 г. Непосредственно РСУ ведал ректор «Немецкого Карлова университета» Зауре и проректор Г. Гамперль [100].

Документы архива рисуют нам неотвратимый упадок русской научной жизни в ЧСР. Одно за другим, быстрее, чем возникали, исчезают имевшие громкие вывески научные заведения. 15 марта 1940 г. присоединяется к РСУ Русское историческое общество [101], 18 его членов возглавляет Е. А. Ляцкий, а после его смерти (7 июля 1942 г.) П. А. Остроухов (с 22 ноября 1942 г.), тщетно пытающийся протащить через немецкую цензуру очередной четвертый том «Записок» Общества [102]. В архиве сохранились свидетельства о работе Русского исторического общества за 1941—1942 гг. и письма Н. Ф. Новожилова, Е. Ф. Максимовича, С. Г. Пушкарева, Л. Нидерле, С. П. Постникова, Е. А. Ляцкого и др.

В том же 1940 г. к РСУ присоединяется Русская библиотека (директор С. Н. Николаев), имевшая до 30 тыс. книг (из них

немецкие власти изъяли в августе 1939 г. 1860 томов марксистской литературы) [103] и Русская детская школа (созданная И. И. Лаппо и теперь руководимая С. Г. Пушкаревым). Под эгидой РСУ оказался и Русский культурно-исторический музей в Збраславе [104], где арестованного немецкими властями директора В. Ф. Булгакова сменил художник Н. В. Зарецкий. Если учесть, что Русское философское общество (во главе с Н. О. Лосским) присоединилось еще в 1926 г., то получится, что все ученые силы собрались в РСУ, тем более, что фактически одни и те же люди входили в разные организации. Набралось 21 профессор, 17 доцентов и других преподавателей. Все они тянулись в РСУ, ибо немецкие власти материально поддерживали Университет, и В. С. Ильин ловко выдвигал его как «научно-исследовательское объединение» с состоящими при нем историческим, философским и педагогическим обществами (14 семинарами, кружками и курсами) в число учреждений, способных якобы подготовить кадры теперь уже для фашистского управления Россией [105]. В апреле 1943 г. по распоряжению имперского протектора РСУ повысились было и ассигнования, но... как отмечено в отрывке протокола президиума куратория от 23 января 1944 г. «деятельность (Русской академии в 1943 г. — *В. П.*) ослабла по сравнению» с 1942 г. «в связи с ослаблением надежд на немедленное возвращение» в Россию [106]. А 8 февраля 1945 г. перед тем, как скрыться из Чехословакии, В. С. Ильин пишет проректору А. Н. Фатееву (в 1943 г. он сменил З. Бажанта в Объединении): «В виду того, что моя научная работа не дает мне возможности проводить достаточное количество времени в Праге и тем самым руководить Уч[еной] Академией, прошу Вас принять на себя исполнение обязанностей Ректора...» [107]. Когда тот отказался: «Ректор послал предписание проф. П. А. О[строухову] принять звание Члена Президиума Ак[адемии] и исполнять должность проректора Акад[емии]. Проф. П. А. О[строухов] принял такое предписание» [108]. Так преподаватель русских курсов П. А. Остроухов стал проректором.

После освобождения Чехословакии Красной Армией не покинувшие страну профессора возложили все дела по окончательной ликвидации РСУ на П. А. Остроухова (11 августа 1945 г.) [109]. В октябре 1945 г. — октябре 1946 г. через архивариуса города Праги проф. В. Войтишка в Архив Главного магистрата Праги П. А. Остроухов передал свыше 11 тысяч книг из фонда Русской библиотеки — «все это труды русских ученых. Они написаны в течение четверти столетия пребывания этих ученых в Праге и получавших пособие от чехословацкого правительства» [110].

Последний документ — чешская копия от ноября 1948 г., где от имени руководства П. А. Остроухов пишет чехословацким властям, что РСУ закрыт немецкой полицией 19 июня 1944 г., а после революции «не восстановлен из-за малого числа членов и недостатка денежных средств»; часть архива была вместе с Русским культурно-историческим музеем в Збраславе отправлена в СССР, «другая же часть вместе с книгами сдана в Архив Глав-

ного магистрата города Праги», а потому «просим, чтобы Вы вышеуказанное общество (РСУ в Праге. — *В. П.*) вычеркнули из списка обществ»[111]. Это и было сделано Министерством внутренних дел Чехословакии 2 марта 1949 г.

Переходя к рассмотрению научных трудов РНУ (РСУ), отмечу прежде всего, что их тираж составлял 400 экземпляров, к ним надлежит добавить 100 экземпляров брошюр каждого из отделов, еще 300 экземпляров брошюр на французском языке, наконец, 25 экземпляров авторских оттисков, т.е. 825 экземпляров разного объема[112].

По содержанию интересующая нас проблема отражена в достаточно многообразных статьях, подчас сохраняющих доныне свое научное значение. Если иметь в виду экономическую историю России, то нужно назвать прежде всего основанные на богатом архивном материале статьи П. А. Остроухова, посвященные истории Нижегородской ярмарки в первой половине XIX в. Это — «торговое сердце» России, сюда поступало до 60 % всей стоимости ее импорта; автор выявляет решающую роль Москвы и ее промышленной области для ярмарки; им раскрыта неразрывная связь конъюнктуры ярмарки с состоянием русско-китайской торговли в Кяхте; исследовано им место на ярмарке озерной, степной и лесной областей России; особо изучена торговля деньгами и, наконец, общая конъюнктура ярмарки за 50 лет, с 1817 по 1867 г.[113]

Происхождению крестьянской поземельно-передельной общины посвятил обширное исследование С. Г. Пушкарев[114]. Следуя Б. Н. Чичерину, автор полагает, что «в поземельном строе Восточной Руси или Московского государства (XVI—XVII вв. — *В. П.*) не было никаких признаков и никаких следов... первобытного земельного коммунизма или коллективизма»[115]. Свой взгляд он старается подкрепить последовательным просмотром опубликованных исторических и юридических источников о землевладении «черных» крестьян (позднее государственных), населявших поморский Север, где не было крепостного права. В рамках государева владения они, включая и своего рода старожильных оброчников, имели все атрибуты собственности, причем имущественная дифференциация среди них была очень велика, хотя правительство и тормозило мобилизацию земель. Они располагали автономным самоуправлением, ограниченным государевой властью.

Дворцовые крестьяне тоже населяли самоуправляющиеся волости, но во главе них стояли не выборные, а назначенные приказчики, посельские, сытники, ключники и т. п., вмешательство которых в их жизнь шире и глубже. В остальном процессы в их среде те же, но они более подконтрольны власти[116].

Монастырские, вотчинные и помещичьи крестьяне не могут считаться землевладельцами (автор, как это свойственно буржуазной историографии вообще, не тверд в определении разницы между владением и собственностью), они — землепользователи, сидящие на «порядных», а по «Уложении» на «ссудных записях». Миллионы крестьян связаны порядными и круговой порукой.

В среде этих крестьян есть имущественное расслоение и самоуправление и идет, в очень ограниченном территориальном ареале, даже мобилизация земель; но в целом их самоуправление ближе к подчиненно-вспомогательным органам вотчинной администрации. Ни равенства владений, ни переделов источники не знают, эти институты порождены после «Уложения» реформами Петра о подушном обложении, когда государство создало общину.

Несомненно интересны статьи по исторической географии России, опубликованные П. Н. Савицким. Они касаются ряда тем «Жития Аввакума» как географического источника по истории продвижения отряда Афанасия Пашкова из Енисейска по Ангаре и Байкалу [117]. В другой статье автор на компилятивной основе ставит важный вопрос о великом вкладе русского народа в географические открытия, подчеркивая, что большинство из них были «исторически обоснованными», т. е. повлекли за собой практическое использование новых путей [118]. Содержателен и глубоко положительный его разбор публикации М. П. Алексеева [119] с точки зрения историко-географической. Автор справедливо говорит о русской информационной основе сообщений С. Герберштейна, Р. Джонсона, И. Массы и др., связывая ее со сменой «монгольского посредничества» во второй половине XV в. «посредничеством русским» [120].

Весьма убедительная статья Б. Н. Одинцова, четко, с позиций географа, доказывающего отсутствие в Евразии черт, противоположных Европе; опрокидывая аргументы евразийцев, автор приводит обильный материал к характеристике естественно-географического облика России [121]. Ту же мысль развивает Е. Ф. Шмурло, подчеркивая при этом значительные отличия в природных условиях, выводя из них с известным основанием своеобразие культуры и социально-экономических отношений и сопровождая все это довольно бессодержательными рассуждениями о русском национальном характере [122].

Несколько статей трактуют историю русских общественно-политических, правовых идей и учреждений в связи с европейской интеллектуальной жизнью. А. В. Флоровский в рамках разработки проблемы русско-чешских связей собрал большой материал, раскрывающий тот парадоксальный на первый взгляд факт, что русская общественная мысль до XIX в. разделяла взгляд на Яна Гуса, сформулированный еще старцем Артемием (XVI в.): «Гусиан. . . от своего неразумия, паче же от лукавого духа прельщен бысть», хотя его деятельность была направлена на потрясение основ враждебной православию церковной системы взглядов. Материал статьи шире и охватывает поездку соратника Гуса Иеронима Пражского в Псков и Витебск [123]. В другой работе тот же автор рассматривает в аспекте, типичном для эмигрантской историографии, объем византийской «культурной радиации» на Россию в ее борьбе с католическим культурным влиянием. Выводы его односторонни, но в сфере школьной схоластики подтверждают, что официальные ее теоретики в XVI—XVII вв. пред-

почитали «тщетной философии» университетов Европы, «глупость во Христе», т. е. невежество во благо Господа, и делали это люди несомненно просвещенные — А. Курбский, Ив. Хворостинин, Ив. Вишенский, протопоп Аввакум. Для характеристики процесса секуляризации русской общественной мысли собранные автором факты интересны [124].

Порядочно статей отведено позднему феодализму. В одной из них А. А. Кизеветтер полемизирует с П. Н. Милюковым относительно процедуры подготовки «ограничительных пунктов» 1730 г., считая, что речь шла не об ограничении самодержавия, а о комплоте дворянства с ним [125]. А. В. Флоровский [126] доказывает, что Екатерина II придерживалась мысли, будто мануфактуры необходимы лишь в некоторых отраслях хозяйства, ибо отрывают земледельцев от земли, дороги и, кроме всего, «собранные и заключенные» при фабрике «в одно место люди по большей части мертвы для потомства и составляют токмо беспереводно» сборище «всякого злонравия и развращения» [127]. Посему законодательно ее правительство открывало предпочтительно путь кустарным промыслам, что автор видит в указах о праве заводить ткацкие станы (1769 г.) и об отмене сборов с промышленных заведений. А. А. Кизеветтер считает, что Екатерина II симулировала плагиат, когда утверждала, что в своем «Наказе» «обобрала господина Монтескьу». Ссылаясь на текстологические сопоставления, выполненные Ф. В. Тарановским, автор устанавливает, что с помощью тонких дополнений императрица развивает взгляды прямо противоположные: если для французского мыслителя идеал — конституционная монархия, а самодержавная — тождественна деспотии, то Екатерина пишет о «гарантиях», фактически прикрывающих апологию самодержавия. Типичный тому пример — статья 512, где к словам Монтескье: «есть случаи, когда власть должна действовать в своих пределах», царица добавляет: «себе ею ж самой положенных» [128].

Проекту конституции М. Сперанского (1809 г.) посвятил свою статью А. Н. Фатеев [129]. По его мнению, автор ее исходил из мысли, что необходимо не народ конформировать правительству, а, напротив, правительство приспособить к народу, соединив его с правительством через органы модифицированной власти. При том А. Н. Фатеев учитывал, что Россия уже миновала в своем развитии древневосточный деспотизм, классические республики и находится на втором феодальном этапе — автократическом, пройдя первый — классовый; республиканских систем нового времени она, естественно, не достигла. Нужна истинная монархия, основанная на законности и праве, чтобы спасти власть, ибо народ жаждет обновления, в обществе — отвращение к настоящему, а между народом и властью — пропасть. Преодолеть эту трагическую антитезу, однако, не удалось, что и предопределило будущее страны. Тот же А. Н. Фатеев определяет выдающееся место кодификационных изданий Сперанского среди десяти попыток этого рода, включая и «фарсу депутатов» (Пушкин)

Екатерине II с ее «законодателями в цепях»[130]. Подчеркнута им и роль в кодификации М. А. Балугьянского. В Комиссии за два года ими было собрано более 30 тысяч актов, затем изданных в 45 томах, в виде Собрания законов и их Свода. Автор отмечает неполноту публикации и приводит (из бумаг Сперанского в Архиве Государственного совета по описи № 85) соображения Сперанского «Об издании древних узаконений Российской империи», интересные и для нашей археографии; в них он обосновывал, почему собрание открывается Уложением 1649 г.: предшествующий материал требовал предварительной научно-археографической разработки.

В чехословацкой историографии была популярна фигура М. Бакунина, как противника Австрийской империи. Новые сведения из пражского полицейского архива привлек к его характеристике Б. А. Евреинов; он же осветил последний этап славянской деятельности Бакунина, его «славянский мессианизм» после возвращения из сибирской ссылки[131].

Органы власти и управления нашли освещение в больших работах М. В. Шахматова. Автор исследует историю институтов в отрыве от развития общества, он игнорирует классовую природу власти, видя в ней благодатный общественный регулятор и членя ее историю по традиционной периодизации. Тем не менее, исследуя подчиненную исполнительную власть — органы принуждения, обобщаемые им в виде «приставов» на всем протяжении их существования (IX—XVII вв.), автор приводит массу фактического материала и относительно эволюции терминологии института, и его сходства с нормами скандинавского и славянского права, и его своеобразия в зависимости от характера подчиняющей власти — светской (великокняжеской, боярской) или церковной, и функций внутри- и внешнеполитических[132]. В особое исследование выделена им охрана общества, жившего по «государственному уставу» всеобщего закрепощения сословий: речь идет об охране государя, как главы будто бы образующегося лишь при Иване III сословного государства, далее об охране самого государства и обслуживании его прав и интересов. Внутренние и внешние и сословные функции государства автором причудливо перемешаны, и всеобщая круговая порука служит расправе с «ослушниками» — принуждению их к тяглу и службе, уплате налогов и пошлин[133].

Внимания историков заслуживают и статьи, характеризующие исторические взгляды русских писателей — Пушкина, интуитивно стоящего перед дилеммой — Петр или Пугачев[134], интересна и трактовка А. Н. Фатеевым образа Сперанского у Толстого как этапного пути к Каренину. Мысли о том, что историк ищет в человеке героя, а художник — в герое человека и что, по Толстому, декабристы — «общество джентльменов», имевшее целью отвратить и пугачевщину, и аракчеевщину, что ему ближе примат этики над разумом, и мудрые сердцем, чем гордые разумом — не во всем верны, но интересно аргументированы[135].

Серьезное научное значение имеет статья И. И. Лаппо, высту-

пающего против взгляда на унию 1569 г. как простую инкорпорацию Великого княжества Литовского в состав Речи Посполитой [136]. Он показывает превратности этой темы в историографии, где она стала уделом польских историков-эмигрантов, получивших поддержку в унитарных планах конституции 1791 г.; интересны его аргументы о сохранении в Литве важнейших инсигний независимости — титула, печати, казны, правового кодекса, включая Третий Статут (утвержденный Сигизмундом Вазой в 1588 г. и ничего о едином государстве не говорящий), государственных должностей. Причем и сейм Речи Посполитой — это, строго говоря, не парламент, а конгресс представителей государств, как эфемерно и единство сената — Рады. Словом, это не Bundesstaat, а Staatenbund.

Внимание современного историка не может не привлечь статья С. Гессена [137] в защиту позитивизма в школьном образовании: она ясно свидетельствует, что и в сфере школьной дидактики эмигранты вошли компонентом в Осткунде Западной Германии [138]. Сознавая, что ныне «вера в нейтральную науку сильно подорвана» [139], автор поносит марксизм как «вытеснение рациональной объективности иррациональной правдой мировоззрения» [140]. На самом же деле, утверждает он, мировоззрение лежит на скрещивании субъекта и объекта и, как таковое, есть форма самовыражения школьника, разумеется, «объективно» напичканного «политизированным преподаванием». Статья кажется сегодня написанной не для «Записок», а для издаваемого К. Эрдманном журнала «История в науке и преподавании».

Можно еще упомянуть полезные публикации источников М. В. Шахматовым — проезжей грамоты Василия III имперскому послу Стефану Клинчичу от 2 июня 1530 г. и опасных грамот в Новгород конца XIV и конца XV вв., извлеченных из рижского архива [141].

В заключение стоит отметить, что из 16 выпущенных Русским Народным (Свободным) Университетом в 1928—1942 гг. томов два были полностью посвящены Чехословакии, приуроченные к десятилетию и двадцатилетию республики. В этих томах находим несколько статей, освещающих русско-чешские исторические связи. Такова статья А. В. Флоровского о торговых отношениях Богемии и Моравии с Восточной Европой в XVI—XVII вв., когда, встречая сопротивление конкурентов основного опорного треугольника этой торговли — Вроцлава, Кракова и Познани, богемско-моравское купечество проникало лишь в земли Великого княжества Литовского и Южной России [142]; эпизод пребывания до 12 000 русских раненых в Збраславе (1813 г.) освещает П. А. Остроухов [143]; достойна упоминания и заметка А. В. Флоровского об участии чешских инженеров (Яна Пернера и др.) в строительстве первых железных дорог России [144]; им же написана статья, освещающая истоки русско-чешских связей, когда через Сазавский монастырь на Русь проникло почитание св. Вячеслава, а в Сазаве хранили реликвии русских святых Бориса и Глеба, о чем и сообщает Сазавская летопись [145].

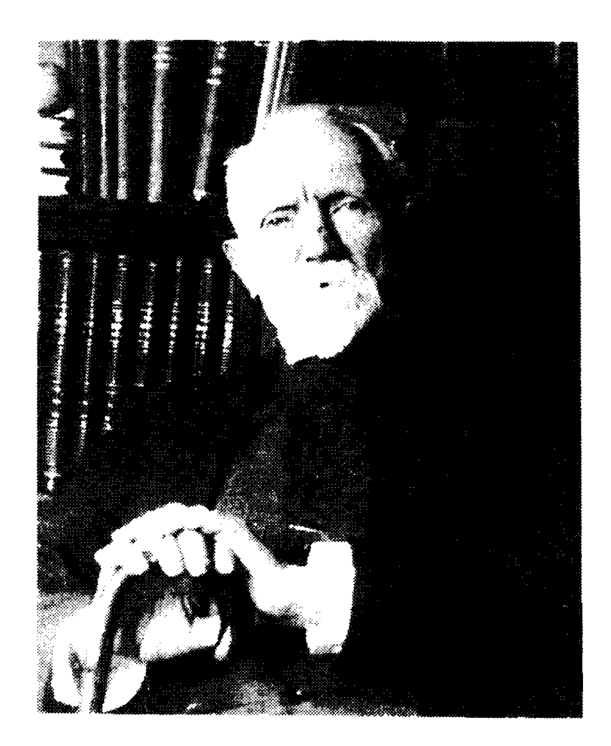
Оценивая круг проблем истории России, освещенных в «Записках», можно видеть в них прямое продолжение творчества русской либерально-буржуазной историографии, которая под кровом правительства Масарика продлила свое существование еще почти на четверть века. Что университет содействовал русско-чешским культурным связям, это бесспорно. Но цели, поставленные Русским народным университетом при его образовании — подготовка кадров для «новой России», — достигнуты не были.

3. Записки Русского исторического общества в Праге

Общество возникло как естественный результат сосредоточения в Праге соответствующих ученых. Оно начало свою работу 7 апреля 1925 г. Во главе его стоял известный специалист по истории русско-итальянских отношений, бывший член-корреспондент Российской АН, доктор honoris causa Падуанского университета, почетный член Восточноевропейского института, пожизненный член Королевского Исторического общества в Венеции Е. Ф. Шмурло. Позднее его сменили сперва А. А. Кизеветтер, затем А. Н. Фатеев, А. В. Флоровский, Е. А. Ляцкий и, наконец, П. А. Остроухов.

Общество конструировалось как научное, исключив из своей программы события «вчерашнего дня, оценку которых трудно, почти невозможно вести в рамках спокойного, беспристрастного анализа» [146]. Устав общества при его организации подписали Н. Алейников, Д. Н. Вергун, Г. В. Вернадский, Б. А. Евреинов, К. И. Зайцев, А. А. Кизеветтер, И. И. Лаппо, Е. Ф. Максимович, В. А. Мякотин, Н. Л. Окунев, П. А. Остроухов, И. О. Панас, С. Г. Пушкарев, П. Н. Савицкий, В. В.Саханев, Е. В. Спекторский, П. Б. Струве, А. В. Флоровский, Г. В. Флоровский, В. А. Францев, М. В. Шахматов, Е. Ф. Шмурло. Среди 22 подписавших видим немало имен крупных ученых. Если желаемой объективности общество и не достигло, то все же среди эмигрантских организаций оно было одним из самых академичных. Ввиду скудости кадров общество изначально объединяло не только собственно историков (русистов, византинистов, славяноведов, источниковедов, историографов), но и тех, кто занимался историей права, церкви, литературы, искусства, языка, философии и хозяйства. Эта комплексность оправдывала себя и научно, и экономически, позволяя объединить в его составе до 60 членов. За первые 9 лет оно заслушало 170 докладов, т. е. в среднем около 20 докладов в год, из них половина приходится на собственно русскую историю, а в ней лишь 4 — на XX век.

Помимо текущих докладов обществом отмечались разнообразные юбилейные даты: ученых, работавших в России и в СССР и за рубежом, и современников, и предшественников — Д. И. Багалея, М. М. Богословского, В. П. Бузескула, П. Г. Виноградова, В. В. Водовозова, С. А. Голубцова, Н. М. Карамзина, К. Кадлеца, А. А. Кизеветтера, Е. Ф. Карского, А. А. Корнилова, П. А. Лаврова,



Е. Ф. Шмурло

Л. Г. Нидерле, А. Л. Петрова, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, В. И. Саввы, П. П. Семенова-Тяньшанского, С. М. Соловьева, Ф. И. Успенского, Н. В. Ястребова; кроме того — декабристов, Пушкина, Толстого и, наконец, царей — Александра I, Екатерины II, Петра I. Из упомянутого числа докладов более половины в форме тезисов или статей были опубликованы в Записках РИО.

Их первый том появился в 1927 г. благодаря материальной поддержке президента ЧСР Т. Г. Масарика. В дальнейшем вышли еще два тóма — в 1930 и в 1937 гг. Наиболее ценной частью последнего являются биобиблиографические материалы, посвященные Б. А. Евреинову, А. А. Кизеветтеру и Е. Ф. Шмурло. Сборники выходили тиражом 300 экземпляров.

В архиве П. А. Остроухова сохранились некоторые материалы о последних годах существования Общества, в частности, журналы его собраний за 1940—1942 гг.[147] Прошло 15 лет со времени образования, и на заседание Общества 15 марта 1940 г. под председательством А. В. Флоровского собрались едва 16 человек; среди присутствовавших — Н. Е. Андреев, И. С. Белецкий, А. Л. Бем, К. К. Висковатый, А. Д. Григорьев, Н. А. Еленев, А. Ф. Изюмов, А. В. Камнев, Е. А. Ляцкий, Е. Ф. Максимович, Н. Ф. Новожилов, П. А. Остроухов, И. О. Панас, С. Г. Пушкарев, П. Н. Савицкий,

А. В. Флоровский. Новым председателем, в условиях внутренних разногласий, стал Е. А. Ляцкий. Следовательно, на этом собрании членов было меньше, чем при основании. Зато «заседание общего собрания происходило в присутствии инспектора полиции города Праги», — как отмечено в протоколе.

Но общество старалось сохраниться пусть в рамках Русского свободного университета (см. выше) и подготовило очередной четвертый том «Записок», который под названием «Записки по истории и литературе» включал, судя по уцелевшему оглавлению и небольшим аннотациям [148], такие статьи: А. Л. Бем «Граф А. К. Орлов-Чесменский в Карлсбаде», А. Д. Григорьев «Общие имена всех восточных славян», Н. А. Еленев «Образ великой кн. Екатерины Павловны в искусстве», А. Ф. Изюмов «В поисках земель для духоборов (на основе писем Д. А. Хилкова)» [149], А. В. Камнев «Историческая канва „Слова о полку Игореве"», Н. О. Лосский «Нация как органическое единство» (идея статьи — нация-личность. — *В. П.*), Е. Ф. Максимович «Православное духовенство и пугачевщина», Н. Ф. Новожилов «Пушкин-акционер» (впервые публикуются данные об участии Пушкина в одном акционерном коммерческом предприятии, организованном в 1835 г. при ближайшем участии графа А. Х. Бенкендорфа. Карандашом приписано: «Эта работа пополняет совершенно неизвестную черту биографии Пушкина»), Н. Ф. Новожилов «Записка Пушкина о народном воспитании (написана в 1826 г. по предложению императора)», П. Н. Савицкий «Общие концепции русской истории», А. П. Фатеев «М. М. Сперанский в оценке русской государственности», М. В. Шахматов «Из истории национально-государственных идей киевских и московских летописей и Степенной книги». Как видим, члены Общества сохранили традиционную тематику, не отозвавшись на приход фашистов. Фашистская цензура запретила «Записки» из-за статей А. Бема и Е. Максимовича. Верстка тома с запретительной визой немецкого цензора доктора фон Хоопа от 15 ноября 1941 г. осталась в архиве цензуры [150] и, быть может, ее стоило бы поискать ради материалов о Пушкине в статье Новожилова.

Общество продолжало собираться, обсуждая такие темы, как крестьянская реформа Киселева (С. Г. Пушкарев), государство восточных славян до Святослава (А. Д. Григорьев), военная сторона пугачевщины (Е. Ф. Максимович), исторические циклы (П. Н. Савицкий) и т. п. В 1942 г. в обществе числилось 18 членов [151]. При последнем председателе П. А. Остроухове (с 22 ноября 1942 г.) из общества выбыла византинистка М. А. Андреева. На обороте извещения о заседании 19 декабря 1942 г. сохранилось ее письмо (по-немецки): «Согласно их (Русской организации эмигрантов. — *В. П.*) последнего циркуляра я механически выбыла из всех русских организаций, т. к. я зарегистрирована не как русская. Прошу дальнейших приглашений не присылать. Доктор Мария Андреева» [152]. В 1943—1944 гг. было проведено 13 заседаний, посвященных Потемкину, Пестелю, Кавелину, Струве, 125-ле-

тию Санкт-Петербургского университета и Нижегородской ярмарке [153]. С ликвидацией РСУ исчезло и РИО.

Ознакомление с «Записками» общества позволяет высоко оценить сделанное его членами по истории Древней Руси. Обширный и весьма ценный материал по теме «Платон в Древней Руси» собран М. В. Шахматовым и прокомментирован им и Д. И. Чижевским [154]. Уже в XII—XIII вв. на Руси были хорошо известны такие сочинения, как «Книга философская» Иоанна Дамаскина, содержавшая определение «хитрости хитростям и художества художествам», подчиненных вере, а также «Пчела», «Златоструй» и др. Через подобные труды идеи античной философии проникали на Русь, среди них и мысли «славного в Елинех» Платона, и сведения эти были, особенно в той среде, которая была склонна почитать Платона, а не игнорировать его как «еретика», весьма далеки от «невегласия». И еще вопрос, правы ли авторы в утверждении, что в отличие от философии «на Западе» в Древней Руси не было «чистой, хотя бы и зависимой от богословия, теоретической работы мысли» [155]. Впрочем, сходные мысли развивал уже К. С. Свенцицкий [156]. Последние труды М. Н. Тихомирова и Я. Н. Щапова позволяют надеяться на более четкое выявление непосредственного общения Древней Руси с античным наследием.

Статья Е. Ф. Шмурло о крещении Владимира [157] привлекает ясностью разбора источников и гипотез по этому запутанному вопросу. Автор полагает вполне допустимым, что заключение договора состоялось до окончания мартовского 987 г., когда обязательство Византии выдать Анну замуж за Владимира сопровождалось оглашением последнего. Крещение же состоялось позднее в Херсонесе, в 990 г. Он сам признает и уязвимость своей гипотезы, и то, что «последнее слово о крещении» еще не произнесено. Приближающийся юбилей, видимо, возродит интерес к этой теме.

Среди опубликованных тезисов докладов выделяется тема Е. Н. Клетновой «Древнейший торговый путь — из Варяг в Хазары» [158], который исследовательница считает более древним, чем дорогу в Византию. Он имел два направления: кружное — на Волгу и кратчайшее — на Западную Двину. В подтверждение исследовательница привлекает известия Аммиана Марцеллина, Саксона Грамматика, данные могильников у Смоленска и на Сев. Донце (Верхнее Салтово), а также курганы и арабские клады; затем — свидетельства топонимики — «в местах переволок» такие наименования, как Стойки, Суволочное, Кладовое, Переволочна и др.; наконец, к аланам, ходившим этим путем задолго до хазар, она возводит такие топонимы, как Алаунская возвышенность, Аланьи горы, Аланские острова, да и древнее, иранского корня, название Западной Двины — Рудон и наименование Кваркена Аланским морем.

Что в среде эмигрантских ученых развивались некоторые оставшиеся в забвении идеи, сходные с теми, что возникали и в нашей истории общественной-политической мысли, хорошо видно из тезисов Д. А. Расовского о светской литературе Древней

Руси [159]. Традиционный взгляд в русской исторической литературе (А. И. Соболевского, В. Н. Перетца и др.) на древнерусскую письменность как преимущественно церковную ошибочен: наряду с ней существовала и самостоятельная светская, в виде главным образом военной повести. Таковы повести об Изяславле, о Липицкой битве, о Галицком мятеже, о князе Александре Невском, о Довмонте Псковском и др., не считая «Слова о полку Игореве», «Слова о погибели Русской земли», «Моления» Даниила Заточника. Благоприятствовали развитию этого жанра борьба со степью, походы в Австрию, Венгрию, Польшу, Чехию; оказала влияние и переводная письменность: повесть об Акире, История иудейской войны, а также Книга царств Библии. Характерные черты этой военно-повествовательной литературы: а) реализм и объективность изложения; б) идеальный князь рисуется храбрым, сильным, красивым воином; идеальные воины скорее храбрые верные товарищи, чем слуги; честь и слава — у всех них на первом месте, смерть они презирают; в) описания битв — любовные и по своим подробностям редкие в современной им литературе; г) отношение военного книжника к иноплеменнику и иноверцу проникнуто чувством профессиональной (сословной) симпатии; д) высший идеал военного книжника — оборонять Русскую землю и умереть за нее — вырос из сознания ее единства; е) верные своей реалистической военной идеологии, светские книжники, в отличие от церковных, представляют Древнюю Русь не в величии христианства и православия, но в силе, могуществе и славе.

Исследователей истории центральных государственных учреждений России должна заинтересовать статья Е. Ф. Максимовича «Первосоветник Думы Боярской», в которой убедительно прослежена поразительная устойчивость этой политической фигуры на протяжении XV—XVII вв., отражавшей консервативную, подобную английской палате лордов, роль Боярской думы в системе органов власти [160].

Интересный материал собрал Б. А. Евреинов по теме «Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы» [161]. При некоторой односторонности статьи, игнорирующей прогрессивную сторону русской колонизации, она содержит обильные данные об этнической инфильтрации русского населения и, особенно, о выступлениях местного и русского населения против феодальной власти в XVI—XVII вв.

Как всегда, весьма содержательны работы Е. Ф. Шмурло, посвященные славяно-католическим связям. В тезисах доклада о Юрии Крижаниче автор утверждает, что ошибочно представлять себе Крижанича «тайным папистом» в России [162]. Церковная уния была для Крижанича не целью, а средством. Уже в самом раннем своем литературном произведении, излагая униатскую программу, Крижанич мечтал о России, как о том великом государстве, которое станет во главе славянства и освободит его от ига неверных и чужеземцев. Идеалу, т. е. России — славянской державе, он остается верен до конца жизни; ради него он поступится своими

священными обетами и обязанностями. Его деятельность шла вразрез с программой Пропаганды веры. Благородный энтузиаст, он был лишен понимания реальной обстановки, в какой ему приходилось действовать. Трагизм Крижанича есть трагизм не идеи унии, а идеи панславизма.

Весьма содержательна и другая работа Е. Ф. Шмурло — «Архив Пропаганды Фидэ как источник по русской истории» [163]. Архивный материал Пропаганды веры, по крайней мере до XIX в., ценен главным образом для истории Великого княжества Литовского и Польши и менее — для Великороссии и России. Однако ввиду тесной связи этих земель точную границу между относящимися к ним документами провести невозможно.

История церковной унии в западнорусских землях: меры, которые предпринимались для ее осуществления; заинтересованность в унии общественных классов и учреждений; противодействие унии и т. п. — все это находит широкое отражение в бумагах Пропаганды, тем более, что помимо всякого рода списков, копий, печатных листовок, брошюр и т. п. архив содержит громадное количество рукописных документов в подлинниках (на русском, латинском и итальянском языках).

«Русский» материал в этом архиве не ограничивается одной только унией в узком значении этого слова: «бумаги зачастую (главным образом так называемые „Входящие бумаги") рисуют нам жизнь такою, какою она стучалась в двери Пропаганды» [164]. В них перед ними проходит деятельность миссионеров, современное положение страны в ее этническом, географическом, статистическом, политическом и религиозном отношениях; состояние отдельных епархий; вереница крупных и мелких политических и религиозных фигур с их личными интересами, страстями.

Наиболее ценны для русского историка шесть из 15 групп, на которые можно разбить весь материал. На первом месте протоколы заседаний Конгрегации Пропаганды веры: текущие дела 1622—1900 (около 275 томов); затем — входящие бумаги, доложенные в Генеральных заседаниях Конгрегации, 1622—1900 (свыше 1000 томов), а также входящие бумаги, не доложенные Конгрегации, 1568—1878 (до 800 томов). На втором месте стоят: письма Конгрегации (бумаги исходящие), 1622—1900 (400 томов); заседания «партикулярные»: тоже текущие дела, но требующие особого рассмотрения в специально для этого выбранных комиссиях, 1622—1864 (161 том); Miscellanea (около 120 томов).

Россия нового времени — для «Записок» это пора Петра I и Елизаветы Петровны. Для Е. В. Спекторского Петр I — деятель, сломивший основы отмеченного еще Крижаничем «худого законоставия» и завещавший принципы «аристодемократического строя», живущие «поныне» [165]. Опыт усложнения государственного аппарата при преемниках Петра освещен В. В. Саханевым [166]. В частности, речь здесь идет об органе, специально учрежденном, чтобы «короля прусского до приобретения новой знатности

не допустить, но паче силы его в умеренные пределы провести»[167] и сделать не опасным для России.

Карамзин, Сперанский, Бакунин — в «Записках РИО», как и РСУ, стоят в центре исследований истории общественно-политической мысли. А. Н. Фатеев в статье, представляющей собой отрывок из подготовленной к печати рукописи «Жизненный путь графа М. М. Сперанского», указывает на А. И. Тургенева как на одно из лиц, причастных к передаче Пестелю и другим содержания важных государственных бумаг, к «похищению» некоторых из них[168]. В другой статье тот же автор показывает отношение царя к «Запискам» Карамзина в 1850-е гг., когда еще никто не думал, что слова Карамзина, обращенные к Александру I: «Государь! Если Вы восстановите древнюю Польшу, то или падет Россия, или русские снова зальют Польшу кровью и возьмут Прагу штурмом», — окажутся почти пророческими[169].

Очередное исследование Б. Е. Евреинова «Исповеди» М. А. Бакунина[170] содержит интересный анализ этого документа, автор видит в нем и не падение, и не трагедию, а «плод спокойной мозговой работы человека, с удивительным мастерством сплетающего в один неразрывный клубок Dichtung и Wahrheit»[171], во имя достижения прямой цели — сохранения жизни и продолжения борьбы. Ранние занятия П. И. Пестеля политической экономией и влияние на него идей А. Смита — тема статьи Н. С. Жекулина[172]. Две работы касаются истории русско-чешских связей и содержат богатый фактический материал[173].

Среди тезисов стоит отметить уничтожающий отзыв А. В. Флоровского о книгах Г. М. Бараца и П. Н. Милюкова о концепции евразийцев и полемику А. А. Кизеветтера с М. П. Покровским, в которой он настаивает на «надклассовом» характере идеологии декабристов[174].

В целом «Записки» продолжали позитивную работу либерально-буржуазного направления русской историографии и по ряду тем обогатили науку ценными разысканиями.

4. Сборник Русского института в Праге

Это издание связано с деятельностью славяноведческого института, работа которого неотделима от имени известного ученого, члена Российской академии наук, академика-корреспондента Болгарской академии наук с 1926 г. Владимира Андреевича Францева. В эмиграцию он попал уже известным ученым: его путь в Прагу (куда его еще в 1919 г. по инициативе профессоров Ф. Пастернака, И. Поливки и И. Махала пригласили на должность профессора славянского семинара) лежал из Варшавы через Москву в Ростов, а оттуда, с разрешения советских властей в 1921 г. он уехал через Киев и Варшаву в Прагу. Сюда он прибыл 11 ноября 1921 г. А 9 ноября он был избран российским академиком, и его коллеги К. Я. Грот и Е. Ф. Карский звали его работать в Петроград;



В. А. Францев

он поблагодарил за избрание, но предложил, чтобы на его место избрали кого-либо другого. Сам он до 70 лет оставался членом Чешской академии наук и искусств, профессором славянской филологии Карлова университета. Членом Российской академии наук он был до 1927 г., когда принял гражданство ЧСР и был выведен из ее состава ввиду постоянного отсутствия. Получаемую от Академии наук зарплату он сдавал, а кроме того, принял участие в кампании помощи советским ученым, и особенно К. Я. Гроту.

В. А. Францев не понял и не принял пролетарской революции. Хотя он и возглавлял Русский институт, был членом Русского академического общества в ЧСР и зампредом Союза Русских академических организаций за границей, никогда не выступал в печати против СССР, держался особняком от пражской эмигрантской колонии и жил вне Праги, а если случалось, не отказывался от сотрудничества с советской наукой, как свидетельствует и его инициатива в подготовке I съезда славистов (Прага, 1929), в котором участвовали советские делегаты, и его переписка с В. Д. Бонч-Бруевичем. Все эти вопросы хорошо освещены в работах Л. П. Лаптевой и недавно вновь синтезированы в книге Т. Силлабы [175]. Фашизм он отвергал, а советско-чехословацкое сближение отметил

новым изданием своего труда «Русские войска в Чехии. К 200-летию, 1735—1935». Он умер в 1942 г., ожидая прихода советских войск как освободителей. Племянник ученого В. Н. Францев в своих воспоминаниях записал его слова: «Когда придут большевики, я буду первый махать из окна красным платком».

Да, по-разному кончали свои жизненные пути ученые-эмигранты. Свое книжное собрание он отдал Славянской библиотеке, а архив — Литературному архиву памятников народной письменности на Страхове.

В. А. Францев занял видное место в развитии не только отечественной, но и чехословацкой славистики. И прав Т. Силлаба, когда пишет: «Исследовательский труд всей жизни В. А. Францева заключает в себе материал, который можно считать необходимым для всех дальнейших исследований по истории славистики. Было бы жаль, если из-за идеологических, теоретических и методологических недостатков автора он оставался и далее мало использованным»[176].

Русский институт, как свидетельствовал И. О. Панас, помощник, ученик и заместитель В. А. Францева, существовал с 1922 г. по 1938 г., получая поддержку Министерства народного просвещения ЧСР. Первоначально его возглавляли П. И. Новгородцев, за ним — А. С. Ломшаков, а затем В. А. Францев. По проекту Положения об Институте, его цель — сближение России и Чехословакии, «распространение в Чехословакии сведений о России, русской культуре и результатах текущих работ русских ученых, писателей и представителей всех областей знания и искусства»[177]. Лекции читались и слушались бесплатно, на русском и чешском языках; слушатели на публичные лекции и курсы зачислялись по предварительной записи. В числе лекторов видим тех же людей, что и в Русском свободном университете, и в Русском историческом обществе. Представление о лекциях и направлении Института можно составить по его сборникам. Их вышло два тома — в 1929 г. и в 1932 (на титульном листе — 1931 г.), кроме того, в 1929 г. вышел юбилейный Пушкинский сборник.

Последний несомненно интересен и для историка уже по составу авторов и тематике: Е. Ф. Шмурло «Этюды о Пушкине» (с. 6—52); Е. В. Спекторский «Заветы Пушкина» (с. 53—64); В. А. Францев «Пушкин и польское восстание 1830—1831 гг.» (с. 65—208); А. Л. Бем «„Скупой рыцарь“ Пушкина в творчестве Достоевского» (с. 209—214); И. И. Лапшин «Пушкин и Монтень» (с. 245—252); С. В. Завадский «Две заметки» (с. 253—258); П. Б. Струве «Неизъяснимый и непостижимый» (с. 259—264); Е. А. Ляцкий «Пушкин-повествователь в „Истории Пугачевского бунта“» (с. 265—296).

Идея этого сборника — Пушкин почти тождествен Карамзину, а что сверх того — восходит к его темпераменту, увлеченности, идущей от арапских предков (материалы в статье Е. В. Шмурло о связях поэта с Карамзиным и разыскания о его предках первоклассны). Пушкин — сторонник державной России, ее веры,

языка и иноземным властям (читай большевикам) ее, конечно, не удержать (Е. В. Спекторский). Он рьяный поборник подавления польского мятежа, он осуждал сатиру Радищева (притом в статье В. А. Францева приведена интересная взаимосвязь стихов с событиями во Франции и Польше). Более прогрессивен взгляд Е. А. Ляцкого на поэта, желавшего воспеть народ «стихийной и поневоле мятежной мощью, с его же стихийной любовью к свободе и мирному труду».

Ну, а как осуществил Институт свою миссию в сборниках, изданных им «с верой в неизбывную мощь русской науки»? [178] Можно сразу сказать — противоречиво: опубликовал большой познавательный материал во славу мощи и влияния России, пронизанный, однако, веховской историографической традицией. Для историка более интересен первый том, где кроме специальных работ С. И. Гессена, Г. Д. Гурвича, Е. А. Ляцкого, Н. О. Лосского, В. А. Францева, Ю. А. Яворского, помещены статьи историков.

Е. Ф. Шмурло впервые обратил внимание на политический аспект вояжа Б. П. Шереметьева в Рим, совпавшего с «великим посольством» [179].

Е. В. Спекторский, пытаясь пересмотреть герценовскую оценку Чаадаева [180], пишет о «салонном характере» «Философических писем» и отходе автора на позиции поддержки пушкинского «Клеветникам России». Он отмечает развитие взглядов Чаадаева на социально-политические проблемы, в числе прочих едва ли не центральный для философа вопрос об исторической роли России, у которой если и нет прошлого, зато есть будущее и притом не скудное, а напротив, очень богатое. У нее есть «всечеловеческое призвание» [181], и в этом сближает Чаадаева с Достоевским.

А. А. Кизеветтер отмечает, что уже Милюков установил, что Карамзин взял значительную часть своей эрудиции у историков XVIII в., но подал ее в блеске века XIX [182]. По Карамзину, разум руководит жизнью человека, он же — и жизнью общества в лице самодержца, а потому Ярослав метаморфически самодержавен не менее Петра I. «Чтение фолиантов Щербатова можно было возлагать на себя лишь как тяжелую эпитимию. Так это было тяжеловесно и неудобовоспринимаемо. А Карамзин сделал из своей повести о добрых и злых государях увлекательную поэму» [183]. Он стремился «облагородить самодержавие» и, идя в «срединной гуще», двигал ее.

И. И. Лаппо приводит любопытные наблюдения о типографии XVI в.[184] А. Н. Фатеев содержательно анализирует взгляды группировки, выступавшей против Сперанского, которую представляла и «Записка» Карамзина, упоминавшая даже «неудовольствие населения» [185]. Сперанский потом писал царю из Перми, что в России каждый министр считал вверенное ему министерство за пожалованную деревню. Но до понимания классовой (внутриклассовой) сущности этой острой борьбы вокруг обросшего политическим мхом древнего учреждения — сената — Фатеев не поднялся, ограничившись мыслью, что «политическое движение, по-видимому,

также зависит от разности душевных температур»[186]; впрочем, он понимает, что рисуемые Карамзиным «картины тысячелетней жизни русского народа подобны ассирийским или египетским барельефам, где жизнь народа отображается в жизни царей»[187].

Работа А. В. Флоровского завершает цикл его исследований о екатерининской комиссии, написанных апологетически, но на обширной исторической основе[188]. И. И. Лапшин касается трудного вопроса об эвристических элементах в творчестве историка, но ограничивается интересным подбором примеров — «моментов» естественно-исторического, психологического, прагматического, технического, телеологического характера, без попытки выделить фундаментальное значение синтеза концепции, о которой он говорит лишь как о пятом моменте[189]. Б. А. Евреинов исследует развитие славянских связей России после реформы, используя материалы пражской полиции[190]. Завершает том статья П. Б. Струве «Наблюдения и исследования из области истории хозяйственной жизни и права Древней Руси. 1. Существовал ли феодальный правопорядок в Древней Руси? 2. Наименование ,,крестьянин"»[191].

Второй том гораздо беднее историческим содержанием. Кроме специальных статей по психологии, философии и литературе И. И. Лапшина, Н. О. Лосского, Е. А. Ляцкого, А. В. Маклецова и Е. В. Спекторского, истории посвящены лишь три небольшие работы. А. А. Кизеветтер рассматривает опричнину в свете новых публикаций Штадена И. И. Полосиным в Москве и Ф. Эпштейном в Гамбурге[192], и заключает, что главное в опричнине не аграрные преобразования и пр., а «свирепая гражданская война между опричниной и земщиной»[193], осложненная неистовыми страстями распаленной души царя. Статья Е. Ф. Шмурло содержит интересный, особенно для писателя, материал о повседневной жизни молодого Петра I и чертах придворного церемониала[194]. О статье П. А. Остроухова («Из истории государственных кредитных учреждений в России») см. Приложение II.

В 1937 г. ушел на пенсию В. А. Францев. В 1938 г. прекратил существование Русский институт.

5. Русский юридический факультет в Праге. Судьбы студенчества

Этого своеобразного учебного заведения я касаюсь лишь потому, что наряду с подобным же факультетом в Харбине он ставил задачу подготовки ученой смены и его деятельность позволяет достаточно четко определить резервы роста русской науки в эмиграции и сказать несколько слов о судьбах подготовленного там студенчества.

Что представляла собой пражская эмиграция ко времени создания Русского юридического факультета, можно узнать из воспоминаний его первого ученого секретаря Н. Н. Алексеева. Он писал: «. . .Прага оказалась интеллектуальным центром русского рассеянья, где сосредоточились можно сказать ,,сливки" русской

противобольшевистской эмиграции, и политической, и ученой. Как будто в Прагу переехало в миниатюре разогнанное большевиками Учредительное собрание. Здесь были и многочисленные эсеры с Виктором Черновым во главе (но при отсутствии Керенского, обосновавшегося в Париже); были представители бывшей Уфимской директории, левые эсеры во главе с пражским Земгором — Мансветов, Архангельский, Слоним, издававший свой журнал „Воля России"; присутствовал большой кадетский ареопаг — Астров, Юренев, графиня Панина, братья Долгоруковы, Петр и Павел. . . Отсутствовал П. Н. Милюков, обосновавшийся в Париже и издававший самую влиятельную эмигрантскую газету „Последние новости". Он наезжал часто в Прагу с агитационной целью и пользовался денежной поддержкой Бенеша. . . В Праге он имел небольшую группу своих сторонников, «эрдеков», которые в чехословацкой эмиграции не имели особого успеха. Зато не малое количество сторонников имел Всероссийский воинский союз, политически примыкающий к монархистам, сторонникам великого князя Николая Николаевича. . . Председатель этой организации, генерал Кутепов, часто приезжавший в Прагу (из Парижа. — *В. П.*), делал смотр своим бывшим подчиненным, большинство которых было в Праге находящимися на чешском иждивении студентами»[195].

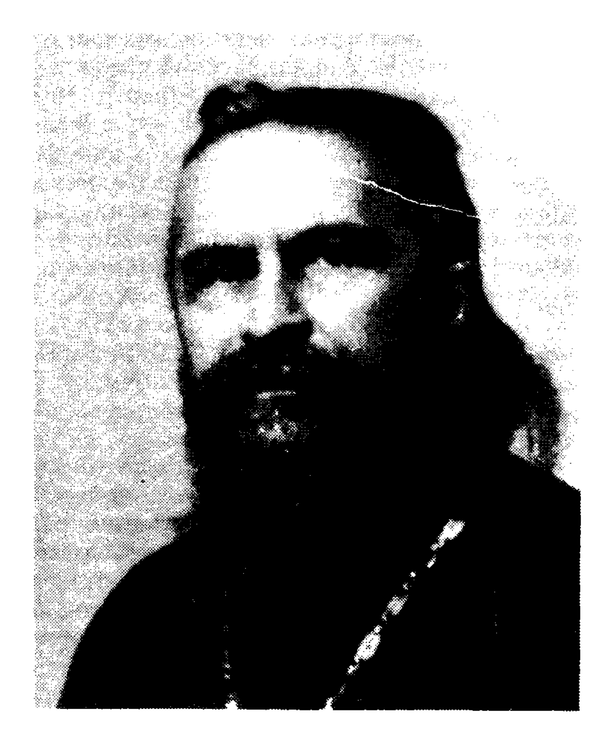
Как жила сама ученая эмиграция? Об этом автор, прибывший сюда из Константинополя вместе с бывшими деникинцами и врангелевцами, красочно повествует: «. . .шофер подвез меня к невысокому, но очень длинному, старому, довольно мрачному зданию, где, по его мнению, жили русские. Здание это называлось „Худобинцем" и было огромным старческим домом-богадельней, откуда старики были выселены и поселены прибывшие в Прагу многочисленные русские. В доме этом я прожил недели две-три и погрузился в бурный круговорот его жизни. Организационная работа, совещания, собрания, доклады, рефераты, прения, споры, полемика занимали здесь весь день с утра до позднего вечера. Около окна большой крайней комнаты, служившей, вероятно, столовой, собиралась толпа пражских жителей смотреть, как живут и что делают эти странные русские, которых средний городской обыватель никогда не видел. Особенно удивляло их то, что русский епископ в облачении служит там перед толпой собравшихся обитателей „Худобинца" молебны — чехи ведь в среднем народ нерелигиозный — и это для нас обычное явление возбуждало разговоры и даже нарекания. Из министерства прислали сказать, чтобы во избежание ненужных разговоров молебны служили в церкви, и их пришлось прекратить в „Худобинце"»[196].

Вместе с П. И. Новгородцевым, бывшим профессором Московского университета и директором Московского коммерческого института, Н. Н. Алексеев, бывший профессор этого института и Таврического университета, занимались комплектованием Русского юридического факультета, который и открылся 18 мая 1922 г. с разрешения Министерства иностранных дел и Министер-

ства народного просвещения ЧСР на основе досоветских университетских уставов. Он должен был, как писал С. П. Постников, выпускать «подготовленных юристов для работы в России», а заодно занять значительное число русских — профессоров-юристов, нашедших прибежище в Праге [197]. На открытии Русского юридического факультета его первый декан, профессор П. И. Новгородцев говорил: «Я знаю, что найдутся скептики, которые скажут, каким же образом воспитанные и учившие в старых русских университетах научат новым путям жизни и новым путям права. Ведь над ними тяготеют традиции старого права и старых начал. И, конечно, найдутся ревнители новизны, которые заподозрят нашу юридическую школу в уклоне к контрреволюционным принципам. Все эти сомнения и подозрения я должен с самого начала категорически и решительно отвергнуть. Наша цель — ...ни курсов революции, ни курсов контрреволюции» [198]. Как свидетельствует Н. Н. Алексеев, П. И. Новгородцев горько раскаивался в своем былом «кадетском радикализме», настаивал на слиянии понятий принятого в России права и нравственности и умер (в 1924 г.) с мыслью о совпадении идей «свободного универсализма», релятивизма и демократии.[199]

В дальнейшем деканами были Д. Д. Гримм (бывший ректор и профессор Петроградского университета, в 1927 г. уехавший в Тарту), Е. В. Спекторский (бывший профессор Варшавского университета, позднее — в Белграде) и А. А. Вилков (бывший доцент Варшавского и профессор Донского университетов). Секретарями затем были А. В. Маклецов (бывший приват-доцент Харьковского университета, позднее — профессор в Люблянском университете), П. А. Остроухов. Кроме них в числе преподавателей видим С. Н. Булгакова, бывшего профессора Московского университета, принявшего в 1917 г. священнический чин и ставшего протоиереем; позднее он — профессор Богословского института в Париже, автор «софианского» богословия и сторонник экуменического движения. Здесь и известный теоретик интуитивизма бывший профессор Петроградского университета Н. О. Лосский; бывший приват-доцент Новороссийского университета, позднее принявший священнический сан — Г. В. Флоровский, затем — профессор Богословского института в Париже. Таковы теоретики Русского юридического факультета; к ним надо добавить П. Б. Струве, А. А. Кизеветтера и специалистов по истории римского и современного государства и права, политической экономии: С. В. Завадского, В. А. Косинского, Г. Д. Гурвича, К. И. Зайцева, А. Н. Фатеева, А. А. Чупрова, Н. С. Тимашева и др. Если П. И. Новгородцев, А. С. Ломшаков и др. вообще отрицали существование советского права, то Н. Н. Алексеев, С. В. Завадский, А. В. Маклецов и Н. С. Тимашев выпустили двухтомный сборник «Право Советской России» (1924 г.), переизданный в Германии (1925 г.). Преподавательскую работу на русском юридическом факультете вел К. Я. Кадлец.

Насколько удалось этим людям идти в ногу с прогрессом и



С. Н. Булгаков

осуществить свои планы? Оставаясь русским учебным заведением в эмиграции, факультет находился под патронатом Карлова университета. Впрочем, существенного значения для его дальнейших судеб это не имело, ибо, не успев расцвести, факультет начал вянуть. Если в год открытия на всех его курсах числилось 255 студентов, а затем цифра подходила к полутысяче, то все же за 1922—1929 гг. им были подготовлены и получили диплом лишь 384 студента [200]. С подготовкой ученой смены дело обстояло еще хуже: это, прежде всего, талантливый историк средневекового права О. О. Марков (позднее — в Братиславе); специалист по международному праву М. А. Циммерман; уже известный нам исследователь истории власти средневековой России М. В. Шахматов; теоретик евразийства П. Н. Савицкий и, наконец, М. Е. Фридиев, позднее признанный в Сорбонне знаток истории русского и советского права.

Начиная с 1925 г. правительство ЧСР стало свертывать деятельность Русского юридического факультета и постепенно свело ее на нет. Причин тому несколько. Во-первых, в Акции русской помощи вспоможение студентам поглощало подавляющую часть средств. В 1927 г. в ЧСР находились 3534 студента, в 1930 г. — 906, в 1931 г. — 500 и в 1936 г. — предположительно 100, а шло им

в 1928 г. — 16.7 млн чехосл. крон из ок. 26 млн чехосл. крон — общей суммы, отпущенной на Акцию русской помощи, в 1929 г. — 10,4 млн чехосл. крон. из ок. 18 млн чехосл. крон.[201] Кстати говоря, на этом фоне затраты на содержание профессуры были невелики. Приведу их, ибо они в своеобразной табели о рангах позволяют судить об оценке в ЧСР русских преподавателей: от 1750 до 1500 чехосл. крон в месяц получали Н. Л. Окунев, С. О. Гессен, Д. Н. Бергун, Н. О. Лосский, А. Ф. Новицкий, А. Н. Фатеев; далее — от 1450 до 1000 — И. И. Лаппо, В. А. Мякотин, П. Б. Струве, А. В. Флоровский, Г. В. Флоровский, А. А. Кизеветтер, Е. Ф. Шмурло, И. И. Лапшин, М. М. Катков, П. А. Остроухов, Б. А. Евреинов, М. В. Шахматов, П. Н. Савицкий, И. О. Панас; наконец от 700 до 400 чехосл. крон — А. Л. Бем, В. Д. Плетнев, С. Г. Пушкарев, В. В. Леонтович, М. А. Андреева, Д. А. Расовский [202].

Другой причиной свертывания помощи было то, что она стала и долго оставалась объектом острой политической борьбы, вызывая протесты трудящихся ЧСР против предоставления средств и рабочих мест бывшим белогвардейцам. По этому поводу коммунисты-депутаты вносили запросы в парламент, вызывая дебаты [203]. Они ссылались на то, что Советское правительство объявило амнистию и все, кто хотел работать для родины, уехали; оставшиеся же были лишены советского гражданства (декретом от 15 декабря 1921 г. и распоряжением от 5 января 1922 г.), что, вообще говоря, не закрывало им пути домой, но в правовом положении ставило в положение людей без родины, получивших так называемые «нансеновские паспорта».

Из 200 000 человек, что в 1921 г. собрались после эвакуации Новороссийска и Крыма в лагерях Константинополя, Галлиполи и острова Лемнос, в ЧСР по особому отбору попало не так уж много. Из копии отчета Министерства иностранных дел ЧСР (от 10 ноября 1921 г.) видно, что первоначально здесь сосредоточились 5000 казаков-земледельцев, 1000 студентов и 100 профессоров; к 1922 г. их стало уже 22 000 [204]. Как гласит приложение к Меморандуму от 3 марта 1932 г., поданному в Министерство иностранных дел представителями Земгора (Г. Фальчиковым), Русского эмигрантского комитета (Н. Астровым), казачества и студентов, среди них было крестьян — 9000, студентов — 7200, квалифицированных специалистов (учителей, инженеров и т. п.) — 3900, детей — 1300, инвалидов — 600. Многие, особенно крестьяне, уже уехали в СССР, и на 1932 г. по паспортному обмену и контролю осталось всего 10 000 человек [205].

Комитет Земгора писал в Министерство иностранных дел (25 августа 1927 г.), что к этой дате окончивших вузы в ЧСР было 1086, из них «на более или менее постоянную работу» устроилось только 208 человек, в другие страны уехало 412, и сидят без дела 40 юристов, 104 инженера и т. п. Встречая общественный протест, правительство издало закон (от 13 марта 1928 г.), по которому те, кто прибыл в ЧСР после 1 мая 1923 г., лишались права на труд

и (имеющие нансеновские паспорта) на выезд [206]. Таких, по данным Земгора, было около половины, и Земгор просил уравнять их в правах с местным населением, ибо инженеры работают малярами и около 2000 человек ищут работу [207]. Еще хуже было положение юристов. Из письма руководителей Русского юридического факультета А. А. Вилкова и П. А. Остроухова министру народного просвещения И. Дереру (от 13 марта 1930 г.) узнаем, что министерство не признает его дипломов, считая его «частным заведением».[208] Авторы письма ссылаются на то, что во Франции эти дипломы приравняли к университетским дипломам «докторов права» (разумеется, на условиях нострификации). Дело решалось неспеша, и еще в 1932 г. шла переписка между Министерством иностранных дел, Министерством внутренних дел и Министерством финансов: последнее в общем не возражало, если число дипломников не превысит... 15—20 [209]. Получился скверный парадокс: не добравшись до «освобожденного» от Советов русского рынка, рабочие-эмигранты изгонялись с чехословацкого.

Третьей, и едва ли не важнейшей, причиной свертывания Акции русской помощи был рост могущества СССР и последовательные протесты нашего правительства и печати против подкармливания белогвардейцев [210].

Как правительство ЧСР старалось выйти из положения, видно из проекта ответа Министерства иностранных дел на парламентский запрос коммунистов (1923 г.), где читаем: «Иметь политические убеждения — личное дело каждого и не должно быть исключения и для русских профессоров, и между ними могут быть и крайне правые и крайне левые по политическим убеждениям; Министерство иностранных дел может заверить, что ни один из них никакой активной политической деятельности не ведет, а если бы вел, лишился бы помощи» [211]. Конечно, Министерство брало большой грех на душу: крайне левых, как мы видели, среди профессуры быть не могло, а в политику те, кто хотел, втягивались все активнее. К примеру, П. Б. Струве. Вот что он писал К. Крамаржу 12 мая 1925 г.: «Только для Вас. По желанию Великого Князя и по настоянию своих политических друзей я принимаю на себя руководство новой русской политической газетой (речь идет о „Возрождении“. — *В. П.*), основываемой в Париже... Чек для известных Вам целей я получил и деньги направил куда следует» [212].

Если с политических вершин спуститься в низы студенческого быта, то картина обретет дополнительные краски. Союз русских студентов в Пшибраме писал в Министерство иностранных дел (17 декабря 1931 г.), что к началу 1931 г. «русские студенты были лишены правительственных стипендий», что на предприятиях идут увольнения, а в «числе увольняемых со службы инженеров в первую очередь оказываются русские», притом и те, но уже «из-за отсутствия у них прав на работу» [213], в коих предприятия нуждаются.

Итак, наслушавшись лекций Зайцева, Струве и др. о равных

возможностях буржуазного мира, студенты требуют права на труд. Но тщетно. Вот данные из полицейского управления Министерства внутренних дел о судьбах студенческих обществ Братиславы. Они таяли и исчезали. Среди немногочисленных уцелевших — Русский клуб. Он возник в 1932 г. и декларировал свою аполитичность. Робкие пункты, вроде «работать в различных социальных, хозяйственных, культурных и гуманных областях, касающихся занятий и пользы членов», — подчеркнуты зеленым карандашом и забиты на машинке в полицейском экземпляре, как и пункт об «организации хозяйственного кооператива и библиотеки» [214]. Этот клуб помешал работе соседнего ресторана и кофейни «Живнодом», отвлекая, как жаловался хозяин, молодежную клиентуру, «а потому просим о Вашей охране нашего дела» [215].

Прилагались усилия, чтобы вовлечь молодежь в сокольские организации. Местный «Русский сокол» был создан по образцу пражского, «дабы в рамках сокольского духа» поддерживать и укреплять «общеславянское товарищество». Он состоял из обеспеченных людей. Но все же к 1938 г. распался, а имущество отошло к глинковской гвардии [216]. Наша печать обличала фашистские тенденции в русском сокольстве [217]. Впрочем, часть сокольской молодежи, как вспоминает известный специалист по физическому воспитанию Н. В. Манохин, позднее вела борьбу против фашизма совместно с коммунистами; тому пример группа «Индра» и др.[218]

По данным полиции,в Брно насчитывалось около дюжины студенческих объединений, от которых полицейский надзор требовал либо уставного непризнания советской власти, либо сотрудничества с полицией. Заседания посещались полицейскими осведомителями, чьи наблюдения и отложились в архиве [219]. Особенно тесная связь с полицией была у местного филиала «Союза русских студентов в ЧСР», начальника которой председатель поздравлял с праздниками. Но эти общества тоже увядали одно за другим: Русское академическое объединение и Русский демократический студенческий союз заглохли к 1931 г. Еще раньше захирел филиал Общества студентов — граждан УССР и ЧСР, организованный Феодосием Вергуном (в Архиве Министерства иностранных дел, по донесению Министерства внутренних дел, он проходит как коммунист); к 1927 г. большинство участников уехало в СССР (о чем читаем в документе от 20 июля 1931 г.) [220], хотя с учета полиции он был снят позже (1935 г.). К 1934 г. «распался потому, что утратил всех своих членов и никого не осталось», и Союз русских студентов [221]. Аналогична судьба и других русских союзов в Брно — Карпаторусских студентов, Студенческого русского народного союза и пр. Дольше других (1932—1950 гг.) существовало лишь Общество карпаторусских студентов «Добрянский» в Братиславе.

Жалкий конец Акции русской помощи разыгрался уже в условиях «протектората». Передо мной история удушения Акции в изложении Совета русских профессоров высшей школы [222].

Профессора ссылались на текст послания президента Э. Бенеша I съезду русских ученых в Праге (1921 г.), где он писал: «Будущность русского народа покоится в руках русской молодежи», а Прага станет центром ее обучения и ученых, призванных ее обучать. Они ссылались и на то, что их в страну пригласили и выделили 100 000 чехосл. крон. и что доныне они остались в виде «особой, вполне определенной группы среди русской эмиграции» — 19 профессоров и доцентов и 11 вдов ученых. По ликвидации Акции русской помощи (1935 г.) пособия им поступали индивидуально через Красный Крест. Общая выплата на уцелевших равна 14 000 чехосл. крон в месяц из расчета от 700 до 500 и вдовам — от 300 до 500 чехосл. крон, что заставляет их жить на грани нищенства, притом средний возраст более половины этих людей старше 60 лет. Это писал В. И. Исаев, председатель Общества русских ученых (1942 г.), ходатайствуя об удвоении пособий. Впрочем, даже выпрашивая эти крохи, он подчеркивал, что «возможно, что многие из них еще найдут применение своим знаниям на родине в ближайшем будущем».

Из сказанного ясно, в какой мере не прав Н. Н. Алексеев, когда заключает свои воспоминания о Русском юридическом факультете словами: он «превратил одичавших в войне и мало образованных добровольцев-деникинцев в университетски образованных русских интеллигентов. . . которые пошли по миру разносить остатки старой русской культуры, а иногда и знакомить мир с тем новым, что народилось в России» [223].

[1] *Rhinelander L. H.* Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. XVI. N 3. P. 331—352.

[2] См.: Report of the Kondakov Institute. Praha, 1932—1937. № 1—6; отчеты за 1927—1929 гг. см. SK. 1927—1929. Т. I—III.

[3] [*Кондаков Н. П.*] Воспоминания и думы Н. П. Кондакова. Прага, 1927. С. 34.

[4] АСК: Г. В. Вернадский — Н. П. Толлю от 22 мая 1935 г.

[5] Семинаром было подготовлено к печати сочинение Константина Багрянородного «De ceremoniis», но в 1930 г. его издание было отложено (АСК: Г. В. Вернадский — А. П. Калитинскому от 12 июля 1930 г.) в связи с подготовкой плана Корпуса А. Грегуаром, куда Беляев и Острогорский решили включить и свой труд (АСК: Г. А. Острогорский — Г. В. Вернадскому от 11 ноября 1930 г.); в папке А. Грегуара есть письмо к нему Института (от 3 марта 1932 г.), извещающее, что Острогорский и Беляев перевели 1—79 главы книги I, а также главы 52 и 53 («Клеторология» Филофея) и 54—57 главы книги II.

[6] АСК: А. А. Башмаков — А. П. Калитинскому от 13 сентября 1929 г.

[7] В утвержденном чехословацкими властями 1 июля 1931 г. Уставе Археологического института имени Н. П. Кондакова о его целях читаем: «собирание и издание всего научного и эпистолярного наследства ученого и дальнейшее развитие науки в указанных им направлениях; поддержка трудов и изданий ученых той же области научных интересов; лекционная работа, собирание библиотеки и археологической коллекции» (см.: Устав Археологического института им. Н. П. Кондакова (Kondakov Institute) в Праге. Прага, 1931. С. 1—2).

[8] АСК: Н. Рерих — М. Н. Германовой от 9 января 1931 г.

[9] АСК: Ю. Н. Рерих — А. П. Калитинскому от 31 ноября 1931 г.; А. П. Калитинский — Н. Г. Яшвиль от 20 января 1932 г. (письмо на 18-ти страницах).

[10] См.: *Тенишева М. К.* Эмаль и инкрустация. Прага, 1930. М. К. Тенишева передала мастерскую Институту.

[11] См. документы последней ревизии от 1 мая 1945 г. (АСК). Музейная коллекция пополнялась в основном за счет пожертвований.

[12] АСК: Г. В. Вернадский — Д. А. Расовскому от 28 января 1937 г.
[13] АСК: В. А. Мошин — Д. А. Расовскому от 5 апреля 1935 г. Ср. от февраля 1937 г. ему же: «я надеюсь, что на днях мы с Раевским продадим еще кое-что. Он энергично бегает по Белграду и ему обещали в нескольких местах, что возьмут».
[14] АСК: Д. А. Расовский — Н. Е. Андрееву от 10 сентября 1938 г.
[15] АСК: Д. А. Расовский — В. Н. Бенешевичу от марта 1934 г.
[16] АСК: Г. В. Вернадский — Н. П. Толлю от 14 апреля 1931 г.
[17] АСК: Г. В. Вернадский — Н. П. Толлю от 24 ноября 1930 г.
[18] См.: Устав Археологического института имени Н. П. Кондакова (Kondakov Institute) в Праге. Прага, 1931.
[19] АСК: Г. В. Вернадский — Н. П. Толлю от 26 января 1931 г.
[20] АСК: Г. В. Вернадский — Д. А. Расовскому от 10 февраля 1937 г. Списки почетных членов публиковались в годовых отчетах.
[21] См.: Устав Археологического института имени Н. П. Кондакова. С. 3.
[22] АСК: Г. В. Вернадский — Н. Г. Яшвиль от 4 января 1932 г.
[23] АСК: Н. Т. Беляев — Н. Г. Яшвиль от 24 марта 1933 г.
[24] АСК: Г. В. Вернадский — Н. П. Толлю от 22 мая 1935 г. С приложением: Г. В. Вернадский — М. Грейвсу от 17 мая 1935 г. и М. Грейвс — Г. В. Вернадскому от 20 мая 1935 г.
[25] АСК: А. А. Васильев — Н. П. Толлю от 24 июля 1935 г., ср. Г. В. Вернадский — Д. А. Расовскому от 8 января 1936 г.
[26] АСК: А. А. Васильев — Д. А. Расовскому от 5 декабря 1936 г.; см. также А. А. Васильев — Н. П. Толлю от 22 мая 1937 г.
[27] АСК: Копия письма М. Мурко А. А. Васильеву от 14 февраля 1938 г.
[28] АСК: В. А. Мошин — Д. А. Расовскому от 29 октября 1937 г.
[29] АСК: А. А. Васильев — Н. П. Толлю от 14 мая 1938 г.
[30] Annales de l'institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum). Pr. 1937. T. IX.
[31] АСК: Копия письма Института князю Павлу.
[32] См.: Report of the Kondakov Institute. N 2. P. 4; ср.: N 4. P. 5; N 5. P. 5.
[33] АСК: Копия письма Института князю Павлу.
[34] Там же.
[35] АСК: Н. Е. Андреев — П. М. Бицилли от 2 июля 1941 г.
[36] АСК: Г. В. Вернадский — Н. Е. Андрееву от 16 августа 1939 г.
[37] АСК: Н. П. Толль — Н. Е. Андрееву от 24 июля 1939 г.
[38] АСК: Г. В. Вернадский — Н. Е. Андрееву от 16 августа 1939 г.; Н. П. Толль — Н. Е. Андрееву от 24 июля 1939 г.
[39] Письмо Н. Е. Андреева автору от 21 сентября 1974 г. [См. ниже: Из переписки В. Т. Пашуто, письмо № 4. — *Примеч. сост.*].
[40] *Rhinelander L. H.* Op. cit. P. 349—350.
[41] АСК: Папка «Документы о правовом положении Института».
[42] АФ: А. В. Флоровский — К. Шварценбергу от 26 февраля 1947 г.
[43] АФ: А. Г. Острогорский — А. В. Флоровскому от 30 июля 1947 г.
[44] АФ: А. В. Флоровский — Г. А. Острогорскому, видимо, от февраля 1948 г.
[45] АФ: К. Шварценберг — А. В. Флоровскому от первой пол. 1948 г.
[46] АФ: Г. А. Острогорский — А. В. Флоровскому от 25 декабря 1947 г.
[47] АФ: см. черновой набросок письма и копию его письма Г. А. Острогорскому от 12 февраля 1948 г.
[48] АФ: Г. А. Острогорский — А. В. Флоровскому от 19 марта 1948 г.
[49] АФ: А. В. Флоровский — П. А. Хмырову от 16 июня 1949 г.
[50] АФ: А. В. Флоровский — А. В. Соловьеву от 27 мая 1948 г.
[51] АФ: А. В. Флоровский — Н. И. Семенову от 1 февраля 1949 г.
[52] АФ: запись А. В. Флоровского от 28 февраля 1949 г.
[53] АФ: П. А. Хмыров — А. В. Флоровскому от 17 августа 1951 г.
[54] Catalogue of Primitive Russian Painting. Tretiakov State Gallery. Moscow, 1963. Vol. II. P. 301. Entry 241.
[55] Цит. по статье: *Айналов Д. В.* Академик Н. П. Кондаков, как историк искусства и методолог // SK. 1928. T. II. P. 321.
[56] *Kondakov N. P.* Les costumes orientaux à la cour Byzantine // Byzantion, 1924. T. I. P. 7—49.

[57] Б. Н. Бенешевич сетовал: «трудно очень работать, когда масса литературы новой недоступна, но время такое трудное, что ничего не поделать» (АСК: В. Н. Бенешевич — Д. А. Расовскому от 10 июня 1934 г.); он горюет, что работа над «Дюканжем» «погибла» (ему же — от 12 февраля 1934 г.), но «Кормчую» печатают в Баварии (ему же — от 10 июня 1934 г.). Впрочем, он — оптимист: «надеюсь скоро приступить к громадной работе над Кормчей книгой, важнецкое дело выйдет, если удастся его докончить. У меня по истории Кормчей материал громадный, и руки давно чешутся, да сил нет» (ему же — от 12 февраля 1934 г.). Но докончить не удалось — творческая жизнь была оборвана. Лишь в 1970-х гг. Я. Н. Щапов в сотрудничестве с Ю. К. Бегуновым и И. С. Чичуровым завершил этот труд, посвятив его памяти В. Н. Бенешевича. [См.: Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. Т. 2. София, 1986. — *Примеч. сост.*].
[58] АСК: Ф. И. Успенский — Г. В. Вернадскому от 5 июля [1926 г.].
[59] *Жебелев С. А.* Яков Иванович Смирнов // SK. 1928. Т. II. С. 1—18.
[60] *Луппол И. К.* Об отношении советских ученых к ученым эмиграции // Научный работник. 1928. № 12. С. 19—22.
[61] Там же. С. 22.
[62] АСК: Папка «Архив научного обмена», письмо от апреля 1929 г.
[63] См.: Классовый враг на историческом фронте. М.; Л., 1931. С. 169—170.
[64] С. Н. Валк сообщил мне, что в Архиве АН (Ленингр. отд.) в фонде С. А. Жебелева есть письма к нему не только Н. П. Кондакова (1893—1925 гг.), но и А. А. Васильева (1900—1941 гг.). [См. ниже письмо № 12. — *Примеч. сост.*].
[65] *Ростовцев М. И.* Бог—всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // SK. 1927. Т. I. С. 141—146.
[66] *Калитинский А. П.* О некоторых формах фибулы из Южной России // SK, 1927. Т. I. С. 191—211; *Он же.* К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России // SK. 1928. Т. II. С. 277—308.
[67] *Беляев Н. М.* Очерки по византийской археологии. I. Фибула в Византии // SK. 1929. Т. III. С. 49—101.
[68] *Толль Н. П.* Икона Тихвинской Божией матери из собрания К. Т. Солдатенкова // SK. 1932. Т. V. С. 181—184; *Он же.* Икона Спасителя из собрания К. Т. Солдатенкова // SK. 1933. Т. VI. С. 209—217; *Он же.* Серебряный крест. Из собрания Н. Г. Солдатенковой // SK. 1931. Т. IV. С. 21—214.
[69] *Беляев Н. Т.* О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса // SK. 1927. Т. I. С. 247—285; *Он же.* Сумерийская мина, ее происхождение и величина // SK. 1928. Т. II. С. 187—220; *Он же.* О царской сумерийской мине, о дарике и о золотнике // SK. 1931. Т. IV. С. 179—199; *Он же.* О безмене в Индии // SK. 1933. Т. VI. С. 137—154; *Beliaew N. T.* On the «Wodan-Monster» or the «Dragon» Series of the Anglo-Saxon Sceatas // SK. 1935. Т. VII. P. 169—184; *Беляев Н. Т.* О географическом распределении кладов с англо-саксонскими и фризскими монетами VII—IX-го века (шеаттами) // SK. 1936. Т. VIII. С. 193—215.
[70] Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // SK. 1929. Т. III. С. 215—270.
[71] *Бруцкус Ю. Д.* Варяги и колбяги // SK. 1935. Т. VII. С. 81—101.
[72] *Анастасиевич Д.* Лев Диакон о годе отвоевания Цимисхием Болгарии от русских // SK. 1929. Т. III. С. 1—4; *Он же.* Царский год в Византии // SK. 1940. Т. XI. С. 147—199.
[73] *Рутковский Н. П.* Латинские схолии в кормчих книгах // SK. 1929. Т. III. С. 149—168.
[74] *Ostrogorsky G.* Zum Stratordienst des Herschers in der Byzantinisch-Slavischen Welt // SK. 1935. Т. VII. S. 187—204; *idem.* Die byzantinische Staatenhierarchie // SK. 1936. Т. VIII. S. 41—61.
[75] *Grabar A. N.* Les fresques des escaliers à Sainte—Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine // SK. 1935. Т. VII. P. 103—118.
[76] *Мошин В. А.* Николай, епископ Тмутараканский // SK. 1932. Т. V. С. 47—62.
[77] *Vasiliev A. A.* The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century // SK. 1937. Т. IX. P. 39—70.
[78] *Расовский Д. А.* О роли черных клобуков в истории Древней Руси // SK. 1927.

Т. I. С. 93—109; *Он же.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // SK. 1933. Т. VI. С. 1—64.; *Он же.* К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // SK. 1929. Т. III. С. 193—214; *Он же.* Половцы // SK. 1935. Т. VII. С. 245—262; *Он же.* Половцы. II. Расселение половцев // SK. 1936. Т. VIII. С. 161—182; его же. Половцы. III. Пределы «поля половецкого» // SK. 1937. Т. IX. С. 71—85; *Он же.* Половцы. III. Пределы «поля половецкого» // SK. 1938. Т. X. С. 155—177; *Он же.* Половцы. IV. Военная история половцев // SK. 1940. Т. XI. С. 95—127.

[79] *Мошин В. А.* Русь и Хазария при Святославе // SK. 1933. Т. VI. С. 187—208.

[80] *Баумгартен Н. фон.* София Русская, Королева Датская, а затем ландграфиня Тюрингенская // SK. 1931. Т. IV. С. 95—103; *Расовский Д. А.* Рец. на кн.: Baumgarten N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X[e] au XIII[e] siècle. Roma, 1927 // SK. 1928. Т. II. P. 374—375; *Он же.* Рец. на ст.: Baumgarten N. de. Le dernier mariage de Saint Vladimir // Orientalia Christiana. Vol. XVIII—2. Roma, 1930. P. 165—168; *Idem.* Pribyslava de Russie // Ibid. Vol. XX—3. Roma, 1930. P. 157—161; *Idem.* Cunegonde d'Orlamunde // Ibid. P. 162—168 // SK. 1931. Т. IV. P. 308—309.

[81] *Окунев Н. Л.* «Столпы святого Георгия». Развалины храма XII века около Нового Базара // SK. 1927. Т. I. С. 225—246; *Он же.* Алтарная преграда XII века в Нереде // SK. 1929. Т. III. С. 5—21.

[82] *Флоровский А. В.* Известия о Древней Руси арабского писателя Мискавейхи X—XI вв. и его продолжателя // SK. 1927. Т. I. С. 175—186, 345.

[83] *Вернадский Г. В.* Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // SK. 1927. Т. I. С. 73—84.

[84] *Андреев Н. Е.* О «Деле дьяка Висковатаго» // SK. 1932. Т. V. С. 191—241; *Он же.* Митрополит Макарий, как деятель религиозного искусства // SK. 1935. Т. VII. С. 227—244; *Он же.* Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании // SK. 1936. Т. VIII. С. 259—277; *Он же.* Иоанн Грозный и иконопись XVI века // SK. 1938. Т. X. С. 185—198.

[85] *Лосский В. Н.* Отрицательное богословие в учении Дионисия Ареопагита // SK. 1929. Т. III. С. 138—144; *Монах Василий (Кривошеин).* Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // SK. 1936. Т. VIII. С. 99—151.

[86] *Калитинский А.* Княгиня Мария Клавдиевна Тенишева // SK. 1928. Т. II. С. 324—327; *Андреев Н. Е.* Княгиня Н. Г. Яшвиль // SK. 1940. Т. XI. С. 236—240; *Вернадский Г. В.* М. И. Ростовцев (К шестидесятилетию его) // SK. 1931. Т. IV. С. 239—252 (с библиографией); *Острогорский Г. А.* Николай Михайлович Беляев // SK. 1931. Т. IV. С. 253—260; *Вернадский Г. В.* А. А. Васильев (К семидесятилетию его) // SK. 1938. Т. X. С. 1—17 (с библиографией); *Васильев А. А.* Мои воспоминания о В. Г. Васильевском // SK. 1940. Т. XI. С. 207—214; *Расовский Д. А.* Граф А. А. Бобринской // SK. 1940. Т. XI. С. 240—244.

[87] *Born W.* Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei. I Teil // SK. 1932. T. V. S. 63—95; II. Teil // SK. 1933. T. VI. S. 89—108; III. Teil // SK. 1935. T. VII. S. 61—80.

[88] А. А. Васильев, например, выехал из СССР лишь в 1925 г., приглашенный Висконсинским университетом США, и продолжал публикаторскую — издание Яхьи Антиохийского (Histoire de Jahya-Ibn Sa'id d'Antioche Continuateur de Sa'id-Ibn-Bitriq. Editée et traduite en français par J. Kratchkovsky et A. Vasiliev // Patrologia orientalis, 1924. T. XVIII. F. 5; 1932. T. XXIII. F. 5) — деятельность совместно с советским востоковедом И. Ю. Крачковским; его книга «Готы в Крыму» была опубликована у нас в 1927 г. (Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1921. Т. 1. С. 265—344; 1927. Т. 5. С. 179—282).

[89] Земгор — Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике.

[90] Отчет РНУ за 1925/1926 учебный год — SÚA AMZV. RPA (1920—1937). Karton 103, Č. 1.

[91] Там же.

[92] AHMP. RSU. Č. 1.

[93] Протокол № 13 от 29 марта 1927 г. — AHMP, RSU. Č. 2.

[94] SÚA. AMZV. RPA (1920—1937). Karton 103.

[95] Науч. Тр. РНУ. 1933. Т. V. С. XII.

[96] Науч. Тр. РНУ. 1931. Т. IV. С. VII.
[97] «Татьянин день» давал доход до 20 тыс. чехосл. крон (Журнал Куратория № 32 от 19 мая 1937 г. — АНМР. RSU. Č. 3); первоначально дотация составляла 202 626 11 чехосл. крон, из которых 139 802 поступали от Министерства иностранных дел, 44 538 80 чехосл. крон — от Министерства просвещения (Финансовый отчет, SÚA, AMZV, RPA (1920—1937). Karton 103. Č. 1).
[98] Возникновение и деятельность Русского Науч.-иссл. объединения в Чехо-Словакии. Прага, 1938. См. также: Журнал Куратория № 59 от 3 ноября 1933 г. — АНМР, RSU. Č. 2.
[99] Журнал Куратория № 24 от 27 февраля 1934 г. — АНМР, RSU. Č. 3.
[100] Журнал Куратория № 37 от 14 декабря 1940 г. — АНМР, RSU. Č. 3.
[101] Его затухающую деятельность хорошо отражают протоколы РИО за 1940 г. См.: АО. Коробка № 4.
[102] См. ниже § 3.
[103] *Nikolajev S. N.* Russische Bibliothek an der Russischen Freiuniversität in Prag. Отчет от 11 ноября 1940 г. — АО. Коробка № 4.
[104] См. «Отчет о деятельности Русского культурно-исторического музея в 1940 г.» от 8 декабря 1940 г. — АНМР. RSU. [Фотокопия в архиве В. Т. Пашуто. — *Примеч. сост.*].
[105] АО. Коробка 4.
[106] Протоколы заседания Президиума Куратория 23 января 1944 г. — АНМР. RSU. Č. 3.
[107] В. С. Ильин — А. Н. Фатееву от 8 февраля 1945 г. — АО. Коробка 5.
[108] Надпись рукой П. А. Остроухова на письме А. Н. Фатеева — В. С. Ильину от 11 февраля 1945 г. — АО. Коробка 5.
[109] АО. Коробка 5.
[110] А. Н. Фатеев — В. Войтишку от 24 августа 1946 г. АО. Коробка 4.
[111] АО. Коробка 4.
[112] См.: Журнал Куратория № 18 от 27 мая 1931 г. — АНМР. RSU. Č. 3.
[113] *Остроухов П. А.* Всероссийский товарообмен в Нижнем Новгороде // Зап. НИО. 1935. Т. I (VI). С. 101—134; *Он же.* Москва и ее промышленная область на Нижегородской ярмарке в 1822 году // Зап. НИО. 1936. Т. III (VIII). С. 57—102; *Он же.* Движение цен на чай на внутреннем рынке России в XIX ст. до реформы русско-китайской торговли в Кяхте в 1861 г. // Зап. НИО. 1937. Т. V (X). С. 193—238; *Он же.* К вопросу о значении русско-китайской меновой торговли в Кяхте для русского рынка в первой половине XIX-го века // Зап. НИО. 1939. Т. IX (XIV). С. 207—254; *Он же.* Озерная, лесная и степная области России на Нижегородской ярмарке в 1822 году // Зап. НИО. 1937. Т. IV (IX). С. 33—75; *Он же.* Конъюнктура на Нижегородской ярмарке с 1817 по 1867 год // Зап. НИО. 1942. Т. XI (XVI). С. 153—190, 287—321.
[114] *Пушкарев С. Г.* Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины в России // Зап. НИО. 1939. Т. IX (XIV). С. 95—160; 1941. Т. X (XV). С. 183.
[115] *Пушкарев С. Г.* Указ. соч. 1939. Т. IX (XIV). С. 110.
[116] Там же. С. 132—135.
[117] *Савицкий П. Н.* «Житие» протопопа Аввакума, как географический первоисточник // Науч. Тр. РНУ. 1929. Т. II. S. 218—231.
[118] *Савицкий П. Н.* Из прошлого русской географии (Периодизация истории русских открытий) // Науч. Тр. РНУ. 1931. Т. IV. С. 272—296.
[119] *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. Иркутск, 1932. Т. I. XIII—XVII вв.
[120] *Савицкий П. Н.* Сказания иностранцев о Сибири (Историко-географич. заметки) // Науч. Тр. РНУ. 1933. Т. V. С. 140—159.
[121] *Одинцов Б. Н.* Пределы Евразии // Науч. Тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 152—164.
[122] *Šmourlo E.* L'histoire de la Russie au point de vue de ses conditions géographiques // Зап. НИО. 1935. Т. II (VII). С. 67—134.
[123] *Флоровский А. В.* Ян Гус в русской оценке. (Справка из истории чешско-русских отношений) // Науч. Тр. РНУ. 1930. Т. III. С. 23—44.
[124] *Florovskij A.* Le conflit de deux traditions — la latine et la byzantine — dans la vie intellectuelle de l'Europe Orientale aux XVI^e—XVII^e siècles // Зап. НИО. 1937. Т. V (X). С. 171—192.

[125] *Кизеветтер А.* Дворянские политические проекты 1730 года // Научн. Тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 77—88.
[126] *Флоровский А.* К истории экономических идей в России в XVIII веке // Науч. Тр. РНУ. 1928. Т. I. С. 81—93.
[127] Там же. С. 86.
[128] *Кизеветтер А.* Критические заметки по истории политических идей в России // Науч. Тр. РНУ. 1928. Т. I. С. 75—80.
[129] *Fatéev Ar.* La constitution russe de 1809 // Зап. НИО. 1935. Т. II (VII). С. 35—66.
[130] *Фатеев Ар.* К истории и теории кодификации. Столетие Полного Собрания Законов // Науч. Тр. РНУ. 1931. Т. IV. С. 3—22.
[131] *Евреинов Б. А.* М. А. Бакунин и австрийские власти в 1849—51 гг. (по материалам пражского полицейского архива) // Науч. Тр. РНУ. 1931. Т. IV. С. 118—128; *Он же.* Последний этап славянской деятельности Бакунина // Науч. Тр. РНУ. 1933. Т. V. С. 98—109.
[132] *Шахматов М. В.* Исполнительная власть в Московской Руси // Зап. НИО. 1935. Т. I (VI). С. 161—256.
[133] *Шахматов М. В.* Компетенция исполнительной власти в Московской Руси. Ч. I. Внутренняя охрана государства // Зап. НИО. 1937. Т. IV (IX). С. 137—220; Ч. II. Охрана личности // Зап. НИО. 1937. Т. VI (XI). С. 109—225.
[134] *Ляцкий Е.* Пушкин и его историческая мысль // Науч. Тр. РНУ. 1928. Т. I. С. 102—113.
[135] *Фатеев А. Н.* О литературных источниках художественного образа М. М. Сперанского в «Войне и мире» (в связи с философско-историческим направлением этого произведения) // Науч. Тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 100—117. В отличие от этих работ, совсем не интересна огромная статья А. Н. Фатеева, посвященная проблеме индивидуума и государственного человека на примере Александра I (*Fatéev Ar.* Le problème de l'individu et de l'homme d'état dans la personnalité historique d'Alexandre I, empereur de toutes des Russies // Зап. НИО. 1936. Т. III (VIII). С. 139—178; 1937. Т. V (X). С. 1—36; 1938. Т. VI (XI). С. 264 ff.; 1939. Т. IX (XIV). С. 1—47). Впрочем, здесь столкнулся интуитивизм с необходимостью апологии довольно заурядной личности.
[136] *Лаппо И.* Литовско-русское государство в составе Речи Посполитой // Научн. Тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 63—76.
[137] *Hessen S.* Weltanschauung, Ideologie, Bildung // Зап. НИО. 1935. Т. I (VI). С. 57—100.
[138] *Пашуто В. Т.* Реваншисты — псевдоисторики России. М., 1971. С. 100—129.
[139] *Hessen S.* Op. cit. S. 57.
[140] Ibid. S. 60.
[141] *Šachmatov M. V.* Ruská starodávná průvodní listina vyslanci Ferdinanda I, krále Českého atd. // Зап. НИО. 1938. Т. VIII (XIII). С. 77—98.
[142] *Florovskij A.* Obchodní styky Čech a Moravy s východní Evropou v XVI a XVII století (Historické poznámky) // Зап. НИО. 1938. Т. VIII (XIII). С. 1—14.
[143] *Ostrouchov P. A.* Ruští rekonvalescenti na Zbraslavi ve válce 1813 // Зап. НИО. 1938. Т. VIII (XIII). С. 173—190.
[144] *Флоровский А.* Несколько фактов из истории русско-чешских отношений в XIX в. // Науч. Тр. РНУ. 1931. Т. IV. С. 299—310.
[145] *Флоровский А.* Почитание св. Вячеслава, князя чешского, на Руси // Науч. Тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 305—325.
[146] Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925—1934. Прага, 1934. С. 4; см. также: *Постников С. П.* Русские в Праге. 1918—1928 гг. Прага, 1928. С. 50—51.
[147] АО. Коробка 4.
[148] АО. Коробка 4.
[149] Впрочем, в другой описи она называлась «Великий исход. Опыт подсчета русской эмиграции».
[150] Kulturabteilung des Ministerratspresidiums (Praha II, Vodičkova 9). Быть может, экземпляр верстки уцелел в архиве издательства «Knihtisk» (Grafické a vydavatelské podniky, Akc. Spol. v Praze, Vršovice, Sámova ul., 665). Сведения об этом см.: АО. Коробка 4.
[151] Н. Ф. Новожилов — Е. А. Ляцкому от 9 мая 1942 г. — АО. Коробка 4.
[152] М. А. Андреева — РИО от 16 декабря 1942 г. — АО. Коробка 4.

[153] Отчет за 1943—1944 гг. — АО. Коробка 4.
[154] *Шахматов М. В.* Платон в Древней Руси // Зап. РИО. Прага, 1930. Кн. 2. С. 49—70; *Чижевский Д.* Платон в Древней Руси // Там же. С. 71—81.
[155] Там же. С. 81.
[156] *Свенцицкий И. С.* Начала философии в русской литературе XI—XVI вв. Львов, 1901.
[157] *Шмурло Е. Ф.* Когда и где крестился Владимир Святой? // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 120—148.
[158] *Клетнова Е. Н.* Древнейший торговый путь — из Варяг в Хазары // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 16.
[159] *Расовский Д. А.* Древне-русское светское мировоззрение // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 23—24.
[160] *Максимович Е. Ф.* Первосоветник Думы Боярской // Зап. РИО. 1930. Кн. II. С. 141—162.
[161] *Евреинов Б. А.* Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 57—79.
[162] *Шмурло Е. Ф.* Юрий Крижанич. Славянофил или миссионер? Пересмотр старого вопроса // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 43.
[163] Там же. С. 44—45. [164] Там же. С. 45.
[165] *Спекторский Е. В.* Заветы Петра Великого // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 80—102.
[166] *Саханев В. В.* К вопросу о значении «Конференции, учрежденной при Дворе Императрицы Елисаветы Петровны» // Зап. РИО. 1930. Кн. II. С. 5—47. См. также: *Флоровский А. В.* Шведский перевод «Наказа» Имп. Екатерины II // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 149—152.
[167] *Саханев В. В.* Указ. соч. С. 9.
[168] *Фатеев А. Н.* Бумаги Сперанского. (Как могли попасть в руки декабристов преобразовательные планы Сперанского) // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 103—113. Ср.: *Он же:* Сперанский и декабристы // Там же. С. 27—28. Работы А. Н. Фатеева остались вне поля зрения наших специалистов. См.: *Семенова А. В.* Декабристы и государственные деятели России — кандидаты во временное революционное правительство (М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, П. Д. Киселев). Автореф. дисс. . . . канд. ист. наук. М., 1977. С. 6.
[169] *Фатеев А. Н.* Судьба записок Карамзина о России и Польше при императоре Николае I // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 114—119.
[170] *Евреинов Б. А.* «Исповедь» М. А. Бакунина // Зап. РИО. 1930. Кн. II. С. 95—124.
[171] Там же. С. 124.
[172] *Жекулин Н. С.* Практические начала политической экономии П. И. Пестеля // Зап. РИО. 1930. Кн. II. С. 125—140.
[173] *Францев В. А.* М. П. Погодин и Фр. Палацкий // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 153—168; *Остроухов П. А.* Чешский путешественник о хозяйственном положении России в конце XVIII столетия // Зап. РИО. 1930. Кн. II. С. 83—93.
[174] *Флоровский А. В.* Отзыв о книге Г. М. Барац. О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских. Берлин, 1924 // Зап. РИО. 1927. Кн. I. С. 31; *Он же.* Рец. на кн.: Милюков П. Н. Научные основы евразийства // Там же. С. 17; *Он же.* Рец. на кн.: Кизеветтер А. А. Спорные вопросы в истории декабристов // Там же. С. 15—16.
[175] *Syllaba T.* Vladimir Andrejevič Francev. Pr., 1977; *Лаптева Л. П.* В. А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Sl. 1966. R. 35/1. С. 79—95.
[176] *Syllaba T.* Op. cit. S. 35.
[177] Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. I. С. 3.
[178] Там же.
[179] *Шмурло Е. Ф.* Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту (Страница из политической истории России конца XVII века) // Там же. С. 5—46.
[180] *Спекторский Е. В.* К характеристике Чаадаева // Там же. С. 47—68.
[181] Там же. С. 53.
[182] *Кизеветтер А. А.* Карамзин, как двигатель русской культуры // Там же. С. 145—160.
[183] Там же. С. 152.
[184] *Лаппо И. И.* К истории русской старопечати // Там же. Т. I. С. 161—184.
[185] *Фатеев А. Н.* Политические направления первого десятилетия XIX в. в борьбе за сенат // Там же. С. 205—260.

[186] Там же. С. 205.
[187] Там же. С. 249.
[188] *Флоровский А. В.* К характеристике Имп. Екатерины-законодательницы // Там же. С. 261—278.
[189] *Лапшин И. И.* Творческая догадка историка // Там же. С. 301—332.
[190] *Евреинов Б. А.* Ю. Ф. Самарин в Праге в 1867—1868 гг. // Там же. С. 333—350.
[191] Там же. С. 389—472.
[192] *Кизеветтер А. А.* Опричнина Ивана Грозного в русской историографии // Сборник Русского института, 1932 (1931). Т. II. 7—28.
[193] Там же. С. 17.
[194] *Шмурло Е. Ф.* Государствование Петра Великого в первые годы воцарения // Там же. 1932. Т. II. С. 29—58.
[195] *Алексеев Н. Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет. Глава из воспоминаний, переданная мне семьей П. А. Остроухова, с. 1—3. (Ср. письмо В. М. Котрубенко автору от 18 апреля 1975 г. [Публикуется ниже, письмо № 35. Воспоминания Н. Н. Алексеева см. ниже: Приложение IV. Воспоминания. — *Примеч. сост.*].
[196] Там же. С. 105.
[197] Русские в Праге. 1918—1928 гг./Редактор-издатель С. П. Постников. Прага, 1928. С. 83.
[198] Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926—1927 учебный год с общим обзором его деятельности (1922—1927). Прага, 1927. С. 10. Историю возникновения, преподавательской, ученой и издательской деятельности Русского юридического факультета см. в указанном отчете, а также: Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1927/28 учебный год. Прага, 1928.
[199] См. его статьи в журналах: Philosophie und Recht, № 1 и София, 1923. Кн. I. С. 97.
[200] SÚA. AMZV. RPA, Ruská právnická fakulta v Praze. Karton 104.
[201] SÚA. AMZV. RPA. Rozpočty 1926—1932. Karton 40.
[202] Данные за 1931 г. См.: SÚA, AMZV RPA. Rozpočty 1926—1932. Karton 40.
[203] См., например, запрос депутатов-коммунистов Хакена, Крейбиха, Микулички и др. в декабре 1923 г. — SÚA. AMZV. Ruské a ukrajinské spolky a instituce. Karton 11.
[204] SÚA. AMZV. RPA. Politické spravy. Karton 39.
[205] Ibidem. [206] Ibidem. [207] Ibidem.
[208] SÚA. AMZV. RPA. Ruská právnická fakulta v Praze. Karton 104.
[209] Ответ МИД ЧСР от 20.5.1931 г. — SÚA. AMZV. RPA. Ruská právnická fakulta v Praze. Karton 104.
[210] Советское студенчество в Чехо-Словакии — т. Рыкову // Правда. 1926. 26 окт. (№ 247); Сокращение пособий белогвардейцам в Чехо-Словакии // Правда, 1926. 30 дек. (№ 302).
[211] SÚA. AMZV. RPA. Politické spravy. Karton 39.
[212] ANM. Fond K. Kramařa. 2,5. N 2467.
[213] SÚA. AMZV. RPA. Politické spravy. Karton 39.
[214] ŠSÚA. PR. 1942/1944. 202. Mat. 135/124.
[215] Ibidem.
[216] ŠSÚA. MV. 27983/41.
[217] *Штерн В.* Фашистская опасность в Чехо-Словакии // Правда. 1926. 4 июля (№ 151). С. 2; *Тимов С.* Сокольский союз славянских стран // Правда. 1926. 6 июля (№ 152). С. 2.
[218] Н. В. Манохин. На рубеже двух эпох (конспект воспоминаний).— В архиве В. Т. Пашуто. От имени «казачьего круга» Праги автор передал мне также ряд книг по истории казачества.
[219] SAB. B 26. Policejní ředitelství.
[220] SAB. B 26. Inv. č. 2545B, sign. 1399.
[221] SAB. B 26. Inv. č. 2547A, sign. 1558.
[222] «Прошение Совета русских профессоров высшей школы». Получено мною от семьи П. А. Остроухова.
[223] См.: Главы из монографии. Приложение IV. Воспоминания.— *Примеч. состав.*

Глава III

Русские историки-эмигранты в Югославии

1. Русский научный институт в Белграде

Общество русских ученых в Белграде заявило о себе еще в 1920 г., однако Русский институт возник здесь позднее, чем пражский и берлинский (формально с 23 июня 1928 г.): его основание было приурочено к четвертому съезду русских академических организаций и торжественно состоялось 16 сентября 1928 г. Институт находился под покровительством короля Александра I при содействии Державной (ведавшей материальными и учебными нуждами русских эмигрантов) и специальной Культурной (во главе которой стоял академик А. И. Белич) комиссий.

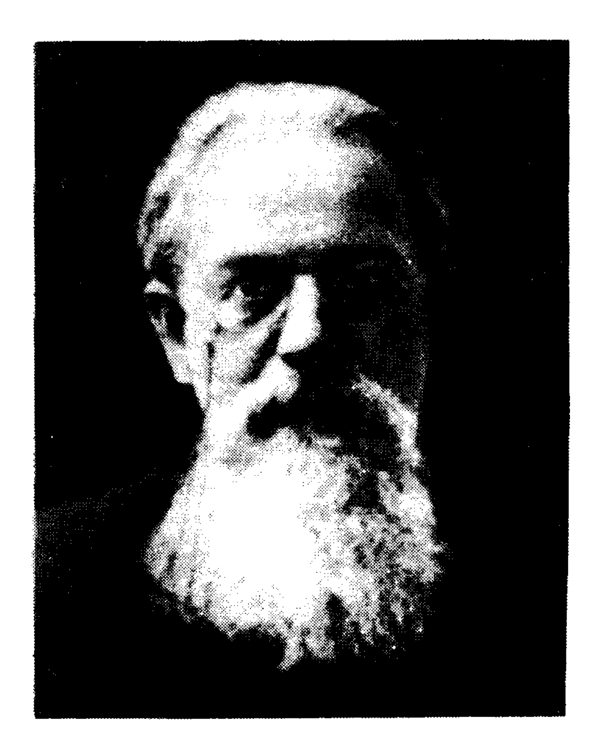
Первоначальный состав ученых, подписавших устав, включал 21 представителя общества, среди них были известные историки-слависты, историки общественной мысли, церкви и права — А. П. Доброклонский, А. Л. Погодин, Е. В. Спекторский, Ф. В. Тарановский, С. В. Троицкий. К этой группе позже присоединились также Е. В. Аничков, М. Н. Ясинский, а затем А. В. Соловьев, В. А. Мошин и Г. А. Острогорский. Открывая Институт, его председатель Е. В. Спекторский намечал три направления деятельности, в основе сходные с теми, что вырисовывались и перед основателями других эмигрантских университетов, институтов и факультетов. Это — исследовательская работа по проблемам русского и южнославянского прошлого в широком, комплексном смысле, а также «подготовка молодых ученых и печатание научных трудов» [1]. Позднее, в 1933 г., Институт разместился в специальном Русском доме им. имп. Николая II [2].

Вообще в Югославии, где были живы традиции славянской общности и где сосредотачивались крупные воинские контингенты бывших врангелевцев, условия жизни и работы эмигрантов были относительно благоприятные. Институт получал материальную поддержку Минпроса «и других учреждений» [3]; его представитель входил в правление Русского народного университета в Белграде. Институт был творчески связан с Русской публичной библиотекой, с Русской матицей [4], Русским археологическим обществом [5]. Институт насчитывал около 50 действительных членов из числа бывших профессоров и доцентов России и нынешних — Югославии, а число членов-сотрудников даже выросло за счет подготовленной молодежи с 19 (1929 г.) до 48 (1938 г.). Дело в том, что в течение четырех лет (1928—1932 гг.) Институт имел материальную возможность готовить кадры из стипендиатов, среди которых побывали и уже известные нам историки: М. А. Андре-

ева, О. О. Марков, В. А. Мошин, П. А. Остроухов. В ведении совета и правления Института находилось шесть отделений, включая отделение общественных и исторических наук под председательством сперва А. П. Доброклонского (1928—1936 гг.), затем Е. В. Аничкова. После IV съезда РАОЗГ, выразившего желание, «чтобы в Русском научном институте в Белграде было отведено место военным наукам»[6], при этом отделении была образована военная секция под председательством сперва В. И. Баскакова (1928—1933 гг.), а затем И. С. Свищева. Располагал Институт и небольшой (около 1000 томов) библиотекой.

Просветительская работа Института складывалась из ряда мероприятий. Проводились торжественные заседания, посвященные знаменательным событиям и лицам, в том числе таким, как В. Н. Чичерин, К. Я. Кадлец, И. Добровский, С. М. Соловьев, А. Н. Пыпин, В. И. Ламанский, М. К. Любавский, В. Г. Васильевский, А. Н. Веселовский, А. И. Белич, а также А. С. Пушкину, И. А. Гончарову, А. С. Грибоедову и др. В беседах на закрытых заседаниях выступали такие писатели, как З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, И. Северянин, И. И. Лапшин. Главную форму деятельности Института составляли доклады и речи на отделениях, где помимо проживающих в Югославии выступали ученые, приглашаемые из других стран. Особенно часто бывал Б. Н. Струве, а из местных — А. Л. Погодин, Ф. В. Тарановский. На семинарах интересующихся ближе знакомили с состоянием отдельных научных дисциплин. По вопросам литературы их вел А. Л. Погодин, по теории публичного права — Е. В. Спекторский, по обществоведению П. Б. Струве. Читались систематические курсы, в том числе по таким проблемам, как Московская Русь, ее государственное и общественное устройство (А. А. Кизеветтер), Юго-Западная Русь, Литва и Польша в их историческом взаимоотношении (И. И. Лаппо), история византийского иконоборчества (Г. А. Острогорский), экономическая история России в связи с образованием государства и общим культурным развитием страны (П. Б. Струве), Киевская Русь и проблема национального единства русского народа (А. В. Флоровский), географические особенности русской территории и их влияние на исторический ход событий в жизни русского народа (Е. Ф. Шмурло). Сотрудники Института читали публичные лекции, сперва, пока он существовал, в Русском народном университете, а также в Коларчевом народном университете и в народных университетах Люблян, Морибора, Сараева, Целья, Шабаца, а по приглашению Русской матицы — в Загребе, Новом Саду и др.[7]

Хотя положение этого Института было относительно благополучнее других подобных, он не избежал общей судьбы. После гибели короля Александра I в Марселе в результате фашистской операции «Тевтонский меч» (1934 г.) патронат над институтом перешел к регенту Павлу. Но, с одной стороны, постепенно таяли русские кадры (умерли Ф. В. Тарановский, А. П. Доброклонский, Е. В. Аничков, М. Н. Ясинский и др.) и падал интерес к Институ-



П. Б. Струве

ту, а с другой — экономический кризис не обошел и Югославию. Сперва снизился уровень требований к научным сотрудникам института и было признано, что его действительными членами могут быть все лица, занятые преподаванием в славянских университетах, а также лица, имевшие степени магистра и доктора в царской России. Сокращение материальной поддержки институту лишило его возможности дальнейшего приглашения для выступлений ученых из других стран. Из ведения совета Института контроль сумм, отпускаемых на его нужды югославской Культурной комиссией, перешел в ведение правительственных органов. Главные формы работы — доклады и речи (за 10 лет их было сделано 670) все менее себя оправдывали, ибо «к сожалению, молодежь посещает их менее, чем старшее поколение эмиграции»[8].

Предметом особых забот Института были основанные им «Записки», которые издавались при поддержке Культурной комиссии, как и другие научные труды, в первую очередь по истории России и Югославии. «Записки» выходили регулярно, лишь объем статей ввиду материальных затруднений был сокращен в 1932 г. с трех до двух листов. Кроме того, несомненной заслугой Института явилось издание «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом» и «Трудов IV съезда РАОЗГ».

За время существования Института им издано 17 выпусков «Записок», из которых девять (все нечетные) посвящены гуманитарным наукам. В них печатались и русские ученые из Франции, Германии, Чехословакии, США.

Нападение фашистской Германии на Югославию привело к прекращению всякой научной работы русской эмиграции. Деятельность отдельных ученых возродилась после ее разгрома, но уже в рамках научных учреждений СФРЮ.

[1] *Спекторский Е. В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде, 1928—1933. // Зап. РНИБ. Белград, 1937. Вып. XIV. С. 6.
[2] См. речь тогдашнего председателя Института Ф. В. Тарановского: Русский дом им. императора Николая II. Белград, 1933. С. 7—14.
[3] Там же. С. 9.
[4] Библиотека Русской Матицы. Вып. 1—4. 1924—1934.
[5] Сб. РАО в Белграде. Белград, 1927. Т. I; 1936. Т. II.
[6] Материалы IV съезда РАОЗ.
[7] Перечень докладов, сообщений и отдельных лекций, составленный Ф. В. Тарановским за 1928—1934 гг., см.: Зап. РНИБ, 1934. Вып. XI; за 1934—1935: Там же. 1935. Вып. XIII; за 1935—1938 гг., составленный Е. В. Спекторским: Там же. 1937. Вып. XIV. С. 29—35.
[8] *Спекторский Е. В.* Указ. соч. С. 20.

Глава IV

История России. Общие проблемы

В мировоззренческом (и политическом) плане методологическая проблематика представлена в сочинениях двух основных направлений историографии эмигрантов, из которых одно можно условно обозначить как теософское, а другое — как социологическое. Об их методологии мы можем судить на основе специальных трудов по теории исторического знания и по конкретным методикам. Социологическое направление развивается в работах Е. Ф. Шмурло, П. М. Бицилли, А. В. Флоровского, А. А. Кизеветтера, А. Л. Погодина, А. Н. Фатеева [1], а также в историографических обзорах, осуждающих «удрученную» социальным заказом партии пролетариата советскую науку и восхваляющих свободную от социальных заказов науку эмигрантскую.

Теософское направление ярче всего представлено историософами, которые исходили из философии В. Соловьева — О. Шпенглера. Вместе с Н. А. Бердяевым о кризисе исторической науки и самой истории писали Л. П. Карсавин и Р. Ю. Виппер[2].

Солидные ученые, вроде А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, П. Б. Струве и им родственных, отвергали «евразийство»[3] и держались социологических схем «старой школы», традиций В. О. Ключевского.

Наконец, методология просвечивает в основе обобщающих трудов и курсов [4].

Историография эта сложилась стихийно, и потому по странам разные отрасли исторического знания представлены неодинаково. В Уставе Союза русских академических организаций за границей это положение высказано декларативно [5], а Русский свободный университет разъясняет: «Бывают, конечно, ученые, которые по самой природе своей являются анахоретами, бывает также, что они играют большую роль в истории науки. Но вся университетская организация в целом призвана к тому, чтобы выполнять не только учебную и научную, но также и общественную функцию. Понятно, с оговоркой, что эта последняя не должна быть смешиваема со служением каким-либо партийным интересам и целям»[6]. Открещивалось от партийности и РИО в Праге (во главе его стоял Е. Ф. Шмурло): «Его задачи исключительно научные: объективное изучение прошлого, а потому события „вчерашнего" дня, оценку которых трудно, почти невозможно вести в рамках спокойного, беспристрастного анализа, в программу Общества входить не должны»[7].

Однако эта позиция ревнителей объективной древности от вторжения политики не спасла. Если поставить вопрос о предмете истории как науки, ее задачах и методах, то мы увидим, что

перед В. О. Ключевским не был закрыт путь к синтезу [8], тогда как у эмигрантов другой путь — к полному эклектизму в целом, к позитивизму в конкретном.

Рассмотрим несколько общеисторических схем прошлого России. Схема Г. В. Вернадского, евразийская. «Творец русской истории — русский народ. . . Исторический процесс стихиен: в основе своей он приводится в движение глубоко заложенными в нем силами (какими?— *В. П.*), не зависящими от пожеланий и вкусов отдельных людей. . . Жизненная энергия, заложенная в каждой народности, стремится к своему наибольшему проявлению. *Каждая народность оказывает психическое и физическое давление на окружающую этническую и географическую среду* (курсив мой — *В. П.*). Создание народом государства и усвоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает. Русский народ занял свое место в истории благодаря тому, что оказывавшееся им давление было способно освоить это место» [9].

Так русский народ выступает в качестве носителя проявляющейся в нем энергии, подобной гегелевскому духу. К этому надо добавить отрицание за другими народами роли субъекта и провозглашение России страной «евразийской», расположенной в четырех широтных зонах — безлесной тундре, лесной зоне, степной зоне и зоне пустынь. Это и есть «месторазвитие» — географическая среда; она, а точнее, «соотношение лесной и степной полосы, борьба леса и степи» являются «географической основой русской истории» [10], ее логикой и определено движение русского народа от Карпат до Тихого океана, когда к концу XIX в. Россия стала Евразией [11]. Эта игнорирующая и этнические, и социальные основы образования и развития Русского государства схема имеет ряд «типологических единиц» — империй: скифскую, гуннскую, монгольскую и российскую [12]. Отсюда конструируется такая «схема периодической ритмичности государствообразующего процесса»:

I. а) Единая государственность (Скифская держава),

б) Система государств (сарматы, готы).

II. а) Единая государственность (Гуннская империя),

б) Система государств (авары, хазары, булгары, русь, печенеги, половцы) [13].

III. а) Единая государственность (Монгольская империя),

б) Система государств — первая ступень распадения Монгольской державы (Золотая Орда, Джагатай, Персия, Китай);

в) Система государств — вторая ступень распадения Монгольской державы (Литва, Русь, Казань, киргизы, узбеки, ойраты-монголы) [14].

IV. а) Единая государственность (Российская империя — СССР) [15].

Отсюда и периодизация: первый период — попытки объединения леса и степи (до 972 г.); второй период — борьба между лесом и степью (972—1238); третий период — победа степи над

лесом (1238—1452)[16]; четвертый период — победа леса над степью (1452—1696); пятый период — объединение леса и степи (1696—1917)[17]. В основе этой доведенной до абсурда соловьевской схемы лежат два наследия: монгольского — евразийского государства и византийского — православного государства[18]; от первого — плоть государства, от второго — строй идей. Колонизация продиктовала прочность государственной организации в форме «военной империи». В остальном история излагается «по царям», и (если не считать евразийских предрассудков и приложения П. Н. Савицкого «Геополитические заметки по русской истории»[19]) виден отход вправо от Ключевского. У Вернадского государство — демиург, лавирующий между дворянством и крестьянством[20].

Заглянем, далее, в концепцию другого ученого — А. А. Кизеветтера. Он прямо пишет, что не знает, как научно объяснить победу большевиков в Октябре, хотя понимает — это главное, чего от него ждут. Он отвергает спекуляции Б. Э. Нольде, который утверждал, что корень в следующих особенностях России. Во-первых, в России единственной направляющей силой в государственном строительстве была власть правительства, а общество покорно гнулось в его руках; во-вторых, власть все перекраивала, и государство всегда строилось сверху, а не снизу[21]. Эту милюковскую схему А. А. Кизеветтер не приемлет, отвергает он и «ходячие толки», будто абсолютизм у нас порожден «политической пустотой» без социальной борьбы[22]. Имеет он в виду поддержку (до поры) со стороны церкви и деятельность «средних классов», ибо «вся внутренняя политика правительства в XVII ст. шла на буксире у общественных требований» именно их, служилых дворян и посадских[23], хотя государство и было «сверху донизу закрепощенное» — от последнего бобыля до первого боярина. Вот и разберись! Он прав, конечно, что из недр «общественной мысли» шли челобитья, а это важно; пусть люди посадские и крестьянские «никак не могли стать опорой для добывания политических вольностей», но они оказывали определенное влияние, если вспомнить всероссийский съезд купечества в Москве в конце XVII в. и всероссийский съезд представителей всех посадов (1722 г.), да и Земские соборы играли существенную роль, как, наконец, и «бунты», среди которых помимо анархии «разиновщины» были и восстания средних классов[24]. Все это обосновывается ссылками на труды А. А. Новосельского, С. В. Бахрушина, П. П. Смирнова и делается вывод, что так родилось Уложение[25].

Из его статьи видно сочетание ученой честности либерального историка (чего нет и помину, скажем, у Р. Пайпса) с ребяческой социологией. «Деспотизм» московского строя сложился отнюдь не от пассивности общества. Явное свидетельство его неравнодушия — компромисс дворянства в XVIII в. ради своих классовых интересов и получение им освобождения от обязательной службы; о том же говорят деятельность Уложенной комиссии и реформа 1861 г., проведенная в интересах общегосударственной пользы[26].

Ну, и чем же объяснить успех большевиков? Надо изучить колонизацию, историю народного хозяйства, «ибо ведь не из одной же казенной бумаги это государство выстроено»[27]. Но и социализм в России пошел не от Н. Милютина: из обиды дворянства на реформу сперва вырос либеральный конституционализм, а уже по его стопам — социализм и коммунизм [28]. А главное в том, что «односторонне направленная социальная политика старой власти» вызвала «в этих низах наклонность оказывать доверие тем, кто «ее осуждает, они и поверили большевикам [29]. «. . .Законам должны были подчиняться все, но законы-то не для всех были равны»[30]. А как же со «всеобщим благом»? «Историки реалистического направления» (т. е. экономического?) понимают, что Русское государство — плод исторических условий, а не воплощение теократических идей божественности царской власти, взятых «напрокат» у Византии и южных славян [31]. В них так же нельзя искать движения народной души, как «в канцелярских бумагах и в придворных хрониках»[32]. А. А. Кизеветтер запоздало винит историографию, что та односторонне выдавала «относительное своеобразие жизненных форм (России.— *В. П.*) за абсолютное своеобразие самого содержания»[33]. Не ко двору пришелся А. А. Кизеветтер за границей с подобными идеями!

Насколько закоснели эмигранты в подобного рода схемах, можно судить по сочинению С. Г. Пушкарева, который имел, казалось, время осмыслить свое давнее творчество, публикуя после II мировой войны обзор русской истории. В «Обзоре политической и социальной истории»[34] он пишет с некоторой наивностью: «Я стремлюсь быть совершенно объективным докладчиком, но не прокурором и не адвокатом нашего исторического прошлого; я не окрашиваю его ни в черный, ни в нежно-розовый цвет; я не стараюсь втиснуть факты нашей истории в рамки какой-либо историософской или социологической схемы — я даю лишь фактическое изложение исторических событий и описание политического и социального строя в каждом периоде»[35].

А что же это за периоды, что за строй? Вот они — бесхитростные: Древняя Русь, Московское и Литовско-Русское государство и период империи (1682—1917), а внутри — по царям да по векам, кончая главой «Думская монархия». Что же получилось? Кроме эклектики,— все та же старинная дворянско-буржуазная схема. Никуда он от нее не ушел.

Один из самых интеллигентных и образованных медиевистов-эмигрантов, П. М. Бицилли писал: «Теория не может быть оторвана от практики, ибо нельзя понять, к чему она тогда», но «не ее дело предписывать науке законы». Она должна следить за практикой и быть чуткой «к намечающимся в самой науке тенденциям, приспособясь к тем из них, которые. . . отличаются наибольшей плодотворностью и которым. . . обеспечено будущее». Ныне такой тенденцией является тяготение «ко все большей и большей спиритуализации истории, или — что то же — . . . ко все большему и большему реализму в подлинном смысле слова»[36]. Что это значит?



П. М. Бицилли

Историография переживает перелом кризисного свойства, выражающийся в «уменьшении трудов общего характера. . . в крайней дифференциации науки» [37] — в вырождении ее в «микрографию» [38]. Автор стоит на той точке зрения, что «весь ход развития исторической мысли свидетельствует о все большем и большем разрыве исторической науки с философией истории» в поисках основ «исторического синтеза» [39]. Что же, диагноз для буржуазной науки верный, хотя и не новый.

Проблема исторического синтеза и составляет главное содержание книги П. М. Бицилли. Это трудная проблема.

«Главным условием всемирно-исторического синтеза является вера в наличность единства всемирно-исторического процесса; — и вот этого-то в настоящее время и нет, — разве только у марксистов» [40]. Но марксизм неприемлем по соображениям моральным, ибо, утверждает автор (толкуя марксизм в духе вульгарного материализма), хотя «Маркс в своем историко-философском построении отправился от реальной истории», его идеал — «абсолютная социальная правда — должен был реализоваться в результате имманентной диалектики экономических отношений», т. е. якобы «процесса, протекающего в силу необходимости по ту

сторону Добра и Зла» и потому «у него наступлению царства Божия не предшествует никакая моральная подготовка человечества: гармония непонятным образом родится из конфликтов, вытекающих из взаимной ненависти отдельных социальных элементов», а моральное возрождение — не условие, а следствие — допущение, «роковая тщета которого была достаточно разоблачена ужасным опытом наших дней»[41]. Автор недостаточно различает роды биологические и исторические. Конечно, трудно ожидать немедленного рождения «царства Божия» из гражданской войны, но не стоит надеяться и на его грядущий приход под властью камарильи Николая II или Керенского.

Интересно и своеобразно, со множеством ценных наблюдений по истории культуры, автор с этих позиций рассматривает историзм древности, средневековья, нового времени, а затем приходит к выводу, что и два новейших опыта синтеза — М. Вебера и О. Шпенглера — малоутешительны. Да и возможен ли синтез, если «историзм есть перенос на мир представления субъекта о себе, как развивающейся, т. е. творчески самораскрывающейся, индивидуальности»[42], а у «исторического человечества» — круга народов и культур, объединенных в пространстве и времени общей историей,— «нет общей памяти», историк же может предложить ему лишь ее суррогат [43].

Синтез П. М. Бицилли восходит к историческому романтизму, который «реалистически» относился к истории, «поскольку творящий историю дух есть высшая реальность»[44]. Теория истории «должна быть строго отделена... от социологии, наблюдения которой могут, однако, иметь эвристическое значение»[45]. Поскольку «историческими фактами являются факты сознания»[46], то методология истории должна заняться их систематизацией и определением их зависимости от истинных исторических фактов. Сама «историческая наука всегда была в своих величайших образцах наукой, основанной на интуиции», потому и задача методологии — «не преодоление интуиции, а проведение черты между опирающейся на точные данные интуицией и беспочвенным фантазированием»[47]. Таков обставленный множеством оговорок «объективный позитивизм» П. М. Бицилли.

Синтез получится, если «выдвинуть такие явления, на которых явственнее всего запечатлелся дух эпохи, которые непосредственно отражают культурное творчество и обладают наивысшей степенью прозрачности. Надо признать, что в этом отношении современная историография находится еще в стадии исканий» [48]. Притом «дух времени» — это реальность, это — «трагическая сила», и голос этого духа — не «нежное нашептывание», но «буйный рев» (как считал еще Гете) [49]. Прозрачность — тоже дело непростое: «Историк должен знать границы своей науки и мириться с вытекающей из его собственного задания неполнотой воскрешения прошлого». Плохо, «ниже истории», когда он — фотограф случайных явлений: если же «его художественный гений не удовлетворяется историческим подходом,— его произведение будет, если не

выше, то во всяком случае вне истории. Историческое, как выражается Гете, становится тогда прозрачной тканью, через которую просвечивает чисто человеческое»[50]. Думается, что здесь П. М. Бицилли ставит историку писательскую задачу: самовыражение в типическом образе «духа эпохи».

Он пишет, что синтез возможен в такой истории культуры, «которая избирает личность как свой прямой объект», но в отличие от «романтической истории» берет ее «в том, что в ней специфично и характерно для эпохи»[51]. Выделение исторических типов должно определять и периодизацию, ибо тип неделим, его нельзя подгонять под рубрики эпох и периодов. П. М. Бицилли предлагает такое историческое понимание, которое «строит на основании материала, добываемого не из абстракций, мировоззрений и направлений,— но из анализа душевного мира живых людей, у которых мировоззрение не существует отдельно от мироощущения»[52]. Такова субъективно-идеалистическая культурно-типологическая концепция П. М. Бицилли, тоже, разумеется, восходящая к его дореволюционным трудам. Можно заметить, что некоторые мысли П. М. Бицилли в модифицированном виде были использованы и советскими медиевистами.

И в заключение посмотрим на историю глазами последнего из этой группы — историка и историографа эмиграции П. Е. Ковалевского. Он откровенный монархист. Его периодизация русской истории такова: образование Русского государства; киевский период; распадение Русского государства; образование отдельных центров (XII—XVI вв.); воссоединение России (XVII—XVIII вв.); Россия — мировая держава (XIX—XX вв.). Внутри изложение идет по династиям (династия Рюрика), а где нет династии, по векам: «XII век»; «XIV век»; «XV век»; «XVI век»; потом — опять по династиям: в XVII в. «важнейшим фактором была перемена династии и ее положение в государстве»[53]. Далее: «Эпоха Петра Великого»; «Время Елизаветы Петровны» и «Эпоха Екатерины Второй». Для нового времени, когда описывать события по царям уже невозможно, а столетий осталось мало, схема меняется: «Внешнее значение России в XIX веке и ее мировая политика» и «Внутренние преобразования». Итак, все по старине: в основе — русское великодержавие, примат государства и государей, внешнее идет до внутреннего, политика — до экономики.

Не менее любопытны соображения этого автора о движущих силах истории. В основе движения России — борьба исконной самобытности с вредным западничеством. Сам автор так подводит «итоги исторического пути» России: «Соборное начало было присуще русской жизни с самых первых веков ее существования. Оно проявилось. . . как в отношениях государственной власти к народу, в правлении князей „в согласии с землею“ и в системе Земских Соборов, так и в жизни церковной, пронизанной насквозь этим соборным, объединяющим началом»[54].

Россия издревле находилась на рубеже двух миров и двух

миропониманий, которые она синтезировала; крен же как в сторону чисто западной государственности и церковности или чисто восточной, так и к национальной обособленности всегда приводил ее к уклонению от исторического пути. П. Е. Ковалевскому Россия XIX в. рисуется как «сила мира и равновесия в Европе и Азии», с синтетической культурой и объединяющей силой языка. В противовес евразийцам автор подчеркивает, что Россия всегда была «страной озерно-речной и лесной, а не степной», и степь была для нее разорителем; распространение же на Восток — «народным и стихийным». В этой схеме автор сыскал место и эмиграции: культурное распространение России после объединения при Екатерине II пошло в XIX в. через литературу, в XX в. — через искусство и, наконец, — «через Рассеяние».

Общий вывод таков: Россия перед революцией процветала, и «обеих революций»: и мартовской — интеллигентного класса, и октябрьской — крестьянства, можно было избежать, но для этого было необходимо, чтобы культурный класс перестал смотреть на революцию как на благо, а крестьянство перешло бы на положение мелких собственников и стало бы грамотным»[55].

Обратимся теперь к теоретикам методологии. Перед нами статья Ф. В. Тарановского «Историзм»[56]. Историзм с его идеей эволюции, по мнению автора,— продукт реакции на рационализм XVIII в., это Ф. Бадер, Ф. Шеллинг, Г. Гегель и О. Конт, это — продукт контрреволюции [57]. Но во второй половине XIX в. идеи историзма стали революционным оружием «исторического права» народов — национализма и, перенесенные Марксом из сферы духа в сферу материи (экономики),— революции. Последущая диалектика истории — в борьбе коммунизма (коллективизма) с индивидуализмом. В свою очередь Ленин порывает с эволюционной диалектикой Маркса, вводя «проповедь насилия» над спонтанной природой исторического процесса. Отсюда вывод, что ленинизм — реакция революционного рационализма против эволюционного историзма Маркса [58]. Значит, и Октябрьская революция антиисторична?

Впрочем, автор все же задается вопросом: верно ли, что историзм не имеет «самостоятельного философского значения», а является лишь орудием произвола? Он терпим, пока стоит на строго экономической основе, как исторически релятивной, не вступая в область предвидений, эсхатологии [59]. Истинный историзм для Ф. Тарановского — это плоский эволюционизм, экономически детерминированный. «Историзм — это сознание и признание спонтанного развития человеческого общества», он противостоит грубому рационализму. Еще яснее это выразил С. Г. Пушкарев. «Вопреки представлению о том, что все европейские государства, и в числе их Россия, проходят единый путь исторического развития, подчиняясь неким общезначимым историческим законам (причем Россия на этом пути является лишь более отсталой сравнительно с народами романо-германской Европы), мы утверждаем, прежде всего, что общезначимых законов исторического

развития не существует, ибо история имеет дело с явлениями индивидуально-неповторяемыми и качественно-своеобразными»[60]. На этой формуле, в которой общеисторические законы сведены к своеобразию их реализации, сходились в эмиграции все — и славянофилы, и неозападники, лишь одни считали своеобразие положительным, а другие — отрицательным. Общий вывод Ф. Тарановского сходен с заключением Кизеветтера и др.— история учит нас комбинированию старого с новым, сочетанию традиций и новаторства, ибо «желающего судьба ведет, нежелающего тащит»[61].

Партия большевиков и лично В. И. Ленин внимательно следили за внутренним развитием эмиграции. На III конгрессе Коминтерна Ленин говорил: «. . .мы можем наблюдать за границей совместную работу всех без исключения наших прежних политических партий. . . эти русские контрреволюционные эмигранты пользуются всеми средствами для подготовки борьбы против нас» [62]. П. Н. Милюков еще в 1920 г. делал ставку на разложение большевизма внутренними силами [63]. Но началось разложение эмиграции. Яркое свидетельство — «зарубежный съезд» 4—11 апреля 1926 г. Его неплохо описал сам П. Н. Милюков, нарисовавший монархистов во главе с Николаем Николаевичем, лавирующего Струве с его «Возрождением», начало «возвращенства» в СССР обманутых казаков и других групп, обман эмигрантских масс идеей: «вождь» — «армия» — «интервенция» при засилье «верхов» в эмигрантских организациях. . .[64].

В советской историографии той поры принцип марксистско-ленинской партийности еще только осваивался по мере разработки теории исторического материализма и самой истории, отечественной и мировой. Зачастую этот принцип проводился чересчур прямолинейно. Это затрудняло борьбу с эмигрантской историографией, борьбу за умы, нередко вело к утрате объективности, давая повод таким историкам вслед за Матьезом замечать: «Вы звените цепями в знак триумфа».

Среди советских историков на первом месте в критике эмиграции стоял М. Н. Покровский. Он показал прямую зависимость эмигрантских схем от дворянско-буржуазных, подчеркнув преобладание в старой историографии двух концепций: одной (от Карамзина), где главное — царь и спасительное единодержавие, и другой (после падения крепостничества, от Чичерина), где главное — государство, которое творит историю, закрепощает и раскрепощает сословия [65], притом либерально. без тени классовой борьбы.[66] Теорию надклассового «социального самодержавия» взял у Милюкова и Л. Троцкий, считая, что сословия были ничтожны, а оно самодовлеюще [67]. А где истоки самодержавия? В давлении степи — считает большинство, в необходимости борьбы с ней. Справедливо отвергая этот внешний фактор как основной, Покровский выкинул его вообще, видя в нем «оборонческую легенду»[68]. Более того, он даже увидел в евразийском тезисе о равнозначности Руси и степи влияние марксизма [69].

М. Н. Покровский же ясно подчеркнул, критикуя Милюкова, что тот писал не историю России и не историю ее краха, а создавал «буржуазную концепцию пролетарской революции»[70], притом этот ученик Ключевского скатился к славянофильству. Государство из продукта обороны стало результатом норманнского импорта; государство — не создание общества и в своем развитии и расширении опережало его хозяйственное развитие; народ пассивен относительно власти, а крестьянство ей послушно; все это обеспечило победу большевиков в народной революции, которую он признавал [71]. «Народная масса, прикрытая, как колпаком, государственной властью»,— вот вся премудрость Милюкова [72]. Это и неудивительно, ибо историю революции в эмиграции пишут не те, кто ее делал, а «те, кто мешал ее делать». И горестно заключает Покровский, что «нет породы, которая воспринимала бы уроки истории туже, чем историки»[73].

В борьбе Покровского и его учеников с эмигрантскими концепциями были и промахи. Он сам об этом писал, подводя итоги VI МКИН в Осло (1928 г.), где к ним тяготели славянские историки: «мы могли бы несомненно, при немного большей бойкости и предприимчивости с нашей стороны, организовать этих славянских историков около себя»[74].

Недостатки в тактике нашей борьбы того времени заметно отражаются в контрсочинениях таких опытных историографов-полемистов, как Е. Ф. Максимович и А. В. Флоровский. Первый, используя недочеты в освоении принципа партийности и нарушение объективности в нашей критике, исходил из тезиса, что советская партийность науки — это доктрина плюс догма, ведущие к отрицанию свободы творчества. Ссылался он на ошибочную формулу М. Н. Покровского об истории как «опрокинутой в прошлое политике»[75]. В 1938 г. он говорит, что, отрицая «академизм» как объективизм, сторонники Покровского свели науку к журналистике, смешали уровни популярный и научный, сузили горизонты науки, свернули публикацию источников, относящихся к периоду феодализма, спутали логическое с историческим, снизили источниковедческую технику в увлечении критикой Лаппо-Данилевского. Их работам свойственна «застенчивость мысли», хотя они и «кишат цитатами»[76], и низкий уровень дискуссий, которым присуща заданность выводов. Что тут сказать? Конечно, недостатков подобного свойства было немало. Но в науку вошли новые, фундаментальные темы, были выдвинуты новые перспективные идеи и в источниковедении, и архивоведении и т. п.

Максимович, как это свойственно доныне людям, упрощенно понимающим марксизм, путает его с экономическим материализмом, и потому удивляется и видит «парадокс» в том, что партия развернула его критику [77]. Он это объяснял тем, что из экономического начала нельзя вывести Октябрьскую революцию, и теперь в СССР все делается вопреки экономике, что «исторический автоматизм» устарел; он надеялся, что ленинизм, утратив свою основу, станет эклектичным, а историческая наука пойдет по одному из

двух путей — или к меньшевизму, или к идеализму. Покровскому он противопоставляет Матьеза: «если история — политика прошлого, то не значит, что она служанка политиков настоящего»[78]. Из своего анализа Максимович не делает выводов для эмиграции. Глубже и дальновиднее был в этом отношении А. В. Флоровский, хотя оба они писали уже в ту пору; когда кризис эмиграции был очевиден.

Послушаем по этому вопросу А. С. Изгоева. А. С. Изгоев отвергает утверждение большевиков о дворянско-буржуазном составе эмиграции [79], противореча тем самым и Милюкову, и, скажем, Фолькману. При этом он говорит, что «молодежь, очутившаяся в эмиграции, а тем более выросшая в ней, в старые партии, ни в правые, ни в левые, не идет»[80]. Автор фиксирует «крах правых идеологий»[81]: среди эмиграции «очень сильны идеализация прошлого, естественное тяготение мыслью к временам силы и славы России, поиски виноватых, антисемитские и националистические настроения»[82]. Но под лозунгами православия, самодержавия и народности большевиков не одолеешь — «это просто несерьезная шутка»[83]. Автор пришел к тому, о чем давно писали Н. А. Бердяев и евразийцы.

Видит он и «крах левых идеологий»[84], ибо революция потрясла их столпы — антинационалистический универсализм, свободу личности, «социализм». В правой эмиграции лишь евразийцам удалось создать некую идеологию, правда, пеструю, ибо П. П. Сувчинский и Д. П. Святополк-Мирский «почти вплотную» подошли к большевикам, с другой стороны видим Н. С. Трубецкого и П. Н. Савицкого и отдельно — Л. П. Карсавина и Н. Н. Алексеева. Обосновывая идею «Россия — особый мир», они очень обогатили содержание русской консервативной мысли [85]. Но они «слабосильные политики»[86]. Выступающие за Кирилла Владимировича монархисты — «младороссы» многое заимствовали у них [87]. Надежд на «роман с Церковью» тоже нет, ибо она в разброде, а ее реакционная верхушка лишь ждет подходящего интервента, чтобы его благословить [88].

«Почему исчезли стимулы к революционной борьбе»? — вопрошает автор и правильно отвечает: «Для сознательной революционной борьбы требуется прежде всего революционная идеология. Ее не было ни справа, ни слева»[89]. Все поняли, что дело решится «там», в СССР, а эмиграция лишь «подсобная сила»[90]. Тут он прав: эмиграция доказала свою немощь, и монархическую идею фашисты не использовали.

Изгоев высказывает идеи о «коммунистическом самодержавии», о сходстве коммунизма и национал-социализма, упрекает советских историков в «душевной суши» экономического материализма, отождествляемого с марксизмом. И далее следует своего рода «пророчество» о будущем возрождении СССР мужественными идеалистами, там живущими — светскими и «вольными церковными диссидентами»[91].

В большой статье, посвященной рассмотрению русской истори-

ческой науки в эмиграции, А. В. Флоровский, конечно, учитывал положение ее дел[92]. Он подчеркивает особую ответственность историков-эмигрантов и говорит об «общих чертах», свойственных их науке[93]. Ее специфика в следующем. Во-первых, в утрате большинства фондов и смене тематики; во-вторых, в случайности подбора кадров в разных странах, почему «по книгам характеризовать развитие русской исторической науки в эмиграции было бы совершенно невозможно»[94]; в-третьих, в разноязычии; в-четвертых, в отсутствии почти полном публикаций источников; наконец, в упадке исследований по всеобщей истории[95], за исключением древнего мира и византиноведения (М. И. Ростовцев, Н. П. Кондаков, А. А. Васильев, Г. В. Вернадский, Г. А. Острогорский, А. Н. Грабар, М. А. Андреева). Зато оживилась разработка истории славянских культур, права, межславянских связей (Ф. В. Тарановский, М. Н. Ясинский, А. В. Соловьев, О. О. Марков) и искусства (Н. Л. Окунев, В. А. Францев, Б. А. Евреинов, А. В. Флоровский, М. Г. Попруженко). Но и в этом разнообразии немало случайного. Следствием его стала и неравномерность исследования истории России: изучается начало Руси, летописание, но захирел почти интерес к Руси Московской (П. Б. Струве, В. А. Мякотин); возросло внимание к Руси Карпатской (А. П. Петров). Такая неравномерность огорчительна, ибо она — плод не только естественного состава кадров, но и общих условий организации работы[96].

Борясь за «свободы» в СССР, автор предлагает для эмиграции утопический план общего согласия[97], объединения историков в союз, созыв их съезда в рамках общего съезда академических организаций. Для начала необходим учет всех сил историков, особенно ввиду неполноты изданных в Белграде библиографий[98]. На этой основе можно приступить к разработке истории России, используя архивы страны пребывания.

Интересно, что при всех недостатках советской науки ее влияние на умы таких дальновидных историков, как А. В. Флоровский, росло. Тому пример его статья «Предмет и содержание истории России»[99]. Перемены в судьбах страны требуют «пересмотра старых методов исследования ее истории. События последних десятилетий обнажили корни многих таких процессов, которые были или скрыты от исследователей, или считались неважными для определения и представления исторических судеб России»[100]. Пересмотр особенно необходим потому, что в самом Советском Союзе развивается и укрепляется новое мировоззрение «за счет господствовавших в историографии прежде независимых историко-философских понятий и конструкций»[101]. Здесь на экономической основе в центр исторического интереса поставлена классовая борьба, и все это через переводы книг М. Н. Покровского «идет в отдаленнейшие страны земли»[102]. Хотя это — «очевидная и препятствующая мысли односторонность», ей надо, держась того, что создается в эмиграции[103], противопоставить нечто позитивное.

А что создается в эмиграции? Здесь почти не касаются методологических проблем[104]. Автор решил «инвентаризовать» сущее.

Начал со Шмурло, у которого «государство и духовная культура образуют и предмет и содержание его „русской истории"»[105]. Автор полностью оставляет в стороне проблемы социального, социально-хозяйственного и собственно хозяйственного развития России[106]. В его истории культуры тоже многого недостает: нет музыки, церкви, а в интересе к личностям преобладает психолого-эстетический момент[107]. В целом у Шмурло «предмет русской истории образуют история государственной организации России и ее политическая жизнь в связи с деятельностью исторических лиц и духовной культурой»[108]. Оценка неглубокая, но верная. Далее критик обращается к французскому изданию труда Милюкова (где участвуют также Кизеветтер и Мякотин)[109]. И здесь, увы, господствует политическая история, особенно в новейшее, описанное Милюковым время. В основном это картина, отражающая «европеизированную или европеизируемую Россию». Оставлена «полностью без внимания» русско-азиатская проблема, ибо и здесь, как и у Шмурло, господствует тезис о единстве русской нации и культуры. Иною речью, тезис великодержавный. Далее критик рассматривает три труда Вернадского[110]. Здесь господствует идея евразийская и проблема русско-азиатская, дается и комплекс политических, хозяйственных, культурных и географических процессов, но их анализ неравномерен и осложнен такими евразийскими формулировками, которые «смыкаются с новейшими советско-русскими историческими программами»[111]. История России замещается историей народов СССР.

Из сказанного ясно, что дела обстоят неважно и нужно написать такую историю, чтобы показать страну с точки зрения историко-географической, геополитической, политической, социальной, социально-хозяйственной, духовной и культурной[112], не упустив ее полиэтничность[113], т. е. прежде всего — дать три ветви русского народа[114], равно их осветив. Не следует забывать и международное экономическое и политическое значение России. Словом, надо достойно отразить историческое целое «русского мира», тождественного «стране России»[115]. Как видим, Флоровский прав, крупной ведущей идеи нет.

Если от общих трудов обратиться к отраслям истории, рассматриваемым «по вертикали», то обнаружим ту же старину и растерянность.

Начнем с проблемы государства, по которой специализировался К. И. Зайцев. «Государство есть юридическое лицо и ничем другим быть не может»[116],— читаем у него. Государство — народ, ставший лицом[117], и, вослед Струве, оно оценивается как «существо мистическое»[118]. Оно есть единство и система, организация порядка и власти, единство права и власти (опять — по П. Струве[119]). Постулату о государстве как институте всеобщего блага и обучали студентов-эмигрантов на Русском юридическом факультете, где в 1922—1923 гг. К. И. Зайцев читал лекции по административному праву. Им внушалось, что «внедрение начала свободы в начало порядка» есть не что иное, как «разрыв порядка»[120].

«Ни один человек в современном государстве не имеет, как таковой, власти над другими людьми, но каждый человек самодержавен, самовластен в известной сфере действий и отношений, недоступной для государства, от него защищенной или им защищаемой»[121].

Речь шла о государстве. Теперь почитаем о своеобразии истории России. Начнем с идеолога евразийства П. Н. Савицкого. Формулируя задачи кочевниковедения, он писал: «Степелюбие не должно приводить к тенденциозности выводов»[122]. И одновременно подчеркивал «необоснованность ходячих суждений о том, что кочевая культура принципиально „ниже" оседлой. В чисто научной сфере понятие „лестницы культур" надлежит заменить представлением о *разных* культурах»,— заключает он со ссылкой на Н. Трубецкого[123]. В евразийстве много необычного: и сознательное объединение в евразийский историко-географический мир лесной, степной и пустынной полос[124], и деление всемирной истории на речную, морскую, и деление завоеваний на расширения и переселения[125], и взгляд на Крым как «убежище побежденных»[126], и предложение начинать изучение истории Руси с исследования кочевого мира[127]. Россию П. Н. Савицкий мыслил как «особый географический мир», как особое «месторазвитие», т. е. сочетание социально-исторической среды с территорией[128]. В безоглядном географическом детерминизме автора есть нечто, будящее мысль: «Всего русской географией открыто для современной науки около 24 мил. кв. верст — т. е. не менее одной пятой земной суши»[129],— читаем у него. Грандиозность природы влияла на русский национальный характер. Вот его выкладки: к 1054 г. Русь занимала около 1 млн. кв. км; к 1474 г. Московское великое княжество — 300 тыс. кв. км; после присоединения Новгородской земли оно выросло на 1,5 млн. кв. км, а к 1570 г. Россия обнимала площадь около 3,5 млн. кв. км, из них около 1 млн. кв. км степных, еще далеко не освоенных земель. К 1670 г. площадь России достигла 14 млн. кв. км, обнаружив рост в 4 раза за сто лет[130].

Если отвлечься от домыслов автора о Золотой Орде как носителе для Руси геополитической идеи объединения лесной и степной зоны и навыков их освоения, ибо все это наблюдалось уже в Древней Руси, то можно вполне основательно задуматься о значении этого роста для укрепления идеи самодержавия в глазах подданных, о зарождении имперских идей типа: Россия — преемница Византии, а ее церковь — наследница третьего мира.

Исследователи экономической истории Древней Руси должны обратить внимание и на соображения о разнице коммуникаций, издержек и безопасности при торговле в средние века по морю и по континенту[131]: «Океан един», а «континент раздроблен»[132]. Приморские государства в торговле меньше зависят от расстояний, чем континентальные, издержки которых выше. Из этого напрашивается вывод, что на Руси в княжествах, более удаленных от моря (или большой реки), стоимость импорта была дороже, а

издержки экспорта — выше. В этом одна из причин относительного богатства Новгорода. Ставит автор и другой, доныне не вполне решенный вопрос о возникновении таможенной, тарифной и фрахтовой политики на Руси. Бросая общий взгляд на Россию, автор заключает, что она в сущности имела свободный выход к морю лишь на Камчатке (использование других путей требовало согласия иных держав). Он следует мысли Менделеева, что Россия лежит на берегу Ледовитого океана и ее порты — закрытый льдом Архангельск — полгода, Петроград — 4—5 месяцев в году. Лишь в Канаде и Швеции имеются подобные условия. Савицкий прав, что они несомненно влияли на хозяйственное развитие России и в доледокольную пору, видимо, тормозили его. 9/10 человечества не видело замерзающих портов [133].

Суть своеобразия России, к которой пришли эмигрантские теоретики, сжато изложил Б. Бруцкус. Во-первых, оно определяется географической средой. Ее характеризуют огромные незаселенные степи, континентальный климат, непрерывное участие в колонизации, кочевые окраины — источник набегов, удаленность от средиземноморского очага культуры и цивилизации, разрыв связей с Византией якобы уже в XII в. [134]. Хозяйственные связи с «Западом» существовали якобы лишь на Балтике; раскол церквей закрепил разрыв с Западом. Итак, выделены три сомнительные особенности: колонизационная возможность, соседство кочевников и изолированность от «Запада»[135]. Из них третья — ложная, а две другие — разноценны и общественного строя не меняли. Бруцкус признает, что эти факторы краткосрочны, в новое время они утратили свое значение.

Во-вторых, специфика образования Московского государства. Да, пишет он, внешне процессы совпадают с известными по Франции, Англии, Испании, но «внутреннее строительство» в корне отлично от «Запада». Там процесс шел на основе развитого хозяйства, которое форсировалось государством, а у нас — «на хозяйственно и культурно совершенно незрелой почве»[136]. Старая социально-политическая организация, во многом сходная с западным феодализмом, оказалась непригодной для борьбы с кочевниками. Возникло Московское государство на симпатиях народа, как средство обороны от Орды. Вот она, схема Струве — Зайцева в действии. Дальше пошло завоевание лесостепи в XVI в. и т. д. Так в суровой борьбе и сложилось «литургическое государство», незнакомое «Западу»[137].

В-третьих, развитие русских аграрных отношений. Своеобычны были основы аграрного законодательства Московского государства: «Монархии запада стремились в борьбе с феодалами. . . отнять у них любые элементы государственного верховенства (Staatshoheit), но не имели цели повредить их личным правам и ставить под сомнение их землевладение в смысле гражданских прав. Напротив, после консолидации монархий земельное владение дворянства было в духе римского права последовательно освобождено (ausgebaut) [138]. В России же гораздо дальше пошли в борьбе

с боярством, так как при неразвитости хозяйства земля шла на оплату службы дворянского войска и служилых людей — возникло «новое дворянство». Насчет неразвитости хозяйства и его следствий — замечание справедливо, а дворянство оставалось все то же, что и в средние века. Московское государство строилось в XV—XVI вв. «на глубоком потрясении понятия частной собственности на землю»[139]. Все в России — царское, и «земельное владение утверждается не гражданским, а государственно-правовым путем». На «Западе» землевладение всегда имело рабочие руки, в России они уходили и потому «главным образом силой царской власти были прикреплены» [140]. Итак, главное — экономическая слабость и возможность побега из-под ярма крепостничества.

Другой особенностью аграрных отношений было разложение земельного законодательства Московского государства Петром I. После него и при Екатерине II дворянство в условиях абсолютизма высвободилось от литургической службы и стало ближе «Западу», а крестьянство, подобно бывшему в Польше и Пруссии, прикреплялось к личности землевладельца. «Земельная собственность дворянства стала частной собственностью в XVIII в. в духе римского права»[141]. Значит, мы общественно догнали западный уровень средневековья в новое время? На крестьян это не повлияло, ибо у них в это время сложился институт неделимой общины [142], предопределившей все последующее развитие России. Земельная собственность сложилась тогда, когда колонизация завершилась и земли стало меньше, в условиях отсутствия внешних контактов и примитивности хозяйства, когда земля — основное средство существования. После Петра I мужик и барин окончательно культурно оторвались друг от друга [143]. И реформа 1861 г., и реформа 1906 г. не сломали общины, ибо в отличие от «Запада» русское крестьянство «не имело ясного представления о частной собственности на землю»[144] (вот корни теорий Р. Пайпса) — потому и поддержало большевиков, призвавших к ее черному переделу.

В-четвертых, своеобразие русского города. Этот раздел написан так слабо, что не стоит тратить строк [145]. Но любопытно, что автор-экономист признает наличие в России и высококонцентрированной промышленности, и революционного пролетариата [146].

Нарастающее разложение эмиграции побуждало наиболее дальновидных ее идеологов, понимавших, что «в нынешней иерархии ценностей вопрос „куда“ котируется выше вопроса „откуда“» [147], думать о путях развития ее научной мысли. В этом отношении интересна построенная на полемике с нашей историографией еще одна статья А. В. Флоровского [148]. В отличие от тех, кто отвергал советскую историографию, бездумно отрицая ее, он решил в ней разобраться, строя свой разбор на основе предположения, будто советская историография развивается вопреки доктрине марксизма-ленинизма.

Обозревая обширный фонд трудов, изданных в СССР, автор комментирует: «Публикуется прежде всего то, что признается

необходимым и полезным в настоящий момент или для целей правительства. В области исторических знаний... признается необходимым и полезным искоренять из сознания прежнюю историческую идеологию и вбить в голову новую историческую идеологию... Параллельно этой генеральной линии другая задача была признана необходимой и полезной — подчеркнуть в политической и социальной истории классовые противоречия, изучить социальные противоречия в прошлом, особенно в эпохи кризисов и политических и социальных катастроф... Конечно, в Советской России, и в этом мы сейчас убедимся, научные исследования ведутся также и во многих других областях истории. Размах исследований с точки зрения сюжетов и поднятых проблем там широк. Эти замечания имеют целью подчеркнуть лишь то, что в Советской России известные категории исторических вопросов занимают главенствующее место среди всех исторических работ»[149].

Заключает он свой обзор так: «Следует особенно подчеркнуть два факта: во-первых, научная работа историков и их литературная продукция в области исторических знаний обусловлены решающим политическим влиянием марксистско-ленинской „школы" и ее наступления на „историческом фронте"; соответственно история рассматривается лишь в совершенно особом аспекте и изучаются лишь стороны, имеющие экономическое и социальное значение. Во-вторых, собственно синтетическая работа становится почти исключительно принадлежностью представителей официальной исторической идеологии, историков-марксистов. На языке марксистов, мы — обломки старой буржуазной прогнившей историографии, еще живой, но обреченной на исчезновение. Марксистская историческая школа объявила ей войну. Ее представители везде провозглашают это. Каждая страница их писаний, за которую они несут полную ответственность, проникнута этим воинственным духом. Бороться внутри границ Советской России для иных гораздо легче, чем делать это на широком поле международной исторической науки... Но кампанию ведет лишь один воитель и это — марксистская партия. Она и поставила себе цель изгнать буржуазную историографию из пределов России... Марксистское влияние расширяется...»[150].

И продолжает: «Внимательный читатель сумеет оценить значительный вклад советских историков за это десятилетие в изучение прошлого России, Азии и Европы. Много исторических источников было предоставлено в распоряжение ученых и подвергнуто научному анализу. Знание прошлого обогатилось большим количеством данных, имеющих объективное научное значение. Изучение прошлого России, в частности, заметно продвинулось, некоторые его стороны подверглись новому рассмотрению, осветились новым светом. Это надлежит отметить ради полной точности. Из всего этого вытекает, что традиция русской исторической науки располагает огромной мощью, давно накопленными творческими силами, живительным и прочным влиянием. При новом строе эту традицию иссушают, и ее представители умолкают»[151]. Оценка противоречи-

ва, ибо подъем советской науки вовсе не ограничивается традицией — и по темам, и по источникам. Ясно, однако, что с одной стороны, деятельность М. Н. Покровского и его ошибки не исчерпывали содержания науки и, с другой, эти ошибки существенно тормозили эффективность укрепления международных позиций советской науки.

[1] *Шмурло Е. Ф.* Введение в русскую историю. Прага, 1924; *Бицилли П. М.* Очерки теории исторической науки. Прага, 1925; *Он же.* Увод в изучване на новата и най-новата история. София, 1927; *Флоровский А. В.* Князь Рош у пророка Иезекииля (гл. 38—39). (Из заметок об имени Русь) // Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 505—520; *Кизеветтер А. А.* Общие построения русской истории в современной литературе // Современные записки. Париж, 1928, № 37. С. 310—341; *Погодин А. Л.* Родина славянства и начало русского государства // Zbornik filoloških i lingvističkich studija A. Beliću. Beograd, 1921. S. 165—173; *Фатеев А. Н.* География и обществоведение (о методе и форме прикладной географии). Прага, 1924.

[2] *Карсавин Л. П.* Философия истории. Берлин, 1923; *Виппер Р. Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921; *Он же.* Круговорот истории. Берлин, 1923.

[3] См. рецензию А. А. Кизеветтера на книгу Г. В. Вернадского и статью его о евразийцах: *Лесной.* Проф. Г. В. Вернадский. Очерк истории права Русского государства XVIII—XIX вв. (Период империи). Прага, 1924 // Руль. № 18. 12 мая 1924; *Кизеветтер А. А.* Евразийство и наука // Slavia. 1928. N 7. Seš. 2. S. 426—430.

[4] *Степанов И.* Storia della Russia delle origini ai giorni nostri. Firenze, 1923; *Кизеветтер А.* История русская и всеобщая // Русская зарубежная книга. Прага, 1924. Ч. I. С. 66—94; *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Прага, 1927. Ч. I; *Vernadsky G.* A History of Russia. New Haven, 1929 (I-е изд.); *Mirsky D. P.* A History of Russia. L., 1927; *Шмурло Е. Ф.* История России, 862—1917. Берлин, 1922; *Šmurlo E.* Storia della Russia. Roma, 1928—1930. Vol. I—III; *Он же.* Курс русской истории. Прага, 1931—1934. Т. I—II. *Brian-Chaninov N.* Histoire de Russie. P., 1929; *Елачич А. К.* Исторја Русије (Поучник). Београд, 1929; *Ковалевский П. Е.* Исторический путь России. Париж, 1945—1947. Ч. 1—2; *Karpovich M.* Imperial Russia. 1801—1917. N. Y., 1932 (repr. — 1957); *Милюков П. Н.* Три попытки (К истории русского лже-конституционализма). Париж, 1921; и др.

[5] Устав Союза русских академических организаций за границей. Прага. 1928. С. 3—4 (то же: Съезды РАОЗГ. Прага, 1923, С. 143—144).

[6] Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге (1923—1938). Прага, 1938. С. 1.

[7] Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925—1934. Прага, 1934, С. 4.

[8] *Карагодин А. И.* «Философия истории» В. О. Ключевского. Саратов, 1976. С. 6.

[9] *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. С. 5.

[10] Там же. С. 7—8.

[11] Там же. С. 12.

[12] Там же. С. 14—15.

[13] Как видим, древнерусская имперская держава из схемы выпала, лишив будущую Россию исторической традиции.

[14] Там же. С. 16.

[15] Там же.

[16] Рубежом третьего и четвертого периодов является основание Касимовского царства!

[17] Там же. С. 21—23.

[18] Там же. С. 17.

[19] Там же. С. 234—260.

[20] Там же. С. 201.

[21] *Кизеветтер А.* Общие построения русской истории в современной литературе // СЗ. Париж, 1928. Т. XXXVII. С. 310—341.

[22] Там же. С. 312.

[23] Там же. С. 315.
[24] Там же. С. 319.
[25] Там же. С. 320.
[26] Там же. С. 324.
[27] Там же. С. 326.
[28] Там же. С. 325.
[29] Там же. С. 326.
[30] Там же. С. 334.
[31] Там же. С. 328—329.
[32] Там же. С. 331.
[33] Там же. С. 339.
[34] *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953. С. 5.
[35] Там же. С. 6.
[36] *Бицилли П. М.* Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. С. 10.
[37] Там же. С. 12.
[38] Там же. С. 129.
[39] Там же. С. 12.
[40] Там же. С. 130.
[41] Там же. С. 16.
[42] Там же. С. 147.
[43] Там же. С. 167—168.
[44] Там же. С. 211.
[45] Там же. С. 234.
[46] Там же.
[47] Там же. С. 235.
[48] Там же. С. 236—237.
[49] Там же. С. 182.
[50] Там же. С. 202.
[51] Там же. С. 204—205.
[52] Там же. С. 205.
[53] *Ковалевский П. Е.* Исторический путь России. Синтез русской истории по новейшим данным науки. 4-е изд. Париж, 1946. Ч. I. С. 38.
[54] Там же. С. 95.
[55] Там же. С. 89.
[56] *Тарановски Т.* Историзам // ЛМС. Нови Сад, 1928. Кн. 318. Св. 3. С. 3—12.
[57] Там же. С. 4.
[58] Там же. С. 7.
[59] Там же. С. 11.
[60] *Пушкарев С.* Россия и Европа в их историческом прошлом // ЕВ. Париж, 1927. Кн. V. С. 121.
[61] *Тарановски Т.* Историзам. С. 12.
[62] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 39; ср.: Т. 43. С. 64, 129, 138—139, 141, 235; Т. 44. С. 40, 327, 396; Т. 45. С. 50, 89, 120, 149, 189; Ленинский сборник. М.; Л., 1945. Т. 35. С. 304; М.; Л., 1959. Т. 36. С. 471; М., 1970. Т. 37. С. 290. См.: *Мухачев Ю. В.* К вопросу об особенностях классовой борьбы в СССР в начале нэпа. Провал «новой тактики» российской контрреволюции // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР: Научная конференция молодых ученых. Тез. докл. М., 1975. С. 26—33.
[63] *Милюков П.* Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. II. С. 240.
[64] *Милюков П. Н.* Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. С. 11—70.
[65] *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. I. С. 22, 30—31.
[66] Там же. С. 173.
[67] Там же. С. 134, 153.
[68] Там же. С. 280; ср. С. 137.
[69] *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 307.
[70] Там же. С. 111; см.: *Miliukov P.* Russlands Zusammenbruch. B., 1925.
[71] *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 130.
[72] Там же. С. 137; немецкий историк О. Хётш невысоко оценил сочинение Милюкова

с соавторами: книга без аппарата, без библиографии, кадетская по концепции, «по царям» по периодизации и великорусская по тенденции (*Hoetzsch O.* Histoire de Russie par P. Milioukov, Ch. Seignobos et L. Eisenmann. P., 1932. B. 1—2 // ZOG. 1933. Bd. VII. H. 4. S. 560—562; 1934. Bd. VIII. H. 3. S. 407—410).

[73] *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 299.

[74] Там же. С. 366.

[75] *Maksimovič E. F.* Doctrine marxiste léniniste appliquée à l'étude concrète de l'histoire // Зап. НИО. Pr., 1938. Т. VII (XII). P. 222, 223. 228.

[76] Ibid. P. 230.

[77] Ibid. P. 246—250.

[78] Ibid. P. 259.

[79] *Изгоев А. С.* Рожденное в революционной смуте (1917—1932). Париж, 1933. С. 3.

[80] Там же. С. 5.

[81] Там же. С. 7.

[82] Там же. С. 7. В этом им помогали такие деятели, как евразиец Я. А. Бромберг, который призывал оторвать еврейский народ от «еврейского коммунистического пафоса», восходящего к Марксу, и связать с судьбами «Нового Израиля» — православной Евразии. Ядовито осуждая историософию эмигрантов, он пишет о «непоколебимой уверенности белых политиков в том, что позитивные причины революционной катастрофы заключены в отсталости России, в том, что она на известное число лет или десятилетий не успела дотянуться до спасительных европейских образцов; в их жажде дорваться до отечественного взбунтовавшегося мужика, если не для произведения над ним мстительной экзекуции (об этом мечтают только самые косные и неисправимо-ненаученные, давая этим только обильный материал для большевистской демагогической агитации), то хоть затем, чтобы тотчас же начать торопливо остригать его под немецкую гребенку». Он — против сионизма и обличает возможность создания еще одной «демократии» с Ротшильдом во главе, т. е. превращения земли обетованной «в капище все того же западного мещанского и материалистического Мамоны». По его мнению, сионизм идет к союзу с «католическим миром» и потому он верит в особую роль идейно перевооруженной евразийско-еврейской элиты в экономическом возрождении России, тем более, что «для грядущего возрождения России» большинство эмигрантской массы США, погрязшее в мещанстве, «можно считать безвозвратно потерянным». См.: *Бромберг Я. А.* Запад, Россия и Еврейство. Опыт пересмотра еврейского вопроса / С предисловием В. Н. Ильина. Прага, 1931. Т. III, 144—145, 35, 39, 161—171, 196.

[83] *Изгоев А. С.* Указ. соч. С. 9.

[84] Там же.

[85] Там же. С. 10—11.

[86] Там же. С. 12.

[87] Там же. С. 13.

[88] Там же. С. 14—15.

[89] Там же. С. 15.

[90] Там же. С. 16.

[91] Там же. С. 19—32.

[92] *Флоровский А. В.* Русская историческая наука в эмиграции (1920—1930) // Труды V-го Съезда РАОЗГ в Софии 14—21 сентября 1930 г. София, 1932. Ч. I. С. 467—484.

[93] Там же, С. 468—469.

[94] Там же. С. 473.

[95] Там же. С. 475.

[96] Там же. С. 477.

[97] Там же. С. 479—480.

[98] Там же. С. 482—484.

[99] *Florovskij A.* Gegenstand und Inhalt der «Geschichte Rußlands» oder der «russischen Geschichte» // ZOG. 1935. Bd. IX (N. F. Bd. V). H. 3. S. 321—341.

[100] Ibid. S. 321.

[101] Ibid. S. 322.

[102] Ibid. S. 323.

[103] Ibidem.

[104] Ibid. S. 325.

[105] См. *Šmurlo E. F.* Storia della Russia. Roma, 1928—1930. T. 1—3; *Шмурло Е. Ф.* История России. Мюнхен. 1922.
[106] *Florovskij A.* Gegenstand . . ., S. 326.
[107] Ibid. S. 327.
[108] *Mjakotin V.* Šmurlo E. Kurs russkoj istorii. Tom pervyj. Vozniknovenie i obrazovanie russkogo gosudarstva (862—1462). Pr. 1931 // ZOG. 1932. Bd. VI. H. 3. S. 416—419; *Idem.* Šmurlo E. F. Kurs russkoj istorii. T. II. Moskva i Litva. Pr. 1933. // ZOG, 1934, Bd. VIII. H. 3. S. 403—405.
[109] *Florovskij A.* Gegenstand . . . S. 328; Cm.: *Milioukov P., Seignobos Ch., Eisenmann L.* Histoire de Russie. P., 1932—1933. T. 1—3.
[110] *Вернадский Г.* Опыт истории Евразии с половины VI в. до настоящего времени. Берлин, 1934; *Он же.* Начертание русской истории. Прага, 1927. Ч. 1; *Vernadsky G.* A History of Russia. New Haven, 1929.
[111] *Florovskij A.* Gegenstand. . . S. 328.
[112] Ibid. S. 330.
[113] Ibid. S. 332.
[114] Ibid. S. 334.
[115] Ibid. S. 341.
[116] *Зайцев К.* Государство как единство и система (К вопросу о юридической природе государства) // Сборник в честь П. Б. Струве. Прага, 1925, С. 186.
[117] Там же. С. 189.
[118] *Струве П. Б.* Patriotica. СПб., 1911. С. 98.
[119] *Струве П. Б.* Хозяйство и цена. СПб, 1913. Т. I. С. 35; ср.: *Он же.* Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» // Экономический вестник. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 5—26.
[120] *Зайцев К.* Указ. соч. С. 194.
[121] Там же. С. 193.
[122] *Савицкий П.* О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) // Толль Н. П. Скифы и гунны. Прага, 1928. С. 87.
[123] Там же. С. 86. См.: *Кн. Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София, 1920.
[124] *Савицкий П.* О задачах. . . С. 91.
[125] Там же. С. 96.
[126] Там же. С. 99.
[127] Там же. С. 102.
[128] *Савицкий П. Н.* Россия — особый географический мир. Прага, 1927. С. 29.
[129] *Савицкий П. Н.* Из прошлого русской географии (Периодизация истории русских открытий) // Научн. тр. РНУ. Прага, 1931. Т. IV. С. 296.
[130] *Савицкий П. Н.* Главы из «Очерка географии России» // Тридцатые годы. Париж, 1931. С. 87—104.
[131] *Савицкий П. Н.* Россия — особый географический мир. С. 3.
[132] Там же. С. 5.
[133] Там же. С. 10—12.
[134] *Brutzkus B.* Die historischen Eigentümlichkeiten der wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung Russlands // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Breslau, 1934. Bd. X. H. 1/2. S. 64.
[135] Ibidem
[136] Ibid. S. 66.
[137] Ibidem.
[138] Ibid. S. 67.
[139] Ibid. S. 68.
[140] Ibid. S. 69.
[141] Ibid. S. 71.
[142] Ibidem.
[143] Ibid. S. 73.
[144] Ibid. S. 83.
[145] Ibid. S. 84—87.
[146] Ibid. S. 97—99.
[147] *Якобсон Р. О.* К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931. С. 3.
[148] *Florovsky A.* La littérature historique soviétique-russe. Compte-rendu. 1921—1931 // Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale. Varsovie, 1934. T. VI. fasc. 3—4. P. 120—186.
[149] Ibid. P. 123.
[150] Ibid. P. 171—172.
[151] Ibid. P. 173.

Глава V

Древняя Русь — оазис соборности

В эмигрантской литературе давно живет мнение о всенародной соборности как исконном элементе истории Русского государства. Это мнение пережило породивших его авторов и было воспринято реакционной буржуазной историографией, которая искала средств доказать, что история России стоит «вне закона», а потому порожденная этой историей социалистическая революция неприемлема для Европы.

В трудах Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, А. М. Сахарова и др. всесторонне изучены и опровергнуты ложные концепции досоветской дворянско-буржуазной науки о Русском государстве. Советская и зарубежная историография по-разному понимают характер государственного строя Древней Руси. Наша историческая наука признает его классовым, феодальным, основанным на эксплуатации, и с этой позиции оценивает органы власти и управления того времени. Однако, ведя борьбу против реакционной зарубежной идеологии, она почти не касается русской эмигрантской историографии, которая сыграла не последнюю роль в становлении современных буржуазных исторических концепций.

Соборы — явление феодального политического строя. Политический строй — официальное выражение строя общественного. Поиски древнерусской народной соборности — следствие превратного представления о социально-экономической эволюции, плод бессилия постичь идейный смысл памятников ее общественно-политической мысли.

Чтобы разобраться в этом вопросе, посмотрим, что писали русские историки-эмигранты. В сочинении теоретика «соборности» М. В. Шахматова читаем: «Величественное здание Православного Русского Царства, Божественной Державы Российской было воздвигнуто московскими государями и их современниками. Тогда же был разработан соответствующий круг учений о государстве». Истоки этих учений возникли в домонгольскую пору. Историки находили два «начала»: одно — это пресловутое «начало соборности», включавшее «учение о величии и богоизбранности земли Русской; учение о самодостаточности народной воли; учение об ограничениях народной воли»; другое — это «начало единоличной княжеской власти» [1].

Кем и во имя чего созданы эти учения, чьи общественные интересы они выражали? Такая постановка проблемы чужда автору: «с точки зрения древнерусского книжника» недостаточно было бы сказать, что «власть есть господство одних и покорение других, — это было бы упрощением понятий того времени» [2]. Но самому

М. В. Шахматову сказанного вполне достаточно, чтобы в XX в. разделять социологические взгляды летописца XII в.

«Наши летописи, — читаем далее, — изображая государственный строй древней Руси земского (так! — *В. П.*) периода, определенно свидетельствуют о распространенности вечевых собраний на всей территории земли Русской. Они были органами народной власти во всех существовавших тогда землях-государствах, и право веча на соучастие в государственном правлении не подвергается сомнению со стороны большинства летописей» [3]. Итак, вече — государственный орган народовластия в Древней Руси. Наряду с внесословным «началом» соборности существовало такое же «начало» единодержавия, которое постепенно и возобладало. Автор почему-то не обращается к сколько-нибудь полному анализу известий о соборе в летописях. Известий немного, и они вполне доступны пониманию.

Обращаемся, далее, к трудам историков права, среди которых наиболее авторитетен Д. М. Одинец. «Право Киевской Руси, — пишет Одинец, — создавалось параллельными и, притом, конкурирующими друг с другом силами, стремившимися, каждая посвоему, регулировать одни и те же отношения. Наша старина знала три главных правовых струи: право церковное, право княжое и право земское» [4].

«Какое же право — княжое или земское — фактически действовало в старину?» — спрашивает автор и отвечает: „Это зависело от фактического соотношения сил. Когда князь приглашался „на всей воле“ земли, очевидно преобладали нормы земского права» [5], а в противном случае — княжого. В чем суть «земского» права, почему оно противостоит княжому и в каком отношении находится к церковному, — автор не говорит.

В курсе русской истории П. Н. Милюкова, Ш. Сеньобоса и Л. Эйзенмана можно прочитать, что Русь XI—XII вв. в результате роста семейства Рюриковичей раздробилась и превратилась в «семейную федерацию автономных правителей» [6]. Княжеская власть вершила суд, законодательство, военное дело не одна, а с думой, существование которой «покоится на обычае», основано «на взаимоотношениях князя с дружиной» [7].

А как дела с народоправством? «Князь не может руководить обществом без веча или вопреки ему, как не может делать это без думы и дружины»; при многообразии вариантов власти постоянно сосуществование этих двух начал — веча и князя и договорных взаимоотношений между ними [8]. Здесь народное вече поставлено в один ряд с учреждениями правящего сословия — думой и дружиной и не сделано попытки выяснить, кто же руководил вечем и насколько оно по своей классовой природе противоречило княжеской власти.

Г. Вернадский утверждает, что Киевская Русь — это федерация, в основном «свободное общество», где «три элемента власти» — монархический (князь), аристократический (боярский совет) и демократический (вече) — «взаимно уравновешивали друг

друга, и народ имел голос в управлении повсюду в стране»[9].

Это — единственный из авторов, который попытался умозрительные заключения об этих элементах подкрепить источниками. Поэтому мы задержимся на его книге. Нельзя сказать, что Г. Вернадский пишет неясно, но вполне можно сказать, что факты он использует выборочно.

О первом, монархическом элементе от него узнаем, что по смерти Ярослава Мудрого права на княжеский стол определялись двумя, видимо, противоположными принципами: «генеалогическим старшинством и народным избранием», причем «второй фактор оставался потенциальным (dormant), в то время как первый действовал беспрепятственно» до середины XII в.[10] Итак, нам предлагают забыть, что в это время на Руси сила князей зависела от их экономического положения, и поверить в их «лествичное восхождение» на киевский стол, который после раздела древнерусского великокняжеского домена (Киевская, Черниговская, Переяславская земли) стал на деле объектом коллективной ответственности сильнейших («старейших») князей, имевших долю в этом домене[11].

Историю основного домена древнерусских князей нетрудно проследить по летописям. Первая трещина в нем относится к 1026 г.[12], затем в 1034—1054 гг. он был собран при Ярославе, который в 1054 г. «нарядил» своих сыновей, поделив домен на три доли[13]; в 1097 г. произошел новый раздел на три части с придачами[14]. Вновь собран был домен при Мономахе и затем раздробился таким образом, что все отвечавшие за судьбы «Русской земли» требовали себе в ней «причастия». Этот порядок дожил до монгольского разорения[15].

Нам предлагают забыть, что генеалогические споры были не более, чем ранней формой местничества[16], а формулы родства[17], как и «кормильства»[18], — выражением вассалитета. Г. Вернадский запутался в паутине терминов патриархально-общинного строя, которая долгое время покрывала молодое государство, помогая феодальным собственникам земли маскировать угнетательскую сущность своей власти.

По Г. Вернадскому, на Руси в середине XII в. торжествует «организация междукняжеских отношений на основе политического старшинства вместо генеалогического»[19], что и проявляется в Суздальской земле в виде подручничества. Напрасно автор тревожит тень С. М. Соловьева, правда, не называя его. Последний ошибался[20], ибо в Юго-Западной Руси подручничество упоминается еще раньше.

Нельзя согласиться и с характеристикой самого боярства, предлагаемой Г. Вернадским. «Боярин, — пишет он, — не был обязан служить князю и был волен оставить его в любое время и вступить на службу другому князю. Даже если он был вознагражден за свою службу пожалованьем землей, он сохранял земельное владение, которое, исключая Галичину XIII в., становилось его личной собственностью и не влекло за собой обязанности службы. Таким

образом, боярин, советник ли княжеский или слуга, не был его вассалом. Это важный пункт различия между социальным строем Киевской Руси и Запада того времени»[21].

Раз «важный», то следует к нему внимательнее присмотреться. Говоря о тогдашней Руси, нельзя связывать себя устоявшимися нормами буржуазного права. Феодальная раздробленность повсюду в Европе — время борьбы двух тенденций: единодержавия и сепаратизма. Везде значение князя зависело от размера его земельных владений, а следовательно, и войска. Нам уже приходилось доказывать, что подручничество и кормление как формы вассалитета существовали в Древней Руси, они охватывали и князей, и бояр, и слуг (дворян, милостников — дружину в широком смысле слова)[22]. Источники позволяют утверждать, что представители всех групп собственников земли (включая вотчинников-князей, бояр, а кое-где и епископов) рассматривались княжеской властью как вассалы.

Если князь был силен, то вассалы — и крупные бояре, и мелкие князья — подчинялись ему, лишаясь за измену своих сел и «животов» (имущества)[23]. Это было не только в Галичине, но и в Суздальщине, где Андрей Боголюбский прогнал «передних мужей» своего отца, а Всеволод Юрьевич завладел землями крамольного боярства[24]; да что боярство, по крайней мере пять местных епископов утратили свои богатства в пользу великих князей[25]. Примечательно, что уже тогда некоторые князья мечтали о таком порядке, чтобы за провинность перед сюзереном князь платился волостью, а боярин — головой («оже ся князѣ извинить, то в волость, а муж — у голову»)[26]. К торжеству такого порядка дело и шло, но монгольское разорение и иго отбросило Русь назад.

Но что Г. Вернадскому Русь, когда источник всякого прогресса он привык олицетворять с «Западом». Он пишет, что «лишь в Западной Украине отдельные феодальные обычаи и институты действительно развивались отчасти как результат иноземного влияния (а в основном, как что? — *В. П.*)... Галицкие бояре пытались утвердиться как феодальная аристократия»[27]. А новгородские и псковские, стало быть, не пытались?

Второй элемент — боярский совет, дума. Говоря об элементах власти и соотношении между ними, эмигрантские историки и, в частности, Г. Вернадский игнорируют их классовую природу. Между тем анализ известий о княжеском совете, а также о снеме (почему-то оставленном без внимания поборниками соборности) позволяет вполне определенно ответить на вопрос о месте этих институтов среди органов власти и о возможности признаний их выразителями всенародной соборной воли «земли».

Поговорим, наконец, о «демократическом элементе» — вече, которое, как пишет Г. Вернадский, действовало «с точки зрения городских интересов»[28]. Спрашивается, а что такое «городской интерес»? Этот автор написал специальную рецензию на исследование М. Н. Тихомирова о древнерусских городах, но так и не понял, что их политическую жизнь раздирали острейшие социальные противоречия.

В посмертно изданной незаконченной работе П. Б. Струве тоже находим колоритные мысли о нашей древности. «Мы явственно видим, — писал он, — что русское раннее средневековье (примерно до 1240 г. — *В. П.*) знает два источника и фактора властвования и права: народ (вече) и князя. Их соотношения нельзя формулировать юридически точно в строгих терминах государственного права» [29]. Существовало два «державных» начала — вечевое и княжое, которые могли быть правовым образом согласованы лишь «рядом», т. е. договором — компромиссом [30]. «В борьбе двух воль: народной и княжой, попеременно то одна, то другая оказывалась сильнее. Но князь, как «учрежденье», в общем, был сильнее» [31]. Истоки этой концепции народоправства — все в том же превратном представлении о сословном (классовом) строе. «Собственность на землю и вообще собственность, как таковая, еще не получила отчетливого правового выражения, и потому вотчинное право на землю еще не оформилось как некое сословное преимущество госпóды пред смердью» [32]. Это был «сословный строй», но якобы «основанный на обычном праве» [33]. При этом П. Б. Струве свысока поучает историков-марксистов, которые-де под обаянием исторического фантома доклассового общества дедуктивно постулируют «два мнимых факта русской социальной и экономической истории: несуществующее древнерусское доклассовое общество и дальнейшую мнимую «феодализацию» этого общества и тем самым «во всяком случае частично восстанавливают славянофильскую схему исконной русской общинности» [34]. Конечно, гораздо проще верить летописцу, что неравенство было извечно, не затрудняя себя мыслями о том, откуда оно появилось.

Феодализация, пишет П. Б. Струве, «плод — как мы покажем — халатного словоупотребления и отсутствия ясных юридических представлений» [35]. И действительно, в работе «Существовал ли феодальный правопорядок в древней Руси?» он заявляет нам, что феодализм возник «из сочетания факта и идеи дружины. . . с фактом и идеей жалованья, которое могло быть пожалованием земли (поместьем) или должности (кормлением)» [36].

На Руси, по мнению П. Б. Струве, «отсутствовала связь между вещным правом на землю и обязанностью службы. Отсутствовало в отношении между государем и слугой то обязательство взаимной верности, которое составляло душу (так! — *В. П.*) и определяло дух феодального права» [37]. Автор разделяет взгляд средневековых юристов и менестрелей на феодализм, под которым те понимали свою среду: сюзерен — вассал — верность [38]. В этом смысле «юридически и фактически западный феодальный порядок был в корне отличен от порядка древне-русской вольной службы» [39]. На «западном» порядке мир сошелся для П. Б. Струве клином — раз на Руси его не было, то следовательно, не было порядка вообще.

Покончив, таким образом, с «халатным словоупотреблением» и дав нам образец «ясных юридических представлений», автор предлагает и свое определение государственного строя Древней

Руси: «С точки зрения государственной, Русь раннего средневековья от 862 до 1240 г., нельзя вообще охарактеризовать ни в каких точных правовых терминах, соответствующих не то что современному правосознанию, но и вообще юридической логике. Это не было ни союзное государство, ни союз государств, ни единое государство какого-либо определенного типа. Это было сочетание некоторого множества земель-государств, притом разного устройства, с своеобразным, но очень прочным единством общей династии и несомненным духовным единством нации в языковом и церковном отношениях» [40].

И следует вывод: «На Руси существовало много земель-государств, но Русская земля не была государством» [41]. Это и есть удельно-вечевой порядок, когда «княжье, опираясь на свой коллективный суверенитет, осуществляло его — sit venia verbo — в порядке анархии» [42].

И все же труд П. Б. Струве ценен в одном отношении — он раскрывает упорное стремление эмигрантской историографии выдать идеи веховцев за высшую истину. П. Б. Струве пишет: «Исследовательская работа автора и обдумывание ее результатов привели его к чисто историческому убеждению, что корни русской революции глубоко заложены в исторической отсталости России» [43], что «большевицкий переворот и большевицкое владычество есть социальная и политическая реакция эгалитарных низов против многовековой социальной и экономической европеизации России» [44]. Плод обдумывания, как видим, все тот же, бердяевский [45].

Ничто на свете не пропадает. Наблюдательные представители западногерманской неофашистской историографии быстро поняли, чем им можно поживиться от эмигрантского пирога. Свои взгляды эмигранты облекли в теорию исключительности общественного строя Руси. У них вышло, что Древняя Русь — не государство, и не сословное, и не феодальное, и не представительное, а невесть что.

Эту теорию и превознесли поборники реваншизма [46]. Тому свидетельство — работы Г. Штёкля [47], О. Бруннера [48], Г. Людата [49], М. Хеллманна [50], Г. Рауха и других известных историков Федеративной Республики Германии. Из них М. Хеллманн занял доцентскую кафедру Фрейбургского университета, прочитав свою вводную лекцию «по П. Б. Струве».

Он признает за эмигрантами творческое развитие истории Русского государства и права. Лектор снабдил слушателей сведениями о трех элементах (славянском, германском и византийском), определивших особенности Древней Руси. Неоднократно ссылаясь на П. Б. Струве, он сообщил об отсутствии на Руси понятий права и свободы, а также сословий, городов, княжеского суда и других государственных институтов; потолковал о смене династического (читай: родового!) принципа правления территориальным и отметил, что лишь московское правительство на новой, «колониальной» основе сумело создать неограниченное единовластие. В заключение автор выразил надежду, что его труд пригодится для объяснения конфликта «России с Европой», а может быть, и «некоторых

явлений» на «Востоке», которым «мы, европейские современники... критически противостоим».

Особенно нужна западногерманским реваншистам бессословность Древней Руси для обоснования идеи, которая может быть сформулирована так: бессословная Русь — народна ее экспансия, следовательно, русские — исконные завоеватели [51]. Отсюда уже один шаг до признания «советского империализма» преемником древнерусского [52].

Впрочем, и работы коллег М. Хеллманна достойны внимания, хотя бы потому, что в большей мере касаются русских сословно-представительных учреждений. «Односторонне» и немыслимо считать, пишет О. Бруннер, будто в Европе капитализм пришел на смену феодализму, ибо своеобразие европейского феодализма состояло в том, что он уже давал возможность и простор «развитию товариществ (für genossenschaftliche Entwicklung), прежде всего образованию общин» [53]. Поборник европоцентризма, О. Бруннер, пополняя концепцию М. Вебера, видит в мировой истории три типа городов — восточный, античный и средневековоевропейский [54]; восточный существует вне Европы, в частности и в России [55].

Считая основным признаком истинно европейского города «взаимозависимость городской власти и городской общины» [56], он расценивает древнерусские города в основном как политические центры, которые в дотатарскую пору были сходны с европейскими, и допускает, что «не будь татарского нашествия, и здесь, на востоке, каким-либо образом мог подействовать европейский пример; едва ли, однако, в полной мере» [57].

В городах Руси не было бюргеров — «в городе и деревне живут одинаковые группы; и там и здесь существуют свободные и несвободные. Отсутствуют правовые различия между городским и сельским населением» [58]. Опираясь на Милюкова и Струве, автор утверждает, что нет здесь и «собственного городского права» [59] и даже новгородское вече стоит-де ближе к народным собраниям галлов и германцев Цезаря и Тацита, «чем к европейской городской общине» [60].

Любопытно, что Г. Людат, один из наиболее эрудированных западногерманских историков, счел нужным отвергнуть столь примитивную трактовку вопроса [61], понимая, что нелепо закрывать глаза на плодотворные славяноведческие исследования по истории города. Г. Людат признал их результаты полезными для познания... «предколониальных», «неаграрных центров», готовящихся созреть для симбиоза [62] с немецкой колонизацией, с немецким городским правом.

«Никто, — пишет он, — даже националистическая советско-идеологическая история» не будет отрицать, что «с введением немецкого городского права автономной общины бюргеров и привнесенного ею городского хозяйства в области восточнонемецкой колонизации появилось совершенно новое, перенесенное с Запада учреждение, с которым начинается новый этап в социально-хозяйственном, правовом и культурном развитии этих обла-

стей»[63]. Это и «революция в правовых отношениях»[64] и вообще «тотальное революционизирование существующих отношений»[65].

Г. Людат думает, что благодаря немецкому праву часть славян вступила во второй (после христианизации) этап «западизации»[66], и предлагает изучать древнеславянский город в рамках «немецкой предыстории»[67]. Поскольку наша наука поставила под сомнение старую немецкую концепцию о дикости древнего славянства и культуртрегерской миссии германизма, Г. Людат модифицировал эту концепцию, сузил ее действие во времени.

Начиная с X Международного конгресса в Риме историки обратили специальное внимание на историю сословно-представительных учреждений. По историографии Восточной Европы там выступал Г. Штёкль[68]. Международный форум давал прекрасную возможность сравнительно-исторически сопоставить сходные явления славянской и романской средневековой истории, скажем, имперские съезды: русский и чешский снем, польский сейм, хорватский сабор, немецкий рейхстаг или княжой совет и вече с такими институтами, как curia, parlamentum, concilium, colloquium и т. п. Этого, однако, не произошло.

Мало того, что историю этих учреждений в Западной и Восточной Европе Штёкль рассматривает раздельно, но и последнюю он поделил на две «сферы»; одну — «западную, латинскую, римско-католическую» (куда отнес Польшу, Чехию, Венгрию и Хорватию) и другую — «восточную, греческую, православную» (в которой поместил Сербию, Болгарию, румынские княжества и Россию). Обосновать такое деление он не смог[69]. Зато ему удалось оторвать историю сословно-представительных учреждений от эволюции общественного строя, подменив ее разного рода иноземными влияниями. Нельзя сказать, что Г. Штёкль чувствовал себя уверенно в избранной им православной «сфере». Как всякого новичка, его многое удивляло, что он и не скрыл от конгресса. «Поразительно», заявил он, что в этой «сфере» вообще оказались сословно-представительные учреждения, но особенно «ошеломляюще» подействовало на него то, что они нашлись в России[70]. Сбитый с толку своим открытием, он не смог увидеть в них ничего, кроме слабовыраженного «синтеза восточной формы с западным содержанием»[71]. Новый труд Л. В. Черепнина внес окончательную ясность в эволюцию «соборности» на Руси[72].

[1] *Шахматов М. В.* Опыты по истории древнерусских политических идей. Начало соборности. Прага, 1927 (гектографированное издание). Т. I, кн. 1. С. 2.
[2] Там же. С. 565.
[3] Там же. С. 181.
[4] *Одинец Д. М.* Княжое и земское право древней Руси // Труды IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. Ч. I. С. 287.
[5] Там же. С. 289.
[6] *Milioukov P., Seignobos Ch., Eisenmann L.* Histoire de Russie. P., 1932. T. I. P. 101.
[7] Ibid. P. 103.
[8] Ibid. P. 105; ср.: *Шмурло Е.* Курс русской истории Прага, 1931. Вып. 1. Возникновение и образование Русского государства. С. 102.

[9] *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Haven, 1953. P. 335—337; ср.: *Idem.* Kievan Russia. New Haven, 1948. P. 177—187.
[10] *Vernadsky G.* Kievan Russia. P. 179.
[11] Размеры домена определены А. Н. Насоновым. См.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 25—33, а также рец.: *В. Т. Пашуто* // ВИ. 1953. № 8. С. 169; ср.: *Пашуто В. Т.* Очерки истории СССР. XII—XIII вв. М., 1960. С. 39, 43.
[12] ПСРЛ. 1908. Т. II. Стб. 137.
[13] Там же. Стб. 149—150.
[14] Там же. Стб. 231.
[15] Собрание «старейших» князей в Киеве (Там же. Стб. 741, 1223 г.); князь Даниил, поддерживая киевского великого князя Владимира, «взя собе часть» из «Русской земли» — Торческ (Там же. Стб. 766).
[16] Во Владимиро-Суздальской земле, где якобы торжествует «новый порядок», Всеволод Большое Гнездо, осуществляя поряд, раздает рязанские волости «по стареишиньству» (ПСРЛ. Л., 1927. Т. I, вып. 2. Стб. 388, 1180 г.).
[17] Князья говорят Всеволоду: «Ты отец, ты господин, ты брат» (Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851. С. 99, 1186 г.; ср.: С. 110, 1213 г.). Великий князь киевский Вячеслав заявляет Изяславу: «Ты же мой сын, ты же мой брат» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 418, 1151 г.).
[18] *Гарданов В. К.* «Кормильство» в Древней Руси. (К вопросу о пережитках родового строя в феодальной Руси IX—XIII вв.) // Советская этнография. 1959. № 6. С. 57.
[19] *Vernadsky G.* Kievan Russia. P. 183. Ср.: *Греков Б. Д.* Избранные труды. М., 1959. Т. 2. С. 232—249.
[20] *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 334—340.
[21] *Vernadsky G.* Kievan Russia. P. 184. Западнонемецкий историк права Л. Шульц утверждает то же на сходном основании: «В Древней Руси отсутствуют два существенных признака феодализма: во-первых, князья не распределяли земельных владений в качестве возмещения за оказанную службу; во-вторых, служебные должности были не наследственными, а временными» (*Schultz L.* Russische Rechtsgeschichte. Lahr, 1951. S. 32). Замечу кстати, что Л. Шульц не ахти какой знаток нашей древней истории: он, например, отнес киевские события середины XII в., связанные с черниговским князем Игорем, к Игорю X в. (Ibid. S. 33).
[22] См. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 51—53.
[23] ПСРЛ. Т. II. Стб. 409, 724, 754 и др.
[24] Там же. Стб. 520; ПСРЛ. Т. I, вып. 2. Стб. 382.
[25] *Пашуто В. Т.* Очерки истории СССР. XII—XIII вв. С. 14—15.
[26] ПСРЛ. Т. II. Стб. 603—604.
[27] *Vernadsky G.* Kievan Russia. P. 184—185.
[28] Ibid. P. 185.
[29] *Струве П. Б.* Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952. С. 43—44.
[30] Там же. С. 55.
[31] Там же.
[32] Там же. С. 61.
[33] Там же. С. 60.
[34] Там же. С. 73.
[35] Там же. С. 74.
[36] *Струве П. Б.* Наблюдения и исследования из области истории хозяйственной жизни и права Древней Руси. I. Существовал ли в древней Руси феодальный правопорядок // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Вып. I. С. 390.
[37] Там же. С. 402.
[38] Впрочем, об этом «признаке» феодализма можно почерпнуть известия и в наших летописях. Например, Изяслав говорит Всеволоду: «Ты мне еси брат, а яз тобе

и положю главу свою за тя» (ПСРЛ. т. II. Стб. 194). Подобных фактов множество.

[39] *Струве П. Б.* Наблюдения и изследования. С. 399.

[40] *Струве П. Б.* Социальная и экономическая история России... С. 79.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 81.

[43] Там же. С. 7.

[44] Там же. С. 19.

[45] Ср.: *Berdiajew N.* Sinn und Schicksal des russischen Kommunismus. Luzern, 1937. S. 17.

[46] Используя «новейшие» труды эмигрантов, их потребители закрывают глаза на то, что П. Б. Струве и др. лишь повторяют прописи досоветской историографии. В последней древнерусское народоправство, в частности соборность, причудливо отражало текущие политические запросы дворянско-буржуазного либерализма, то возвышаясь до союза царской власти с народом, то снижаясь до совещания ее с агентами собственной администрации. См. историографию в кн.: *Авалиани С. А.* Земские соборы. Литературная история земских соборов. Одесса, 1916. С. 25, 56, 83 и др.; ср. любопытную статью: *Кранихфельд В.* Земские соборы и современные их апологеты // Мир Божий. Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования, 1905. № 3. С. 244—264.

[47] См. раздел Г. Штёкля («Osteuropa») в коллективном докладе на X Международном конгрессе историков в Риме: *Cam H. M., Marongiu A., Stökl G.* Recent Work and Present Views on the Origins and Development of Representative Assemblies // Relazioni del X Congresso Internationale di Scienze Storiche. Firenze, 1955. Vol. I. P. 75—99.

[48] *Brunner O.* Europäisches und russisches Bürgertum // Vierteljahrschrift für Sozial- and Wirtschaftsgeschichte, 1953. Bd. 40. H. 1. S. 1—27.

[49] *Ludat H.* Vorstufen und Entstehung des Städtewesens in Osteuropa // Osteuropa und der deutsche Osten. Köln, 1955 (Westfälische Wilhelms Universität zu Münster, Reihe III. Buch 4).

[50] *Hellmann M.* Staat und Recht in Altrußland // Saeculum. 1954. Bd. 5. H. 1. S. 41—64.

[51] См.: *Prawdin M.* Russland. Stuttgart, 1951.

[52] *Пашуто В. Т.* Реваншисты — псевдоисторики России. М., 1971. С. 50.

[53] *Brunner O.* Op. cit. S. 24.

[54] Ibid. S. 21.

[55] Ibid. S. 22.

[56] Ibidem.

[57] Ibid. S. 9.

[58] Ibid. S. 18.

[59] Ibid. S. 19.

[60] Ibid. S. 21.

[61] *Ludat H.* Op. cit., S. 13.

[62] Ibid. S. 12.

[63] Ibid. S. 11.

[64] Ibid. S. 30.

[65] Ibid. S. 52—53.

[66] Ibid. S. 9, 11, 12, 52, 53.

[67] Ibid. S. 22.

[68] *Stökl G.* Op. cit. S. 76—77.

[69] Ibid. S. 90.

[70] Ibid. S. 96.

[71] Ibid. S. 98.

[72] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

Приложение I
Труды русских историков-эмигрантов по истории России до 1861 г.

Алексеев Николай Николаевич (1879—1964)*

Профессор Московского университета. Выехал из России в 1920 г. С 1922 г. профессор РЮФ в Праге и Русского научного института в Берлине. Участник движения сопротивления. После II мировой войны склонял европейскую эмиграцию в пользу СССР. Его книги и архив (включая папки рукописей и список его трудов) переданы в ИНИОН АН СССР (Москва).

Учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете. Симферополь, 1919.
Основы философии права. Прага, 1924.
Русский народ и государство // Путь. 1927. № 8.
Теория государства. Прага, 1925—1926.
На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). Париж, 1927.
Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928.
Теория государства. Теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал. Париж, 1928.
[в соавторстве] О газете «Евразия». Париж, 1929.
Русское западничество // Путь, 1929. № 15. С. 81 и сл.
Das russische Westlertum // RG. 1929/1930. Bd. 1. S. 149—162.
Религия, право и нравственность. Париж, 1930.
Предшественники евразийства. Париж. Б. г.
Идея государства. Очерк по истории политической мысли. Нью-Йорк, 1955.

Андреев Николай Ефремович (1908—1982)

Доктор философии Карлова университета в Праге. Член, с 1938 г. секретарь, в 1939—1945 гг. директор Института Кондакова в Праге. С 1948 г. магистр, затем профессор Кембриджского университета (Англия).

Н. П. Кондаков в письмах А. П. Чехова // SK. 1929. Т. III. С. 271—282.
О «Деле дьяка Висковатого» // SK. 1932. Т. V. С. 191—240.
Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства // SK. 1935. Т. VII. С. 227—244.
Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании // SK. 1936. Т. VIII. С. 259—278.
Иоанн Грозный и иконопись XVI века // SK. 1938. Т. X. С. 185—199.
Pagan and Christian Elements in Old Russia // SlR. 1962. Vol. 21. N 1.
Recent Soviet Studies of Russian History and Culture before 1462 // SlR. 1962. Vol. 21. N 2. P. 336—342.
Studies in Moscovy. Western Influence and Byzantine Inheritance. London, 1970.

---

* Биобиблиографию см.: На темы. С. 358.

Андреева Мария Александровна (1900—194?)

Доктор философии Карлова университета, магистр всеобщей истории, приват-доцент и член Славянского института в Праге.

Прием татарских послов при Никейском дворе // RK. P. 187—200.
Очерки по культуре византийского двора. Прага, 1927.
Политический и общественный элемент византийско-славянских гадательных книг // BSl. 1930, T. II. P. 395—414; 1931. T. III. P. 430—460; 1932, T. IV. P. 75—84.
Новейшие труды по истории русской иконы, вышедшие в Центральной Европе // ЦЕ. 1932. С. 393—397.
К истории византийско-славянских гадательных книг // BSl. 1934. T. V.
Что такое Восточная Европа и каково ее значение в изложении проф. Ярослава Бидло // BSl. 1937—1938. T. VII. P. 25—39 [и другие многочисленные византиноведческие заметки, рецензии и некрологи в BSl. T. I и сл.—*В. П*].

Аничков Евгений Васильевич (1866—1937)*

Приват-доцент Петроградского университета, профессор философского факультета университета в Скопле, Югославия.

Александр Веселовский // Sl. 1922. R. I/2. P. 302—315; 1923, R. I/4, P. 524—551.
Последние работы по славянским религиозным древностям // Sl. 1923. R. II/2—3.
Рец.: Mansikka V. Die Religionen der Ostslaven; Jagić V. Zur slavischen Mythologie; Brückner A. Mitologia słowiańska // Sl. 1923/1924. R. II.
На грани // ПК.
Заметки по рукописям и творчеству М. Ю. Лермонтова // Sl. 1925. R. IV. S. 82—98, 279—293, 538—566.
Западные литературы и славянство. Прага, 1926. T. I: Перепутья и разрыв, 11—15 вв.; T. II: Новые сношения, 16—18 вв.
N. P. Kondakov // Sl. 1928. R. VII. S. 44—62, 298—310.
Les survivances manichéennes en pays slaves et en Occident // RESl. 1928. T. VIII. Fasc. 3/4. P. 203—225.
Два руска конгреса у Београду // СП. 1929. Март—июнь. R. III/1—2.
Две струи русской политической мысли. Герцен и Чернышевский // Зап. РНИ. 1930. Вып. 1. С. 205—243.
К религиозным воззрениям наших шестидесятников // Зап. РНИ. 1931. Вып. 3. С. 133—189.
Хуманизам средньег века и хуманизам Препорода // СКГ. 1935. XVI.
Судбина Пушкинове поезие // СКГ. 1937. 16 феб.
Пушкин и театр (к «Моцарту и Сальери») // Белградский Пушкинский сборник / Е. В. Аничков. Белград, 1937.
Единство цивилизации и задачи фольклора // Зап. РНИ. 1938. Вып. 15. С. 95—129.
[Рукопись (в 26 тетрадях) воспоминаний Е. В. Аничкова «В прежней России и за границей. Повести о судьбах родины и о самом себе» и другие неопубликованные работы были переданы на хранение в Сербскую Академию наук в Белграде. — *В. П.*]

Багров Лев Семенович (Bagrow) (1881—1957)**

В 1903—1914 гг. сотрудник гидрографического отдела Адмиралтейства, в 1916—1918 гг. профессор навигационных наук в Технической школе, Петроград. В 1918 г. заведующий кафедрой истории в Институте географии. Выехал в Берлин в 1918 г. До 1945 г. работал в Берлине, участник и руководитель ряда экспедиций. С 1945 г. работал в Стокгольме.

Чертеж Украинским и Черкасским городам 17 века // ТРУЗ. 1923. T. 2. С. 30—42.
[в соавторстве с A. Ortelli]. Catalogus Cartographorum. Gotha, 1928. T. 1.

---

* См. некролог В. Мошина: Sl. 1939—1940, T. XVII. P. 300—304.
** Полную библиографию см.: IM. 1959. Vol. XIV; *Loewenson L.* // SlEER, 1958. Vol. XXXVI. N 97. P. 517—519.

Die Priorität der Entdeckung der Amur, des Tatarischen Golfes und der Insel Sachalin // Yamato. B., 1931. Bd. 3 (по-русски в: Статьи и материалы из чтений в кружке любителей русской старины. Берлин, 1932. С. 3—24).
Die ersten Karten der Ukraine (XVIII. Jh.) // Anecdota cartographica / L. Bagrow. B., 1935. Bd. 1 (8 карт in fol.)
Ivan Kirilov, Compiler of the First Russian Atlas, 1689—1737 // IM. 1937. Vol. II. P. 78—82.
Entstehung der «Geographie» des Ptolemaeus // Comptes rendus du Congrès International de Géographie. Amsterdam. 1938. Actes du Congrès. Leiden, 1938. T. 1. P. 380—386.
The Origin of Ptolemy's Geographia // Geografiska Annaler. Stockholm, 1945. Vol. 27. S. 318—387.
Sparwenfeld's Map of Siberia // IM. 1947. Vol. IV. P. 65—70.
The Vitus Bering First Voyage Maps // Geografisk Tidskrift. Copenhagen, 1948/1949. Vol. V. S. 32—40.
The Gottorp Globe in Russia // Ibid. 1949. Vol. VI. S. 95—96.
Die Geschichte der Kartographie. B., 1951.
The First Map of the Dnieper Cataracts. Leiden 1952.
У истоков картографии России // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1952. 20 июня.
A Russian Communications Map, ca. 1685 // IM. 1952. Vol. IX. P. 93—101.
The First Russian Maps of Siberia and Their Influence on the West European Cartography of N. E. Asia // Ibid. P. 83—93.
[В соавторстве с H. Köhlin]. Maps of the Neva River and Adjacent Areas in Swedish Archives // Anecdota cartographica. Malmö, 1953. Vol. III (16 карт).
Semyon Remezov — a Siberian Cartographer // IM. 1954. Vol. XI. P. 111—126.
An Old Russian World Map // Ibid. P. 169—174.
A Few Remarks on the Amur, the Tartar Strait and Sakhalin // IM. 1955. Vol. XII. P. 127—136.
The First Map Printed in Russia // Ibid. P. 152—156.
Italians on the Caspian // IM. 1956. Vol. XIII. P. 3—10.
A Dutch Globe at Moscow, ca. 1650 // Ibid. P. 161.
The Atlas of Siberia by Semyon Remezov. Gravenhage, 1958. (17 факс. карт).
History of the Cartography / Revised and enlarged by R. A. Skelton. Cambridge (Mass.), 1964.
A History of the Cartography of Russia up to 1600. Ontario, 1975.
A History of Russian Cartography up to 1800. Ontario, 1975.

Байов А. К.

Профессор Академии Генерального штаба.

История военного искусства от народов древности до начала XX ст. включительно. Ревель, 1921.
Пушкин как поэт войны. К 125-летию со дня рождения Пушкина // Пушкинский сборник. Приложение к «Последним известиям». Ревель, 1924, № 147.
Две резолюции. По поводу IV Съезда русских ученых в Белграде // НВ. 1928. № 2256 и 2257.

Баранов Ипполит Гаврилович

Приват-доцент юридического факультета в Харбине.

Государственная публичная библиотека в Пекине // Библиографический сборник. Харбин, 1931.
Научный музей в Порт-Артуре // Вестник Манчжурии. Харбин, 1932.
[Статьи краеведческого характера в харбинских журналах: «Рубеж», «Луч Азии» и в газете «Заря». — *В. П.*]

Барац Герман Маркович (ум. в Париже до 1931 г.)

Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Париж, 1927. Т. I. Отдел I: Памятники юридические; отдел II: Памятники духовные; Берлин, 1924. Т. II: О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских.

Баумгартен Николай Александрович (1867—1939)

Член Русского генеалогического общества. С 1920 г. в Риме, сотрудник Pontificale institutum orientalium studiorum.

Généalogie et mariages occidenteaux des Rurikides russes de X^{e} au XIII^{e} siècle // OCh. 1927. T. IX. N 35 (дополнения см. в рец.: Заïкин В. // ЗЧВВ. 1929—1930. т. III. Вып. 3—4. С. 653—666; *Расовский Д.* // SK. 1928. Т. II. С. 374—375; *Perfeckij E.* // Bratislava. 1930. R. 4. Č. 2/3, S. 442—447; *Tomaszewski S.* // KH. 1928. R. 41. Z. 2. S. 316—321).
Chronologie ecclésiastique des terres russes du X^{e} au XII^{e} siècle // OCh. 1930. T. XVII. P. 5—177.
Le dernier mariage de Saint Vladimir // OCh. 1930. T. XVIII. N 61. P. 165—168.
Pribyslava de Russie // OCh. 1930. T. XX. P. 156—161.
Cunégonde d'Orlamünde // Ibid. P. 162—168.
Ода Штаденская, племянница папы Льва IX, невеста Ярослава Мудрого // Благовест. Париж. 1930. № 1. С. 95—102.
Добронега Владимировна, королева Польская, дочь Св. Владимира // Там же. 1930. № 2/3. С. 102—109.
San Vladimiro e la conversione della Russia // Nuova Antologia. Roma, 1930.
София Русская, королева Датская, а затем ландграфиня Тюрингенская // SK. 1931. Т. IV. С. 95—105.
Olaf Tryggwason, roi de Norvège et ses relations avec Saint Vladimir de Russie // OCh. 1931. T. XXIV. N 73. P. 5—37.
Saint Vladimir et la conversion de la Russie // OCh. 1932. T. XXVII. N 79. P. 5—136.
Généalogie des branches régnantes des Rurikides du XIII^{e} au XVI^{e} siècle // OCh. 1934. T. XXXV. N 94. P. 5—192.
Origine de Michel Wiszniewecki, roi de Pologne // OChP. 1935. T. I. P. 393—453.
Polock et la Lithuanie // OChP. 1936. T. II. P. 223—253.
Halitch et Ostrog // OChP. 1937. T. III. P. 161—180.
Aux origines de la Russie // OChA. 1939. N 119. P. 1—88.
Св. Володимир I та хрещення Русі // Богословія. Львів, 1929. Т. VIII. Кн. 3/4. С. 238—250; 1930. Т. IX. Кн. 1—2. С. 107—140.

Башмаков А. А. (1858—?)

Библиотекарь Institut de Paléontologie Humaine, преподаватель Ecole d'Anthropologie, Париж.

[за подп. Вещий Олег] Почему провалился зарубежный съезд? Париж. 1926.
[за подп. Вещий Олег] Кристаллизация русского монархизма. Новый Сад, 1928.
Etude sur l'origine des Avares. L'identité des Avares du VIIe siècle avec les Avares actuels au Daghestan // BSE. 1928. N 17—18.
Les peuples autour de la Mer Noir dans leur état actuel // BSE. 1929. N 19—20.
Les sous-sol des civilisations méditerranéennes // BSE. 1930. [О яфетидологии Марра].
Les alignements de Carnac // L'Anthropologie, 1930. Fasc. 1—2.
Une solution nouvelle du problème des Khazares: Leur origine anatolienne et la raison de leur judaisation // Mercure de France. 1931. N 1.
L'origine anatolienne des Vénètes // Труды XV антропологического конгресса. Париж, 1933. С. 687—689.
Les Khazares // Ibid. P. 690—693.
Les substrats ethniques de la population russe aux temps prehistoriques // Zeitschrift für Rassenkunde. Breslau, 1936. Bd. IV.
Кризис славянской идеи // ЮСбСДБ.
50 siècles d'évolution ethnique autour de la Mer Noire. Paris, 1937.

Беляев Николай Михайлович (1899—1930) *.

Доктор философии Карлова университета в Праге. Один из основателей и сотрудник Института Кондакова в Праге.

Новое в изучении византийского искусства // EX. 1927. Вып. IX. С. 60—65. [добавления и поправки к этой статье см.: EX 1928. Вып. X. С. 97—98].
Серебряный крест из собрания Н. Г. Солдатенковой // SK. 1931. Т. IV. С. 211—214.
Древнерусская иконопись // Тр. V съезда РАОЗГ. София. 1932. Т. I.
Икона Божьей Матери Умиления из собрания Солдатенковых // Zografika. Praha, 1932.
Образ Божьей Матери Пелагонитиссы // BSl. 1930. T. II. Fasc. 2. P. 386—392.

Беляев Николай Тимофеевич (1878—?)

Профессор Михайловской артиллерийской академии. Член совета Лондонского минералогического общества, Общества аэропланных инженеров и Королевского института. Сотрудник Металлургического института по сварке в Париже.

О булате и харалуге // RK.
Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // SK. 1929. Т. III. С. 215—270.
О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса // SK. 1927. Т. I. С. 247—285 (см. также ответ В. Мошину: SK. Т. V. С. 245—248).
О царской сумерийской мине, о дарике и о золотнике // SK. 1931, Т. IV, С. 179—204.
О сумерийском безмене // SK. 1932. Т. V. С. 165—180.
О безмене в Индии // SK. 1933. Т. VI. С. 137—157.
On the «Wodan-Monster» or the «Dragon» Series of the Anglo-Saxon Sceattas // SK. 1935. Т. VII. С. 169—185.
Eymundar Saga and Icelandic Research in Russia // Saga Book of the Viking Society for Northern Research. L., 1934. Vol. XI. Part 1 (1928—1933). P. 93—99.
О географическом распределении кладов с англо-саксонскими и фризскими монетами VII—IX вв. (шеаттами) // SK. 1936. Т. VIII. С. 193—219.
Ломоносов — химик и физик // Возрождение. 1935. 12 и 14 июля.
The Beginnings of Russia // К познанию России. 1937. Вып. II: Доклады 1934—1936 гг. С. 62—67.
The Russia Contribution in the Nineteenth Century to the Metallurgy of Steel (Anosoff and Tschernoff) // Journal of the Royal Society of Art. L., 1921. Vol. 69. N 2598. P. 833—836.
Prof. D. K. Tschernoff (1839—1921), Father of the Metallography of Yron // The Russian Economist [Записки Русского экономического общества в Лондоне]. 1922. Vol. II. № 5. P. 1639—1667.
Vikings in England and Vikings in Russia // SlR. Vol. XIX.

Бем Альфред Людвигович (Bem) (1886—1945)

Библиотекарь Петербургской Академии. Доктор философии, профессор русской литературы Карлова университета в Праге, сотрудник Института Кондакова.

Арестован при занятии Красной Армией Праги, погиб в заключении.

Лекции по истории древней русской литературы (до половины XVII в.), читанные студентам Русского педагогического института им. Яна Амоса Коменского. Прага, 1923.
Русская литература (с половины XVII до начала XIX в.) Лекции. Прага, 1923.
Tajemství osobnosti Dostojevského. [Pr.,], 1928.
Rušti učenci v Praze // Зап. НИО. 1938. Т. VIII (XIII). С. 99—121.
Russland und der Westen // SlRund. 1939. Bd. XI. N 1/2. S. 63—67.

Бескид Николай Александрович

Карпаторусская древность. Ужгород. 1928.

* См. некролог: *Grabar A.* // Byz., 1931. T. VI. P. 517—518.

Бердяев Николай Александрович (1874—1948) *

В 1922 г. выслан из СССР. Профессор Религиозно-богословской академии в Париже.

Происхождение зла и смысл истории // Вопросы философии и психологии. 1908. № 94. С. 287—335; № 95. С. 494—500.
О национальной традиции в русской культуре // Московский еженедельник. 1909. № 49. С. 35—44.
Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Берлин, 1923; 2 изд. Париж, 1969; 3 изд. Париж, 1974.
Утопический этатизм евразийцев // Путь, 1927. № 8. С. 141—144.
О характере русской религиозной мысли XIX-го века // Собр. соч. П., 1989. Т. 3.
Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 43—271.
Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955; 2 изд. Париж, 1973.

Билимович Александр Дмитриевич (1875—1963)

Профессор Киевского университета. Выехал из России в 1920 г. В 1922—1944 гг. профессор Люблянского университета, в 1944—1947 гг. профессор университета УНРА в Мюнхене. В 1948 г. уехал в США.

Богоискатели, евразийцы и материальная культура // РМ. 1926. 8. С. 83—101.
Русская Матица. Любляна, 1925.
Неискреннее христианство // РС. 1929. № 10.
К вопросу об экономической программе национальной России. Белград, 1936.

Бицилли Петр Михайлович (1879—1953) **.

Профессор Новороссийского университета, профессор Софийского университета.

Очерки по теории исторической науки. Прага, 1925.
Увод у светску историју. Београд, 1923.
Народное и человеческое // СЗ. 1925, № 25, С. 484—494.
Два лика евразийства // СЗ. 1927. № 31. С. 421—434.
Увод в изучаване на новата и най-новата история (опыт за периодизация). София, 1927.
Державин — Пушкин — Тютчев и русская государственность // СбМилюкова (Прага).
Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага, 1930.
Geopolitical Conditions of the Evolution of Russian Nationality // The Journal of Modern History. 1930. Vol. II/1.
Рец.: Милюков П. Очерки русской культуры. Париж, 1930 // Числа. 1930. 1. С. 200—201; 1931. 5. С. 179—182; 1933, 7/8. С. 260—263.
Язык и народность // Тр. V съезда РАОЗГ. София, 1932.
Краткая история русской литературы. София, 1934. Т. 1—2.
Die «Haus»-Literatur und der Ursprung der klassischen Literatur in Russland // JKGSl. 1934. Bd. 10/3—4. S. 382—420.
К вопросу о происхождении Слова о полку Игореве // Заметки к Слову о полку Игореве. Прага, 1936. С. 1—20.
К вопросу о взаимоотношениях «Востока» и «Запада» в истории Европы // СбНиков. С. 48—54.
Социология и история // Правни изследования и посветлени на проф. Б. Ганев. София, 1939.
Этнические имена в варварских правдах // SK. 1940. Т. XI. С. 294—296.

---

* Библиографию см. в кн.: *Vallon M. A.* An Apostle of Freedom: Life and Teachings of N. Berdyaev. N. Y., 1960; Bibliographie des oeuvres de N. Berdiaev / T. Klépinine. P., 1978.
** См. некролог в: Историјски преглед. 1953. № 5. С. 560—562.

Богаевский П. М. (ум. в 1929 г.).

Профессор Киевского университета, профессор Софийского университета.

Кючук-Кайнарджийский мир и его значение // СбБобчев.
Международное право. Лекции. София, 1925.
Присъединението на Малорусия къмъ Масковското Царство. София, 1926.
Еще к вопросу о якобы международных отношениях между Москвою и Малороссией // СГ. 1928. Кн. 3.

Браун Федор Александрович (1862—1942) *

С 1888 г. приват-доцент, с 1900 г. профессор Петербургского университета. В 1920 г. выехал в Лейпциг в командировку для чтения лекций. С 1921 г. доктор философии, с 1922 г. профессор Лейпцигского университета. С 1927 г. член-корреспондент АН СССР.

Русские князья в исландских сагах // Зап. Отд. русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. 1905. Т. 7. Вып. 1. С. 179 и сл.
Шведская руническая надпись, найденная на о. Березань // Изв. Археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 23. С. 66—75.
Кто был Ингвар-путешественник? // Зап. Неофилологического общества. СПб., 1910. Вып. IV. С. 131—153.
Днепровский порог в шведской рунической надписи // Сб. археологических статей в честь А. А. Бобринского. СПб., 1911. С. 270—276.
Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen // Japhetitische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens. Stuttgart, 1922. Bd. 1.
Первобытное население Европы // Беседа. 1923. № 1. С. 264—303.
Первобытное население Европы. Берлин, 1924.
Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X.—XIV. Jahrhunderts // Festschrift für Eugen Mogk. Halle, 1924. S. 150—196.
Варяги на Руси // Беседа. 1925. № 6/7. С. 300—336.
Заимствованные слова // Беседа. 1924. № 4. С. 279—319.
Russland und die Deutschen in alter Zeit // Germanica. Festschrift für E. Sievers. Halle, 1925. S. 677—727.
Über die russische «Intelligenz» // Kultur und Universalgeschichte. Leipzig, 1927. S. 362 ff.

Бромберг Яков Абрамович (1898—1948) **

Еврейский вопрос. Изд. Евразийцев. Прага, 1931.
Запад, Россия и еврейство. Прага, 1931.
Toponymical and Historical Miscellanies on Dobrudja, Bessarabia and Moldowallachia // Byz. 1937. T. XII. P. 151—180, 449—475; 1938. T. XIII. P. 9—90.
Du nouveau sur les princes de Théodoro-Mangoup en Gothie Crimienne // BM. 1946. Vol. I, p. 65—74.

Бруцкус Борис Давыдович

Die historischen Eigentümlichkeiten der wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung Russlands // JKGSl. 1934. Bd. 10/3—4. S. 62—99.

Бруцкус Юрий Давыдович (Brutzkus J.)

Письмо хазарского еврея от X в. Б., 1924.
Der Handel der westeuropäischen Juden mit dem alten Kiew // Zeitschrift für die Geschichte der Juden in Deutschland. B., 1931. Jg. 3.
Варяги и колбяги // SK. 1935. Т. VII. С. 81—101.

---

* См. библиографию: Archiv für Kulturgeschichte. Leipzig; Berlin, 1932. Bd. XXIII/2. S. 139—140; см. также: *Свердлов М. Б.* Ф. А. Браун — исследователь скандинавских источников по истории Древней Руси // Скандинавский сборник. Таллинн, 1976. Вып. 21. С. 221—225.

** Полный список трудов Я. А. Бромберга должен быть в архиве А. В. Флоровского: см. письмо Г. Вернадского А. В. Флоровскому от 2.10.1949 г.

Kievs Trade with Eastern Europe, 800—1200 // The Economic History Review. L., 1943. Vol. 13/1—2.
The Khazar Origin of Ancient Kiev // SlEER. 1944. Vol. XXII. P. 108—124.

Брянчанинов Н. (Brian-Chaninov N.)

Les origines de la Russie historique // Revue des questions historiques. 1925. I. P. 5—42; II. P. 259—316.
Histoire de la Russie. P., 1929.
Alexandre I^{er}. P., 1934.

Булгаков Валентин Федорович (1886—1966)

Последний секретарь Л. Н. Толстого, сотрудник Музея Л. Н. Толстого в Москве. С 1923 г. в Чехословакии, директор Русского культурно-исторического музея в Збраславе. По освобождении из концлагеря (1941—1945) в 1948 г. выехал в СССР. Директор дома-музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

Встречи с художниками. Л., 1969.
О Толстом. Тула, 1964.

Бунаков Илья Исидорович (Фундаминский) (1879—1942)

Пути России (17 очерков) // СЗ. 1920—1940 гг.
[в соавторстве с З. Гиппиус]. Что делать русской эмиграции. Париж. 1930.

Васильев Александр Александрович (1867—1953) *

Доктор всеобщей истории Петербургского университета. С. 1904 г. профессор Юрьевского университета, с 1912 г. профессор Женского педагогического института, с 1917 г. профессор Петроградского университета. В 1925 г. выехал из СССР в США. Профессор Висконсинского университета. Почетный председатель Института Кондакова.

Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925.
Готы в Крыму // Изв. ГАИМК. 1927. Т. 5.
Byzantine Studies in Russia, Past and Present // AHR. 1927. Vol. 32. P. 539—545.
Рец.: Kulischer J. Russische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1925, Bd. 1 // Ibid. P. 306—308.
Zur Geschichte von Trapezunt unter Justinian dem Grossen // Byz. 1930. T. XXX. P. 381—386.
La Russie primitive et Byzance // L'art byzantin chez les Slaves. Premier recueil dédié à la mémoire de Th. Ouspensky. P., 1930. Vol. 1. P. 9—12.
Economic Relations between Byzantium and Old Russia // Journal of Economic and Business History. 1932. Vol. IV/2. P. 314—334.
Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? // Sp. 1932. Vol. VIII. P. 350—360.
The Goths in the Cremea. Cambridge (Mass.), 1936.
The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century // SK. 1937. T. IX. C. 39—70.
Мои воспоминания о В. Г. Васильевском // SK. 1940. T. XI. С. 207—214.
The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946.

Вейдле Владимир Васильевич (Weidlé) (1895—?)*

В 1918—1920 гг. профессор Пермского университета, в 1920—1924 гг. преподаватель истории искусства в Петрограде. Выехал из СССР в 1924 г. В 1932—1952 гг. профессор христианского искусства в Богословском институте в Париже.

Les Icônes Bizantines et Russes. Florence, 1940.
Задача России. Нью-Йорк, 1954.
Russia. Absent and Present. N. Y., 1952; 2 изд. 1961.

---

* Биобиблиографию см.: DOP, 1956. Vol. IX. P. 13—21; см. также биографию А. А. Васильева, написанную Г. Вернадским: SK. 1938. Т. X. С. 1—18.
* Биографию см.: Russia. Absent and Present. N. Y., 1961.

Вергун Дмитрий Николаевич (1871—1951)

В 1918 г. приват-доцент Московского, позднее профессор Иркутского университета. С 1922 г. преподаватель Высшей школы в Праге, с 1945 г. профессор университета в Хьюстоне, США.

Карпаторусская библиография. Нью-Йорк, 1920.
Введение в славяноведение. Литографированное издание для студентов Русского педагогического института. Прага, 1924.
Восемь лекций о Подкарпатской Руси. Прага, 1925.
Обзор карпаторусской литературы. Прага, 1925.
Легенда о Федоре Кузьмиче // Зап. РИО. 1927. Т. 1. С. 9—11.
Slovanské epopeje. Pr., 1928.
К историографии неославизма // Тр. IV съезда РАОЗ. Белград. 1929. Ч: I.
Opatření ministra Bacha k ochromení karpato-ruského obrození, R. 1849—50 // Зап. НИО. 1938. Т. VIII (XIII). С. 227—240.

Вернадский Георгий Владимирович (1887—1973) *

В 1917—1918 гг. профессор Пермского, в 1918—1920 гг. Таврического университета. В 1922—1927 гг. профессор Юридического факультета Карлова университета в Праге. В 1927—1956 гг. профессор, с 1957 г. почетный профессор Иельского университета, США.

Le césarévitch Paul et les franc-maçons de Moscou // RESl., 1923. T. III. P. 80—121.
«Соединение церквей» и историческая действительность // Россия и Латинство. Сборник статей. Берлин, 1923. С. 80—121.
Очерки по истории права Русского государства XVIII—XIX вв. Прага, 1924.
«Dikaja vira» a «ljudskaja vira» v staroruskem právu // SPVS., 1924. T. XXIV.
Об одном возможном источнике «Русской Правды» // Уч. Зап. РУК. 1924, Т. I. Ч. 2. С. 99—101.
Пушкин как историк // Там же. С. 61—79.
О значении научной деятельности Н. П. Кондакова (речь на III съезде русских ученых в Праге). Прага, 1924.
Опыт истории Евразии с половины VI в. до настоящего времени. Берлин, 1924.
Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. Прага, 1925.
Два подвига св. Александра Невского // ЕВ. 1925. Т. IV. С. 318—337.
Заметки о юридической природе крепостного права // СбСтруве. С. 253—265.
Říšká ústavní listina ruského císařství // SPVS. 1925. T. XXV. S. 394—425.
Un projet de déclaration des droits de l'homme et du citoyen en Russie en 1801 // RHDFE. 1925. T. IV. P. 436—445.
N. P. Kondakov // RK. P. IX—XXXIII.
Византийские учения о власти царя и патриарха // RK. P. 143—154.
Золотая Орда, Египет и Византия // SK. 1927. T. I. C. 73—84.
Начертание русской истории. Прага, 1927.
Alexandre I[er] et la problème slave pendant la première moitié de son règne // RESl. 1927. T. VII. P. 94—176.
Beiträge zur Geschichte der Freimaurerei und des Mystizismus in Rußland // ZSlPh. 1927. Bd. IV. S. 162—178.
Монгольское иго в русской истории // ЕВ. 1927. Т. V. С. 158—164.
Zur Geschichte des Entwurfs einer Konstitution für Rußland vom Jahre 1819 // HZ. 1927. Bd. 135. S. 423—427.
Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluß auf das russische Leben im XVII. Jh. // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. 1928. Bd. VI. S. 119—142.

---

* Полную библиографию до 1954 г. см. в OSP., 1954. Vol. V. P. 32—40; см. также *Ferguson A. D., Levin A.* (ред.). Essays in Russian History. A Collection Dedicated to G. Vernadsky. Hamden, 1964; некролог: *Grummeg R. O* // JGO. 1974. Bd. 22. S. 479—480.

Relations byzantino-russès au XII[e] siècle // Byz. 1929. T. IV. P. 269—276.
К вопросу о вероисповедании монгольских послов 1223 г. // SK. 1929. Т. III. С. 145—147.
A History of Russia. New Haven. 1929; 1930₂; 1951₃; 1954₄; (датск. пер.) Amsterdam, 1947; (евр. пер.) 1945; (исп. пер.) Bueños Aires. 1947; (японск. пер.) 1954.
Note sur les vêtements sacerdotaux du patriarche Nikon // Orient et Byzance. 1930. T. IV. P. 412—415.
Рец.: Юшков С. В. Исследования по истории русского права. Новокузнецк, 1926, // ZSlPh. 1930. Bd. VII. S. 263—269;
М. И. Ростовцев: к шестидесятилетию его // SK. 1931. Т. IV. С. 239—252.
Swjatoslaw // Menschen, die Geschichte machten. 1931. Bd. 1, S. 322—327.
Dschingis Khan // Ibid. 1931. Bd. 2. S. 90—95.
Timur // Ibid. S. 162—167.
The Expansion of Russia // TCAAS. 1933. Vol. 31. P. 393—425.
La charte constitutionelle de l'Empire russe de l'an 1820. P., 1933.
The Heresy of the Judaizers and Ivan III // Sp. 1933. Vol. VIII. P. 436—454.
Об истории Евразии с половины VI в. до настоящего времени. Берлин, 1934.
L'industrie russe sous Pierre le Grand // MSl., n. s., 1934. T. IV. P. 283—299.
A propos des origines du servage de «kabala» dans le droit russe // RHDFE. 1935. T. XIV. P. 360—367.
Political and Diplomatic History of Russia. Boston, 1936.
Notes on the History of the Uigurs in the Late Middle Ages // JAOS. 1936. Vol. 56. P. 453—461.
A Japanese Drawing of the Russian Settlement in Aniva Bay, Karafuto (1854) // SK. 1936. T. VII. C. 79—82.
Pushkin and the Decembrists // Centenial Essays for Pushkin. Cambridge (Mass.). 1937. P. 45—76.
Pushkin and His Time // TCAAS. 1937. Vol. 33. P. 18—36.
The Baltic Commerce of the West Russian und Lithuanian Cities during the Middle Ages // BSC. 1937. Vol. 3. P. 399—409.
Studies in the History of Moscovian Private Law of the XVIth and XVIIth Centuries: Inheritance, the Case of the Childless Wife // Studi in memoria di Aldo Albertoni. Padova, 1937. T. III. P. 435—454.
Звенья русской культуры. Брюссель, 1938. Т. 1. Вып. 1: Древняя Русь (до половины XV в.).
Feudalism in Russia // VIIIe Congrès International des Sciences Historiques: Communications présentées. P., 1938. T. 2. P. 302—305.
Goten und Anten in Südrussland // SOF., 1938. Bd. III. S. 265—279.
The Scope and Contents of Chingis Khan's Yasa // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1938. Vol. III. P. 337—360.
The Spali of Jordanis and the Spori of Procopius // Byz. 1938. T. XIII. P. 263—266.
А. А. Васильев: к семидесятилетию его // SK. 1938. Т. X. С. 1—11 [здесь и библиография. — *В. П.*]
Lebedia. Studies on the Magyar Background of Kievan Russia // Byz. 1939. T. XIV. P. 179—203.
О составе Великой Ясы Чингис Хана // Исследования и материалы по истории России и Востока. Брюссель, 1939. Т. 1. С. 5—39.
Feudalism in Russia // Sp. 1939. Vol. XIV. P. 300—323.
The Origins of the Antae // JAOS. 1939. Vol. 59. P. 52—66.
Juwani's Version of Chingis Khan's Yasa // SK. 1940. T. XI. C. 33—45.
Byzantium and Southern Russia. Two Notes // Byz. 1940/1941. T. XV. P. 67—86.
Bohdan, Hetman of Ukraine. New Haven, 1941.
The Status of the Russian Church during the First Half Century Following Vladimir's Conversion // SlEER. 1941. Vol. XX. P. 294—314.
A History of Russia. Vol. I: Ancient Russia. New Haven. 1943.
Sur l'origine des Alains // Byz. 1943. T. XVI. P. 81—86.
Three Notes on the Social History of Kievan Russia // SlEER. 1944. Vol. XXII. P. 81—92.
La Geste d'Igor' au point de vue historique // AIPHOS. 1945/47, T. VIII. P. 217—234.
Le patriarche russe // Renaissance. N. Y., 1945. Vol. II/III. P. 437—445.
On Some Parallel Trends in Russian and Turkish History // TCAAS. 1945. Vol. XXXVI. P. 25—36.

The Rus' in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945 // BM. 1946. Vol. I. P. 249—260.
Medieval Russian Laws: Translation, Introduction and Notes. N. Y., 1947.
Le plan français et le plan américain dans les réformes et les projets de réformes en Russie á l'époque d'Alexandre Ier // Cahiers d'histoire de la révolution française. P., 1947. T. I. P. 143—167.
A History of Russia. Vol. II: Kievan Russia. New Haven, 1948.
The Problem of the Early Russian Campaignes in the Black Sea Areas // ASIEER. 1949. Vol. VIII. P. 1—9.
The Eurasian Nomads and Their Art in the History of Civilisation // S. Vol. I. 1950. P. 74—86.
Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung // S. 1951. Vol. II. P. 340—392.
The Royal Serfs (servi regales) of the «Ruthenian Law» and Their Origin // Sp. 1951. Vol. XXVI. P. 255—264.
The Riddle of the Gothi Tetraxitae // SOF. 1952. Bd. XI. S. 281—283.
A History of Russia. Vol. III: The Mongols and Russia. New Haven, 1953.
The Death of Tsarevitch Dimitri: a Reconsideration on the Case // OSP. 1954. Vol. V. P. 1—19.
The Byzantine-Russian War of 1043 // SOF. 1953. Bd. XII. S. 47—67.
The Origin of the Name Rus' // SOF. 1956. Bd. XV. S. 167—179.
Toxar, T'ma, T'mutorokan. Three Notes // To Honor Roman Jakobson. The Hague, 1956. P. 588—591.
Drambulat Dzanty. The Ossetian Tale of Yry Dada and Mstislav // Journal of American Folclore. Slavic Folklore: A Symposium. 1957. P. 216—235.
A History of Russia. Vol. IV: Russia at the Dawn of the Modern Age. New Haven, 1959.
Teaching and Writing on Russian History in America // The Russian Orthodox Journal. 1959. Vol. 33.
Человек и животный мир в истории России // НЖ. 1962. № 68. С. 242—261.
The Eurasian Nomads and Their Impact on Medieval Europe // Studi Medievali. 1963. T. IV/1—2.
Essays in Russian History. Hamden, 1964.
A History of Russia. Vol. V: The Tsardom of Moscow, 1547—1682. New Haven, 1969 (см. рецензии: *Riasanovsky N.* // RR. 1970. Vol. XXIX/1, p. 90—92; *Szeftel M.* // SlR. 1970. Vol. XXIX/4. P. 691—693; *Keep* // SlEER. 1971. Vol. XLIX. P. 607—610; *Fischer A. W.* // Canadian Slavonic Papers, 1971. Vol. XIII. P. 105—106).

Вилков Александр Александрович

Профессор Донского университета. С 1922 г. профессор РЮФ в Праге, позднее работал в Варшавском университете.

Der Staatshaushalt und das Finanzsystem Russlands vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zur Gegenwart // Handbuch der Finanzwissenschaft / W. Gerloff und Fr. Meisel. 1929. Bd 3.

Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) *

Профессор Московского, с 1903 г. профессор Оксфордского университета.

Перспективы исторического правоведения // СЗ. № 7.

Виппер Роберт Юрьевич (1859—1954)

В 1894—1897 гг. профессор Новороссийского университета, в 1897—1927 гг. приват-доцент, затем профессор Московского, в 1927—1938 гг. — Латвийского университета (Рига). В 1941—1943 гг. профессор МИФЛИ и МГУ, с 1943 г. сотрудник Института истории СССР. С 1943 г. действительный член АН СССР

Круговорот истории. Берлин, 1923.

---

* Биографию и полную библиографию трудов см.: *Vinogradoff P.* Collected Papers. L., 1927.

Висковатый Константин Константинович (1889—1953)

В 1920—1924 гг. в Югославии, с 1925 г. в Праге. В 1927—1944 гг. сотрудник Славянской библиотеки при Карловом университете, Прага.

О Сакуле Дракуловиче // Sl. 1935/1936. R. XIV/1—2.
К вопросу об авторе и времени написания «Слова к Изяславу о Латинех» // Sl. 1938/1939. R. XVI/4. S. 535—567.
К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // Sl. 1939/1940. R. XVII/1—2. S. 128—133.

Висковатая Янина (1895—1970)

В 1920—1924 гг. находилась в Югославии, с 1925 г. доктор философии, преподаватель славистики в Карловом университете, Прага.

Разбор произведения Ю. Зейдера «Alexej, člověk bozi» // Sl. 1930. R. IX/3. S. 537—557.
К вопросу о европейских сказаниях о «Гордом царе» и их обработках // Sl. 1934—1935. R. XIII/2. S. 346—357.
Рец.: ТОДРЛ, т. I // Sl. 1936—1937. R. XIV/1. S. 195—208.

Вишняк Марк Вениаминович (1883—?).

Идея Учредительного собрания в истории общественного самосознания России // Грядущая Россия. Париж. 1920. № 1, 2.
Die Idee der konstituierenden Versammlung in der Geschichte der politischen Entwicklung Russlands // Zeitschrift für Rechtsphilosophie in Lehre und Praxis. Leipzig, 1929. Bd. IV/1—2.
Рец.: Мемуарист, историк, политик, человек в «Воспоминаниях» П. Н. Милюкова // НЖ. 1956. № 44. С. 189—207.

Волкобрун Сергей Львович (1893—?)

Доктор философии, приват-доцент, затем профессор Карлова университета, Прага.

Sull' attività del Cabinetto dei Ministri sotto l'Imperatrice Anna Ioanovna // L'Europa Orientale. Roma. 1929. N 9—10. Ruské vojsko v XVII stoleti // SVPS. 1932. I.
К истории гвардии. (Из бумаг Кабинета министров императрицы Анны Иоановны) // Вестник союза офицеров участников войны. Париж, 1932.

Волконский Александр Михайлович (1866—1934)

Имя Руси в домонгольскую пору. Прага, 1929.
В чем главная опасность? [Прага]. 1929.
Малоросс и украинец. [Прага], 1929.

Воротников Антон Павлович

Анна Ярославовна королева Франции. 1051—1060. Париж, 1930 [роман. — *В. П.*].

Вышеславцев Борис Петрович (1877—1954) *

С 1914 г. доцент, с 1917 г. профессор философии Московского университета. Выслан из СССР в 1922 г. Член Религиозно-философской академии в Париже, профессор Богословского института в Париже. С 1946 г. жил в Женеве.

Русская стихия и Достоевский. Берлин, 1924.
Философская нищета марксизма. Франкфурт/М., 1952 [под псевдонимом Б. Петров].
Вечное в русской философии. Нью-Йорк, 1955.

Ганс Н. А.

History of Russian Educational Policy. L., 1926; 1931_2.
Школьная система Александра I // РШЗР. 1926. № 24.

---

* Биобиблиографию см.: На темы. С. 361—362: биобиблиография: *Zander*. P. 45—81.

Школовање жена у Русији // РА. 1929. № V—VI.
Социальный состав учащихся России за двести лет // РШЗР. 1930. № 34.
Рец.: Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры // SlR. 1933. January. P. 463—467.

Гапанович Иван Иванович (1891—после 1971 г.) *

В 1913 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1914—1917 г. находился в действующей армии. В 1918—1921 участвовал в ряде экспедиций на Камчатке. В 1925—1953 гг. работал в Китае, с 1931 г. профессор Национального университета в Пекине. С 1953 г. профессор Национального университета в Канберре, Австралия.

Россия в Северо-Восточной Азии. Пекин, 1934. Т. I: Колонизация Севера; 1935. Т. II: Богатства Севера.
Russian Historiography outside Russia: An Introduction to the Study of Russian History. Peiping, 1935 [франц. перев.: Historiographie russe (hors de la Russie) / Trad. et notes par B. P. Nikitine, préface par M. A. Taube). P., 1946].
Introduction to Historical Synthesis // Canton University Journal. Canton, 1936.
Methods of Historical Synthesis. Shanghai, 1940.
Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1909—1914 гг. // Melbourne Slavonic Studies. Melbourne. 1970. N 4. P. 68—75.

Гессен Сергей Осипович (Hessen S., 1887—1950) **

Профессор Томского университета, после 1917 г. профессор Русского научного института в Берлине, не позднее 1934 г. в Праге. Редактор журнала «Русская школа за рубежом». С 1939 г. жил в Польше.

Die polnische Schulreform und ihre Träger // JKGSl. 1934. Bd. 10/3—4. S. 145—162.
Die Schulreform in der Čechoslowakei // Ibid. S. 363—381.
Weltanschauung, Ideologie, Bildung // Зап. НИО. 1935. Т. VI. С. 57—100.

Гильберг Г. Г.

Заря христианства на Руси. Шанхай, 1939.

Гинс Георгий Константинович (1887—?) ***

Магистр гражданского права, приват-доцент Петроградского университета. Выехал в Китай.

А. С. Пушкин и русское национальное самосознание // Россия и Пушкин // Н. Никифоров. Харбин, 1937. С. 44—95.
Русское прошлое в произведениях Пушкина // Там же. С. 19—31.

Глубоковский Николай Никанорович (1863—1937) ****

С 1894 г. профессор Петербургской Духовной академии, с 1898 г. доктор богословия. Выехал из России в 1921 г. С 1923 г. преподавал богословие в Софийском университете.

Благовестие ап. Павла. СПб., 1905—1912. Ч. 1—3.
Русская богословская наука и ее историческое развитие. Варшава, 1928.

---

* Подробнее см.: *Жернаков В. Н.* Профессор Иван Иванович Гапанович // Russians in Australia. Melbourne, 1971. N 2.
** Некрологи см.: SlR. 1950. Vol. 29. P. 296—298; *Зеньковский В.* // Возрождение. 1951. № 13. С. 195—197; Биобиблиография: На темы. С. 362.
*** Библиографию см.: На темы. С. 422.
**** См.: 35-летие ученой деятельности Н. Н. Глубоковского. София, 1925.

Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904—1969) *

В 1920 г. выехал в Югославию, окончил Белградский университет. В 1927—1928 гг. стажировался в Италии, в 1929—1932 гг. в Париже. В 1934—1954 гг. приват-доцент, затем профессор Белградского университета. В 1954—1955 гг. профессор Будапештского университета. В 1955 г. вернулся в СССР, сотрудник Института мировой литературы АН СССР, Москва.

Русија у нашим народним песмама // СКГ. 1936. 1 маја. Р. 46—52.
Слово о полку Игореве и рукописи Задонщины // Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград, 1941. Вып. 2. С. 49—54.

Горлин Михаил Генрихович (1909—1943)

Uno écho d'éloge de Rjurik Rostislavič // RESl. 1942. T. XX/1—4. P. 156—158.

Грабар Андрей Николаевич (род. 1896)

После отъезда из России живет и работает в Париже.

Рец.: Mouratoff P. La peinture byzantine. P., 1928 // Byz. 1929. T. IV. P. 660—668.
Рец.: Kondakov N. P. The Russian Icon / Transl. by E. H. Minns. Oxford, 1927 // Ibid. P. 912—918.
Nikolaj Michajlovič Beljaev // Byz. 1931. T. VI. P. 517—518.
Les fresques des escaliers à Sainte Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine // SK. 1935. T. VII. C. 103—117.
L'impereur dans l'art byzantin. P., 1936.
Крещение Руси в истории искусства // ВСб. С. 73—88.
L'expansion de la peinture russe aux XVI^{e} et XVII^{e} siècles // SK. 1940. T. XI. C. 65—93.
Byzance et l'art du moyen-âge en Europe orientale. P., 1967.
Christian Iconography. A Study of its Origin. Washington, 1968.
Избрани сочинения. София. 1978. Т. I.

Гречанинов Георгий ? (1892—1973) **

С 1927 г. в Германии, сотрудник Института права кайзера Вильгельма, Института Макса Планка в Гейдельберге.

Politische Verträge. München, 1936—1942. Bd. 1—3.

Григорьев Александр Дмитриевич (1874—1945)

Профессор Варшавского, Ростовского и Томского университетов.

Архангельские былины и исторические песни. Прага, 1939. Т. II.
Древнейшая история восточных (русских) славян до начала образования Киевского русского государства (1700 г. перед Р. Х. — 882 г. по Р. Х.). Прага, 1945 [здесь же библиография, в том числе и неопубликованных трудов. — *В. П.*].

Гронский П. П.

Приват-доцент Петроградского университета, профессор Ковенского университета.

L'idée fédérative chez les décabristes. P., 1926.
Les Russes aux îles Hawai au début du XIX^{e} siècle // MSl. 1928. octobre.
Русские на Гавайских островах в начале XIX ст. (Страница из истории Тихого океана) // Тр. IV съезда РАОЗГ. 1929. Т. I. С. 451—466.
Русские в Калифорнии в начале XIX столетия // Сб Милюкова (Прага).

---

* См. некрологи: *Лихачев Д. С.* // Русская литература. 1969. № 4. С. 175—180; *Жирмунский В. Н.* // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1969. № 5. Библиографию см.: Романские литературы. М., 1975.
** См. некролог: *Epstein F. T.* // JGO. 1974. Bd. 22/2. S. 318.

Грюнвальд Константин Константинович (C. de Grunwald)

La Russie de Pierre le Grand. P., 1933.
Trois siècles de diplomatie russe. P., 1945.
La vie de Nicolas I. P., 1946.
Alexandre I, le tsar mystique. P., 1955.
Assassinat de Paul I, tsar de Russie. P., 1960.
Le tsar Alexandre II. P., 1963.

Денисов Илья (Denissoff E.)

Maxim le Grec et l'Occident. Contribution de l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. P., 1943.

Доброклонский А. П. (1856—1937) *

Ректор и профессор церковной истории Новороссийского университета. Выехал из России в 1920 г. Профессор церковной истории в Белградском университете.

Долинский Наум Владимирович

Статистика русских эмигрантов в Болгарии // РС. 1929. № 17.

Дорошенко Дмитрий Иванович (1882—1951) **

С 1909 г. профессор в Киеве и Екатеринославе. В 1919 г. выехал в Прагу. В 1921—1945 гг. (с перерывами) профессор Украинского института и Карлова университета в Праге.

Огляд украïнськоï історіографії. Прага, 1923.
Нарис історії України. Т. 1 (до сер. XVII в.)
Рец.: Мякотин В. Прикрепление крестьянства Левобережной Украины в XVII—XVIII вв. София, 1932 // ZOG. 1934. Bd. 8/1. S. 110. ff.
Was ist osteuropäische Geschichte? // ZOG. 1934. Bd. 9/1. S. 21—67.
Díjalnisť Františka Palackoho i ukrajínška sprava // Praci Ukrajinškoho vysokoho pedagogičkoho instytutu v Praze. Praha, 1934. T. II. S. 118—127.
Die Namen «Rus», «Russland» und «Ukraine» in ihrer historischen und gegenwärtigen Bedeutung // Abhandlungen des ukrainischen wissenschaftlichen Instituts in Berlin, 1931. Bd. III.
Volodymir Antonovič. Pr., 1942.
Вогніще украïнськоï науки. Нью-Йорк, 1951. [Очерк истории общества им. Т. Шевченко. — *В. П.*].

Евдокимов Виктор (Виктор Иванович Чекмарев) (?—1939)

Генерал-лейтенант царской армии.

Об основах государственного устройства России. Белград, 1932.

Евреинов Борис Алексеевич (1888—1933) ***

Преподаватель Петроградского университета, с 1923 г. в Праге, сотрудник Славянского института, член РИО.

Административное устройство крестьян по реформе 1861 г. Прага, 1926.
Общинное владение (к вопросу об изучении русской общины) // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. 1927. Кн. 5. С. 154—168.
Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы // Зап. РИО. 1927. Т. I. С. 57—79.

---

* См.: Зап. РНИ. Т. XV.
** См.: *Tyščenko I.* Bibliografija prać prof. D. Dorošenka za 1899—1942. Praha, 1942; *Ohloblyn O.* Ukrainian Historiography (1917—1956). New York, 1957.
*** Полную библиографию см.: Зап. РИО. 1937. Т. 3. Некролог см.: *Соловьев А. В.* Борис Алексеевич Евреинов // RSU. 1935. Sv. V—VII. S. 320—325.

Реформа высших государственных учреждений в России в царствование имп. Александра I // CEOMSl. T. II. P. 63—85.
Библиография печатных трудов П. Н. Милюкова (1886—1930) // СбМилюкова. Париж. С. 309—351.
«Исповедь» М. А. Бакунина // Зап. РИО. 1930. Т. 2. С. 95—124.
М. А. Бакунин и австрийские власти в 1849—1851 // Науч. тр. РНУ. 1931. Т. IV. С. 118—128.
Ruský návrh na změnu slovanské politiky v Rakonsku // SlP. 1931.
Бакунин и Палацкий // ЦЕ. 1931, № 1.
Связь Бакунина с Христо Ботевым // ЦЕ. 1931. № 6.
Из прошлого идеи славянской взаимности // ЦЕ. 1931. № 9.
Два документа эпохи наполеоновских войн // ЦЕ. 1932. № 11.
Русские войска на юге Чехии в 1799—1800 годах // ЦЕ. 1933. № 1.
Последний этап славянской деятельности Бакунина // Науч. тр. РНУ, 1933. Т. V. С. 98—109.
Свидание Николая I с австрийским императором в Мниховом Градище в 1833 году // ЦЕ. 1933. № 6.
Бакунин и славянский съезд 1848 года в Праге // Зап. РНИ. 1936. Вып. 13. С. 131—160.

Елачич Алексей Кириллович (Јелачић) (1892—?)

Приват-доцент Киевского университета. С 1924 г. доктор Люблянского университета, профессор философского факультета в Скопле. После войны депортирован в СССР, погиб в заключении.

Историја Русије (Поучник). Београд, 1929.
Велика руска буна почетком XVII века (покушај историјске карактеристике) // Јужна Србија. Скопље, 1923. Кн. 3. С. 137—145.
Петар Велики и Јужни Словени // НЕ. 1925. Кн. XII. С. 460—464.
Његош и Русија // Там же. С. 464—472.
Истрага против децембриста // НЕ. 1926. Кн. XIII. С. 219—225.
Оригинални документи Пугачовске Буне // НЕ. 1927. Кн. XV. С. 157—160.
Војмоћани и Русији (сеоба Угарских Срба у Јужну Русију) // НЕ. 1927. Кн. XVI. С. 205—208.
Забелешке једного Немца — сарадника Ивана Грозног // Там же. С. 394—397.
Хорватский путешественник по России. Miroslav Krleže. Izlet u Rusiju // ВР. 1927.
Ruska emigracija u Yugoslaviji // НЕ. 1930. Кн. XXI/4. С 241—244.
Велики мајстори руске книжевне критика и социјалне мисли: I. Белински; II. Чернишевски; III. Добролјубов; IV. А. А. Григорјев; V. Писарев; VI. Михајловский // РА. 1932—1935. XX—XXI. С. 76—100; XXII—XXIII. С. 131—162; XXIV—XXV. С. 84—101; XXVI—XXVII. С. 193—210; XXVIII—XXIX. С. 161—183; XXX—XXXI. С. 122—144.
Русская социальная мысль XIX в. Скопле, 1934.
Руски путници по Балкану и југословенским земљама. Д. Н. Бантиш—Каменски // РА. 1936. XXVI—XXVII. С. 135—147.
Прилози теорији историске науке // Годишнјак Скопског филозофског факултета. Скопље. 1938. II. С. 141—214.
Les descriptions de voyages russes du Moyen—Age à Constantinople, notamment les deux publications toutes récentes de M. Spéransky // Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini, 1939. T. I. P. 473—481.

Ельяшевич Василий Борисович (1875—?)

Профессор гражданского права экономического отделения Петербургского политехнического института и Высших женских (Бестужевских) курсов; магистр гражданского права.

История права поземельной собственности в России. Париж, 1948—1951. Т. 1, 2.

Жекулин Н.

Практические начала политической экономии П. И. Пестеля // Зап. РИО. 1930. Т. 2. С. 125—140.

Жиганов

Русские в Шанхае. Альбом. Шанхай, 1937.

Заикин Вячеслав М. (Zaikin W.)

Лекції по історії суспільно-державного ладу України. 1924.
Новознайдений служебник Володимира Великого та його месце й значіння в історії східно-словянської письменности // Дух. Бесіда. 1925. № 23—24.
Chrześcijaństwo w Europie Wschodniej od czasów apostolskich do księçia Igora Starego. Warszawa, 1926.
Chrześcijaństwo w Europie Wschodniej w polowie X-go wieku // 'Ελπίς. Warszawa, 1926. S. 47—93, 107—164; 1927. S. 57—68, 73—86.
(Псевд. Т. Б.) Князь Ярополк Святославич, католический государь Руси // Китеж. Warszawa. 1928. Год II. № 5/6. С. 75—90.
(Псевд. Т. Б.) Русь, Византия и Рим в XI—XIII вв. // Там же. № 7/10. С. 108—130.
Хрістіянство на Україні за часів князя Ярополка I // ЗЧВВ. 1928—1930. Т. III. С. 1—40, 377—402.
Преподобный Стефан, еп. Володимирский и Галицкий // Там же. С. 190—203.
Рец.: Baumgarten N. Généalogie et mariages occidenteaux des Rurikides russes. Roma, 1927 // Там же. С. 653—666.
Участие светского элемента в церковном управлении, выборное начало и «соборность» в Киевской митрополии в XVI и XVII вв. Варшава, 1930.
Ustrój wewnętrzny Kościoło ruskiego w Wielkiem Ksiłostwie Litewskiem w XV i XVI w. do Unji Lubelskiej // Sprawozdania Towaristwa Naukowego wo Lwowie. 1930. T. X/3. S. 132—137.
Ustrój prawny kościoła ruskiego (wschodnio-słowiańskiego) w okresie przedtatarskim // Ibid. 1931.
«Nowa» teorie o początkach chrześciaństwa na Rusi // Collectanea Theologica, 1934.
Zarys dziejów kościoło wschodnio-słowiańskiego. I: Podział na okresy // Archiwum Towaristwa Naukowego wo Lwowie Wydz. histor.-filoz., 1939. T. 24/1.

Зайцев Кирилл Иосифович (Константин, архимандрит) (1887—?) *

Выехал из России в 1920 г. Приват-доцент РЮФ в Праге. В 1936—1938 гг. профессор политической экономии в Харбине. Профессор богословия в Троицкой семинарии.

Государство как единство и система (к вопросу о юридической природе государства) // СбСтруве. С. 185—195.
Крепостной земельный строй России XVI—XVIII вв. и отражение его в сочинениях Посошкова // Зап. РНИ. 1931. Вып. 5. С. 47—74.
Судьбы земельного крепостного строя в России // СЗ. 1931. № 45—46.
Le problème de la liberation des serfs en Russie // MSl. 1932. T. III. N 8.
Paul I et le problème du servage seigneurial // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1933. Bd. XXVI.
Les paysans russes et leurs droits à la terre // MSl. 1933. T. IV. N 10.
Зародыши и элементы свободного крестьянского хозяйства в русском крепостном строе периода Империи // Зап. РНИ. 1935. Вып. 11.
Das Rechtsbewußtsein der russischen leibeigenen Bauern // JKGSl, 1934. Bd. X/3—4. S. 421—453.
Как принята была крестьянская воля в 1861 г. // ЮФ. 1936. Т. XI.
Освобождение крестьян. Серия статей [неоконченная. — *В. П.*] // Время. Харбин. 1936. № 38, 43, 50, 52, 63, 67, 72, 73.
Историческое место указа о вольности дворянства. К стосемидесятилетию указа 18 февраля 1768 г. // ЮФ. 1938. Т. XII.
Пушкин и его время. Харбин, 1938.
Киевская Русь. Шанхай, 1949.
Заметки к «Слову о полку Игореве». Прага, 1936. В. 1; Белград, 1941. В. 2.

---

* Биобиблиографию см.: На темы. С. 365.

Зеньковский Василий Васильевич (1881—1962) *

В 1916—1919 гг. профессор философии Киевского университета. Выехал из России в 1920 г. В 1920—1923 гг. профессор богословия и философии Белградского университета, в 1923—1926 гг. директор Педагогического бюро по зарубежным школьным делам в Праге, в 1927—1962 гг. профессор Богословского института в Париже. Протоиерей, председатель Русского Студенческого христианского движения (РСХД).

Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1926. Изд. на англ. яз.: Michigan, 1952.
Свобода и соборность // Путь. 1927. № 7. С. 3—22.
История русской философии. Париж, 1948—1950. Т. 1—2.
Das Bild des Menschen in der Ostkirche. Grundlagen der orthodoxen Antropologie. Stuttgart, 1951.
Histoire de la philosophie russe. P., 1953—1954. T. 1—2.
Из истории эстетических идей в России в XIX и XX вв. Мюнхен, 1958.
Подготовка освобождения крестьян в русской литературе // Вестник РСХД. 1961. № 60. С. 5—10.
Основы христианской философии. Париж, 1961—1964. Т. 1—2.

Зернов Николай Михайлович (1898—1980) **

Выехал в 1921 г. Доктор философии, преподаватель Оксфордского университета, Англия.

Русская церковь и Вселенское православие. Библиография // Путь. 1932. № 34. С. 73—75.
Москва — Третий Рим // Путь. 1936. № 51. С. 3—19.
Alexej Khomiakov // Sobornost. L., 1937. June. N 10. P. 3—13.
Moscow the Third Rome. L., 1937; 2 ed. 1938.
Английский богослов в России Императора Николая I (В. Пальмер и А. С. Хомяков) // Путь. 1938. № 57. С. 58—84.
The Eastern Orthodox Church and Its Missionary Work // The East and West Review. L., 1938. July. Vol. IV. N 3.
Peter the Great and the Establishment of the Russian Church // ChQuR. 1938. January. N 250. P. 263—294.
St. Sergius. Builder of Russia. L., 1939.
St. Sergius of Radonezh and the Future of Russian Christianity // ChQuR. 1940. January. N 258. P. 296—314.
Confession in the Eastern Orthodox Church // Theology. L., 1940. N 237. P. 203—209.
The Church of the Eastern Christianity. L., 1942.
Three Russian Prophets (Khomiakov, Dostoevsky, Soloviev). L., 1944.
Vladimir and the Origin of the Russian Church // SlEER. 1949. Vol. XXVIII. N 70. P. 123—138; 1950. N 71. P. 425—438.
Eastern Christendom. A Study of the Origin and Development of the Eastern Orthodox Church. New York, 1961 [рец.: *Florovsky G.* // SlR. 1965. Vol. XXIV. N 4. P. 745—747].
Russian Emigré Authors. A Biographical Index and Bibliography of Their Works on Theology, Religious Philosophy, Church History and Orthodox Culture, 1921—1972. Boston (Mass.), 1973.

Зызыкин Михаил Васильевич (1880—1960)

Приват-доцент Московского университета. Выехал из России в 1920 г. Преподавал в Софийском университете, затем профессор Православного факультета Варшавского университета. Позднее уехал в Аргентину.

---

* См. некролог: *Чижевский Дм.* // ZSlPh. 1963. Bd 31/2. S. 229—233. Библиографию см.: *Zander*. P. 28—39.
** Библиографию см.: На темы. С. 423. Некролог см.: Соборность. 1981. № 3. С. 34—38.

Царская власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924.
Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931. Т. I—II; 1939. Т. III.
Тайна Александра I. Буэнос-Айрес, 1952.

Иванов Всеволод Никанорович (1888—?)

В 1945 г. вернулся в СССР.

Мы. Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин, 1926.
Поэма еды. Харбин, 1926.
Дело человека. Опыт философии культуры. Харбин, 1933.

Иванов В. О.

От Петра Первого до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934.

Ижболдин Борис Сергеевич (1899—?)

Доктор юридических наук, преподаватель университета в Кёльне.

10-летний юбилей русского юридического факультета в Харбине.
Русская колония в Лотарингии.

Изюмов Александр Филаретович (1885—1950)

До 1922 г. главный инспектор Архивного управления (Москва). С 1925 г. в Праге, заведующий отделением документов Русского заграничного исторического архива.

Литература о декабристах за последние годы // СК. 1926.
Московский центральный исторический архив // СбМилюкова (Прага).
Der Russische historische Archiv in Prag (1923—1933) // JKGSl. 1933. Bd. 10. S. 256—265.
Nachruf für Prof. E. Šmurlo // Ibid. S. 222—226.

Ильин Иван Александрович (1883—1954) *

Доктор государственного права, с 1909 г. приват-доцент Московского университета. Выслан из СССР в 1922 г. Профессор Русского научного института в Берлине. В 1927—1930 гг. редактор-издатель берлинского журнала «Русский колокол». С 1938 г. в Швейцарии.

О России. София, 1934.
Пророческое призвание Пушкина. Рига, 1937.
Wesen und Eigenart des russischen Kultur. Zürich, 1942.

Карпов Борис Владимирович

Адмирал Сеньавин на Јадрану // Морнарички Гласник. Земун, 1935. Св. 3. С. 249—263.
Адмирал Сеньавин — Словенски флотовоћа // Там же. 1936. Св. 1. С. 1—22.

Карпович Михаил Михайлович (1888—1959) **

Преподаватель истории Петроградского университета. В 1917 г. выехал в США в составе русской дипломатической миссии. С 1927 г. преподаватель, затем профессор Гарвардского университета, в 1949—1954 гг. директор Славянского отдела.

The Baltic Commerce of the West Russian and Lithuanian Cities during the Middle Ages // BSC. 1937. Vol. 3(7).

---

* Биобиблиографию см.: На темы. С. 364.

** См. сборник к 70-летию М. М. Карповича: Russian Thought and Politics // HSIS. 1957. Vol. IV, а также некрологи и библиографические сведения: JGO. 1959. Bd. 7/4. S. 515—516; *Вернадский Г.* Памяти друга (М. М. Карпович) // НЖ. 1959. № 58; *Керенский А.* // Там же. С. 5—29; *Zenkovsky S. A.* A Russian Historian at Harvard // RR. 1958. Vol. XVII. P. 292—300.

Church and State in Russian History // RR. 1943/1944. Vol. III. P. 10—20.
Imperial Russia, 1801—1917. N. Y., 1932; изд. 2. 1957.
A Lecture on Russian History. Gravenhage, 1962.
(Изд.) An Economic History of Europe since 1750. N. Y., 1970.

Карсавин Лев Платонович (1882—1952) *

Профессор Петроградского университета. Выслан в 1922 г., проживал в Берлине, с 1926 г. — в Париже. Профессор Ковенского университета с 1928 г., Виленского университета в 1940 г. С 1940 г. отстранен от преподавательской деятельности. В 1947 (или 1948) г. арестован и погиб в заключении.

Монашество в средние века. СПб., 1912.
Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII вв. СПб., 1912.
Культура средних веков. СПб., М., 1914.
Основы средневековой религиозности в XII—XIII вв., преимущественно в Италии. Пг., 1915.
Католичество. Общий очерк. Пг., 1918.
Введение в историю (Теория истории) // История / С. А. Жебелев, Л. П. Карсавин, М. Д. Приселков. Пб., 1920. Вып. I. (рец.: Сорокин П. // Вестник литературы. Пгр., 1920. № 10(22)).
Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922.
Европа и Евразия // СЗ. 1923. № 15. С. 297—314.
Философия истории. Берлин, 1923.

Церковь, личность и государство. Париж, 1927.
О сомнении, науке и вере. Три беседы. Берлин, 1925.
О началах. Опыт христианской метафизики. Берлин, 1925.
Религиозная сущность большевизма // Der Staat, das Recht und die Wirtschaft des Bolschewismus. 1925. T. 1.
Ответ на статью Н. А. Бердяева об евразийцах // Путь. 1926. № 2. С. 124—127.
Без догмата // Версты. 1927. 2. С. 129—144.
Россия и евреи // Версты. 1928. 3. С. 65—86.
О личности. [Каунас], 1929.
Erwägungen über die russische Revolution // RG. 1929/1930. N I. S. 265—268.
Istorijos teorija [Теория истории]. Kaunas, 1929.
Europa i Rusia [Европа и Россия] // Židinys, 1929, N 3. P. 241—250.
Europa ir Azija [Европа и Азия] // Ibid. N 4. P. 330—340.
Istorijos mosklo krize [Кризис исторической науки] // Vairas. 1930. N 4. P. 8—14.
Europos kulturos istorija [История европейской культуры]. Kaunas, 1931—1937. T. I—V [Т. I. Римская империя, крестьянство и варвары, 1931; Т. II. Церковь, империя и феодализм, 1933; Т. III. Борьба за божье царство и национальное государство, 1934; Т. IV. Становление и развитие средневековой культуры, 1934; Т. V, тетрадь 1. На рубеже средних и новых времен, 1936; Т. V, тетрадь 2. На рубеже средних и новых времен, 1937. — *В. П.*]

Карташев Антон Владимирович (1875—1960) **

В 1900—1905 гг. доцент Петербургской Духовной академии, в 1906—1919 — Высших женских курсов. Обер-прокурор Синода. Министр вероисповеданий Временного правительства. Выехал из России в 1919 г. В 1925—1960 гг. профессор Богословского института в Париже.

Путь единения. Россия и Латинство. Берлин, 1923.
Смысл старообрядчества // СбСтруве.
Влияние русской церкви на русскую культуру // Путь. 1927.

---

* Биобиблиографию см.: На темы. С. 364—365; Вестник РСХД. 1972. № 104—105. Биографию см.: OCh. 1958. T. XXIV.
** См. автобиографию: Вестник РСХД. 1960. № 58/59. С. 57—61; биобиблиографию: На темы. С. 365, и библиографию: Zander. P. 21—28.

Св. в. кн. Владимир — отец русской культуры. Париж, 1938.
Крещение Руси св. кн. Владимиром и его национально-культурное значение // ВСб. С. 41—54.
«Святая Русь» в путях России. (Курс к познанию России). Париж, 1939.
Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956.
Очерки по истории Русской церкви. Париж, 1959. Т. 1—2.
Вселенские соборы. Париж, 1963.

Кереновский Антон Антонович

История русской армии. Белград, 1933—1938.

Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933) *

Профессор Московского университета. С 1922 г. в Праге. В 1927—1933 гг. преподавал на философском факультете Карлова университета, сотрудник Славянского института; преподавал в РЮФ.

Научно-историческая литература в современной России // СЗ. 1923. № 15. С. 388—400.
Заметки о декабристах // СЗ. 1923. № 16. С. 384—400.
Крестьянство в истории России // КР. 1923. № II—III. С. 2—13.
Крестьянство в русской научно-исторической литературе // Там же. 1923. № V—VI. С. 23—43.
Kljuchevsky and His Course of Russian History // SlR. 1923. N 3. P. 504—522.
«Голос Минувшего» и В. И. Семевский // Руль. 1923. 20 янв., № 651.
Заметки о декабристах // Там же. 28 марта. № 703.
Из эпохи Александра I (С. П. Мельгунов. «Дела и люди Александровского времени», I. Берлин, 1923) // Там же. 8 авг. № 817.
Евразийцы // Сегодня. Рига, 1923. 18 мая. № 104.
Панегирист Ивана Грозного // Там же, 4 авг. № 167.
Рец.: Francev V. A. Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberga do Ruska v letech 1792—1793. V Praze, 1923 // НЧС. 1923. № 2. С. 252—254.
Рец.: Записки врача Николая I (о записках лейб-медика императора Николая I Мандта: Ein deutscher Arzt am Hofe Kaiser Nicolaus I. von Russland, 1923) // НЧС. 1923. № 3. С. 253—255.
Рец.: Шмурло Е. История России, 1862—1917. Мюнхен, 1922 // КР. 1923. № IV; Sl. 1924. R. II/4. S. 784—785.
Рец.: Русское прошлое. Исторические сборники / Под ред. С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Ю. Гессена. Пг.; М., 1923 // Руль. 1923. 18 марта. № 700.
Рец.: Stählin K. Geschichte Russlands. Von den Anfängen bis zur Gegenwart, 1923. Bd. 1 // Руль. N 797.
Рец.: Русское прошлое. Исторические сборники / Под ред. С. Ф. Платонова, А. Преснякова и Ю. Гессена, 1923, IV // Руль. 1923. 5 авг. № 815.
Рец.: Приселков М. Д. Нестор-летописец. Пг., 1923 // Там же. 16 дек. № 923.
История русская и всеобщая // Русская зарубежная книга. Прага, 1924. Ч. 1. С. 66—94.
У истока сословно-дворянской монархии (о Верховном Тайном Совете) // СЗ. 1924. № 18. С. 206—230.
К истории крестьянских движений в России // КР. 1924. № VIII—IX. С. 3—25.
Пророчество о «Лиге наций». Из записной книжки историка (о Новосильцевской инструкции 11.IX.1804) // Руль. 1924. 13 янв. № 944.
Гр. П. С. Уварова (некролог) // Там же. 13 июля. № 1096.
Историческая наука на съезде в Праге // Там же. 14 и 16 окт. № 1175 и 1177.
Рец.: Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923 // СЗ. 1924. № 18. С. 444—447.
Рец.: Тхоржевский С. И. Народные движения при первых Романовых. Пг., 1924 // СЗ. 1924. № 19. С. 433—440; 1924. № 10.
Рец.: Проф. Тарасов Е. И. Декабрист Н. И. Тургенев в Александровскую эпоху.

---

* См. полную библиографию, составленную Е. Максимовичем, и биографию в: Зап. РИО. 1937. Т. 3. С. 165—207, 225—284; некрологи: СЗ. 1933. № 51. С. 398—401; *Флоровский А. В.* // Зап. РНИ. 1935. Вып. 11. С. 1—16.

Очерк по истории либерального движения в России. Самара, 1923 // НЧС. 1924. № 21. С. 411—414.
Рец.: Анналы, журнал всеобщей истории, издаваемый Российскою академиею наук / Акад. А. И. Успенский и проф. Е. В. Тарле. 1924 // НЧС. 1924. № 21. С. 414—417.
Рец.: Кондаков Н. П. (1844—1924) К 80-летию со дня рождения. Прага, 1924 // НЧС. 1924. № 22. С. 464—466.
Рец.: Века. Исторический сборник / А. И. Заозерский и М. Д. Приселков. М., 1924. I, II // НЧС. 1924. № 22. С. 466—469.
Рец.: Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв. Прага, 1924. Т. I, вып. 1 // КР. 1924. № VIII—IX. С. 260—263.
Рец.: Проф. Браун Ф. А. Первобытное население Европы. Берлин, 1924 // Руль. 1924. 10 февр. № 968.
Рец.: Акад. Платонов С. Ф. Иван Грозный. Берлин, 1924 // Там же. 20 апр. № 1027.
Рец.: Нидерле Л. Быт и культура древних славян. Авторизованное издание с введением и дополнениями автора и с предисловием акад. Н. П. Кондакова. Прага, 1924 // Там же. 8 июня. № 1067.
Рец.: Акад. Платонов С. Ф. Прошлое русского севера. Берлин, 1924 // Там же. 22 июня. № 1078.
Рец.: Проф. Шмурло Е. Введение в русскую историю. Прага, 1924 // Там же. 20 авг. № 1128.
Рец.: Смутное время (Академик С. Ф. Платонов. Смутное время. Прага, 1924) // Огни. Прага. 1924. 25 февраля. № 8.
Рец.: Лаппо И. Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. Прага, 1924 // Там же. 3 марта. № 9.
Рец.: Платонов С. Ф. Борис Годунов. Прага, 1924 // Там же, 7 апр. № 14.
Рец.: Проф. Вернадский Г. В. Очерк истории права Русского государства XVIII—XIX вв. (период империи). Прага, 1924 // Там же. 12 мая. № 18.
Пугачевщина // НЧС. 1925. № 9. С. 253—278.
Бисмарк, Горчаков и Наполеон III (по поводу книги бар. Б. Ф. Нольде «Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862 гг.») // НЧС. 1925. № 11. С. 255—273.
Записки немца—опричника // НЧС. 1925. № 12. С. 220—235.
Валишевский об Александре I // НЧС. 1925. № 13. С. 228—244.
Евразийство // Русский экономический сборник. Прага, 1925. № 3. С. 50—64.
Петр Великий и его реформа (к 200-летию смерти) // Руль. 1925. 8 февр. № 1272.
Столетие декабристов // Там же. 25 дек. № 45.
Опричнина (о записках Г. Штадена) // Возрождение. 1925. 17 июля. № 45.
Петр Великий (к 200-летию смерти) // Сегодня. 1925. 4 янв. № 3.
Двухсотлетие Академии Наук // Там же. 4 сент. № 197.
Пушкин и Россия // Там же. 20 сент. № 211.
Екатерина Вторая. Личность императрицы в свете новых изысканий // Там же. 4 окт. № 223.
Усовершенствованный Хлестаков (о Романе Медоксе по поводу брошюры С. Я. Штрайха «Провокация среди декабристов») // Там же. 18 окт. № 235.
Александр Первый. К столетию со дня его смерти // Там же. 2 дек. № 271.
Декабристы // Сегодня. 1925. 25 дек. № 291.
Myšlenky i dilo děkabristů // Národni Osvobozeni. Pr., 1925. 25 prosince. N 353.
Peter der Große (Zur Zweihundertjahresfeier seines Todestages) // Prager Presse. Pr., 1925. 8 Febr.
Рец.: Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. Пг. // СЗ. 1925. № 23. С. 488—491.
Рец. Свастиков С. Г. Россия и Дон, 1549—1917 гг. 1925 // СЗ. 1925. № 23. С. 492—495.
Рец.: Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника / Перевод и вступительная статья И. И. Полосина. 1925 // СЗ. 1925. № 24. С. 445—447.
Рец.: Вернадский Г. В. Государственная Уставная грамота Российской империи 1820 года. Историко-юридический очерк. Прага, 1925 // СЗ. 1925. № 25. С. 554—556.
Рец.: Восстание декабристов. Материалы. Дела верховного уголовного суда

и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников. Центрархив, 1925. Т. I. // СЗ. 1925. № 26. С. 488—494.

Рец.: Декабристы. Неизданные материалы и статьи / Б. А. Модзалевский и Ю. Г. Оксман (Труды Пушкинского дома при Российской Академии наук). М., 1925 // СЗ. 1925. № 26. С. 494—496.

Рец.: Проф. Бицилли П. М. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925 // Руль. 1925. 25 февр. № 1286.

Рец.: Пушкарев С. Г. Очерки истории крестьянского самоуправления в России. Прага, 1925 // Там же. 1 апр. № 1316.

Рец.: Новое о Пугачеве (о документах, опубликованных в «Красном Архиве», № 8) // Руль. 1925. 19 авг. № 1432.

Рец.: Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв. Прага, 1925. Т. I, вып. 2 // Там же. 26 авг.

Рец.: Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв. Т. I, вып. 3 // Там же. 28 окт. № 1492.

Ключевский // Зодчие русской культуры. День русской культуры. Прага: изд. «Пламя», 1926. С. 32—40.

Спорные вопросы в истории декабристов // НЧС. 1926. № 2 (15). С. 103—111.

Письма Ключевского (по поводу публикации «Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву, 1861—1870») // Руль. 1926. 7 янв. № 1549.

Новое о Пестеле (о трактате Пестеля «Практические начала политической экономии», опубликованном в XIII томе «Красного архива») // Там же. 5 авг. № 1724.

Письма современников о декабристах // Сегодня. 1926. 17 марта. № 61.

Роман декабриста (по новым материалам) (о Каховском. — *В. П.*) // Там же. 25 апр. № 91.

Рец.: Платонов С. Ф. Москва и Запад. Берлин, 1926 // СЗ. 1926. № 27. С. 581—583.

Рец.: Сергей Гессен. Декабристы перед судом истории. Л.; М., 1926 // СЗ. 1926. № 28. С. 499—503.

Рец.: Штрайх С. Я. Декабристы, 1825—1925. Сборник статей и материалов; Клевенский М. М. Декабристы. Хрестоматия, 1926; Нечкина М. В., Сказкин С. В. Семинарий по декабризму. М., 1925 // Там же. С. 503—506.

Рец.: Ф. Ф. Тютчев в своих письмах. С предисловием и примечаниями Е. П. Казанович. 1926 // Руль. 1927. 11 янв. № 1859.

Рец.: Бунт декабристов. Юбилейный сборник, 1825—1925 / Ю. Г. Оксман и П. Е. Щеголев // Там же. 23 февр. № 1895.

Рец.: Евразийско-большевистские мелодии. (Проф. Алексеев Н. Н. На путях русской государственности. Большевистский строй и его дальнейшие возможности) // Там же. 31 мая. № 1975.

Рец.: Сборник Русского археологического общества в Королевстве С. Х. С. Белград, 1927 // Там же. 6 июля. № 2005.

Рец.: Сухотин Л. М. Учебник русской истории. Младший курс. Белград, 1927. Ч. II // Там же. 3 авг. № 1019.

Рец.: Евразийские манифесты. Евразийский Временник, кн. V // Там же. 5 окт. № 1083.

Был ли убит император Иван Антонович? Stählin K. War der 1764 getötete Gefangene von Schlüsselburg der russische ex-Kaiser Ivan VI.? Berlin, 1927 // Там же. 2 ноябр. № 2107.

Критические заметки по истории политических идей в России // Науч. тр. РНУ. 1928. Т. I. С. 75—80.

Slovanská otázka u děkabristů. Z dějin východni Europy a slovanstva // SbJB. S. 376—379.

Общие построения русской истории в современной литературе // СЗ. 1928. № 37. С. 310—341.

Novějši badáni v dějinách ruského poddanského hospodarstvi v 19 stol. // ČČH. 1928. T. XXXIV. S. 389—400.

Евразийство и наука // Sl. 1928. R. VI/2. S. 426—430.

Рец.: Платонов С. Ф. Петр Великий. Личность и деятельность. Л., 1926 // СЗ. 1926. № 29. С. 495—497.

Рец.: Пугачевщина, т. I. Из архива Пугачева. М., 1926 // Там же. С. 497—500; ССН. 1927. Т. 33. S. 388—389.
Рец.: Памяти декабристов. Сборник материалов, I. Академия наук, 1926 // СЗ. 1926. № 29. С. 500—503.
Рец.: Декабристы на поселении. Новые материалы / («Архив Якушкиных», вып. I) // Руль. 1926. 30 июня. № 1693.
Рец.: Сухотин Л. М. Учебник русской истории. Младший курс. Белград, 1926. Ч. I. // Там же. 1 дек. № 1824.
Рец.: Проф. Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 г. Изд. Центрархив, 1926 // Там же. 15 дек. № 1836.
Московский университет и его традиции. Роль Московского университета в культурной жизни России. Прага, 1927.
Русская история по-евразийски (по поводу книги Г. В. Вернадского «Начертание русской истории») // Руль. 1927. 27 нояб. № 2128.
Права и обязанности, I (критика общественной стороны евразийского учения) // Там же. 8 дек. № 2137.
Цареубийство 11 марта 1801 г. // Сегодня. 1927. 25 сент. № 216.
Шанявский А. Л. и университет его имени // Утро. Вильна, 1927. 29 дек. № 164.
Рец.: Воспоминания и думы Н. П. Кондакова. Прага, 1927 // СЗ. 1927. № 32. С. 462—465.
Рец.: Восстание декабристов. Материалы Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии, т. II, III, IV, VIII // СЗ. 1927. № 33. С. 543, 546.
История самоуправи у Русиjи // Савремена Општина. Београд, 1928. IV. С. 1497—1515.
Лев Толстой как исторический романист // Сегодня. 1928. 10 и 11 сент. № 245 и 246.
Авантюрист Тимошка Анкундинов у римского папы (из истории русской самозванщины) // Там же. 15 нояб. № 321.
Ключевский // Утро. Вильна. 1928. 22 янв. № 20.
Рец.: Красный Архив за 1927 г. // СЗ. 1928. № 34. С. 504—511.
Рец.: Труды Института истории. Сборник статей памяти А. Н. Савина. М., 1926 // Там же. С. 530—535.
Рец. Нечкина М. В. Общество соединенных славян. М., 1927. // СЗ. 1928. № 35. С. 547—550.
Рец.: Писаревский Г. К истории конгрессового Царства Польского при Александре I. Смоленск, 1927 // СЗ. 1928. № 36. С. 550—551.
Рец.: Яворский Ю. А. Из истории научного исследования Закарпатской Руси. Прага, 1928 // Руль. 1928. 20 июня. № 2298.
Рец.: Проф. Петрушевский Д. М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М., 1926 // Там же. 25 июля. № 2328.
Рец.: Strakhovsky L. L'empereur Nicolas I et l'esprit national russe. Louvain, 1928 // Там же. 22 авг. № 2352.
Рец.: Толль Н. П. Скифы и гунны. Из истории кочевого мира. Опыт истории Евразии. Прага, 1928, вып. I.; Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения. Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского? 1928 // Там же. 5 сент. № 2364.
Рец.: Вигель Ф. Ф. Записки / Ред. и вступительная статья С. Я. Штрайха. М., 1928. Т. I, II // Руль. 1928. 26 сент. № 2382.
Рец.: Древняя Русь и католичество (Католический временник. Париж, 1928. Кн. 2) // Там же. 7 нояб. № 2418.
Рец.: Проф. Шмурло Е. Римская курия на русском православном востоке в 1609—1654 гг. Прага, 1928 // Там же. 12 дек. № 2447.
Карамзин, как двигатель русской культуры // Сб. РИП. 1929. I. С. 145—160.
Первое пятилетие правления Екатерины II // СбМилюкова (Прага), С. 309—325.
Дворянские политические проекты 1730 г. // Науч. тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 77—88.
П. Н. Милюков как историк (по случаю его 70-летия) // Сегодня. 1929. 3 марта. № 62.
Московский университет и русская культура // Там же. 20 окт. № 291.
На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881—1914. Прага, 1929.
Рец.: Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник 1853—1855. М., 1928 // СЗ. 1929. № 38. С. 534—536.

Рец.: Labry R. A. I. Herzen, 1819—1870. Essai sur la formation et le dévéloppement de ses idées. Paris, 1928; idem. Herzen et Proudhon // СЗ. 1929. N 39. С. 537—542.
Рец.: Жемчужников Л. В крепостной деревне, 1852—1855 гг. М., 1927 // СЗ. 1929. № 40. С. 548—551.
Рец.: Проф. Тарановский Ф. В. Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича. Харбин, 1928 // Руль. 1929. 16 янв. № 2474.
Рец.: Виппер Р. Русская история для основных школ. Рига, 1929 // Там же. 15 мая. № 2572.
Рец.: Кн. Волконский А. М. Имя «Русь» в домонгольскую пору. Прага, 1929 // Сегодня. 1929. 10 авг. № 220.
Московский университет. Исторический очерк // МУ. С. 9—140.
Две утраты. М. М. Богословский и А. Е. Пресняков // СЗ. 1930. № 41. С. 511—519.
Histoire de Russie. Travaux des savants russes émigrés // RH. 1930. T. 143.
Московский университет (по случаю 175-летнего юбилея) // Сегодня. 1930. 25 янв. № 123.
Как созидалась русская культура. Соловьев и Ключевский // Там же. 4 мая. № 123.
Трагедия Бориса Годунова. Повинен ли Годунов в убийстве царевича Дмитрия? // Там же. 18 мая. № 137.
Работа русских ученых за рубежом // Там же. 14 окт. № 284.
Гениальный полководец (памяти генералиссимуса Суворова) // Там же. 30 нояб. № 331.
Генерал — вперед (первые громкие подвиги Суворова) // Там же. 7 дек. № 338.
Суворов в опале // Там же. 12 дек. № 343.
Последние боевые подвиги и смерть Суворова // Там же. 18 дек. № 349.
Русская демонология. О новой книге А. В. Амфитеатрова «Русский поп XVIII века» // Там же. 23 февр. № 54.
Новое издание очерков П. Н. Милюкова. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Париж, 1930. Т. III: Национализм и европеизм. // Руль. 1930. 5 фев. № 2795.
Рец.: Пугачевщина. Изд. Центрархива, 1929. Т. II // СЗ. 1930. № 41. С. 550—552.
Рец.: Bakounine T. Le domaine des princes Kourakine dans le gouvernement de Saratov // СЗ. 1930. N 42. С. 544—545.
Рец.: Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // СЗ. 1930. № 43. С. 514—517.
Рец.: Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1930 // СЗ. 1930. № 44. С. 530—531.
Рец.: Проф. Шмурло Е. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929 // Sl. 1930. R. IX. S. 830—833.
Рец.: Эренкан Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929 // Руль. 1930. 5 фев. № 2795.
Рец.: Лаппо И. И. Идея единства русского народа в Юго-Западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству // Там же. 26 фев. № 2813.
Рец.: Алексей Толстой. Петр I. Берлин, 1930. Т. I. // Там же. 26 марта. № 2837.
Рец.: Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову, 1859—1929. Прага, 1929 // Там же. 2 апр. № 2843.
Рец.: Бицилли П. Н. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага, 1930 // Там же. 25 июня. № 2910.
Рец.: Тхоржевский С. И. Пугачевщина в помещичьей России, 1930 // Там же. 27 авг. № 2964.
Рец.: Stählin K. Geschichte Russlands, Bd. 2 // Там же. 3 сент. № 2970.
Рец.: Воротников А. П. Анна Ярославна, королева Франции, 1051—1060. Париж, 1930 // Там же. 10 дек. № 3053.
Рец.: Крохин В. Начало русского государства в свете новых данных. Париж, 1930 // Там же. 24 дек. № 3065.
Исторические силуэты. Люди и события. Берлин, изд. «Парабола», 1931 (1. Екатерина II; 2. Первое пятилетие правления Екатерины II; 3. Пугачевщина; 4. Потемкин; 5. Александр I; 6. Литературные отражения эпохи Александра I («Горе от ума», «Война и мир»); 7. Карамзин; 8. Спорные вопросы в истории декабристов; 9. Т. Н. Грановский; 10. Иван Аксаков и славянский вопрос;

11. Франтишек Палацкий; 12. Общие построения русской истории в современной литературе).
Первый курс В. О. Ключевского, 1873—74 г. // Зап. РНИ, 1931, вып. 13, с. 279—306.
Новейшие исследования по социальной истории Московского государства (о работах А. А. Новосельского, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и С. Б. Веселовского) // СЗ. 1931. № 45. С. 495—507.
Церковь и литература в истории России. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Париж. 1931. Т. II. Ч. I. // Руль. 1931. 25 марта. № 3140.
Исторические труды П. Е. Щеголева (в связи со смертью Щеголева) // Сегодня. 1931. 1 фев. № 32.
Французская эмиграция и Россия. (Новая книга К. Миллера) // Там же. 14 мая. № 132.
Памяти проф. Д. Н. Егорова // Там же. 7 дек. № 338.
Евразийская самооборона // PC. 1931. 15 авг. № 142.
Русские святые. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Р., 1931 // Там же. 27 сент. № 148.
Восток и Запад во всемирной истории. Полковников Г. Н. Диалектика истории. Париж, 1931 // Там же. 19 дек. № 160.
Русская историография в оценке советских историков. Русская историческая наука в классовом освещении / Сборник статей с предисловием и под ред. М. Н. Покровского, т. I—II (Труды Института красной профессуры) // СЗ. 1931. № 46. С. 514—520.
Рец.: Gederberg A. R. Heinrich Fick. Ein Beitrag zur russischen Geschichte des XVIII. Jahrhunderts. Tartu-Dorpat // СЗ. 1931. N 47. С. 502—504.
Рец.: Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / F. Epstein. Hamburg, 1930 // Руль. 1931. 28 янв. № 3092.
Рец.: Sacke G. Zur Charakteristik der gesetzgebenden Kommission Katharinas II. von Russland // Там же. 11 июня. № 3202.
М. А. Балугьянский и М. М. Сперанский // PC. 1931. 31 окт. № 153.
Опричнина Ивана Грозного в русской историографии // Сб. РИП. 1932. II. С. 7—28.
La Russie Moscovite et le rassemblement de la terre russe; le temps des troubles et l'avènement des Romanovs // Histoire de Russie / P. Miljukov, Ch. Seignobos, L. Eisenmann. P., 1932. T. 1. P. 126—176 (chap. IV, V).
De Cathérine I[ère] à Cathérine II; Cathérine II; Paul I[er] et l'état intérieur de la Russie à la fin du XVIII[e] siècle; Alexandre I[er] // Ibid. T. 2. P. 439—716 (chap. IX—XIV).
В. О. Ключевский. Великий русский историк // Старое и Новое. Ревель. 1932. № 3. С. 183—193.
Рец.: Из истории Подкарпатской Руси. «Карпаторусский сборник». Подкарпатская Русь в честь президента Т. Г. Масарика, 1850—1930. Ужгород, 1931 // PC. 1932. 16 янв. № 164.
Пушкин и Петр Великий. Речь, произнесенная в Праге 7 июня на собрании «Дня русской культуры» // Там же. 25 июня. № 187.
Рец.: Проф. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Прага, 1931. Т. I. Возникновение и образование русского государства, 862—1562 гг. // СЗ. 1932, № 48. С. 493—495.
Рец.: Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Париж, 1931. Т. II, ч. 2. Искусство. Школа. Просвещение // СЗ. 1932. № 48. С. 468—470.
Рец.: Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т. III. // СЗ. 1932. № 49. С. 471.
Рец.: Фатеев А. Академическая и государственная деятельность М. А. Балугьянского в России. Ужгород, 1931 // СЗ. 1932. № 48. С. 495—496.
Восток и Запад во всемирной истории. О книге Г. Н. Полковникова «Диалектика истории». Париж, 1931 // PC. 1932. 19 дек. № 160.
Рец.: Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671 гг. М., 1932. Т. I. Разинщина. // СЗ. 1932. № 50. С. 474—476.
Умер Д. И. Багалей // Сегодня. 1932. 18 фев. № 48.
Кончина историка С. Ф. Платонова // Сегодня. 1933. 18 янв. № 18 [Статья была написана ранее в связи с ошибочными сведениями о смерти Платонова и оставалась в портфеле редакции, откуда и была извлечена после смерти как автора статьи, так и С. Ф. Платонова. — *В. П.*].
Herzen und der «Kolokol» // ZOG. 1933. Bd. VII (NF III). S. 388—402.

Рец.: Perfeckij E. Historia Polonica Jana Dlugosze a ruské litopisectví. Praha, 1932 // Sl. 1934. R. XIII/2/3. P. 564—566.

Кинкель Иван Германович (1883—?)

Профессор политической экономии на Юридическом факультете Софийского университета с I.X.1920 по 1940 г.

Опит за построяване нова теория върху стопанското развитие на културнуто човечество, XIII—XIV ст. // ГСУ. Юридически факултет, 1916—1918 [труд получил премию Болгарской академии наук. — *В. П.*]

Към вопроса за психологическите основи и произхода на религията. (Социално-психоаналитична студия). Разширен отпечатък от Демократически преглед. 1921. 8—9. С. 1—43. То же: Zur Frage der psychologischen Grundlagen und des Ursprungs der Religion. Leipzig, 1922 (?).

Наука и религия в светлината на психоаналитичната социология. Психоаналитичен очерк за духовното развитие на човечеството. София, 1923.

Курс на сравнительна история на стопанския строй в Ново време, с кратък очерк за развоя на българското народно стопанство от времето на турското рабство до Световната война. София, 1925.

Етичиският фактор в стопанскате история // ГСУ. юридически факултет. 1929—1930. Т. XXV. С. 1—165.

Методи на познанието в съвременната социология // Там же. 1930—1931. Т. XXVI. С. 1—201.

Биологическият фактор в икономическата и културната история на човечеството // Там же. 1933—1934. Т. XXIX. С. 1—157.

История на политическата икономия. Ч. I—III: От антично време до края на XIX век // Там же. 1935—1936. Т. XXXI; 1936—1937. Т. XXXII; 1938—1939. Т. XXXIII.

Стопанско-битовите (стопанско-исторически), идеологичните (научно-философски) и обществените основания на икономическите школи. София, 1938.

Клепинин Николай Андреевич (1899—1939).

Выехал из России в 1920 г. Учился в Белграде. С 1926 г. жил в Париже, сотрудник ИМКА-Пресс. В 1937 г. вернулся в СССР. Погиб в заключении.

Святой Александр Невский. Париж, 1927.

Кнорринг Николай Николаевич (1880—?).

Рец.: Анналы. Журнал всеобщей истории. Изд. Рос. академии наук. Т. 1—2 // ПН. 1923. 12 апр. № 913.

Рец.: Пятый том В. О. Ключевского // ПН. 1923. 28 апр. № 927.

Рец.: Мельгунов С. Дела и дни Александровского времени // ПН. 1923. 13 сент. № 1040.

Рец.: Образы человечества. Приселков М. Д. Нестор летописец; Тхоржевский С. И. Стенька Разин; Никольский В. И. Суриков // ПН. 1923. 18 окт. № 1070.

Рец.: Русское прошлое. Исторический сборник / С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, Ю. Гессен. 1923 // ПН. 1923. 13 дек. № 1117.

Рец.: Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера. Берлин, 1924 // ПН. 1924. 29 мая. № 1257.

Рец.: Века. Сб. под ред. А. И. Заозерского, М. Д. Приселкова. М., 1924 // ПН. 1924. 3 июля. № 1285.

Рец.: Шмурло Е. Ф. Введение в русскую историю. Прага, 1924 // ПН. 1924. 4 сент. № 1337.

Рец.: Россия и Запад. Сборники под ред. А. И. Заозерского. 1923. // ПН. 1925. 23 июля. № 1608.

Рец.: Последний фаворит Екатерины. Кудряшов К. В. Платон Зубов. 1925 // ПН. 1926. 6 авг. № 1620.

Из истории конституционных проектов в России. По поводу книги проф. Г. В. Вернадского. Государственная уставная грамота Российской империи, 1818—1819 // ПН. 1925. 13 авг. № 1626.

К истории реакционных настроений начала XIX века. По неизданным письмам Карамзина // НЧС. 1925. Т. XII.
В. О. Ключевский и его первые московские годы // ГМ. 1926. Т. 2.
Рец.: Коц Е. С. Крестьянские движения в России от Пугачевщины до 1905 г. // ПН. 1926. 18 февр. № 1793.
Рец.: Аничков Е. В. Западные литературы и славянство. Прага, 1926. Т. I // ПН. 1926. 3 июля. № 1898.
Рец.: 14 декабря 1925 г. Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 г. М., 1926. // ПН. 1926. 9 сент. № 1996.
Рец.: Пугачевщина. Из Архива Пугачева. Манифесты, указы и пр. 1926. Т. I // ПН. 1926. 11 сент. № 2059.
Рец.: Новое о декабристах. Повстання декабристів на Україні / Акад. Багалії, 1926 // ПН. 1927. 14 июля. № 2304.
Рец.: О декабристах. Памяти декабристов. Сб. материалов. 1926. Вып. II. Изд. Академии наук // ПН. 1927. 28 авг. № 2318.
Рец.: Новое о декабристах. О книге М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян». 1927 // ПН. 1927. 23 сент. № 2374.
Рец.: Платонов С. Ф. Далекое прошлое Пушкинского уголка. 1927 // ПН. 1927. 17 нояб. № 2430.
Рец.: Петр Великий. Платонов С. Ф. Петр Великий // ПН. 1928. 16 февр. № 2521.
Рец.: Полемические статьи Костомарова / Изд. Укр. Академии наук // ПН. 1929. 15 авг. № 3067.
Рец.: Императоры. Георгий Чулков. 1928 // ПН. 1928. 17 мая. № 2612.
Памяти проф. М. М. Богословского // ПН. 1929. 3 мая. № 2963.
Рец.: Чингис Хан. О книге Эренж. Хара-Давана // ПН. 1929. 31 окт. № 3144.
Рец.: Пушкинский сборник. Прага, 1929 // ПН. 1929. 5 дек. № 3179.
Екатерининская законодательная Комиссия 1797 г. в освещении иностранных резидентов при русском дворе // СбМилюкова (Прага).

Ковалевский Евграф Петрович (1865—1941)

Член Ученого комитета Министерства народного просвещения, председатель Комиссии по народному образованию Государственной Думы, член Собора 1917—1918 г. Выехал из России в 1920 г. во Францию.

Характерные черты исторического развития русского просвещения. Париж, 1927.
Проф. М. М. Ковалевский (1856—1916). Воспоминания. Париж, 1937.
Maxim Kovalevsky // SIEER. 1938.

Ковалевский Петр Евграфович (1901—1978)

Выехал из России в 1920 г. во Францию. Окончил Сорбонну. Доктор историко-филологических наук. С 1926 г. преподавал в лицеях, в Богословском институте, в Русском научном институте в Париже.

Православные святыни во Франции (14 очерков) // Церковный вестник. Париж, 1927—29.
Десятилетие Богословского института // Там же. 1935. Май.
Торжества в Санлисе. Королева Анна Ярославна // Там же. 1938. Дек.
Торжества в честь Анны Ярославны // Россия. Нью Йорк. 1939. 26 февр.
Исторический путь России. Париж, 1946—1947. Ч. 1—2. [5 изданий между 1947—1949 гг., в последнем изд. — Историческая библиография 1914—1946 гг. — *В. П.*]
Manuel d'histoire russe. P., 1947.
La dispersion russe à travers le monde et son rôle culturel. P. 1951.
Царь Алексей Михайлович как военачальник. Париж, 1952.
Русские ученые за рубежом за 35 лет. Париж, 1955.
Военные поселения, их происхождение и цель. Париж, 1956.
Le Rascol et son rôle dans le dévelopрment industriel de la Russie. P., 1957.
Saint Serge et la spiritualité russe. P., 1958; 1962_2.
Наши достижения. Роль русской эмиграции в мировой науке. Мюнхен, 1960, 1961_2.

Atlas historique et culturel de la Russie et du monde slave. P., 1961.
Bilderatlas der Kultur und Geschichte der slawischen Welt. München, 1964.
Культурные движения и общественная жизнь в эпоху Иоана Грозного. Париж, 1969.
Histoire de Russie et de l'URSS. P., 1970.
История Зарубежья. Париж, 1971. Т. I.
Зарубежная Россия. Париж, 1973. Т. II.

Кологривов Иван (Иоанн, иеромонах) (1890—?)

Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961.

Кондаков Никодим Павлович (1844—1925)*

С 1888 г. профессор Петербургского университета, с 1898 г. академик Петербургской Академии наук. После отъезда из России профессор Софийского, затем Карлова университета в Праге.

Мифическая сума с земною тягою // Списание на Българската академия на науките. София. 1921. XXII. С. 53—66.
Предисловие к русскому изданию труда проф. Л. Нидерле. Быт и культура древних славян. Прага, 1924.
Воспоминания и думы. Прага, 1927.
The Russian Icon. Oxford, 1927.
Русская Икона. Альбом, Прага, 1928—1929. Т. I—II.
Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры (Prispevky k dějinám středověkého umění a kultury). Praha, 1929 (указатель к книге составлен Н. В. Кузьминским: с. 365—445).
Русская Икона. Текст. Прага, 1931—1933. Т. I—II.
Чтения по истории античного быта и культуры // SK. 1931. Т. IV. С. 3—32.

Коновалов Сергей Александрович (1899—после 1981)**

Окончил Оксфордский университет. В 1929—1945 гг. профессор русского языка и литературы Бирмингемского университета, в 1947—1967 гг. профессор Оксфордского университета.

Oxford and Russia. Oxford, 1947.
Anglo-Russian Relations, 1617—1618 // OSP. 1950. Vol. I.
Two Documents Concerning Anglo-Russian Relations in the Early Seventeenth Century // OSP. 1951. Vol. II. P. 128—144.
Anglo-Russian Relations, 1620—24 // OSP. 1950. Vol. I; 1953. Vol. IV. P. 71—131.
Thomas Chamberlayne's Description of Russia, 1631 // OSP. 1954. Vol. V. P. 107—116.
Ludwig Fabritius's Account of the Razin Rebellion // OSP. 1955. Vol. VI. P. 72—111.
Seven Russian Royal Letters (1613—23) // OSP. 1957. Vol. VII. P. 118—134.
Twenty Russian Royal Letters (1626—34) // OSP. 1958. Vol. VIII. P. 117—156.
Seven Letters of Tsar Mikhail to King Charles I, 1634—38 // OSP. 1960. Vol. IX. P. 32—63.
England and Russia: Three Embasses, 1662—65 // OSP. 1962. Vol. X. P. 60—104.
Patrick Gordon's Dispatches from Russia, 1667 // OSP. 1964. Vol. XI. P. 8—16.
The Emperor Alexander II and Princess Ekaterina Dolgorukaja // Ibid.
Razin's Execution: Two Contemporary Documents // OSP. 1965. Vol. XII. P. 94—98.

* Библиографию см. в сборнике: Н. П. Кондаков. Прага, 1924. С. 75—85; см. также RK.

** Библиографическими сведениями я обязан Т. С. Симмонсу, который любезно предоставил их по просьбе профессора Дж. Феннела. См. также: *Хилтон Р.* Об исторической науке в Англии // ВИ. 1953. № 10; *Ротштейн А.* Преподавание и изучение истории СССР в Британских университетах // ВИ. 1957. № 5; Books on Soviet Russia, 1917—1942 / Ph. Grierson. L., 1943. P. 306—307; Who's Who. L., 1975. P. 1785.

(Издатель) OSP. Vol. I—XIII; Oxford Russian Readers [с 1953 г., где см.: A Selection of Texts from Eleventh to the Sixteenth Centuries / J. Fennel, D. Obolensky. L., 1969. — *В. П.*]

Крипякевич И.

Астрономічні явища в українських літописах XI—XVIII в. // Збірнік фізіографичної комисії. Львів, 1930. Вып. 3. С. 45—58.

Крохин Василий Петрович

Начало Руси в свете новых данных. Париж, 1930.

Кульман Николай Карлович (1871—1940)*

Профессор Женского педагогического института

Н. М. Карамзин // Возрождение. № 449.
А. Н. Радищев. К 125-летию со дня смерти // Россия. № 6.
А. С. Грибоедов. К столетию со дня кончины // РС. № 12.
Судьба «Слова о Полку Игореве» // РС. 1930. № 81.
Новый сербский перевод «Слова о Полку Игореве»: Песма о војевањ у Игореву / Пер. Ив. Шайкович // РС. 1931. № 120.
Русская книга о французской эмиграции в России: Миллер К. Французская эмиграция и Россия // РС. 1931. 26 сент.
Две французские книги о Ломоносове: Marquis de Lur-Saluces. Lomonosoff le prodigieux Moujik; Martel A. Michel Lomonossov et la langue littéraire russe // РС. 1933. N 226.
Рец.: Ляцкий Е. «Слово о Полку Игореве» // СЗ. 1934. № 56. С. 432—435.
Рец.: Unbegaun B. La langue russe au XVI^{e} siècle (1500—1550) // СЗ. 1935. N 61. С. 483—484.
Пушкинские дни в Шанхае // СЗ. 1937. № 55. С. 440.
Le Dit de la Campagne d'Igor. Poème médiéval russe (1187—1937) // MSl. 1937. Août.
750-летие «Слова о полку Игореве» // Русский инвалид. 1938. № 115.

Ландау Григорий Адольфович (1877—1940)

Сумерки Европы. Берлин, 1923.
[Серия статей об евразийстве. — *В. П.*] // Руль. 1922. № 353, 355, 376, 378, 628, 629; 1925, № 1383.
Две тяги. Россия и Славянство // Там же. 1929. № 41—42.

Ландау (Алданов) Марк Александрович (1882—1957) **

Сперанский и декабристы // СЗ. 1925. № 26. С. 224—240.

Лаппо Иван Иванович (1869—1944)

Профессор Юрьевского университета. С 1921 г. жил в Праге, с 1932 г. — в Каунасе.

Рец.: Кацель И. А. История Литвы. Ковно, 1921. Ч. I. // РМ. 1922. Янв.-февр. С. 374—377.
Nástin vývoje ruské historické vědy // ČČH. 1922. R. XXVII. S. 109—156; 364—420.
Litevský statut a jeho sankce v r. 1588 // SVPS, 1922. R. XXII. S. 23—56.
Základní zákony velikého knižetstvi Litevského a Polsko // SPSV. 1923. R. XXIII/3/4. S. 213—244.
Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом. Прага, 1924.
Петр Великий и Славянство // Студенческие годы. Прага, 1925. 1 (18). С. 16—19.
Михаил Петрович Погодин // Возрождение. 1926. 18 фев. № 261.
Н. М. Карамзин и его государственные идеи // Россия. 1927. 26 нояб.

---

* См. некролог: НЖ. 1942. № 1. С. 376—377.
** Bibliographie de oeuvres des Marc Aldanov / D. Cristesco. P., 1976.

Великие строители России, 1: Митрополит Макарий // Русский колокол. 1927. 2. С. 35—43.
Великие строители России, 2: Московские князья — собиратели // Там же. 1928. 3. С. 34—43.
Великие строители России, 3: Преподобный Сергий Радонежский // Там же. 1928. 5. С. 8—17.
Великие строители России, 4: Святой Митрополит Алексей // Там же. 1928. 6. С. 27—36.
Литва и Польша. Историческая справка // Россия. 1928. 14 янв.
Lituanie et Pologne // MSl. 1928. avril. P. 1—7.
Původ polsko-litevského sporu // Národni Listy. 1928. 31 kvetna. Č. 150.
[Интервью, данное представителю «Руссуниона». Польско-литовский спор из-за Вильны. Напечатано в ряде русских и литовских газет в феврале и марте 1928 г.]
К вопросу о первом издании Литовского Статута 1588 г. // Tauta ir Žodis. Каунас, 1928. Kn. V. P. 1—45.
Великие строители России, 5: Святитель Стефан Пермский // Русский колокол. 1929. 8. С. 22—29.
Антуан Грамон. Из истории московского похода Яна Казимира (1663—1664 гг.) / Пер. П. Г. Муравьевой; Под ред. с предисл. и примеч. проф. И. И. Лаппо. Юрьев, 1929.
К истории русской старопечати. Виленская Типография Мамоничей // Сб. РИП. 1929. Т. I. С. 161—184.
Петр Великий и южное славянство // ПОВ. С. 12—24.
Литовско-Русское государство в составе Речи Посполитой // Науч. тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 63—76.
I. Литовско-русское государство и Польша в XVII стол.; II. К истории русской старопечати. Виленская печатня Мамоничей // Тр. IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. Ч. 1.
Идея единства русского народа в Юго-Западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству. Прага, 1929.
Уравнение прав Великого Княжества Литовского и Короны Польской в 1697 г. // Зап. РНИ. 1930. Вып. 1. С. 53—67.
Попытка замещения поляком Виленской епископальной кафедры в исходе XVI столетия // Praetis. Kaunas, 1930. T. I. P. 94—138. [На лит. яз.].
Россия и Славянство. Ужгород, 1930.
Историческое значение Витовта. Kaunas, 1930. [На лит. яз.].
Литва и Польша после Люблинской Унии 1569 года. Kaunas, 1932. [На лит. яз.].
К истории Главного литовского трибунала. Каунас, 1932. [На лит. яз.].
К истории Волковыйского съезда 1577 года. Каунас, 1932 [На лит. яз.].
Витовт и Литовско-русское государство // Тр. V съезда РАОЗГ. София, 1932. Ч. 1. С. 369—404.
Люблинская Уния и государство Литвы // Vairas. Kaunas, 1933. IV. P. 409—416. [На лит. яз.].
Правосознание старой Литвы // Ibid. P. 433—441. [На лит. яз.].
История как предмет преподавания // Tautos Mokykla. Kaunas, 1934. IX. P. 166—168; X. P. 184—186.
Образование Польско-Литовской Речи Посполитой и ее характер // Vairas. Kaunas, 1935. III. P. 269—278. [На лит. яз.].
Литовский статут 1588 года. Каунас, 1936. Т. I: Исследование. Ч. 1—2.
Рец.: Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Т. I // ZSlPh. XIII. 1/2. S. 264—271.
Памяти Б. А. Евреинова, А. А. Кизеветтера и Е. Ф. Шмурло // Зап. РИО. 1937. Кн. III. С. 17—24.
Литовский статут 1588 года. Каунас, 1938. Т. II: Текст.
La codification du droit lithuanien au XVI^{e} siècle // VIII^{e} Congrès International des sciences historiques. Zürich, 1938. Communications présentées. T. II.
Держава Владимира Святого // ВСб. С. 63—72.
«Судебник» Казимира Ягайловича // Зап. РНИ. 1939. Вып. 17. С. 23—36.

Лаппо Иван Иванович (младший).

Рукуператорный владельческий иск в литовском праве конца XVI столетия. Прага, 1933.
Листы-записи в литовском праве XVI столетия. Тарту, 1935.

Лапшин Иван Иванович (1870—1952)*

Профессор Петроградского университета, профессор РЮФ в Праге.

О философском значају руске науке // РА. 1928.
Творческая догадка историка // СбРИП. 1929. Т. I.
Бессознательное в научном творчестве // ВР. 1929. I, II, III.
Творческая догадка ученого // СбМилюкова (Прага).

Лащенко Ростислав М. (1878—1929)

С 1922 г. проф. Украинского свободного университета в Праге.

Лекції по історії українського права. Прага, 1923. Ч. I. Княжа доба.

Ідея права власности на землю на Україні // ЗбМасарикові. 1925. Ч. I. С. 374—405.
Kopni sudy na Ukraini, jich pochodzenja. . . Lwów, 1926.
Памятки українського права, I: Руська Правда. Прага, 1927.

Левин Исаак Осипович (1876—?)

Bismarks Mission in Petersburg 1859—62 // Archiv für Politik und Geschichte. 1926. Juni. S. 609—616.
Die panturanische Idee // Preussische Jahrbücher. 1933. Januar. S. 58—68.

Левицкий В.

Церковне судівництво в церковних уставах XI i XII віку // Богословія. Т. 8. Кн. 2. Стор. 119—191; Кн. 3—4. Стор. 219—237.

Леонтович Виктор В. (1902—1959) **

С 1923 г. в Праге. Учился в РЮФ. В 1934 г. переехал в Берлин. С 1937 г. профессор восточноевропейской истории в Берлинском университете, затем университета в Франкфурте/М.

Die Rechtsumwälzung unter Iwan dem Schrecklichen und die Ideologie der russischen Selbstherrschaft. Stuttgart, 1949.
Geschichte des Liberalismus in Rußland. Frankfurt a. M., 1957.

Лесной Сергей (псевдоним Парамонова Сергея Яковлевича) (1898—1968).

История «руссов» в неизвращенном виде. Париж, 1953—1955. Т. 1—5.

Лобанов-Ростовский Андрей Анатольевич (1892—?)

Russian Imperialism in Asia: Its Origin, Evolution and Character // SIEER. 1928. Vol. VIII. P. 28—47.
Russia and Asia. N. Y., 1933; 1951_2;
Russia and Europa, 1789—1825 // Durham Duke University Publications. 1947; 1954_2.
Russia and Europe, 1825—1878. Ann Arbor (Mich.), 1954.

Лозинский Григорий Леонидович (1889—1942)***

Приват-доцент Петроградского университета.

La Russie dans la littérature francaise du moyen âge // RESl. 1929. T. IX. P. 77—88, 253—269.

---

* См.: Fiala vo I. I. Lapšin. Pr., 1936.
** См. некролог: *Neubauer H.* // JGO. 1959. Bd. 7/3. S. 395.
*** См. некролог и библиографию трудов: *Васильев А. А.* // НЖ. 1943. Т. 4. С. 364—366.

Россия в средневековой французской литературе // Тр. IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. Ч. I. С. 55—56.
La vie à Paris d'un diplomate russe (1744—1749) // MSl. 1932. T. IV. P. 208—240.
Histoire de la littérature russe depuis ses origines jusqu'à nos jours. Paris, 1934.
Рец.: von *Mohrenschildt S.* Russia in the Intellectual Life of Eighteenth Century France. N. Y; L., 1936 // Revue de littérature comparée. 1938. T. XVIII. P. 392—400.

Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965)*

Доктор философии Московского университета, в 1900—1916 гг. приват-доцент, профессор философии Петроградского университета. С 1922 по 1945 г. в Праге и Братиславе, в 1947—1950 гг. профессор Русской духовной академии в Нью-Йорке.

В защиту демократии // СЗ. 1925. Кн. 27. С. 369—381.
Общение наций и сохранение национального своеобразия // РСл. 1926. № 2.
Die Lehre Wl. Solowjews von der Evolution // Festschrift T. G. Masaryk zum 80. Geburtstag, 1930. T. 1. S. 203—208.
History of Russian Philosophy. N. Y., 1951.

Лосский Борис Николаевич (1905—)

Le séjour de Pierre le Grand en France // MSl. 1932. Août. 9e année. III. P. 278—303.

Лотоцкий Александр (псевдоним Белоусенко) (1870—1939)

Преподаватель духовной семинарии в Киеве. С 1920 г. доцент, затем профессор церковного права в Украинском свободном университете в Праге. С 1929 г. профессор православного богословия в Варшавском университете.

Конспект лекций по церковному праву в Украинском университете. Прага, 1923.
«Свиток Ярославль» // СбМасарикові. 1925. Т. I. Ст. 118—138.
О уставе Владимира Св. для полян // Зап. НТШ. Праці іст.-философ. секції. Львів, 1925. Т. 138—140. Стор. 7—44.
Українські джерела церковного права. Варшава, 1931 // Праці укр. наук. институту. Т. 5. Сер. правнича. Кн. 1.
Схід і Захід у проблемі української культури. 1939.

Любенский Степан

L'Eurasisme suivi d'une bibliographie // MSl. 1931. T. I. P. 69 ff. 388 ff.

Любимов Лев Дмитриевич (1902—?)

Выехал из России в 1919 г. Окончил Берлинский университет в 1923 г. С 1926 г. жил в Париже, сотрудничал в печати. В 1948 г. вернулся в СССР. С 1951 г. выступал в советской печати, опубликовал ряд книг.

Тайна императора Александра I. Париж, 1938. Т. 1.
На чужбине. М., 1963.

Ляцкий Евгений Александрович (1868—1942)

Преподаватель Московского, с 1922 г. профессор Карлова университета в Праге.

Былины. Старинки богатырские. Стокгольм, 1920.
Н. Г. Чернышевский. (К столетней годовщине со дня рождения) // РШЗР. 1927/28. С. 764—775.
Заметки по белорусоведению / Sl 1927—1928. R. VI—VII.
Пушкин и его историческая мысль // Науч. тр. РНУ. 1928. Т. I.

---

* Важнейшие философские труды перечислены в: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 326. Полную библиографию см.: Bibliographie des oeuvres de Nicolas Lossky / B. et N. Lossky. P., 1978.

Пушкин — повествователь в «Истории Пугачевского бунта» // ПСРИ. с. 3—34.
Историческая песня и былина. К вопросу о терминологии и опрощении сюжета // Sl. 1935. R. XIII/2. S. 328—344.
«Слово о полку Игореве». Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах Русской земли (Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль). Прага, 1933.
Nekolike tlumačenja moga gledišta na «Slovo o polku Igorevu» // ПКИФ. 1936.
Несколько замечаний к тексту «Слова о полку Игореве» // ЗбБелиħу. С. 381—390.
Historický přehled ruské literatury. Praha, 1937. Č. 1.
Звукопись в стиховом тексте «Слова о полку Игореве» // Sl. 1938. R. XVI. S. 50—78.
Analogiji u postanku ruskih istoričeskih pesama i bugarštica // ПКИФ. 1938. Кн. 18/1—2.

Лященко А.

Кілька власних імен в «Історії» Длугоша. Матеріали по історії української мови XV ст. // Зап. НТШ. 1930. Т. 99. Ч. 1. Стор. 317—321.

Маевский Владислав (1893—?)

Окончил Белградский университет. В 1946 г. переехал в США. Преподаватель Тихоновой семинарии.

Взаимоотношения России и Сербии. Буэнос-Айрес, 1960.
На грани двух эпох. Нью-Йорк, 1964.
Русские в Югославии, 1920—1945 годы. Нью-Йорк, 1966. Т. I.

Мазур Анатолий (Mazour A.) (1900—?)

The First Russian Revolution, 1825. Berkley, 1937; Stanford, 1961_2.
Outline of Modern Russian Historiography. London; Berkley, 1939 [2-е изд. под названием: Modern Russian Historiography. Princeton, 1959].
Russia, Past and Present. N. Y., 1951.
The Rise and Fall of the Romanovs. N. Y., 1960.

Макаров Александр Н. (1880—1973)*

Entwurf der Verfassungsgesetze des Russischen Reiches von 1804 // JKGSl. 1926. NF Bd. 2/2. S. 201—366.
Zur Geschichte der Verwaltungsreform Speranskij's vom 1810—11 (Entwurf eines Kabinettsreglaments) // JKGSl. 1927. NF Bd. 3. S. 439—460.
Die russisch-polnischen Rechtsbeziehungen seit 1815 unter spezieller Berücksichtigung der Staatsangehörigkeitsfragen // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 1929. Bd. 1. S. 330—367.
Вопросы кодификации основных законов в трудах русских законодательных комиссий XVIII века // Зап. РНИ. 1930. Вып. 1. С. 193—203.
Svod zakonov (1833—1933). Zum hundertjährigen Jubiläum der Kodifikation des russischen Rechts // ZOG. Bd 8 (NF Bd 4). S. 39—55.
Проект основных законов Российской империи 1804 г. (проект Розенкампфа) // Зап. РНИ. 1937. Вып. 15. С. 151—164.

Маклецов Александр Васильевич (1884—?)

Приват-доцент Харьковского университета и профессор законоведения Института сельского хозяйства в Харькове.

К 5-летию Русской Матицы в Любляне // Вестн. Педагогического бюро. 1929. С. 8—9.
Русская Матица (1924—1934). Отчет о деятельности. Любляна, 1935.
Труды проф. Ф. В. Тарановского по историографии права славянских народов и по истории права сербского средневековья // Закон и суд. 1935. № 55. С. 1989—1994.

---

* См.: некролог: *Epstein F. P.* // JGO. 1974. Bd. 22/2. S. 318.

Памяти Ф. В. Тарановского и М. Н. Ясинского // Там же. 1935. № 66. С. 3290.
Руски правни часопис у Латвији // АПДН. 1933. Бр. 6. С. 531—532.
Руски правни часописи у иностранству // Там же. 1939. Март. С. 284—286.

Максимович Евгений Филимонович (1896—1965)*

Профессор Харьковского университета. В 1923—1946 гг. работал в Русском заграничном историческом архиве в Праге, позднее сотрудник Славянской библиотеки в Праге, Славянского института в Праге, член РИО, РНУ, Института Н. П. Кондакова.

Александр I. (К столетию со дня смерти) // За свободу. № 1708.
Декабристы // Там же. № 1730.
Первосоветник думы боярской // Зап. РИО. 1930. Т. 2. С. 140—162.
Князь С. П. Трубецкой в подготовке к 14-му декабря 1825. Прага, 1930.
Церковно-земский собор 1549-го года // Зап. РНИ. 1933. Вып. 9. С. 1—17.
Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм // СЗ. 1936. № 62.
Doctrine marxiste-léniniste appliqué à l'étude concrète de l'histoire // Зап. НИО. 1938. Т. XII. С. 219—263.
[в соавторстве с Florovskij A. V.]. Ruska literatura ve Slovanské knihovne. Z rukopisných sbirek. Pr., 1964.
[здесь, например: Русский актовый материал в Славянской библиотеке, S. 3—13. — *В. П.*]
Чешские темы в русской поэзии XIX века (из наследства Е. Ф. Максимовича) // Příspěvky k dějinám česko-ruských kulturních stykû. Pr., 1976. 3. S. 74—125.

Марков Осип Осипович (Markov J. J.) (1890—1976)**

Профессор Университета им. Я. Коменского, Братислава.

Материалы по истории русской государственности и культуры // РМ. 1924. Кн. 9—12. S. 434—447.
Pûvod-sok a jeho místo v systému českeho středověkého prûvodního řízeni // SVPS. 1928. R. XXVIII. S. 347—394.
Příspěvek k ústavnim dějinam Podkarpatské Rusi // Bratislava. 1930. IV. S. 523—535.
Статут города Котора // Зап. РНИ. 1930. Вып. I. С. 119—162.
Материалы для социальной истории Подкарпатской Руси в 18 столетии // КСб. С. 137—145.
Из переписки А. И. Добрянского // КСб. С. 230—240.
Рец.: *Яковлів А.* Вплывы старочеческого права на право українське литов. добы XV—XVI в. // Bratislava. 1931. V. S. 111—123.
Litterae keneziales. Материалы для истории колонизации Подкарпатской Руси на волошском праве / СбМилетич. С. 555—572.
K dějinám obyčejového práva na Podkarpatské Rusi // Bratislava, 1932. VI. S. 134—138.
Prehl'ad literatúry právnych dějin na územi Československej republiky z rokov 1939—1945 // Právny obzor. 1947. R. 6—7. Č. 30. S. 169—176, 201—211.
K dějinám českého zemského práva 13.—14. storočia // Juridica Slovaca. 1948. I. S. 7—38.
K dějinám národopisu zakarpat. Ukrajiny // Českoslov. Etnografia. 1962. X. S. 61—80.
Das landesrechtliche Gerichtsverfahren in Böhmen und Mähren bis zum 17. Jahrhundert // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Ger. Abt. Weimar, 1966. Bd. 83. S. 144—201.
Kapitoly z dějin českého zemského soudního řizeni 12.—17. Stol. Pr., 1967.

---

* Рукописное наследие находится в Отделе рукописей ГПБ им. В. И. Ленина. Некролог см.: *Florovsky A.* // SPř. 1965.
** Полная библиография, составленная Ф. О. Марковым, есть в архиве В. Т. Пашуто — *Сост.*

Мейендорф А. Ф. (Meyendorff A. F.) (1869—1964)*

Доцент Петроградского университета

The History of Ownership of Land in Russia and Its Influence on Political Developments // Proceedings of Anglo-Russian Society, 1919.
Английские книги о России // СбСтруве.
Англичане XVII и XVIII вв. о русских и о России. Прага, 1925 (отдельный оттиск).
Travellers to the East, 800—1200 A. D., 1926.
The Background of the Russian Revolution. N. Y., 1929.
Anglo-Russian Relations in the 16th Century // SlEER. 1946. Vol. XXV. N 64. P. 109—122.

Мельгунов Сергей Петрович (1879—1956)

Историк и публицист. Товарищ председателя ЦК народно-социалистической партии. Выслан из СССР в 1922 г. Работал в Берлине, Париже, Мюнхене.

Дела и люди Александровского времени. Берлин, 1923.
Суд истории над интеллигенцией. Б. м., б.г.
Les mouvements religieux et sociaux en Russie aux XVII^{e}—XVIII^{e} siècles // MSl. 1926. T. XII.
Идеализм и реализм декабристов // ГМ. 1926 (год 13-й). № 2(XV). С. 69—85.
Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Т. 1—2 [Рец.: *Полторацкий Н. П.* // RR. 1965. Vol. 24. N 4. P. 420—421. — *В. П.*]

Милюков Павел Николаевич (1859—1943) **

Приват-доцент Московского университета, профессор Софийского университета. С 1921 г. жил в Париже.

Russia and England. L., 1920.
La Pologne et la Russie. Neufchatel, 1920.
Три попытки (к истории конституционализма). Париж, 1921.
Петр Великий и его реформа // НЧС. 1925. X.
Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальный вопрос в России). Берлин, 1925.
Pierre le Grand et sa réforme // MSl. 1925. II.
Russlands Zusammenbruch. B., 1925. Bd. 1—2.
Пушкин и Чаадаев. День русской культуры. Париж, 1926.
Эмиграция на перепутье. Париж, 1926.
Россия на переломе. Париж, 1927. 2 тома.
La démocratie russe et l'idée féderaliste. P., 1927.
Традиционная религия и свободная мысль // СЗ. 1928. № 37.
Russia. History // Encyclopedia Britannica (13th edit.).
Мои университетские годы // МУ.
Eurasianism and Europeanism in Russian History // Festschrift T. G. Masaryk zum 80. Geburtstag. Bonn, 1930. T. 1. S. 225—236.
Apanages; K. K. Arsenyev; Catherine II; Chaadayev // Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1930 (Изд 2. 1948).
Histoire de Russie / P. Milioukov, C. R. Seignobos, L. Eisenmann. P., 1932—1933. T. 1—3.
Очерки по истории русской культуры. Юбил. изд. Париж, 1930; The Hague, 1964. Т. 1—2. (под ред. Н. Е. Андреева).
[Рец. *Dewey H. W.* // SIR. 1965. Vol. XXIV. N 3. P. 529—530; *Вернадский Г.* // НЖ. 1964. Кн. 77. С. 254. — *В. П.*]
Воспоминания. 1940.
Outlines of Russian Culture. Philadelphia, 1943.
Воспоминания (1859—1917) // М. М. Карпович, Б. Елкин. Нью-Йорк, 1955. Т. 1—2.

---

* См. некролог: *Rapp H.* // SlEER. 1964. Vol. XLII. N 99. P. 440.
** См.: *Евреинов Б. А.* Библиография печатных трудов П. Н. Милюкова // СбМилюкова (Париж). С. 309—351; *Vernadsky G.* Paul Milioukov // AIPhOS, 1944. Vol. III. P. 531.

Минорский Владимир Федорович (Minorsky V. F.) (1877—1966) *

Научный эксперт — первый секретарь и поверенный в делах русского посольства в Тегеране, профессор Кэмбриджского университета.

Rus (tirage àport de l'Encyclopédie de l'Islam). 1937.
Hudūd al-'Alam. The Regions of the World / Transl. and expl. by V. Minorsky. L., 1937.
The Middle East in Western Politics in the 13th, 15th and 17th Centuries // Journal of the Royal Central Asiatic Society, 1940. October, 27/4. P. 427—461.
Caucasica III. The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. 1952. Vol. XIV, Part 2. P. 221—238.
Studies in Caucasian History. L., 1953.
Русь и Закавказье (новые данные) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae. Budapest, 1954. T. III/3. P. 207—210.
A New Book on the Khazars // Oriens. Leiden, 1958. Vol. XI/1/2. P. 122—145.
A History of Sharvān and Derband in the 10th-11th Centuries. Cambridge, 1958.
История Ширвана и Дербента. M., 1963.
Куда ездили древние русы // Восточные источники по истории народов Восточной Европы. M., 1964. С. 19—28.

Минчуков С. Р.

Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время Великой войны и революции. Берлин. 1925.

Мирчук Иван (Mirtschuk I.) **

Мошин Владимир Алексеевич (Mošin) (1894—1987)***

Учился в Петербургском университете. Участник 1 мировой войны. С 1921 г. жил в Югославии. В 1921—1932 гг. преподавал историю в гимназии г. Копривница. В 1932—1939 гг. приват-доцент Белградского университета, с 1947 г. сотрудник Института истории Сербской Академии наук и директор Архива Югославянской Академии наук и искусств в Загребе. С 1961 г. возглавлял Археографический отдел Национальной библиотеки Сербии, с 1967 г. сотрудник Гос. архива Македонии. С 1971 г. академик Македонской Академии наук.

Руски оток // Југославенска Њива. Загреб, 1925. књ. 11. С. 60—63, 93—96, 117—128.
Тмуторокањ, К-рх и Сам-крц // СбЗлатарски. С. 157—162.
Руси и Варјази // Професорски гласник. Београд, 1926. С. 379—380.
Хипотеза Ламанског о хазарској мисији св. Ћирила // Југословенски филолог. Београд, 1926/27. VI. S. 133—152.
«Треће» руско племе // Sl. 1927. R. V, S. 763—781.

---

* Полную библиографию см.: Iranica. Publications of the University of Teheran, 1964. Vol. 775. P. XI—XXVI; см. также некоторые некрологи: *Абаев В. И.* // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. M., 1967. Т. XXVI, вып. 4. С. 398—399; *Lang D. M.* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1967, vol. XXIX/3. P.694—699; *Boyle J.* // Journal of Asiatic History. Weiesbaden. Vol. I/1. P. 86—89; *Gershevitch J.* // Journal of the Royal Asiatic Society. 1967. P. 53—55.

** См. некролог: Sovietstudien. 1961. N 10. S. 104—105.

*** Избранная библиография на основе полного списка, составленного самим В. А. Мошиным в 1968 г. (хранится в архиве В. Т. Пашуто. — *Сост.*). См. также: *Stefanič V.* Vladimir Mošin. O 75 godini života // Slovo. Zagreb, 1969. Br. 18—19. S. 141—154 (здесь полная библиография за 1925—1969 гг.); Зборник Владимира Мошина / Ст. Глигоријевић. Београд, 1977. С. 7—16; [Археографски прилози. Београд, 1983. Бр. 5: С. 75—77. Некролог см.: *Загребин В. М.* // ТОДРЛ. 1989. Т. 42. С. 452—455. — *Примеч. сост.*]

Еще о новооткрытом хазарском документе // Сб. РАО. 1927. Т. I. С. 41—60.
Ἐπαρχία Γοτθίας в Хазарии в VIII веке // Тр. IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. Т. I. С. 149—156.
Рец.: Бруцкус Ю. Д. Письмо хазарского еврея от X века. Новые материалы по истории Южной России времен Игоря. Берлин, 1924 // SK. 1929. Т. III. С. 324—327.
Питање о првом покрштењу Руса // Богословље. Београд, 1930. V. С. 51—72.
Варяго-русский вопрос // Sl. 1931. R. X. S. 109—136, 343—379, 501—537.
Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // BSl. 1931. Т. III. P. 37—58, 285—307.
Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы // SSF. S. 610—625.
Кад су Хазари прешли на жидовску веру // Pијег. Загреб. 1931. № 45. С. 8—10; № 46. С. 2—5; № 47. С. 7—10; № 48. С. 6—9; № 49. С. 6—8.
Les Khazares et les Byzantins (X^{e} siècle) // Byz. 1931. T. VI. P. 309—325.
Николай епископ Тмутороканский // SK. 1932. Т. V. С. 47—62.
Рец.: Беляев Н. Т. Рорик ютландский и Рюрик Начальной летописи // SK. 1932. Т. V. С. 334—338.
Обзор: Stender-Petersen A. Zur Bedeutungsgeschichte des Wortes Væringi, russ. var'ag. Acta Philologica Scandinavica. 1930 // SK. 1932. Т. V. С. 332.
Русь и Хазария при Святославе // SK. 1933. Т. VI. С. 187—208.
Une nouvelle édition de l'Eclogue [Рецензия на издание Эклоги Н. Благоевым. — *В. П.*] // Byz. 1933. T. VIII. P. 673—678.
Трећи Рим и Јужни Словени // PJA. С. 51—63.
Коли Хозари переишли на жидівство // Богословія. Львів. 1934. XII. С. 66—69, 193—206, 295—299.
Коли Хозари переишли на жидівство (окончание) // Там же. 1935. XIII. С. 47—49.
Н. П. Кондаков и Кондаковски институт. Поводом десетогодишњице смрти Н. Кондакова, 16 фебруара 1925, и постојања Института // ЈИЧ. 1935. I. С. 755—757.
Рец.: Янушевский Гр. Начало истории русского народа по новейшим данным, 1934 // Там же. С. 551—554.
N. Kondakov // Byz. 1936. T. X.
Христианство в России до св. Владимира // ВСб. С. 1—18.
Хелгу хазарского документа. По поводу статьи Л. Я. Лавровского «Олег и Хелгу Хазарского документу» // Sl. R. XV. 1938. S. 191—200.
Акти из Светогорских архива: Три грчка акта из архива манастира Ватопеда. Седам акта из архива манастира Зографа. Хиландарски практик. Царске хрисовуље руског манастира св. Пантелеймона // Споменик Српске академије. Београд, 1939. XCI. С. 153—260.
Некролог: Славянство, Русь и Византия в трудах Е. В. Аничкова, 1866—1937. // Sl. 1939. R. XVII. S. 300—304.
Житие старца Исаии, игумена русского монастыря на Афоне // Сб. РАО. 1940. III. С. 125—167.
Исаија светогорац и запис о Маричкој битци 1371 год // Хришћанско дело. 1940. VI. С. 341—350.
Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII веке // BSl. 1947. Т. IX. P. 54—85; 1950. Т. XI. P. 32—60.
Преписка руског самозванца Ивана Тимошке Акундинова с Дубровником, год 1648 // Хисторијски зборник. Загреб, 1952. IV. С. 71—84.
Филигранологија као помоћна историска наука // Зборник Хисторијског института Југославенске академиј. Загреб, 1954. I. С. 25—93.
Санкција у византијској и јжнославенској дипломатици // Анали Хисторијског института ЈАЗУ у Дубровнику. Дубровник, 1954. III. С. 27—52.
К истории взаимоотношений русской и южнославянской письменности // Славяне. М., 1958. № 1. С. 40—42.
К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной публичной библиотеки // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 409—417.
Из истории сношений Римской курии, России и южных славян в середине XVII века // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 491—511.

О периодизацији и руско-јужнославенских књижевних веза // Слово. Загреб. 1962. XI—XII. С. 13—130.
К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв. // ТОДРЛ. 1965. Т. 19. С. 28—106.
Послание русского митрополита Леона об опресноках в охридской рукописи // BSl. 1963. T. XXIV. P. 87—105.
Рец.: Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии // Слово. Загреб, 1964. XIV. С. 132—137.
Собрания славянских рукописей в Югославии // ТОДРЛ. 1965. Т. 21. С. 372—380.
Рублев Андреј // Enciklopedija likovnih umjetnosti. Загреб, 1966. IV. С. 135.
Соловјев А. В. // Ibid. IV. С. 254.
Владимир Суздаљски // Ibid. IV. С. 541—542.
Solovjev Aleksandar Vasiljevič // Enciklopedija Jugoslavije. VII. S. 429.

Муравьев А. Н.

A History of the Church in Russia. Oxford, 1942.

Мякотин Венедикт Алексеевич (1867—1937)

Профессор Александровского лицея и Петроградского университета. Выехал в Берлин. С 1923 г. в Праге, сотрудник Русского заграничного исторического архива. С 1930 г. профессор в Софийском университете.

Пушкин и декабристы. Прага, 1923.
Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII веках. Прага, 1924—1926. Т. I. Вып. 1—3.
Рец.: Мельгунов С. Дела и люди Александровского времени // СЗ. № 18.
Переяславский договор // СбМилюкова (Прага).
Рец.: P. N. Milioukov — historien de la Russie // MSl. 1929. Mai.
Переяславский договор 1654 г. Прага, 1930.
Шляхетские имения в гетманщине // Науч. тр. РНУ. 1931. Т. IV. S. С. 96—117.
Прикрепление крестьянства левобережной Украины в XVII—XVIII вв. София, 1932.
La fixation des paysans ukrainiens à la glèbe aux XVII[e] et XVIII[e] siècles // MSl. 1932. Octobre-novembre.
Из жизни украинского крестьянства в XVIII веке // СбМилетич.
Рец.: Шмурло Е. Курс русской истории. Прага, 1933. Т. II, вып. 1 // ZOG. 1934. Bd. 8/3. S. 403—405.
История на Русия от IX до XVIII в. София, 1937.
История России в конце XVII и первой половине XVIII столетий // ГСУ. Историко-филологический факультет. 1938. Т. 34.

Никифоров Николай Иванович (1886—?)

Магистр всеобщей истории, приват-доцент Киевского университета. Профессор РЮФ в Харбине.

Иркутский Университет в 1920—21 г. // Медицинский вестн. Харбин. 1922. Май.
Рец.: Вернадский Г. Очерки по истории русского права // Изв. ЮФ. 1925. № 1.
Дело Петра Великого в области русского просвещения // Там же. № 3.
Солнце и история (по поводу книги А. А. Чижевского «Физические факторы исторического процесса») // Русское слово. Харбин, 1929. Июль.
Эмоциональные основы цивилизации. Харбин, 1930.
Homo oeconomicus // Изв. ЮФ. 1931. № 9. С. 177—197.
История как наука // Сборник Педагогического Института в Харбине. Харбин, 1937.

Николаев Константин Николаевич (1884—1965)

Присяжный поверенный округа Киевской судебной палаты. Выслан из СССР в 1931 г. в Югославию. Юрисконсульт Синода православной церкви в Польше. В 1949 г. переехал в США.

Памятник эпохи Св. Владимира на Волыни (в пределах современной Польши) // ВСб.
Восточный обряд // Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей. Белград, 1939.

Никольский А. А.

Начало христианства на Руси // ВСб. С. 113—126.

Новиков Михаил Михайлович (1876—?)

Профессор и ректор Московского университета, профессор Карлова университета в Праге.

Московский университет в первый период большевизма // МУ.
От Москвы до Нью-Йорка (Рец.: Вишняк М. // НЖ. 1953. № 32. С. 298—300).

Нольде Борис Эммануилович (1876—1948)*

Доктор государственного права, профессор Петроградского университета.

Петербургская миссия Бисмарка, 1859—1862. Прага, 1924.
Юрий Самарин и его время. Париж, 1926.
Réflexions sur le développement politique de la Russie // MSl. 1927. T. II/III.
L'Ancient Régime et la Révolution Russe. P., 1928.
Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930.
L'alliance franco-russe. P., 1930.
La formation de l'Empire russe. Etudes, notes et documents // Collection historique de l'Institut d'Etudes slaves. P., 1952—1953. T. 15/1—2.

Одинец Дмитрий Михайлович

Приват-доцент Петроградского университета.

Рец.: Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины. Т. I. Вып. 1 // СЗ. 1925. № 25; Т. I. Вып. 2—3 // СЗ. 1925. № 26.
La ville russe au XVII[e]—XVIII[e] siècles // MSl. 1926. Novem.
Рец.: Miller A. Essai sur l'histoire des institutions de la Russie centrale du XVI[e]—XVIII[e] siècles // СЗ. 1927. N 33.
Рец.: Taranovski T. Historia prawa rosyjskiego. Ч. 1 // СЗ. 1928. N 38.
Pripojeni Ukrainy k Moskovskemu statu // SVPS. XXVI/4.
Потеря права перехода владельческими крестьянами Московского государства // СбМилюкова (Прага).
Княжное и земское право древней Руси // Тр. IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. Ч. 1. С. 287—290.
П. Н. Милюков в русской исторической науке // СбМилюкова (Париж).
Les origines du servage en Russie // RHDFE. 1931. T. X [рец. Н. Ф. Преображенского: Etnolog. Glasnik Etnografskega muzeja v Ljublijani. 1939. XI/XII].
Происхождение государственного строя у восточных славян. Париж, 1936.
Возникновение русской государственности и идея русского единства. Париж, 1939.

Острогорский Георгий Александрович (1902—1976) **

Приват-доцент Университета в Бреслау (Вроцлаве), профессор

Белградского университета.

Рец.: Dvornik F. Les Slaves, Byzance et Rome au IX siècle. P., 1926 // HZ. 1928. Bd. 138. S. 102—106.
Н. М. Беляев (некролог) // SK. 1931. T. IV. С. 253—260.

---

* См. некролог: *Вишняк М.* // НЖ. 1948. Т. 19. С. 279—289.
** Библиографию см.: Собрана дела. Т. I. С. VII—XVIII; Mélanges G. Ostrogorsky // Zbornik radova Vizantološkog instituta. Beograd, 1963—64. VIII/1. P. VII—XVIII; см. также некролог: *Ferluga J.* G. Ostrogorsky // JGO. 1977. Bd. 25/4. S. 632—636.

Рец.: Laehr G. Die Anfänge des russischen Reiches. B., 1930 // Deutsche Literaturzeitung. 1931. S. 170—176.
Рец.: Schaeder H. Moskau das Dritte Rom. Hamburg, 1929 // HZ. 1932. Bd. 146. S. 368—371.
Рец.: Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / F. Epstein. Hamburg, 1930 // HZ. 1933. Bd. 147. S. 617—621.
Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Zaren Fedor Alekseevič // JKGSl. 1933. Bd. 9. S. 86—138.
Zum Stratordienst des Herrschers in der byzantinisch-slavischen Welt // SK. 1935. T. VII. C. 187—204.
Die byzantinische Staatenhierarchie // SK. 1936. T. VIII. C. 41—61.
Владимир Святой и Византия // ВСб. С. 31—40.
В. Г. Васильевский как византолог и творец новейшего русского византиноведения // Там же. С. 227—236.
L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907 // SK. 1940. T. XI. C. 47—62, 296—298.
Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940.
Собрана дела. Београд, 1963—1970. Т. 1—4

Остроухов Петр Александрович (1885—1965)

Преподаватель Петроградского политехнического института. Выехал из России в 1918 г. С 1921 г. преподаватель РЮФ в Праге, затем доктор философии Карлова университета.

К вопросу о кредитных и платежных отношениях на Нижегородской ярмарке в первой половине XIX столетия // СбСтрвуе. С. 326—340.
Рец.: Cleinow G. Der große Jahrmarkt von Nischnij Novgorod in Rußland und Asien. Erfurt; B., 1925. Bd. 1 // B. 1925.
Obehod s chlebovinami a pohyb cěn chlebovin na Nižněnovgorodském výročnim trhu od r. 1827 do r. 1860 // Rozpravy České Akad. Věd a Uměni. Pr., 1927. T. I. č. 73.
Chodáci Vladimirské gubernie jako představitele roznaškového obchodu na Rusi v prvni polovici XIX stoleti // SVPVS. XXVII/2—3. S. 248—264.
В России в начале XVIII века // ГМ. 1928. С. 275—283.
Нижегородская ярмарка в первой половине XIX столетия. Источники и методы ее изучения // Тр. IV съезда РАОЗГ. I. С. 447—449.
Чешский путешественник о хозяйственном положении в России в конце XVIII столетия // Зап. РИО. 1930. Т. 2. С. 83—93.
Из истории государственных кредитных установлений в России. Контора Государственного Коммерческого банка на Нижегородской ярмарке с 1820 по 1860 год включительно // Сб. РИП. 1931. С. 111—124.
Об источниках и методах изучения торговли на Нижегородской ярмарке в XIX веке до эпохи Великих Реформ // Зап. РНИ. 1931. Вып. 3. С. 355—390.
Торговля чаем на Нижегородской ярмарке в XIX столетии до эпохи Великих Реформ // Зап. РНИ. 1933. Вып. 9. С. 55—87.
Der Jahrmarkt zu Nižnij Novgorod in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // ZOG. 1934. Bd. VIII/3. S. 352—392.
Всероссийский товарообмен в Нижнем Новгороде // Зап. НИО. 1935. Т. VI. С. 101—134, I—XXIV.
Москва и ее промышленная область на Нижегородской ярмарке в 1822 году // Там же. 1936. Т. III (VIII). С. 57—102.
Озерная, лесная и степная области России на Нижегородской ярмарке в 1822 году // Там же. 1937. Т. IV (IX). С. 33—75.
Движение цен на чай на внутреннем рынке России в XIX ст. до реформы русско-китайской торговли в Кяхте в 1861 году // Там же. 1937. Т. V(X). С. 193—238.
Rušti rekonvalescenti na Zbraslavi ve válce 1813 // Там же. 1938. Т. VIII (XIII). С. 173—190.
К вопросу о значении русско-китайской меновой торговли в Кяхте для русского рынка в первой половине XIX века // Там же. 1939. Т. IX (XIV). С. 207—254.
Простонародные лажи и торговля деньгами на Нижегородской ярмарке // Там же. 1942. Т. XI (XVI). С. 1—12.

Конъюнктура на Нижегородской ярмарке с 1817 по 1867 год включительно // Там же. С. 153—190, 287—319.
Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг. // ИЗ. 1972. Т. 90. С. 200—243.

Перфецкий Евгений Юлианович (1888—1947)*

Профессор Братиславского университета им. Я. А. Коменского.

Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922.
Dvě stati k dějinam Podkarpatské Rusi // SFFUB. 1922. R. 1.
Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve st. XIII—XV. Bratislava, 1924.
Rusko a Cařihrad (v XVIII—XIX stol.) // Prudy. 1924. S. 179 ff., 246 ff.
Новгородський княжий літопис (XII ст.) // Зап. НТШ. 1924. Т. 134—135.
Hlavné vývojové stupně v cirkevných dějinách Podkarpatskej Rusi v XVII stol. // Prudy. 1924. R. 8. S. 2—11.
Boj za náboženskú slobodu a národnostnú samostatnosť cerkve v Podkarpatskej Rusi na poč. XVIII stol. // Ibid. S. 147—153.
Car Petr I a Leibniz. Bratislava, 1925.
Podkarpatské a haličkoruské tradice o králi Matyášcovi Corvinovi // SFFUB, 1926. R. IV. Č. 42 (4). S. 217—278.
Slavianofil Konstantin Aksakov — ako historik // Prudy. 1926. R. 10. S. 15—21.
Michal Bakunin a Slovanstvo // Ibid. S. 304—312.
K otázke slovensko-ruského rozhraničenia // Ibid. S. 521—523.
Die Opatovitzer Annalen. Eine böhmisch-mährische Kompilation // JKGSl. 1927. Bd. III/1. S. 48—78.
Historia Polonica Jana Dlugosze a ruské letopisectví. Pr., 1932.
Názer Boržovy v pramenach XIII az XV stol. // Boržava v Podkarpatské Rusi. Bratislava, 1932. S. 15—21.
Общий источник древнейшего чешского и древнейшего польского летописания // Тр. Института славяноведения АН СССР. Т. I. С. 207—238.
Historia Polonica Jana Dlugosze a nemecké letopisectví. Bratislava, 1940.

Петров Алексей Леонидович (1859—1932) **

Доктор славянской филологии, профессор Петроградского университета. С 1922 г. работал в Праге и в архивах Венгрии и Словакии.

Отзвук реформации в русском Закарпатьи XVI века // VČSN. 1921—1922. Ч. I.
Древнейшая церковнославянская грамота 1404 г. в Карпаторусской территории. Ужгород, 1927.
Древнейшая на Карпатской Руси шолтысская грамота 1329 года. Ужгород, 1929.
К истории «русских интриг» в Угрии в XVIII веке // КСб.
Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391—1498 гг. Прага, 1930.

Погодин Александр Львович (1872—1947) ***

В 1896—1906 гг. профессор Варшавского университета, в 1910—1920 гг. профессор Харьковского университета. Выехал в 1920 г. В 1920—1944 гг. профессор Белградского университета.

Родина славянства и начало русского государства // Zbornik filoloških i lingvističkich studija A. Beliću. Beograd, 1921. S. 165—173.

---

* Составлено на основе его личного дела в Братиславском университете (Archiv Univerzity J. Komenského., Rektorát UK, Osobne spisy, sign. B, prof. E. Perfecky) и пополнена при любезном содействии проф. П. Раткоша.
** См. некролог: *Панас И. О.* // RSU. 1935. Sv. V—VII; *Францев В. А.* // Ibid. S. 243—254.
*** Использована библиография, составленная В. А. Мошиным. См.: *Соловьев А. В.*, А. Л. Погодин. К десятилетию со дня кончины // Советское славяноведение, 1958. Т. 23. С. 57—59.

Опыт языческой реставрации при Владимире // ТРУЗ. 1923. Кн. 2.
Вопрос о происхождении имени «Русь» // СбЗлатарски. С. 269—275.
Несколько вопросов по методологии «древностей» // Сб.РАО. 1927. Т. I. С. 11—32.
Этимология слова «книга» // Јужнословенски филолог. 1924. IV. С. 185—187.
Историја руске књижевности. Београд, 1927.
Рец.: Lednicki W. Alexander Puszkin. Kraków, 1926 // Sl. 1928. R. VII/3. S. 643—648.
Грибоедов как государственный человек (речь проф. А. Л. Погодина, произнесенная на торжественном собрании памяти А. С. Грибоедова) // НВ. 1929. № 2420—2421.
Рец.: Финноугорский сборник // Sl. 1929. R. VIII. S. 161—166.
Рец.: Jelačić A. Istorije Rusije. Beograd, 1929 // НЕ. 1930. XXII/6. S. 384—385.
Заметки об изучении былин и исторических песен. Методологические замечания // Зап. РНИ. 1930. Вып. 1. С. 1—52.
О научном раду руске емиграције // НЕ. 1930. XXI/4. С. 253—256.
Der Bericht der russischen Chronik über die Gründung des russischen Staates // ZOG. 1931. Bd. V (NF Bd. I). S. 194—214.
Der Beitrag zur Geschichte der russischen Kolonisation des finnischen Nordens // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. 1932. Vol. XXVII. P. 211—217.
Руски историске народне песне // Мисао. 1930. Т. 33.5/8. С. 329—376.
Историски еп финскога народа // Там же. Т. 34.I/2. С. 71—93.
Великоруска народна лирика // Там же. 1930. Т. 34.3/4. С. 193—209.
Источни и северни фински народи и њихова поезија // Там же. 1931. Т. 35.
Руске билине и њихово изучавање // Там же.
А. И. Соболевский // Зап. РНИ. 1931. Вып. 3. С. 31—70.
Теория акад. А. И. Соболевского о двояком происхождении славянского племени // Sl. R. IX. S. 726—736.
Наблюдения над техникой народной лирики // Зап. РНИ. 1931. Вып. 5.
Три заметки о начале русского государства. I: Остатки языка варягов в договоре Игоря с греками в 945 г. II: Участие финнов в основании русского государства // Sl. 1932. R. XI/1. S. 118—140.
Варяги и Русь // Зап. РНИ. 1932. Вып. 7. С. 93—135.
Евразијство // Мисао. 1932. Т. 39. 297/300 (114). С. 84—100.
Руско-Српска библиографија, 1800—1925. Београд, 1932, 1 књига. Књижневност. 1 део. Преводи објављени посебно или по часописанна: Beograd, 1936. 2 deo. Prevodi objavljeni po novinama i kalendarima [Рец.: Bercopeć O. // Sl. 1937. R. XV/2].
Mythologische Spuren in russischen Dorfnamen // ZSlPh. 1934. Bd. XI/1—2.
Was ist Merja? // Mémoires de la Société Finnoougrienne. 1934. Vol. LXVII. P. 326—330.
Новые исследования об эпическом элементе в русской летописи // SL. 1934—1935. R. XIII.
Рец.: Ляцкий Е. Слово о полку Игореве // Sl. 1935 R. XIII/2. С. 486—492.
Личность и деятельность Императора Николая I в сербском общественном мнении его времени // Зап. РНИ. 1935. Вып. 11.
Император Александр II и его время в оценке сербского общественного мнения. Шестидесятые годы // Там же. 1935. Вып. 13.
Славяне и готы на Днепре в III веке по Р. Хр. // СбРАО. 1936. Т. II.
Les Rodsi: un peuple imaginaire // RESl. 1937. T. 17/1/2. P. 71—80.
Искаженный Пушкин (Романы о жизни Пушкина) // Зап. РНИ. 1938. Вып. 15. С. 65—80.
«Внешняя Россия» Константина Багрянородного // ЗбБелићу. С. 77—85.
Повесть о хождении апостола Андрея в Руси // BSl. 1937. Т. VII. S. 128—148.
Варяжский период в жизни князя Владимира // ВСб. С. 19—30.
Зашто је кнез Владимир примио хришћанство // Хришћанско дело. 1939. Т. V/св. 1. С. 2—34.
Српска народна песма о Куликовом боју 1380 // ПКИФ. 1938. Књ. XVIII. С. 500—508.
Фатьяновская среднерусская культура и ее значение для вопроса о родине индоевропейцев и финно-угров. Реферат // III Међународни конгрес слависта. Београд, 1939. № 3. С. 75—76.

Ротсины и ротины в старошведском праве // Зап. РНИ. 1939. Вып. 17. С. 1—14.
Порекло руске државе по староисландским сагама // СП. 1940. IX/X. С. 3—10.
Славяно-финские древности // Сб. РАО. 1940. Кн. III. С. 1—27.
[Неопубликованные работы:
Славянские древности. 1916. Т. 1—2 (в архиве издательства Вольфа).
Список географических названий финского происхождения, встречающихся в древнейших писцовых книгах (в архиве Института археологии АН СССР). — *В. П.*]

Погорелов Валерий Александрович (1872—?)*

С 1911 г. профессор Варшавского университета, в 1918—1920 гг. профессор Донского университета, профессор Братиславского университета им. Я. А. Коменского с 1923 г.

Руссизмы в старых болгарских печатных книгах // Сборник в память А. К. Медведева. София, 1922.
Опыт изучения текста Саввиной книги // SFFUB. 1927. R. V. Č. 46(1). S. 1—120.
О народности апостолов славянства // Bratislava, 1927. R. 1. S. 183—193 (см. поправки: Ibid. 1928. R. 2. S. 232).
Spišské cyrilské úlomky XII—XIII storočia. Ich popis, rozbor, a otisk // Bratislava, 1929. R. 3. S. 81—87.
На каком языке были написаны так называемые Паннонские жития? // BSl. 1932. T. XLI. S. 13—21.
Ruský letopis Nestorov a Slovensko // Kultura. Bratislava, 1933. N 5. S. 536—539.
Sv. Cyril, sv. Metod i Gorazd, ich činnosť a puvod // Sborník literarno-vědného odboru Spolku sv. Vojtecha. Bratislava. T. 3. S. 7—36.
Die russische Nestorchronik und die Slowakei // Carpatica Slovaca. Acta Academiae Scientiarum et Artium Slovacae. Bratislava, 1943—1944. T. X/1/2. S. 195—199.

Полонский Яков Борисович (1892—?)

Библиография зарубежной библиографии // ВРК. 1925. Т. I. С. 33—43.
Книгохранилище Русских Иезуитов в Париже. Неизданное письмо П. Я. Чаадаева // Там же. 1928. Т. II. С. 65—73.
Дантес. Неизданные материалы // ПН. 1930. 15 мая.
Литературный архив кн. И. С. Гагарина в Париже. Неизданные письма Чаадаева, Герцена, Шевырева, Дантеса // ВРК. 1932. Т. III. С. 139—159.
Неизданные автографы писем Пушкина в Париже // Там же. С. 173—176.
Литературный архив кн. Зинаиды Волконской в Риме // ВРК. 1938. Т. IV. С. 157—183.

Полоньска-Василенко Наталья Дмитриевна

Київ часів Володимира та Ярополка. Прага, 1944.

Попруженко Михаил Георгиевич (1866—1944)

Доктор славянской филологии, профессор Новороссийского университета. Выехал из России в 1920 г. Профессор Софийского университета, член Болгарской академии наук.

Към въпроса за ролята на славянството в свътовната история. София, 1920.
О журнале Slavia // Училищен Преглед. София, 1922.
Славянофильство // Славянски Календарь [Издание Славянского Общества в Болгарии]. София, 1923.
Памяти М. П. Погодина. Из заметок по истории Болгарского возрождения // СбЗлатарски.
Император Петр Великий. По случаю 200-летию со дня смерти // СГ. 1925. 1.
Рец.: Известия на семинара по славянска филология при Университета в София. София, 1925. Кн. V // Sl. 1925. R. IV/3. 602—605.
Синодик царя Борила. София, 1928.

---

* Библиография составлена благодаря помощи проф. П. Раткоша.

Русия и Българското възраждане // Бълг. истор. б-ка. 1928. Т. 3. С. 1—18.
Памяти академика А. И. Соболевского // СГ. XXIII. С. 4.
Московский университет и его культурное значение // Българска Мисъль. София, 1930.
А. И. Соболевский (некролог) // Летопись на Българската Академия на науките. София, 1930. Кн. XII. С. 183—187.
Памяти трех русских славяноведов (В. И. Ламанского, А. Н. Пыпина, Н. А. Попова) // Славянски календарь. София, 1933. С. 43—48.
Козма Пресвитер и новгородские еретики XV в. (К вопросу о болгарских литературных произведениях древнейшей эпохи на русской почве) // СбМилетич. С. 321—332.
България и Киевская Русь // Родина. София, 1939. Кн. III. С. 25—31.
(В соавторстве со Ст. Романски) Кирилло-методиевска библиография за 1934—1940 гг. София, 1942.

Постников Сергей Порфирьевич (1883—1933)*

Русские в Праге. 1918—1928 гг. Прага, 1928.

Преображенский Василий Васильевич (1897—1946)

Магистр истории, один из руководителей РСХД. Жил в Риге. Арестован после вступления в Ригу Красной Армии. Погиб в заключении.

Светлой памяти проф. В. В. Болотова. Рига, 1929.
Русская культура и национальное самосознание // Русский день. Рига. 1932. № 8. С. 9—12 (на сербо-хорватском языке в PJA. С. 39—42).
Конец XII—начало XIII в. // Русские в Латвии. Сборник издаваемый комитетом по устройству Дня русской культуры в Риге. Рига, 1933. Ч. I. С. 3—11.
Национальное самосознание у русских в Латвии // Там же. С. 99—107.
Воля к жизни русского меньшинства в Латвии // Там же. 1934. Ч. II. С. 3—5.
Христианство и дохристианские религии. Рига, 1934.
Заветы — основы русской культуры // О Пушкине. Печеры, 1937. С. 11—14 (и в ежегоднике ДРС. 1937. № 7. С. 6—8).
Из житий святых. Печеры, 1938.

Преображенский Николай Федорович (1893—?)

Доктор философии университета в Граце (Австрия), лектор Люблянского университета.

Прокофьев Всеволод Георгиевич (1908—?)

Ростислав Михайлович, русский князь XIII века // Сб. РАО. 1936. Т. II. С. 131—159.

Пузино Иван Владимирович

Приват-доцент Петроградского университета.

Protopop Awakum, das Lebensbild eines Glaubenshelden aus der russischen Kirchengeschichte // Historischen Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. 1927.
Die Kultur der Renaissance in Italien und in Rußland // HZ. 1929. Bd. 140. S. 23—56.

Пушкарев Сергей Германович (Pushkarev S.) (1888—1983) **

Был оставлен для подготовки к профессорскому званию при Харьковском университете. С 1924 г. приват-доцент РСУ в Праге, сотрудник Чешской Академии наук. В 1949 г. выехал в США.

Очерк истории крестьянского самоуправления в России. Прага, 1924.
Как русский народ заселял Сибирь // Хозяин. 1925. С. 9, 11 и 15.
Vnitřni zřizeni a vnějši postaveni pskovského státu ve XIV—XV stol. // SVPS. 1925. XXV.

---

* См. некролог: Osteuropa. 1933—34. 9. S. 102—114.
** Некролог см.: SIR. 1984. № 2.

Zásady obchodni a průmyslové politiky Petra Velikého // SVPS. 1926. XXVI.
Очерк истории Донского казачества // Хозяин. 1926. С. 51—52; 1927. С. 1.
Колонизация Сибири русским народом // РСл. 1926.
Россия и Европа в их историческом прошлом // ЕВ. 1927. Кн. 5. С. 121—152.
Рец.: Клепинин Н. А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский // ЕХ. 1927. Кн. IX.
И. Т. Посошков и его значение в истории русской культуры // Зап. РИО. 1927. Т. I. С. 21—23.
Свято-Троицкая Сергиева лавра. Исторический очерк. Прага, 1928.
Крестьянский «мир» на севере России в XVI—XVII вв. // Хозяин. 1928. С. 12—13 и 28—40.
Статьи для издававшейся в Риме Итальянской исторической энциклопедии: 1) Азов, 2) Алексий св., митрополит Московский, 3) Андрусово, 4) Астрахань, 5) Атаман, 6) Болотников Иван, 7) Болтин И. Н., 8) Борис св. князь, 9) Чудов монастырь, 10) Казаки, 11) Дмитрий Донской.
Сто лет тому назад. Русско-турецкая война 1828—9 гг. и Адрианопольский мир // РС. 1930. № 93.
Роль православной церкви в истории русской культуры и государственности. Женева, Издательство «Борьба за культуру», 193(?).
Целовальники в суде и управлении Московской Руси // Зап. РНИ. 1933. Вып. 9. С. 17—53.
Отношение церкви и государства в древней Руси // ДРС. 1933.
Целовальники в государственном хозяйстве Московской Руси // Зап. РНИ. 1935(1936). Вып. 13. С. 97—130.
Святой митрополит Алексий // ДРС. 1935.
Мир и монастырь в древней Руси XIV—XVII вв. // ДРС. 1936.
Св. Сергий в истории России // ДРС. 1937.
Dr. K. Kramař a Ruske // Sbornik Karel Kramař a Slovanstvo. Pr., 1937.
Роль православной церкви в истории русской культуры и государственности. Владимирова (Словакия), 1938.
Борис Алексеевич Евреинов. Биографический очерк и библиография печатных работ // Зап. РИО. 1937. Т. 3. С. 287—303, 388—444.
Значение православной церкви в истории русской культуры и государственности // Свет истинний. Опровержение безбожия. Православный сборник. Издание Русского Трудового Христианского Движения. Женева, 1939. С. 215—230.
Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины в России. Ч. I. Введение. Крестьянское землевладение и землепользование в Московском государстве в XVI—XVII вв. // Зап. НИО. 1939. Т. IX (XIV). С. 95—160; Ч. II // Там же. 1941. Т. X (XV). С. 182—225.
Статьи и заметки в Enciclopedia Italiana: Ermak; Estonia; Filarete; Filippo, metropolita; Ghedimin; Kaluga; Kars; Karsavin L.; Kolomna; Kostomarov N.; Kurbskij Andrea; Kursk; Kutais; Jaroslav (città); Michele Fedorovic Romanov; Minin Kosma.
Очерк истории русского государственного права: I-й период: княжеско-земский и княжеско-удельный (Русь Киевская, Верхне-Волжская и Новгородская), X—XIV—XV вв. II-й период: Московский (Московско-Литовский) XV—XVII вв. (литограф), 193(?).
Национально-государственная роль православной церкви в Смутное время // ДРС. 1939.
Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953.
Россия в XIX веке (1801—1914). Нью-Йорк, 1956.
1917 — à mémoire // RR. 1967. T. I. P. 54—67.

Расовский Дмитрий Александрович (1902—1941)

Доктор философии Карлова университета в Праге. Сотрудник Института Кондакова в Праге. В 1938 г. переехал в Белград с Институтом.

Древнерусское светское мировоззрение // Зап. РИО. 1927. Т. 1. С. 23—24.
О роли черных клобуков в истории древней Руси // SK. 1927. Т. I. С. 93—109.
Рец.: Niederlův Sbornik. Obzor prahistorický, 1925, IV // Ibid. С. 337—338.
Рец.: de Baumgarten N. Généalogie et mariages occidenteaux des Rurikides russes

du X[e] au XIII[e] siècle. Rome, 1927 // SK. 1928. T. II. C. 374—375.
К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // SK. 1929. Т. III. С. 193—214.
Wladimir Monomach. Weltgeschichte in Biographien. Wien, 1930.
Рец.: de Baumgarten N. Le dernier mariage de S. Vladimir; *Он же*. Pribyslava de Russie; *Он же*. Cunegonde d'Orlamunde; *Он же*. Chronologie ecclésiastique des terres russes du X[e] au XIII[e] siècle (OCh, 1930) // SK. 1931. T. IV. C. 308—310.
Рец.: Lozinskij G. La Russie dans la littérature française du Moyen Age (RESl. 1929. T. IX) // Ibid. C. 310—311.
Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // SK. 1933. Т. VI. С. 1—66.
Половцы. I: Происхождение половцев // SK. 1935. т. VII. С. 161—182.
Памяти А. В. Орешникова (некролог) // Ibid. С. 238.
Les Comans et Byzance // Actes du IV[e] Congrès International des études byzantines (Bulletin de l'Institut Archeologique Bulgare, IX). Sofia. 1935. P. 346—354.
Хинова // SK. 1936. Т. VIII. С. 301—306.
Тлъковины // Ibid. С. 307—313.
Половцы. II: Расселение половцев // Ibid. С. 161—182.
В. Н. Златарский (некролог) // Ibid. С. 282—284.
Половцы. III: Пределы «Поля половецкого» // SK. 1937. Т. IX. С. 71—85.
Рец.: Tuulio (Tallgren) O. J. Du nouveau sur Idrīsī. Helsinki, 1936 // Ibid. C. 105—107.
Половцы. III: Пределы «Поля половецкого» (окончание) // SK. 1938. Т. X. С. 155—178.
Русь и кочевники в эпоху святого Владимира // ВСб. С. 149—154.
Рец.: Материалы для терминологического словаря древней России / составил Г. Е. Кочин, 1937 // Studia historico-philologica Serdicensia. София, 1938. С. 237—239.
Роль половцев в войнах Асеней с Византийской и Латинской империями в 1186—1207 годах // Списание на Българската Академия на науките. София, 1939. С. 203—211.
Русь, черные клобуки и половцы в XII веке // СбНиков. 1939.
Половцы. IV: Военная история половцев // SK. 1940. Т. XI. С. 95—127.
Рец.: Grousset R. L'empire des steppes. Attila, Gengiskhan, Tamerlan. Paris, 1939 // Ibid. C. 289—292.
Рец.: Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. 1936 // Ibid. С. 292—294.

Розов Владимир Алексеевич (1876—1940)

Профессор славянской филологии Нежинского университета. В 1918—1920 гг. профессор Таврического университета. Выехал в 1920 г. В 1920—1940 гг. преподаватель Загребского университета.

Роксолана, рускиња, жена најславнијего турског цара Сулејмана Величанственога // Жена и Свет. 1928. Дек.
Boz, rex Antorum // BSl. I.
Рец.: Weingart M. Byzantské kroniky v literatuře církovněslovanské. Č. 1 // Sl. 1924. R. III. 1. S. 145—161; R. III.2/3. S. 474—486; Č. 2 // Sl. 1925. R. IV. 2. S. 364—370.
Рец.: Марковић В. Православно монаштво и манастири у средњевековној Србији // Sl. 1924. R. III.2/3. S. 505—521.
Рец.: Поповић С. Философија и религија Ф. М. Достојевског // Sl. 1924. R. III. 4. S. 772—774.
Рец.: О Достоевском / Сб. статей под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929 //Sl. 1930. R. IX. 2. S. 430—433.
Личность Владимира Святого в русской литературе // ВСб. С. 155—174.

Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952)*

Получил образование в Киевском и Петербургском университетах. С 1898 г.

---

* *Вернадский Г. В.* М. И. Ростовцев (к шестидесятилетию его) // SK. T. IV.

приват-доцент, с 1901 г. профессор Петербургского университета. Выхал в 1918 г. Профессор Иельского университета, США.

Russia's Contribution to the World Science // Struggling Russia. 1919. Vol. 1. P. 602—605.
Международные отношения и международное право в древнем мире // СЗ. 1921. № 4. С. 128—159.
Происхождение Киевской Руси // СЗ. 1921. № 3. С. 142—149.
Идея прогресса и ее историческое обоснование // СЗ. 1921. № 6. С. 146—166.
Новости археологической литературы в России // СЗ. 1922. № 11. С. 397—402.
Les origines de la Russia Kiévienne // RESl. 1922. T. II. P. 5—18.
Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
Сарматские и индоскифские древности // RK. P. 239—258.
Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.
Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // SK. 1927. Т. I. С. 141—146.
«Скифский» роман // SK. Т. II. С. 135—138.
Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Σκυθικὰ, 'I. Прага, 1929 [на русск. и фр. яз.].
Странички воспоминаний // Н. П. Кондаков. Прага, 1929.
The Animal Style in South Russia and China. L., 1929.
Skythien und Bosporus. B., 1930—1931, Bd. 1—2.
The Bosporian Kingdom // Cambridge Ancient History. 1930. Vol. VIII. P. 561—589.

Рутковский Николай Петрович

Латинские схолии в кормчих книгах // SK. 1929. Т. III. С. 149—168.

Рязановский Александр Валентинович (Riasanovsky A. V.) (род. 1928)

Профессор Пенсильванского университета, США.

The Embassy of 839 Revised: Some Comments in Connection with a «Normanist» Source on Early Russian History // JGO. 1962. Bd. 10/1. S. 1—12.
«Runaway Slaves» and «Swift Danes» in Eleventh Century Kiev // Sp. 1964. Vol. XXXIX/2. P. 288—297.
The Foreign Relations of Ancient Russia from the Ninth to the Middle of the Thirteenth Century // Era. Publications of the Philomathean Society, University of Pennsylvania, 1964. Vol. I/1. P. 17—37; 1965. Vol. II/1. P. 61—70.
«The Varangian Question» // Normanni e loro espansione in Europa nell'alto medioevo (Settimani di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1969. T. XVI). P. 171—204.

Рязановский Валентин Александрович (1884—1968)*

Профессор юридического лицея в Ярославле, университетов в Томске, Иркутске, Владивостоке. В 1922—1934 гг. профессор РЮФ в Харбине. В 1935 г. переехал в Китай. С 1938 г. профессор университета в Сан-Франциско, США.

Обычное право бурят. Чита, 1921.
О научной разработке и кодификации бурятского обычного права // Голос бурят-монгола. Чита, 1921. № 2(3).
Обычное право монгольских племен. Ч. 1: Обычное право монголов; Ч. 2: Обычное

С. 239—252. Некрологи см.: *Fraccaro P.* Commemorazione del socio straniero M. I. Rostovtzev // Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. 1956. Ser. 8. Vol. 11. Fasc. 5—6; *Momigliano A.* In memoria di M. Rostovtzeff // Revista storica italiana. 1953. T. 65. Fasc. 4.

* См. *Riasanovsky A. V.* The Contribution of V. A. Riasanovsky to Oriental Studies // An Appreciation on His Eightieth Birthday // American Oriental Society. 1964; см. также: *Idem.* Foreword, Bibliography // *Riasanovsky V. A.* Fundamental Principles of Mongol Law. 1965_2. P. VII—XII. P. 339—343.

право бурят; Ч. 3: Обычное право калмыков // Вестник Азии. Харбин, 1923—1924. № 51—52.
Монгольское право и сравнительное правоведение // Изв. ЮФ. 1929. Т. VII.
Два памятника обычного права монгольских племен // Вестн. Манчжурии. Харбин, 1929, II; 1930. I.
Customary Law of the Mongol Tribes. Harbin, 1929.
Некоторые черты обычного права алтаев и телеутов // Вестн. китайского права. Харбин, 1931. № 3.
К вопросу о влиянии монгольской культуры на русскую культуру и право. Актовая речь // Изв. ЮФ. 1931. Т. IX.
Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931.
Является ли монгольское право обычным? Харбин, 1932.
Обзор памятников монгольского права // Библиографический сборник. Харбин, 1932. Т. 1.
Les monuments de droit mongol // Bulletin de la Société de Législation Comparée. 1932. N 7—12.
Великая Ясса Чингис—хана // Изв. ЮФ. 1933. Т. X.
Mongolian Law and Comparative Jurisprudence. Harbin, 1933.
Об изучении древней русской живописи // Изв. ЮФ. 1934. Т. XI.
Основные виды древней русской живописи. Харбин, 1935.
Fundamental Principles of Mongolian Law. 1937; Bloomington, 1965_2.
Le droit mongol // Bulletin de la Société de Législation Comparée. 1937. N 3.
The Influence of Ancient Mongol Culture and Law on Russian Culture and Law. Commencement Adress // The Chinese Social and Political Science Review. 1937. Vol. XX/4.
Customary Law of the Kirghiz // Ibid. 1937. Vol. XXI/2.
Customary Law of the Jakuts // Ibid. 1937. Vol. XXI/3.
Customary Law of the Tunguses // Nakai Social and Economic Quarterly Journal. 1937. Vol. X/2.
Juristic Customs of the Voguls, Ostyaks and Samoyeds // The Chinese Social and Political Science Review. 1938. Vol. XXI/4.
Customary Law of the Nomadic Tribes of Siberia. Tientsin, 1938; Bloomington, 1965_2.
Обзор русской культуры. Исторический очерк. Нью-Йорк. 1947—1948. Т. I, II/1—2.
Mongol Law. A Concise Survey // Washington Law Review. 1948. Vol. XXIII/2.
Развитие русской научной мысли в XVIII—XX стол. (науки о природе). Нью-Йорк, 1949.
Из истории научного востоковедения в СССР // Вестн. Института по изучению СССР. Мюнхен, 1957. Т. 3(24).

Рязановский Николай Валентинович (Riasanovsky) (род. 1923)*

Доктор философии в Оксфордском университете в 1949 г. Профессор истории в университете в Беркли, США.

The Norman Theory of the Origin of the Russian State // RR. 1947. Vol. VII/1. P. 96—110.
Some Ways to Misunderstand Russian History // The American Oxonian. 1950. Vol. XXXVII/3. P. 117—121.
Old Russia, the Soviet Union and Eastern Europe // ASlEER. 1952. Vol. XI/3. P. 171—188.
Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology // Harvard Historical Studies. Cambridge (Mass.). 1952. Vol. LXI [Нем. перевод: Rußland und der Westen in der Lehre der Slawophilen: Studie über eine romantische Ideologie. München, 1954].
Рец.: Nolde B. La formation de l'empire russe. Etudes, notes et documents. T. I // JCEA. 1952. Vol. XII/3. P. 294—295.
Fourierism in Russia: An Estimate of the Petraševcy // ASlEER. 1953. Vol. XII/3. P. 289—302.

---

* Библиографию см.: *Molley M.* // Russian Studies. 1983. Vol. 43. N 1. P. 55—72.

Рец.: Nolde B. La formation de l'empire russe. Etudes, notes et documents. T. II // JCEA. 1954. Vol. XIV/4. P. 381—382.
Khomiakov on Sobornost // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Cambridge (Mass.), 1955. P. 183—196.
Pogodin and Ševyrev in Russian Intellectual History // Russian Thought and Politics (HSIS. Vol. IV). Gravenhage, 1957. P. 149—167.
Some Comments on the Role of the Intelligentsia in the Reign of Nicholas I of Russia. 1825—1855 // SlEEJ. 1957. Vol. XV/3. P. 163—176.
Рец.: Leontovitsch V. Geschichte des Liberalismus in Rußland // JCEA. 1958. Vol. XVIII/3. P. 346—348.
Nicholas I and Official Nationality in Russia. 1825—1855. Berkley; Los Angeles, 1959 [рец.: Федоров В. // ВИ. 1960. № 8. — *В. П.*].
Nationality in the State Ideology during the Reign of Nicholas I // RR. 1960. Vol. XIX/1. P. 38—46.
Russia and Asia: Two Nineteenth Century Russian Views // California Slavic Studies. Berkley; Los Angeles, 1960. Vol. I. P. 170—181.
The Russian Empire as an Underdeveloped Country // SlR. 1961. Vol. XX/4. P. 589—593.
Рец.: Soloviev A. V. Holy Russia: The History of a Religious-Social Idea // SlEEJ. 1961. Vol. V(XIX)/1. P. 77—78.
History // Basic Russian Publications, a Selected and Annotated Bibliography on Russia and the Soviet Union / P. L. Horecky. Chicago, 1962. P. 66—83.
Oriental Despotism and Russia // SlR. 1963. Vol. XXII/4. P. 644—649.
A History of Russia. N. Y., 1963; L., 1969_2 [итал. перев.: Storia della Russia. Milano, 1967. Рец.: *М. Т. Флоринский* // SlR. 1963. Vol. XXII/4. P. 753—754; *von Rauch G.* // Das Historisch-Politische Buch, 1963. Jg. 11. H. 3. S. 283—284; *Meyer K.* // ZO. 1970. N 1. S. 157; *Leitsch W.* // JGO. 1972. H. 3. S. 443—445. — *В. П.*].
Рец.: Pushkarev S. The Emergence of Modern Russia. 1801—1917 // AHR. 1964. Vol. LXIX/2. P. 527—528.
Prince N. S. Trubetskoy's «Europe and Mankind» // JGO. 1964. Bd. 12/2. S. 207—220.
The Emergence of Eurasionism // California Slavic Studies. 1967. Vol. IV. P. 39—72.
Afterword: The Problem of the Peasant // The Peasant in Nineteenth-Century Russia / W. S. Vučinich. Stanford, 1968. P. 263—284, 306—307.
Рец.: Seton-Watson H. The Russian Empire, 1801—1917 // The Canadian Historical Review. 1968. Vol. XLIX/2. P. 204—205.
Рец.: Masaryk T. G. The Spirit of Russia. Vol. 3 // AHR. 1968. Vol. LXXIV/1. P. 228—229.
Рец. Vernadsky G. The Tsardom of Muscovy, 1547—1682 (A History of Russia. Vol. V. Parts 1—2) // RR. 1970. Vol. XXIX/1. P. 90—92.

Савелов-Савелков Леонид Михайлович (1868—1947)

Председатель Историко-богословского общества в Москве.

Бояре Романовы. Афины, 1933. Гл.I: Происхождение Романовых [было напечатано в «Младоросе», № 12 — *В. П.*]; гл. II: Романовы на службе государей московских [было напечатано в газете «Луч» № 38, 39, 40. — *В. П.*].
Древнее русское дворянство. Афины, 1933.
Шереметевы. Род Кобылин // Н. 1934. № 1. С. 20—24.
Дворяне Кругликовы // Там же. С. 25—32.
Г. Ф. Миллер и его «портфели» // Н. 1934. № 2. С. 31—37.
Народные и родовые легенды // Н. 1934. № 3. С. 1—11; № 4. С. 1—14.
Родословные заметки // Н. 1934. № 3. С. 15—22; № 4. С. 15—20; 1935. № 1. С. 21—24; № 2. С. 16—26; № 3. С. 23—34; 1936. № 1. С. 17—26; № 2. С. 12—20; № 3. С. 19—26; 1937. № 2. С. 11—20; № 3. С. 13—22; № 4. С. 14—23; 1938. № 1. С. 13—22; № 2. С. 21—30; № 3. С. 21—30; № 4. С. 9—18.
Легенда о происхождении Толстых // Н. 1935. № 1. С. 7—12.
По градам и весям. Новгород // Н. 1935. № 2. С. 1—8, № 3. С. 1—8.
По градам и весям. Чернигов // Н. 1935. № 4. С. 1—10; 1936. № 1. С. 1—8.
К родословию князей Вяземских // Н. 1936. № 2. С. 3—6.

К вопросу о выездах // Н. 1936. № 3. С. 17—18.
Николай Петрович Лихачев // Н. 1936. № 3. С. 15—16.
Андрей Савелли // Н. 1936. № 4. С. 15—18.
А. С. Пушкин // Н. 1937. № 1. С. 9—16.

Из истории села «Вязищи» Каширского уезда Тульской губ. // Н. 1937. С. 35—38.
Русские святители и их значение в истории // Н. 1938. № 2. С. 1—6; № 3. С. 1—8.
Князья Заозерские // Н. 1938. № 3. С. 17—20.
Князь М. С. Путятин // Н. 1938. № 3. С. 41—42.
Князья Изяславские-Мстиславские // Н. 1938. № 4. С. 35—38.
Значение христианства в истории русского народа // Вестн. русского духовного Воскресения. Бостон, 1938. IX. С. 5—7.
Просвещение в домонгольской Руси // Там же. 1938. VI. С. 11—15.
Русские святители и их значение в истории // Там же. 1938. XI. С. 8—12.
Генеалогия. Научное значение генеалогии и история ее развития в России // Н. 1939. № 1. С. 1—12; № 2. С. 1—11; № 3. С. 1—11; № 4. С. 1—14.
Хвостовы // Н. 1939. № 1. С. 29—32.
Бароны Оффенберг // Н. 1939. № 2. С. 19—24.
Бунаковы // Н. 1939. № 4. С. 22—29.
Задачи русской генеалогии // Н. 1940. № 1. С. 2—8.
Из истории внешних сношений Киевской Руси // Н. 1940. № 1 С. 9—19.
Суздаль — маленький город // Н. 1940. № 2. С. 1—10.

Генеалогическая экскурсия в область истории древнего Новгорода. // Н. 1940. № 3.
Московский патриарх Иоаким Савелов. К 250-летию его смерти // Там же.

Савицкий Петр Николаевич (Savicky) (псевд. П. Востоков) (1895—1968)

Преподаватель Экономического факультета Политехнического института в Петрограде. С 1922 г. доцент РЮФ и преподаватель РНУ в Праге.

Степь и оседлость // На путях. Берлин, 1922. С. 341—356.
Производительные силы России // ЕВ. 1923. Кн. 3, С. 125—148.
Материалы по сельскохозяйственной эволюции России // ТРУЗ. 1923. Кн. 2. С. 158—195.
О религиозном зодчестве в России // РМ. 1923—1924. VIII—XII. С. 471—473.
Метафизика хозяйства // СбСтруве. С. 143—150.
Великороссия и Украйна в русской культуре // РСл. 1926. № 8. С. 10—14.
К вопросу об экономической доктрине евразийства // ЕХ. 1926. Кн. 4. С. 34—38.
К вопросу о государственном и частном начале промышленности (Россия XVIII—XX веков) // ЕХ. 1926. Кн. 5. С. 285—308.
О евразийской литературе // СК. 1926. Май-июнь. С. 202—206.
Геополитические заметки по русской истории. Приложение к книге Г. В. Вернадского «Начертание русской истории». Прага, 1927. С. 234—260.

Географические особенности России. Ч. 1: Растительность и почва. Прага, 1927.
Россия — особый географический мир. Прага, 1927.
О задачах кочевниковедения. (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского). Приложение к книге Н. П. Толя. Прага, 1928.
К познанию русских степей // Версты. Париж, 1928. III. С. 215—241.
Les problèmes de la géographie linguistique du point de vue du géographe // Travaux du cercle linguistique de Prague. Pr., 1929. T. 1. P. 145—156.
«Житие протопопа Аввакума» как географический первоисточник // Науч. тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 218—231.
Рец.: Collins S. Moskowitische Denkwürdigkeit. Leipzig, 1929 // SlRund. 1929. 7. S. 586—587.
[В соавторстве с Н. Н. Алексеевым] О газете «Евразия». Париж, 1929.
«Литература факта» в «Слове о Полку Игореве» / Свеславенски Зборник. Загреб, 1930. С. 344—354.
В борьбе за евразийство // Тридцатые годы. Париж, 1931. С. 1—52 [То же отдельной брошюрой. Париж, 1931].
Оповещение об открытии [Евразия в лингвистических признаках] // Евразия в свете языкознания. Прага, 1931. С. 1—7 [французский перевод: MSl. 1931. I].

В. В. Бартольд как историк // SK. 1931. Т. IV. С. 261—271 [французский перевод: MSl. 1931].
Месторазвитие русской промышленности. Берлин, 1932.
Из прошлого русской географии (периодизация истории русских открытий) // Зап. РНУ. 1931. Т. IV. С. 272—296 [чешский перевод: Šestina světa. Rusko jako zeměpiský a historický celek. Pr., 1933].
Евразийская концепция русской географии // Зборник радова на III Конгресу словенских географа и етнографа у Југославији, 1930. Београд, 1933. С. 13—14.
Сказания иностранцев о Сибири. Историко-географические заметки // Зап. РНУ. 1933. Т. V. С. 140—159.
Ist eine westliche Auffassung der russischen Geschichte noch möglich? // SlRund. 1933. N 5. S. 337—342.
Разрушающие свою Родину (снос памятников искусства и распродажа музеев в СССР). Берлин, 1935.
La conception eurasiste de l'histoire russe // VII[e] Congrès International des Sciences Historiques. Résumées. Varsovie. 1933. T. 2. P. 210—214.
Подъем и депрессии в древнерусской истории // ЕХ. 1935. Кн. 11. С. 65—100.
Россия и эмиграция (Культурно-историческая проблематика момента). // Новый град. Париж, 1938. XIII. С. 114—127.
Ритмы монгольского века // ЕХ. 1937. Кн. 12. С. 104—155.
За творческое понимание природы русского мира // Зап. НИО. 1940. С. 1—24.
Экономическое соревнование СССР и США в области сельского хозяйства // За социалистическую сельскохозяйственную науку. Прага, 1959. В. VIII. С. 427—466.
[Под псевд. П. Востоков] Стихи. Булонь, 1960.

Саханев Всеволод Васильевич (1885—1940)

Преподаватель Петербургского университета. С 1923 г. преподаватель РНУ, сотрудник РИО, Русского заграничного исторического архива.

К вопросу о значении «конференции», учрежденной при дворе императрицы Елисаветы Петровны // Зап. РИО. 1930. Т. 2. С. 5—48.
Из истории России конца XVIII стол. (три неопубликованных документа из истории рода графов Паниных) // Зап. НИО. 1940. Кн. XV. С. 1—32.

Сватиков Сергей Григорьевич (1880—?)

Донской Войсковой Круг (1549—1919) // Донская Летопись. Вена, 1923. С. 169—266.
Россия и Дон (1549—1917). Вена, 1924.
Русская общественная библиотека им. И. С. Тургенева в Париже (1875—1925) // ГМ. 1926. 2(XV). С. 259—272.
Вольные и служилые казачьи войска // Путь казачества. Прага, 1927. № 20 (113). № 21 (114).
Происхождение служилого казачества // Там же. № 22 (115). 1927
Разряды и виды служилого казачества Московской Руси // Там же. 1928. № 23 (116).
Служилый казак при определении на службу // Там же. 1928. № 26 (119). № 27 (120).
Служба служилого казака // Там же. 1928. № 28 (121). № 29 (122).
Прекращение службы служилого казака // Там же. 1928. № 29 (122).
Жалование служилых казаков // Там же. 1928. № 32 (125). № 33 (126).
Привилегии служилых казаков // Там же. 1928. № 33 (126).
Управление служилыми казаками // Там же. 1928. № 35 (128).
Географическое распределение и количество служилых казаков // Там же. 1928. № 36 (129).
Участие служилого казачества в политических движениях XVII в. // Там же. 1928. № 37 (130). № 38 (131).
Россия и Сибирь. Введение. Сибирь при Александре I // ВСиб. 1928. 4. С. 83—99.
Сибирь при Николае I // Там же. 1929. 5. С. 47—58.
Россия и Яик (1585—1721) // Казачий журнал. Париж, 1929. 4.
Сибирь при Александре II // ВСиб. 1929. 6—7. С. 72—87.

Сибирское областничество в XIX веке // Тр. IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. I. С. 145—146.
Щапов и сибирский кружок в Петербурге. Деятельность сибирского кружка на родине // ВСиб. 1930. 8. С. 34—45.
Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества в XIX веке). Прага, 1930.

Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (Mirsky D. P.) (1890—1939)*

Вернулся в СССР в 1932 г. Погиб в заключении.

О московской литературе и протопопе Аввакуме // ЕВ. 1925. Кн. 4.
Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего. Париж. 1926.
A History of Russia. L., 1927.
A History of Russian Literature from the Earliest Times. L., 1927.
The Eurasian Movement // SlR. 1927. Vol. VI. P. 311—319.
Наш марксизм // Евразия. 1929. 20 фев. № 11.
Предисловие // *Milton J.* A Brief History of Moscovia. 1929.
[Перевод]: Vladimirtsev B. J. The Life of Chingis Khan, 1930.
Lenin L., 1930; 1931_2.
Russia. A Social History. L.; N. Y., 1930; L., 1931_2; 1942_3.
The Decembrists // SlR. Vol. IV.
Der russische historische Roman der Gegenwart // SlRund. Jg. 4/1.
Bourgeois History and Historical Materialism // The Labour Monthly. L., 1931. Vol. XIII/7.
The Outlook of Bertrand Russel // Ibid. 1932. Vol. XIV/2.
Mr. Wells Shows His Class // Ibid. Vol. XIV/6.
[Перевод] Pocrovsky M. Brief History of Russia. 1933.
Выступление на дискуссии о советском историческом романе // Октябрь. 1937. № 7. С. 221—224.
Russische Geschichte. München, 1967.

Семенов Юрий Николаевич (1894—?)

Die Eroberung Sibiriens, ein Epos menschlicher Leidenschaften. Der Roman eines Landes. B., 1937.

Сергиевский Б. Н.

Преподаватель университета в Сараево.

Время Владимира Святого // ВСб. С. 127—148.

Синайский Василий Иванович (1876—1949)

В 1908—1911 г. профессор римского права в Юрьевском университете. В 1911—1922 гг. профессор Киевского университета. Выехал в Ригу в 1922 г., где преподавал до 1944 г.

Псково-Печерский Монастырь. Рига, 1929.

Синеоков Владимир Дмитриевич

Quelques faits historiques sur les relations russo-géorgiennes. P., 1925.
Казачество и его государственное значение. Париж, 1928.
La colonisation russe en Asie. P., 1929.
Казачество: Дон, Кубань и Терек (Исторические очерки, 18 статей) // Русский инвалид. Париж, 1931—1936.
О чем пели казаки (История донской казачьей песни от былин до наших дней) // Станица. 1935. № 14. Апр. № 15. Июнь; № 16. окт.

Соловьев Александр Васильевич (1890—1971)

Окончил Варшавский университет. В 1920—1936 гг. профессор Белградского университета. В 1953—1960 гг. профессор Женевского университета.

---

* См. *Wilson E.* Comrade Prince // Encounter. 1955. 22. P. 10—20.

Религиозные основы русской души в изображении современных западнославянских писателей // ПК. С. 197—214.
Рец.: Кадлец К. Первобитно славенско право пре X века / превео и допунио др. Ф. Тарановски. Београд, 1924 // АПДН. 1924. XXV. С. 227—232.
Рец.: Лаппо И. Западная Россия и ее соединение с Польшею. Прага, 1924 // ПКИФ. 1924. Кн. IV. С. 311—315.
Национальное сознание в русском прошлом // РК. 1925. С. 41—69.
Святая Русь (очерк развития религиозно-общественной идеи) // Сб. РАО. 1927. Т. I. С. 77—112.
Рец.: Погодин А. Историја руске књижевности. Београд, 1927 // СП. 1927. Г. 1. С. 264—267.
Значај византиског права на Балкану // Годишница Николе Чуйића, књ. 37. С. 95—141.
Русские путешественники XVIII века среди южных славян // PC. 1930. 14 июня. № 81.
Славянские знамена // PC. 1930. 23 авг. № 91.
Историја права на Међународном Византолошком конгресу // АП. 1930. XXXVIII. С. 413—417.
Conférence historico-juridique au Congrès russe de Sofia // PHP. 1930. R. I/3. S. 260—262.
Славянские впечатления на съезде византологов // PC. 1930. 23 нояб. № 100.
Греческие архонты в Сербском царстве // BSl. Т. II/2. S. 275—286.
Значение Владимира Святого для Русской земли // PC. 1931. 25 июля. № 139.
Владимир Святой и начало русской словесности // Газета ко дню Св. Владимира. Белград. 1931. 28 июля.
Особенность договора продажи недвижимости в славянском праве // PHP. 1931.
История русского монашества на Афоне // Зап. РНИ. 1932. Вып. 7. С. 137—156.
Кара за убийство в византийском и славянском праве // Там же. С. 331—351.
К столетию науки истории славянского права // PC. 1932. 27 фев. № 170.
А. А. Кизеветтер (некролог) // РГ. 1933. 22 янв. № 94.
Св. Савва и Св. Владимир // Там же. 30 июля. № 121.
Histoire du monastère russe au Mont-Athos // Byz. 1933. T. VIII. P. 213—238 [и отдельным оттиском: Beograd, 1933. — *В. П.*]
Руски манастир на Светој Гори // Пут. Београд. 1933. Г. 1, 2. С. 77—81.
Три плагијата из историје словенских права // АП. 1933. XXVI (XLIII). С. 428—434, 516—520.
Corona Regni. Dévélopement de l'idée de l'état dans les monarchies slaves du Moyen Age (résumé) // VII[e] Congrès International des sciences historiques. Résumées. Varsovie, 1933. P. 311.
Српски пукови у руссқој војсци XVIII века // Политика. Београд, 1934. 30 янв.
Corona Regni (Развитие идеи государства в славянских монархиях XIV века) // PHP. 1934. IV. С. 27—48.
Југословенски пукови у руској војсци XVIII в. // PJA. С. 69—75.
Александр Кизеветтер и Сергије Платонов (некролог) // ПКИФ. 1934. Књ. XIV. С. 291—293.
Рец.: Ляцкий Е. Слово о полку Игорове. Прага, 1934 // СП. 1935. Г. VI. С. 160—162.
О начале Руси по «новейшим данным» // РГ. 1935. 15 янв. № 198.
Свети Сава и Руси // СКГ. Књ. 44. Бр. 3, 1935. 1 февр. С. 221—225.
Синђелије рашког митрополита Силвестра // Гласник Скопског Научног Друштва. Скопље. 1935. Књ. XIV. С. 224—226.
Les emblèmes héraldiques de Byzance et des Slaves // SK. 1935. VII. S. 119—164.
Предки Достоевского // РГ. 1935. 30 июня; 14 июля. № 221, 223.
Ф. В. Тарановский как историк славянского права // Зап. РНИ. 1936. Вып. XIII. С. XXXIX—XLVIII.
Новые раскопки в Гродно и их значение для русской истории // Там же. С. 69—96.
Русские навигаторы XVII в. среди южных славян // Сб. РАО. 1936. Т. 2. С. 291—301.
Говор на погребу проф. Т. Тарановског // АП. 1936. XLIX. С. 206—208.
Пушкинов предак — Абисинац // Правда. Београд, 1936. 10 апр.
Пушкин и славяне // РГ. 1937. 6 фев. № 305.

Срби професори универзитета у Русији // Политика. Београд, 1937. 1 мая.
Les éléments du droit international dans l'histoire Yougoslave // Annuaire de l'association Yougoslave de Droit International. Beograd; P. 1937. T. III. P. 67—75.
Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. По поводу книги А. А. Васильева. The Goths in Crimea // SK. 1937. T. IX. C. 93—104.
Песма о погибији Руске земље // СП. 1937. Г. VII. С. 274—279.
Théodore Taranovsky (1875—1936) // AHDO. 1937. T. I. P. 393—399.
Рец.: Kuttner Th. Sur les origines du terme «droit positif» // АП. 1937. Т. LII. С. 270.
Рец.: Koranyi K. Ze studijów nad międzynarodowemi traktatami w Sredniowieczu. Lwów, 1937 // Там же. С. 271.
Рец.: Издања Руског Археолошког Друштва у Југославији // ЈИЧ. 1937. III. С. 556—558.
Рец.: Издања Руског Научног Института у Београду // Там же. С. 558—560.
Рец.: Archive d'Histoire du Droit Oriental. Bruxelles, 1937. T. I // АП. 1938. LII. С. 361—363; 1938. Т. II // Там же. LIV. С. 467—469.
Заметки о договорах Руси с Греками: I. Варяжский элемент в договорах Олега и Игоря. II. О бириче в древнеславянском праве // Sl. 1938. T. XV. C. 402—417.
'Η'ΕΞΩ 'ΡΩΣΙΑ // Byz. T. XIII. P. 227—232.
Мотив двоглавог орла у нашим старим споменицима // Уметнички Преглед. Београд, 1938. Ч. I. Бр. 4. С. 108—109.
Владимир Святой в изображении польского историка XVI века // ВСб. С. 201—216.
Предавања из историје словенских права (народне правне историје с обзиром на историју словенских права). Штампано као рукопис. Београд, 1939.
Прикарпатска Русија и њени становници // Правда. Београд, 1939. 1 янв.
Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Зап. РНИ. 1939. Вып. 17. С. 37—64.
Митрополия всея Руси // Православный путь. Владимирова, 1939. Вып. I. С. 27—46.
Национальное сознание в русском прошлом // Пути русского сокольства. Белград. 1939. Янв.—апр.
Белая и Черная Русь (опыт историко-политического анализа) // Сб. РАО. 1940. Т. 3. С. 29—66.
Рец.: Эфрон А. Б. Этюды по истории русского юридического быта. Брюссель, 1939 // SK. 1940. T. XI. C. 283—288.
Rusiči et Rus // SK. 1941. T. XII. C. 19—33.
Послесловие к работе И. М. Голенищева-Кутузова // Заметки к «Слову о полку Игореве». Београд, 1941, Вып. 2. С. 55—59.
Великая, Малая и Белая Русь // ВИ. 1947. С. 24—38.
О печати и титуле Владимира Св. // BSl. 1947. T. IX. S. 31—44.
Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 71—103.
New Traces of the Igor Tale in Old Russian Literature // HSlS. 1953. Vol. I. P. 73—81.
Le dit de la ruine de la Terre Russe // Byz. 1953. T. XXII. P. 105—128.
La date de la version russe de Digénis Akritas // Ibid. P. 129—132.
Helles Rußland — Heiliges Rußland // Festschrift für Dm. Čyzêvskyj. 1954. S. 282—289.
Екатерининский список и первое издание Слова // Studies in Russian Epic Tradition. Leiden, 1954. P. 1—30.
[Под псевдонимом С. Тарасов] Возможный автор «Слова о полку Игореве» // НЖ. 1954. № 39. С. 155—175.
L'influence du droit byzantin dans les pays orthodox // X[e] Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Rilazioni. Firenze, 1955. T. VI. P. 599—650.
Encore deux glosses sur le Chant d'Igor // To Honor Roman Jakobson. The Hague, 1956. P. 475—487.
Der Begriff «Rußland» im Mittelalter // Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Graz; Köln, 1956. Bd. 1. S. 143—168.

Le nom byzantin de la Russie // Musagetes. Contributions to the History of Slavic Literature and Culture / D. Čiževsky. Gravenhage, 1957, Vol. III. P. 7—54.
Византийское имя России // Византийский временник. М., 1957. Т. XII. С. 134—155.
А. Л. Погодин (к десятилетию со дня кончины) // Советское славяноведение. М., 1958. Т. 23. С. 57—59.
Автор «Задонщины» и его политические идеи // ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 183—197.
Заметки к «Слову о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 78—113.
Weiß-, Schwarz- und Rotrußland. Versuch einer historisch-politischen Analyse // JGO. 1959. Bd. 7/1. S. 1—33.
Mare Russiae // WSl. 1959. Jg. VI/1. S. 1—12.
Der Einfluß des byzantinischen Rechts auf die Völker Osteuropas // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abt. Weimar, 1959. Bd. 73. S. 439—479.
Holy Russia. A History of a Religious-Social Idea // Musagetes. 1959. Vol. XII. P. 5—61.
По поводу Рижского списка «Слова о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 143—146.
Domination byzantine ou russe au Nord de la Mer Noir à l'époque des Comnènes? // Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses. München, 1960. S. 569—580.
Die angebliche ungarische Herrschaft in Kiev im 9. Jh. // JGO. 1960. Bd. 8/2. S. 123—129.
Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского» // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 85—106.
Corona Regni. Die Entwicklung der Idee des Staates in den slavischen Monarchien // Corona Regni. Studien über die Krone als Symbol des Staates im späteren Mittelalter. Weimar, 1961. S. 156—197.
'ΑΡΧΩΝ 'ΡΩΣΙΑΣ // Byz. 1961. T. XXXI/1. P. 237—248.
Рец.: Vernadsky G. The Origin of Russia // BZ. 1961. Bd. 54. S. 135—138.
Русичи и русовичи // Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 276—299.
Metropolitansiegel des Kiever Rußlands // BZ. 1962. Bd. 55/2. S. 292—301.
Zu den Metropolitansiegeln des Kiever Rußlands // BZ. 1963. Bd. 56/2. S. 317—320.
Marie, fille de Constantin IX Monomaque // Byz. 1963. T. XXXIII P. 241—248.
Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 365—385.
Die Dichtung vom Untergange Rußlands // WSl. 1964. Jg. IX/3. S. 225—245.
Le rhapsode Bojan et le prince Igor dans la Dit d'Igor et dans la Zadonscina // IJSLP. 1964. Vol. VIII. P. 46—60.
Кирилло-Белозерский список «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // IJSLP. 1965. Vol. IX. P. 97—106 [см. также: Культура Древней Руси. М., 1966. С. 257—262].
La voyage de messire de Lannoy dans les pays russes // Orbis Scriptum. Dm. Tschižewskyj zum 70 Geburtstag. München, 1966. S. 791—796.
«Reges» et «regnum Russiae» au Moyen Age // Byz. 1965. T. XXXVI/1. P. 143—173.
К вопросу о взаимоотношении произведений Куликовского цикла // Русская литература. 1965. № 2. С. 243—245.
Рец.: Das Lied von der Heerfahrt Igors // WSl. 1966. Jg. XI. S. 430—435.
Словесная ткань «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // To Honor Roman Jakobson. The Hague, 1967. Vol. III. P. 1866—1876.
L'organisation de l'état russe au X[e] siècle // L'Europe aux IX[e]—XI[e] siècles. Aux origines de états nationaux. Varsovie, 1968. P. 249—268.
Шоломя или солома? // IJSLP. 1968. Vol. XII. P. 100—109.
«Комони ржут за Сулою» // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 333—334.
Une salle de festin les fouilles de Ladoga // CMRS. 1968. T. IX/3/4. P. 257—264.
Zur Lobrede des Metropoliten Hilarion // Das heidnische und christliche Slaventum. Wiesbaden, 1969. S. 258—263.
Копья поют // Горски вијенец. A Garland of Essays Offered to E. M. Hill. Leeds., 1970. P. 241—251.
О «Тьмутараканском болване» проф. Мазона // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 24, вып. 4. С. 346—347.

Byzance et la formation de l'Etat russe. L., 1979 [сборник статей, уже ранее публиковавшихся. — *В. П.*]

Сорокин Питирим Александрович (1889—1968)*

В 1920 г. профессор Петроградского университета, Психо-неврологического института, Агрономического института. Выехал в 1922 г. С 1923 г. жил в США, профессор Гарвардского университета, США.

Система социологии. Пг., 1920. Т. 1—2.
Contemporary Sociological Theories. N. Y., 1928.
Social and Cultural Dynamics. New York; L., 1937. 4 vols.
Sociological Theories today. New York; L., 1966.

Спекторский Евгений Васильевич (1875—1951) **

Доктор государственного права Московского, в 1918 г. ректор Киевского университета. Выехал из России в 1920 г. В 1920—1930 гг. профессор Белградского, в 1930—1945 гг. Люблянского университетов. После 1945 г. профессор Семинарии св. Владимира в Нью-Йорке.

Русская эмиграция в Югославии. // Русская земля. 1924 г. 28 авг.
Петр Великий и мы // Благовест. 1925.
Христианство и культура. Прага, 1925.
Rusko a slovanstvo. O slovanském sjednoceni. Pr., 1926.
Россия и славянство // Возрождение. 1926. 24 мая.
Русская культура // Там же. 18 июля.
Начала науки и государства в обществе. Белград, 1927.
Заветы Петра Великого // Зап. РИО. 1927. Т. 1. С. 80—102.
Западноевропейские источники евразийства // Возрождение. 1927. 26 мая.
Rusko a Československo // ZRČ.
О монархии // За родину. Белград, 1928 [Литограф.].
Русский научный институт в Белграде // НВ. 1928. № 2281.
Les savants russes en exil. Le mouvement de liberation de la Russie. Chambéry, 1929.
Предмет и отношение в общественных науках // Тр. IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. Т. I. С. 233—239.
Стогодишњица поћења Бориса Н. Чичерина // АПДН. 1929, јун.
Памяти К. Я. Кадлеца // НВ. 1929. № 2316.
Св. Владимир и русская культура // Сб. в память Святого равноапостольного князя Владимира. Белград, 1930.
Вештачке религије // СКГ. 1930. 1 дец. С. 497—507.
Руска наука у емиграцији // Там же. С. 547—551.
Модерно стање науке о држави // АПДН, 1931. 1—8 јан.
Наука в СССР. Женева, 1931 (литограф).
Zgodovina socijalne filozofie. Ljubljana, 1932. Zv. 1; 1933. Zv. 2.
Die Staatsphilosophie B. N. Tschitscherins // Festschrift N. O. Losskij, S. 125—132.
Држава и њен живот. Београд, 1933.
Кризе у руској историји // Годишњак Народне Одбране за 1933. Београд, 1933. С. 55—59.
Usoda ideje naravnih zakonov v socijalni filozofiji // ZZR. 1933. IX. P. 159—187.
Stoletnica splošne kodofikacije ruskega prava // Slovenski pravnik. Ljubljana, 1933. III—IV. P. 1—12.
Две формуле у модерној теорији о држави // Архив, 1933. Апр. С. 269—277.
Evolution de l'idée de l'autorité dans la philosophie de l'Etat // Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique, 1933. I—II. P. 133—161.
Руски социолози // Архив, 1934. Окт. С. 270—287.

---

* Библиографию см.: P. A. Sorokin in Review / P. J. Allen. Durham, 1963; *Голосенко И. А.* Философия истории Питирима Сорокина // Новая и новейшая история. 1966. № 4.
** Биобиблиографию см.: На темы. С. 369.

Этика и антропология // Зап. РНИ. 1934. Вып. 11. С. 109—131.
Столетие Киевского университета св. Владимира. Белград, 1935.
Либерализм. Белград, 1935.
Принципы европейской политики России в XIX и XX веках. Любляна, 1936.
Хришћанство и социјално питање. Сарајево, 1936.

Социјална философија руских словенофила // Хришћанско дело. 1936. I. С. 38—46.
Живот и личност профессора Теодора Тарановског // Архив. 1936. Март. С. 217—228 (то же: Зап. РНИ. 1936. Вып. 13. С. I—XII).
Historični problem pri racionalistih 17 stoletja // ZZR. 1936. XII. P. 254—268.
Славянские просветители // ДРС. 1936. С. 2—5.
Хајнрих Рикерт // Архив, 1937. Дец. С. 481—493.
Н. Н. Крамарж в Праге // Н. Н. Крамарж. Прага, 1937.
Шпанија у светској историји // Правда. Београд, 1937.
Хришћанство и руски «царизам» // Хришћ. мисао. 1938. С. 38—40.
Христианство и русская государственность // ДРС. 1938. С. 17—19.
Културни значај крштења Русије // Хришћ. дело. 1938. V. С. 348—357.
Цезарепапизм и Русија // Хришћ. мисао. 1938. IV. С. 12.
Рец.: Шахматов М. В. Компетенция исполнительной власти в Московской Руси // Slovenski pravnik. 1938. I—II.
Своеобразие крещения Руси // ВСб. С. 55—62.
Десятилетие Руского Научного Института в Белграде (1928—1938) // ЗРНИБ. 1939. Вып. 14. С. 1—35.
Судбина Патријаршије у Русији // Хришћ. мисао, 1939, V.
Александар Градовски // Архив. 1939. јуни.
Александр Дмитриевич Градовский // ДРК. 1939. С. 16—18.
Церковь и государство в России // ДРС. 1939.
Руске цркве ван Русије // Календар «Братства». 1940. С. 9—12.
Косово и Куликово поље // Братство. 1940. I. С. 3—10.
Панславизам и словенофилство // Светосавље. 1940. Март—јуни. С. 8—12.
Ломоносов // ДРК. 1940. С. 11—13.
Семисотлетие Батыева нашествия // ДРС. 1940. № 10. С. 15—17.

Стендер-Петерсен Адольф (Stender-Petersen) (1893—1963)*

До 1914 г. учился в Петербургском университете. В 1916—1919 гг. завершил образование в Копенгагенском университете, одновременно работая в Королевской библиотеке. До 1927 г. преподаватель славянских языков в Гётеборге, Швеция. В 1927—1931 гг. профессор славистики в Тарту. С 1931 г. доцент, с 1941 г. профессор славистики в Университете в Орхусе, Дания.

Oldslaviske og russiske handskrifter i det Kongelige Bibliotek i København // Nordisk tidskrift för bok- och biblioteksväsan. Uppsala, 1918. T. 5. S. 246—260.
Slawisch-germanische Lehnwortkunde. Eine Studie über die ältesten germanischen Lehnwörter im Slawischen in sprach- und kulturwissenschaftlicher Beleuchtung. Göteborg, 1927.
Die Bedeutungsgeschichte des Wortes «Vaeringi» // Acta Philologica Scandinavica, 1931. T. VI. P. 26—38.
Рец.: Laehr G. Die Anfänge des russischen Reiches // ZSlPh. 1931. Bd. 8. S. 241—247.
Die Varägersage als Quelle der Altrussischen Chronik. Aarhus; Leipzig, 1934.
Рец.: Kiparsky V. Die gemeinslawischen Lehnwörter aus dem Germanischen. 1934 // ZSlPh. 1936. Bd 13. S. 246—259.

---

* Полную библиографию см.: Scando-Slavica. 1964. Vol. X. P. 240—251; см. некрологи: *Wytzens G.* // WSJb. 1964. Bd. 11. S. 190—191; JGO. 1963. Bd. 11/3, S. 474—477, а также: *Hoffmann P.* Zur Auffassung der russischen Geschichte in A. Stender—Petersens «Geschichte der russischen Literatur» // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. 1963. Bd. 7. S. 457—471.

Рец.: Jakobson R. La Geste du Prince Igor'. 1948 // Word. Vol. IV. P. 143—154.
Den russiske Litteraturs Historie. København, 1952. Vol. I—III; [нем. изд.: Geschichte der russischen Literatur. München, 1957. Bd. I—II].
Varangica. Aarhus, 1953.
Antology of Old Russian Literature. N. Y., 1954.
Die vier Etappen der russisch—varägischen Beziehungen // JGO. 1954. Bd. 2. S. 137—157.
Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen // Rilazioni del X^0 Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Vol. III. Firenze, 1955. P. 165—188.
Остромир-Вышата-Янь // To honor Roman Jakobson. The Hauge, 1956. P. 531—539.
Russian Studies. Aarhus, 1956.
Zur Geschichte der nordischen Slawistik // WSJb. 1960. Bd. 8.
Стихи московского поэта-анонима XVII века, сохраненные Ричардом Джемсом // Scando-Slavica. 1957. Vol. III. P. 112—136.
[Совм. с K. Jordal] Das griechisch-byzantinische Erbe im Russischen // Acta Congressus Medvigiani. København. T. V. P. 163—218.
Runestaven fra Ladoga // Kuml. Aarhus, 1958. S. 117—132.
Varaegerspørgsmalet // Viking. Oslo, 1959. S. 43—55.
Der älteste russische Staat // HZ. 1960. Bd. 191/1. S. 1—17.

Степанов Иван (Stépanoff Giovanni)

Storia della Russia dalle origini ai giorni nostri. Firenze, 1943.
Белые и красные и евразийство. Брюссель, 1927.

Степун Федор Августович (1884—1965)*

Выслан из СССР в 1922 г. В 1926—1937 гг. профессор Дрезденского университета, с 1947 г. работал в Мюнхене.

Das Antlitz Rußlands und das Gesicht der Revolution. Leipzig, 1933.
Vergangenes und Unvergängliches. Aus meinem Leben. München, 1947—1950. Bd. 1—3 [по-русски: Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1—2].
Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München, 1959.

Стефановский С.

L'oevre des savänts économistes russes en exil. Paris, 1933.

Струве Глеб Петрович (1898—?)

Профессор Калифорнийского университета, США.

Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956.

Струве Петр Бернгардович (1870—1944) **

Действительный член Российской академии наук, профессор Петроградского политехнического института. Выехал из России в 1919 г. в Париж. В 1928—1940 гг. глава РНИ в Белграде. В 1940 г. вернулся в Париж.

Прошлое, настоящее и будущее // РМ. 1922. Янв.—фев.
Евразийство // Там же.
Откуда слово «беженец»? Сколько лет слову «зарубежье»? // Возрождение. 1926. 24 июня.

---

* См.: *Lettenbauer W.* [и др.] // JGO. 1954. Bd. 12/2. S. 315—317; *Зандер Л.* О Ф. А. Степуне и некоторых его книгах // Мосты. 1963. 10. С. 318—340; *Hoentzsch A.* Zum Andenken Fedor Stepun // Hochland. 1964—65. N 5. Jg. 57. S. 487—490; речь Д. Чижевского о Ф. Степуне // НЖ. 1964. № 75. С. 283—288; некролог: *Stammler A.* // НЖ. 1966. № 82. С. 247—256.

** См. библиографию в кн.: *Струве П. Б.* Социальная и экономическая история России с древних времен. Париж, 1952. С. 359—381; *Франк С.* Биография П. Б. Струве. Н.-Й., 1956.

С. Ф. Платонов о Петре Великом // Возрождение. 1926. 31 дек.
Б. Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности // Возрождение. 9 и 26 янв.
С. М. Соловьев // Там же. 14 дек.
Чем были первоначально русские крестьяне и откуда наименование «крестьянин»? Глава из «Введения в экономическую историю России» // Тр. IV. съезда РАОЗГ. Белград, 1929. Ч. 1. С. 131—138.
Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права Древней Руси. I. Существовал ли в древней Руси феодальный правопорядок? II. Наименование «крестьянин» // Сб. РИП. 1929.
Ф. В. Тарановский как историк западного русского права // Зап. РНИ. 1935. Вып. 13. С. XXI—XXXVII.
В. Г. Васильевский как исследователь социальной истории древности и как учитель науки // SK. 1940. Т. XI. С. 215—226.
Russia // Cambridge Economic History. Cambridge, 1942. Vol I.
Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом государственности. Париж, 1952.

Сухотин Лев Михайлович (1880—1948)

Действительный член Общества истории и древностей Российских при Московском университете.

Учебник русской истории. Новый Сад, 1926. Ч. 1; Белград, 1927. Ч. 2.
Краткий очерк хода русской историографии // Сб. РАО. 1927. Т. 1. С. 61—76.
С. М. Соловьев // РСл. 1926. № 12.
Статья о Петре Великом // ДРК. 1928.
Рец.: Алексије J. Jелачић. Историја Русије // РС. 1929. № 48.
К пересмотру вопроса об опричнине. I: Вопрос об отмене опричнины // Зап. РНИ. 1931. Вып. 5. С. 1—23.
К пересмотру вопроса об опричнине. II: Состав боярской думы (1565—1572); III: События первого года после отмены опричнины (1572—3); IV: Семен Бекбулатович — великий князь Всея Руси (1575—6); V: И далее опричнина не была восстановлена; VI: Возражение на один вывод С. Ф. Платонова // Зап. РНИ. 1935. Вып. 13. С. 39—67.
Еще к вопросу об опричнине. 1: Опричнина в русской историографии; 2: Против отвода иностранцев и Курбского // Юбилейный Сб. РАО. 1936. С. 265—289.
Брачные союзы ближайших потомков святого князя Владимира // ВСб. С. 175—187.
К пересмотру вопроса об опричнине. VII: Исторический ход опричнины; VIII: Что представляла собою опричнина // Зап. РНИ. 1939. Вып. 17. С. 125—200.
Иван Грозный до начала опричнины // Сб. РАО. 1940. Т. 3. С. 67—87.
Несколько наблюдений о составе боярской думы в XVI веке // Там же. С. 88—100.
Список опричников Грозного // Н. 1940. № 3.

Тарановский Федор Васильевич (Т. Тарановски) (1875—1936)*

Профессор Петроградского университета. Выехал в Югославию, профессор РНУ у Белграде.

Задатак и метода историје права // АПДН. 1921. Књ. XX. С. 1—26.
Z powodu setnej ricznicy dziela J. B. Rakowieckiego jako pierwszej pracy na polu historji porównawczej prawodawstw słowiańskich (1820—1920) // Czasopismo prawnicze i ekonomiczne. Kraków, 1921. R. XIX/5/6. S. 173—184.
Монтескье о России (к истории Наказа императрицы Екатерины II) // ТРУЗ. 1922. Кн. I. С. 178—224.

---

* Ему посвящен: Зап. РНИ. 1936. Вып. 13. См. также: *Маклецов А. В.* // Закон и суд. 1935. № 55. С. 1989—1994.

Периодизация в истории права // ТРУЗ. 1923. Кн. 2. С. 204—211.
Увод у историју словенских права. Београд, 1923; 1933_2.
Энциклопедия права (изд. 2 испр. и доп.). Берлин, 1923.
Енциклопедија права. Београд, 1923.
Д-р Карло Кадлец. Првобитно словенско право пре X века / превео и допунио проф. Тарановски. Београд, 1924.
Государственная культура России // РК. 1925. С. 53—65 [то же: Државна култура Русије // ЛМС. 1926. Књ. 307. С. 1—2. С. 36—46].
Обеспечение прав служилого землевладения в сословно-монархическом строе Московского государства // Księga Pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera. Lwów, 1925. T. II. S. 583—593.
Очерки по истории науки государственного права в польской Речи Посполитой XVII в. // Записки соціально-економічного відділу Української Академії наук. Киев, 1925. Т. II—III. С. 69—123; 1926. Т. IV. С. 1—39; 1927. Т. V—VI. С. 1—60.
Конференција историка источно-европских и словенских држава у Варшави // АПДН. 1927. Књ. XXXII. С. 210—225.
Historja prawa południowo—słowiańskiego (najnowsze publikacje) // PHP. 1927. T. III/5. S. 19—25.
Неки нови прилози за историју словенских права, I—VI // АПДН. 1927—1928. Књ. XXX—XXXIII.
Рец.: Шахматов М. В. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Прага, 1926 // Sl. 1928. R. VII/3. S. 665—671.
Historja prawa rosyjskiego. Lwów, 1928. Cz. 1: Historja ustroju państwowego.
Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича. К истории политического строя удельной Руси. Харбин, 1928.
Wesen und Aufgaben der deutschen Slawistik // Prager Presse. Pr., 1928. N 19.
Право државе на законодавство // Шишићев зборник. Загреб, 1929. С. 371—380.
Рад К. Кадлеца на историји словенских права // АПДН. 1929. Књ. XXXV. С. 1—14.
Словенство у историји као целина // ЛМС. 1929. Књ. 319. Св. 2. С. 1—4.
Contribution à l'histoire des institutions politiques de la Russie // MSl. 1929. mars. P. 426—445; avr. P. 92—114.
Славянство как предмет историко-юридического изучения // Тр. IV съезда РАОЗГ. Белград. 1929. Ч. 1. С. 1—28.
Пушкин и полско-руски рат 1830—1831 г. // СКГ. 1929. Књ. XXVIII. Бр. 7. С. 508—514.
Предмет и задача т.н. внешней истории права // Зап. РНИ. 1930. Вып. I. С. 69—118.
Словенски проблем у науци и у животу // ЛМС. 1930. Књ. 324. С. 191—199.
Руска књижевност и наука у емиграцији // ЛМС. 1930. Књ. 325. С. 217—221.
Поводом стогодишњице кодификације целокупног руског права // ЛМС. 1933. Књ. 335. С. 63—70.
Увод у историју у словенских права. Београд, 1933.
Исток и запад у историји словенства // ЛМС. 1933. Књ. 335. С. 177—187.
Руски манастир на Светој Гори // Пут. Београд, 1933. Т. 1, 2. С. 77—81.
Југословенски пукови у руској војенци XVIII в. // PJA. С. 69—75.
Свети Сава и Руси // СКГ. 1935. Књ. 44. С. 221—225.
Историја сарпског права у немањићкој држави. Београд, 1935. Део III—IV.

Таубе Михаил Александрович (1869—?)

Доктор международного права. В 1903—1911 г. профессор Петербургского университета, в 1909—1917 гг. — училища правоведения, сенатор и член Государственного Совета.

Jus naturae et gentium (Eine Umfrage zum Gedächtnis des Hugo Grotius) // Jus naturae et gentium. Kiel, 1925. S. 64—65.
La Russie et l'Europe Occidentale à travers dix siècles. Bruxelles, 1926.
Etudes sur le développement historique du droit international dans l'Europe Orientale // RADI. 1927. T. XI. P. 341—533.
Рим и Русь в домонгольский период (X—XIII вв.) // Ex Oriente / L. Berg. Mainz, 1927 [дополненное издание: Католический временник / изд. Об-ва Иоанна Златоуста. Париж, 1928. Кн. 2. С. 131—181. — *В. П.*]

Une figure représentative de la Russie intellectuelle du XVIII[e] siècle. L'académicien Jacques de Stählin // RH. 1928. T. 157.
Rußland und Westeuropa (Rußlands historische Sonderentwicklung in der europäischen Völkergemeinschaft) // Vorträge und Einzelschriften. Kiel, 1928. Bd. 8. [то же: B., 1928; Göttingen, 1928].
Les courants pacifistes dans l'histoire de la Russie // Revue de droit international. 1929. N 11.
Archivalische Funde in Estland // Historisk Tidskrift. Stockholm. 1929. H. 1.
Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого // СбМилюкова (Прага). С. 117—132. 2 табл.
Le Tsar Paul I[er] et l'Ordre de Malte en Russie // Revue d'Histoire Moderne, 1930.
Beiträge zur baltischen Familiengeschichte // Jahrbuch für Genealogie. Mitau, 1930. S. 90—120.
L'inviolabilité des traités // RADI. 1931. T. XXXII. P. 293—389 [краткий реферат : Séances et Traveaux de l'Académie Diplomatique. Paris, 1932. N 2. P. 3—9]
Les origines de l'arbitrage international (Antiquité et Moyen Age) // RADI. 1933. T. LXII. P. 1—115.
Введение к кн.: De Vaux—Phalipan M. Georges Barbet de Vaux, fonctionnaire du Ministère des finances de l'Empire Russe. P., 1934. P. 7—13.
Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (XII. und XIII. Jh.) // JKGSL. 1935. H. 3/4, S. 367—502.
Le statut juridique de la Mer Baltique jusqu'au début de XIX[e] siècle // RADI. 1936. T. LIII. P. 439—533.
Internationale und kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum und Rußland zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands // JGO. 1938. H. 1. S. 11—46.
Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для Древней Руси // ВСб. С. 89—112.
Rome et la Russie avant l'invasion de tatars (IX[e]—XIII[e] siècles). Pars 1: Le prince Askold, l'origine de l'état de Kiev et la première conversion des russes (865—882). P., 1947.

Тельберг Георгий Густавович (1881—1954)

Доктор политической экономии, профессор Саратовского университета. Профессор РЮФ в Харбине. После 2 мировой войны переехал в США.

Памятники древнего русского права (4 выпуска). Харбин (?), б. г.
Заря христианства на Руси. Исторические очерки. Шанхай, 1939.

Толль Николай Петрович (1894—?)

Доктор философии в Карловом университете, Прага. Сотрудник Института Кондакова. В 1934—1937 гг. участвовал в американской экспедиции на раскопках Дура-Эуропос. В 1938 г. переехал в США.

Заметки о китайском шелке на юге России // SK. 1927. T. I. С. 85—92.
Скифы и гунны. Из истории кочевого мира. Прага, 1928.
La broderie populaire russe et les tissus de Moyen Age. L'art byzantin chez les Slaves // Recueil de mémoires dédiés à Théodore Uspenskij, 1930.
Икона Тихвинской Божией Матери // SK. 1932. T. V. С. 181—184.
Икона Спасителя из собрания К. Т. Солдатенкова // SK. 1933. T. VI. С. 209—218.
О жемчуге в сне Святослава // SK. 1936. T. VIII.

Толмачев В.

Traces de la culture scytho-sibérienne en Manchourie // Messager de Manchourie. 1929. N 6.
Les antiquités scythiques en Chine // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki. 1934. Vol. IX. P. 256—258.

Томашевский С. (Tomaszewski S.)

Nowa teorja o początkach Rusi // KH. 1930. R. 43/3. S. 281—324.
Вступ до історії церкви на Україні // ЗЧВВ. 1932. Т. 4. Вып. 1—2 [то же отдельным изданием: Філадельфія, 1940].

Трубецкой Николай Сергеевич (1890—1938)*

Преподавал в Москве, Ростове, Софии и Вене.

Европа и человечество. София, 1920 [Переведено на нем.: Europa und die Menschheit. München, 1922].
[Под псевдонимом И. Р.] Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925.
О туранском элементе в русской культуре // ЕВ. 1925. С. 351—357
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Версты. Париж, 1926. 1. С. 164—186.
К проблеме русского самопознания. Собрание статей. [Париж.] 1927.
Евразийство. Париж, 1926.
К украинской проблеме // ЕВ. 1927. Т. V. С. 165—184.
Редакционное примечание к работе В. Никитина «Иран, Турция и Россия» // Там же. С. 75—78.
О государственном строе и форме правления // ЕХ. 1927. Кн. 8. С. 3—9.
Мысли об автархии // Новая Эпоха. Нарва, 1933, с. 25—26.
Об идее — правительнице идеократического государства // ЕХ. 1935. Кн. 11. С. 29—37.
Упадок творчества // ЕХ. 1937. Кн. 12. С. 10—16.
Vorlesungen über die russische Literatur. Firenze, 1973.

Тюнин Михаил Семенович (1865—?)

Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в г. Харбине на русском и др. европейских языках по 1-е января 1927 года. Издание Общества изучения Маньчжурского края. Харбин, 1927.
Указатель периодической печати г. Харбина, выходившей на русском и др. европейских языках. Издания, вышедшие с 1 января 1927 года по 31 декабря 1935 г. Издание Экономического Бюро Харбинского управления государственных жел. дорог. Харбин, 1936. [Такие же указатели за 1936, 1937 и 1938 гг. переданы в виде рукописей в означенное выше бюро. — *В. П.*]

Тюрин Сергей Петрович

From Peter the Great to Lenin. A History of the Russian Labour Movement with Special Reference to Trade Unionism. L., 1935.

Унбегаун Борис Генрихович (Unbegaun Boris Ottokar) (1898—1973) **

Участник 1 мировой войны. После 1920 г. учился в Люблянском университете и Сорбонне. С 1935 г. профессор славянской филологии в Université Libre в Брюсселе и Страсбургском университете. В 1943—1945 гг. в заключении в Бухенвальде. В 1945—1965 гг. профессор Оксфордского университета. С 1965 г. профессор Нью-Йоркского университета.

Catalogue des périodiques slaves et relatifs aux études slaves des bibliothèques de Paris. P., 1929.
Les relations vieux-russes de la prise de Constantinople // RESl. 1929. T. IX/1/2. P. 13—38.
Le nom de Saint—Pétersbourg // Ibid. T. IX/3/4.
Slavonic Studies in France // SlR. 1929. Vol. XX.
Русская периодическая печать в Париже, 1860—1918 // ВРК. 1930. III.
La calque dans les langues slaves littéraires // RESl. 1932. T. XIII. P. 19—48.
Les taches urgents de l'histoire du russe // II Congrès International des slavistes (philologues slaves). Recueil des communications. Section 1. Varsovie. 1934. P. 145—146.

---

* Библиографию см.: Traveaux du cercle linguistique. Pr., 1939. T. 8. P. 335—342; На темы. С. 370. Некролог: *Чижевский Дм.* // СЗ. 1939. Т. 68. С. 454—468.
** Библиографию трудов см.: Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of B. O. Unbegaun. N. V. 1968. P. 209—217. Некрологи см.: Omona. Louvdin, 1974. T. 18. P. 633; ZSlPh. 1974. Bd. 37. S. 230 ff.

La langue russe au XVIe siècle (1500—1550). I: La flexion des noms. P., 1935.
Les noms des villes russes: la mode slavonne // RESl. 1936. T. XVI. P. 65—75.
Les noms des villes russes: la mode grecque // Ibid. P. 214—235.
Русская тайнопись XVII века: нерасшифрованные надписи Памвы Берынды // ВРК. 1938. Т. IV. С. 81—86.
Труд Захарии Орфелина о Петре Великом и его петербургское издание // Там же. С. 209—222.
Les Rusiči / Rusici du Slovo d'Igor // RESl. 1938. T. XVIII. P. 79—80.
Le nom des Georges en Russe // AIPHOS. 1938. T. VI (Mélanges Boisacq. 2). P. 323—329.
Un point d'histoire de la politesse russe: tutoiement et vousoiement // Mélanges en l'honneur de Jules Legras. P., 1939. P. 269—274.
[Рецензии и библиография] Chronique russe // RESl. 1935. T. XV. P. 245—264; 1936. T. XVI. P. 96—124; 256—258; 1937. T. XVII. P. 11—114, 263—264; 1938. T. XVIII. P. 96—98. 264—267; Chronique ukrainienne // RESl. 1931. T. XI. P. 229—235; 1932. T. XII. P. 112—120, 261—263; 1933. T. XIII. P. 140—144, 269—271; 1934. T. XIV. P. 114—116, 260—263; 1935. T. XV. P. 122—127, 265—266; 1936. T. XVI. P. 124—129, 272—274; 1937. T. XVII. P. 131—135, 272—273; 1938. T. XVIII. P. 115—116, 277—281; Comptes rendus // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1933. T. XXXIV. P. 31—33, 152—154; 1934. T. XXXV. P. 151—157; 1935. T. XXXVI. P. 106—111; 121—126; 1936. T. XXXVII. P. 106, 130—136, 142—146, 151—152; 1937. T. XXXVIII. P. 29—30, 134—139; 1938. T. XXXIX. P. 140—153; // Revue critique d'histoire et de la littérature, 1928. T. LXII. P. 142—143; 1931. T. LXV. P. 574—576; 1932. T. LXVI. P. 285—286; 1934. T. LXVIII. P. 446—448; // Revue des bibliothèques. 1931. T. XXXVIII. P. 81—82. 90—94.
Le nom des Ruthènes slaves // AIPHOS. 1950. T. X. P. 611—618.
Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford, 1969.
Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 329—333.

Устрялов Николай Васильевич (псевд. П. Сурмин) (1890—1938)

Политический деятель и публицист, приват-доцент Московского, с 1920—1934 гг. профессор Харбинского университета. Вернулся в СССР в 1935 г. Арестован и погиб в заключении.

В борьбе за Россию. Сб. статей. Харбин, 1920.
Политическая доктрина славянофильства. Харбин, 1925.
Под знаком революции: Сб. статей. Харбин, 1925.
Россия (у окна вагона). Харбин, 1926.
Hic Rhodus, hic salta! Charbin, 1929.
На новом этапе. Шанхай, 1930.
Проблема прогресса. Харбин, 1931.
Зарубежная смена. Б. м. 1931.
Наше время: Сб. статей, Шанхай, 1934.

Фасмер Макс (Vasmer) (1886—1962)*

В 1915—1917 гг. преподаватель в Саратовском, в 1918—1921 гг. в Тартуском университетах. С 1922 г. работал в Лейпцигском университете, Нью-Йорке, Стокгольме, Берлине.
Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923.
Wikingerspuren in Rußland // Sitzungberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philol.-hist. Kl. B., 1931. S. 649—674.
Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. B., 1933—1934. Bd 1—2.
Die Slaven in Griechenland. B., 1941.
Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. B., 1941.
Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953—1958. Bd 1—3.

---

* См.: JGO. 1963. Bd. 11/3. S. 477—479. Библиографию см.: Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1955. S. 1—22.

Wörterbuch der russischen Gewässernamen. B., 1960—1973. Lief. 1—15.
Russisches geographisches Namenbuch. B., 1966—1980. Bd 1—10.
Schriften zur slawischen Altertumskunde und Namenkunde. B., 1971. Bd 1—2.
The Ancient Population Situation of Russia in the Light of Linguistic Research. N. Y., 1974.
Русский этимологический словарь. М., 1964—1973. Т. I—IV; 2-ое изд. М., 1986—1987. Т. I—IV.

Фатеев Аркадий Николаевич (1872— не ранее 1951)

Профессор Харьковского университета. С 1922 г. профессор РЮФ и РСУ в Праге.

Лекции по общей теории права. Прага, 1923. I, II.
К истории юридической образованности в России (О западном влиянии на нее) // Уч. зап. РУК, 1923. Т. I.
География и обществоведение (о методе и форме прикладной географии). Прага, 1924.
М. М. Сперанский // Зодчие русской культуры. Прага, 1926.
Бумаги Сперанского (Как могли попасть в руки декабристов преобразовательные планы Сперанского). По данным Архива Государственного Совета // Зап. РИО. 1927. Т. 1. С. 103—113.
Судьба записок Карамзина о России и Польше при императоре Николае I. По данным Архива Государственного Совета // Там же. С. 114—119.
Сперанский и декабристы // Там же. С. 27—28.
Политический профиль Карамзина // Там же. С. 29—30.
Политические направления первого десятилетия XIX века в борьбе за Сенат // Сб. РИП. 1929. С. 205—260.
О литературных источниках художественного образа М. М. Сперанского в «Войне и мире» // Науч. тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 100—117.
М. Балугьянский, первый ректор Санкт-Петербургского университета. Ужгород, 1929.
Академическая и государственная деятельность М. А. Балугьянского в России. Ужгород, 1930.
К истории и теории кодификации. (Новые документы к первому Полному собранию законов; по поводу столетнего юбилея со дня его отпечатания 17 апреля 1830 г.) // Науч. тр. РНУ. 1931. Т. IV. С. 3—22.
Свод Законов и его творец // Зап. РНИ. 1932. Вып. 7.
Столетний юбилей первого Полного собрания законов и Свода законов Российской Империи // Вестн. русского юридического общества. Закон и Суд. Рига. 1933. № 1, 2.
Введение в геополитику славянства. 1933.
Два историка и два построения русской истории. Памяти двух первых председателей Русского исторического общества в Праге Е. Ф. Шмурло и А. А. Кизеветтера. Речь по случаю исполнившегося десятилетнего юбилея общества // Зап. РИО. 1937. Т. 3.
La problème de l'individu et del l'homme d'état dans la personalité historique d'Alexandre I[er], empereur de touts les Russes // Зап. НИО. 1936. Т. III(VIII). С. 139—178; 1937. Т. V(X). С. 1—36; 1938; Т. VII(XII); 1939. Т. IX(XIV). С. 1—47.
Тайное венчание Екатерины II // Русские записки. Париж, 1938. Т. III.
Политическое падение государственного человека (К столетнему юбилею кончины графа М. М. Сперанского) // Науч. тр. РСУ. 1940. Т. X. № 72.
Характеристика научной деятельности профессора Е. Ф. Шмурло. Прага, 1939.
Идея советов и Сперанский. По поводу «La revolution russe. Ses origines et resultats». I: Les Soviets. 1931.
La constitution russe de 1809 // Зап. НИО. 1935. Т. II(VII). С. 35—66.
К ассигнационной реформе 1839 г. // Зап. НИО. 1941.
М. М. Сперанский — генерал губернатор Сибири. Ч. 1: Пензенское губернаторство как ступень к Сибирскому генерал-губернаторству // Зап. НИО. 1942. Т. XI(XVI).
История одного призвания. Путешественник Пржевальский. Прага, 1945 [машинопись в Славянской библиотеке Праги — Rc 10287. — *В. П.*]

Жизнь, труды, мысли и план всеобщего государственного преобразования России М. М. Сперанского. По архивным данным [В 1940 году книга из 500 стр. находилась в печати. — *В. П.*].
Миродержавие и праводержавие (Геополитика главнейших государств с древнейших времен, с приложением схем экспансии). [В 1940 году книга из 300 стр. находилась в печати. — *В. П.*]

Федоров (Федорів) Сергей (Лантух)

Донцы в наследии Чингис-хана // Вольное казачество. Прага, 1928.
Віче, рада, круг, ч. I: Строруське віче // Науковий сбірник Українського университету в Празі. Прага, 1930. Т. II. С. 5—35.
Боротьба за межи в степовій епархії XIII—XIV ст. // ЗЧВВ. 1935. Т. VI/1/2. С. 1—15.

Федотов Георгий Петрович (Е. Богданов) (1886—1951)

Приват-доцент Петербургского университета и профессор Саратовского университета (1920—1922 гг.). Выехал из России в 1925 г. Преподаватель Богословского института в Париже. В 1941 г. переехал в США. С 1945 г. преподаватель в семинарии Св. Владимира в Нью-Йорке.

Святой Филипп, митрополит Московский. Париж, 1928.
Святые древней Руси. Париж, 1931.
Житие и терпение св. Аврамия Смоленского // Православная мысль, 1930. Т. 2.
Трагедия русской святости // Путь. 1931. № 27.
Россия Ключевского // СЗ. 1932. № 50.
Orthodoxy and Historical Criticism // Church of God. L., 1934 [русский перевод: Путь. 1934. № 33].
«Мать-земля»: к религиозной космологии русского народа // Путь. 1935. № 46. С. 3—18.
St. Vladimir et la conversion de la Russie // Irenicon. 1938. T. XV/5.
Канонизация св. Владимира // ВСб. С. 188—196.
The Treasury of Russian Spirituality. L., 1950.
The Russian Religious Mind. I: Kievan Christianity (Xth-XIIth Centuries). Harvard University Press, 1946; II: The Middle Ages (XIIIth-XIVth Centuries). 1966 [см. рец.: *Cherniavsky M.* // Sp. 1967. Vol. XLII/4. P. 733—736. — *В. П.*].
[Из запланированного ИМКА—Пресс полн. собр. статей Г. П. Федотова в 6 тт. вышли: I. Лицо России. Париж, 1967, 1988_2; II. Россия, Европа и мы. Париж, 1973; III. Тяжба о России: Париж, 1982; IV. Защита России. Париж, 1988. — *Сост.*]

Флоринский Михаил Тимофеевич

Russia — the USSR. Madison, US Armed Forces Institute, 1940.
Russia. A History and Interpretation. N. Y., 1961. Vol. 1-2 [рец.: *Дружинина Е. И., Минц И. И., Черепнин Л. В.* // Коммунист. 1954. № 11. — *В. П.*]
A Short History. N. Y.; L., 1964.

Флоровский Антоний Васильевич (1884—1968)*

В 1911—1917 гг. доцент, затем профессор Новороссийского университета. Выслан из России в 1922 г. С 1923 г. профессор РЮФ и РНУ в Праге. С 1945 г. профессор Карлова университета.

Un legiste français au service de la tsarine Cathérine II // RHDFE. 1924. T. III. P. 515—531.
Академия наук и Законодательная комиссия 1767—1774 гг. // Уч. зап. РУК. 1924. Т. I. С. 103—176.
Из Александровской эпохи (о книге С. П. Мельгунова) // НЧС. 1924. № 8.
Рец.: Лаппо И. И. Западная Россия и ее соединение с Польшею // Студенческие годы. Прага. 1924. Март—апр.

---

* Некролог: *Зайончковский П. А.* Антоний Васильевич Флоровский // ИСССР. 1969. № 2. С. 251.

Рец.: Франко-тюркская теория происхождения Руси (о книге Fritzler'a) // Sl. 1924. R. III/2/3. S. 551–559.

Князь Рош у Иезекииля (гл. 38–39). Из заметок об имени Русь // СбЗлатарски. С. 505–520.

Историческая наука на съезде русских ученых в Праге осенью 1924 г. // Sl. 1925. R. IV/3. S. 632–639.

Рец.: Niederle L. Slovanské starožitnosti. Sv. IV // Возрождение. 1925.

Рец.: Г. Янушевский. Откуда происходит славянское племя Русь? // Sl. 1925. R. IV/3. С. 605–607.

Рец.: Лащенко Р. Лекції по історії українського права // SVPS. 1924. T. XXIV/3/4.

Рец.: Вернадский Г. В. Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв. // Ibidem.

Заметка об «Архиве Сечи запорожской» // ГМ. 1926.

Рец.: Шахматов М. В. Учение русских летописцев о государственной власти // SVPS. 1927. R. XXVII/2/3.

Рец.: Барац Г. М. О составителях Повести временных лет // Sl. 1927. R. VI.

Известия о древней Руси арабского писателя Мискавейхи X–XI вв. и его продолжателя // SK. 1927. T. I. С. 175–186.

Грюнвальд, историческая справка // РСл. 1927. № 2.

All'alba della constituzione russa (1766). Una pagina della storia legislativa della Russia // ZO. 1927. Sept.-oct.

Рец.: Россия на заре великих реформ (1857–1862 гг.), по наблюдениям прусского дипломата (о книге: Schlozer K. V. Petersburger Briefe) // НЧС. 1927. № 8.

Рец.: И. Р. Наследие Чингисхана в русской истории // ГМ. 1927. V(XVIII).

Историческая конференция в Варшаве 27-29 июня 1927 г. // Возрождение. 1927. 26 июля.

La Russie et les Tchèques dans l'histoire de leur rapports culturels et politiques // COMSl. II.

Шведский перевод «Наказа» Императрицы Екатерины II // Зап. РИО. 1927. T. I. С. 149–159.

La littérature historique russe d'émigration. Compte-rendu 1921–1926 // BHEO. 1928. T. I/1/2. P. 81–121.

The Work of Russian Emigres in History (1921–1927) // SlR. 1928. Vol. XIX.

Русские историки-эмигранты в Праге // Русские в Праге. Прага, 1928.

Пути русско-чешской взаимности. К 10-летию независимой Чехословакии // СЗ. 1928. № 36.

Čech — dekabrista (V. J. Vranický) // SbJB.

Был ли убит император Иван IV Антонович? (о книге K. Stählin'a) // Россия. Рим, 1928. № 20. Янв.

К истории экономических идей в России в XVIII веке // Науч. тр. РНУ, 1928. T. I. С. 81–93.

Заметки И. С. Орлая о Карпатской Руси (1828). К 100-летию со дня смерти И. Орлая // Карпатский Свет. Ужгород, 1928. № 9.

Rusko a Česi v dějinách svých stykû // ZRČ.

К характеристике императрицы Екатерины II — законодательницы // Сб. РИП. 1929. T. I.

Две политические доктрины (Наказ и Дидро) // Тр. IV съезда РАОЗГ. 1929. Ч. I. С. 113–119.

Русские студенты в Праге и Оломоуце в старое время // Там же. С. 141–142.

Почитание св. Вячеслава, князя чешского, на Руси // Там же. 1929. T. II. S. 305–325.

Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений. Прага, 1929.

Россия и южные славяне в царствование имп. Александра I // ПОВ.

К 275-летию Переяславской Рады 2/21 января 1654 г. // РС. 1929. Янв.

Св. Вацлав — св. Вячеслав // Там же. 28 сент.

Общество Соединенных Славян 1823–1825 гг. Эпизод из истории политических движений в России и славянской идеи // Там же. 2 нояб.

Историко-филологические науки на IV съезде русских ученых в Белграде // Sl. R. IX/I. 1930.

La littérature historique russe d'émigration. Compte-rendu 1927–1929 // BHEO. 1930. T. III/1/2. P. 25–79.

Ян Гус в русской оценке. (Страница из истории чешско-русских отношений) // Науч. тр. РНУ. 1930. Т. III. С. 23—44.
Карпаторусский список проложного жития св. Вячеслава, князя чешского // КСб. С. 88—90.
Карпатоkросс И. А. Зейкан — наставник императора Петра II-го // Там же. С. 112—122.
Очерк русско-чешских отношений // СГ. 1931. Кн. 1, 2—3.
Несколько фактов из истории русско-чешских отношений в XIX веке // Науч. тр. РНУ. 1931. Т. IV. С. 299—310.
Из материалов для истории русского летописания (Архангелогородская летопись по списку Л. С. Мацеевича) // Там же. С. 83—95.
Русская историческая наука в эмиграции (1920—1930) // Тр. V съезда РАОЗГ. София, 1931. Ч. 1. С. 467—484.
О родине Чеха, Леха и Руса // SSF. II. P. 252—253.
Zwei Verluste der russischen Geschichtswissenschaft (S. F. Platonov, A. A. Kiesewetter) // JKGSl. 1933. S. 268—274.
Памяти А. А. Кизеветтера // Зап. РНИ. 1934. Вып. 11. С. 1—15.
Palladij Rogovskij. Eine Episode aus der Geschichte des Katholizismus in Moskau Ende des 17. Jh. // ZOG. 1934. Bd 8 (NF Bd 4). H. 2. S. 161—188.
Evgenij Francevič Šmurlo // ZOG. 1934. Bd 8 (NF Bd 4). S. 536—552.
Svatý Vladimir a Jaroslav Moudrý // Tvůrcové dějin. Čtyri tsičileti svetových dějin v obrazech dob a osobnosti. Pr., 1934. T. II. S. 177—185.
Psków. Handel // Słownik Starożitności Słowiańskich. Zeszyt probny. Lwów, 1934. S. 43—45.
Recent Surveys of Russian History // SlR. 1934. Avr. Vol. XII. N 36. P. 734—742.
Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.). Прага, 1935. Т. 1.
Iermak // Tvůrcové dějin. Pr., 1935. T. III. S. 186—197.
Patriarch Nikon // Ibid. S. 369—375.
Lomonosov // Ibid. S. 488—493.
Gegenstand und Inhalt der «Geschichte Rußlands» oder der «russischen Geschichte» // ZOG. 1935. Bd 9 (NF Bd 5). H. 3. S. 321—341.
La littérature historique soviétique-russe. Compte-rendu, 1921—1931 // BHEO. 1935. T. VI—VII.
Борис Алексеевич Евреинов (28.XI.1888—29.X.1933). Некролог // RSU. 1935. Sv. V—VII (1932—1934). S. 320—325.
Jan Hus v ruském pojetí (Stranka z dějin česko-ruských styků). Pr., 1935.
Historical Studies in Soviet Russia // SlR. 1935. Jan. Vol. XIII. N 38. P. 457—469.
Nové zprávy o pobytu Františka Skoryny v Praze // Časopis Národniha Musea. Pr., 1936. T. CX. S. 11—19.
Alexander I // Tvůrcové dějin. Pr., 1936. T. IV. S. 83—89.
А. А. Кизеветтер (Биографический очерк) / Е. Ф. Шмурло, А. А. Кизеветтер, Б. А. Евреинов // Зап. РИО. 1937. Т. 3. С. 165—207.
Le conflit de deux traditions — la latine et la byzantine — dans la vie intellectuelle de l'Europe Orientale aux XVI[e]—XVII[e] siècles // Зап. НИО. 1937. Т. V (X). С. 171—193.
Obchodní styky Čech a Moravy s východni Evropou v XVI a XVII stoleti // Там же. 1938. Т. VIII (XIII). С. 1—14.
Да гисторыі роду Верашчакау // Запісы Беларускага Навуковага Таварыства. Вильня, 1938. Сш. 1. С. 53—55.
Ruská mluvnice českého jesuitu z. r. 1690 // SS. 1938. R. IV/4. S. 239—245.
Памяти проф. Ярослава Бидло // SГ. 1939. R. XVI/2/3. С. 447—452.
Rusko Petra Velikiho a jeho nejblizšich nástypců // Dějiny lidstva. Pr., 1939. Dil. VI. S. 207—246.
Vliv staré české literatury v oblasti ruské // Co daly năse země Evropě a lidstvu. Od slovanských věrozvestů k národnimu obrozeni. Pr., 1939. S. 139—143.
Moskevská missie českých jesuitů, 1684—1719 // Ibid. S. 194—195.
Чешские элементы в старорусской литературной традиции // III[e] Congrès International des slavistes. Саопштења и реферати. Beograd, 1939. S. 100—102.
Českomoravské a slezské soukenictví a východoevropský trh // ČČH. 1940. R. XLVI.

К вопросу о чешском элементе в развитии русского театра // Sl. 1940. R. XVII/4, S. 549—557.
Češti jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský Východ. Pr., 1941.
Поправки и дополнения к примечаниям и указателю К. Я. Эрбена в новом издании его перевода летописи Нестора // Erben K. J. Nestorův Letopis. Pr., 1940 (Dilo K. J. Erbena, Sv. V).
Чешская библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела) // Zbornik filologický. Pr., 1946. R. XII. S. 153—258.
Русские в Марианских Лазнях. Культурно-исторические справки. Прага, 1947.
Česko sukno na východoevropském trhu v XVI az XVIII veku. Pr., 1947.
Петр Великий и чешская культура // ZSlPh. Bd. VII/4.
Чехи и восточные славяне в X—XVIII вв. // ВИ. 1947. № 8. С. 66—73.
Чехи и восточные славяне. Прага, 1947. Т. II.
Пражский университет и славянский Восток (к шестисотлетию основания Карлова университета) // Свет православия. Пряшев, 1948. Ч. 8.
Чудовский инок Евфимий. Один из поборников «греческого учения» в Москве в конце XVII в. // Sl. 1949. S. 100—152.
Первый иезуит из московских дворян. Оломоуц, 1948.
Maps of the Siberian Route of the Belgian Jesuite A. Thomas (1610) // IM. 1951. Vol. VIII. P. 103—108.
К изучению истории русско-византийских отношений // BSl. 1952—1953. T. XIII. P. 301—311.
Česko-ruské obchodni styky v minulosti (X—XVIII stoleti). Pr., 1954.
Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955.
Рец.: Научный памятник старой Москве. История Москвы, т. I // Sovětská věda. Historie. 1955. 1.
Ruští vojáci v českém vojsku v první polovine XVI stol. // Česka rusistika. 1956. S. 613—616.
Чешские струи в истории русского литературного развития // Славянская филология: Сб. статей. IV международный съезд славистов. М., 1958. С. 211—251.
Дневник графини Д. Ф. Фикельмон // WSJb. 1959. Bd. VII.
Пушкин на страницах дневника графини Д. Ф. Фикельмон // Sl. 1959, S. 555—578.
Московские навигаторы в Венеции в 1697—1698 гг. // Ost und West in der Geschichte des Denkens und den kulturellen Beziehungen. Festschrift für E. Winter. B., 1966.
Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге // ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 555—578.
Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 482—494.
Das Mecklenburgerproblem in der Politik Peters des Grossen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität, gesellschaftswiss. Reihe, 1963. Jg. 12. H. 5—6. S. 545—558.
Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах. // Археогр. ежегодник за 1967 г. М. 1969. С. 236—241.

Флоровский Георгий Васильевич (1893—1979)*

Приват-доцент Новороссийского университета, в 1920 г. эмигрировал в Прагу. С 1926 г. преподавал в Богословском институте в Париже. В 1948—1955 г. профессор Семинарии св. Владимира в Нью-Йорке, профессор Гарвардского университета.

Два завета // РС. 1923. С. 152—176.
О характере древнерусского христианства (По поводу статьи М. Д. Приселкова «Борьба двух мировоззрений») // РМ. 1924. IX—XII. С. 468—475.
О типах исторического истолкования // СбЗлатарски. С. 521—541.
Вселенское предание и славянская идея // ЮСбСДБ. С. 25—33.
Úvod do dějin ruské filosofie // Ruch filosofický. 1926. S. 29—37.
Окаменелое бесчувствие (по поводу полемики против евразийцев) // Путь. 1926. № 2. С. 128—133.

---

* См.: The Religious World of Russian Culture. Essays in Honor of G. Florovsky. The Hague, 1975. Vol. II.

Филарет, митрополит московский // Путь 1928. № 12. С. 3—31.
Евразийский соблазн // СЗ. 1928. № 33. С. 312—346.
Житие преп. Симеона // Путь. 1929. № 16.
Искания молодого Герцена // СЗ. 1929. № 9. С. 274—305; Кн. 40. С. 336—367.
Рец.: Koch H. Die russische Orthodoxie im Petrinischen Zeitalter // Путь. 1929. № 19. С. 116—118.
Рец.: Карсавин Л. П. Философия истории // RG. 1929. N 2.
Evolution und Epigenesis. Zur Problematik der Geschichte // RG. 1930. N 3. S. 240—252.
Рец.: Koyre A. La philosophie et le problème nationale en Russie au début du XIX[e] siècle. P., 1929 // Путь. 1931. № 30.
Рец.: Чижевський Дм. Нариси з історії философії на Україні. Прага, 1930 // Там же. С. 91—93.
Ascetism and Culture in the Later Eastern Church // The Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius. L., 1932. N 15. P. 8—13.
О почитании Софии Премудрости Божией в Византии и на Руси // Тр. V съезда РАОЗГ. София, 1932. Ч. 1. С. 485—500.
Sobornost. The Catholicity of the Church // The Church of God. An Anglo-Russian Symposium. L., 1934. P. 51—74.
The Sacrament of Pentecost. A Russian View on Apostolic Succession // The Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, 1934. N 23 [то же по-русски: Церковный Вестник З.-Европейской епархии. Париж. 1934. № 3. С. 5—10. — *В. П.*]
Пути русского богословия. Париж, 1937.
Die westichen Einflüsse in der russischen Theologie // Kyrios. 1937. Bd. II/1. S. 1—22.
The Problem of Old Russian Culture // SlR. 1962. Vol. XXI/1. P. 1—15.
Рец.: Карташев А. В. Очерки. 1959 // SlR. Vol. XXIII. P. 374—378.

Франк Семен Людвигович (1877—1950) *

В 1917—1921 гг. профессор философии Саратовского, затем Московского университетов. Выехал в 1922 г. До 1937 г. жил в Германии, до 1945 г. — во Франции, откуда переехал в Лондон.
Очерк методологии общественных наук. М., 1922.
Крушение кумиров. Берлин, 1924.
Религиозные основы общественности // Путь. 1925, № 1.
Wesen und Richtlinien der russischen Philosophie. Graz, 1925.
Die russische Weltanschauung. Charlottenburg, 1926.
Основы марксизма. Париж, 1926.
Церковь и мир, благодать и закон // Путь. 1927. № 8.
Gestalt und Freiheit in der Orthodoxie. Darmstadt, 1929.
Konstantin Leontjew — ein russischer Nietzsche // Hochland. 1929.
Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Париж, 1930.
Пушкин как политический мыслитель. Белград, 1937.
[В соавторстве с Н. Бердяевым, В. Ильиным]. Христианство, атеизм и современность. Париж, 1969.
С нами Бог. Париж, 1964.

Францев Владимир Андреевич (1867—1942) **

Академик, доктор славянской филологии Киевского университета, профессор Варшавского университета, Донского университета (Ростов н/Д.). Профессор Карлова университета в Праге.

---

* См. о нем: Памяти С. Л. Франка. Мюнхен, 1954; Das östliche Christentum. Würzburg, 1975. N. F. Bd 28. S. XIII—XVI; Bibliographie des oeuvres de Simon Frank / V. Frank. P., 1980.

** Полную библиографию см.: *Syllaba Th.* V. A. Francev. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho cinnosti. Pr., 1977. S. 57—110. См. также: *Лаптева Л. П.* В. А. Францев. Библиографический очерк и классификация трудов // Sl. 1966. R. XXXV/1.

«Славянские девы» князя А. И. Одоевского. Славянофильская идея декабристов. Прага, 1923.
N. V. Jastrebov. Pr., 1923.
Об одном старом общеславянском недуге // ЮСбСДБ.
М. Н. Погодин и Фр. Палацкий. К истории русско-чешских связей в конце XIX в. // Зап. РИО. 1927. Т. 1. С. 153—168.
Первые русские труды по изучению славянства, преимущественно южного // ПОВ. С. 36—53.
Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vzájemné dopisy P. J. Šafaříka s ruskými učenci (1825—1861) / V. A. Francev. Pr., 1927—1928. Č. 1—2.
Čech v ruském poselstvu do Číny r. 1692—1695 // ZRČ. S. 50—54.
Пушкин и польское восстание 1830—1831. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник Русского института. Прага, 1929. С. 65—208.
Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX ст. Ужгород, 1930. С. 5—49.
Petr Aleksejevič Lavrov (nekrolog a bibliografické poznámky o jeho spisech) // Almanach České akademie věd a umění. Pr., 1930. R. 40. S. 312—321.
Slovo o pluku Igorevě. Ruský text v transkripci, český překlad a výklady Josefa Jungmann z r. 1810 / V. A. Francev. Pr., 1932.
K. J. Grot. Nekrolog. Pr., 1935.
Ruská vojska v Čechách. K 200 výročí: 1735—1935. Pr., 1935.

Фридьев Михаил Евгеньевич (1895—?)

Окончил РЮФ в Праге в 1926 г. В 1927—1931 гг. учился в Сорбонне, затем приват-доцент Юридического факультета в Сорбонне.

France et Russie devant l'opinion publique française (1842—1847) // MSl. 1937. Oct. P. 102—134.
Le parlement et l'opinion publique francaise devant la question de l'intervention russe en Hongrie en 1849 // Revue d'histoire politique et constitutionelle. P., 1938. Avr.—juin. P. 265—291.

Хара-Даван Эренжен Даваевич

Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929.

Циммерман Михаил Артурович (1887—1935)

Окончил РЮФ. Преподаватель университета в Брно.

История международного права с древнейших времен до 1918 г. Прага, 1924.
Проблема зарождения международного права // Уч. зап. РУК. 1924. I/3. С. 257—283.
Рец.: Лаппо И. Западная Россия и ее соединение с Польшей // Zahranični politika. Pr., 1925.
Рец.: Taube M. de. La Russie et l'Europe Occidental à travers dix siècles // Ibidem.

Чижевский Дмитрий Иванович (1894—1977)*

К истории чешско-русских и чешско-украинских взаимоотношений // ЦЕ. 1931.
Hegel in Russland // Hegel bei den Slaven / D. Čiževskij. Reichenberg i. B., 1934, S. 145—396.
Гегель в России. Париж, 1939.
Князь Н. С. Трубецкой // СЗ. № 68. С. 454—466.
Zwei Ketzer in Moskau // Kyrios. 1943. Bd. VI/1/2. S. 29—60.
Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jh. Frankfurt a. M., 1948.
Anklänge an die Gumpoldlegende des hl. Vaclav in der altrussischen Legende des hl.

---

* Полную библиографию см.: Festschrift für Dmytro Čyževskyj zum 60. Geburtstag / M. Vasmer. B., 1954. S. 1—33; Orbis Scriptum. D. Tschižewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966; некролог: *Kämpfer F.* // JGO. 1977. Bd. 25/3. S. 477.

Feodosij und das Problem der «Orinigalität» der slavischen mittelalterlichen Werke // WSJb. 1950. Bd 1. S. 71—86.
Studien sur russischen Hagiographie. Die Erzählung vom hl. Isaakij // WSJb. 1952. Bd 2. S. 22—49.
Outline of Comparative Slavic Literatures (Survey of Slavic Civilisation). Boston, 1952.
Библиотека Теофана Прокоповича // Наукові Збірник Укр. Акад. в США. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 127—137.
On the Question of Genres in Old Russian Literature // HSlS. 1954. Vol. II. P. 105—115.
Zur Frage nach dem Stil der Hypatius-Chronik. I // SOF. 1954. Bd 12. S. 70—109.
Das «heilige» Russland. Russische Geistesgeschichte. Hamburg, 1959. Bd. 1.
Russland zwischen Ost und West. Russische Geistesgeschichte. Hamburg, 1961. Bd 2.
History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroque. The Hague, 1960.

Чубатый Николай Д. (1897—?)

Державно-правне становище українських земель литовской державы під кінец XIV в. // Зап. НТШ. 1924(6?). Т. 144/5.
The Meanings of «Russia» and «Ukraine» // The Ukrainian Quarterly. N. Y., 1944—1945.
The Beginnings of Russian History // Ibid. 1946—1947.
The Ukrainian and Russian Conceptions of the History of Eastern Europe // Зап. НТШ. 1951.
Bohdan Khmelnytsky // The Ukrainian Quarterly. 1957. Vol. XIII. P. 197—204.

Шахматов Мстислав Вячеславович (Šachmatov) (1888—1943)

Преподаватель Юридического факультета Петербургского университета. С 1922 г. профессор РЮФ в Праге.

Подвиг власти (опыт по истории древнерусских политических идей) // ЕВ. 1923. Кн. 3. С. 55—80.
Государство правды (опыт по истории древнерусских политических идей) // ЕВ. 1925. Кн. 4. С. 268—304.
Самобытничество и любовь к отечеству // Возрождение. 1925. № 153, 160, 174.
Опыт по истории древнерусских политических идей. Т. 1: Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Кн. I: Начало соборности. Кн. II: Начало единоличной власти. Прага, 1926 (литогр.)
Оправдание богатства его служилыми целями (Опыт по истории древнерусских политических идей). Париж, 1927.
Русская самобытность // РСт. 1927.
Происхождение сельской общины // Хозяин. 1927. № 14.
Učeni staroruských letopisů XI—XII stoleti o právu a pravdě // SVPS. R. XXVII/2/3. S. 334—339.
Владимир Мономах как идея // Зап. РИО. 1927. Т. I.
Политические идеи древнерусского сборника «Пчела» // Там же.
Politická ideologie Josefa Volokolamského // SVPS. 1928. R. XXVIII/3. S. 202—237.
Отношение древнерусских книжников к татарам // Тр. IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. Ч. 1. С. 165—173.
Памятники русской славы // Слово. Рига, 1929. № 885.
Объединяющее самосознание в допетровской Руси // Там же. 1929. № 1035.
Государственные и национальные идеи «чиновных книг» венчания на царство московских государей // Зап. РНИ. 1930. Вып. 1.
Славянская идея у древнерусских книжников // SSF. 1929. Т. I.
Челобитная «мира» мовсковскому царю Алексею Михайловичу 10 июня 1648 г. // VČSN. 1934. R. IV. S. 1—23.
[в соавторстве с Д. Чижевским] Платон в Древней Руси // Зап. РИО. 1930. Т. 2. С. 49—82.
Исполнительная власть в Московской Руси // Зап. НИО. 1935. Т. I (VI). С. 161—256.
Компетенция исполнительной власти в Московской Руси. Ч. I: Внутренняя охрана государства // Зап. НИО. 1936. Т. IV(IX). С. 137—202.

Компетенция исполнительной власти. ч. II: Охрана личности // Зап. НИО. 1937. Т. VI(XI). S. 109—263.
Ruská starodávná průvodni listina vyslanci Ferdinanda I. krále Českého atd. // Зап. НИО, 1938. Т. VIII (XIII), С. 77—98.

Шелухин Сергей Павлович (псевд. Сергей Павленко) (1864—1938)

Преподаватель права в Киеве. С 1921 г. профессор права в Украинском университете в Видне. С 1922 г. в Праге.

Звідкіля походить Русь. Теорія келтського похождення Київської Русі з Франції. Прага, 1929.
Історично-правни підстави української державности. Виннипег, 1929.
До вывчення «Руської Правды». Pr., 1930 [и в Сб. в честь Масарика. Ч. II. С. 58—104. — *В. П.*]
Pour la defense des droits du peuple Slave. 1930.
Drang nach Osten. Pr., 1938.

Шефтель Марк (Szeftel M.) (1902—?)

La Geste du Prince Igor / Texte etabli, traduit et commenté sous la direction d'Henri Gregoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel // AIPhHOS. 1948. T. VIII. P. 97—149. [комментарий М. Шефтеля. — *В. П.*]
Le jugement du Dieu dans l'ancient droit russe // AHDO. 1949. P. 263—299.
The Sudebnik of 1497: Palaeographical Analysis, Composition and Sources // To Honor Roman Jakobson. The Hague. 1956. P. 547—552.
Le justicier du Grand Prince Ivan III (Introduction historique, traduction et commentaire) // RHDFE. 1956. Dec. P. 531—568.
Personal Inviolability in the Legislation of the Russian Absolute Moharchy // ASIEER. 1958. Febr. P. 1—24.
La vassalité et les immunités dans la Russie du moyen âge (Etudes et publications de sources depuis 1935) // RSJB. 1958. T. I_2.
L'asservissement du paysant russe (Etudes et publications de sources depuis 1936) // RSJB. 1959. T. II_2.
Documents de droit public relatifs à la Russie médiévale (I. Code de la Russie ancienne; II. Chartes ecclésiastiques princières) // Transl., comment. et introduction histor. Bruxelles, 1963.
The Historical Limits of the Question of Russia and the West // SR. 1964. March. P. 20—27 (repr. in: The Development of the USSR: An Exchange of Views. Washington, 1964. P. 378—385).
The Representatives and Their Powers in the Russian Legislative Chambers // Studies Presented to the International Commission for the History of Representative Parliamentary Institutions. Louvain, 1965. Vol. XXXVII. P. 219—257.
Russia (before 1917) // Bibliographical Introduction to Legal History and Ethnology. Bruxelles, 1966. T. 9. P. 1—58.
Le Moyen âge russe / A. Eck. 12e edition, phototypique, avec l'avant—propos et une révision de bibliographie par M. Szeftel // Slavistic Printings and Reprintings. Vol. 99. The Hague; P., 1968.
Рец.: Georgius David S. J. Status Modernus Magnae Russiae sive Moscoviae (1690) / A. Florovsky, 1965 // SIEER. 1968. July. P. 520—523.
La monarchie absolue dans l'Etat Moscovite et l'Empire Russe (fin XV^e siècle — 1905) // RSJB. 1969. Vol. XXI. P. 727—757.
Le régime monocratique dans les principautés russes avant l'ascension de Moscou (IX^e—XV^e siècle) // Ibid. P. 544—567.
Le statut juridique de l'enfant en Russie avant Pierre I // BSJB. Vol. XXXVI. P. 635—656.
The Epithet «Groznyi» and Its Historical Background // The Religious World of Russian Culture. Vol. II: Essays in Honor of G. Florovsky. The Hague, 1975. P. 101—116.
Russian Institutions and Culture up to Peter the Great. L., 1975 [работы 1930—70 гг.; содерж.: Preface; The Vseslav Epos; Review: The Russian Primary Chronicle. Laurentian Text / S. H. Cross, O. P. Shernowitz-Wetzor; Aspects of Feudalism in Russian History; La condition légale des étrangers dans la Russie novgo-

rodo-kievienne; Памяти А. Экка; Some Reflections on the Particular Characteristics of the Russian Historical Process; Joseph Volotsky's Political Ideas; La participaion des assemblées populaires dans le gouvernement central de la Russie depuis l'époque kievienne jusqu'à la fin du XVIII[e] siècle; Les principautés russes avant l'ascension de Moscou (IX[e]—XV[e] siècles); La monarchie absolue dans l'Etat Moscovite et l'Empire Russe; The History of Suretyship in Old Russian Law; La formation et l'évolution de l'Empire Russe jusqu'en 1918; The Legal Conditions of the Foreign Merchants in Muscovy. — *В. П.*]

Шмурло Евгений Францевич (1854—1934) *

С 1889 г. доцент Петербургского, в 1891—1903 гг. профессор Дерптского университета. В 1903 командирован Академией наук в Рим. С 1924 гг. председатель РИО и член Русского заграничного исторического архива в Праге. Части архива Е. Ф. Шмурло находятся в ЦГАОР и в Центральном Гос. истор. архиве Эстонии (Фонд Тартуского университета)

La Russia in Asia e in Europa // L'Europe Orientale. 1921, I/3, p. 169—186.
История России, 862—1917. Мюнхен, 1922.
R. P. Pierling e i suoi lavori storici su la Russia // La Civiltà Cattolica. 20. V. 1922. N 73. Quaderno 1726. P. 316—327.
Cultura e civiltà nella Russia antica // Russia. Roma, 1923. N 2/1. P. 5—29.
Sulla trascrizione dei nomi Russi // Ibid. P. 307—330.
Sulle relazioni italo-russe. Bibliografia // Ibid. N 2/2. P. 307—330.
Les Archives du Collège «De Propaganda Fide» et leur importance pour l'histoire de la Russie. Resumé // Comte-rendu du V[e] Congrès International des Sciences Historiques à Bruxelles. Bruxelles, 1923. T. 2.
Введение в русскую историю. Прага, 1924.
Mosca — la terza Roma (una pagina della storia nazionale russa) // Russia. 1924. N 2. P. 97—113.
Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Т. I, Вып. 1 (1578—1581). Л., 1925.
Петр Великий и его наследие // Речь. Прага, 1925.
Несколько мыслей о русской культуре // Русская культура. Прага, 8 июня 1925.
Рец.: lo Gatto E. Studi di litterature slave. Roma, 1925, t. 1 // Возрождение. 1925. 7 дек. № 184.
Rusko v Asii a v Evropě // Komitét Dne Ruské Kultury. Kulturni statki ruského naroda. Pr., 1926, sv. 1: Ottova světová knihovna, 1630—1632.
Россия в Европе и Азии. Прага,' 1926.
Что такое День русской культуры? // Зодчие русской культуры. Прага, 1926. С. 1—21.
Андрей Рублев, 1370—1430 // Там же. С. 73—82.
Jurij Krizanic (1618—1683). Panslavista o missionario? // Russia. 1926. N 5. P. 121—157.
Русские церковные братства в XVI—XVII столетиях // РСл. 1926. № 3/4. С. 10—13.
Россия и Италия: Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. IV: Архив Конгрегации Пропаганды веры. Л., 1927 [Ранее в этой серии Е. Ф. Шмурло подготовил: т. I, в. 1 СПб., 1907 (Ватиканский архив, его состав и пр.); т. I, в. 2, 1911 (Бумаги иезуитского ордена в Римском гос. архиве, главным образом о Литве и русских провинциях Польши: письма 1566—1613 гг.; состав коллекции Collegium Vilnense с 70-х гг. XVI в.; Informationum libri — сборники документов из разных частей света на имя генерала Ордена — XVI—XVIII вв.); Т. II. В. 1. 1908 (Опись польской

* Полную библиографию, составленную В. Саханевым, см.: Зап. РИО. 1937. Т. 3. С. 137—161 (здесь и рецензии на основные труды). *Кафенгауз Б. Б.* Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 533—540; *Яковенко С. Г.* Переписка папских нунциев в Речи Посполитой (Вторая половина XVI в.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989. С. 78—95; Acta nuntiaturae Poloniae. Romae, 1990. T. I. P. 145—146.

нунциатуры XVI в.); Т. II. В. 2. 1913; Т. III. В. 1. 1911; Т. III. В. 2. Ч. I; Т. III. В. 2. Ч. II. 1915 (Архив гор. Симанки — 80-е гг. XVI в.). См. также: Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Л., 1925. Т. I. Вып. 1 (1578—1581)). — *В. П.*]
Ломоносов // РСл. 1927. № 3. С. 16—19. № 4. С. 7—10.
Андрей Рублев // РСт. 1927. 6 нояб.
From Križanić to the Slavophils // SlR. 1927. P. 321—325.
Hamlet sur le trône de Russie. Alexandre I[er] // MSl. 1927. N 11 12. P. 264—306.
La nascità della Russia, 862—1054 // L'Europe Orientale. 1927. N 7. P. 97—118.
Александр I и Наполеон I // Утро. Рига, 1927. 25 дек. № 190.
К вопросу об унии и «униатизме» // Там же, 29 дек. № 192.
Un diplôme inédit de Pierre le Grand de 1705 (тезисы) // CEOMSl. T. 1.
Римская курия на русском православном востоке в 1609—1654 гг. // Изд. Архива Министерства Иностранных Дел. Сер. первая. Прага, 1928. № 4.
Storia della Russia. Roma, 1928. Vol. I: Dalle origini a Pietro il Grande.
Когда и где крестился Владимир Святой // Зап. РИО. 1927. Т. I. С. 120—148.
Петр Великий — основатель русского флота // Морской журнал. Прага, 1928. № 1. С. 7—9.
Месяц январь в жизни Петра Великого // Там же. С. 9—10.
Где была колыбель русского военного флота // Там же. № 2. С. 4—7.
Кто был первым адмиралом русского флота // Там же. № 3. С. 6—9.
Первое появление Петра Великого в Балтийском море // Там же. № 5. С. 5—9.
Первые этапы Петра Великого на пути к морю // Там же. № 6—7. С. 10—16.
Отзыв итальянца о русском флоте 1706 г. // Там же. С. 16—17.
Петр Великий на Белом море // Там же. № 9. С. 9—11.
Неизданная грамота Петра Великого 1705 года // CEOMSl. T. 2. P. 191—205.
Несколько слов о древней новгородской иконе // РСт. 1928. № 5/6.
Завоевания русской культуры // Утро, Вильна, 1928. 1 янв.
Введение в русскую историю. Прага, 1928.
Церковная уния и первые полвека ее существования // Утро, Вильна, 1928. 16 янв.
Вольтер и его книга о Петре Великом // Изд. Архива Министерства иностранных дел. Сер. первая. Прага, 1929, № 6.
Storia della Russia. Roma. 1929. Vol. II: Da Pietro il Grande a Nicola I.
Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого, 1697—1707 // Тр. IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. С. 65—111.
Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на о. Мальту // Сб. РИП. 1929. Т. I. С. 5—47.
Царь Алексей Михайлович. К трехсотлетию со дня его рождения // PC. 1929. 23 марта. № 17.
Storia della Russia. Roma, 1930. Vol. III: Da Alessandro II alla rivoluzione.
Peter der Grosse // Menschen, die Geschichte machten. 1930. S. 368—376.
Русская кандидатура на польский престол в 1601—1609 годах // СбМилюкова (Прага). С. 263—308.
С. М. Соловьев // Зап. РНИ. 1930. Вып. 1. С. 279—295.
Спорные и невыясненные вопросы русской истории. Рим, 1931.
Курс русской истории. Прага, 1931. Т. 1 (литогр.)
Государствование Петра Великого в первые годы по воцарении // Сб. РИП. 1931. II. С. 29—58.
Русские католики конца XVII века (По данным архивов Пропаганды и коллегии св. Афанасия). С приложением факсимиле // Зап. РНИ. 1931. Вып. 3. С. 1—29.
Rom und Moskau im Jahre 1657 // ZOG. 1931, S. 175—193.
Мелетий Смотрицкий в его сношениях с Римом // Тр. V съезда РАОЗГ. 1932. Ч. I. С. 501—529.
Паисий Лигарид в Риме и на греческом Востоке // Там же. С. 532—588.
Дипломатическая подготовка Петра Великого к Великой Северной Войне [резюме доклада] // Там же. С. 605—607.
Посольство Чемоданова и римская курия // Зап. РНИ. 1932. Вып. 7. С. 1—25.
Курс русской истории. Прага, 1933. Т. II. Вып. 1: Москва и Литва (1463—1613).
Basilio II il Cieco, granduca di Moscovia; Basilio III, granduca di Moscovia; Basilio IV, zar di Moscovia // Enciclopedia Italiana. Roma, 1933. T. VI. P. 330.

Курс русской истории. Прага, 1934. Т. II, вып. 2 [литогр., посмертно].
Курс русской истории. Прага, 1935. Т. III [литогр.].
L'histoire de la Russie au point de vue de ses conditions géographiques // Зап. НИО. 1935. Т. II(VII). С. 67—134.
Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом, 1462—1528 // Зап. РИО. 1937. Т. 3. С. 91—136.
[Подготовлены к изданию:
Петр Великий. От колыбели до Великой Северной войны. Главы I—XXII (до Азовских походов включительно).
Три портрета Романовской семьи: Алексей Михайлович, Софья, Петр Великий. — *В. П.*]

Экк Александр А. (Eck) (1876—1953)*

Преподавал в Петроградском университете до 1917 г. Профессор Брюссельского университета. С 1941 г. в Бухаресте, сотрудник Института всеобщей истории им. Н. Порга.

Le Moyen Age russe. P., 1933; 1968.
La notion du servages à la lumière de la méthode comparative. Bruxelles, 1937.
L'asservissement du paysan russe. Bruxelles, 1937.
[В соавторстве] Le Centenaire d'A. Pouchkine. Bruxelles, 1937.
[В соавторстве с H. Grégoire] Le miracle du Pouchkine Bruxelles, 1937.
Les modes de la possession agraire dans la Russie du Moyen Age. Bruxelles, 1938.
La notion de la tenure à la lumière de la méthode comparative. Bruxelles, 1938.
La formation de la propriété rurale en Russie // AHDO. 1939. T. III.
La grand domaine dans la Russie du Moyen Age. Bucarest, 1945.

Энгельфельд Владимир Викторович (1891—1937)

Приват-доцент Петроградского университета.

К вопросу о сношениях России с Китаем в XVII и XVIII веке. Харбин, 1925.

Юрак Ю. (Jurák J.)

Наш апостол святы Хиацинт (1595—1650). Прага, 1930.
Апостолска чинност доминик. провинцио св. Хиацинта. Прага, 1931.

Яворский Юлиан Андреевич (1873—1937) **

В 1904—1920 гг. профессор в Киеве, с 1915 г. доцент кафедры русской литературы Киевского университета. В 1921—1924 гг. работал во Львове. С 1925 г. в Праге.

Галицко-русская вирша о злой жене // Sl. 1929. R. VII/4. С. 922—926.
Из истории научного исследования Закарпатской Руси. Прага, 1928.
К вопросу о литературной деятельности Ермолая Еразма, писателя XVI-го века // Sl. 1929. R. IX/1. S. 57—80; R. IX/2. S. 273—299.
Исторические, личные, вкладные и другие записи в карпаторусских рукописных и печатных книгах XVI—XIX веков // Науковий Збірник. Ужгород, 1931. VII—VIII.
Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII вв // Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovenském úztavu v Praze. Pr., 1931, T. II.
Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности // SSF. 1932. II.
Житие Алексея Человека Божия в карпаторусской стихотворной обработке половины XVIII в. // BSl. 1932. T. IV/2. S. 365—370.

---

* О деятельности А. А. Экка в Институте всеобщей истории им. Н. Порга в 1941—1944 гг. см: *Brătianu G. I.* Dare de seamă de activitate pe anul 1942/1943. Bucureşti, 1944; То же: pe anul 1943/1944. Bucureşti, 1945. Некролог см.: Revue international des droits de l'antiquité. 1953. 2 ser. T. 2. P. 21 ff.
** Библиографию см.: *Аристов Ф. Ф.* Юлиан Андреев Яворский. Львов, 1932. С. 9—13.

Якобсон Роман Осипович (Jakobson) (1896—1982) *

Окончил Московский университет. В 1930 г. получил степень доктора философии в Карловом университете в Праге, в 1933—1939 гг. преподавал в университете в Брно. После фашистской оккупации ЧСР выехал в Осло и Упсалу. С 1942 г. жил в США, сотрудник Колумбийского и Гарвардского университетов, с 1957 г. профессор Технологического института штата Массачусетс.

К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931.
The Archetype of the First Edition of the Igor Tale. L., 1952.
[Совместно с А. В. Соловьевым] Слово о полку Игореве в переводах конца XVIII в. Лейден, 1954.
Ivan Fedorov's Primer of 1574. Cambridge (Mass.), 1955.
Paleosiberian Peoples and Languages. A Bibliographical Guide. New Haven, 1957.
Sofonja's of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. The Hague, 1963.
Selected Writings. 2 ed. P., 1972—1988. Vol. 1—8.
Sémiologie, poétique, épistémologie. Aix-en-Provence, 1973.
Questions de poétique. P., 1973.
Puškin and his Sculptural Myth. The Hague; P., 1975.
Aufsätze zur Linguistik und Poetik. München, 1974.
Russie folie poésie. P., 1986.
Language in Literature. Cambridge (Mass.), 1987.
Избранные труды / В. В. Иванов. М., 1985.

Яковлев Андрей (1872—1955)

В 1911—1918 гг. преподаватель Украинского университета в Киеве. С 1923 г. сотрудник, с 1926 г. профессор Украинского университета в Праге.

Das deutsche Recht in der Ukraine. Leipzig, 1942.
Das deutsche Recht in Weissruthenien. B., 1944.
Vplyvy staročeského prava na pravo ukrajinske litov. doby XV—XVI stol. 1930.

Янушевский Г.

Начало истории русского народа по новейшим данным. 1934 [рец. В. Мошина: ЈИЧ. 1935. Кн. 1. С. 551—554.]

Ясинский Михаил Никитич (?—1933)

Профессор Киевского университета, профессор Люблянского университета.

Kaj je najpotrebnejše za slovansko primerjalno pravno zgodovino? // ZZR. 1921. I.
Kada i na način je bio sostavljen Kastavski statut? // ZZR. 1924. III.
Zakoni grada Veprinca // ZZR. 1927. V.
Iz istorije Kastavskog statuta // ZZR. 1928. VI. S. 119—137.
Из истории Кастаеского статута // Тр. IV съезда РАОЗГ. Белград, 1928. Ч. 1. С. 175—194.
Уговори српских владара со Дубровником као споменици старог српског права // АПДН. 1930. XXI. С. 169—178.
Ugovori srpskih vladara sa Dubrovnikom, 1930.

Ястребов Николай Владимирович (1869—1923) **

Akademik a professor A. A. Šachmatov, člověk a občan // Narodni listy. 1920. Č. 252.

---

* См.: To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His 70th Birthday, The Hague, 1967. Vol. 1—3: *Boström K. A.* Roman Jakobsons poetik. Uppsala, 1979; Roman Jakobson. What He Taught Us // M. Halle. Columbus, 1983. Библиографию см.: Roman Jakobson. A Bibliography of his Writings. A Foreword by C. H. van Schooneveld. The Hague; P., 1971. См. также: *Иванов В. В.* Лингвистический путь Романа Якобсона // *Якобсон Р.* Избранные труды. М., 1985; *Lieberman A.* Review Article. The Last Retrospect // Semiotica. 1987. Vol. 63. P. 299—316.

** См. о нем: *Krafta K.* // ČČH. 1923. R. XXIX. S. 174—180; *Slavik J.* // Sl. 1923. R. II. S. 577—579.

Приложение II
Пражский архив П. А. Остроухова [1]

По своему характеру и по кругу интересов Петр Александрович Остроухов не был политическим деятелем. Разделяя взгляды буржуазной эмиграции, он чуждался ее политической публицистики, целиком сосредоточиваясь на конкретной научной теме — экономической истории, а точнее — истории Нижегородской ярмарки. Человек собранный, ответственно относящийся к любому делу, он, в силу жизненных обстоятельств, оказался в центре административной деятельности ряда научных и учебных заведений эмиграции в Чехословакии. Воспитанный в традициях отечественного архивоведения, он привык дорожить источником и сознательно стремился собрать и сберечь все доступные ему документы.

С победой народной власти в Чехословакии П. А. Остроухов без труда нашел свое место в научной жизни, посильно содействуя подготовке кадров и развитию чехословацко-советской дружбы. Собранные материалы (книги, брошюры, рукописи) он старался бережно передать на хранение государству. Но смерть помешала полностью завершить дело. Часть рукописей осталась в личном архиве.

Личный архив П. А. Остроухова был получен мною от его вдовы Надежды Викторовны в Праге летом 1974 г.[2] Передача произошла при любезном содействии заведующего консульским отделом посольства СССР в ЧССР Б. И. Чадина. Архив передан на хранение в ЦГАОР. Предварительный разбор и систематизация бумаг произведены дочерью профессора Людмилой Петровной и ее мужем Валерианом Михайловичем Котрубенко.

Материал архива распределен мною по пяти коробкам следующим образом. *Коробка № 1.* Неопубликованные работы П. А. Остроухова. *Коробка № 2.* Опубликованные труды П. А. Остроухова (книги, оттиски, газетные статьи), а также их машинописные копии. Здесь же материалы защиты им магистерской диссертации и ее рукопись. *Коробка № 3.* Переписка П. А. Остроухова с разными лицами и учреждениями, а также экземпляры печатных «Записок» Русского свободного университета (РСУ) в Праге. Сюда вошли письма к П. А. Остроухову (иногда с сохранившимися черновиками или копиями его ответов) В. Ф. Булгакова (1934—1938, среди них и письма последнего Н. Н. Крамарж, В. С. Ильину, А. Н. Фатееву), Г. В. и Н. В. Вернадских (1938, 1946), Е. А. Вечорина (1957—1962), А. А. Вилкова (1944), В. Ф. Гефдинга, Д. Д. Гримма (1931—1937), А. В. Карташова (1922), Н. О. Лос-



П. А. Остроухов

ского (1947), М. Н. Мартынова (1960), Б. А. Никольского (1919), Н. Ф. Новожилова (1958—1960), С. Г. Пушкарева (1936), Н. А. Раевского (1944), П. А. Сорокина (1932—1936), А. П. Струве, Г. П. Струве, К. П. Струве (священника Саввы), П. Б. Струве (1927—1943) (его же — супругам Е. Ф. и Е. А. Максимович (1943) и кн. П. Д. Долгорукому (1944)), а также письмо М. В. Черносвитовой о смерти самого П. Б. Струве; А. Н. и В. М. Фатеевых (1950—1954), А. А. Чупрова (1920—1926), В. М. Штейна (1960). Есть здесь еще письма П. Н. Савицкого — Л. Н. [Гумилеву] (1961), К. Шварценберга (1946), а также переписка РСУ с «Образовательным фондом И. В. Кулаева» в Сан-Франциско (1940—1946).

В *коробку № 4* вошли научно-административные материалы, относящиеся к последнему периоду деятельности РСУ и к его ликвидации (1939—1948), а также к деятельности Русской библиотеки, Русского заграничного архива, Русского исторического общества (1940—1944) и, наконец, Чешско-русского профессорско-строительного квартирного товарищества в Праге.

Содержание *коробки № 5* составили *подготовительные материалы к истории Нижегородской ярмарки.*

Рассмотрим подробнее этот архив в связи с жизнью и деятельностью фондообразователя. Такое рассмотрение, быть может, нарушает традиционно принятую в подобных работах структуру, но зато позволит лучше понять и характер архива, и его значение.

П. А. Остроухов прошел путь, типичный для той части русской ученой эмиграции, которая духовно сформировалась в дореволюционной России и, оказавшись за рубежом, посвятила себя в основном разработке научных проблем и преподавательской деятельности. Оставаясь на методологической платформе либерально-буржуазной историографии, эти ученые видели свою задачу, во-первых, в сохранении и обосновании ее социальных и национальных принципов и, во-вторых, в подготовке кадров, способных эти принципы осуществить. Жизненное кредо этих ученых сформулировал в беседе со мной (1963) профессор А. В. Флоровский: «Мы рассматривали свое бытие как длительную заграничную командировку и старались извлечь из нее возможно больше для отечественной науки». Видимо, этот взгляд широко бытовал среди ученых русского зарубежья, ибо работавший в Англии другой видный ученый — профессор С. А. Коновалов, выступая на IV Международном съезде славистов в Москве (1958), сердечно приветствовал собравшихся, Москву, Родину от тех нескольких коллег, которые «позадавнели» в дальних краях, подобно русским студентам времен Бориса Годунова [3].

П. А. Остроухов родился в 1885 г. в Рязани и происходил из интелигентной семьи (его дядя известный московский врач А. М. Остроухов). Он окончил с золотой медалью классическую гимназию (Красноярск, 1903) и экономический факультет Политехнического института (Петербург, 1908). За дипломную работу «Англо-русский торговый договор 1734 г.» он получил звание кандидата экономических наук; руководил этой работой П. Б. Струве. В последующие годы П. А. Остроухов приобрел немалый практический опыт на службе в Волжско-Камском коммерческом банке, в Департаменте таможенных сборов, в Министерстве торговли и промышленности. Тогда же (с 1914 г.) он начал преподавать политическую экономию в Выборгском коммерческом училище (Петроград), где по выходе в свет доработанной дипломной монографии [4] был оставлен для подготовки к магистерским экзаменам при кафедре политической экономии и статистики, а затем назначен ее младшим преподавателем. «По поручению Ярмарочного комитета» он в сотрудничестве с А. А. Кизеветтером в 1915—1917 гг.[5] собирал материалы к столетию Нижегородской ярмарки по теме, ставшей главной в его ученой жизни. Эти архивные источники из Министерства внутренних дел, Нижегородской ярмарочной конторы, Государственного коммерческого банка и др., из газет, журналов и литературы были вывезены и стали материальной основой его научного творчества в эмиграции. Ныне они составляют содержимое коробки № 5.

Как рассказывал П. А. Остроухов (я беседовал с ним в Праге в 1963 г., вскоре после его возвращения из поездки в СССР)

за границей он обосновался сперва в Гельсингфорсе (1919), где жил уроками. В ту пору, в Стокгольме, при деятельном участии А. В. Карташева, работало «Бюро экономического осведомления» [6]. Экономическо-статистические материалы здесь разрабатывал бывший профессор петроградского Политехнического института А. А. Чупров. В феврале 1919 г. по рекомендации П. Б. Струве в помощники А. А. Чупрову был принят переехавший в Стокгольм П. А. Остроухов [7]. Он принимал участие в составлении для русских заграничных кооперативных учреждений бюллетеней, заключавших в себе хронику главнейших явлений мировой хозяйственной жизни [8]. В этих бюллетенях «много статей» написано П. А. Остроуховым, но в архиве их нет, так как его экземпляры «погибли во время эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г.» [9]

Когда интервенция потерпела крах, а правительство ЧСР организовало уже известную нам Акцию Русской Помощи (далее АРП), в числе правительственных мер было и приглашение для научной работы более 100 русских ученых-эмигрантов, которым были созданы вполне сносные материальные и жилищные условия [10]. В эту избранную сотню после скитаний в Константинополе и Париже попал и П. А. Остроухов. Руководство эмиграции носилось с идеей создать в Праге «до падения большевиков центр русской зарубежной академической и учено-учебной жизни» [11].

П. А. Остроухов получил 15 ноября 1921 г. профессорскую стипендию «для продолжения своей научной и педагогической работы» и с головой ушел в подготовку к магистерским экзаменам. С 18 мая 1922 г. он преподает политическую экономию и латинский язык студентам Русского юридического факультета, а также работает в Русском институте коммерческих знаний. Сдав магистерские экзамены на РЮФ, П. А. Остроухов получил звание приват-доцента по кафедре политической экономии и статистики. С 1928 г. по 1940 г. он — лектор Высшей коммерческой школы в Праге и в ней же ведет практикум по русскому языку. На публичном заседании РЮФ 20 декабря 1931 г. П. А. Остроухов защитил магистерскую диссертацию на тему: «Очерки Нижегородской ярмарки до эпохи Великих реформ». Защита прошла отлично, официальные оппоненты А. А. Кизеветтер и П. Б. Струве высоко оценили этот труд, а его автор вошел в число профессоров РЮФ и вскоре стал его ученым секретарем. Но сам-то РЮФ с 1928 г. уже подлежал постепенной ликвидации и теперь мало что значил для нового профессора. Продолжая работу над диссертацией, П. А. Остроухов получил за нее (под названием «Торговля хлебом и движение цен на хлеб на Нижегородской ярмарке с 1827 до 1861 г.») степень доктора философии Карлова университета. В годы подготовки диссертации и до конца своих дней П. А. Остроухов неутомимо разрабатывал свою тему и опубликовал по ней большое число статей и рецензий.

Сам автор подразделял эти свои труды следующим образом. К «общему описанию ярмарки» относятся девять статей. Они трактуют и источники и методику работы [12], характеризуют ярма-

рочный механизм в целом, как он сложился в середине XIX в.[13] Кредиту и денежному обращению отведены три статьи[14], одна статья — конъюнктуре[15]. По архивным документам Нижегородской ярмарочной конторы 1822 г. написаны статьи, касающиеся национального и социального состава ярмарочных торговцев, распределения их по группам привоза товаров на ярмарку, круга губерний и районов России, связанных с ней[16].

Отдельные отрасли ярмарочной торговли (в частности, хлебом и чаем) в связи с движением цен на соответствующие товары представлены в четырех статьях[17]. К Нижегородской ярмарке П. А. Остроухов обратился и в связи с выходом книги Г. Клейнова, посвятив ей две статьи в газете «Возрождение»[18].

П. А. Остроухов в своих исследованиях иногда и выходил за пределы ярмарки, касаясь экономической истории России, Чехословакии и отношений между ними[19]. Часть работ осталась в рукописи. Впрочем, обращение к другим темам[20] носило побочный для творчества П. А. Остроухова характер.

Защита П. А. Остроуховым диссертации совпала не только с захирением АРП, но и с экономическим кризисом, особенно тяжело отразившимся на судьбах эмигрантов. Материальное положение П. А. Остроухова этой поры ясно из его письма русскому социологу-эмигранту в США П. А. Сорокину: «По совету бывшего здесь у нас в Праге этим летом профессора Г. В. Вернадского обращаюсь к Вам с предложением своих услуг в качестве сотрудника по тем научным вопросам, которые разрабатываются под Вашим руководством. Специальность моя — экономическая история, в частности России, но я мог бы также выполнять задания из области политической экономии, статистики и истории русской и всеобщей. Читаю книги на языках латинском, греческом, английском, французском, немецком, шведском и чешском. Здесь в Праге, как Вам, конечно, известно, существуют богатые, постоянно пополняющиеся русские библиотеки, и потому, быть может, я оказался бы Вам полезен для наведения и составления всякого рода справок и т. п.

Положение русской профессуры в Праге становится все тяжелее и тяжелее. А положение семейных людей, к которым принадлежу и я, грозит стать прямо отчаянным: казенные стипендии по нескольку раз в год сокращаются, а достать здесь сторонний заработок сейчас, при общем сжатии расходов в учреждениях и безработице среди чехов, в высшей степени трудно»[21].

Работа на П. А. Сорокина (составление для его обобщающего труда кривых экономического благосостояния главных групп населения стран Европы, начиная с средних веков и до современости) «артели» авторов (так в шутку называли себя А. В. Флоровский, П. Н. Савицкий, С. Г. Пушкарев и Е. Ф. Максимович) под руководством П. А. Остроухова потребовала от него внимательного изучения экономической истории Англии, Франции и Голландии[22].

В Русский свободный университет П. А. Остроухов пришел

в 1937 г. и преподавал русский язык на его курсах (вплоть до 1944 г.), а также (в 1942—1947) — в Клубе современных филологов. Обращаясь к коробке № 4, мы находим в ней прежде всего документы по истории РСУ за 1939—1949 гг., самые черные годы его существования [23]. Документы эти фрагментарны, ибо П. А. Остроухов в 1946 г. передал часть архива РСУ в Архив главного магистрата города Праги. Среди бумаг ученого сохранилась карандашная записочка (как опытный архивист, он часто оставлял такие важные свидетельства): «23 ок[тября] 46 г. было отослано в Архив 52 папки с делами Унив[ерситета], 2487 бр[ошюр] н[аучных] иссл[едований] + 760 экз. разрозненных брошюр» [24].

В Архиве города Праги материалы, сданные П. А. Остроуховым, условно сложены в четыре комплекта: 1. Личные документы Общества РСУ; 2. Протоколы заседаний президиума Совета преподавателей, т. е. Куратория (профессоров, учителей) РСУ; 3. Протоколы и журналы Совета преподавателей; 4. Протоколы заседаний Президиума Куратория (1926—1939, 1941 гг.) [25].

Внутри комплектов материал был хронологически систематизирован мною по ходу просмотра, но комплекты 2, 3 и 4, содержащие однотипный материал, остались разъединенными. В этом архиве хранятся списки Совета преподавателей, членов Куратория за 1938—1941 гг., включая ценные данные о биографиях и трудах ученых, в том числе историков; схемы работы РСУ в 1923—1938 гг., планы работы в 1937—1942 гг., отчеты о деятельности в 1941—1942 гг.; отдельные протоколы заседаний Президиума Куратория за 1927—1934 гг. и самого Куратория за 1926—1936 (в части 2), за 1935—1944 (в части 3) и за 1926—1939, 1941 (в части 4). В архиве города Праги этот фонд тематически обособлен и, конечно, всего естественнее было бы присоединить его к материалам коробки № 4 фонда П. А. Остроухова.

Об упомянутой третьей части архива РСУ, которая связана с музеем, в фонде П. А. Остроухова сохранился ценный материал в виде писем организатора музея В. Ф. Булгакова и книги протоколов Музейной комиссии РСУ № 26—36 (18 июня 1940—11 марта 1944 г.) [26]. История этого музея — тема особая. Здесь мы читаем ее последние страницы.

Музей, насчитывавший десятки драгоценных картин, множество древних предметов, рукописи, книги, размещался в 14 комнатах Збраславского замка мецената Кирилла Бартоня-Добенина. Фашистские солдаты, размещенные в музее, нанесли ему огромный ущерб [27]. Сам В. Ф. Булгаков (он за религиозную проповедь толстовства был выслан из Советской России в 1923 г.) в Чехословакии, кроме музея, возглавил Союз русских писателей. Паспорт он сохранял советский, и, когда фашисты напали на СССР, был брошен в концлагерь.

П. А. Остроухов как член Музейной комиссии не только сохранил письма В. Ф. Булгакова, он же после освобождения коллеги из лагеря вручил ему ключи от музея и чековую книжку

комиссии. В. Ф. Булгаков взялся за восстановление музея, приведенного «на край гибели» [28]. Бережно собирал хранитель достояние музея и одновременно принимал меры к возвращению его в Россию. Его усилия увенчались успехом. К его последнему письму А. Н. Фатееву приложен документ из МИД СССР от 13 марта 1949 г., удостоверяющий, что 51 картина (среди них Репина, Коровина, Рериха, Бенуа и других известных художников) передана Третьяковской галерее, 48 — Театральному музею им. Бахрушина. Народные вышивки, портреты, фотографии (51 предмет) отданы в Государственный исторический музей. «Принимая во внимание, что еще ранее книги, рукописи и фотографии пересланы были в АН СССР [29], можно с удовлетворением констатировать, что в основном все коллекции Русского культурно-исторического музея поступили на постоянное хранение в центральные российские музеи и что, таким образом, наша миссия, в соответствии с § I Устава музея, предусматривающим отправку всех коллекций РКИМ на Родину, может считаться благополучно законченной» [30].

В. Ф. Булгаков вернулся в родной толстовский музей. Об этом его письмо И. О. Панасу: «Живу я очень хорошо и благополучно в Ясной Поляне. Долго был хранителем дома-музея, очень многое в нем исправил и реставрировал, заведовал описанием библиотеки Толстого (первый том выйдет в конце этого года [31]), а теперь собираюсь на пенсию. Пора уже: мне почти 72 года» [32].

Благодаря археографической тщательности П. А. Остроухова в его бумагах сохранились существенные данные и по истории Русского заграничного исторического архива. Собрал он и разного рода афиши, приглашения, значки, ежегодник «Татьянина дня» (университетского праздника, пополнявшего существенно кассу РСУ) и т. п., отражающие быт эмигрантов в годы фашистской оккупации, когда на заседаниях собрания РИО обычно сидел инспектор полиции города Праги [33], а для пребывания в квартирном товариществе требовались справки, подтверждавшие «расовую чистоту».

После социалистической революции 9 апреля 1948 г. Остроуховы приняли чехословацкое подданство. П. А. Остроухов продолжал работать. С 1951 г. до выхода в отставку (1957 г.) он состоял старшим ассистентом по кафедре русского языка в Политехническом институте, а затем — Высшей химико-технологической школы в Праге. Не оставляя научных занятий, этот труженик и здесь подготовил три литографированных специальных пособия по русскому языку [34].

П. А. Остроухов был с 1922 г. связан с церковным православным приходом. В его архиве отложились материалы [35], относящиеся к организации Русского Ольшанского кладбища в Праге, строительству здесь Успенского собора и к деятельности «Братства для погребения православных русских граждан и для охраны их могил в Чехословакии». В то время сохранение русского имени даже в славянской стране было делом не простым.

В 1957—1964 гг., после отставки, П. А. Остроухов работал в Лексикографическом отделении Института чехословацко-советской дружбы при Академии наук ЧССР. В конце своей жизни (1963 г.) он съездил на Родину, побывал на Рязанщине, и тут, что характерно для Остроухова, выполнял задание пражских филологов по истолкованию диалектизмов в словаре С. Есенина [36].

Умер П. А. Остроухов 15 февраля 1965 г.

Последние годы он был занят хлопотами по опубликованию своих работ в СССР. «Жизнь прожита, но хочется провести хоть одну борозду на родной земле», — сказал он как-то мне по этому поводу [37]. Уже после кончины Остроухова одна из его статей была опубликована в Советском Союзе [38]. Эта статья — лишь небольшая часть рукописного наследства ученого.

В коробке № I лежат следующие его неопубликованные работы: 1. «Средняя Азия на Нижегородской (Макарьевской) ярмарке в течение первых двух третей XIX стол. (Историко-статистический очерк)». Машинопись, 145 стр., три экземпляра, подписанных 15 декабря 1956 г. 2. Из истории русско-чешских торговых отношений в 80-х годах XIX стол. Очерк I. Общее введение. Русско-австрийские и русско-чешские торговые отношения к середине 70-х годов XIX стол. Очерк II. Поездка директора Хрудимского коммерческого училища Гвидо Тейслера на Нижегородскую ярмарку в 1886 г. и его «Макарьевские очерки». Гвидо Тейслер — «Краткий биографический очерк». Машинопись, 138 стр., два экземпляра. Подписаны 1 декабря 1958 г. 3. «Сотрудник чешской газеты «Моравска Орлице» на Нижегородской ярмарке в 1873 г.» Машинопись, 27 стр., два экземпляра. Подписаны 31 января 1963 г.; 4. «Графиня П. С. Уварова — председатель Московского археологического общества». Машинопись, 121 стр. + 13 стр. библиографии ее трудов, первый экземпляр; 5. «Опыт оценки экономического положения главнейших классов и сословий английского общества с раннего средневековья до наших дней. Очерк I. Классы и сословия, связанные с сельским хозяйством. Очерк II. Характеристика «экономического положения рабочих, торговцев, промышленников, интеллигентных работников и, наконец, страны в целом». Машинопись, 216 стр. + 56 таблиц; 6. «Биография основателя Томского технологического института Е. Л. Зубашева (1860—1928) — специалиста по сахарной технологии, работавшего в Томске, Петрограде, Праге». Машинопись, 7 стр., один экземпляр; 7. Серия статей для Итальянской энциклопедии [39].

Из перечисленных работ особый научный интерес представляют те, которые посвящены Нижегородской ярмарке. Эти работы П. А. Остроухова продвинули фактическую разработку важной проблемы — истории капиталистического рынка России [40], и потому он достоин войти в историю отечественной науки и как исследователь, и как архивист.

Итак, архив П. А. Остроухова хранит материал, ценный в трех отношениях: он отражает историю жизни и творчества одного из видных русских ученых за рубежом; содержит важные данные

по истории русских научных зарубежных организаций и, наконец, в нем содержатся новые материалы о крупнейшей в стране Нижегородской ярмарке, на которую поступало свыше 60 % всех ввозимых через границы Российской империи товаров. История ярмарки является одним из важных показателей [41] развития капитализма в России.

[1] Содержание этой части книги было доложено на заседании Археографической комиссии (см.: Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 223—226). Благодарю принявших участие в обсуждении за ценные методические советы.

[2] См. подробности передачи архива ниже: Переписка В. Т. Пашуто с В. М. Котрубенко и Н. В. Остроуховой. — *Прим. сост.*

[3] IV Международный съезд славистов. Отчет. М., 1960. С. 48.

[4] *Остроухов П. А.* Англо-русский торговый договор 1734 г. Очерк по истории русской торговой политики (на основании архивных источников) с предисловием П. Б. Струве // Тр. студентов экономического отделения СПб. Политехнического института им. Петра Великого. СПб., 1914. № 13. До этого им была опубликована рецензия на кн.: Любименко И. История торговых сношений России с Англией, вып. 1. XVI век. Юрьев, 1912 // Русская мысль. 1915. Год 36. Март, разд. XXI. С. 10—12.

[5] Остроухов П. А. — Мартынову М. Н. от 2 декабря 1957 г. — АО. Коробка № 3.

[6] Подробнее см.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925). М., 1975. С. 303—305, 332, 356.

[7] Никольский Б. А. — П. А. Остроухову, от 22 января 1919 г. — АО. Коробка № 3; ср. А. В. Карташов — П. А. Остроухову, август—сентябрь 1922 г. — Там же.

[8] Чупров А. А. — П. А. Остроухову, от 22 июля 1920 г. — Там же.

[9] Остроухов П. А. — Е. А. Чупровой, черновик письма без даты. — Там же.

[10] Русские в Праге. 1918—1928 гг. Редактор-издатель С. П. Постников. Прага, 1928. С. 78.

[11] П. Б. Струве — К. Крамаржу от 6 ноября 1921 г. из Берлина // ANM, Fond K. Kramář, 2 (корреспонденция), 5 (отдел), № 2433. Приношу сердечную благодарность директору архива доктору А. Халупе за дружескую помощь.

[12] *Остроухов П. А.* Об источниках и методах изучения торговли на Нижегородской ярмарке в XIX веке до эпохи Великих реформ // Зап. РНИ. 1931. Вып. 3. С. 355—390. Методика плодотворна, она такова «а) изучать ярмарку следует не в целом, а по отдельным отраслям торга; б) отдельные же отрасли ярмарочного торга надлежит изучать не только на основании ярмарочных отчетов, но и на основании литературы по данной отрасли торговли, пользуясь также рассеянными по русским журналам описаниями различных пунктов России, связанных торговыми интересами с Нижегородской ярмаркой» (См. его доклад на IV съезде представителей русских академических организаций в Белграде в 1928 г.: *Остроухов П. А.* Нижегородская ярмарка в первой половине XIX столетия. Источники и методы ее изучения. Положения к докладу // Тр. IV съезда РАОЗГ. Ч. I. Белград, 1929. С. 447—449).

[13] *Ostrouchov P.* Der Jahrmarkt zu Nižnij Novgorod in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // ZOG. 1934, Bd. VIII, H. 3. S. 352—392.

[14] *Остроухов П. А.* К вопросу о кредитных и платежных отношениях на Нижегородской ярмарке в первой половине XIX столетия // Сб. статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве. Прага, 1925. С. 325—340; *Он же.* Из истории государственных кредитных установлений в России. Контора Государственного коммерческого банка на Нижегородской ярмарке с 1820 по 1860 год (по архивным источникам) // Сб. РИП. 1931 (1932). Вып. II. С. 111—124; *Он же.* Из истории русского денежного обращения. Простонародные лажи и торговля деньгами на Нижегородской ярмарке // Зап. НИО. 1941. Т. XI (XVI). С. 1—12.

[15] *Остроухов П. А.* Конъюнктура на Нижегородской ярмарке с 1817 по 1867 год // Зап. НИО. 1941. Т. XI (XVI). С. 153—191; 1942. Т. XII (XVII). С. 287—321.

[16] *Остроухов П. А.* Всероссийский товарообмен в Нижнем Новгороде // Зап. НИО. 1935. Т. I(VI). С. 101—134; *Он же.* Москва и ее промышленная область на

Нижегородской ярмарке в 1822 году // Зап. НИО. 1936. Т. III(VIII). С. 57—102; *Он же.* Озерная, лесная и степная области России на Нижегородской ярмарке в 1822 г. // Зап. НИО. 1937. Т. IV(IX). С. 33—75.

17 *Ostrouchov P. A.* Obchod s chlebovinami a pohyb cen chlebovin na Nižněnovgorodském výročním trhu od r. 1827 do r. 1860 // Rozpravy České Akademie věd a umeni. 1927. Tr. 1. C. 73; *Остроухов П. А.* Торговля чаем на Нижегородской ярмарке в XIX столетии до эпохи Великих реформ. Исследование по источникам // Зап. РНИ. 1933. Вып. 9. С. 55—87; *Он же.* Движение цен на чай на внутреннем рынке России в XIX ст. до реформы русско-китайской торговли в Кяхте в 1861 г. // Зап. НИО. 1937. Т. V(X). С. 193—238; *Он же.* К вопросу о значении русско-китайской меновой торговли в Кяхте для русского рынка в первой половине XIX-го века // Зап. НИО, 1939. Т. IX(XIV). С. 207—254.

18 *Kleinow G.* Der grosse Jahrmarkt von Nischnij Novgorod. Russland und Asien (Richters russische Monographien) / Hrsg. v. G. Kleinow. Erfurt; Berlin, 1925. B. I //Возрождение, 1925. 14 сент. № 104; *Он же.* Нижегородская ярмарка при советском режиме // Возрождение. 1925. № 143.

19 *Ostrouchov P. A.* Chodaci vladimirské gubernie, jako predstavitelé roznaskového obchodu na Rusi v prvni polovine XIX. stoleti. — Sbornik věd pravnich a státnich. Pr., 1927. R. XXVII. S. 2—3; S. 248—264; *Остроухов П. А.* Чешский путешественник о хозяйственном положении России в конце XVIII столетия // Зап. РИО. 1930. Кн. II. С. 83—93; *Зарайский А. П.* [псевдоним П. А. Остроухова. — *В. П.*] Вопросы внешней политики Чехословакии // Новое время. 1929. 1/X (№ 2526); *Зарайский А. П.* Вопросы внешней торговой политики Чехословакии // Там же. 3/X № 2528; *Он же.* Внешняя торговая политика Чехословацкой Республики // Науч. тр. РНУ. 1930. Т. III. С. 210—221; *Ostrouchov P. A.* Rušti rekonvalescenti na Zbraslavi ve válce 1813 // Зап. НИО. 1938. Т. VII(XII). С. 117—148; Т. VIII(XIII). С. 173—190.

20 *Остроухов П.* О России в начале XVIII в. // ГМ. 1928. № 6(XIX). С. 275—283; *Он же.* [Рец. на кн.]: *Guerin Jean.* Le régime de la production en Russie Sowiets 1917—1925. Les résultats et les conséquences. P., 1925 // Возрождение. 1925. № 76.

21 Остроухов П. А. — П. А. Сорокину от 10 сентября 1932 г. — АО. Коробка № 3.

22 *Sorokin P. A.* Social and Cultural Dynamics. N. Y., 1937. V. I. Fluctuation of Forms of Art. P. VII.

23 Официальный отчет за предшествующие годы см. в кн.: Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге (1923—1938). Прага, 1938.

24 АО, коробка № 4.

25 Archiv Hlavního Města Prahy, Inv. Č. 1. Osobní písemností; Č. 2. Žapišy schůzí předsednictva sboru přednášejících (profesorů, učitelů) Ruské lidové (pak Svobodné University); Č. 3. Protocoly učitel. sboru; Č. 4. Protokoly Zasedání prezidia Kuratoria sdružení RSU, 1926—1939, 1941.

26 АО. Коробка № 3.

27 Булгаков В. Ф. — В. С. Ильину от 7 октября 1941 г. — Там же. Бартонь-Добенин К. — в РСУ от 24 февраля 1944 г. (о занятии немцами части помещения музея). — Там же.

28 Булгаков В. Ф. — П. А. Остроухову от 4 октября 1945 г. — Там же. Коробка № 3.

29 В 1946 г. музей был принят советскими представителями, а его архив, библиотека и коллекция отправлены в Россию под названием «Архив В. Ф. Булгакова» (хранится в Архиве АН СССР). П. А. Остроухов — Правлению Фонда Кулаева от апреля 1946 г. — Там же.

30 Булгаков В. Ф. — А. Н. Фатееву от 28 мая 1949 г. — Там же.

31 Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание (Выполнено под рук. В. Ф. Булгакова). М., 1972—1975. Т. 1. Ч. 1—2.

32 Булгаков В. Ф. — И. О. Панасу от 5 сентября 1958 г. (из личного архива проф. И. О. Панаса, которого, пользуясь случаем, благодарю за постоянную, неутомимую помощь мне во время работы в архивах Праги).

33 Журнал собрания РИО от 22 ноября 1942 г. — АО. Коробка № 4.

34 Ruské odborné texty se slovníkém pro mírné pokročile. Pr., 1955; 2-е изд. в Гос. изд-ве технич. литературы; Ruské odborné texty (Vybrané statě z chemie organické). Pr., 1955; Příruční slovník chemický rusko-češký. Pr., 1956.

[35] Остроухов П. А. — Иоанну митрополиту пражскому и всея Чехословакии от 1958 г. // АО. Коробка № 3. Ср.: *Остроухов П. А.* Писатели первых трех веков христианства о труде, материальных благах и благотворительности // Свет православия. Прага, 1952. № 2. С. 27—30; № 3. С. 41—46.

[36] Он сумел выяснить 220 слов: П. А. Остроухов — И. Н. Чистосердовой от 15 декабря 1963 г. // АО. Коробка № 3.

[37] Хотя сам мало верил в реальность этой публикации (П. А. Остроухов — А. В. Флоровскому от 28 июля 1958 // Там же).

[38] *Остроухов П. А.* Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг. // Из. 1972. Т. 90. С. 209—243.

[39] Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti. Milano; Roma, 1929—1931.

[40] О важности истории Нижегородской ярмарки и сопоставимости ее с Лейпцигской писали П. А. Остроухову его немецкие коллеги П. Шепе, К. Преппер, В. Лебнер (1943).

[41] *Ostrouchov P.* Der Jahrmarkt..., S. 391.

Приложение III
Описи архивов историков-эмигрантов

Опись части архива проф. А. В. Флоровского, полученной у В. А. Флоровской (Прага)

1. Переписка А. В. Флоровского за 1920—1960 годы (письма от него и к нему).
2. Личное дело А. В. Флоровского и относящиеся к нему документы, включая рулоны с дипломами.
3. Черновые материалы и выборки из источников к его основным трудам, а также часть верстки, хранящей авторскую правку (издание Давида), и др.
4. Конспекты лекций по педагогике, по истории России с древнейших времен, а также рукописные и печатные копии некоторых статей («Великий союз» и др.).
5. Воспоминания сестры А. В. Флоровского Клавдии Васильевны Флоровской.
6. Рулон с вырезками из зарубежной печати, относящимися к истории эмиграции.
7. Фотографии видных деятелей зарубежной русской историографии, предварительно опознанные В. А. Флоровской и И. О. Панасом.
8. Основные опубликованные труды А. В. Флоровского (книги, оттиски статей) в нескольких экземплярах.
9. Несколько десятков книг и несколько сот оттисков зарубежных изданий по истории России, Украины, славянства, нередко содержащих рукописные вкладки А. В. Флоровского.

Опись части архива Семинара Н. П. Кондакова, полученной у П. А. Хмырова (Прага)

1. Икона Владимирской Богоматери, представляющая собой копию, выполненную в 1926 г. художником Г. О. Чириковым *.
2. Записки и письма Николая Яшвиля за 1877—78 гг.
3. Письма 1920-х годов разных лиц (В. Н. Златарского, А. А. Васильева, Г. В. Вернадского) к В. Н. Бенешевичу, связанные с деятельностью Семинара Кондакова.

* Третьяковская глерея (поступление № 41824, акт № 46) с благодарностью приняла копию Григория Осиповича Чирикова (27×18 доска, темпера), включив в свой основной фонд для использования в передвижных выставках.

Опись части архива проф. А. В. Соловьева, полученной от госпожи Н. Н. Соловьевой

Полученный мною от Н. Н. Соловьевой из Женевы в июне 1971 г. материал представляет собою выписки из источников, наброски статей и лекций, посвященные, во-первых, истории этнических терминов Русь, Россия, Украина; во-вторых, социально-политических определений — «великий князь», «самодержец», «царь»; в-третьих, источниковедческому анализу русских и иностранных источников по скандинаво-русским отношениям; наконец, историографическим наблюдениям.

Весь материал состоит из следующих рукописей, составляющих две объемистые папки:

1. Двадцать конвертов с материалами к теме Rossia (Nomina Varia), с. 839 г. до XVIII в. включительно.
2. Traités russo-grecs.
3. Происхождение и развитие имени «Русь» (лекция) (февраль 1942 г.)
4. «Русская земля» в XI веке.
5. Идея «Русской земли» в XIII веке.
6. Идея «Русской земли» в XIV веке.
7. Борьба за Русскую землю в XV веке.
8. Украина
9. Борьба за государство всея Руси в XV веке (14 ноября 1941 г.)
10. Великая и Малая Русь.
11. Русия в Крыму и на Дону.
12. Неманская Русь (19 апреля 1940 г.).
13. Городенское княжество и Литва (февраль 1945 г.).
14. Имена «Россия» и «Русия» (глава V).
15. (О Руси).
16. Поляки, турки и славяне.
17. Происхождение русского имени.
18. Исторические судьбы имени «Русь».
19. Русь и река Рось.
20. Tota Rossia.
21. Печать архонта России.
22. Герб Владимира Святого.
23. Походы на половцев. 1168, 1184, 1185 гг.
24. (Что такое «отний злат стол»?).
25. (Известия Ипатьевской летописи и В. Н. Татищева о событиях 1185 г.).
26. (Русско-скандинавские наброски).
27. Мнения историков о характере власти.
28. Две заметки (княжата).
29. La rivalité entre les Olgoviči et les Monomašiči.
30. («Великий князь» в Древней Руси).
31. Единство и раздробление в X—XIII вв. (мнения).

32. Великий князь и князья.
33. («Самодержец» в XIV—XVI вв.).
34. Царь и государь Василий III (1505—1533) (2 марта 1954 г.).
35. Историографические заметки (выписки из сочинений Ломоносова, Державина, Дьяконова, Н. П. Лихачева, И. Снегарова, А. Копытянского).
36. (О А. И. Сулакидзе и С. Лесном).
37. Князь Игорь и его семья (5 августа 1960 г.).
38. История русского права.
39. (Летописные и житийные отрывки).
40. (Разные отрывки).

Приложение IV
Воспоминания (из архива В. Т. Пашуто)

Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет

Н. Н. Алексеев

Я прожил в Константинополе около года и привык к нему. Мне нравилась эта разношерстная, шумная толпа на улицах, эти пестрые базары, напоминавшие несколько парижские рынки с кричащими продавцами, с горами наваленных апельсинов, морской рыбы, смешно разукрашенных мясных туш, бифстеков, эскалопов. В то же время это был жуткий город, где в темных закоулках узеньких улиц могли прирезать, подколоть, ограбить. В то время существовал еще параллельно большому мосту, ведущему из Галаты в Стамбул, другой, деревянный, стоявший на каких-то сваях и расположенный несколько выше по Золотому Рогу, со входом к местности пустынной и мрачной. По нему, сокращая путь, ходили более всего служащие на Пере люди, жившие на окраинах Стамбула, вне его оживленной, торговой части. Случилось как-то, что люди, ходившие по этому мосту вечером после службы, стали пропадать: выйдет человек из своей конторы на Пере в зимние сумерки, а домой не придет, исчезнет бесследно. Об исчезновении этом была извещена международная полиция, поддерживавшая порядок в оккупированном союзниками городе. Стали следить, поставили соглядатаев при входе и выходе на этом мосту. И обнаружилось, что люди пропадают посреди моста (Золотой Рог ведь довольно широк.) Английская разведка обнаружила, что посреди моста, под деревянными сваями и балками, живут какие-то люди, хорошо вооруженные и выходившие по ночам «на охоту» в город и его окрестности. В один день к мосту с той и другой его стороны были подведены два отряда английского оккупационного войска, мост был блокирован и солдаты, в присутствии многочисленных, стоявших по берегам зрителей, держа оружие наготове, начали осторожно подходить к тому месту, где под мостом, около самой воды, виднелась масса свай и деревянных балок. Солдаты начали обстреливать, они отвечали и под конец бросили несколько разрывных бомб. Подмостные жители сдались и оказались разбойниками, происходившими из местности около Смирны. Говорили, что это не турки, а выселенцы с Кавказа из племени, если не ошибаюсь, «лазов». Вот каков был этот разноплеменный город, в котором чистых турок в те времена было меньшинство и который населяли



Н. Н. Алексеев

греки, армяне, левантинцы и наводнившие Царьград многочисленные русские беженцы. Турки, кто мог, ушли на восточную сторону Босфора, в Анатолию, где в Анкаре, второй столице, сидел враждебный «союзникам» Кемаль Ататурк.

В европейской части Константинополя доминировали тогда русские, пооткрывшие свои шикарные рестораны, кофейни и скромные лавочки. Чем только они ни занимались, эти наши соотечественники. Одному русскому полковнику, ночевавшему по бедности в турецких банях, полных черными тараканами, пришла мысль устроить «тараканьи бега». Путем очень хитроумного приспособления ему удалось заставить тараканов бежать в застекленном ящике и обгонять друг друга. Каждый таракан был под номером, как беговые лошади, и те из них, которые первыми достигали финиш, считались выигравшими. Публика ставила деньги на своих фаворитов, и пришедшие первыми получали деньги, как в тотализаторе. Константинопольская публика азартна и успех у публики этого хитрого учреждения был колоссальный.

Когда международная полицейская комиссия предприняла контроль разных злачных мест в Царьграде, английский майор, начальник контроля, посмотрел на это затейливое учреждение,

и, будучи спортсменом, решил сам сыграть на бегах. Сыграл раз, сыграл два, махнул рукой и заявил: «это так глупо и в то же время гениально сделано, что я позволяю „бегам" продолжать свою деятельность»... Менее благоприятна была затея нескольких русских офицеров Генерального штаба. Один из них отлично говорил по-турецки, по-гречески и по-армянски. Его одели в саван, как покойника, положили в черный гроб, на котором был изображен череп с двумя костями, гроб стоял в специально снятом помещении на столе. Перед этим гроб этот с генштабистом возили по улицам, на камионе, и нанятые греки и армяне, сопровождавшие камион, кричали: «знаменитый предсказатель, угадывает будущее, угадывает прошлое, дает советы о настоящем». «Идите на такую-то улицу, узнаете свою судьбу»... В помещении на улице этот гроб стоял на столе, а оживший там генштабист отвечал на вопросы, предлагавшиеся ему преимущественно женщинами на всех названных языках. Предприятие это имело огромный успех, но было закрыто контрольной комиссией.

Кого только я не встретил в те дни в Константинополе. Казалось, что тени прошлого, смутные и забытые, вдруг ожили, воскресли в виде живых людей, полинявших и постаревших, но облеченных в земную плоть и кровь. Я встретил гимназического товарища из 3-й Московской гимназии, он работал врачом в каком-то лазарете. Встретил бывшего обитателя «аристократической камеры в Бутырской тюрьме», редактора Бутырского университета Л. С. Мееровича, который, как и в Москве, был помощником (адвокатским) Игоря Кистяковского, бывшего профессора и министра внутренних дел у гетмана Скоропадского. Кистяковский производил в Константинополе спекулятивные операции большого размаха: он в компании с какими-то другими спекулянтами скупил весь сахар, который привезен был на пароходах в Царьград, блокировал его так, что бывшая турецкая столица очутилась в один день без сахара, затем пустил сахар в оборот, подняв на него цену — операция, принесшая ему большие барыши. Встретил товарищей моих по Дрезденскому политехникуму, в котором был вольнослушателем, когда обучал в Дрездене внуков графа П. А. Шувалова. Встретил генерального секретаря Крымского краевого правительства (Винавера и Набокова), Калачева, который был столь любезен, что передал мне заведование учрежденными в Константинополе курсами для подготовки на аттестат зрелости. На курсах слушателями были великовозрастные бывшие гимназисты, имевшие свидетельство об окончании 7 классов русских гимназий и не желавшие поступать в константинопольские русские гимназии, в которых не было еще восьмого класса. Таких гимназий в Константинополе оказалось целых три — гимназия «Союз городов», гимназия, учрежденная митрополитом Анастасием на деньги, полученные от римских католиков и, наконец, гимназия, учрежденная в Иени-Кее на Босфор (в сорока минутах езды на пароходе от столицы) женой бывшего русского посланника в Турции (эпохи временного правительства), В. В. Нератовой. Встретил

нескольких бывших студентов Таврического и Московского университетов. Встретил офицеров Крымского конного полка и, разумеется, многих «осважных» чиновников. Словом, кто читал эти мои воспоминания, тот видит, что я жил среди живых свидетелей всей моей прошлой жизни. Но свидетели эти были бессильны осветить мое будущее, которое было темно и безнадежно. Запас английских фунтов, полученных от генерала Никольского, быстро таял, и думал я, когда он растает, что же я буду делать? Я рассылал анкеты в разные международные учреждения, через которые можно было устроиться в иностранные университеты, но результаты этих поисков не внушали никаких особых надежд.

Я вскоре в Константинополе нашел заработок. Был заведывающим курсами для подготовки на аттестат зрелости и преподавателем на этих курсах. Учеников было на курсах человек 40. Позднее, к весне, мне предложили быть инспектором по учебной части в гимназии, учрежденной женой бывшего русского посла в Константинополе, Нератова (посол Временного правительства). Гимназия помещалась на Босфоре, в Иени-Кее, в роскошном мраморном дворце какого-то турецкого принца немецкой ориентации, и сбежавшего после окончания войны и оккупации Царьграда союзниками в Германию. Дворец помещался на самом берегу пролива, а прилегающие к нему владения расположены были по холму над Босфорским проливом, усаженному богатой растительностью и фруктовыми деревьями. На самом верху холма были построены небольшие домики, как я убедился, многочисленные гаремы принца. Один домик дали мне для жительства. Меня удивило, что двери в нем запирались не изнутри, как обычно бывает, а снаружи, особым весьма солидным болтом. Окна в домике имели решетки, как в тюрьме. Принц запирал своих жен на ночь, что делал и его сосед турок, усадьба которого прилегала к нашей, а гарем во втором этаже дома виднелся из моего сада. Соседские жены целыми днями скучая сидели у окон, перемигивались и переговаривались с нашими гимназическими надзирателями-офицерами, квартировавшими в саду около меня. Дело зашло так далеко, что один из этих надзирателей ухитрился перелезть через забор и проникнуть в гарем. Об этом был сделан донос соседу-турку; который подал жалобу Нератовой. Мне по долгу службы пришлось делать выговор нашему Дон-Жуану, что я производил с напускной серьезностью и едва удерживая улыбку. Вспоминал по этому поводу Пушкина: «Стамбул отрекся от пророка... В нем веры чистой жар потух. В нем жены по кладбищам ходят, на перекрестки шлют старух, а те мужчин в гаремы водят, и спит подкупленный евнух»...

Я с радостью вспоминаю эти весенние и летние дни в Иен-Кее. Вокруг моего домика цвели розы всех сортов и всех окрасок — бежавший принц был, видно, их большим любителем. На юг, вдоль пролива, по направлению к городу темнели две башни, сторожившие вход в Царьград. Некогда между ними протягивалась цепь, запиравшая вход в город; в наши дни пролив был как бы оживленной улицей, по которой сновали лодочки, лодки, парусные и паро-

вые суда вплоть до огромных английских броненосцев, проходивших в Черное море. Далее между береговыми садами и пестрыми дворцами, виллами и маленькими турецкими домиками в туманной дымке виднелся Царьград, а за ним, еще дальше на юг, можно было различить далекие блики Мраморного моря и едва чернеющие очертанья Принцевых островов. На север пейзаж был пустыннее и диче. На нашей стороне Босфорского берега виден был большой сад летней резиденции бывшего нашего императорского посольства в Буюк-Дере, а за ним известный своей растительностью сад посольства германского. Дальше на север шли пустынные, мало заселенные места восточной Румелии. На противоположной нам, восточной стороне Босфора прямо против нас кончались заселенные места босфорских берегов. Был виден большой лес, около которого был расположен какой-то курорт, а затем поля, холмы и редкие деревни турецкой Малой Азии. Наши гимназические надзиратели-офицеры переправлялись на малоазиатскую сторону, где завели знакомство с жителями русской казачьей деревни, считавшими себя «булавинцами», бежавшими после бунта при Петре Великом, но, по-видимому, казаки эти выселились в Турцию много позднее вследствие гонений на старообрядцев. Замечательно, что казаки, совершенно отрезанные от родины и не собиравшиеся туда возвращаться, сохранили старинный русский быт, русские обычаи и чистый русский язык. Турки-кемалисты относились к ним хорошо и в течение войны России с Турцией не считали своими врагами. Наши офицеры ездили в эту казачью деревню на охоту, сталкивались там с кемалистской стражей, которая их не трогала, тогда как англичанин, проникнувший в кемалистскую зону, был бы непременно убит.

В конце описываемого лета в Константинополь пришли известия, что чехословацкий премьер-министр Бенеш берет на иждивение русских профессоров-беженцев и не успевших вследствие гражданской войны окончить свое высшее образование офицеров-добровольцев, застрявших в Турции. Бывший профессор Военно-медицинской Академии в Петербурге, Юревич, после переговоров с чехословацким консулом в Константинополе образовал комиссию для отбора бывших студентов-добровольцев и для проверки документов об их среднем и высшем образовании. Помимо этого я получил письма от оказавшегося в Праге П. И. Новгородцева, который звал меня в Чехословакию. Передо мною, как мне казалось, открывалась новая академическая дорога и, следовательно, нужно было покидать прекрасные Босфорские берега, тем более, что сама наша гимназия терпела финансовые затруднения. Английская помощь, на которую она существовала, постепенно оскудевала, попечительница Нератова начала хлопоты о переселении ее в Болгарию, куда она в конце концов действительно переселилась. Первая партия опрошенных нами добровольцев студентов отъехала в Прагу, нужно было собираться в путь и мне.

В начале октября я покинул Константинополь и направил

свои стопы в чехословацкую столицу, в которой начался следующий этап моей эмигрантской жизни.

Русская эмиграция в Праге не была столь многочисленна, как в других городах русского расселения, например, в Белграде, в Берлине 20-х годов, когда во время нэпа беженцы из России буквально наводнили прусскую столицу, и в Париже, когда русские после стабилизации германской марки перекочевали из Берлина во Францию.

Зато Прага оказалась интеллектуальным центром русского рассеянья, где сосредоточились, можно сказать, «сливки» русской противобольшевистской эмиграции, и политической и ученой. Как будто в Прагу переехало в миниатюре разогнанное большевиками Учредительное собрание. Здесь были многочисленные эсеры с Виктором Черновым во главе (но при отсутствии Керенского, обосновавшегося в Париже); были представители бывшей Уфимской Директории, левые эсеры во главе с пражским Земгором, Мансветов, Архангельский, Слоним, издававший свой журнал «Воля России»; присутствовал большой кадетский ареопаг, Астров, Юренев, графиня Панина, братья Долгоруковы, Петр и Павел, из которых последний так стосковался по родине, что переоделся в русского странника, взял палочку и пешком перешел советскую границу в Румынии, дошел до своего бывшего именья, где мужики его не выдали и — совершенное чудо — благополучно вернулся обратно в Прагу. Когда он решил проделать это во второй раз, то был арестован и расстрелян в мае 1927 года в Москве. Отсутствовал П. Н. Милюков, обосновавшийся в Париже и издававший самую влиятельную эмигрантскую газету «Последние новости». Он наезжал часто в Прагу с агитационной целью и пользовался денежной поддержкой Бенеша, очень ценившего русского республиканца-демократа. В Праге он имел небольшую группу своих сторонников, «эрдеков», которые в Чехословацкой эмиграции не имели особого успеха. Зато немалое количество сторонников имел Всероссийский Воинский Союз, политически примыкавший к монархистам, сторонникам великого князя Николая Николаевича. Похищенный большевиками в Париже председатель этой огранизации, генерал Кутепов, часто приезжал в Прагу и делал «смотр» своим бывшим подчиненным, большинство которых было в Праге находящимися на чешском иждивении студентами.

Из русских ученых первым, если я не ошибаюсь, — и совершенно самостоятельно — устроился здесь Е. А. Ляцкий, по политическому направлению своему близкий к «эсерам». Он был профессором литературы и держался в стороне от взятых на иждивение русских профессоров. Помогло Праге стать интеллектуальным центром русской эмиграции и то случайное обстоятельство, что представитель американской организации «Союз молодых людей» (так называемой ИМКА), П. Ф. Андерсен оборудовал в чехословацкой столице прекрасную, на современный лад устроенную типографию, полагая, что там он будет печатать для России свои издания «ИМКА-пресс», которые потом печатались в Париже

(центр этой организации и издательства помещался на Бульваре Монпарнасс). Но заметив, что в Россию его издания не идут, Андерсен продал по очень выгодной цене свою типографию чехам. В этой типографии Е. А. Ляцкий, получив большие деньги от чехов, начал печатать в массовом размере книги своего издательства, названного им «Пламя». В издательстве этом были напечатаны литературные произведения и ученые книги многих русских писателей и ученых, что способствовало превращению чешской столицы в интеллектуальный русский центр. Кроме Ляцкого, еще до начала акции Бенеша в направлении помощи русским ученым в Праге обосновались несколько русских славистов, известных славистам чешским, — В. А. Францев и Н. В. Ястребов, своим влиянием толкавшие чешские круги на русскую акцию. Ранее нас приехал в Прагу и А. С. Ломшаков, петербургский профессор и инженер-технолог, организационным способностям и энергии которого обязана удача русской акции. Много содействовал ее успеху и П. И. Новгородцев, который обосновался в Праге, думаю я, потому, что надеялся встретиться здесь со своей семьей. Жена его Лидия Антоновна была дочерью по происхождению своему угрорусса, правого русского общественного деятеля, обрусителя Дерптского университета и профессора — А. Будиловича; ее, как дочь уроженца Прикарпатской Руси, легко могли выпустить «на родину» советские власти, что они и действительно сделали.

Можно поставить вопрос, почему тогдашнее чешское правительство с такой щедростью и с таким широким размахом провело эту акцию помощи русским интеллектуальным силам? Помимо русских симпатий были и другие обстоятельства, толкавшие чехов на эту широкую благотворительность. Всем известно противосоветское наступление летом 1918 года отряда чешских легионеров, организованного в Сибири из бывших австрийских военнопленных, застрявших в силу революции в России. Наступление это в силу анархии, царствовавшей тогда в России, и слабости большевиков кончилось бы занятием Москвы, если бы по приказу из Лондона, из союзнического высшего военного совета, легионеры не должны были прекратить свое наступление и отступить на Владивосток, чтобы там сесть на союзнические корабли и присоединиться к французским и английским войскам, сражавшимся с немцами на западноевропейском фронте. При отступлении своем с Волги на Владивосток отряд легионеров в Казани нашел часть золотого запаса русского казначейства, говорят, целый вагон русского золота. Захватив вагон с собой, чехи увезли также и немало другого русского имущества. Я сам видел, как при раздаче прибывшим в Прагу русским студентам белья на раздаваемых рубашках было клеймо Земского союза и Союза городов. Золото это послужило фондом для образования в Праге чешского Легио-банка. Бенеш, сам бывший легионер и большой русофил, и президент Масарик чувствовали, будучи людьми в высшей степени порядочными и честными, некоторую неловкость создавшегося положения и считали, что у них есть моральная обязанность по отношению

к русским как-то возместить свой русский долг. Бенеш, как и почти все в начале двадцатых годов, был убежден, что большевизм не продержится в России более 5, самое бо́льшее, 10 лет и что воспитанная в Чехословакии русская молодежь вместе с их профессорами в этот срок вернутся в Россию и послужат там закваской для образования нового европейского демократического государственного строя. С разрешения чешского правительства в Праге был образован даже так называемый «третий» студенческий союз — союз «возвращенцев», перешедших на позицию советской власти (рядом с тремя студенческими союзами «невозвращенцев», резких противников «большевиков» — Галлиполийское землячество, так называемое ОРЭСО (союз студенческих союзов) и русский демократический союз, тяготевший к Милюкову и насчитывающий приблизительно около 200 студентов из многих сотен, принятых на иждивение). Буквально никто бы не поверил, если бы в начале 20-х годов кто-нибудь стал бы утверждать, что большевики продержатся еще 40 лет и больше — сказали бы, что человек сошел с ума. При моем некотором пессимизме я сам тогда так не думал, и на своем долгом веку знавал только троих людей, придерживавшихся противоположного мнения — Г. И. Чулкова, моего приятеля, который утверждал, что большевики будут царствовать 50 лет (о чем я раньше упоминал в этих моих воспоминаниях), профессора И. Х. Озерова, утверждавшего, что в мире скоро произойдет мировая революция и что места нам в будущем на земле не будет (см. выше), и проф. А. С. Ященко, также моего приятеля, утверждавшего, что большевистское государство превратится в огромную русскую многонациональную республику со своим собственным особым государственным строем и особым советским патриотизмом, который мы уже теперь должны разделять. Каждый из названных мною лиц был по-своему прав, но, должен признать, что более всего Сандро Ященко.

Приехав в Прагу поздно ночью, я нашел такси, шофер которого начал меня возить по незнакомому городу, сначала по всем отелям, потом по частным квартирам, где отдавались в наймы комнаты хотя бы на одну ночь — но безуспешно, свободных мест для ночлега в Праге не оказалось. Тогда шофер подвез меня к невысокому, но очень длинному, старому, довольно мрачному зданию, где, по его мнению, жили русские. Здание это называлось «Худобинцем» и было огромным старческим домом-богадельней, откуда старики были выселены и поселены прибывшие в Прагу многочисленные русские. В доме этом я прожил недели две-три и погрузился в бурный круговорот его жизни. Организационная работа, совещания, собрания, доклады, рефераты, прения, споры, полемика, занимали здесь весь день с утра до позднего вечера. Около окна большой крайней комнаты, служившей, вероятно, столовой, собиралась толпа пражских жителей, смотреть, как живут и что делают эти странные русские, которых средний городской обыватель никогда не видел. Особенно удивляло их то, что русский епископ в облачении служит там перед толпой собравшихся

обитателей «Худобинца» молебны — чехи ведь в среднем народ не религиозный, — и это для нас обычное явление возбуждало разговоры и даже нарекания. Из министерства прислали сказать, чтобы в избежание ненужных разговоров молебны служили в церкви, и их пришлось прекратить в «Худобинце».

Меня сразу засадили за работу по проверке документов приехавших иждивенцев, определения их образовательного ценза и устного допроса тех, у которых вообще никаких документов не было. Приходилось допрашивать, знает ли будущий студент латинский язык, каковы познания по математике, в каком среднем учебном заведении в России учился, кто был директор, какие были учителя и т. п. Работа тошная, кропотливая, изобличавшая во многих случаях понятное ловчение и ложь. Приехал человек после фронта учиться в Прагу, а вдруг оказывается, что все предшествовавшее образование сомнительно и никуда не принимают... Настоящая трагедия, из которой приходилось людей выпутывать и выручать, считаясь с довольно строгими требованиями чешского министерства для приема в высшие учебные заведения Чехословакии. Кроме общего отбора П. И. Новгородцев и я преимущественно занимались отбором тех, которые намеревались поступить на юридический факультет.

Весь приведенный мною богатый материал, касающийся Русского юридического факультета в Праге, любезно сообщен был мне П. А. Остроуховым, последним его секретарем. Я знавал его еще молодым человеком, всегда серьезным, сдержанным, самоотверженно преданным научной работе, более любящим скрывать свои научные способности, чем блистать ими напоказ. Когда факультет закрылся, профессора его частью разъехались, частью умерли, он один остался хранителем факультетского наследства и самоотверженно исполнял оставшиеся секретарские обязанности, а потом стал хранителем факультетского архива и верным проводником старых факультетских традиций. Вот именно мне недоставало подобного человека, когда я в своих воспоминаниях писал о Московском коммерческом институте, при описании которого мне пришлось полагаться только на свою слабую память, а здесь мне передан был живой, подлинный материал, без которого я был бы принужден ограничиться при описании факультета и его истории только общими фразами. Высказывая свою глубокую благодарность Петру Александровичу, я думаю, что к ней присоединятся не только оставшиеся в живых его члены и бывшие слушатели, но и будущие историки русской эмиграции, в жизни которой Пражский факультет сыграл немалую роль. Организация этого факультета была главным делом Павла Ивановича Новгородцева. Я много с ним по этому поводу говорил и спорил. По моему мнению, русские молодые люди, попавшие в Прагу, должны прежде всего научиться по крайней мере одному европейскому языку, а затем окончить курс в каком-либо техническом учебном заведении, хотя бы и не высшем. Это дало бы им возможность получить заработок в будущей жизни, когда чешское иждивение кончится. А что даст

им юридическое образование да еще по старорежимным учебникам? Я не испытывал никакого пафоса при открытии нашего факультета и чувствовал, что расхожусь с общим настроением и даже теряю популярность среди тех, которые собрались поступать на юридический факультет. Молодые люди меня часто спрашивали, что им делать, и я всегда отвечал: бросьте мысль о юридическом факультете, научитесь чинить электрическое освещение в домах, поправлять электрические звонки, изучите бухгалтерию, счетоведение и тому подобное, это на всякий случай создаст вам базу для будущего существования. Кто знает, что ожидает вас в будущем? После этого физиономии у спрашивающих вытягивались и они отходили от меня печальные и недовольные.

Самого Павла Ивановича я нашел, несмотря на проявляемую им энергию, в состоянии подавленном и угнетенном. В противоположность большинству из нас (и меня в частности) он чувствовал глубокую ответственность за то, что в России произошло, — как будто он своей прошлой деятельностью содействовал русскому развалу или по крайней мере недостаточно старался его предупредить. Воспоминание о его прошлой политической деятельности его угнетало, он не раз мне об этом говорил. Ошибочна была, говорил он, вечная оппозиция правительству в первой государственной Думе, не нужно было подписывать Выборгское воззвание, не нужны радикальные аграрные проекты и вообще весь молодой кадетский радикализм, которого не понимал наш народ. У него несомненно зародилась мысль об особых судьбах России, о непригодности к нам европейских мерок. Многие наши коллеги упрекали его в том, что он стал склоняться к евразийству, что считалось среди наших профессоров величайшим злом. Я думаю, что в евразийстве, тогда еще очень не оформившемся (в евразийских изданиях тогда сотрудничал, например, А. В. Карташев, в последующем непримиримый враг евразийства), Новгородцева привлекали главным образом его церковно-религиозные установки. Г. В. Флоровский, тогда еще не священник, а приват-доцент и один из основателей евразийства, писал, например: «жить и действовать в церкви, верить в свое дело в духе Христа, исходить из религиозного восприятия жизни — вот единственный путь, которым возможно выйти из исторических тупиков, образовавшихся среди развалин рухнувшей жизни. Великая Россия восстановится лишь после того, как начнет создаваться русская православная культура» («На путях. Утверждение евразийцев». Берлин, 1922). Чисто восточнический момент в евразийстве (в том же сборнике: «без татарщины не было бы России»), так же как и идея «идеократии» («подданство идее», см. «Евразийский Временник», кн. 3, Берлин, 1923) были Новгородцеву совершенно чужды. Павел Иванович и умер с совсем не евразийской мыслью, что «принцип свободного универсализма» есть предел, к которому «невольно тянется мысль нового времени» (см. статью его в немецком философско-правовом журнале «Philosophie und Recht», № 1, единственно появившийся на свет). «Релятивизм,— писал П. Ив. в 1923 году, — есть то миро-

воззрение, которое предполагается новой демократической идеей — когда же были евразийцы ,,релятивистами", можно сказать, что совсем наоборот, они были и есть догматики и менее всего европейскими демократами.» (см. статья Новгородцева в кратковременно существовавшем журнале «София», кн. 1, 1923, стр. 97).

В своих повышенно религиозных настроениях Павел Иванович — можно образно сказать — надел на себя вериги. Он часами выстаивал в холодной, нетопленной церкви, где происходило русское богослужение, навалив на себя огромное количество обязанностей в «Худобинце», плохо питался, не возвращаясь целый день домой. Мне приходилось почти что насильственно водить его на обед в ближайший ресторан, а то совсем останется без обеда, попьет чайку с хлебцем. Когда он, простудившись, получил бронхит и страшно стал кашлять, я его убеждал взять отпуск и поехать в Карлсбад или в Мариенбад, в санаторий, он остался неумолим. Так, заглушая внутреннюю тоску, он как будто намеренно убивал себя. К весне 1924 г. здоровье его сильно ухудшилось и он скончался 23 апреля от воспаления в легком и, как определили доктора, от общего острого склероза, который получил человек, никогда не выпивший рюмки водки, всегда умеренный и воздержанный во всем. Ему было, сколько помню, около 55 лет.

Мне ужасно больно вспоминать, что под конец жизни наши отношения сильно испортились — и не от расхождения в вопросе о юридическом факультете. Я даже с некоторым любопытством решил повторить московскую комбинацию — быть секретарем факультета при опытном и умелом его декане. И в административных делах у нас шло все очень гладко. Я пробыл секретарем до его смерти и покинул это место тогда, когда деканом был выбран Д. Д. Гримм, а на место секретаря был выбран А. В. Маклецов. У нас с Павлом Ивановичем начались сложные идеологические расхождения. Я в описываемые годы подготовил к печати книгу «Основы философии права», которая вышла из печати в 1923 году (издание помечено 1924-ым годом) у Ляцкого в его «Пламени». На публичном диспуте, устроенном П. И. Новгородцевым по поводу этой книги, он резко ополчился против меня. Я старался формулировать те основные моменты, которыми отличается право от нравственности и даже может быть противопоставлено ей. Новгородцев упрекал меня в том, что я будто бы отступил от русских традиций, согласно которым право нужно сливать с нравственностью. Отрицание права во имя нравственности он считал специфической чертой русской философии права (влияние славянофилов) — мысль, которую Павел Иванович провел в своей статье «Об особом характере русской философии права», помещенной в журнале «Философия и право» на немецком языке, Берлин, 1922 год, номер первый. Любимой, давно формулированной мыслью Новгородцева, была теза, что «общественный идеал» есть вечное, никогда не достижимое стремление людей, идущее в бесконечность (влияние Фихте); я же в своей вышеназванной книге считал идеал достижимым в каждый данный исторический момент и обуслов-

ленным исторической обстановкой, в которой протекает человеческая жизнь, вовсе не требующим «чуда человеческого преображения», как это утверждал Павел Иванович. На упомянутую статью Новгородцева и в ответ на его нападки я поместил довольно резкую рецензию в издаваемом в Берлине журнале «Новая Русская книга», номер второй, 1923 год. Мне теперь горько и смешно, что такие отвлеченные и далекие от жизни вопросы могли охладить сердечные отношения мои с человеком, которого я очень любил и которому был многим обязан в моей прошлой жизни.

Открытие Русского юридического факультета в Праге состоялось 18 мая 1922 года с разрешения Министерства иностранных дел и Министерства народного просвещения Чехословацкой республики. На открытии присутствовали известные представители чешского общества и русских учреждений и организаций, профессора Карлова университета и других чешских высших учебных заведений, русские профессора и студенты. Президиум состоял из членов правления Союза Русских Академических организаций за границей: проф. А. С. Ломшакова, проф. А. А. Копылова, проф. А. А. Вилкова, декана Русского юридического факультета в Праге проф. П. И. Новгородцева и секретаря факультета проф. Н. Н. Алексеева. В вступительной речи своей А. С. Ломшаков указал (надо сказать, не совсем правильно) на полное прекращение юридического образования в советской России и на закрытие там юридических факультетов. «Вот та причина, — сказал он, — по которой Союз Русских Академических организаций и Учебная коллегия считали своим долгом перед родиной и наукой употребить все усилия для создания Юридического факультета в Праге, где сложившаяся обстановка оказалась в высшей степени благоприятной для этого» — полный состав высокоавторитетных ученых, необходимый для преподавания на всех курсах Юридического факультета. «Высказываю, — так окончил он, — нашу глубокую сердечную благодарность народу чешскому, главе его господину Президенту доктору Масарику, правительству его в лице министров иностранных дел и народного просвещения, принявших близко и сердечно наши начинания, Университету Карлову и Университету в Братиславе в лице их ректоров и деканов юридического факультета, а также министерскому советнику Млчоху».

Блестящую речь сказал после этого П. И. Новгородцев, который на этот раз умолчал о своих отрицающих право славянофильских симпатиях и выказал себя апологетом правовых и государственных начал. Для меня все было приемлемо в этой речи, кроме разве только распространенной в те дни уверенности в скорое возвращение на родину и веры, что начатое нами в Праге дело послужит обновлению России. «Мы испытываем великую радость, — так начал он, — но вместе с тем сознаем великую национальную и патриотическую ответственность, закладывая сегодня основы Русского Юридического факультета. Среди неясных обстоятельств, пред лицом неведомого будущего начинаем мы дело, которое прежде всего требует твердого, спокойного и уве-

ренного руководства, большого напряжения сил и большой веры в Россию. Один из студентов, поступающих к нам, на мой вопрос, почему он избирает Юридический факультет, сказал мне: „Я делаю ставку на Россию". И действительно так, — открытие Русского юридического факультета есть ставка на Россию, ставка на ее будущее и, наконец, *ставка на право* (курсив мой). Учреждая наш факультет, мы твердо верим, что приближается время, когда Россия с стихийной и неудержимой силой обратится к правовым началам, когда, истомленная и исстрадавшаяся, она придет к необходимости строить свое государственное и общественное бытие на *строгих и точных началах права* (курсив мой). Вот какое предвидение, вот какое ожидание заставляет нас уже теперь готовиться самим и готовить наших молодых людей к ясному пониманию *творческой силы идей права и правового порядка.* Мы хотим, чтобы наши молодые люди, эти будущие строители России, твердо усвоили ту мысль, что среди тысячи путей, разрушенных и заброшенных в разоренной России, в ней должен быть прежде всего восстановлен такой важный и необходимый путь, как путь права, путь спокойного развития на основах свободы, законности и справедливости.

Я знаю, что найдутся скептики, которые скажут, каким же образом воспитанные и учившиеся в старых русских университетах научат новым путям жизни и новым путям права. Ведь над ними тяготеют традиции старого права и старых начал. И, конечно, найдутся ревнители новизны, которые заподозрят нашу юридическую школу в уклоне к контрреволюционным принципам. Все эти сомнения и подозрения я должен с самого начала категорически и решительно отвергнуть. Я мог бы повторить здесь слова, сказанные Альбертом Вандалем при открытии в Париже ряда курсов по истории французской революции. Наши лекции, говорил Вандаль, не представляют собой ни курсов революции, ни курсов контрреволюции, они будут держаться на почве истории, на почве науки. Вот точка зрения, которой мы хотим и будем держаться в нашей высшей школе. Это точка зрения науки, которая стоит выше самых великих политических событий, как бы ни казались они грандиозными, потрясающими, которая, не увлекаясь политической страстью, все изучает в свете критического и беспристрастного анализа.

Вместе с тем я должен отклонить и другое сомнение, которое также может возникнуть сейчас против русской высшей юридической школы. Каждое национальное юридическое преподавание (а юридическое преподавание не может не быть национальным) отправляется от изучения своего действующего права. Между тем в России старое право отвергнуто, нового не создано, так как из массы декретов и распоряжений власти, которые изданы в России за последнее время, можно извлечь скорее намеки на какой-то новый правопорядок, чем твердые и прочные его основы. И особенно в области гражданских, общественных и частных отношений все находится в расплавленном хаотическом состоянии. Что же

здесь изучать? На что направить свое главное внимание? У русских юристов как будто бы вырвана почва из-под ног, и нет самого главного основного предмета изучения, т. е. своего действующего права. Положение наше может казаться безвыходным, но на самом деле оно ставит нам лишь более сложные и ответственные задачи. У нас нет сейчас действующего права, но мы находимся накануне его создания, оно должно создаться и притом в особых условиях русской жизни. Оно должно отразить на себе ее исторические, национальные, хозяйственные, бытовые особенности. Вот здесь-то мы и находим настоящий предмет нашего изучения: задача русских юристов заключается в настоящее время в том, чтобы внимательным изучением истории своего права, сравнением его основ с иностранными образцами, углублением его возможностей и перспектив воспитать юридическую мысль к новому творчеству и созиданию на родной русской почве. Благодаря составу наших преподавателей, мы имеем счастливую возможность усилить и углубить исторические, экономические и философские предпосылки юридического преподавания, и это послужит прочным залогом лучшего осуществления наших целей. . .»

Так был открыт Русский юридический факультет в Праге. В течение летнего семестра 1922 года, а именно 13 июля, произошло торжественное принятие факультета под покровительство Карлова университета. Большая аудитория Математического института снова собрала большое количество профессоров и студентов. Собрание было открыто А. С. Ломшаковым и ректор Карлова университета проф. д-р Б. Немец произнес речь и объявил следующее постановление университетского сената: «Академический Сенат Карлова университета в своем заседании 7 июля 1922 г. единогласно постановил принять протекторат над Русским юридическим факультетом в Праге. Академический Сенат высказывает пожелание, чтобы Русский юридический факультет оказал благотворное влияние на воспитание молодых русских юристов в традициях славянского духа, чтобы он воспитал в них стражей закона и права и чтобы его питомцы оказались строителями новой России». Речи произнесли также декан факультета, проф. П. И. Новгородцев и декан юридического факультета Карлова университета проф. д-р Функ.

К моменту открытия факультета в личном составе его числились 14 профессоров: П. И. Новгородцев (быв. проф. Моск. унив. и директор моск. коммерч. института, в Отчете факультета за 1926—27 гг. ошибочно сказано, что Новгородцев был позднее проф. Таврического унив. в Симферополе — он им никогда не был, доктор государственного права).

Н. Н. Алексеев (быв. проф. Моск. ком. института и Таврического унив., в отчете пропущено — магистр госуд. права, с весны 1917 г. сверхштатный экстраорд. проф. Московского унив.)

А. А. Вилков (быв. доцент Варшавского унив. и проф. Донского унив. в Ростове-на-Дону)

П. И. Георгиевский (быв. заслуженный проф. Петроградского унив., доктор политич. экон.)

С. К. Гогель (быв. приват-доцент Петроград. унив., профессор Психо-неврологического института, позднее проф. Киевского коммерч. инст.)

Д. Д. Гримм (быв. заслуж. проф. Петроград. унив. и его ректор, доктор римского права)

С. В. Завадский (быв. проф. Александровского Лицея в Петрограде).

М. М. Катков (быв. проф. Киевск унив., Коммерческого инст. и высших женск. курсов, доктор римского права).

В. А. Косинский (быв. проф. и декан юрид. фак. Новороссийского унив., затем проф. Киевск. политехн. института и Коммерч. института, доктор политич. экономии).

А. В. Маклецов (быв. приват-доцент Харьковского унив. и проф. Новоалександрийского сельскохозяйственного института, в отчете ошибочно сказано в Харькове; позднее проф. в Любляне).

П. Б. Струве (быв. проф. Петроград. политехн. инст., член Российской академии наук, доктор политич. экономии).

В. Ф. Тотомьянц (приват-доцент Москов. унив., преподаватель в Лицее цесаревича Николая в Москве, позднее проф. Тифлисского политехн. и Высшей торговой школы в Берлине, так называемой «Хандельс-Хохшуле», имел докторский диплом заграничного университета).

А. Н. Фатеев (быв. проф. Харьковского унив. и Коммерч. института, если мне не изменяет память, магистр государственного права).

Г. Д. Гурвич (ученик Ф. В. Тарановского, который оставил его при Дерптском (Юрьевском) университете для подготовления к профессорскому званию, позднее, по моей памяти, получил в Дерпте (Юрьеве) звание приват-доцента; доктор философии Лейпцигского университета, в Праге защищал диссертацию на юридическом факультете на тему «Система конкретной этики И. Г. Фихте», издана на нем. языке Мором в Тюбингене; на диспуте официальным оппонентом был Н. Н. Алексеев, позднее докторировался в Сорбонне и ныне является там профессором).

В течение последующего времени в состав преподавателей факультета вошли еще следующие профессора.

Г. В. Вернадский (бывший приват-доцент Петроградского унив., затем проф. его филиала, Пермского унив., позднее Таврического унив. Переселился в США и стал там известным профессором русской истории и истории монголов в Иельском университете; опубликовал большое количество сочинений, доставивших ему общепризнанную известность).

Н. О. Лосский (бывший проф. Петроградского унив., доктор философии, является самым известным из русских философов в Европе и Америке, основатель школы интуитивистов, опубликовал огромное количество книг и статей на философские и психологические темы на всех европейских языках).

С. Н. Булгаков (быв. проф. Московского унив. и Коммерческого института, доктор политич. экономии; принял в 1917 г. в Москве священнический сан и стал протоиереем, отцом Сергием Булгаковым, профессором в Русском Богословском институте в Париже, является известным русским богословом, автором так наз. «софианства», направления, отрицаемого официальным русским богословием, видный деятель «экуменического движения», известный своими богословскими трудами в Англии и США).

Г. В. Флоровский (быв. приват-доцент Новороссийского унив. Защитил свою магистерскую диссертацию в Праге на Русск. Юрид. фак. на тему о философских воззрениях Герцена; офиц. оппонентом на его диспуте был П. Ив. Новгородцев; был одним из родоначальников евразийского движения, которое вскоре покинул и принял священнический сан; был проф. богословия в Русск. Богосл. институте в Париже, опубликовал много богословских книг и статей; после окончания второй мировой войны уехал в США, где состоит профессором богословия в одном из американских университетов).

Н. С. Тимашев (быв. приват-доцент Петроград. универс. и профессор Петроградского политех. института, магистр уголовного права; уехал в США, где выдвинулся как специалист по советскому праву и автор нескольких книг и статей на социологические темы).

Е. В. Спекторский (быв. профессор Варшавского унив., магистр госуд. права, затем доктор государств. права, получивший это звание за диссертацию, которую защищал в Москве весной 1917 года; официальными оппонентами были П. И. Новгородцев и Н. Н. Алексеев, в 1917—1918 г. состоял ректором Киевского университета, позднее перебрался в Прагу и Белград, наконец был избран ординарным профессором Люблянского университета, где пользовался большой популярностью и любовью студентов).

Кроме названных лиц преподавателями факультета состояли: А. А. Кизеветтер (быв. проф. Московского унив.), Н. С. Трошин (быв. проф. Томского унив.), А. В. Флоровский (быв. проф. Новороссийского унив.), А. А. Чупров (быв. проф. Петроградского политехникума и член-корреспондент Академии наук, скончался в 1927 г.), А. А. Боголепов (быв. приват-доцент Петроградского унив.), И. И. Лапшин (быв. проф. Петроградского унив., доктор философии).

Кроме того, как в деле преподавания на факультете, так и руководстве научной подготовкой магистрантов в области истории славянского права принимал участие известный профессор Карлова унив. К. Я. Кадлец.

Стремясь к насаждению юридического образования молодых людей, оставивших после гражданской войны свою родину, юридический факультет с самого своего основания обратил особое внимание на подготовку будущих научных и педагогических сил в виде оставленных для подготовки к профессорскому званию. Первоначальный контингент оставленных составился из лиц, уже ранее оставленных при русских факультетах, которым война

и революция помешали закончить свою научную подготовку. В дальнейшем число оставленных пополнилось лицами, получившими образование в Праге. Всего к 1927 году оставленных было 15 человек. Из них 14 на 1 июля 1927 г. успешно выдержали магистрантские испытания (а не испытания на ученую степень магистра, как говорил Отчет юридического факультета 1927 г. — в России существовали две научные степени, степень магистра и степень доктора известных наук, за исключением медицины, где существовала только одна степень доктора: степень магистра приобреталась публичной защитой диссертации и давала право занять кафедру экстраординарного профессора, степень доктора требовала такой же защиты второй диссертации и давала право быть ординарным профессором; для того, чтобы быть допущенными к защите диссертации, необходимо было выдержать особые *магистрантские* экзамены при факультете, сдача которых при последующем прочтении двух публичных лекций давала право на зачисление в приват-доценты Юридического факультета; к удивлению моему, цитированный мною Отчет не отличает магистранта от магистра). Оставленных при Пражском Юридическом факультете считалось 14 человек, 6 — по кафедре политической экономии и статистики, 4 — по кафедре истории русского права, 2 — по кафедре международного права, 1 — по кафедре римского права и 1 по кафедре государственного права, из них 4 не обучались ранее на нашем факультете, а были «со стороны», но получали стипендии от министерства. Все 14 человек успешно сдали магистрантские испытания и были зачислены в приват-доценты факультета. Из них двое представили печатные диссертации на ученую степень магистра и после публичной защиты их удостоились первой русской ученой степени, степени магистра, а именно:

1) М. А. Циммерман, быв. студент Петроградского унив., защищал в 1926 г. диссертацию на тему «Вмешательство и признание в международном праве» (напечатана в издательстве «Пламя»). Оппонентами были на публичном диспуте проф. Н. Н. Алексеев и проф. А. Н. Фатеев.

2) Магистрант факультета и приват-доцент М. В. Шахматов защищал литографированную книгу на тему «Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти» (в 1927 году). Оппонентами были Г. В. Вернадский и Е. В. Спекторский. Шахматов готовился к магистрантским испытаниям под моим руководством, но я нашел его совершенно неспособным к усвоению истории политических учений и государственного права по моей программе и от руководства им отказался.

М. А. Циммерман очень выдвинулся в последующей своей деятельности своими печатными трудами на русском, чешском и немецком языках и был избран экстраординарным профессором в чешский университет в Брно по кафедре международного права.

Особо выделился также своими научными работами окончивший Петроградский политехнический институт и после магист-

рантских испытаний ставший приват-доцентом юридического факультета в Праге П. Н. Савицкий (книги: 1) «Географические особенности России», часть 1, 1927. 2) «Россия — особый географический мир», 1927, и многочисленные статьи) стал главным вдохновителем евразийского движения, центром которого в конце двадцатых годов была Прага. Об этой стороне деятельности П. Н. Савицкого я буду говорить особо в следующей главе моих воспоминаний.

В увековечение памяти скончавшегося в 1924 г. первого декана факультета, П. И. Новгородцева, при факультете была учреждена стипендия его имени. На эту стипендию был принят в 1925 г. прибывший из Загреба студент, М. Е. Фридиев, который в 1926 г. окончил факультет. По окончании факультета Фридиев уехал в Париж, где докторировался в Сорбонне (диссертация его: «Происхождение идеи референдума в конституции 1793 года». Париж, 1931). В последующей своей деятельности он обосновался в Париже, где приобрел известность среди французских юристов своими многочисленными научными работами, перечисление которых заняло бы целых две страницы настоящего отчета. Он написал 20 статей, знакомящих французского читателя с советским правом, большое количество ежегодных отчетов о движении советского законодательства за период от 1938 до 1960 года, печатаемых в Трудах Института сравнительного права и других изданиях, и ряд исторических работ, появившихся в французских журналах (отметим особенно «Франция и Россия в французском общественном мнении», «Монд Слав», октябрь 1937; «Французское общественное мнение и польское восстание 1863 г.», там же, июнь—июль 1938; «Российская Империя с точки зрения людей реставрации», «Ревю интерн, де истуар политик конститюционель», 1956, № 2 и др.). Фридиев не сотрудничал в русской эмигрантской печати ни во Франции, ни в других странах. Он являлся «шарже де кур» (приват-доцентом) Юридич. фак. в Сорбонне.

Студентов на юридическом факультете всего больше было в 1924 и 1925 годах — именно 488. Позднее число студентов стало уменьшаться, и в 1927 году дошло до 132. Общее число окончивших факультет — 289 человек. Для окончания факультета необходимо было подвергнуться экзамену в юридической испытательной комиссии по тем же предметам, какие были обязательны в испытательной комиссии старых русских факультетов (уголовное право и процесс, гражданское право и процесс, торговое право, международное право). Выдержавшие это испытание получали соответственно отметкам дипломы первой или второй степени. Общее число окончивших равняется 289. Кроме того для окончивших с дипломом первой степени необходимо было представить дипломное сочинение.

В конце двадцатых годов началась постепенная ликвидация факультета. Последним учебным годом, в течение которого читались лекции, но уже только для студентов 4-го курса, был 1928/29 г.

В дальнейшем факультет, как ученая корпорация, собирался для производства магистрантских испытаний, для назначения рецензентов работ, представленных в качестве диссертаций, для заслушивания диспутов и т. п. Испытательная комиссия при факультете продолжалась до 15 июня 1932 г.

Ввиду недостатка учебников студенты факультета поручили специально избранной ими из своей среды комиссии организовать собственное издательство. Во главе всего этого дела был поставлен студент Г. А. Ситкевич, который был в то же время помощником управляющего канцелярией факультета, П. П. Киреева, сумевшего держать нашу канцелярию в образцовом порядке и всегда готового помочь нашим студентам своим советом в делах учебных и административных. Получив на первое обзаведение скромное пособие от чешского Комитета по обеспечению образования русских студентов и от других благотворительных учреждений, издательская комиссия решила для расширения своего дела прибегнуть к самообложению самих студентов, что создало значительный фонд, позволивший приобрести новое техническое оборудование (наборную машину и множительный аппарат), позволившее расширить технику печатания. Работниками в типографии были сами студенты — в конце концов в количестве 9 человек, получавших дополнительную плату за работу, причитаемую к обычному иждивению. Наконец, в 1925 году Комитет принял на себя все расходы по типографии. Непосредственное заведование работой типографии лежало с 1922 до 1925 г. на студенте А. А. Маркове, который сам был не только организатором, но и работником. С 1925 года общее руководство деятельностью издательства было возложено на проф. Н. Н. Алексеева, который периодически делал доклады о ходе работ и предлагал на утверждение факультета программу работ на следующий период. Он же сносился по вопросам издательства с Чешским Комитетом. Типография напечатала (литографским путем) ряд объемистых пособий к лекциям профессоров, например «Лекции по теории политической экономии», 1152 страницы, проф. В. А. Косинского; «Лекции по истории римского права» Д. Д. Гримма, — 895 страниц; «Гражданское право», лекции проф. С. В. Завадского, 682 страницы; «Общая теория государства», лекции проф. Н. Н. Алексеева, 511 страниц, и др. меньшего размера.

Несмотря на оппозицию многих старых профессоров и ввиду упреков левой части русской эмиграции в Праге, что преподавание на факультете ведется по совершенно устарелым учебникам, Н. Н. Алексеев, С. В. Завадский, А. В. Маклецов и Н. С. Тимашев подготовили в 1922 году и выпустили в свет в 1924 г. двухтомный сборник «Право Советской России», изданный в изд. «Пламя» и переизданный в немецком переводе в 1925, МОРОМ (П. Зибеком) в Тюбингене. Пражские эмигранты первые, если я не ошибаюсь, начали изучение советского права за границей.

Какие же можно подвести итоги этой большой и сложной семилетней работы (с 1922 по 1929 год)? «Что касается устройства

студентов по окончании факультета в Чехословакии, — пишет мне (от 29. I. 1960) наш бывший заведывающий канцелярии П. П. Киреев, — то здесь по специальности устроились очень мало, большинство наших юристов уехало во Францию и др. страны». Во Франции *по специальности* (также и в других странах) устроились единицы. «Кто из 3-го Союза студентов попал в СССР — сведений нет», — добавляет Киреев. Я знавал одного из бывших студентов, выехавшего в СССР, но вскоре вернувшегося оттуда за границу. Русский юридический факультет в Праге превратил одичавших в войне и мало образованных добровольцев-деникинцев в университетски образованных русских интеллигентов, которыми не захотела воспользоваться их родина и которые пошли по миру разносить остатки старой культуры, а иногда и знакомить мир с тем новым, что народилось в России.

Приложение V

Материалы к биографиям русских историков-эмигрантов (из архива В. Т. Пашуто)

Curriculum vitae Н. Е. Андреева

Николай Ефремович Андреев родился в Петербурге 13 марта 1908 г. В 1919 г., после отступления Северо-Западной Армии ген⟨ерал⟨а⟩ Юденича, вместе с родителями переехал в Эстонию, где в 1927 г. окончил Ревельскую городскую русскую гимназию (с похвалой). В том же году поступил на Философский факультет Карлова университета в Праге, на Отделение славянской филологии. Занимался гл⟨авным⟩ обр⟨азом⟩ у профессоров: В. А. Францева, Ю. Горака, А. А. Кизеветтера и Е. А. Ляцкого. В 1932 г. представил докторскую работу на тему «Дело дьяка Висковатого, как идейное и литературное явление»; по принятии факультетом этой работы и сдачи докторских экзаменов получил в 1933 г. звание доктора философии Карлова университета. Еще в 1928 г. был принят в число сотрудников Института им. Н. П. Кондакова, где проходил специальные курсы по археологии, истории древнерусского искусства и византиноведению (у А. П. Калитинского, Н. М. Беляева, Н. П. Толля и Г. А. Острогорского). В 1932 г. получил место библиотекаря института, которое занимает и в настоящее время; в 1933 г. был избран в действительные члены Института им. Кондакова.

Н. Андреев

Curriculum vitae профессора Б. П. Вышеславцева

Борис Петрович Вышеславцев родился в Москве 30 октября 1877 года, воспитывался в Московской 3-й гимназии и затем поступил в Московский императорский университет на юридический факультет, который окончил в 1899 году с дипломом первой степени.

Далее продолжал научные занятия на филологическом факультете в качестве вольнослушателя. Затем был зачислен в помощники присяжного поверенного при Московской судебной палате и занимался адвокатурой до 1903 года. В 1904 году получил премию от университета за философское сочинение и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1905 году держал магистерский экзамен по философии права, государственному праву и международному праву. В 1906 году прочи-

тал пробные лекции и получил звание приват-доцента по кафедре философии и теории права. В 1907 году был командирован за границу. В Берлине, Гейдельберге, Марбурге и Мюнхене, в Париже, в Риме и во Флоренции изучал историю философии точных наук, социологию, этику и историю искусства. В 1910 году вернулся в Россию и начал чтение лекций в университете, коммерческом институте и в университете Шанявского — по философии права, истории политических учений, истории философии и общей теории права. В 1914 году защитил диссертацию на тему «Этика Фихте. Учение о праве и нравственности в системе трансцендентальной философии». В январе 1918 года был избран профессором Московского университета по кафедре философии права. После большевистского переворота был лишен права чтения лекций. В 1922 году выехал за границу сначала в Берлин, а затем в Париж, где и жил начиная с 1923 года, читал лекции в основанном там Богословском институте (по этике) и руководил в качестве редактора русским религиозно-философским и литературным издательством. За это время был приглашаем для всякого рода лекций, докладов, курсов, научных занятий, участия в научных съездах и в различные научные центры Европы, как-то в Берлин, в Рим, в Оксфорд, в Женеву, в Цюрих, в Брюссель, в Голландию и Данию, в Софию, в Белград, в Афины, в Ригу, в Ковно, в Ревель и в Юрьев. Был избран почетным членом Психологического общества в Женеве и членом международного Института социологии и философии права.

Б. Вышеславцев

Краткое curriculum vitae проф. А. Д. Григорьева

Александр Дмитриевич Григорьев родился 3(15) октября 1874 года в г. Варшаве. Курс классической гимназии он окончил в г. 〈неясно〉 Седлецкой (впоследствии Холиской) губернии в 1895 году. Курс историко-философского факультета Московского университета он окончил в 1899 году с дипломом первой степени и с золотой медалью. После этого он был оставлен проф. И. И. Соколовым при университете для приготовления к профессорскому званию. Выдержав установленный магистерский экзамен, он 14 октября 1903 года был принят в число приват-доцентов Московского университета по кафедре русского языка и русской словесности. С 1 января 1905 года он был командирован за границу с ученой целью сроком на 2 года. За время своей командировки он в прежней Австро-Венгрии побывал в Вене, Белеграде Моравском, Кракове, Львове, Ужгороде, Турчанском св. Мартене и в Праге Чешской, знакомясь с профессорами-славистами, преподаванием славянских языков и литературы и с национальной жизнью славянских народов, а также с историей и немецкого языка и литературы. В Германии он провел 7 месяцев в Мюнхене, занимаясь у проф. Крумбахера византийской литературой и новогреческим языком. Во Франции он познакомился в Париже

с профессорами Бедье, Оманом и другими, знакомясь с историей французского языка и литературы и занимаясь в Национальной библиотеке для своей магистерской диссертации. По возвращении из командировки он читал в Московском университете разные курсы по истории древней русской литературы и русскому языку и служил в Московском архиве Министерства юстиции (в Литовской Метрике и в Описательном отделении).

1 апреля 1912 года он был назначен лектором русского языка в Варшавском университете. Защитив 20 октября 1913 г. в Харьковском университете диссертацию «Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты» (Москва. 1913. 562+316 стр.), он получил степень магистра русского языка и словесности, а 21 июля 1914 года был назначен экстраординарным профессором Варшавского университета. После эвакуации Варшавского университета в 1915 году в Ростов-на-Дону, он был в течение двух академических лет профессором Донского университета. Кроме того, в Варшаве и в Ростове-на-Дону он был профессором и деканом историко-филологического факультета Варшавских высших женских курсов, и в Ростове также профессором на одногодичных педагогических курсах для подготовки учителей средней школы.

С 1 июля 1917 года он, согласно избрания, был утвержден и. о. ординарного профессора Томского университета по кафедре русского языка и литературы и первым деканом историко-филологического факультета этого университета. В том же году ему было поручено заведывание Музеем этнографии и археологии при Томском университете. Согласно избранию Совета Томского университета был утвержден с 11 октября 1919 года на 3 года проректором Томского университета. 23 сентября 1920 года он был избран членом Института исследования Сибири.

Осенью 1922 года ввиду закрытия большевиками факультета общественных наук, в который был включен и бывший историко-филологический факультет, он был избран профессором в Читу, Иркутск и Пермь, но предпочел воспользоваться возможностью выехать из Советской России в Польшу. Прослужив в Польше 10 месяцев преподавателем частной русской гимназии в Брест-Литовском, он в апреле 1923 года был приглашен чешским правительством на службу в Чехословакию. Здесь первые 2 года он был преподавателем русского языка в Ужгородской реальной гимназии, а последние 11 лет в Пряшевской реальной гимназии. Осенью 1936 года ввиду достижения 60-летнего возраста он был уволен в отставку. В июле 1937 года он переехал в Прагу.

Из его научной деятельности можно отметить следующее.

В своей магистерской диссертации «Повесть об Акире Премудром» он рассмотрел сирийскую, арабскую, армянскую и славянскую версии этой повести и установил, что эта повесть появилась в ассиро-вавилонской литературе в 7 веке до Р. Х. и что на славянский литературный язык она была переведена русскими в конце 11 или в начале 12 века с сирийского языка и уже от русских перешла к южным славянам и румынам. Таким образом, он первый

указал на связь древней русской литературы с сирийской. За эту работу он Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук был удостоен Ломоносовской премии.

В 1899, 1900, 1901 годах он совершил 3 поездки на крайний север Европейской России для записи русских былин и исторических песен с напевами, причем записал более 400 былин и исторических песен, т. е. четверть всего записанного в России, и в том числе 8 новых сюжетов. За эти поездки он получил от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 2 серебряные медали и звание непременного члена этого общества. Издание собранных им былин и исторических песен приняла на себя Императорская Академия Наук в Петрограде, издавшая 1 и 3 тома их. По выходе 3 тома ему была присуждена Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук в Петрограде золотая Пушкинская медаль. Второй том собранных им былин был издан в 1939 году Чешской Академией наук и искусств в Праге.

В Москве по его инициативе возникла Московская диалектологическая комиссия, состоявшая при Академии наук. После признания ее постоянной комиссией Академии наук он был первым секретарем ее при председателе академике Ф. Е. Корше. При Варшавском университете он устроил кружок студентов для изучения Западной Руси и стал его руководителем. В Томске он устроил Общество этнографии, истории и археологии и был его первым председателем. Там же он занялся изучением русских старожильческих говоров Сибири, о которых делал доклады как в упомянутом обществе, так и в Институте исследования Сибири. В Пряшеве он продолжал обработку собранных им материалов по русским говорам Сибири и занялся изучением доисторической истории славян. В Праге он напечатал упомянутый 2 том архангельских былин и продолжает изучение доисторической истории славян и их соседей.

Он состоит непременным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, членом Имп. Общества истории и древностей российских, Московского археологического общества, Московской диалектологической комиссии в Москве, Общества истории и археологии в Варшаве, Общества этнографии, истории и археологии и Института исследования Сибири в Томске и Исторического общества в Праге.

А. Д. Григорьев

Изюмов Александр Филаретович
(Краткое curriculum vitae)

Родился 25 июля 1885 года (ст. ст.) в селе Озерках Костромской губернии, Чухломского уезда. По окончании Костромской Духовной Семинарии поступил на Историко-филологический факультет Московского университета, который и окончил с дипломом первой степени (Постановление Историко-филологической

испытательной комиссии от 30 мая 1914 года — диплом № 19105). Сразу же начал подготовку к магистерскому экзамену по русской истории у профессора М. К. Любавского, но должен был скоро прекратить вследствие поступления в Действующую армию. До марта 1918 года пробыл на фронте. С июля 1918 года до мая 1922 года состоял старшим инспектором Главного управления архивным делом (теперешний Центрархив). Со времени образования русско-польской делегации по выполнению Рижского договора состоял экспертом названной делегации по архивным вопросам. За эти же годы читал курс русской истории на университетском отделении Московских пречистенских курсов для рабочих, а также в открывшемся осенью 1919 года Костромском университете. В августе 1922 года был выслан советским правительством за границу без указания срока. Состоял секретарем группы высланных профессоров при организации Русского научного института в Берлине, в котором в течение первых трех лет читал курс по русской истории и вел практические занятия. С октября 1925 года переехал в Прагу, куда был приглашен для занятия должности Заведующего Отделом документов, которую занимаю и до настоящего времени. С февраля 1934 года назначен заместителем директора Архива с сохранением и заведывания Отделом документов.

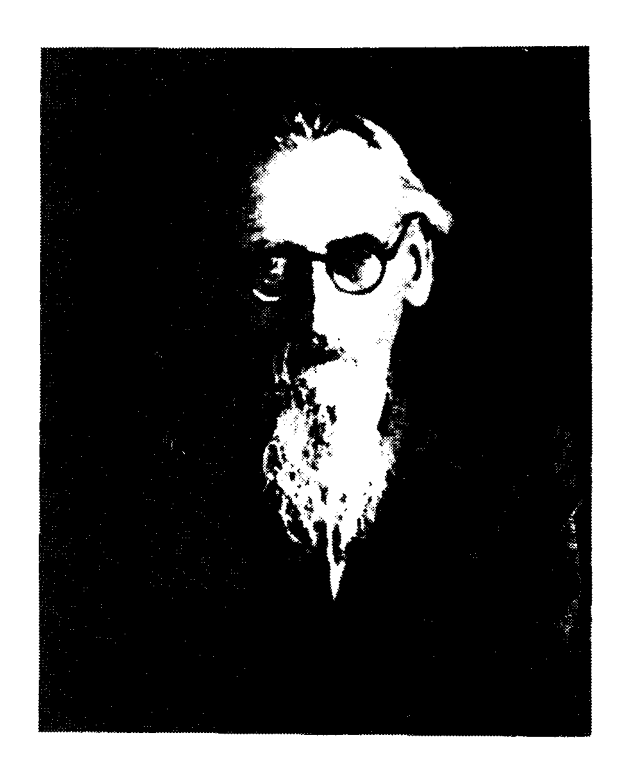
А. Ф. Изюмов

Биография Л. П. Карсавина

Карсавин Леон Платонович родился 14 декабря 1882 года в Петербурге, умер 19 июля 1952 года в Абезе. Историк, философ, профессор Каунасского и Вильнюсского университетов. Его отец был одним из создателей русского классического балета. Л. П. Карсавин в 1906 г. окончил историко-философский факультет Петербургского университета. Еще будучи студентом, получил золотую медаль за свою работу «Сидоний Аполинарий — представитель культуры V в.» (Работа опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения»).

Л. П. Карсавин был учеником профессора И. М. Гревса, который и направил его на изучение средневековья. Как философ Л. П. Карсавин был последователем В. Соловьева.

Уже в 1908—1910 гг. Л. П. Карсавин опубликовал ряд научных статей и в 1910 г. был послан на два года в Италию для сбора материала для труда на соискание степени магистра. В 1916 году в Петербургском университете защитил диссертацию на тему «Очерки религиозной жизни в Италии в XII—XIV веках». В 1916 г. избирается ординарным профессором, в 1921—1922 гг. — декан гуманитарных наук и ректор исторического института. В 1922 г. выслан из Советской России. Некоторое время жил в Берлине, где вместе с Бердяевым основал религиозную философскую академию. Из Берлина переехал в Париж. В 1928 г. был приглашен в Каунасский университет профессором кафедры Всеобщей истории гуманитарного факультета. В январе 1940 г. приглашается препо-



Л. П. Карсавин

давать в Вильнюсский университет, где проживал до 1945 г. После освобождения Советской Литвы Л. П. Карсавин еще некоторое время преподавал историю искусств в Вильнюсском художественном институте.

В крупнейших философских трудах: «Диалоги» (1923); «Джиордано Бруно» (1923); «О началах» (1925); «О личности» (1929), Л. П. Карсавин стремился объединить проблемы философии, религии и истории. Особенно высоко оценил Бруно и Гегеля. В своих трудах он объясняет, что философия должна быть служанкой, а не рабыней теологии.

Его взгляды на историю более широко изложены в работе «Философия истории» (1923) и «История культуры Европы», пять томов которой изданы в 1932—1939 гг. в Каунасе.

В этой работе Л. П. Карсавин стремился показать вклад Литвы в культуру Европы. Л. П. Карсавин отрицал закономерность исторического процесса и идею прогресса. В Каунасском университете он редактировал исторические труды гуманитарного факультета и «Древность» в 1935—1938 гг.

А. Шидлаускас

Биография И. И. Лаппо

Лаппо Иван Иванович (1869—1944. XII. 23 в Дрездене), русский историк, профессор Каунасского университета, в 1892 г. окончил историческое отделение Петербургского университета, где слушал лекции Васильевского, Ламанского, Платонова. В 1905—1919 годах — профессор Тартуского университета. Все отпускное время проводил в архивах, где собирал исторический материал. В 1912 г. Российская академия наук поручила ему подготовить новое издание его дальнейших исследований, которое было реализовано изданием двух крупных книг: Введение Статута и критический его текст (Литовский Статут 1588 г.) I т., 1-я часть в 1934 г., I т. 2-я часть в 1936 г., II т. в 1938 г. С 1921 по 1933 год он проживал в Праге, где преподавал в Русском университете. В 1933 году он был приглашен из Праги в Каунасский университет.

Большинство работ Лаппо касается истории Литвы и близких проблем. На русском языке он издал «История Твери в XVI в.» (1894), «Великое Литовское княжество от Люблинской унии до смерти Степана Батора» (1901), «Литовско-Русский повет и его сеймик» (1911). Кроме того, он подготовил три тома Литовской метрики, два из которых вошли в издание «Русская историческая библиотека» (2 и 30 тома). На литовском языке изданы «Попытка поручить поляку кафедру Вильнюсского епископа в конце XVI в.», Каунас, 1932 г., «Из истории Главного Литовского трибунала в XVI в.», Каунас, 1932; «Историческое значение Витовта», Каунас, 1933; «Литовский сейм и Люблинская уния», Каунас, 1940. Основной тезис работ Лаппо — и после Люблинской унии Литва не лишилась самостоятельности. Этот тезис был принят литовскими буржуазными историками, однако он встретил острую критику со стороны польских буржуазных историков.

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский

Род⟨ился⟩ 15(27) августа 1890 — умер в январе 1939 г. в больнице под Магаданом. Сын министра внутр⟨енних⟩ дел, князь (см. о семье — дневник матери: И⟨сторические⟩ записки, т. 77, 1965). Краткая биография дана в Краткой литературн⟨ой⟩ энцикл⟨опедии⟩, т. 4, 1967, стр. 862.

В 1914 г. за год окончил историко-филологический факультет П⟨е⟩т⟨ер⟩б⟨ургского⟩ ун-та у М. И. Ростовцева. В войну ранен, до ноября 1918 г. жил в родовом имении в Гиевке Харьковской губернии, потом — Деникин-Врангель и с отрядом Бредова в Польшу, но бежит из лагеря, рвет с Белой армией. Идет через Белград в Грецию, откуда по приглашению давно знавшего его слависта Мориса Беринга — в Лондонский университет. В Лондоне вообще лишь аристократ⟨ическая⟩ эмиграция. Пишет много о литературе, печатается и в СССР (см. Современный Запад, 1923, №1), статьи о советской литературе — в «Современных записках» и «Воле России», наездами в Париж, где в группе «Кочевка» (в ней М. Цветаева), и уже в одном обсуждении 1929 г.

dit, что «Жизнь Арсеньева» Бунина «отдаст за несколько строк Фадеева». Потом сотрудничает с евразийцами — редактирует «Версты» (вместе с Сувчинским и др.) и тяготеет к СССР. Перелому содействуют победы СССР, кризис 1929 г., письма Горького (см. Музей им. Горького, где 2 письма А. М. Горького Мирскому в Лондон и 17 писем Мирского — Горькому из Лондона и Парижа +⟨неразб.⟩ Горьким нескольких статей Мирского). За рубежом опубликовано 40 статей и 10 книг. Историей России занялся в 1927 г.: книга о соц⟨иалистической⟩ истории России переиздавалась в Лондоне, США, в 1967 г. в ФРГ; его книга «Ленин» (1930) переиздавалась в Англии в 1971; в 1931 — в США, дважды во Франции, один раз в Японии. Что тяготеет к марксизму, видно по статье «Наш марксизм» — «Евразия», №11, 2.02.1929. В 1930 г. переводит Владимирцева «Чингисхан». Вступает в английскую компартию и печатает статьи в ее органе The Labour Monthly. Осенью 1932 г. едет в СССР, где активно ⟨работает⟩ в литературе (215 работ). Переводит краткую историю России Покровского (1933 г.) на английский язык; публикует книгу о демократии — большевизме — в Вене (1932 г.). Как шел к нам, см. в статье его «История одного освобождения» (1932 г.). Писал и по историко-литерат⟨урной⟩ теме — см. «Октябрь», 1937, №7. В 1937 г. арестован, а в январе 1939 г. умер в больнице под Магаданом. В лагере пытался писать по литературе, была рукопись до 1000 стр., но погибла. Реабилитирован в 1965 г. Создана комиссия ССП. . .

В. Т. Пашуто

Александр Васильевич Соловьев, профессор Женевского университета

Скончался в Женеве 15 января 1971 года после долгой и тяжелой болезни.

Родился в 1890 году в Калише, где отец его был председателем мирового суда. Дед по матери был известным собирателем русских былин П. Н. Рыбников.

Закончив VI гимназию в Варшаве в 1908 году, А. В. поступил в Варшавский университет, сперва на юридический, а затем на филологический факультет. По окончании университета был назначен ассистентом юридического факультета и после эвакуации Варшавского университета во время первой мировой войны в Ростов-на-Дону, сдал магистерский экзамен. В 1918 и 1919 гг. в Ростове же он читал курс сравнительного славянского права и курс русской истории в Археологическом институте. В 1920 году он приехал в Белград (Югославия), где тотчас же был назначен лектором по сравнительному славянскому праву. В 1928 году защитил докторскую диссертацию: «Законник короля Стефана Душана», которая до сих пор считается одной из лучших работ в этой области. В 1930 году был избран экстраординарным профессором Белградского университета по кафедре «История права южных славян», а в 1936 году — ординарным профессором.



А. В. Соловьев

Одновременно он преподавал в течение 14 лет (1921—1935) русский язык и русскую литературу в старших классах Первой русско-сербской гимназии в Белграде.

В 1947 году А. В. был назначен деканом юридического факультета только что открытого университета в г. Сараево.

Покинув Югославию в 1951 году, он стал приват-доцентом философского факультета Женевского университета, а затем экстраординарным профессором по кафедре славянских языков и славянской литературы. Одновременно он читал курс по истории Византии.

В 1960 году вышел в отставку за выслугой лет и в 1961 году был избран профессором Honoris causa Женевского университета.

Вопросы, которые его особенно интересовали и о которых он написал многочисленные работы и статьи: русская история средних веков; история русского и славянского права вообще; история византийского права; история богомилов и катаров; русская литература вообще и, особенно, русская средневековая литература; русская музыка; геральдика ⟨...⟩

Биография А. В. Флоровского (1960 г.)

В середине ноября 1910 года в Одессе вышла в свет первая печатная научная работа Антония Васильевича Флоровского. Хотя он и продолжает по-прежнему свою научную и литературную деятельность и еще нельзя подвести последние итоги его ученой работе, однако истекающее в ноябре 1960 года полное полустолетие этой работы дает все же основание и возможность несколько оглянуться на пройденный А. В. Ф. ученый жизненный путь.

А. В. Ф. родился 1 (13) декабря 1884 г. в Елисаветграде (ныне Кировоград) в семье, которая дала русской науке уже четыре поколения активных работников, главным образом в области наук гуманистических. Еще на гимназической скамье в Одесской IV-ой классической гимназии (1894—1903) определились явные склонности А. В. Ф. в смысле научного интереса в области истории и литературы. Эти склонности привели его в 1903 г. в ряды студентов историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе. Здесь с первых же лет А. В. Ф. с особым интересом занимался в семинариях таких ученых, как Э. Р. фон Штерн (древняя история), В. М. Истрин (история древней русской литературы), Е. Н. Щепкина (история западной Европы) и особенно И. А. Линниченко (история России). В 1907 г. А. В. Ф. получил по отзыву И. А. Линниченко золотую медаль за студенческое сочинение, которое в дополненном виде и было в 1910 г. издано как его первое печатное произведение. По окончании в 1908 г. университета А. В. Ф. был оставлен при университете для приготовления к профессорской деятельности по кафедре русской истории. По сдаче в 1911 г. магистерских экзаменов он начал со второго семестра 1911/12 уч. г. чтение лекций в звании приват-доцента в родном университете в Одессе. В феврале 1916 г. А. В. получил степень магистра русской истории после публичной защиты диссертации в Московском университете, где его официальными оппонентами были профессора М. М. Богословский и Ю. В. Готье. Избранный тогда же факультетом и советом профессоров Новороссийского университета на кафедру русской истории, А. В. был утвержден верховной властью 17 января 1917 г. в этом звании профессора. На А. В. было возложено тогда преподавание древней русской истории, новую историю России читал с 1911 г. в Одессе проф. Е. П. Трифильев. С 1915 г. А. В. читал курсы по русской истории и на Высших женских курсах в Одессе, а в 1917—1918 гг. — курс экономической истории России и на недолговечном экономическом факультете Одесского политехнического института. После преобразования высшей школы Советской Украины в 1920 и сл. гг. А. В. состоял профессором вновь возникших из состава университета института народного образования, Института внешней торговли и во вновь созданном Археологическом институте в Одессе. К этому времени А. В. уже закончил

свою преподавательскую деятельность в средней школе, которой посвятил ряд лет, от 1907 г. начиная.

Помимо деятельности научной и преподавательской в рамках высшей школы в Одессе А. В. работал в ряде научных организаций и обществ в Одессе — в качестве библиотекаря и члена правления Одесского библиографического общества, члена Историко-филологического общества и библиотекаря, а затем и правителя дел и заведующего музеем Одесского общества истории и древностей (1915—1922). В 1920 г. А. В. состоял помощником заведующего Одесским областным архивным управлением, в 1921 г. — кратковременно директором сначала Одесской публичной библиотеки (бывшей городской) и затем главной библиотеки Одесской высшей школы (быв. Университетской).

Осенью 1922 г. в жизни и деятельности А. В. Ф. наступил резкий перелом. По распоряжению правительства он должен был покинуть родину и перенести свою деятельность за ее пределы. После нескольких месяцев пребывания в Константинополе, Софии и Белграде (1. IX. 1922 — 31. XII. 1922) А. В. Ф. поселился в Праге и здесь нашел новую почву для продолжения своей научной и академической деятельности. Войдя в состав Русской учебной коллегии, имевшей задачей содействовать образованию русских студентов в Чехословакии, А. В. читал курсы по истории России для русских студентов Карлова университета и ряд лет состоял председателем (деканом) историко-филологического отделения названной коллегии. С марта 1933 г. после смерти проф. А. А. Кизеветтера А. В. получил поручение читать курс истории России на философском факультете Пражского Карлова университета, а после ряда лет перерыва (в период закрытия университета при немецкой оккупации Чехословакии) возобновил чтение лекций и осенью 1948 г. был утвержден в звании ординарного профессора Карлова университета по кафедре русской истории. Эта деятельность продолжалась до осени 1957 г., когда А. В. по достижении установленного возраста закончил активную академическую деятельность.

2. I. 1936 г. А. В. согласно старым правилам русских университетов получил ученую степень доктора русской истории после публичной защиты диссертации в заседании Русской академической группы в Праге. В 1957 г. А. В. получил степень доктора исторических наук согласно новым правилам об ученых степенях в ЧСР — после публичной защиты диссертации в заседании научного совета исторического факультета Карлова университета. Еще в 1933 г. А. В. Ф. нострификовал свой русский диплом и был промован как доктор философии Карлова университета.

В течение пражского периода своей деятельности А. В. помимо работы в университете принимал активное участие в деятельности ряда научных организаций в Праге, с 1929 г. был членом Славянского института, с 1924 г. — товарищем председателя, а в 1938 — 1940 гг. и председателем Русского исторического общества в Праге, с 1925 г. — членом руководящих органов Русского заграничного



А. В. Флоровский

исторического архива, в 1933—1945 гг. — и председателем его ученого совета. В 1947—195⟨неразб.⟩ гг. А. В. состоял директором Археологического института Н. П. Кондакова в Праге. Вместе с тем А. В. принимал деятельное участие в ряде съездов и конференций по историческим наукам — трех съездов русских ученых за границей — в Праге (1923), Белграде (1928) и Софии (1930), двух международных конгрессах историков в 1934 г. (Варшава) и в 1938 г. (Цюрих), двух конгрессах по славяноведению — 1929 — Прага и 1934 — Варшава, конгрессе византинистов в Риме — 1936 и др. Кроме того, с 1927 г. А. В. вступил в состав правления Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран и был членом его рабочей комиссии по подготовке словаря славянских древностей по проекту проф. Фр. Буяка. Для этой комиссии А. В. Ф. выработал при содействии ряда русских специалистов предварительный план русской части словаря. В связи с этими работами в рамках федерации А. В. участвовал в нескольких съездах и конференциях ее органов в Варшаве (1927 и 1933), во Львове (1930), в Праге (1932), в Будапеште (1935) и Цюрихе (1938).

Учено-литературная деятельность А. В. Ф. за истекшее пятидесятилетие естественно разделяется на два периода — период

одесский (1910—1922) и период пражский (1923—1960). Хотя и после переезда в Прагу А. В. Ф. публиковал кое-что на основании ранее собранных архивных и иных материалов и по вопросам, занимавшим его внимание и в одесский период, однако в своей основе ученая работа А. В. в Праге была по необходимисти иначе ориентирована и иной круг проблем был предметом исследования в эти пражские годы.

Научные интересы А. В. были первоначально ориентированы в сторону изучения известных явлений социальной истории России нового времени, в частности в сторону изучения русского крепостного права в разных его проявлениях и с разных сторон его развития и ликвидации. Этот интерес сложился у А. В. еще на гимназической скамье и проявлялся в круге его чтения, отчасти под влиянием гимназического учителя и друга А. Ф. Музыченко. На университетской скамье А. В. в рамках этого своего интереса и приступил к самостоятельной научной работе, послужившей основой для первого его печатного труда 1910 г. По предложению проф. Линниченко историко-филологический факультет объявил темой для соискания медали в 1905 г. вопрос о крепостном праве в Законодательной комиссии 1767 г. А. В. за работу на эту тему получил в 1907 г. золотую медаль. А затем по окончании университета обратился к более широкому изучению материалов названной комиссии в архивах Петербурга и Москвы. Эти занятия 1909—1910 г. позволили А. В. значительно расширить и обогатить изложение своей медальной работы. Вместе с тем архивные занятия привели А. В. Ф. к решению посвятить и следующую свою самостоятельную работу именно истории Комиссии 1767 г. В частности, его заинтересовал вопрос самой организации комиссии с точки зрения участия в ней отдельных социальных группировок России. На этой почве и возникла его книга «Состав и т. д.», послужившая диссертацией на степень магистра русской истории. Вместе с тем на основании собранных изобильных материалов А. В. смог осветить и некоторые иные стороны организации и деятельности комиссии в ряде статей и очерков. Эти работы о Комиссии основаны были на богатом архивном материале, собранном в Государственном архиве, архивах Сената, Государственного совета, Морского министерства и Академии наук в Петербурге и в архивах Министерства юстиции, Военного министерства, Министерства иностранных дел и Румянцевского музея в Москве (приводим старые названия этих архивов). Эта богатая и тщательно обработанная документальная основа исследований А. В. составляла их основную ценность и обеспечила им признание, недаром и сейчас книги А. В. Ф. о Комиссии входят в железный запас монографий по истории России XVIII в., признаны были «блестящими» в историографическом обзоре В. И. Пичеты уже после переселения А. В. из России в Прагу. Интересно отметить, что в двадцатые годы книги А. В. были положены в основу одного из семинаров в Берлинском университете, который вел известный знаток русской истории проф. К. Штелин, и именно из этого семинара вышли

ценные немецкие работы о Комиссии 1767 г. Г. Ю. Закке. Последний иначе, чем А. В., оценивает отношение Екатерины II к Комиссии и по-иному рассматривает самую ее организацию и работу, однако этот совершенно естественный новый пересмотр данной проблемы своим исходным материалом имел как раз работы А. В. Ф. с их изобильным конкретным материалом. В 1916 г. книга А. В. Ф. о составе комиссии была удостоена Уваровской премии русской Академии наук по отзыву Я. Л. Барскова.

По окончании основных своих работ о Комиссии 1767 г. А. В. Ф. предполагал приступить к новой работе по истории XVIII же века, а именно хотел подвергнуть изучению историю и выводы III-й ревизии податного населения России в 1763 и сл. гг., данные этой ревизии служили основным материалом для всех планов и проектов правительства Екатерины II и в этом смысле представляли значительный интерес как для характеристики и социальных отношений второй половины XVIII в., так и для истории населения России вообще в это время. Как известно, только данные пятой ревизии были подвергнуты широкому историко-статистическому изучению в книге В. Дена, не говоря, конечно, о первых ревизиях Петра I. С другой стороны, перед А. В. Ф. возникла и мысль о желательности изучения истории русской колонизации Новороссийского края как необходимое дополнение к ряду имевшихся уже исследований по истории иностранной колонизации этого края, в частности, как раз незадолго до этого вышла в свет ценная книга Г. Г. Писаревского по истории иностранной колонизации в России. Между тем роль русского элемента в заселении Северного Причерноморья в XVIII—XIX вв. не была достаточно широко освещена, хотя и заслуживала такого изучения и разъяснения.

Эти планы не смогли быть, однако, осуществленными как потому, что приступ к преподаванию в Университете на положении профессора в первое время несколько отвлекал от собственно исследовательской работы, так и потому, что общие условия не позволяли широко осуществить изучение архивных фондов в столичных архивах ввиду все большей изоляции Одессы от северных центров страны. Ввиду этого исследовательская работа А. В. естественно должна была сосредоточиться по преимуществу на изучении местного архивного материала по местной истории. Эта ориентация была вполне естественна и необходима: интерес к истории города Одессы и целого края старой Новороссии с самого начала учебной деятельности А. В. занимал свое заметное место в круге конкретных планов его работы. Благоприятным обстоятельством для этого являлась наличность в Одессе весьма богатого архива упраздненного генерал-губернаторского управления Новороссией и Бессарабией — в его состав входили как материалы по управлению четырех губерний — Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Бессарабией, так и значительная часть архива Коша Сечи Запорожской XVIII в. А. В. стал одним из немногих активных посетителей этого архива и извлек из него немало ценного материала. И именно на материалах этого архива он при-

ступил к новой работе более или менее широкого значения — именно к изучению судьбы крестьянской реформы 1861 г. в Новороссии. В 1920 г. с организацией Одесского областного архивного управления, в состав которого вошел А. В., открылись возможности широкого изучения и бывших ранее недоступными секретных фондов генерал-губернаторского управления, позволивших вскрыть целый ряд интересных сторон жизни этого края. А. В. в течение 1920—1922 гг. подверг изучению отдельные стороны подготовки и проведения крестьянской реформы в Новороссии, предполагая затем включить экскурсы в состав более широкого труда. На очереди стояло изучение отношения общественного мнения края к вопросу об упразднении крепостного права. А. В. обложился комплектами газет г. Одессы и всего края предреформенных годов, но был буквально оторван от них и должен был через несколько дней покинуть родину. . .

Осев в Праге к началу 1923 г., А. В. должен был существенно иначе организовать свою дальнейшую научную работу. Правда, и здесь А. В. продолжал свою работу в некоторых направлениях, намеченных еще в Одессе. Он опубликовал несколько новых очерков по истории Комиссии 1767 г. на основании привезенных с собою из России материалов. Далее он продолжил и даже расширил свои разыскания в области начальной русской истории, начатые в связи с тем, что в Одессе с 1917 г. ему пришлось вести курсы именно по истории Древней Руси. В частности А. В. с особым вниманием откликался на новые работы по спорному вопросу о начале или происхождении Руси, наметив даже некоторый, неосуществленный впрочем, план общего обзора всех гипотез и догадок об этом в разрезе тысячелетия от IX до XIX ст. В Праге А. В. отдал немало внимания и занимавшим его еще в Одессе вопросам исторической библиографии и историографии. Войдя в связи с этим в состав организованного в Праге «Комитета русской книги», имевшего целью систематическую регистрацию всей русской печатной продукции вне Советской России, А. В. принимал ближайшее участие (как его второй председатель при проф. Ю. И. Поливке) в составлении печатного обзора всех русских изданий, вышедших вне пределов Советского Союза до 1924 г., а равно и устройстве большой выставки русской зарубежной книги в 1924 г. в Праге. С другой стороны, после возникновения в 1927 г. в Варшаве упомянутой выше Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран А. В. взял на себя труд составления систематических обзоров русской научной исторической продукции как вне пределов России, так и в Советском Союзе. Результатом этого было два обзора эмигрантской научной работы за 1918—1931 гг. и большой обзор советской исторической литературы за время до 1931 г. Эти обзоры, изданные по-французски, сыграли свою значительную роль в деле ознакомления западноевропейского научного мира с развитием русской исторической науки после войны 1914—1918 гг., после вызванного ею перерыва нормальных способов информации и научного общения между

западом и востоком Европы (ср. указания известного английского специалиста по истории России Г. Самнера, Оксфорд).*

Рядом с этими библиографическими обзорами А. В. опубликовал и ряд очерков о деятельности отдельных представителей русской исторической науки за рубежом России А. А. Кизеветтера, Е. Ф. Шмурло, Б. А. Евреинова.

Оказавшись в Чехословакии, А. В. естественно не мог не учесть и того факта, что в состав молодой тогда еще республики входила небольшая, но весьма интересная в историческом отношении область русского расселения — именно так называемая Угорская Русь, Закарпатская Русь. Посетив несколько раз этот край для чтения докладов и лекций, А. В. несколько специальных очерков посвятил работавшим в России в XVI и XIX вв. представителям Закарпатской Руси и др.

Все эти работы А. В. по начальной истории Руси, о прошлом Закарпатья и по русской исторической библиографии и т. д. не могли, однако, дать основу для создания некоторого органического плана научной работы вообще в новых условиях пражской жизни. Общая обстановка здесь первоначально была весьма мало благоприятной для продолжения начатого и намеченных ранее исследований. Запасы русских изданий и книг в библиотеках Праги в начале двадцатых годов нашего века были весьма скудны и неполны. Наиболее богатая русскими книгами в то время библиотека Национального музея могла предоставить исследователям любопытный подбор литературы XIX века, но подбор этот носил весьма случайный характер, хотя в некоторых отношениях и весьма ценный и интересный. Библиотека университета была очень бедна в этом отношении. Кое-что ценное имелось в библиотеке Карловского Общества наук. Кое-что и порою существенное можно было найти в библиотеках некоторых университетских семинаров — в историческом (проф. Бидло), историко-юридическом (проф. К. Я. Кадлец), археологическом (проф. Л. Г. Нидерле), славянском (проф. Мурко, Поливка и др.). Однако в Праге не было целого ряда основных русских коллекций, не было основоположной серии Полного собрания законов, комплекта Полного собрания летописей, подбора университетских диссертаций и т. д. и т. д. И только в 1925 г. в Праге положение начало серьезно меняться, когда возникли Славянская библиотека Министерства иностранных дел,

---

* Из Арх. Фл. Из речи весной 1923 г. на собр. историков в Праге: «Русские ученые за границей не только представители русской науки, которым привелось выполнить высокую роль ознакомления западного ученого мира с плодами русского научного труда, но они и орудие нормального и интенсивного питания русской научной деятельности. Пребывание многих десятков русских ученых за границей в различных центрах научной работы в вынужденной, для них м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ тягостной деятельности научной командировки должно быть залогом возможно более быстрого восстановления нормальной жизни и деятельности в России (когда она освободится от советской власти и вновь оживет)».

NB. Взятое в скобки позднее зачеркнуто другими чернилами; видимо, при начатой в 60-х гг. систематизации автором своего архива. — *Примеч. В. Т. Пашуто* (стр. 8 об.).

библиотека Русского заграничного исторического архива и др., вскоре превративших Прагу в город с богатейшими собраниями книг по истории России. Напомним, что в состав библиотеки славянской вошли такие собрания, как библиотека Ключевского из Москвы, библиотека Шмурло из Рима, библиотека Самариных (Измалковская) и многие иные частные и общественные собрания, имевшиеся за границей России.

Но в 1923 г. этот оборот дела еще не намечался. В силу этого поставить сколько-нибудь широко исследовательскую рабоу по истории России было исключительно трудно, если не приспособляться лишь к наличному составу пражских библиотек. Некоторые из русских историков, осевших тогда в Праге, имели в своем распоряжении уже подготовленные в русских условиях работы и смогли завершить их в пражской обстановке. А. В. пришел к решению ориентировать свои труды в новом для него направлении с учетом местных условий, рассматривая свое пребывание за границей как бы вынужденной заграничной командировкой с научными целями. А. В. поставил своей задачей — изучить историю русско-чешских отношений, т. е. выяснить, что чешские источники могут дать для истории России и что в русских источниках может быть полезно для истории Чехии. В прежнее время эта тема была затрагиваема в литературе только между прочим и в рамках частных исследований или очерков. Кое-что писал по этим вопросам А. Н. Ясинский, для нового времени много материала собрал В. А. Францев, в чешской литературе не было почти ничего. При самом начале работы в этом направлении А. В. еще не представлял себе всего возможного объема подобного труда, но полагал совершенно целесообразным и даже необходимым интенсивно использовать чешский исторический материал в интересах изучения русской истории. Результатом работы нескольких лет явился целый ряд книг А. В. Ф. В состав его двухтомной книги «Чехи и восточные славяне» вошел далеко не весь материал — в связи с тем, что по условиям издания книга должна была быть закончена вторым томом одинакового с первым объема. Между тем некоторые главы книги разрослись до размеров самостоятельных монографий и не могли быть включены в общую программу книги. Это относится, например, к истории чешской иезуитской миссии в России в эпоху Петра Великого, отчасти к истории деятельности Фр. Скорины в Чехии и т. д. В целом исследования А. В. Ф. в области истории русско-чешских отношений охватывают хронологически время от X до XVIII в., когда в силу ряда общеисторических условий наметились новые формы и темпы отношений, требовавших более широкого исторического и монографического обследования. Вместе с тем исследование А. В., охватывающее самые различные стороны отношений между чехами и восточными славянами, подвергает изучению и политические, и культурные, и экономические отношения. Исследование А. В. не имеет в виду изучение лишь вопросов истории славянской взаимности на чешско-русской почве, т. е. взаимного притяжения и дружеского взаимодействия двух народ-

ных элементов, но имеет в виду выяснение и освещение всех форм взаимодействия и взаимообщения, независимо от эмоционального момента, наличного в понятии славянской взаимности. Вместе с тем в работе А. В. в силу самого свойства изучаемых явлений широко затронуты и отношения чехов и русских с посредствующей средой — средой польской, силезской и т. д., что потребовало от исследователя широкого привлечения к изучению и обильного литературного материала немецкого, польского и иного, не только чешского и восточнославянского. Такая постановка работы дала А. В. возможность выявить целых ряд явлений, которые никак не привлекали еще внимания исследователей ни чешских, ни русских и установить ряд фактов и обстоятельств, по-новому освещавших различные стороны и чешской и восточнославянской жизни. Это относится, например, к области истории русско-чешской торговли, где работе А. В. придается значение открывателя новых явлений, новых перспектив, относится это, конечно, и к основанной на богатом архивном материале работе об иезуитах, о Скорине и т. д.

А. В. в своей многолетней работе по истории чешско-русских отношений ограничивается в части до XVIII в. по преимуществу доступными ему печатными источниками, что может в известном смысле неблагоприятно отразиться на известных страницах его исследований. Однако весь печатный материал был подвергнут исключительно внимательной и сосредоточенной оценке и критике и в этом смысле работа А. В. построена на весьма прочном и надежном источниковедческом фундаменте. Кроме того, архивный материал для развития русско-чешских отношений до XVIII в. чрезвычайно фрагментарен и случаен. А. В., конечно, посвятил немало усилий для изучения материала чешских архивов для истории России вообще. Но этот архивный материал касается по преимуществу XVI и XVII вв., в частности богатый подбор данных архивов дается в книге об иезуитах. Для этой работы А. В. познакомился с материалами, когда-то входившими в состав архива чешской провинции ордена иезуитова, ныне разрозненно хранящимися в архивах Праги, Брна, Тешина и др. В последнее время А. В. опубликовал ценные сведения о оставшемся в родовом архиве князей Кляри в Теплине (ныне в Дечине) дневнике графини Д. Ф. Фикельмон, содержащем весьма интересные данные из жизни русского столичного общества в Петербурге в тридцатые годы XIX в. И в частности и о А. С. Пушкине. Изучил А. В., конечно, и имеющиеся в чешских архивах материалы по истории пребывания в Чехии русских дипломатов царя Петра I в XVII—XVIII вв., эта глава еще не опубликована. А. В. далее обнаружил при своих разысканиях в архиве и данные о вторичном пребывании Фр. Скорины в Чехии в роли ученого садовода при королевском саду короля Фердинанда I.

Работы А. В. по истории чешско-русских отношений вызвали возражения с иной стороны — именно со стороны украинских историков, находивших неправильным включение явлений собственно украинской истории в рамки истории «русско-чешских»

отношений. Нет сомнения, что в развитии этих отношений на разных их этапах активную роль играли именно обитатели западной и южной Руси, т. е. белорусы и украинцы, и это обстоятельство А. В. со всей определенностью и отчетливостью в своих работах учитывает и объясняет. Однако самое понятие «русско-чешские» отношения А. В. применяет в самом широком смысле слова и понятие Русь поглощает все слагаемые восточнославянского народного целого.

Вне общего плана истории русско-чешских отношений X — XVIII вв. находятся некоторые работы А. В. по истории XIX в., тут он ограничился лишь некоторыми эпизодическими очерками, несколько подробнее остановившись лишь на истории русских посещений чешского курорта Марианские Лазни, — в этом проявилась дань его интереса и признательности к жизни этого городка, в котором немало месяцев проводил и проводит обычно А. В. Ф.

Работа А. В. над материалами по истории русско-чешских отношений привела А. В. к двум крупным проблемам, которые лишь частично были связаны с вопросами Чехии. Изучение судьбы иезуитской миссии в России в эпоху Петра Великого поставило перед А. В. вопрос о католическом влиянии на Руси в это время вообще, в связи с чем А. В. подверг обследованию все случаи проявления католического воздействия на русских людей в эпоху преобразований, в конце XVII в. и в начале XVIII, из ряда подготовленных очерков из этой области — «Русские католики Петровского времени» — в печати появились лишь три. Вместе с тем А. В. не мог не остановиться и на истории деятельности католических миссионеров в России в эпоху Петра I и помимо чешских иезуитов, последних в России, как известно, сменили в 1720 г. капуцины, истории капуцинской миссии в России А. В. посвятил ряд очерков, пока еще не вышедших в свет. Нужно иметь в виду, что для изучения истории католичества в России как раз в Праге оказались весьма важные и ценные материалы, — именно собрание копий документов римских архивов, особенно Архива Конгрегации пропаганды, богатый подбор копий был в свое время сделан чешским историком Г. Кольманом и хранится ныне в Центральном гос. архиве в Праге. С другой стороны, в Праге до 1945 г. имелся и другой запас копий римских документов, именно копии б. ученого корреспондента Академии наук в Риме проф. Шмурло. Эти и еще иные источники и были привлечены А. В. к изучению истории католических связей с Россией в эпоху Петра Великого.

Изучение истории иезуитской миссии в России привело А. В. вместе с тем и к другому ряду проблем. Дело в том, что иезуитская миссия эта находилась под формальным протекторатом не Рима, но Вены, императорского двора, т. е. была миссией императорской. В силу этого история миссии была теснейшим образом связана с русско-австрийскими политическими отношениями. Это повело А. В. к решению изучить соответствующий венский архивный материал и искать в нем освещение подробностей истории миссии. К этому же венскому материалу повело А. В. и его исследование

в области истории русско-чешской торговли. Русская торговая политика начала XVIII в. существенно затронула эти торговые связи, нанеся серьёзный удар посредствовавшей между Россией и Чехией Силезии, составлявшей важнейшую экономическую базу Австрии. На этой почве возникли серьезные переговоры между Австрией и Россией по вопросу о торговых отношениях, для их освещения венский архивный материал давал ценные указания и А. В. естественно интенсивно изучил венские данные и с этой историко-экономической стороны, причем естественно интерес А. В. к этому венскому материалу перерос конкретные задачи чешско-русской торговли во всем объеме. Эти работы А. В. — в ходу. Располагая полным знанием основного фонда венского архивного материала по сношениям Австрии с Россией, А. В. постепенно обрабатывает историю этих отношений в широкой перспективе истории русской внешней политики Петра Великого в первую четверть XVIII века. В 1954 г. А. В. опубликовал общий очерк истории русско-австрийских отношений, это было лишь предварительное сообщение, не полностью отражающее все результаты и стороны исследования А. В. Вместе с тем А. В. рядом частных сообщений и заметок из этой же области откликается на отдельные конкретные вопросы истории эпохи Петра I. В настоящее время им в более или менее законченном виде обработано несколько основных глав или частей большого исследования, работа над которым — в ходу. На пути к завершению работы имеются немало трудностей и препятствий, в частности для завершения работы было бы совершенно необходимо лично посетить некоторые заграничные архивы и библиотеки в Вене, Лондоне, Париже, Гааге и т. д., это, однако, пока оказывается неосуществимым ввиду препятствия формального характера. Нужно пожелать, чтобы эти препятствия в конце концов отпали и для А. В. Ф. открылись бы возможности сделать нужные завершительные экскурсии для доведения до конца большого замысла, имеющего несомненное заметное научное значение.

Примечания

Curriculum vitae Н. Е. Андреева. Светокопия машинописного текста, подлинник в АНМР. 1 лист. В левом углу рукописная помета: «от ⟨две неясные буквы⟩ 14/IV 1934». В конце текста: «Список научных работ Н. Е. Андреева». Список учтен В. Т. Пашуто при составлении библиографии историков-эмигрантов.

Curriculum vitae профессора Б. П. Вышеславцева. Фотокопия машинописного текста. Оригинал в АНМР. 3 листа. На л. 1 публикуемый текст, подписанный лично Б. П. Вышеславцевым, л. 2—3 — «Список научных трудов проф. Б. П. Вышеславцева», также подписанный им. Список учтен В. Т. Пашуто.

Краткое Curriculum vitae проф. А. Д. Григорьева. Фотокопия машинописного текста. Подлинник в АНМР. 6 листов. Л. 4—6 — «Главные печатные труды проф. А. Д. Григорьева». К Curriculum vitae приложено прошение с пометами А. Н. Фатеева, С. Пушкарева и др., рекомендующих А. Д. Григорьева в члены Совета Русского свободного университета:

В Совет Русского свободного университета в Праге

Бывшего профессора Томского университета
по кафедре русского языка и словесности
Александра Дмитриевича Григорьева

Прошение

Прилагая при сем свое краткое жизнеописание и список главных работ, имею честь просить принять меня в число членов Совета Русского свободного университета в Праге.

12.XII.1940

Проф. А. Григорьев

Изюмов Александр Филаретович. Фотокопия машинописного текста. Подлинник в АНМР. 1 лист. Включает список «Печатные труды». Лист подписан А. Ф. Изюмовым. В нижнем левом углу помета: «20-II—1934».

Биография Л. П. Карсавина. Машинопись. 2 листа. Составлена и прислана А. Шидлаускасом В. Т. Пашуто с сопроводительным письмом: «Глубокоуважаемый профессор. Оказалось, что найти более качественную фотографию Карсавина Л. П. и написать его биографию не так уж легко. Его дочери по этому вопросу заняли не очень-то благоприятную позицию. Со своей стороны сделал, что смог и как смог. Если это Вас удовлетворит, мне будет очень приятно. Если мог бы чем еще помочь, прошу все изложить в письме.

С наилучшими пожеланиями А. Шидлаускас».

Кроме биографии Л. П. Карсавина, в архиве В. Т. Пашуто имеется список его трудов на русском и литовском языках на 7 листах, сопровождаемый письмом А. Шидлаускаса от 3.VII.1975 г.: «Глубокоуважаемый профессор, с помощью работников библиографического отдела мне удалось составить список, который прилагается... С уважением А. Шидлаускас». Вверху помета Пашуто «Учтено».

Биография И. И. Лаппо. Машинопись. 2 листа. Составитель неизвестен.

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский. Черновой автограф В. Т. Пашуто.

Александр Васильевич Соловьев. Машинопись. 2 листа. Прислано Н. Н. Соловьевой (см. письмо № 165). Составитель неизвестен. Вместе с биографией А. В. Соловьева была прислана библиография его трудов.

Биография А. В. Флоровского. Машинопись, копия. 16 листов. Получено В. Т. Пашуто от В. А. Флоровской. Составитель неизвестен. Написана к 60-летию научной деятельности А. В. Флоровского в 1960 г.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. Т. ПАШУТО

Н. Е. Андреев — В. Т. Пашуто

1

26 июля 1974 г.

Глубокоуважаемый коллега,
не так давно по рекомендации И. О. Панаса[1] я послал Вам открытку[2], но по рассеянности[а] не с той маркой. Не уверенный, что она Вами получена, позволю себе обеспокоить Вас настоящим письмом.

Сейчас[б] я работаю над книгой, посвященной русской историографии, созданной эмиграцией 1920—1945 гг. О замысле и охвате работы мне довелось подробнее писать в газете «Голос Родины» № 7 за сей год[3]. Среди научных центров, оставивших заметный след в серьезной академической науке, был и Институт Кондакова[4]. Только поработав над его архивом, я понял, какая тяжелая миссия выпала на Вашу долю: ликвидировать дела, выполнить общие и частные финансовые обязательства, переправить книги и т. п. Но не на все вопросы отвечает архив.

Прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне, могу ли я рассчитывать на Ваше содействие в освещении некоторых вопросов чисто фактического характера, относящихся как к Институту Кондакова, так и к англо-саксонской части эмиграции вообще[в], разумеется, эта очень существенная для меня информация будет должным образом отмечена в книге.

С наилучшими пожеланиями

Уважающий Вас В. Пашуто

[а] Испр. вместо «неопытности».
[б] Испр. вместо «В настоящее время».
[в] Вставлено над строкой.

2

1 августа 1974 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Нахожусь на берегу Атлантического океана и только что, сию минуту, получил Ваше письмо от 26 июля. Прошу прощения, что запоздал с ответом на Вашу предыдущую открытку: я объяснил уже И. О. Панасу[1], что причина задержки лежит в том, что я был в отпуску, а потому в разъездах, и почта накопилась в угрожающем количестве, к тому же я слегка поболел.

Безусловно, Вы можете рассчитывать на полное мое содействие в вопросах, касающихся истории Института имени Н. П. Кондакова [2], и в других вопросах, поскольку я могу быть осведомленным в качестве «свидетеля истории».

Хочу сразу сообщить, что один из американских молодых историков Т. Н. Rhinelander (одно время — мой студент в Кембридже) занимается историей Института Кондакова: не помню сейчас, кто именно из американских историков привлек его внимание к Kondakov Institute [а], не помню, чтобы он интересовался темой, когда занимался со мной в Кембридже [а], но он начал собирать материал, побывал у покойного Г. В. Вернадского и списался с Н. П. Толлем — оба направили его ко мне; Tony Rhinelander тогда написал мне и прислал первую сводку собранных им сведений, которая привела меня в ужас, ибо «реальностью» в ней и не пахло. Я стал писать ему «разъяснения», а потом — [б] ибо это получилось сложно и длинно [б], просто написал (по-английски) более или менее связанное изложение событий, поскольку в них участвовал. Tony тогда приехал ко мне и просил разъяснить многие пункты, остававшиеся непонятными для него и не всегда отраженные в документах или в частных письмах, которыми американский исследователь пользовался. Он в какой-то момент делал доклад о Kondakov Institute на какой-то американской славистической конференции и, кажется, напечатает его в виде статьи [3]. Он прислал мне свой текст (после доклада): написано [в] добросовестно, старательно, но не без наивностей — я лично поставил бы иные ударения, освещая материал. . . Если Вы будете писать на эту тему, я охотно «освещу» то, что могло не получить правильного отражения у моего бывшего студента, или то, что не вполне ясно Вам из архивов (ведь частично они погибли при бомбардировке Белграда).

Уважающий Вас Николай Андреев

P. S. Сердечный привет профессору Панасу.

а-а Написано сбоку страницы.
б-б Вставлено над строкой.
в Вставлено над строкой.

3

20 августа 1974 г.

Глубокоуважаемый Николай Ефремович,
благодарю Вас за любезное согласие послужить мне первоисточником. Вопросы мои сводятся пока к следующему:

1. Каковы были тиражи Семинариум Кондаковианум [1] и его двух серий?
2. Как случилось, что тяжело занедуживший А. П. Калитинский вдруг повел из Парижа переговоры с Институтом (Музеем?) Рёриха? [2]

3. Какая часть архива и библиотеки СК находится в Белграде и где? На будущий год я туда собираюсь [3].
4. Когда скончалась М. А. Андреева, Н. Т. Беляев (металлург) и что известно Вам о библиографии Ю. Д. Бруцкуса (и когда он умер?)?
5. Был ли Ваш доклад на семинаре 8.5.1943 г. о псковских древностях последним, после чего пражская ветвь умерла вплоть до дней тщетных попыток А. В. Флоровского ее возродить? [4]
6. Как попала библиотека Преснякова [5] в Колумбийский университет?
7. Где есть хорошая фотография редакции СК?
8. Кто такой Джон, брат Чарльза Крейна [6]?
9. Что стало с белградской ветвью СК? Из нее ли возник институт Острогорского, где об этом писалось?
10. Как попала часть белградской переписки в пражский архив СК?
11. Кто доныне есть в Праге, могущий быть мне полезным в работе над книгой?
12. Что такое Русский народный университет в Англии и какие историки России (сверх Коновалова и Оболенского) по проблематике до 1861 г. трудились и трудятся там (Р. Смита [7] тоже не считая, его работы я хорошо знаю)?

На этом останавливаюсь, чтобы не было 13.

Простите, что засыпал Вас вопросами, но мне кажется, что именно по проблематике феодальной России русская историография в эмиграции (Прага, Париж, США, Харбин) сделала больше всего полезного. Было бы важно сосредоточить архивы крупных русских историков на родине: ведь повсюду они, в сущности, инородны.

Всего хорошего. Буду ждать Вашего письма.

Уважающий Вас В. Пашуто

Пользуясь случаем, посылаю о Корпусе [8].

4

21 сентября 1974 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Мы только что вернулись из Корнуелла [1], и я нашел Ваше письмо от 20 августа [2], которое почта [a] ошибочно доставила в наш пустовавший дом — вместо того, чтобы переслать, как было условлено, все на наш «атлантический берег». Ваше письмо не единственная ошибка почты, но я отвечаю на него в первую очередь, прося прощения за задержку, от меня не зависящую.

Отвечаю на Ваши вопросы.

1). Тиражи книг колебались.[a] Все издания Зографики и Скифики [3] выходили индивидуальными тиражами [a]. Первые тома «Семинариум Кондаковианум» [4] издавались большим тиражом (если я не ошибаюсь, 1200 экземпляров, потом снижено до 750, а тома IX и X, по-моему, были напечатаны в количестве 550 эк-

земпляров: 450 расходились «по подписке», регулярно, а сотня оставалась для дальнейшего обмена или случайной продажи. Все наши специальные периодические серии из всех стран (кроме Советского Союза) были получаемы в порядке обмена. [а]Наибольший спрос был на книги Анисимова и Грабара [5], кроме конечно, «Семин⟨ариум⟩ Кондаков⟨ианум⟩»[а].

2) Переговоры с Рерихом мне в деталях неизвестны. У меня было впечатление, что проф. Калитинский вел эти переговоры до своего заболевания, но — во всяком случае — все эти переговоры не оказали никакого влияния на работу Института [6].

3) В Белграде больше нет ни архива Института, ни книг из институтской библиотеки (которые были в конце 1938 и начале 1939 года отправлены «в целях сохранения» в белградское отделение Института): при первой же воздушной атаке гитлеровцев на Белград [6] дом, где помещалось отделение Института, был разрушен; сотрудники Института, Д. А. Расовский и жена его, И⟨рина⟩ Н⟨иколаевна⟩ Окунева, убиты, часть архива и часть библиотечных книг сгорела. Остатки были возвращены в Институт в Прагу.

4) Н. Т. Беляева я встретил впервые в начале 50-х годов в Париже. Он умер в половине пятидесятых годов там же. О М. А. Андреевой и Ю. Д. Бруцкусе ничего не знаю.

5) Нет. Последним докладом было интереснейшее [а] сообщение нашего реставратора икон Е. Е. Климова об его расчистке образа Спаса Вседержителя, из знаменитого [а] собрания старообрядца Солдатенкова (ныне этот образ в Москве) [7]. Если память мне не изменяет, доклад состоялся в декабре 1944 года.

6) Первый раз об этом слышу. Наведу справку.

7) Редакция никогда не фотографировалась.

8) Джон Крейн — сын Чарльза Крейна [8] (последний был великим другом Масарика, идеи независимой Чехословакии и чрезвычайно чтил ученость Н. П. Кондакова).

9) Ответ отчасти дан выше под номером 3. Институт Острогорского вырос из сербских учреждений. После гибели отделения Института имени Н. П. Кондакова в Белграде наши немецкие контролеры в Праге предполагали вывезти к нам Г. А. Острогорского (на что последний в принципе был согласен). Но начало войны с Советским Союзом радикально изменило всю обстановку. Профессор Гамперль [9] прямо сказал нам: «Германская политика меняется, — вывоз сюда Острогорского невозможен».

10) См. ответ под номером три.

11) Думаю, что все умерли или уехали.

12) В мой период такого здесь не было. Я расспрошу «старожилов». Что касается историков в Англии, работающих по проблематике до 1861 года, то их теперь, как грибов после дождя... Я позволю себе отослать Вас к библиографии: [в]A Bibliography of Works in English on Early Russian History to 1800, compiled by Peter A. Crowther. Oxford, 1969, 236 страниц [в]. А затем я подумаю и сообщу более индивидуально. Особенно «везет» XVIII веку.

Большое спасибо за «Вопросы истории» с планом «корпуса» [10]. Если у Вас есть отдельные Ваши статьи или рецензии или книги, пожалуйста, присылайте. Мы получаем советские новинки медленно и далеко не все, а у меня они всегда «в ходу». Я пользую новинки и на моих лекциях, и на индивидуальных занятиях со студентами, а иногда удается включить упоминания о них в текущие библиографические обзоры. Я лично выписываю «Вопросы истории» и «Историю СССР», но совсем не доходят отдельные сборники, областные издания и серии типа «Археографический ежегодник».

Надеюсь, что мои ответы будут для Вас небесполезны. Буду рад, в меру моей информированности, ответить и на следующие, ежели понадобится.

Уважающий Вас Ник⟨олай⟩ Андреев

P. S. Пожалуйста, передайте мой сердечный привет профессору И. О. Панасу.

[а-а] Впечатано над строкой.
[б-б] Вписано от руки над строкой.
[в-в] Вписано от руки и подчеркнуто.

Р. Бёрнз — В. Т. Пашуто

5

24 июля 1975 г.

Глубокоуважаемый коллега,
в надежде на встречу с Вами в Сан-Франциско [1] позволю себе обратиться к Вам с просьбой. Недавно я закончил книгу о статуте острова Корчула [2] и, наконец, засел за русскую эмигрантскую историографию. Вы лучше меня знаете, какую роль сыграла она в развитии современной русистики в США. Я был бы Вам очень признателен за возможно полные библиографии Г. Вернадского и Вашего учителя М. М. Карповича. Не знаю, получили ли Вы тоже недоступную пока мне книгу. . . [а]

Пользуясь случаем, разрешите подарить Вам последнюю книгу Б. Рыбакова [3], а также новейший указатель к Ипатьевской летописи [4]. Он может пригодиться Вашим ученикам.

Поклон всему Вашему милому семейству.

Уважающий Вас В. Пашуто

[а] Пропуск в тексте.

6

15 августа 1975 г.

Дорогой профессор Пашуто,

Я был очень рад получить Ваше письмо и жду встречи с Вами в Сан-Франциско [1].

Я возвращаюсь в Блумингтон 25 августа, поскольку в этот день начинаются занятия. Я собираюсь побывать на заседаниях Между-

народной комиссии по славистике в предыдущие два дня и надеюсь присутствовать на открытии Конгресса в пятницу.

Моя жена и я будем жить у знакомого по адресу. . . примерно с 20-го.

Я был счастлив узнать о Ваших новых научных интересах. Я сам работаю в той же области, как и другие.

Полная библиография трудов профессора Вернадского опубликована в: Alan D. Ferguson and Alfred Levin (editors). Essays in Russian History. A Collection Dedicated to George Vernadsky. Hamden, Conn. Archon Books, 1964, XIII—XXV. Я не знаю о полной библиографии Карповича, но Вам надо прочитать очерк о нем Филипа Э. Мозли в: Hugh Mc-Lean, Martin Malia, and George Fischer (editors), Russian Thought and Politics (Cambridge: Harvard, 1957), p. 1—13.

Если Вам окажется сложным получить эти книги, я с удовольствием сделаю ксерокс этих страниц и пришлю Вам.

Я буду рад показать Вам мою библиографию по этой теме, когда Вы в следующий раз приедете в Блумингтон [2].

Искренне Ваш Роберт Ф. Бёрнз

И. Бертеньи — В. Т. Пашуто

7

4 сентября 1974 г.

Дорогой Иван,

очень рад, что книги до Вас дошли, но наше пражское письмо, видимо, затерялось. Мы здесь будем до середины октября. Я сделал Корчулу [1], помянув Вас с благодарностью. Сейчас занят эмигрантами и вновь хочу прибегнуть к Вашей просвещенной помощи. И у Вас жил-был один эмигрант по имени Михаил Степан Самсонов. Он из Петербурга, доктор экономических наук королевского университета имени палатина Иосифа в Будапеште. У меня в картотеке две его загадочные статьи, опубликованные в «Dunántul Helikon», 1937, 1 szám, 44—50 p.[2] Что это за статьи и чем он еще известен — в этом и состоит обращенная к Вам моя покорнейшая просьба.

Наталью мою [3] Вы так обворожили Будапештом, что она в самых красивых местах Праги начинает: «А вот Иван показывал мне. . .»

Поклон Вашим родителям.

Всего хорошего. Ваш В. Пашуто

8

⟨11 октября 1974 г.⟩

Многоуважаемый Владимир Терентьевич!

Я получил Ваше письмо от 4-го сентября, посланное из Праги [1]. Я также думаю, что более раннее письмо могло пропасть на почте. Я попробовал поискать Вам данные о [a] Михаиле Степановиче Самсонове[2a]. Первая из упомянутых Вами статей носит заглавие:

[а] «Наука, втиснутая в партийные рамки в СССР» (Дунантульский Геликон, 1937, 1. 44—50 стр.) [а]. Статья эта написана с характерных контрреволюционных позиций, с позиций эмигранта. В ней говорится о том, как [б] «испортили» науку коммунисты в СССР. По его мнению, в Русскую Академию насильно послали неталантливых партийных кадров, тех ученых, которые протестовали — выслали, а Университеты и высшие школы принимают не согласно таланту, а благодаря партийным связям и происхождению и т. д. и т. п. По-моему, статья полностью незначительна в научном аспекте, правда, от жившего в контрреволюционной Венгрии русского эмигранта другого нельзя было ожидать, но в ней все же есть один интересный момент: в конце статьи автор неожиданно замечает, что в Советском Союзе за годы Советской власти открылся ряд новых высших учебных заведений.

Заглавие другой статьи: [а] «Русская наука за рубежом» (Дунантульский Геликон, 1937, 2—4, стр. 122—124) [а]. Тон статьи напоминает нам тон предыдущей статьи, но в ней опубликован ряд таких материалов, которыми можно пользоваться. В статье показано, какие союзы, общества, институты были основаны русскими учеными и интеллектуалами. Сперва он упоминает союз русских инженеров и химиков, но не указывает, где и при каких обстоятельствах организован был данный союз. Русский Академический Союз насчитывал в период написания статьи 472 члена, он организовался в 1921-ом году. В 1928-ом году проходил IV конгресс этого союза, был организован Русский Научный институт в центре с Белградом [3]. V съезд [4] был проведен в Софии в 1930-ом году, на нем прочли 140 докладов в 12-ти комиссиях. [а] В Париже была организована Русская Теологическая академия для подготовки эмигрантских священников, куда принимали 20 слушателей в год.

Русский Научный Институт (Белград) имел 5 секций и организовал 60 заседаний в год. Он выпустил 2 больших произведения [а]: «Труды IV конгресса зарубежных русских академических союзов» (1929) и «Библиграфию научных исследований русских эмигрантов» (1920—1930). Последняя работа, по словам Самсонова, большой труд объемом 400 страниц. [а] Институт издавал журнал «Анналы», с 1928-го года до времени [а] написания статьи, по сведениям Самсонова, вышло [а] 11 томов[а][5]. Для обеспечения эмигрантов литературой на родном языке организовали [а] «Русскую публичную [а] библиотеку» в 60 000 томов. Кроме этого функционировал и Русский книгоиздательский комитет. В Харбине существовал русский юридический факультет, в Праге вольный университет [6], а кроме этого (в статье не указано где) Научное Философское общество, Русская археологическая комиссия, Религиозно-Философская Академия, Русское Юридическое Общество, Русское историческое общество, Русский Зарубежный Архив, Парижский Народный Университет, Парижская Техническая высшая школа (Подробности о них не указаны в статье).

[а] В 1937-ом году, по мнению автора, Париж являлся центром

русской эмиграции[a], где работало [a] около 40 русских ученых[a]. Имена обществ в статье везде указаны на венгерском языке, поэтому я не знаю, понятен ли будет перевод. Я хотел Вам сфотографировать статью, но из-за контрреволюционной позиции автора библиотека не соглашается мне это сделать. Но если Вы в рамках международного книгообмена попросите об этом библиотеку — они пришлют Вам статью. Их адрес ⟨...⟩

Кроме вышеупомянутых я нашел еще 2 статьи Самсонова. Михаил Ш. Самсонов. [a] «Статус учрежденной Нансеном секции эмигрантов[a] Лиги Наций». 4 стр. Калога. типография Арисда, оттиск из юридического журнала «Jog ei államtuchomáupi sremle» III—IV, 1936 г. Заглавие другой [a] статьи: «Международный статус русского эмигранта. Калога. 1936» [a]. Оттиск из того же журнала (Январь 1936 г.). Обе статьи посвящены юридическому положению русской и армянской эмиграции, а также оказываемой ей материальной поддержке и т. д. Автор Михаил Ш. Самсонов фигурирует в качестве [a] «преподавателя русского языка на факультете экономических наук, бывший секретарь русской миссии» [a].

О Самсонове мне удалось узнать лишь это. Прошу Вас, сообщите мне по приезде в Москву, когда я Вам могу вернуть — с благодарностью! — книги, полученные от Вас весной.

Приветствую Вас дружески вместе с Натальей Александровной.

Иван Бертеньи

P. S. Уважаемый Владимир Терентьевич и Наталья Александровна! Пересылаю Вам через мою маму перевод письма Ивана ⟨Бертеньи⟩ и его посылку. Извините за опоздание, я хотел доставить сам, но вышло недоразумение. В феврале я попаду в Москву и буду у Вас. На всякий случай прилагаю письмо Ивана на венгерский[б], там точнее изложение заглавий статей. С уважением Миклош ⟨Кун⟩

[a] Подчеркнуто В. Т. Пашуто.
[б] Так в оригинале.

М. П. Бицилли — В. Т. Пашуто

9

18 октября 1974 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич!

Я Вам очень благодарна за хорошие слова о моем отце [1] и прошу извинить меня за то, что из-за болезни так задержалась с ответом [2]. Даже если бы я написала Вам сразу, мое письмо не застало бы Вас в Чехословакии [3], т. к. Ваше шло сюда очень долго.

К сожалению, я почти ничем не могу быть Вам полезна. Вы спрашиваете об архиве отца — его, собственно, не существует. Сохранились заметки, являвшиеся подготовительным материалом (иногда с явно выраженным библиографическим характером)

для лекций и докладов и научных тем, не получивших дальнейшей разработки.

Есть около 300 писем от русских и иностранных писателей и ученых, а писем отца нет, т. к. он никогда не пользовался черновиками и копий себе не оставлял.

Кроме того, у меня хранятся 2 неопубликованные статьи отца:

1. История развития социалистических идей в Европе (на болгарском языке — 1947/8 г.).
2. История русской общественной мысли (на русском языке — 1946 г.).

Я, конечно, с радостью предоставлю Вам полную возможность ознакомиться со всеми этими материалами, если у Вас будет случай приехать в Болгарию [4].

Библиография трудов П. М. Бицилли находится в библиотеке им. Ленина, куда я передала ее в марте 1973 г. зав. отделом рукописей С. В. Житомирской.

Посылаю Вам очень давнюю, но довольно удачную фотографию отца. С этим тоже вышла задержка, т. к. у меня была только одна такая, и я дала ее переснять.

Желаю Вам всего хорошего.

Уважающая Вас М. Бицилли

С. Н. Валк — В. Т. Пашуто

10

⟨1969 г.⟩

Дорогой Сигизмунд Натанович,
сердечно благодарю Вас за все замечания по статье. Внимательнейшим образом все учту и исправлю [1].

Мы с Л. В. Черепниным и А. П. Новосельцевым кончили книгу о трех вариантах феодализма в СССР (русском, прибалтийском и кавказском) [2]. Теперь хочу сделать книгу об истории русской зарубежной (эмигрантской) историографии за 1917—1945 гг. Много уже собрал, еще больше предстоит собрать. Там наряду с нечистью было немало честных и хороших ученых, которым пора дать место в отечественной историографии. Я буду оперировать тематикой, простирающейся до 1917 г. Вторую часть Внешней политики [3] буду писать сверх плана.

Еще раз огромное спасибо. Всего Вам хорошего.

С глубоким уважением Ваш В. Пашуто

11

30 сентября 1970 г.

Глубокоуважаемый Сигизмунд Натанович,

надеюсь, что Вы в добром здравии и осмеливаюсь обеспокоить Вас двумя вопросами, связанными с моей новой работой. На бли-

жайшие пять лет моя тема — возникновение, развитие и крах русской эмигрантской историографии (1917—1945 гг.) на материалах истории России до 1917 г. За последние годы я собрал порядочный материал в Праге, Берлине и др., обработал эмигрантские библиографии и пр. Вот я и [a] решил спросить Вас, не знаете ли Вы людей, архивов, собраний, могущих послужить для моей темы. Весной [1] я продолжу работу в пражском архиве Семинариум Кондаковианум: не припоминаете ли Вы, что за дело было в университете в 1929 г., связанное с Жебелевым [2] и этим Семинариумом? (см. сб. Классовый враг на историческом фронте. М; Л. 1931, стр. 169—170).

И еще один вопрос: где найти бюллетень Всероссийского съезда архивистов, М., 1929? В нем что-то есть об С. А. Аннинском, но самого бюллетеня нигде нет. Если можно — поспешествуйте, пожалуйста.

Простите, дорогой Сигизмунд Натанович, что отрываю Вас от дела, но это все такие вопросы, на которые никто, кроме Вас, не может ответить. Буду весьма признателен Вам за любые советы.

Желаю Вам всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Пашуто

[a] Вписано над строкой.

12

16 октября 1970 г.

Дорогой Владимир Терентьевич,

Не отвечал Вам долго, так как не мог найти уверенных ответов, да и теперь, как увидите, кое в чем остаюсь еще в долгу.

1. На вопрос о «людях, архивах и собраниях» ответ очень скуден. Указал бы на ф. С. А. Жебелева [1] в Архиве Академии Наук (Лен⟨инградское⟩ отд⟨еление⟩), где есть письма к нему А. А. Васильева (1900—1914 гг.) и Н. П. Копталова (1893—1926 гг.)

2. О Жебелеве. В заседании, о котором упоминается в указанной Вами книге, не участвовал; но об истории этой помню, было что-то в «Известиях» (если не ошибаюсь).

3. Об С. А. Аннинском [2]. На съезде 1929 не участвовал — не работал тогда уже в архивах. Но у меня есть «Бюллетень» этого съезда (он без номера, так что позже определите, были ли еще); в нем одна резолюция. Возможно, что были и другие. В сравнительно точных отчетах о заседаниях съезда, печатавшихся в «Архивном деле», никакого упоминания об Аннинском нет.

Вот, к сожалению, то, что мог бы сообщить Вам.

Вашей работе желаю всяческого успеха. Это ведь ⟨неразб.⟩, закрытая до сих пор страница исторической литературы.

Сердечный привет. Ваш С. Валк

Д. Димчев — В. Т. Пашуто

13

19 июля 1974 г.

Многоуважаемый профессор Пашуто,

Посылаю Вам интересующую Вас библиографическую справку о профессорах Петре Михайловиче Бицилли, Венедикте Александровиче Мякотине, Михаиле Георгиевиче Попруженко и Ервине Давидовиче Гриме.

Указанные основные труды вышеназванных профессоров опубликованы в Болгарии и в Праге. Есть также статьи, печатанные в наших старых журналах, для чего необходим дополнительный поиск. Если Вас интересуют архивы этих профессоров, необходимо обратиться в канцелярию Софийского университета — Филологический факультет. А относительно проф. Попруженко в архив Болгарской академии наук на адрес ⟨. . .⟩

Может быть, Вас интересует д-р Иван Кинкел (родился в г. Брянске 19 января 1883 г.), который был тоже профессором Софийского университета — Юридического факультета (с 1.Х. 1920 г.) и д-р Павел Николаевич Милюков (родился в Москве 15 января 1859 г.), который был регулярным профессором Высшей школы в Софии, затем Софийского университета (с 1.III. 1897 г. по 30.VI.1898 г.) по общей славянской истории. Оба профессора имеют издания в Болгарии. Список этих изданий можем выслать Вам дополнительно.

С уважением Д. Димчев (библиограф)

Добавляю адрес одной из дочерей проф. Мякотина ⟨. . .⟩

С приветом В. Тъпкова-Заимова

Е. А. Дудзинская — В. Т. Пашуто

14

⟨1971 — первая половина 1972 г.⟩

Глубокоуважаемая Евгения Александровна,[1]

разрешите направить Вам последнее письмо, полученное мною из Праги от профессора И. О. Панаса, опекуна над имуществом семьи покойного профессора А. В. Флоровского.

По поводу этого письма позволю себе заметить следующее:

1. Получение нашим Институтом наследства А. В. Флоровского, завещанного на стипендию аспирантов по истории русско-славянских отношений [2], непомерно затянулось, если принять во внимание, что завещание датируется 1968 г.

2. По поводу наследства и его целей информированы наши чехословацкие коллеги, участвовавшие в приеме советского представителя (им был я), оформлявшего все дело. О том же была опубликована информация в журнале «Вопросы истории», № 3, 1970, стр. 160—161 [3]. Промедление с использованием наследства может создать у чехословацких коллег впечатление о нашем

недостаточно внимательном отношении к делу укрепления славянских связей.

3. Не только чехословацкие коллеги, но и работники советского консульства в Праге испытывают неудобство в связи с тем, что часть наследства (в виде драгоценностей) нами до сих пор не получена.

4. Наконец, Сектор истории древнейших государств нашего Института остро нуждается в аспиранте-слависте, и задержка с получением наследства отрицательно сказывается на сроках подготовки специалиста, на которого мы давно рассчитываем.

Ввиду изложенного разрешите просить Вас предпринять необходимые шаги для скорейшего получения нашим Институтом причитающегося ему наследства А. В. Флоровского как в виде суммы, подлежащей передаче через Инюрколлегию в Москве, так и в виде материальных ценностей, находящихся на хранении в Праге.

Уважающий Вас В. Пашуто

С. К. Захаров — В. Т. Пашуто

15

18 ноября 1975 г.

Глубокоуважаемый Степан Кириакович,
посылаю Вам справку из экспедиции издательства «Мысль», куда сдана Ваша рукопись «О познании и системе знания в трактовке юриста» [1].

Пользуясь случаем, хотел бы обратиться к Вам с небольшой просьбой. По моим данным, один из томов Записок русского исторического общества в Праге застрял в немецкой цензуре в 1941 г. с запретительной визой от 15 ноября 1941 г. д-ра фон Хооп. Архив цензуры (Kulturabteilung des Ministerrats-presidiums) находился в Праге на Водичковой улице, 9. Нельзя ли узнать, где сейчас находится этот архив?

Буду весьма признателен Вам за помощь.

Всего хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

16

6 декабря 1975 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич!

Сообщаю Вам, что прежде всего я пошел по указанному Вами адресу, т. е. в дом № 9 по Водичковой ул. Из жителей этого дома времени протектората осталась только инж⟨енер⟩ Бродская. Так вот она мне и сказала, что действительно весь четвертый этаж этого дома (15 комнат) с самого начала и до конца протектората (с 1939 по 1945 гг.) был занят, как тогда говорили, «германским министерством информаций» и что в первые же дни после освобождения в 1945 г. весь этот этаж заняло наше, чешское министерсто информаций, во главе которого стоял тогда

тов. В. Копецкий. Относительно архива г-жа Бродская ничего не знала.

Поэтому я связался по телефону с И. О. Панасом, но он только дал мне № телефона В. М. Котрубенко [1], а Котрубенко выразил удивление, что Вы не написали ему, что он Вам предлагал четыре тома Записок [2], но что Вы говорили ему, что у Вас имеются все тома Записок. Относительно Водичковой, 9 он ничего не знал.

После этого я пошел по нашим государственным архивам и наконец узнал, что делами по упорядочению соответствующих архивов за 1918—1945 гг. ведает некая Ирена Мала. Тов. Мала (после того, как я ей прочитал Ваше письмо) мне сказала, что из Водичковой, 9 осталась и поступила к ним только часть архива, что хотя все работы по упорядочению этого архива еще не закончены, но что она пороется и результаты сообщит Вам, но что для этого нужно, чтобы Вы от собственного имени или от имени учреждения, которое Вы возглавляете, возбудили перед ее учреждением соответствующее ходатайство, что достаточно будет, если Вы напишете то же самое, что написали мне, но чтобы, если можно, указали еще номер тома Записок, который Вас интересует. Писать можете по-русски; там имеются и русские. Писать будете по адресу 〈...〉, а оттуда Ваше ходатайство передадут на место работы Ирены Малой.

Уважающий Вас С. Захаров

ПС: Вторую мою работу «План обязующий...» вернул мне Научно-исследовательский экономический институт при Госплане СССР с отрицательной и положительной оценкой. Ошеломило меня это.

Ищу точный адрес издательства «Мысль», чтобы установить с ними связь по первой работе («О познании...»).

Поздравляю с наступающим Новым годом и желаю доброго здоровья и всяческого преуспеяния.

Э. Кинан — В. Т. Пашуто

17

11 мая 1978 г.

Дорогой коллега,

сердечно благодарю Вас за внимание к книге Е. А. Мельниковой [1] и за интересную рецензию, опубликованную в «Критике» [2]. Чтобы продолжить норманскую тему и дать Вам представление о второй серии наших изданий, посылаю Вам книгу Е. А. Рыдзевской [3]. В этой серии мы предполагаем публиковать исследования, возникающие в процессе подготовки источников к печати.

Всего хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

P. S. Не можете ли Вы мне помочь? Я что-то утратил связь с Александром Валентиновичем Рязановским [4]. Он был в Пенсильванском университете. Нельзя ли узнать, где он теперь? Буду весьма признателен.

18

8 сентября 1978 г.

Уважаемый В. Т.!
Адрес Саши Рязановского: ⟨. . .⟩
Кланяюсь по латинице.

Эдвард Л. Кинан

П. Е. Ковалевский — В. Т. Пашуто

19

14 января 1970 г.

Многоуважаемый Петр Евграфович,
пишу Вам по рекомендации Александра Васильевича Соловьева [1]. Дело в том, что в ближайшие годы я предполагаю работать над книгой о судьбах русской зарубежной историографии. Мне хотелось бы в первую очередь изучить главные ее центры, их состав и выпущенные ими труды, а также проследить развитие школ, направлений и взглядов отдельных ученых.

Пишу в надежде, что Вы сочтете возможным сообщить мне о положении дел с изучением этой проблемы во Франции (исследования, публикации, библиография и т. п.), о целесообразности моего приезда в Париж и необходимых сроках пребывания в нем для работы в архивах и пр.

Со своей стороны я готов споспешествовать Вам необходимой литературой и др., поскольку у нас общий круг профессиональных интересов.

Разрешите, пользуясь случаем, послать Вам два маленьких оттиска.

Уважающий Вас В. Пашуто

20

⟨15 марта 1970 г.⟩

Многоуважаемый коллега,
Вопрос о русской зарубежной историографии довольно сложный, так как сводок не было дано, кроме моей краткой в работе: «Наши достижения. Роль русской эмиграции в мировой науке», страницы из которой, посвященные историкам, я при этом письме Вам посылаю. Была в свое время (в 1935 году) напечатана в Пекине «Русская зарубежная историография» И. И. Гапановичем, но она устарела, очень одностороння и неполна. Б. Никитин ее дополнил и издал по-французски у Пайо [1] в 1946 году, но и его работа очень неполна.

Книг и статей по русской истории имеется бесчисленное количество, но так как добрая часть принадлежит историкам-«любителям», необходимо сделать отбор. У меня имеется богатый и почти исчерпывающий материал, но, конечно, смогу его Вам показать, только если Вы приедете хотя на две недели в Париж, так как большинство сведений находится в книгах, а они составляют целую библиотеку. Моя книга «Манюэль д'Ис-

туар Рюсс», Пайо, Париж, 1948 и мой «Исторический Путь России» (пять изданий) имеются в Ленинской библиотеке в Москве, куда я их в свое время послал.

Искренно преданный Вам П. Ковалевский

21

7 апреля 1970 г.

Глубокоуважаемый Петр Евграфович,

Благодарю Вас за оттиск, за Ваши ценные сведения о зарубежной русской историографии и готовность споспешествовать моим занятиям в Париже [1]. Недавно я побывал в Праге [2], откуда привез завещанную Академии наук СССР переписку А. В. Флоровского за 1920—60 гг. Надеюсь, что мне удастся выкроить время для парижской командировки. Я был бы весьма признателен Вам за полную библиографию Ваших трудов и сообщение мне главных черт Вашей научной биографии.

Разрешите, пользуясь случаем, послать Вам мою последнюю книжку, в которой в некоторой мере нашла отражение и деятельность русских историков зарубежья [3].

Желаю Вам всего доброго.

Уважающий Вас В. Пашуто

22

17 апреля 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Получил Ваше письмо относительно моей библиографии, но пока затрудняюсь послать Вам полный список. Дело в том, что кроме трех основных трудов: «Манюэль д'Истуар Рюсс», напечатанного по-французски у Пайо в Париже в 1948 году и премированного Французской Академией, который был принят во всех университетах Франции и Англии, но который давно распродан, у меня имеется большой «Исторический Атлас России и Славянских Стран». Французское издание вышло, когда я был в больнице (в 1961—65 годах я тяжко болел — туберкулез позвоночника) и не смог провести корректуру. Немецкое и голландское издание были хорошо прокорректированы. Французское издание (это большой альбом с 600 иллюстрациями и 220 стр. текста) уже разошлось. Третий труд «Исторический путь России» вышел пятью изданиями между 1946 и 1949 годами и тоже целиком разошелся. В своем пятом издании 1949 года он включил полную историографию зарубежья до 1948 г. Я всегда посылал и посылаю свои работы как в Ленинскую библиотеку, так и Академию Наук. Не знаю, все ли сохранилось. Если в Вашем Институте Истории нет «Исторического Пути» (5-ое издание), я пришлю один из двух оставшихся у меня экземпляров. «Манюэля» больше нет, но на днях выходит моя большая «История России и СССР» по-французски. Я попрошу моего издателя «Сенк Котинан» прислать Вам экземпляр.

Все остальное (у меня свыше 200 статей в журналах и газетах на исторические темы) разбросано и собрать невозможно. К моему 50-летию педагогической работы в конце этого года друзья печатают мою полную библиографию, и я Вам тогда пришлю экземпляр [1].

Кроме того, я подготовляю большую работу о культурном взносе Зарубежья, в которой будет уделена глава русским зарубежным историкам.[2] Об этой книге уже писалось в московской прессе, и я считаю ее выход очень важным, так как иначе многие труды, написанные для России, будут забыты.

Искренне преданный Вам П. Ковалевский

P. S. Получил Вашу книгу, спасибо! Это ценный вклад в историю сношений России с другими странами в древний период [3].

23

13 апреля 1971 г.

Глубокоуважаемый Петр Евграфович,
разрешите еще раз прибегнуть к Вашему просвещенному содействию. Я продолжаю размышлять о работе над историографическим наследством русских ученых Парижа (20—40 гг.). Чтобы моя командировка была достаточно продуманной и целеустремленной, мне хотелось бы знать, на что, кроме книг и оттисков, я могу рассчитывать. Сохранились ли архивные фонды организаций, журналов, отдельных деятелей русской историографии и где можно навести о них справки, чтобы запастись необходимыми рекомендациями и для работы, и на случай возможного приобретения. . . В конце концов, всему с убеждением написанному на благо России — место в ее архивах.

Простите, что отрываю Вас от неотложных дел, но такая уж у меня тема.

Всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Пашуто

24

26 апреля 1971 г.

Глубокоуважаемый коллега,

В ответ на Ваше письмо от 13 апреля [1] спешу сообщить, что материалов по русской истории, главным образом по истории двух последних веков и о сношениях России и западных стран имеется много, и если Вы получите командировку в Париж, я с удовольствием помогу Вам в их изучении. Согласен, что все, что касается истории нашей страны, должно иметься хотя бы в фотокопиях на родине. Я лично всегда посылал все мои книги и статьи как в Москву, так и в Ленинград, в Академические библиотеки и уже в 1926 году имел печатные отклики на мою диссертацию по русской литературе в «Красной Звезде», а о некоторых исторических статьях рецензии в советской прессе.

Все зависит, конечно, от того, какие материалы Вас более

интересуют. О начале Руси богатый материал, главным образом из скандинавских источников, собрал покойный знаменитый металлург (но и историк) Николай Тимофеевич Беляев, который нашел много интересного в Исландии и в Фрисландии. Не знаю, куда передала материалы его вдова, которая тоже скончалась. Теперь наибольшее количество материалов у Георгия Владимировича Вернадского, но он живет в США. Об эпохе Грозного собрал материалы французский историк Валлотон. О нем я писал в моем очерке об Иоанне Грозном, который послал в Ленинскую библиотеку, откуда получил благодарность.

О Петре Великом много материалов, но они разбросаны по архивам. Собрал их в свое время профессор Антон Васильевич Флоровский, но он жил в Праге и не знаю, куда они пошли. Книга его (большая) о Петре так и не вышла из печати.

Больше всего, конечно, имеется материала о XIX веке. Собирал его для своих работ покойный профессор Борис Эммануилович Нольде, выпустивший ряд монографий. Видимо, материалы сохранились у его сыновей. Очень много материалов было передано во французские и американские архивы в Париже. Архивные фонды организаций, журналов и отдельных деятелей сохранились, к сожалению, только частично. Так, большой архив ЗЕМГОРа[2] был сожжен при приходе немцев. Большинство материалов об эмиграции погибло во время пожара Замка в Венсенне, где они хранились. Много гибнет каждый месяц, несмотря на отчаянные усилия как меня лично, так и немногих собирателей и хранителей исторических материалов. Архивы отдельных организаций еще существуют, но с каждым месяцем все уменьшаются, так как повальный мор (от старости) эмиграции сокращает все больше и больше ряды культурных людей, а молодое поколение этим не интересуется.

Когда Ваша поездка оформится, напишите мне, и я дам Вам все необходимые справки и указания.

Надо только, чтобы Ваш приезд не совпал с местным «мертвым сезоном», июлем и августом, когда никого не будет в Париже. Я лично буду отсутствовать весь июль и вторую половину августа.

Искренне уважающий Вас П. Ковалевский

25

19 августа 1975 г.

Глубокоуважаемый Петр Евграфович,
я думаю, Вам будет интересно познакомиться с воспоминаниями М. М. Ковалевского и потому посылаю последний выпуск сборника «История и историки»[1].

Я все еще продолжаю отнюдь не простую работу над изучением историографии русской эмиграции. Слышал, что недавно Вы опубликовали книгу на эту тему[2]. Я был бы весьма признателен Вам за ее присылку, а со своей стороны готов выслать любые интересующие Вас новейшие издания.

Желаю Вам всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

26

22 августа 1975 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Спасибо большое за присылку ежегодника «История и историки» с воспоминаниями Максима Максимовича Ковалевского.[1] Мне помнится, что часть воспоминаний была напечатана в одном из журналов в Москве несколько лет назад, о чем мне писала Ефросиния Михайловна Двойченко-Маркова, но я этого текста никогда не видел. Будут ли еще опубликованы другие главы?

В вступлении маленькая неточность, которая не имеет большого значения, но характерна: рукопись воспоминаний М. М. пришлось оставить в Карлсбаде, где он был задержан австрийскими властями в начале войны и ему не было разрешено ее взять в Россию. Я получил ее от его нотариуса в Карлсбаде десять лет спустя.

Я был бы рад помочь Вам в собирании материалов по историографии русской эмиграции, но мне надо знать, что Вас и Институт истории при Академии наук интересует: эмиграции до Революции или эмиграция 1920—1940 годов, работы, напечатанные русскими или вообще по истории России, или работы русских вообще на исторические темы?

Я выпустил второй том моей «Истории русского зарубежья» [2], а не историографию, в ней упоминаются работы по истории. Если надо, то пришлю эту вторую часть в Институт. В Америке историографией занимаются Рязановский и Пушкарев, а также американцы, ученики Вернадского и Карповича.

С искренним уважением П. Ковалевский

27

18 сентября 1975 г.

Глубокоуважаемый Петр Евграфович,

благодарю Вас за Ваше любезное письмо [1] и готовность помочь. Я, конечно, был бы очень рад получить второй том Вашего труда. В моей собственной работе есть незаполненный пробел, относящийся к деятельности русских историков-эмигрантов 1920—1945 гг. во Франции по теме: История России до 1861 г.

Насколько я знаю, во Франции ведь существовали и Академическая группа, и Русский народный университет, и Историко-генеалогическое общество, и Общество к познанию России, и Православный богословский институт, и, наконец, Кафедра русского языка и литературы при университете в Сорбонне. Вот мне и хотелось бы знать, есть ли во французской или иноязычной историографии исследования, посвященные этой работе русских ученых во Франции, и существуют ли какие-либо материалы, отражающие государственную помощь им правительства Франции.

О дальнейшей публикации материалов М. М. Ковалевского[2] я еще не узнал, но непременно узнаю.

С искренним уважением В. Т. Пашуто

28

5 октября 1975 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Посылаю Вам, согласно Вашей просьбы,[1] сведения относительно работ по истории России до 1861 года, напечатанных историками, жившими в Париже. В списке нет названий работ, напечатанных в других центрах, как-то Берлине, Праге, Белграде, Харбине или в США.

Большинство работ на исторические темы были написаны прямо по-французски, но были и изданные только по-русски, поэтому прилагаю отдельно список одних и других. Если надо, могу дать более точные данные об отдельных трудах и более полный список того, что написано по русской истории иностранцами.

Надо подчеркнуть, что историей России занимались главным образом представители старшего поколения. Молодые ученые почти все специализировались на точных науках и литературе.

Всегда с большой готовностью рад буду содействовать работе Института истории при Академии наук СССР.

Искренне уважающий Вас доктор историко-филологических наук, профессор П. Ковалевский

29

20 ноября 1975 г.

Глубокоуважаемый Петр Евграфович,

Огромное спасибо за Вашу столь ценную библиографическую справку [1]. Сейчас я кончил работу над архивом П. А. Остроухова [2], профессора русского юридического факультета в Праге. Собираюсь засесть за семинар Кондакова.

Пользуясь случаем, разрешите послать Вам на память интересную книгу Б. А. Рыбакова [3].

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

С. А. Коновалов — В. Т. Пашуто

30

21 января 1970 г.

Глубокоуважаемый Сергей Александрович,
прошу извинить меня, что обращаюсь к Вам с этим письмом, не будучи с Вами лично знаком, но к тому побуждают меня интересы науки. Дело в том, что ближайшие годы я намерен посвятить изучению русской зарубежной историографии. Английская ее ветвь представляет для меня особенный интерес ввиду ее несомненных научных достижений.

Все это сподвигло меня обратиться к Вам с покорнейшей просьбой о содействии. Я был бы весьма признателен Вам за все сведения, относящиеся к Вашему научному творчеству. В первую очередь мне, естественно, хотелось бы получить полный список

Ваших трудов и Вашу научную библиографию. Большую ценность имело бы для меня и Ваше суждение о том круге русских историков в Англии, чье творчество следовало бы рассмотреть в моей книге. Я отдаю себе отчет в сложности избранной темы, однако льщу себя надеждой, что помощь таких деятельных ученых зарубежья, как Вы, поможет мне выполнить задуманное. Хотел бы надеяться, что моя просьба не окажется для Вас, глубокоуважаемый Сергей Александрович, слишком обременительной.

Желаю Вам всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

Мой адрес:⟨...⟩

31

23 июня 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Ваше любезное письмо [1] я получил лишь по возращении в Англию, неделю тому назад: более 1/2 года я был в Южной Европе.

Я теперь в отставке и от академических дел я почти что отошел. Как видите из прискорбной задержки с ответом, на меня полагаться нельзя (во всяком случае до будущего года). Поэтому советую Вам обратиться к Н. Андрееву (Кэмбридж). Мой многолетний оксфордский сотрудник, бывший ученик, J. S. G. Simmons, бывает каждый год в Сов⟨етском⟩ Союзе — надеюсь, что Вам удастся встретиться с ним в Москве. Он выдающийся библиограф в области руссоведения.

Что касается моего вклада, то он скромный (хотя я и надеюсь еще кое-что опубликовать). В 1945-м году под моей редакцией появилась небольшая книга о 'Russo-Polish Relations' (Cresset Press, London и Princeton Press, USA). В период 1950—1967 я опубликовал 14 статей в Oxford Slavonic Papers (Vols. I-XIII), который я редактировал 17 лет.

Благодарю Вас за Ваше внимание и желаю Вам успехов в интересной работе, предпринятой Вами.

Искренне Ваш Сергей Коновалов

32

14 июля 1970 г.

Глубокоуважаемый Сергей Александрович,

сердечно благодарю Вас за Ваше любезное письмо [1]: оно поможет мне полнее осветить научную деятельность русских историков в Англии.

Есть у меня к Вам еще одна настоятельная просьба. Не сочтите за труд прислать мне Вашу фотокарточку. Я систематически собираю фотографии деятелей русской зарубежной историографии для своей будущей книги. Чем менее официальной будет фотография, тем лучше. Быть может, у Вас есть и групповая

фотография первой редколлегии Oxford Slavonic Papers. Буду весьма признателен Вам за помощь.

Желаю Вам всего хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

В. А. Костакел — В. Т. Пашуто

33

[a]Александр ЭК (A. Eck, 1880—)[a], профессор русской истории в Брюссельском университете, образование получил в Петербургском Университете, где и работал до 1917-го года, специалист по русской средневековой истории. Основной труд «Русское средневековье» /Le moyen âge russe/.Paris, 1933. Вторая тема его трудов: сравнительное изучение феодальных институтов. Инициатор и редактор серии исследований * (Archives d'histoire du droit oriental, Bruxelles). Там была напечатана его статья: La formation de la propriété en Russie, III, 1939, Le grand domaine dans la Russie de Moyen Âge, Bucarest, 1945. Научный консультант в Институте всеобщей истории «Н. Иорга» в Бухаресте [a]1941—1944.[a]

Прочел две публичные лекции, 1943 — Les conséquences économiques de la chute de Constantinople. 10p; 1944 — Les mariages diplomatiques dans la Russie du moyen âge (43/44) p. 10.

Читал лекции на Историческом факультете в Бухаресте: 1941 — семинар по изучению феодальных институтов древней Руси 1942 — Сравнительно-исторический метод в применении ф⟨еодальных⟩ институтов иммунитета **.

1943—1944 — Городское право в России в X—XV веках (p. 15)

1942 способствовал организации славянского центра при Институте В⟨сеобщей⟩ истории Bratianu Juamintirea lui N. Jorga. B. 1942. стр. 16.

[a] Подчеркнуто В. Т. Пашуто.

В. М. Котрубенко — В. Т. Пашуто

34

11 ноября 1974 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич!

На прошлый неделе послал Вам четыре статьи: «Государственно-национальные идеи ,,чиновных книг'' венчания на царство московских государей» М. В. Шахматова, «Отношение древне-русских книжников к татарам», его же. «Бенжамен Констан и Фюстель де Куланж» Е. В. Спекторского и «Суд присяжных в России 1864—1917 гг.» К. Н. Николаева. Распорядитесь, пожалуйста, с этими статьями по своему усмотрению.

Уважающий Вас В. Котрубенко

* Les formes de la possession agraire dans la Russie du moyen âge (dans le III-e Recuiel de la société Jean Bodin, La tenure, Bruxelles, 1938.

** G. O. Bratianu. Dare de scamä de actevitate pe anue 1942—1943 (Just de J. N 396, p. 11).

35

18 апреля 1975 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич!

Посылаю Вам отрывок записок автора без подписи. Ни начала, ни конца этих записок я не нашел. По содержанию я установил, что их написал первый секретарь Русского юридического факультета в Праге, Николай Николаевич Алексеев, магистр государственного права, бывш⟨ий⟩ экстраординарный профессор Московского университета по каф⟨едре⟩ энциклоп. и философии права. В 1918 г. он был избран орд⟨инарным⟩ проф⟨ессором⟩ Таврического университета. Приблизительно в 30-х годах он уехал из Праги в Берлин. Может быть, этот отрывок записок Вам пригодится [1].

От Вас получил Вашу книгу «Александр Невский» [2], «Иллюстрированную историю СССР» [3] и вчера бандероль с книгами через сов⟨етское⟩ консульство. Книги мне собственноручно передал Б. И. Чадин [4]. За все эти книги очень Вам благодарен. В свою очередь, я в начале каждого месяца посылал Вам скопившиеся у меня брошюры. Может быть, не все будут Вас интересовать, но все же большая их часть принадлежит авторам, которые Вас интересуют. Содержание некоторых брошюр относится к важной эпохе развития Московского Великого княжества (проф. Е. Шмурло) и к остальному времени нашего прошлого, которое и меня — не историка, очень интересует.

Сердечный привет шлет жена [5] и теща [6] Наталии Александровне и Вам; я, конечно, к нему также присоединяюсь.

Желаю Вам всего наилучшего. В. Котрубенко

36

15 мая 1975 г.

Глубокоуважаемый Валериан Михайлович,
благодарю Вас за письмо [1] и многочисленные оттиски, которые я регулярно получаю. Рад, что посланные мною Вам книги Вас заинтересовали. Лишь недавно я получил архив П. А. Остроухова [2] и как только разделаюсь с неотложными командировками и другими срочными заданиями, сяду за статью. Когда статья будет готова, пошлю Вам.

Сердечный поклон от жены и меня всему Вашему семейству.

Уважающий Вас В. Пашуто

37

17 августа 1975 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич!

На Ваш запрос от 31. 7.[1] сообщаю Вам следующие информации:[a] Лев Николаевич, с которым[a] переписывался П. Н. Савицкий — сын Ахматовой и Гумилева [2]. В данное время он работает

в Эрмитаже. П. Б. Струве [3] уехал перед войной из Праги в Югославию (Белград). Во время войны он сидел в тюрьме Гестапо. Часть его архива там и сгорела. После войны он переехал в Париж, где и умер. В Париже остался его сын — Алексей, а второй сын — Глеб проживает в Англии или в Америке. Адрес Глеба Струве находится в корреспонденции П. А. Остроухова. О материале П. Б. Струве ничего не знаю, может быть, он был сдан в Славянскую библиотеку в Праге.

[a]В июле и в начале августа послал Вам с брошюрами материал Учебной коллегии в Праге[a] (страницы нумерованы) [4]. После его использования присоедините, пожалуйста, к [a]архиву П. А. О⟨строухова⟩ [5].

У меня есть некоторое количество эмигрантских изданий по другим отраслям науки (не по истории). Что с ними делать?

Передаю сердечный привет от всех наших Вам и Вашей супруге. Желаю Вам обоим здоровья и благополучия. В. Котрубенко.

[a] Подчеркнуто В. Т. Пашуто.

38

18 сентября 1975 г.

Глубокоуважаемый Валериан Михайлович,
благодарю Вас за содержательное письмо [1]. Я получил также от П. А. Остроухова некоторые интересные материалы [2]. Извините, что пишу с опозданием, был в Сан-Франциско [3]. Из архива Петра Александровича мне неясно, где он находился с июня 1920 до осени 1921 г.[4] Из одних материалов следует, что после работы с А. А. Чупровым [5] в Стокгольме он уехал в Париж, но в письме Ломшакову он сообщает, что временно выехал из Константинополя и готов прибыть в Прагу; кроме того, вдове А. А. Чупрова он писал, что его экземпляры экономических бюллетеней погибли «во время эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г.» — или с ними эвакуировался кто-то другой?

В переписке меня смущает перерыв, следующий после писем Чупрову, Карташову [6], Никольскому [7] и другим в 20-х гг. Неужели до 30 гг. (письма Сорокину [8]) он не переписывался ни с Вечориным, ни с Вернадским (жене которого он кум), ни с Бицилли и др.? Буду рад, если что-нибудь еще найдется в Ваших закромах.

Сейчас я заканчиваю статью «Архив П. А. Остроухова», которую, после обсуждения, пошлю Вам для обстоятельного семейного просмотра [9]. Статью П. А., посвященную среднеазиатской торговле, я сдал в перепечатку. После перепечатки я ее подредактирую и по договоренности сдам на отзыв в редакцию «Исторических записок». Таковы мои новости.

Желаю всему Вашему семейству здоровья и благополучия.

Всего хорошего. В. Т. Пашуто

39

2 октября 1975 г.

Глубокоуважаемый Валериан Михайлович,
рад сообщить, что статью я кончил [1]. Но возник целый ряд вопросов, за ответы на которые я был бы весьма признателен всему вашему семейству.

1. Как звали Б. Никольского (Стокгольм)?
2. Когда умер А. А. Чупров?
3. Как назывались «Экономические бюллетени» А. А. Чупрова?
4. Сын П. Б. Струве[a] — Савва — был священником или имел другой сан?
5. Как звали Черносвитову? И когда пришло ее письмо с известием о смерти Струве (он умер 26 февраля 1944 г.)?
6. В каком труде Питирима Сорокина опубликованы экономические кривые Петра Александровича?
7. Вышли ли тома Итальянской энциклопедии со статьями Петра Александровича?
8. Какое подданство было у семьи Петра Александровича до 1948 г.?

Буду ждать Вашего ответа на это и предыдущее письмо.

Всего хорошего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

[a] Испр. вместо «В. О. Ключевского».

40

12 октября 1975 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич!

Отвечаю Вам в спешном порядке на оба Ваши письма [1].

Письмо от 18. 9. 75:

1) П. А. О⟨строухов⟩ переехал в феврале 1919 г. в Стокгольм. От февраля 1919 г. по июнь 1920 г. принимал участие в составлении экономических бюллетеней, выпускавшихся в Стокгольме под руководством проф. А. А. Чупрова [2] для русских заграничных кооперативных учреждений и заключавших в себе хронику главнейших явлений мировой хозяйственной жизни.

В конце августа 1920 г. П. А. выехал из Швеции в Россию, в Севастополь, по вызову начальника Управления Иностранных Дел [3] П. А. Струве. С 1-го октября 1920 г. по день эвакуации 11-го ноября 1920 г. П. А. занимал должность делопроизводителя в Управлении Иностранных дел в Севастополе.

В Константинополе некоторое время служил по вольному найму в консульстве и преподавал русскую историю на повторительных курсах, организованных для русских студентов Союзом Городов. В начале августа 1921 г. П. А. переехал во Францию, в Париж, где прожил три месяца в поисках заработка. В половине ноября 1921 г. был принят в число русских профессоров, содержимых на средства правительства Чехословацкой Республики.

2) А. А. Чупров и Г. В. Вернадский были в 20-х гг. в Праге, так что не была необходимость с ними переписываться.

Никольский Борис Александрович — экономист, был в 1917 г. назначен торговым агентом в Стокгольм. Затем был приват-доцентом Женевского Университета, где читал курс по Истории России. Переписка с ним в 20-х гг. прервалась по неизвестной причине. Карташов [4] жил в Париже. Приезжал в Прагу в 30-х гг. и читал здесь лекции по богословию.

Вечорин. Переписка с ним в 20-х гг. не была. Она началась гораздо позже.

Бицилли П. М. Переписка с ним вообще не была.

Вернадский Г. В. П. А. О⟨строухов⟩ не был кумом жене Вернадского, но его сестре Нине Владимировне, вышедшей замуж за Толля Николая Петровича, сотрудника Кондаковской семинарии.

Письмо от 6. 10. 1975:

1. Никольского звали Борис Александрович.
2. А. А. Чупров был холостой. Жил в Горних Черношицах, около Праги. Когда он умер и где он умер, пока не узнал.
3 См. пункт первый предыдущего письма.
4. Савва не сын В. О. Ключевского, но П. Б. Струве, мирским именем Константин. Отец Савва был монахом и священником в монастыре в Пряшове, Словакия. Сообщение о его смерти находится в корреспонденции, которая у Вас [5]. О его смерти извещает священник Курятников.
5. Черносвитова Мария Васильевна. Когда пришло ее письмо о смерти П. Б. Струве, неизвестно.
6. В труде Питирима Сорокина была написана статья П. А. об Англии с приведением экономических кривых. Все дело Питирима Сорокина находится у Вас [6].
7. Об Итальянской энциклопедии ничего не известно.
8. В 1945 г. П. А. получил гражданство чехословацкое. От 1939 до 1945 г. был иностранцем по немецкому паспорту — Fremden pass [a].

От начала 30-х гг. до 1939 г. жил по Нансеновскому паспорту. До 30-х гг. жил по временному паспорту чехословацкому, которые выдавались русским.

Вот и все. Кажется, вышло довольно подробно.

Получаете ли Вы от меня регулярно каждый месяц посылки с брошюрами? Сердечным приветом от наших дам и, конечно, также от меня Вашей супруге и Вам заканчиваю это письмо.

В. Котрубенко

[a] Fremden Pass (нем.) — «иностранный паспорт».

41

13 ноября 1975 г.

Глубокоуважаемый Валериан Михайлович,
благодарю за Вашу справку. Архив Петра Александровича двинулся по направлению к ЦГАОР [1]. Мой доклад — на следующей неделе,[2] после чего подправлю и пришлю Вам, а в «Вопросы истории» дам хронику об архиве [3].

Поклон всему семейству от нас с женой. Ваш В. Пашуто

Пользуясь случаем, посылаю Вам ежегодник [4].

42

20 января 1976 г.

Глубокоуважаемый Валериан Михайлович,
прошу извинить, что с опозданием посылаю текст доклада-статьи о Петре Александровиче [1]. Но тут набежал ряд обстоятельств: поездка в Финляндию [2], двухнедельный грипп и конец года — всегда перегруженный уймой дел.

Посмотрите всей семьей текст. Если что не так — пишите, постараюсь выправить. Архив переправлен в ЦГАОР [3]. Сегодня я первый день после болезни. Думаю вскоре получить для Вас официальную справку из Архива. Статью П. А. мне перепечатали. После отпуска сверю, посмотрю, что надо подправить, и копию тоже пошлю Вам. Я разыскивал упомянутый в статье том Записок РИО. С. К. Захаров [4] сообщил, что том у Вас [5]. Может ли это быть? Если так, то пришлите — взглянуть.

Сам я занят ближайшее время историей Прибалтики, но надеюсь к середине года иметь сводную библиографию русской зарубежной историографии (за 1925—1945 гг.), каковую делаю, и написать общую статью, оценивающую ее в целом.

С первого надеемся[a] на полтора месяца уехать на дачу. Но в город я заезжаю, а потому — пишите.

Поклон всему Вашему сердечному семейству от жены и от меня.

Уважающий Вас В. Пашуто

[a] Испр. вместо «мечтаем».

43

8 февраля 1976 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич!

Статью П. А. О⟨строухова⟩ с проведенными уточнениями Вам возвращаю [1]. К сожалению, имя и отчество Ефремова и Ганке не знаем и узнать не можем. Здесь уже нет людей с той исторической эпохи.

Записок Русского исторического общества с военного времени у меня не имеется. Да и иметься не может, если они были немцами конфискованы. Напрасно С. К. Захаров [2], которого я лично совсем не знаю, ввел Вас в заблуждение. Кажется, что в дни Вашего

пребывания здесь мы старались Вас обо всем совершенно откровенно информировать. Исчезнувшие следы Вами названного «абтайлунга» попытаюсь найти. О результатах своих поисков, Вам, конечно, немедленно сообщу.

В заключение этого письма Вам сообщаю, что вся наша семья Вам очень признательна, что Вы в своей статье сумели так метко, точно и подробно охватить столь многогранную деятельность П. А. О⟨строухова⟩.

Уважающий Вас В. Котрубенко

П. С. Мы все передаем сердечный привет Вашей очаровательной супруге.

44

21 февраля 1976 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич!

В дополнение своего письма от 8. с. м. сообщаю Вам имя и отчество Ефремова и Ганке. Ефремов Константин Александрович и Ганке Андрей Арведович. Сообщаю Вам это, на всякий случай, но не знаю, насколько эти люди для Вашей работы важны. Учреждение, в котором они служили, называлось ОП УДРЭ — Опорный пункт управляющего делами русской эмиграции.

Теперь относительно «Культурабтайлунга...» Был в городском архиве. Там, главный архивариус др. Голец ничего об этом учреждении не знает. Зашел в Государственный центральный архив в Кармелитской улице. Разговаривал с пани Заплеталовой, которая Вас очень хорошо помнит и называла Вас «нашим бадателем» (исследователем). У них никакого архива «Культурабтайлунга» нет. Она меня направила к пани Ирене Малой на Лоретанской площади Градчаны. У ней сосредоточены архивные материалы до 1945 года. С ней я разговаривал по телефону (53-27-74). Бегло просмотрев картотеку, она сказала, что у нее архива «Культурабтайлюнга...» нет, но не исключила возможность, что при подробном просмотре и в других отделениях Государственного архива его можно было бы найти. С ней я договорился, что «Культурабтайлюнг...» не был учреждением немецким, но протекторатного правительства с немецким поименованием. Она мне посоветовала написать им прошение с подробным изложением материала, который ищете. Я думаю, что было бы гораздо лучше, чтобы Вы написали им от имени Академии Наук СССР подробную записку с просьбой найти, и в случае, если найдут, переслать Вам Записки Русского исторического общества, изданные в военное время и конфискованные упомянутым учреждением. Хорошо было бы написать им содержание этого издания. Весьма возможно, что, ввиду того, что это учреждение было чешское, подведомственное министерству народного просвещения протекторатного правительства, его архив после 1945 года могло забрать это министерство новой республики (позже «школьстви и культуры», а еще позже «школьстви» отдельно и «культуры» отдельно). Записку

(просьбу) напишите и пошлите заказным бандеролем по адресу 〈...〉

Уважающий Вас В. Котрубенко

П. С. Необходимо заметить, что в Государственном архиве были необыкновенно любезны и охотны, так что нет сомнения в том, что они к Вашей просьбе отнесутся положительно и используют все возможности, чтобы ее удовлетворить.

М. Кун — В. Т. Пашуто

45

3 января 1975 г.

Дорогой Коля,
простите, что пишу с таким опозданием, но причиной тому огромное количество дел, навалившихся на меня за полугодовое отсутствие [1]. К новому году все успел, включая и книжку о Корчульском статуте [2], и теперь, готовясь к отпуску, рассчитываюсь с письменными долгами.

Жена сердечно благодарит за память и желает Вам счастья, а я посылаю Вам своего «Александра Невского» 〈...〉 и справку о небольшом деле, что попалось мне в Архиве МИД ЧСР (MZV, Politické spravy, karton 39 [a]): в папке от 4.8 1928 г. говорится о мнимом замысле убийства деятелей украинской эмиграции в Праге, будто бы отраженном в бумагах Белы Куна [3], переданных из Вены. Там же — опровержение МИД ЧСР. Возможно, Вам это пригодится 〈...〉

Всего Вам наилучшего. Ваш В. Пашуто

[a] Вписано рукой Н. А. Тарасевич.

46

〈Без даты〉

Уважаемый Владимир Терентьевич!

Посылаю Вам для Вашей работы биографию (краткую) И. И. Гапановича. Не знаю, насколько это был серьезный историк, но м〈ожет〉 б〈ыть〉 статья сия пригодится Вам 〈...〉

С уважением Ваш Коля Кун.

P. S. Очень жду хотя бы краткой весточки от Вас.

В. Лейтш — В. Т. Пашуто

47

16 июня 1971 г.

Дорогой коллега,
был рад, найдя по возвращении из Берлина Ваше милое письмо [1]. В привезенном мною архиве А. В. Флоровского есть рукопись его труда «Россия и Австрия при Петре I» [2]. Для подготовки к печати она передана сектору истории СССР периода феодализма и потому будет лучше, если профессор Левиттер обратится по по-

воду интересующего его микрофильма непосредственно к заведующему сектором профессору Л. В. Черепнину [3].

Над чем работаете? Или Вы готовите путевые очерки по Европе и Америке? По-моему, Вам еще рано бороться за концентрацию времени с помощью путешествий.

Поклон Вашему веселому семейству. Ваш В. Пашуто

48

12 апреля 1974 г.

Дорогой коллега,
примите мою самую сердечную благодарность за сообщение [1] о месте погребения генерал-майора М. В. Дякина [2]. Это позволило мне устранить ошибку, которая могла бы вкрасться в книгу. Ваши сведения я передал также биографам генерал-майора. Относительно рукописи Флоровского [3] Вы, как мне кажется, не вполне ко мне справедливы. Я даже поднял свой архив и нашел, что еще 16 июня 1971 г. я просил Вас адресовать Вашего английского коллегу проф. Левиттера непосредственно к проф. Л. В. Черепнину [4], у которого (а не у меня) уже тогда находилось интересующее Вас сочинение [5], позднее переданное в Архив Академии наук СССР [6].

На днях на 6 месяцев уезжаю в Прагу вместе с женой. Статьи Ваши просил мне переслать.

Всего наилучшего Вашему семейству. Ваш В. Пашуто

49

12 июня 1975 г.

Дорогой коллега,
благодарю за оттиски и надеюсь вскоре увидеть Ваш новый труд по истории международных отношений. Сам я кончил Корчулу (анализ Статута XIII в.) и полгода работал в Праге над эмигрантской историографией России. Довольно много имен набралось на 1/4, 1/2 и совсем забытых. Среди них порядочно вполне серьезных, крупных ученых. Наконец, я придавлен Корпусом, но, надеюсь, скоро выдадим на-гора первые публикации.

Я к Вам с новой просьбой. В Австрии выходит сборник в честь Э. Винтера, там моя статья, а в ней — источник, упоминающий Маврикия cum negotiatoribus, торговавших с Русью. Взят он из G. Th. Gemeiner. Regensburger Chronik, Bd. I, S. 286. (В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, июль, стр. 136). Нигде этого треклятого издания не нашел. Смиренно прошу Вас — справьтесь у ваших медиевистов.

Поклон Вашей милой супруге.

С уважением и признательностью Ваш В. Пашуто

Пользуясь случаем, разрешите послать Вам сборник «Польша и Русь» и наш с Л. В. Черепниным доклад на XIV конгрессе (Вы будете?)

50

13 ноября 1974 г.

Здравствуйте, многоуважаемый Владимир Терентьевич!

Собирал я по Вашему предложению [1] кое-какие сведения по интересующим Вас вопросам относительно ч⟨ехо⟩с⟨ловацких⟩ событий и то, что мне удалось узнать, сообщаю Вам.

1. Вы интересовались судьбою русского госуд⟨арственного⟩ золотого запаса после событий 1917—1920 гг. После занятия Казани он попал в руки чехословаков, которые его доставили в Омск и передали его Колчаку в Иркутск. В Иркутске по соглашению с сов⟨етской⟩ властью чехословаки вернули Советам этот запас на особых условиях, и он был отправлен в Москву. В Пражском ч⟨ехо⟩с⟨ловацком⟩ еженедельнике «Tribuna» в № 45 от 6. 11. 74 помещена о том интересная статья под назв⟨анием⟩ «Zlaty poklad». Там написано следующее, что при передаче в Иркутске ящики с золотым запасом погрузили в особый поезд, отправленный под стражей в Москву. В Москве якобы установили, что было возвращено только лишь 3/4 золота. Относительно же остатка (1/4) автор пишет, что тот был запакован в 750 ящиков и во Владивостоке те были погружены на пароход «Шеридан» и отправлены в Триест. Там он был получен ч⟨ехо⟩сл⟨овацким⟩ генеральным консулом Яном Шебой[a] и под его наблюдением перегружен в особый «санитарный» поезд под знаком Красного Креста и в сопровождении сотни «сумасшедших» охранников и соответствующего медиц⟨инского⟩ персонала доставлен в Прагу. Обо всем этом Я. Шеба донес в Прагу за № 3308 от 24. 4. 1920.

Б. Н. Александровский[a] в своей весьма интересной книге: «Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта» («Мысль», М., 1969, стр. 45—46) пишет о так называемой «русской помощи» ч⟨ехо⟩сл⟨овацкого⟩ правительства, что таковая, в сущности говоря, явилась какой-то компенсацией за ту часть гос⟨ударственного⟩ рус⟨ского⟩ золотого запаса, которую ч⟨ехо⟩сл⟨овацкие⟩ легионеры вывезли из Сибири в ЧСР в 1920 г.

2. Относительно ч⟨ехо⟩сл⟨овацкого⟩ Легионерского банка. Основной капитал был составлен (сумму еще не удалось уточнить) из а) взносов многих легионеров, получивших свое жалование за время пребывания в Сибири полностью сразу после возвращения в ЧСР; б) паев, внесенных некоторыми состоятельными так наз. «русскими» чехами после своего возвращения в ЧСР; в) гос⟨ударственной⟩ дотации.

3. Относительно курса ч⟨ехо⟩сл⟨овацкой⟩ кроны в гг. 1920—26 могу сообщить следующее: На книгах книгоиздательства «Пламя» (в Праге) стоит, что 1 ч⟨ехо⟩сл⟨овацкая⟩ крона =0,03 амер⟨иканского⟩ доллара. Отсюда можно приблизительно установить курс золотого рубля в ч⟨ехо⟩сл⟨овацких⟩ кронах.

В «Календаре для русских земледельцев на 1926 г.» (Изд-во

«Хутор», Прага, 1926) в разделе «Монеты» стоит, что 1 ам. доллар = 1 руб. 94,34 коп., или что 1 ам. цент = 1,94 коп.

Значит 1 чсл крона = 3 ам. центам, или 5,82 коп., или 100 чсл крон =3 ам. долларам = 5 руб. 82 коп.

4. Относительно Вергуна [2] собираю сведения, дабы не оказаться пристрастным, так как он мне был весьма несимпатичен, по многим основаниям, еще с 1907 г. Когда подберу материал, то я Вам его сообщу. Панас [3] относится к Вергуну несколько «подобострастно».

Я по Вашему предложению познакомился с Б. И. Чадиным [4] и мы стали встречаться, правда только в его конс⟨ульском⟩ кабинете.

Мне он очень понравился, вот только не знаю, как я ему. Думаю, что я ему в кой-чем смогу помочь. Ведь я являюсь своеобразным ч⟨ехо⟩сл⟨овацким⟩ «старожилом» — со многими встречался, со многими познакомился. Подробности, конечно, будут в моих воспоминаниях. Кстати, как Вы нашли конспект моих воспоминаний [5]? Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение? Один конспект я передал Борису Ивановичу [6].

Ну, вот, кажется, почти все.

Надеюсь, что Вы и с супругой благополучно вернулись в Москву и находитесь в добром здоровье, хорошем самочувствии. Привет Вашей супруге.

На мне сказываются мои лета.

Будьте живы, здоровы и благополучны.

Жму крепко Вашу руку.

Уважающий Вас Инж. Н. Манохин

Мой адрес. . .

[a] Подчеркнуто Н. В. Манохиным.

51

30 января 1975 г.

Здравствуйте, глубокоуважаемый Владимир Терентьевич!

На днях я получил от Вас 3 почтовых пересылки: 3 книги, а именно 2 тома мне весьма нужного Чешско-русского словаря, за которые я Вам весьма обязан, а затем 1 том прекрасно Иллюстрированной истории СССР. Последняя посылка привела меня в большое недоумение, хотя и пришла на мой адрес. Думаю, что здесь произошло какое-то недоразумение. Во 1-х, там оказалось Ваше собственноручное посвящение д-ру проф. В. Кралю, во 2-х: Ваша визитная карточка, а в 3-х: вложенный адрес проф. В. Краля [1]. Поэтому я договорился по телефону с проф. В. Кралем о встрече и собственноручно ему вручил этот труд от Вашего имени. Надеюсь, что он лично Вас известит о получении этой книги от меня. Кроме того, мне удалось одновременно познакомиться с д-ром Ч. Амортом, что мне было крайне необходимым . . . Надеюсь, что я эту Вашу миссию я[a] исполнил в порядке. . . Но меня, однако, тревожит то обстоятельство, почему Вы воспользова-

лись моим посредничеством, хотя могли прямо переслать эту книгу д-ру Кралю. Для меня это какое-то непонятное недоразумение. Не могли бы Вы мне объяснить, в чем дело? Чтобы я излишне не тревожился по этому поводу...

Я еще до сих пор не получил от Вас ответа насчет моего списка книг, посланного Вам для отзыва: какие книги будут Вас интересовать из этого списка и какие архивы будут Вам желательны из предложенных мною, для пересыла Вам при помощи Б. И. Чадина [2]. Мое письмо было Вам послано еще 2. 12 1974 [3].

Потом я получил от Вас Вашу монографию об Александре Невском, за которую я Вас поблагодарил открыткой. Книга мне очень понравилась.

Должен Вам написать, что я постарался познакомиться с трудом «Иллюстрированная история СССР», которая мне очень понравилась. К сожалению, оказалось, что ее нет в библиотеке пражского Дома советской культуры и науки, откуда я хотел ее одолжить для более подробного ознакомления с нею. Там мне сказали, что нет и надежды на ее получение, так как библиотеку пополняют каким-то особенным образом, не принимая во внимание желаний читателей.

Мой долг в отношении моего обещания дать Вам исчерпывающие сведения относительно д-ра проф. Вергуна [4] будет исполнен, как только мне удастся связаться с некоторыми людьми, знавшими Вергуна. Мне лично В. не был симпатичен по многим причинам, о которых я Вам напишу при составлении жизнеописания В...

Я не совсем хорошо себя чувствую и очень быстро утомляюсь, хотя продолжаю упражняться и утром и вечером, но из-за весьма пестрой погоды не могу ходить на свои обычные довольно продолжительные прогулки, а это мне не по душе...

Простите, пожалуйста, пришлось прервать письмо. Звонит телефон. Оказывается, что станичники (я ведь Донской казак) собираются меня чествовать по случаю моего несуществующего в этом году дня рождения в качестве «старейшего казака в Чехословакии». Насилу отбоярился...

Вот тоже еще «телячьи нежности»! ..

Ну, простите, пожалуйста, что отвлекся от письма. Пора, как говорится, «закругляться».

Надеюсь, что у Вас все в порядке относительно здоровья...

Привет Вашей супруге. Будьте живы, здоровы и благополучны.

[б]Крепко жму Ваши руки.

Ваш благодарный и глубоко уважающий Вас Н. В. Манохин[б]

[а] Так в оригинале.

[б] Написано от руки.

52

18 февраля 1975 г.

Глубокоуважаемый Николай Васильевич,
простите, что с таким опозданием отвечаю на Ваши любезные письма, но тому есть причины: сперва, по возвращении, я срочно завершал накопившиеся за полгода дела, а потом уехал в отпуск, где мне жена работать запрещает. Но книги я Вам отправил. Однако, мои сотрудницы допустили ошибку, вложив то, что предназначалось В. Кралу [1], в Ваш пакет. Прошу извинить, что невольно так обеспокоил Вас.

За Вашу ценнейшую справку о судьбах русского золотого запаса — огромное спасибо [2].

Об архивах. Разумеется, и Ваш личный архив, и архив «Союза русского сокольства за границей», и архив Л. В. Копецкого имеют серьезное значение для истории русской науки и общественной жизни за рубежом и надо постараться отправить их в СССР [3]. Наилучшим путем было бы официальное письменное обращение Ваше и Л. В. Копецкого в Посольство СССР, к Б. И. Чадину, с просьбой прислать специалистов из СССР для решения вопроса об объеме и порядке подлежащего отправке материала. Со своей стороны я охотно, как и говорил Б. И. Чадину и Вам, готов принять в этом участие. Если Б. И. Чадин в свою очередь через МИД СССР обратится в Управление Внешних Сношений Президиума АН СССР к его Начальнику тов. Корнееву Степану Гавриловичу, то, я надеюсь, постепенно дело получит нормальный ход. Это же относится и к отбору и отправке вышедших за рубежом русских книг. Все книги (а, значит, и перечисленные Вами в письме ко мне), относящиеся к истории СССР и к деятельности русских зарубежных организаций, представляют интерес ввиду их характера и малых тиражей. План Ваших воспоминаний [4] я получил сегодня в перепечатанном виде и, как и обещал Вам, отдал один экземпляр Михаилу Антоновичу Алпатову [5], доктору исторических наук, сотруднику нашего Института и автору романа из жизни донского казачества «Горели костры». М., 1970. Может быть, Вам будет интересно его почитать — посылаю свой дарственный экземпляр. Думаю, будет неплохо, если Вы сами напишете ему потом и о романе, и о своих воспоминаниях.

Кажется, написал обо всем.

Желаю Вам доброго здоровья и всего наилучшего.

Жена просит кланяться.

Уважающий Вас В. Пашуто

53

22 апреля 1975 г.

Здравствуйте, глубокоуважаемый Владимир Терентьевич!

На этот раз мне приходится просить у Вас прощения за то, что я с таким опозданием отвечаю на Ваше любезное письмо от 18. 2. 1975 [1]. Дело в том, что я, по независящим от меня обстоя-

тельствам, совсем неожиданно оказался временно «неработоспособным», так как — по небрежности водителя — столкнулся со мною легковой автомобиль, помявший мою правую сторону, главным образом[a] все ее мясо. Только буквально на днях я стал возвращаться в свое более или менее нормальное состояние: уже могу ходить и немного писать (на машинке пишу левой рукой).

И на приглашение Бориса Ивановича Чадина[a] [2] посетить его в связи с получением им Вашего письма, пришлось перенести эту встречу на 16. 4. 1975.

А теперь по существу дела.

I. Архивы:

а) мой личный архив нужно еще привести в порядок, так как я им пользуюсь при составлении моих воспоминаний.

б) Архив Союза русского сокольства за границей то же самое.

в) Архив проф. д-ра Л. В. Копецкого — я связался с ним по телефону — пока отказывается передать из-за невозможности в ближайшее время привести его в порядок по случаю писания какого-то труда. А относительно воспоминаний прямо сказал, что если бы к нему пришли с магнитофоном, то он бы смог составить свои воспоминания, а вот написать — у него просто не хватает времени, так как он старается изо всех сил попытаться закончить свои научные труды, покуда ему еще не отказывает зрение, а потом будет видно.

г) Архив д-ра инж. И. Р. Кохановского, известного казачьего историка — вопрос остался открытым, так как он находится в настоящее время в больнице по случаю крупных припадков аллергической одышки и совершенно не в состоянии говорить. Он очень ослабел. . .

II. Относительно нахождения дальнейших русских сочинений по интересующим Вас и Ваш институт вопросам должен откровенно сказать, что из-за моего неприятного приключения застопорилось из-за моей временной нетрудоспособности, а тут еще у нас что-то начали делать с телефоном — никак нельзя соединиться. Но, надеюсь, что как только стану более «подвижным», то можно будет еще кое-что найти.

III. Я очень рад, что мои справки о судьбах русского золотого запаса Вам пригодились [3]. Быть может, удастся еще кое-что найти в этом отношении для более точного установления соотношения величины этого запаса к величине затрат правительства Масарика — Бенеша на так называемую «русскую акцию».

IV. Я Вам очень благодарен за передачу М. А. Алпатову [4] плана моих воспоминаний. Благодарю также и за одолжение его книги «Горели костры». Она у меня есть, а Ваш экземпляр я верну Вам при первой возможности.

Я с большим удовольствием воспользуюсь Вашим любезным советом и напишу, как только буду в состоянии, М. А. Алпатову как о его книге, так и относительно моих воспоминаний.

Вот только я не знаю его адреса, куда послать ему мое письмо. . .

V. Ваши советы относительно способов доставки Вам книг и пр. я принял во внимание и договорюсь с Б. И. Чадиным своевременно. Я лично прямо послать не могу, потому что их обязательно конфискуют на границе в качестве «подпольной» литературы. Да и вообще в последнее время стали пропадать наши письма и посылаемые нами книги в СССР. Так надо будет сделать так, чтобы все попало непосредственно Вам по назначению.

VI. Я Вам, глубокоуважаемый Владимир Терентьевич, очень благодарен за все Ваши советы и указания, а главное за присылку Чешско-русского двухтомного словаря (Л. В. Копецкого) — это самый лучший словарь, а у меня их довольно много. Он оказался для меня прямо весьма необходимым.

Б. И. Чадин мне показал Ваш подарок: «Иллюстрированную историю СССР» и тем самым привел меня в грех огромной зависти, так сказать, уже вторично, так как ее здесь совершенно нельзя получить. Больно уж хороша! Очень жаль.

В пражской Советской книге новый директор и кажется очень способный, а главное обязательный человек. Думаю, что с ним можно будет работать, а главное, похоже на то, что сможет оказать мне помощь в получении советских изданий, как раз тех, которых мы не можем получить обычным путем.

Ну кажется написал все и ничего не забыл.

Простите, пожалуйста, за «коряво» написанное письмо с множеством опечаток. Еще не привык писать одним пальцем, да еще одной левой рукой. Однако письмо пером еще хуже получается.

Спасибо Вам большое за Ваши милые пожелания, а Вашей жене за поклон.

В свою очередь искренне желаю Вам обоим побольше здоровья, хорошего самочувствия и долготерпения, а также полно успехов во всех Ваших благих начинаниях и трудах. Привет Вашей жене.

А Вам крепко жму руку, хотя это в настоящее время сопряжено для меня с некоторым неудобством из-за временно плохого действия правой руки.

Остаюсь глубоко уважающий Вас Инж. Н. В. Манохин.

[a] Напечатано над строкой.

54

24 августа 1976 г.

Здравствуйте, глубокоуважаемый Владимир Терентьевич!

Простите, пожалуйста, что я так долго не писал Вам и даже не ответил на Ваше последнее письмо [1]. Дело в том, что на меня при возвращении из поездки к дочери и ее семейству в Брно на Н⟨овый⟩ г⟨од⟩ 1976 домой в Прагу свалилось весьма неприятное заболевание в виде какой-то очень странной энфлюэнции без повышения температуры, но с отвратительными насморком и кашлем, в результате чего на меня сразу же набросилось много

чисто старческих (мне в этом году удалось перебраться через перевал 88 лет) недомоганий и даже недугов, принесших мне массу неприятностей, а главное: чрезмерно быструю утомляемость, довольно продолжительную усталость, а также нежелание работать, читать, писать и вообще что-нибудь делать. А тут еще ко всему этому прибавилось весьма неприятное воздействие поистине «пестрой» погоды, посетившей в этом году Чехословакию и совершенно перевернувшей весь ч⟨ехо⟩сл⟨овацкий⟩ климат... Началось лечение, вернувшее меня весьма медленно в «свою тарелку», для чего, под конец, понадобился и дополнительный вызов дочери снова в Брно, в котором мне пришлось пробыть около месяца, и там только мне удалось «стать на свои собственные ноги» и начать снова работать, писать, читать...

По возвращении в Прагу пришлось начать «разделываться» со своей перепиской, которой накопилось довольно порядочно...

Для того, чтобы мне можно было написать Вам, мне пришлось посетить Б. И. Чадина [2] и попробовать договориться с ним: что и как. Он на мой вопрос, что же мне делать с книгами и пр⟨очими⟩ заграничными изданиями, собранными мною и предназначенными для Вашего Института, довольно сухо сказал, что он сам лично ничего не может сделать, так как ему запретили это делать, и попросил меня написать Вам прямо о том, чтобы Вы сами лично позаботились о том. На мое замечание, что дело идет о том, чтобы Ваш Институт получил эти книги и возможные архивн⟨ые⟩ материалы в полном порядке, без каких-либо возможных «уйм и потерь» при пересылке и доставке, он снова повторил, что сам лично ничего не может сделать и посоветовал мне самому лично заняться этим делом...

Но мне самому сделать это лично по многим причинам совершенно не под силу, а также и потому, что пересылка книг и вообще печатных и рукописных материалов из ЧССР в СССР очень вздорожала и мне просто не по моему «пенсионерскому» карману...

И вот я не знаю, что же мне делать с материалами, собранными мною для Вашего Института... Не сможете ли Вы сами лично разузнать в Москве на надлежащих местах, как устроить доставку этих материалов в Ваш Институт без досмотра на ч⟨ехо⟩-сл⟨овацкой⟩ и сов⟨етской⟩ границах и для беспрепятственной доставки всего этого в ведение Вашего Института?

А тут еще прошел слух, что Б. И. Чадина отзывают в Москву для дальнейшего продвижения по службе (он, правда, сказал мне, что едет только в отпуск). И вот было бы очень хорошо, если бы Вам удалось узнать о том товарище, который придет на место Чадина, завязать с ним знакомство и пр. Может быть, что с назначением нового человека может измениться и режим пересылки?.. Тем более, что, как мне удалось узнать, пражское консульство США при помощи подставных лиц тоже «охотится» за русскими заграничными изданиями и переправляет их беспрепятственно посредством дипломатической почты или курьеров прямо в США...

А тут может настать еще и другой выход. Я должен Вам, многоуважаемый Владимир Терентьевич, сообщить о том, что в начале сентября посылается из Праги в командировку в СССР очень интересный молодой историк и мне очень хотелось бы, чтобы Вы познакомились с ним и помогли ему. Я ему дам для Вас рекомендательное письмо, с которым он и явится к Вам в Институт. Он окончил истор⟨ический⟩ фак⟨ультет⟩ Ун⟨иверсите⟩та со степенью «промоватого историка», отвечающей прежней степени доктора после сдачи соответствующего госэкзамена (второго) и защиты диссертации. Его имя Антон Антонович Рочек [3]. В настоящее время служит в Госмузее телесного воспитания и спорта в Праге, который в настоящее время является филиалом Ч⟨ехо⟩сл⟨овацкого⟩ Национального Музея в Праге. У д-ра Рочека две специальности, если можно так сказать, а именно: с одной стороны — это современная история, а с другой — история физкультуры и спорта и всего того, что связано с ними. Но его область исторических интересов не ограничивается одними только «голыми» фактами и их истолкованием. Его главным образом интересует подоплека или, вернее сказать, закулисная сторона всех политико-исторических событий и явлений, а также работа историков — фальсификаторов истории. При этом ему пришлось столкнуться, конечно, и с работой как междун⟨ародных⟩ разведок, так и политических охранок и сыска. Относительно этой области он написал несколько трудов, из которых ему издательство ч⟨ехо⟩-сл⟨овацкого⟩ МНО Наше войско издало один труд под псевдонимом И. ⟨неразб.⟩нтек под назв⟨анием⟩: «Акция: неполапительный (т. е. — „действие — не мог быть пойманным или разоблаченным“)», в котором изложил очень интересные эпизоды из деятельности царской охранки при «охране» ее сотрудника пресловутого «большевика» — Р. В. Малиновского. Думаю, что эта его книга могла была быть переведенной не без пользы на русский яз⟨ык⟩. Есть там и очень интересные фотографии. . .

Я с д-ром Рочеком познакомился из-за своих Воспоминаний при работе в архиве Госмузея телесн⟨ого⟩ воспит⟨ания⟩ и спорта. И мы как-то сошлись. . .

А тут мне приходит в голову, что, быть может, при посредстве этого д-ра Рочеком можно было бы завязать связь Вашего Института с Ч⟨ехо⟩сл⟨овацким⟩ Национальным музеем или Госмузеем телесн⟨ого⟩ воспит⟨ания⟩ и спорта в порядке обмена научными материалами для непосредственной пересылки книг и архивн⟨ых⟩ материалов из Праги в Москву. . . Попробуйте, пожалуйста, договориться с ним на этот счет. . . Надеюсь, что это Вам удастся, и тогда я смогу Вам переслать хотя бы первую партию. . .

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы любезно сообщили Ваше впечатление от Рочка и Ваше мнение о нем. . .

Еще нужно мне сообщить Вам одно неприятное известие, что от переутомления умер неожиданно после кратковременной болезни проф. д-р Леонтий Васильевич Копецкий, известный русист и составитель очень хороших словарей, в том числе и прево-

сходного русско-чешского словаря в нескольких томах. И вот его обширный и весьма интересный архив оказался «неприкаянным». Когда я об этом сказал Б. И. Чадину, то он сейчас же позвонил д-ру И. О. Панасу [4] и попросил его принять все меры для сохранения архива Л. В. Копецкого. . . Интересно, что из этого выйдет. . .

Ну, пора, как говорится и «честь знать!», а потому кончаю.

Простите, пожалуйста, что я Вас так обременил своим таким обширным письмом.

Разрешите попросить Вас передать самый искренний привет Вашей многоуважаемой супруге.

Желаю Вам, многоуважаемый Владимир Терентьевич, и Вашим милым как можно больше отличного и крепкого здоровья, хорошего самочувствия и полным полно успехов в Вашей благотворной деятельности.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь Вашим Инж. Н. Манохин

55

29 октября 1977 г.

Здравствуйте, многоуважаемый Владимир Терентьевич!

Простите, пожалуйста, что я до сих пор Вам так долго не писал.

С одной стороны — наступление возраста («старость — не радость!»), а с другой — меня угораздило получить в прошлом году (когда наконец-таки удалось получить разрешение работать в Ч⟨ехо⟩сл⟨овацком⟩ центр⟨альном⟩ Гос⟨ударственном⟩ Архиве и я вдруг очутился перед массой документов, свидетельствующих о жизни молодежи из России, попавшей в Прагу в гг. 1905—1914 с офиц⟨иальной⟩ точки зрения пражской полиции и мне предстояло коренным образом переработать и [a]значительно дополнить[a] свои Воспоминания; и я принялся изо всех своих последних сил за эту работу) такое сильное переутомление, что мой врач запретил мне не только читать, писать, но даже и «думать» о своей работе. Что мне и пришлось по мере сил это соблюдать. И только теперь я начал как-то все-таки приходить в норму, а тут появилась у меня Ваша посланница (к моему крайнему сожалению, я не записал ее имя, отчество и фамилию и т. д. И хотя мы уговорились встретиться в «Советс⟨кой⟩ книге», но там я ее напрасно прождал, и так ее и не дождался) и предложила мне завязать прямо сношения с советским послом в Праге, что я и сделал. . . Я продолжал заниматься своими делами по улучшению состояния своего здоровья и «ожидать у моря погоды». . . И вот я на днях получил от товар⟨ища⟩ В. Абрамова, заведующего Консульс⟨ким⟩ отделом Советск⟨ого⟩ посольства в Праге, своеобразный ответ на мое обращение к совет⟨скому⟩ послу, копию которого я прилагаю при сем [1]. По получении его я сейчас же соединился по телефону с т. Абрамовым. И мы договорились о том, что у конс⟨ульского⟩ отдела нет работников той специальности, которая помогла бы им разобраться в материалах, предлагаемых мною Вашему Институту, и что, значит, Ваше присутствие в Праге

является необходимым, и что он займется этим делом по своей линии. Записал № моего телефона и попросил меня через некоторое время ему позвонить снова, дабы узнать, что и как... И вот я спешу Вам сообщить о том, как обстоит это дело в наст⟨оящее⟩ время, чтобы Вы знали обо всем и могли быть готовым ко всему, если потребуется Ваше присутствие при отборе материалов, нужных для Вашего Института... К сожалению, мне не удастся закончить переработку моих Воспоминаний в ближайшее время, а хотел 1 экз⟨емпляр⟩ Вам передать, быть может, и они могли бы Вам понадобиться...

Кроме того, я должен поставить Вас в известность, что во время от 14-го декабря 1977 и до 14-го января 1978 г. я не буду в Праге, так как должен быть в это время в Брне в семье моей дочери, о чем настаивает и мой врач, дабы я сохранял «ритм» моей работы и жизни для окончательного преодоления моего переутомления и чтобы я с наступлением нового года смог вернуться к моей работе как в Гос⟨ударственном⟩ архиве, так и к моим Воспоминаниям, хотя и не вполне «полноценно», но все-таки к работе по переработке их...

Надеюсь, что это мое письмо, хотя и весьма «коряво» написанное, все-таки даст Вам общее представление о положении дел и поможет Вам предпринять и со своей стороны все необходимое для завершения начатого...

А теперь разрешите мне искренне, с одной стороны, поблагодарить Вас за проявленное внимание ко мне, а с другой — поздравить Вас с наступающим 60-летием Великого Октября и пожелать как Великой Родине, так и Вам и всем Вашим милым как можно больше здоровья, достижений и успехов во всех Ваших благих начинаниях.

Будьте живы, здоровы и благополучны!

С просьбой передать нижайший поклон Вашей супруге жму Вашу руку и остаюсь преданный и благодарный Ваш Инж. Н. Манохин

Не откажите, пожалуйста, в любезности сообщить мне о получении Вами моего настоящего письма, так как я в последнее время как-то перестал получать письма...

[a] Напечатано над строкой.

О. О. Марков — В. Т. Пашуто

56

8 июня 1974 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,
посылаю Вам список моих работ [1]. Список не выглядит очень красиво (на машинке я мало — и плохо — пишу), но зато не придется долго ждать. Фотографию пражского русс⟨кого⟩ юридич⟨еского⟩ факультета я передал сегодня в институт истории САН [2]. Копию пошлет Вам институт.

Несколько дней тому назад я послал Вам справку о словарях. Надеюсь, вы письмо получили. На всякий случай повторю: хорватский словарь составил[a] V. Mažuranić, Prinoži za hrvatski pravnopovjeski vjećnik (Каретя, вышло 10 томов и Dodatask), мадьярский словарь составил A. Bartal (Glossarium medial et imprimen latinitatis v Huṅgariae — A Magyaren latinsu zrólava).

Шлю Вам сердечный привет и прошу вас передать поклон Вашей многоуважаемой супруге.

Искренне уважающий Вас И. Марков

[a] Вписано над строкой.

57

6 июля 1974 г.

Глубокоуважаемый Осип Осипович,
примите мою сердечную благодарность за Вашу библиографию [1]. Она уже пошла в дело: Ваши работы по соку, ятию и лицу я предложил моим аспирантам срочно учесть и использовать содержащиеся в них источниковедческие и историографические данные. Названия словарей поехали по другому адресу — сотруднице по переводам.

Сам я сижу над архивом «Семинара Н. П. Кондакова» — одного из лучших русских изданий в эмиграции научной [2]. Кроме того, собираю в Книговне [3] все, что помогает понять место Статута Корчулы в истории славянского права.

Если у Вас найдется свободное время, то, быть может, Вы найдете возможным ответить на занимающий меня вопрос: оказывала ли пражская эмиграция влияние (и какое?) на научную жизнь Словакии? Вопрос вызван тем, что я располагаю, как правило, так сказать, нормативными источниками, а хочется знать, что было на деле.

Жена и я приветствуем Ваше милое семейство.

Уважающий Вас В. Пашуто

58

18 июля 1974 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,

Вашу открытку [1] я получил и спешу сообщить Вам то, что мне известно о Русс⟨ком⟩ Юридич⟨еском⟩ факультете в Праге. О деятельности ф⟨акульте⟩та был издан в Праге в 1927 году «Отчет о состоянии и деятельности Русс⟨кого⟩ Юрид⟨ического⟩ ф⟨акульте⟩та в Праге за 1926/27 уч⟨ебный⟩ год с общим обзором его пятилетней деятельности (1922—1927)», а в 1928 году «Отчет о состоянии и деятельности Русс⟨кого⟩ Юрид⟨ического⟩ ф⟨акульте⟩та в Праге за 1927—1928 уч⟨ебный⟩ год». В отчете за 1926/27 уч⟨ебный⟩ г⟨од⟩ напечатано м⟨ежду⟩ пр⟨очим⟩: история учреждения русс⟨кого⟩ Юрид⟨ического⟩ ф⟨акульте⟩та в Праге (стр. 6—7), торжественное открытие ф⟨акульте⟩та

(стр. 7—12), принятие ф⟨акульте⟩та под покровительство Карлова у⟨ниверсите⟩та (стр. 12), личный состав ф⟨акульте⟩та (стр. 12—18), ученые труды (стр. 20—32), система преподавания (32 ст.), издательство (52—58), библиотека (58—60), о⟨бщест⟩во правоведения при ф⟨акульте⟩те (60—62) и Русс⟨кое⟩ историч⟨еское⟩ о⟨бщество⟩ (стр. 63). Отчет за 1927/28 уч⟨ебный⟩ год содержит м⟨ежду⟩ пр⟨очим⟩: празднование 6-ой годовщины ф⟨акульте⟩та (стр. 3), состав ф⟨акульте⟩та (3—8), труды (8—18), лекции (18—21), испытат⟨ельная⟩ Комиссия (21—24), издательство (24), библиотека (25). Факультет существовал с 1922 года (чтение лекций началось в мае 1922 года, отчет 1926/27, стр. 34). В 1925 г. началась постепенная ликвидация ф⟨акульте⟩та: в 1925/26 г. факультет действовал уже в составе 3 (II—IV) Курсов, с осени 1926 закрылся II Курс, а с осени 1927 ф⟨акульте⟩т действовал в составе одного IV Курса (Отчет 1926/27, стр. 34, 1927/28 стр. 18).

В отчетах говорится м⟨ежду⟩ пр⟨очим⟩ о Русском Народном у⟨ниверсите⟩те (отчет 1927/28, стр. 13—17) и Русск⟨ом⟩ историч⟨еском⟩ о⟨бщест⟩ве (отчет 1926/27, стр. 61, 1927/28, стр. 10), о Русс⟨ком⟩ научн⟨ом⟩ институте в Берлине (отчет 1927/28, стр. 14), о франко-русс⟨ком⟩ институте (отчет 1927/28, стр. 10), о записках Русс⟨кого⟩ истор⟨ического⟩ О⟨бщест⟩ва в Праге (отчет 1927/28, стр. 14), о Seminarium Kondakovianum (отчет 1927/28, стр. 14). В отчете 1927/28 г. (стр. 16) есть ссылка на работу А. В. Флоровского о русс⟨кой⟩ историч⟨еской⟩ науке в эмиграции 1921—1926 (в Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale, в Slavonic Revue и в сборнике «Русские в Праге»).

Отчеты Вы несомненно получите в унив⟨ерситетской⟩ библиотеке в Праге. Думаю, что кроме этих двух отчетов ничего больше о ф⟨акульте⟩те не появилось в печати. [a]Библиотеку Юрид⟨ического⟩ ф⟨акульте⟩та подарил юридич⟨ескому⟩[a] факультету в [a]Братиславе (Ústav Slovenskych prav)[a]. Сейчас книги находятся в университетской библиотеке в Братиславе.

Вот все, что я могу сообщить Вам о Русс⟨ком⟩ юрид⟨ическом⟩ ф⟨акульте⟩те. В отчете за 1926/27 учебный год помещена копия фотографии, которую Вы видели у меня и копию которой Вам послали из института истории САН.

Шлю Вам и Вашей супруге сердечный привет и лучшие пожелания.

Искренне уважающий Вас И. Марков

[a] Подчеркнуто В. Т. Пашуто.

59

24 июля 1974 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,
по интересующим Вас вопросам могу Вам сообщить следующее. Факультет перестал существовать, по-видимому, в 1928 году (уч⟨ебный⟩ год 1927/28). Ликвидация ф⟨акульте⟩та (по распоряжению м⟨инистерст⟩ва иностр⟨анных⟩ дел, см. отчет 1926/27, стр. 34) началась в 1925 году, а с осени 1927 года (уч⟨ебный⟩ год 1927/28) действовал только IV Курс. Деканом был в 1927/28 г. номинально Е. В. Спекторский (в действительности он находился в это время уже в Югославии), и⟨сполняющим⟩ д⟨ела⟩ декана был А. А. Дилков, который, по-видимому, сдавал его дела *. Где находится архив ф⟨акульте⟩та, я не знаю, но думаю, что об этом можно было бы навести справки в архивах М⟨инистерст⟩ва нар⟨одного⟩ просвещения и М⟨инистерст⟩ва иностр⟨анных⟩ дел. Факультет был открыт 18. V. 1922 и с разрешения м⟨инистерст⟩ва иностр⟨анных⟩ дел и м⟨инистерст⟩ва народного просвещения, на открытии ф⟨акульте⟩та присутствовали представители м⟨инистерст⟩ва иностр⟨анных⟩ дел и м⟨инистерст⟩ва нар⟨одного⟩ просвещения (отчет 1926/27, стр. 7 и стр. 9), ликвидация ф⟨акульте⟩та последовала по распоряжению м⟨инистерст⟩ва иностр⟨анных⟩ дел (отчет 1926/27, стр. 34), так что в архивах этих министерств несомненно можно было бы найти справки о том, кто сдавал дела ф⟨акульте⟩та и куда был передан архив ф⟨акульте⟩та. Не исключено, что архив передали в «Русский заграничный исторический архив» (который находился в Праге), который, насколько мне известно, был передан (после 1945 года) Советскому Союзу.

Русс⟨кий⟩ юрид⟨ический⟩ ф⟨акульте⟩т передал юрид⟨ическому⟩ ф⟨акульте⟩ту в Братиславе — в связи с ликвидацией ф⟨акульте⟩та — не всю свою библиотеку (в библиотеке числилось около 10 000 томов), а только литературу по истории русс⟨кого⟩ права. Поэтому эти книги попали в Институт славянского права (Ústav slov⟨enskych⟩ prav).

Вот все, что я могу сообщить Вам по интересующим Вас вопросам.

Прошу принять выражения искреннего к Вам почтения и прошу передать поклон Вашей многоуважаемой супруге. И. Марков.

60

10 августа 1974 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,
в ответ на Ваше письмо от 3. VIII. с. г.[1] могу сообщить Вам следующее. Вы спрашиваете, «признало ли все-таки (ч⟨ехо⟩сл⟨овац-

---

* Его уже нет в живых. М. б., сдавал и. д. секретаря ф⟨акульте⟩та П. А. Остроухов (отчет 1927/28, стр. 4).

кое⟩) правительство равноправие выданных им (РЮФ-ом) дипломов или нет. В 1927 г. налицо 40 безработных юристов, окончивших РЮФ». Вы думаете, конечно, о «равноправии» дипломов РЮФ с дипломами ч⟨ехо⟩сл⟨овацких⟩ юридических ф⟨акультет⟩ов. О «равноправии» в том смысле, что окончивший РЮФ имеет те же права, какие имел окончивший один из ч⟨ехо⟩сл⟨овацких⟩ юридических ф⟨акультет⟩ов, конечно, не может быть речи. РЮФ не был ч⟨ехо⟩сл⟨овацким⟩ высшим учебным заведением, он не действовал на основании ч⟨ехо⟩сл⟨овацких⟩ законов о высших учебных заведениях, в которых было установлено, какие предметы должен студент ф⟨акульте⟩та прослушать и каким образом должно быть проверено, что абсольвент X ф⟨акульте⟩та приобрел известные знания в области юридических наук. В Отчете ф⟨акульте⟩та за 1926/27 уч⟨ебный⟩ г⟨од⟩ (стр. 32) говорится, что «учрежденный по образцу юридич⟨еских⟩ ф⟨акульте⟩тов русс⟨ких⟩ университетов добольшевицкого времени РЮФ в Праге руководствуется положениями Общего устава росс⟨ийских⟩ у⟨ниверсите⟩тов 23. VIII. 1884 (с изменениями до 1917 года) и т. д». РЮФ был, одним словом, — и с юридической точки зрения — иностранным учебным заведением, существовавшим с разрешения ч⟨ехо⟩сл⟨овацкого⟩ правительства в ЧСР. Поэтому дипломы РЮФ могли иметь значение, равное дипломам ч⟨ехо⟩-сл⟨овацких⟩ университетов, только под условием нострификации. Это явление вполне нормальное и понятное. Я, например, должен был нострифицировать в России мой диплом Львовского университета и получил — на основании предписанных испытаний — диплом Донского у⟨ниверсите⟩та. Диплом в⟨ысшего⟩ уч⟨ебного⟩ заведения (не только диплом РЮФ) не давал никакого права на место (службу), в особенности, если окончивший в⟨ысшее⟩ уч⟨ебное⟩ заведение (не только РЮФ) не был ч⟨ехо⟩сл⟨овацким⟩ гражданином. Безработные юристы были, несомненно, и среди окончивших ч⟨ехо⟩сл⟨овацкие⟩ юридич⟨еские⟩ ф⟨акульте⟩ты и среди ч⟨ехо⟩сл⟨овацких⟩ граждан. Право на труд не было в Конституции ЧСР предусмотрено и гарантировано.

Даты смерти И. И. Лаппо я, к сожалению, не знаю. Насколько мне известно, И. И. Лаппо был профессором (по-видимому, литовской истории в Ковне (Kaunas) и там, несомненно, будут знать, когда он скончался. Библиографию * его трудов — конечно, далеко

* Стоило бы посмотреть в Каталогах пражской унив⟨ерситетской⟩ библиотеки и в библиотеке Чеш⟨ского⟩ Народного Музея. Весьма возможно, то И. И. ⟨Лаппо⟩ передал туда (или посылал уже раньше) свои работы (в особенности оттиски статей). Во избежание возможных недоразумений считаю нужным обратить Ваше внимание на то, что я не могу считаться русским (советским) эмигрантом в точном смысле слова, т. к. я не был русским (советским) гражданином: до 1918 года я был австрийским гражданином, в силу мирных договоров стал гражданином польским и, наконец, приобрел ч⟨ехо⟩сл⟨овацкое⟩ гражданство Ваш И. Марков

не полную, — Вы найдете наприм⟨ер⟩ в V т. «Історії України — Руси» М. С. Грушевского (Львов, 1905), в книжке И. И. Лаппо «Западная Русь и ея соединение с Польшей» (Прага, 1924), стр. 217—219 и у Кутшебы (St. Kutrzeba), Historya ustroju Polski, II. Litwa (Краков, 1913), стр. 229—230.

О золоте мне ничего не известно [2]. Вот все, что я могу Вам сообщить. Прошу Вас принять выражения совершенного к Вам почтения и прошу передать поклон Вашей многоуважаемой супруге.

Искренне уважающий Вас И. Марков

[a]Некоторых вопросов, которых — насколько я помню касаются выписки из Hof- u. Staatsarchiv (которые Вам передал И. О. Панас), касаются также документы, напечатанные в Antemurale XI (Romae-Londini 1967, Institutum historicum Polonicum Romae) и XIII (1969): Z olszamowska Skowrońska ed., Tenta tivei d'introduire la lange russe dans les eglises latines de la Pologne orientale (1865 — 1903) и J. Bóbr-Tylingo. La Russie, l'eglise et la Pologne 1860—1866 (Rapports des consuls français). Часть документов из Hof- u. Staatsarchiv'a была напечатана (в переводе) в журн⟨але⟩ «Рус⟨кая⟩ Мысль» (Прага, кн. 9—12)[a].

[a] Написано на отдельном листе, приклеенном к стр. 3 письма.

В. Ф. Минорский — В. Т. Пашуто

61

⟨первая половина 1956 г.⟩

Глубокоуважаемый коллега!

Прошу извинить меня, что не сразу ответил на Ваше сердечное письмо [1]. Сломал ногу — пришлось отлеживаться, да и сейчас еще сижу с костылем.

Письмо Ваше вновь навело меня на невеселую мысль, что восточные источники, столь яркие и, иногда, загадочные, увы, уже не будут доступны мне в подлиннике.

Сравнительно недавно я закончил книгу о борьбе русского и других народов за независимость против монгольского нашествия [2]. При этом имел возможность убедиться (хотя бы по двум томам Тизенгаузена и Рашид ад-Дину), какой прекрасный материал хранят арабы и персы. Я выбрал лишь кое-что. В Кракове Т. Левицкий говорил мне, что напишет на эту тему особую статью. Это — хорошо, ибо неспециалисту грозят здесь опасности пострашнее упомянутых Вами «литовских быков».

Жаль, что я не знал Вашего прекрасно изданного Marvazi [3]. Действительно, удивительны аналогии, отмеченные Вами. Я пока не берусь их объяснять, так как еще продолжаю изучать пруссов. Однако мне трудно понять, как могли аварские влияния проникнуть в Прибалтику через галиндские и надровские пущи. Быть может, как часто случается, на определенном этапе общественного развития эти народы имели сходные институты и обычаи?

Согласен с Вами, что политическая история пруссов заслужи-

вает особого изучения. В книге, посвященной образованию Литовского государства, отведу им особую главу [4].

Ваши разыскания и публикации весьма интересны и ценны. Ведь и русско-кавказские и русско-азиатские связи X—XI вв. (в освещение которых много свежего внесли Ваши Studies in Caucasian History [5]) изучены еще очень недостаточно. Не говорю о том, как будет благодарен Вам (и за Марвази, и за Худуд ал'Алем) будущий историк внешней политики древней Руси.

Издание полного[а] корпуса восточных материалов по древней истории народов СССР — давно назревшее дело, за которое, надеюсь, в скором времени, возьмутся наши востоковеды [6]. Очень важно, чтобы здесь, как и в истории русского летописания, был положен конец потребительскому цитированию отрывков и на его место пришло комплексное изучение полных текстов — списков, сводов и главное их смысла[а] и целей, которыми руководствовались составители редакций и т. п.

Сожалею, что не могу сейчас послать Вам статью В. Н. Перцева [7] (это университетское издание с небольшим тиражом давно разошлось), но по выздоровлении попробую ее разыскать.

Желаю Вам доброго здоровья и всего хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

[а] Подчеркнуто В. Т. Пашуто.

62

31 августа 1956 г.

Дорогой Влад⟨имир⟩ Терентьевич,

Вы меня очень порадовали присылкой Вашей книги «Гер⟨оическая⟩ борьба»[1]. В ней я нашел множество интересных фактов и проник в углы, которые для меня были скрыты во мраке. Вы делаете крайне полезное дело тем, что освещаете положение зап⟨адного⟩ русс⟨кого⟩ фронта. В мои времена польские вопросы решались в порядке формулы: «на Шипке все спокойно», а уже о литовцах и прикарпатах в Москве мало знали, оставляя дело Любавскому [2] и киевлянам.

Заглавие книги мне кажется немного «нервным». Если бы я не знал Вас, меня бы оно расхолодило. Да и все ли было «героическое» в XIII в.? Вон летописец (стр. 211), кажется, думает, что надо было служить[а] «царям». За спасение Запада пенсии не получить! Много было и борьбы, но главное, что остается в памяти — великие тягости, выпавшие нам на долю в истории. . . но так ковался булат[а].

Мне в сущности судить выше котурна не надлежит. На [б] стр. 206[б] чти: Огул-Гаймиш (ь[а] не надо); [б]190: Хупожьское[б] какая-то ошибка переписчика: Хувалынское? [б]132[б]: В. Ф. Миллер, [б]139[б]: Якун (Haakon?), [б]149[б]: «плодородная Мугашь» чти «обильная травой» для кочевий[а]. «Изгнание[б] монголов из Персии в 1349» не ясно. Последний отпрыск Хулагу умер в 1345, но и после

него царствовали Чобаниды и Джелаиры, прямые продолжатели монголов (вплоть до Тимура и Тимуридов). В общем изгонять[а] никого не приходилось. Монголов было не очень много и когда они растрепались в войнах, они принуждены были принять Ислам, а затем[а] и совсем[а] рассосались. Вообще монг⟨ольское⟩ владычество в Персии имело и культурное значение, ввиду порядка, расширения горизонтов, привлечения опытных администраторов. Это не то, что удел Джучи!

О Вернадском Вы судите немного строго. Он, конечно, «евразиец». Ошибок у него множество, но важно, что он «взбалтывает» много забытых фактов. Положение его трудное. Когда он хотел поехать в Европу, ему предложили принести свидет⟨ельство⟩ от психиатра на благонадежность, очевидно ввиду его книги воен⟨ного⟩ времени.[3] Он с негодованием отклонил этот план, да так уже после войны и сидел на месте.

Шпулер [4] другое дело, но от него нельзя отмахиваться, а надо крыть с поличным. Это я со своей стороны и сделал в рецензии на его книгу Iran in früh-islam Zeit. Оттиск я посылал в Академию. Не откажите при случае проверить. Если оттиск в Инст⟨итуте⟩ Ист⟨ории⟩, очень прошу прочесть[а]. Забавно, что Шпулер не обиделся, а принял в порядке спорта.

Укоризна восточникам (161) может и верна, но монг⟨ольские⟩ и персид⟨ские⟩ летописи о западе крайне немногоречивы. В статье Magas (столица Алан)[5] я еще раз перебрал материал. Так как я цитировал и Вас, я должен был послать статью Вам. Жаль, если не дошла. Не откажите в справке.

Как Ваша нога? Надеюсь, все срослось благополучно!

Это лето было «необычайно» по количеству удивительных визитов. Приезжали и академики, и цирк, и хор армии, не говоря о гостях со всех концов света. Поездка наша в Италию уже была примечательна по количеству встреч, хотя мне как «декану по возрасту» и приходилось отдуваться на конгрессе, а мне скоро 80 лет.

С искренним приветом В. Минорский

[а] Подчеркнуто В. Ф. Минорским.
[б] Подчеркнуто В. Т. Пашуто.
[в] Написано на поле.

63

29 сентября 1956 г.

Дорогой Владимир Федорович,

Был весьма обрадован, когда по приезде из Сухуми среди почты нашел и Ваше дружеское письмо. Особенно благодарен Вам за критические замечания. Надеюсь, что эта книга не последняя и я смогу с пользой их учесть. Тема, видимо, назрела, т. к. и в Польше совсем недавно вышла работа С. Краковского [1]. Вы правы, название книги несколько полемично потому, что до сих пор справедливы слова Пушкина о неблагодарной Европе.

Г. В. Вернадский как ученый не симпатичен мне не потому, что он евразиец (наша драка и в Европе, и в Азии), а потому, что — прагматист. Можно по-разному видеть и толковать источники, можно не видеть части источников, это — вопрос квалификации. . . Но Г. Вернадский часто покидает почву источников и строит отвлеченные гипотезы. Здесь он, казалось бы, не связан ничем. Почему же эти гипотезы лишены благородства, оскорбительны для русского народа, вульгарно-модернистски? Если идейно то, что полезно, то иного и ждать нельзя, а жаль, ибо человек эрудированный и умеющий видеть широкие полотна событий.

Вашу статью Magas [2] я прочитал, к сожалению, уже после того, как подписал сверку. Ну, ничего. Непременно использую ее в Литве.

Мы с женой жили у рыбаков почти на морском пляже близ устья реки (с головлями!) у дубовой рощи дней двадцать наедине с крабами днем и звездами да цикадами ночью. Потом дождь прогнал нас в Сухуми. . . Когда выяснилось, что я разучился писать и с трудом подписываю свою фамилию — решили, что цель достигнута и можно вновь садиться за Литву. Нога, благодарю Вас, окончательно прошла от странствий по берегу, пещерам, горам и долам.

Теперь засел за Литву, надеюсь безотрывно, т. к. материал хроник, житий, актов очень сложен, требует взаимопроверки и, следовательно, свежей головы. Если суждено кончить Литву, то потом устрою отдушину — займусь Тютчевым. Давно мечтаю.

Вы приближаетесь к 80, а я — к 40. Лишь сравнительно недавно я понял, что каждый возраст имеет свои неповторимые преимущества и что Толстой зря тратил время, подсчитывая свои будущие дни, часы и минуты.

От всей души желаю Вам доброго здоровья и новых книг.

В. Пашуто

64

22 марта 1959 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,

Очень приятно было получить Вашу «Борьбу прусского народа»[1]. Я признаюсь в провалах моего неведения, которое заполняется при чтении Ваших работ. Мне была крайне интересна связь двух лучей наступления: на арабов и на балтийцев. Немцы, конечно, руководили бойней, но я не подозревал того, что они терпели большие уроны, а с другой стороны, того, что в вырывании клоков шерсти у затравленного зверя участвовали и чехи, и галицкие князья. Ученость Ваша поразительна: как Вы ухитрились выучиться по-литовски? Я знал лишь проф. Карсавина, читавшего лекции по-литовски (жив ли он, не знаю. Сестра его балерина замужем в Англии).

Признаюсь, однако, что еще более поразила меня Ваша превосходная статья об «изучении Востока» в только что полученном

мною № 3 Вопросов истории [2]. Ее надо бы целиком перевести на ряд языков. Изученные Вами проблемы необъятны. Ваше внимание и ухватыванье ходов обличают в Вас душу шахматиста, от этого сарказмы Ваши отточены и бьют прямо в цель. Давно не видал такой образцовой полемики. Вот как надо говорить на конгрессах. Я не знаю, писал ли я Вам, что с 1957 года глаза мои рухнули. Большинство моих чтений ведется вслух женой, и мы совместно радовались Вашему искусству. Единственно, что я решаюсь отметить, это эпитет Фасмера. Ничто не решается эпитетами. В предисловии к переводу статей Бартольда [3] я настаиваю на нашем праве называть его Василием Владимировичем, хотя предки его были Вильгельмами. Но не все немцы в России оказались переваренными. В общем экономика состоит в том, чтобы не только обрабатывать 100 % руды, но извлекать, где можно, и меньшие проценты. Я не знаю Ф⟨асмера⟩, но жалею, что не могу купить его важного этимологического словаря [4].

Зачем давать статьям тяжелые титулы, неудобные для цитат? Меня раз навсегда устрашило заглавие одной немецкой статьи «Noch einige Bemerkungen über die Frage von den Namen der Grosskatzen im Arabischen». Я теперь стараюсь втиснуться в 3—4 слова: «Русь и Закавказье»[5] и т. п. — легко запомнить.

Не знаю, видели ли Вы последнюю книгу Г. В. Вернадского: The Origins of Russia [6], напечатанную недавно в Оксфорде. Я продолжаю резко отделять его от всяких Галецких [7] и Пашкевичей [8], но новое его произведение не имеет и тех заслуг, которые были в томах его Истории [9]. Это какое-то одержание все-аланством. С этимологиями он обращается запросто: даже слово номад[a] объясняется по-алански! Излагаются желательные мысли, а неудобные факты просто опускаются. На Институт Истории посылаю Вам свою последнюю статью о хазарах [10], пожалуйста, востребуйте ее.

Большая беда с арабскими источниками. Увы, часто какой-нибудь варьянт берется за единственное толкование, и таким способом «Третья Русь» объясняется то как Эрзя, то как Аркона.[a] Остров русов[a] (ср. скандинавский Holmgarđr) смешивается с «третьей Русью», хотя термины принадлежат разным традициям, и — помещаются в Тмуторакань! В моей History of Sharvān and Darband, вышедшей в конце 1959 года, мне пришлось коснуться и вопроса о русах и славянах. Надо ли сицилийцам открещиваться от норманов? Были и сплыли?

Надеюсь, что Вы и Ваша супруга в добром здравии.

С искренним приветом В. Минорский

[a] Подчеркнуто В. Ф. Минорским.

65

⟨без даты⟩

С Новым годом!
Спасибо за память и за теплые слова.

С самыми лучшими пожеланиями Т. Минорская (Татьяна Алексеевна).

P. S. Посылаю Вам список работ Владимира Федоровича [1] — м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ Вам интересно его иметь.

Его библиотека теперь в И⟨нституте⟩ н⟨ародов⟩ А⟨зии⟩ АН СССР в Ленинграде [2] в виде мемориальной. Я ее принесла в дар, зная, что таково было его всегдашнее желание. Т. М.

66

7 апреля 1970 г.

Глубокоуважаемая Татьяна Алексеевна,

Простите, что беспокою Вас, но к тому побуждают меня интересы науки. Дело в том, что в ближайшие годы я предполагаю работать над книгой о судьбах русской зарубежной историографии. Мне хотелось бы в первую очередь изучить главные ее центры, их состав и выпущенные ими труды, а также проследить развитие школ, направлений и взглядов отдельных ученых.

Покойный Владимир Федорович как востоковед много сделал для русской истории и естественно, что мне хочется как можно полнее осветить эту сторону его творчества. В этой связи у меня возникло несколько вопросов, в решении которых я позволю себе рассчитывать на Вашу любезную помощь. Во-первых, какие труды Владимира Федоровича опубликованы после 1964 г. и, следовательно, не вошли в библиографию, помещенную в Iranica; во-вторых, где опубликованы посвященные ему некрологи и, наконец, где находится его переписка — в Ленинградском ИВАН или у Вас? Буду Вам весьма признателен за помощь, а также за любые другие сведения, относящиеся к деятельности Владимира Федоровича, которые Вы сочтете возможным мне сообщить (например, большой интерес представлял бы для меня перечень его учеников). Недавно мы с А. П. Новосельцевым написали для «Истории СССР» рецензию на сборники «Восточные источники» (в одном из них помещена статья «Куда ездили древние русы?») [1]. Когда она выйдет, я Вам непременно пришлю.

Желаю Вам всего доброго.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

67

18 апреля 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Только что получила Ваше письмо от 7 апреля. Меня крайне радует Ваше намерение осветить творчество Владимира Федоровича, связанное с русской историей. Вот сначала ответы на Ваши вопросы.

1. После 1964 года были опубликованы лишь 2 его статьи, и то посмертно. Прилагаю их названия на отдельном листке [1]. К тому времени его зрение настолько ухудшилось, что работа его была настоящим подвигом. Он писал не видя, что пишет, я переписывала и читала ему, он проверял.

2. Вся его переписка с учеными находится целиком в Ленинградском ИВАН, при библиотеке его имени. У меня остались лишь его личные письма мне. Я все раздумываю, как с ними поступить из-за их семейной интимности, хотя в них всегда много интересного обо всем другом. У меня также остались случайно не ушедшие с библиотекой (были найдены много позже) его дневники военного времени 1940—1946 гг., которые я начала переписывать. В них то, что французы называют «маленькой историей» — встречи, впечатления, обзор английской печати, иллюстрированный вырезками из газет и т. п.

3. Список некрологов прилагаю тоже на отдельных листках [2]. Кроме того, в начале этого года (или в конце прошлого) в Тегеране вышел мемориальный том, выпущенный Тегеранским Университетом (его сейчас у меня нет, но в Московском ИВАН он имеется в библиотеке) [3]. Там вначале тоже некролог, но в общем просто сокращение английского в Бюллетене Лондонской Школы Вост⟨очных⟩ Яз⟨ыков⟩[4]. В печати также находится другой мемориальный том под редакцией J. Aubin и C. E. Bosworth [5].

К другой деятельности В⟨ладимира⟩ Ф⟨едоровича⟩, имеющей касательство к русской истории, по-моему, прямое отношение имеет его работа по турецко-персидскому разграничению. В 1913—1914 он возглавлял русскую часть («русский императорский комиссар») смешанной разграничительной комиссии (русские, англичане, персы и турки), которая закончила дело, не раз предпринимавшееся в течение более века. Всегда прежние разграничения прерывались войнами. Тут тоже только накануне вступления Турции в первую мировую войну удалось все закончить (я сопровождала В⟨ладимира⟩ Ф⟨едоровича⟩ и за отсутствием секретаря выполняла эту должность). Полный отчет о разграничении был выпущен в двух томах тогдашним МИД. Они имеются в библиотеке В⟨ладимира⟩ Ф⟨едоровича⟩ в Ленинграде. А наша граница твердо держится, только сейчас на Шатт эль-арабе теперь страдают от того, что англичане возобладали в пользу Турции (теперь это, конечно, Ирак).

Учеников у В⟨ладимира⟩ Ф⟨едоровича⟩ было множество и в Париже, и в Лондоне. Главные те, над кем он надзирал при под-

готовлении их докторских диссертаций. Вот те, кого я помню и лично знаю: Дж. Бойль, теперь профессор персидского языка в Манчестере, С. Дури, профессор Багдадского Университета (кажется, экономист). Не знаю, продолжает ли он там после всех переворотов. М. Исхак, лектор персидского языка в Унив⟨ерситете⟩ в Калькутте. Недавно умер. Хонда, японец, профессор Унив⟨ерситета⟩ в Хоккайдо.

Интересной ученицей была Miss Jane Harrison, очень ученая, профессор греческого языка в Кэмбриджском университете. Ей тогда уже было, кажется, за семьдесят.

В Париже также учениками В⟨ладимира⟩ Ф⟨едоровича⟩ были Ю. Н. Завадовский [6], теперь сотрудник московского ИВАН, и его покойная первая жена. Ю⟨рий⟩ Н⟨иколаевич⟩ смог бы Вам еще кого-нибудь назвать лучше меня из тех далеких лет.

Если у Вас будут еще какие-нибудь вопросы, всегда рада буду по мере сил на них ответить. Этим летом надеюсь быть в Москве в связи с захоронением там урны с прахом Владимира Федоровича, которую привезу с собой [7]. Три года ждала решения этого дела, и теперь надеюсь выполнить свое заветное желание.

С искренним приветом Т. Минорская

P. S. Отдельно посылаю Вам четыре разных некролога из имевшихся у меня лишних экземпляров.

[a] P. S. S. Извините за опечатки Это от перехода с английской машинки на русскую, где разные регистры: только что сдала большой перевод с русского на английский раздела об истории Мидии (И. М. Дьяконова) для Cambridge History of Persia[a].

[a] Написано от руки.

68

9 июня 1970 г.

Глубокоуважаемая Татьяна Алексеевна,

Сердечно благодарю Вас за милое и столь ценное для моих будущих изысканий письмо.

Труды таких людей, как Владимир Федорович, а также Флоровский, Расовский, Острогорский, Соловьев, Мошин и целый ряд других, — открывают передо мной счастливую возможность заниматься историей настоящей науки. Когда Вы собираетесь быть в Москве? Мы с Анатолием Петровичем [1] будем рады содействовать успеху Вашей миссии.

Всего Вам доброго.

Искренне уважающий Вас В. Т. Пашуто

69

22 августа 1970 г.

Уважаемый Владимир Терентьевич,

В моем блокноте записано [1], что Вы желали бы иметь фотографию Владимира Федоровича, а также список моих переводов. Прилагаю и то, и другое [2]. Эта фотография с котом Васькой на руках была любимой В⟨ладимира⟩ Ф⟨едоровича⟩, но если она для Вас слишком любительская, напишите, и я закажу у фотографа такую, как в его «Иранике». Фотограф хранит все негативы.

С благодарностью вспоминаю мое гощение в Москве, очень согревшее мне сердце дружеским теплом не только востоковедов, но и всех тех, кто бывал у меня здесь во время их стажировки. Здесь мало такого тепла и ласки, даже после многолетнего знакомства.

Коновалову [3] я сразу по приезде написала, и он мне ответил, что непременно Вам напишет. Он был в отъезде, отчего и вышло запоздание.

Если у Вас будут еще какие поручения, рада буду по мере сил их выполнить. Сейчас я выполняю самые разнообразные ⟨переводы⟩ — от детских книг и учебников до ученых трудов!

Всего самого лучшего. Т. Минорская

70

6 октября 1970 г.

Глубокоуважаемая Татьяна Алексеевна,

сердечно благодарю Вас за замечательную фотографию с котом и библиографическую справку. Все это для меня на вес золота. Но таков уж наш пишущий брат: и я к Вам с новой просьбой (памятуя о Ваших словах: «я люблю, когда мне что-нибудь поручают») — нельзя ли у С. А. Коновалова как-нибудь раздобыть его фотографию и коллективное изображение (буде таковое существует) первого состава редакции Оксфордских славянских записок? Право, совестно Вас беспокоить, но уж очень С⟨ергей⟩ А⟨лександрович⟩ ленив.

Не могу ли я быть чем-нибудь Вам полезен — пожалуйста, пишите и поручайте.

Желаю Вам всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Пашуто

71

11 ноября 1970 г.

Уважаемый Владимир Терентьевич,

Я не прочь написать Коновалову [1], но мне думается, зная его, что более действительно будет прямое Ваше напоминание, к которому Вы бы прибавили определение плана Вашего предполагаемого сборника. А то он как-то не совсем Вас сначала понял, думая, что Вас интересует преподавание русского языка за рубежом. Мои разъяснения, может быть, ему были недостаточны. Поэтому

лучше напишите ему сами ⟨. . .⟩, а там посмотрим, как он откликнется. Он в том году 8 месяцев путешествовал по теплым краям, оттого и мне долго не отвечал.

Рада, что Вы оценили фотографию В⟨ладимира⟩ Ф⟨едоровича⟩ с нашим котом Васькой, которого он очень любил. Это было снято в 50-х годах в нашем садике. Переснятый негатив хранится у фотографа, т⟨ак⟩ ч⟨то⟩ всегда можно воспроизвести.

Очень рада была с Вами встретиться в Москве [2], не знаю, когда еще снова придется слетать, очень уж дорого путешествие, а здесь жизнь дорожает, как в сказках «не по дням, а по часам». Да и годы не милуют, хотя здоровье еще держится до поры до времени.

Всего самого лучшего. Т. Минорская

72

10 июня 1971 г.

Глубокоуважаемая Татьяна Алексеевна,
только сегодня получил обратное письмо, посланное Вами в декабре 1970 года [1] — по недосмотру с неправильным адресом.

Огромное спасибо за фотографии. От карточки с котом у Вас остались фотографии или только негатив? Если нет самой фотографии, скажите — я сделаю себе переснимки, а Вам возвращу оригинал.

Получили ли Вы издание В. М. Бейлиса «Масуди» [2], основанное на трудах Владимира Федоровича? Если нет — напишите, пожалуйста, — я Вам пришлю. Коновалов мне так ничего и не пишет, поди, опять на Мальорке.

Недавно скончался А. В. Соловьев. Я получил от его жены часть архива [3]. Скорбная у меня миссия.

Наша рецензия выйдет в № 4 «Истории СССР» [4]. Я Вам ее пришлю.

Всего Вам наилучшего.

С искренним уважением Ваш В. Пашуто

73

23 июня 1971 г.

[1] Уважаемый Владимир Терентьевич,

Только что получила Ваше письмо от 10 июня.

Карточка В⟨ладимира⟩ Ф⟨едоровича⟩ с котом у меня, конечно, имеется, а негатив хранится у здешних фотографов (превосходное предприятие, причем одни женщины!). Они хранят негативы за много лет, даже паспортных карточек, и я не раз заказывала дополнительные копии того или другого.

Издания В. М. Бейлиса «Массуди» [1] у меня нет. Если пришлете, буду Вам очень благодарна.

Вы пишите о кончине А. В. Соловьева. Не опечатка ли это вместо Л. В. (Леонид Васильевич) — автора «Возмутитель спокой-

ствия», который я перевела на английский язык? К сожалению, вторая часть сильно уступает первой, что меня утешило в том, что ее перевод мне не достался.

Коновалов совершенно исчез с моего горизонта. Мне представляется, что он сильный квиетист[a] и предпочитает быть лежачим камнем. Вообще круг старых знакомых и коллег В⟨ладимира⟩ Ф⟨едоровича⟩ все сужается. В Париже недавно умер последний из крупных французских востоковедов его времени — Гастон Вьет, арабист. Из тех, кто помоложе, трое в США, а двое в Канаде, куда их переманили кафедрами, здесь недоступными.

Недавно мои родственницы написали мне из Москвы, что памятник на могиле В⟨ладимира⟩ Ф⟨едоровича⟩ окончательно поставлен и надпись сделана и позолочена. В этом им очень помог мой добрый знакомый, бывший здесь по обмену и часто бывавший у меня — не востоковед, а доктор микробиологии! Когда мне самой удастся навестить могилу, боюсь сказать, как бы этого мне ни хотелось. Путешествие очень дорогое, а жизнь здесь не только уже сильно вздорожала, но продолжает дорожать, а в виде утешения было правительственное заявление, что надеются замедлить темп вздорожания, которое, очевидно, не прекратится.

Очень было приятно узнать, что в Ленинграде отмечалось 125 лет со дня рождения моего деда Василия Дмитрича Смирнова, тюрколога. Здесь это очень редко делается и Лета, пожалуй, довольно быстро уносит память ученых.

С сердечным приветом Т. Минорская

P. S. После названия города на адресе надо теперь проставлять индекс — не абсолютно еще обязательно, но скоро будет.

[б]24-ое. Только что прочла в «Times» о смерти А. А. Губера [2]. Какая тяжелая потеря! [б]

[a] Англ. quietist, quiet — «спокойный, тихий».
[б] Написано от руки.

74

12 февраля 1974 г.

Глубокоуважаемая Татьяна Алексеевна,
я просмотрел свой архив за весь год и к своему огорчению не нашел Вашего письма с обращенной ко мне просьбой [1]. Поэтому прошу Вас, если необходимость еще не отпала, написать мне, и я сделаю, что смогу.

Чтобы несколько загладить свою вину, посылаю Вам экземпляр газеты «Голос Родины», в которой я позволил себе, по необходимости кратко, сказать несколько слов о вкладе Вашей семьи в отечественную науку [2].

С искренним уважением Ваш В. Пашуто

75

ноябрь, 1967 г.

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич,

Разрешите просить Вас помочь мне в одном немаловажном для меня деле. В недалеком будущем я сяду за книгу по истории русской зарубежной историографии (по проблемам истории России до 1917 г.). В этой связи мне бы хотелось получить от Вас полный список Ваших научных трудов [1].

Был бы также весьма признателен Вам за любые советы и библиографические пособия, относящиеся к этой теме вообще и к деятельности белградской группы (или к другим известным Вам группам) русских историков в частности. Кому еще Вы посоветуете мне написать?

Простите, что отрываю Вас от работы, но хочется сделать настоящую книгу и по достоинству оценить все, что сделано и делается.

Всего хорошего. Уважающий Вас В. Пашуто

76

7 марта 1968 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Терентьевич,

Посылаю Вам мою библиографию — извините, что с таким опозданием [1]. Очень я замотался с постоянной кочевкой Загреб — Белград — Скопле и обратно — два раза в месяц. И новая большая организационная работа в Скопле (археографический сектор в Архиве Македонии), и ряд всяких других обязательств, особенно работа по редакции словаря др⟨евне⟩сербского языка, совсем отнимает возможность вести переписку, да и самому написать что-нибудь.

Всего Вам лучшего.

Уважающий Вас Влад. Мошин

77

20 марта 1968 г.

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич,
весьма благодарен Вам за присланную библиографию [1]. Она зримо свидетельствует о Вашем весомом вкладе в развитие славяноведения, в исследование славянских связей в прошлом и укрепление их в настоящем.

Я сейчас увяз в корректурах «Внешней политики древней Руси» [2].

Желаю Вам всего доброго.

Уважающий Вас В. Пашуто

78

18 сентября 1968 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Примите мою глубокую благодарность за ценный подарок — Вашу книгу «Внешняя политика Др⟨евней⟩ Руси». Просматривая, вижу, что интересно и полно написана, а должен благодарить Вас и за внимание, уделенное моим работам. Приятно, что и они вошли в оборот родной науки на Родине. Я в посл⟨еднее⟩ время совсем ушел в местную работу — заканчиваем словарь др⟨евне⟩серб⟨ского⟩ языка (к 1970 году). Написал сейчас большую статью о В. Караджиче, печатаю описание рукописей и готовлю новые описания, а работаю в госуд⟨арственном⟩ архиве в Скопле и в Белграде, и здесь (читаю слав⟨янскую⟩ палеографию на курсах в Госуд⟨арственном⟩ Архиве). Все время в пути — Загреб —Белград —Скопле и обратно. Думаю, что «пора бы и перестать» — как-то смириться на 75-м году. Всего, всего доброго и много сил для Ваших ценных исследований.

Уважающий Вас Влад. Мошин

79

14 января 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич,
осмеливаюсь тревожить Вас просьбой, вызванной моими занятиями русской зарубежной историографией. На ближайшие годы это — моя главная тема.

Недавно я доставил в Москву переписку А. В. Флоровского, завещанную им архиву АН СССР [1]. Разбирая письма, я встретил известие о том, что у Вас есть списки трудов А. Л. Погодина и А. К. Елачича [2]. Если они у Вас еще сохранились, то прошу покорно снять с них для меня копию. Нет у меня и библиографии и дат жизни Д. А. Расовского. Буду также весьма признателен Вам за любые сведения (о частных архивах, публикациях, библиографиях и т. п.), относящихся к русской науке в довоенной Югославии.

Кто из бывших в Югославии ученых-историков должен, на Ваш взгляд, попасть в мою книгу? Кто возглавлял их, вдохновлял? Какие газеты были наиболее внимательны к русским историкам (т. е. в них есть историографический материал)? Кому еще следовало бы мне написать? Простите, что донимаю Вам такими вопросами, но Прага, Белград, Париж — главные центры, оказавшие наибольшее влияние на международную историографию.

Вопросов у меня много, но боюсь, что и без того злоупотребил Вашим вниманием.

Пользуясь случаем, посылаю Вам два маленьких оттиска.
Всего Вам наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

80

14 июля 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич,

последнее время я занимаюсь статутом острова Корчула. Думаю сделать книжку: что-нибудь вроде Винодола или Помезании [1]. Мне подумалось: не стоило ли бы сделать эту работу совместно с кем-нибудь из югославских историков. Мы бы дали введение, статью о месте статута среди памятников восточнославянского и прибалтийского права, латинский оригинал, русский перевод, а югославский коллега написал бы статью о месте статута в системе югославянского права и дал бы перевод на хорватский (или и сербский) язык. Вот я и позволю себе просить Вас, глубокоуважаемый Владимир Алексеевич, посоветовать мне, кого лучше всего привлечь к этому делу. Книга могла бы выйти или в Югославии, или у нас под грифом соответственно двух институтов. Буду весьма признателен, если Вы мне поможете пока в порядке предварительного совета.

Есть у меня к Вам и еще одна просьба. Речь идет о Вашей фотографии. Она мне понадобится для будущей книги, о которой я Вам писал. Чем менее парсунной, чем более непосредственной будет фотография, тем лучше. Я систематически собираю фотоматериал по теме, но Вашей фотокарточки у меня до сих пор нет. Не сочтите за труд прислать ее мне [2].

Желаю Вам всего хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

81

13 апреля 1971 г.

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич,

я продолжаю размышлять о нашем с Вами разговоре [1] по поводу разработки историографического наследства белградской группы русских историков. Чтобы моя командировка в Белград была достаточно плодотворной и научно обоснованной, было бы желательно получить от Вас пусть кратко сформулированные возможные аспекты моей работы над фондами книг, статей, оттисков, а также архивными собраниями организаций, журналов и частных лиц. Если Ваше намерение о передаче Вашего личного архива Академии Наук СССР остается в силе, то и оно потребует соответственного оформления. В конце концов, всему написанному людьми, воодушевленными идеей блага России — место в ее архивах.

Наш сердечный привет милой Ольге Яковлевне. Мы с женой очень часто Вас вспоминаем. Жаль, что такие хорошие встречи редки.

Всего Вам наилучшего.

Уважающий Вас В. Пашуто

82

28 апреля 1971 г.

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич,

не успел я отправить Вам одно письмо, как посылаю другое. Дело в том, что в материалах для некролога, присланных мне вдовой А. В. Соловьева [1], в качестве последней названа следующая работа: Копья поют — Горски виjенац — a Garland of essays offered to prof. Elisabeth Mary Hill. Modern Humanities Research Association, 1970. Не можете ли Вы мне помочь и сообщить, где издана эта книга? Наши каталоги ее не знают.

Буду Вам весьма признателен. Ваш В. Т. Пашуто

83

15 мая 1971 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Извините за запоздалый ответ на Ваше предшествующее письмо: отвечаю сразу на оба. Очень я в разгоне с работой, издательством, лекциями, с постоянной кочевкой между Загребом — Белградом —Скопле, а тут еще и здоровье подгадило — пришлось полежать в больнице из-за желчного пузыря с сердцем. Но сейчас — благополучно.

Радуемся вероятности встретиться с Вами у нас, и было бы очень обидно, если бы мы разъехались [1]. На всякий случай пишу Вам нашу программу. Весь июнь мы с женой будем в Скопле, где у нас будет гостить одна ученая дама из Голландии (готовим к тамошнему изданию мою работу о вод⟨яных⟩ знаках, по-английски). В июле и августе, вероятно, мы один месяц проведем на Охридском озере, на отдыхе, а вместе с тем и на организации музея слав⟨янской⟩ письменности и эпиграфики, а другой месяц — я в Дубровнике на подготовке второго тома Дипломатария, а О⟨льга⟩ Я⟨ковлевна⟩ в Загребе. Пока еще не известно, что будет в июле, а что в августе. В сентябре мы предполагаем быть в Москве и Ленинграде, а в октябре мне нужно побывать в Тырнове на симпозиуме. Будут перерывы между этими поездками, так что, если Вы напишете о Ваших сроках, мы, конечно, приноровим наши сроки к Вашим.

По Вашему второму письму, о «Копья поют», я Вам напишу в следующий загребский приезд, т. к. прекрасная статья пок⟨ойного⟩ А. В. Соловьева лежит у меня там [2]. Я постараюсь снять копию для Вас. Предполагаю, что книга издана в Кембридже, поскольку Елизавета Федоровна Хилл там руководит славистикой.

Что касается здешних воспоминаний о наших историках, то возможности собирания этого материала с каждым днем уменьшаются, поскольку мои современники каждую неделю умирают один за другим, а остающиеся понемногу впадаем в детство. Более молодое поколение — ученики приехавших сюда русских ученых (Унбегаун и др.) почти все уехали на Запад. Если приедете,

кое-кого м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ еще найдем для разговора, а «на архивы» у меня большой надежды нет. Кое-какие сведения удалось собрать Ю. А. Писареву [3], но немного. А мой «архив» нужно еще привести в порядок: это коробки и коробки писем и рукописей, все почти личное. Кому это будет интересно и стоит ли стольких хлопот? Но во всяком случае, я подумаю и поговорю с некоторыми моими знакомыми, а потом и с Вами обсудим это как следует. Очень ценный и интересный личный архив остался после смерти А. В. Соловьева, его сейчас разбирает его вдова, милая и культурная дама Наталия Николаевна, урожд⟨енная⟩ Раевская, в Женеве⟨...⟩ [4]

Шлем Вам и Вашей супруге сердечные наши приветы с самыми лучшими пожеланиями.

Ваш Влад. Мошин

84

27 мая 1971 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Терентьевич,

статья А. В. Соловьева «Копья поют» напечатана в «Горски Вијенац. A Garland of Essays offered to Professor Elisabeth Mary Hill» — Publications of the Modern Humanities Research Association, Volume II (Printed for the Modern Humanities Research Association by W. S. Manly and Son LTD Leeds). Вышла, вероятно, в 1970 году, стр. 243—251 [1].

Я написал Н. Н. Соловьевой Ваш адрес и она, наверное, пришлет Вам этот оттиск. Кстати, она продает[a] его драгоценную библиотеку по истории права и по рус⟨ской⟩ истории, с огромным числом оттисков[a]. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, Ваше представительство в Женеве могло бы приобрести это для Института истории? Вам бы самому следовало съездить туда — он писал и большую работу о роли рус⟨ской⟩ эмиграции с массой материалов.

Сердечный привет супруге и Вам ⟨неразб.⟩

Ваш Влад. Мошин

Адрес Н. Н. Соловьевой ⟨...⟩

[a] Подчеркнуто В. А. Мошиным.

85

13 июля 1971 г.

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич,

благодарю Вас за ценную справку о публикации статьи А. В. Соловьева [1]. Я осмелился предположить, что она появилась в Кембридже. Очень обрадовало меня известие о том, что Вы собираетесь в Москву. Моя жена и я будем очень рады видеть Вас у себя. Только, пожалуйста, сообщите, если можно, более точную дату Вашего приезда.

От Н. Н. Соловьевой [2] я получил любезно ею присланную часть архива Александра Васильевича. Мне было бы чрезвычайно интересно познакомиться с его оставшимися в рукописи исследованиями по русской зарубежной историографии.

Не можете ли Вы сподвигнуть Наталию Николаевну [3] прислать мне эти материалы хотя бы для ознакомления? Пока я доберусь до Женевы, пройдет немало времени, и материалы могут пропасть. Простите, что обременяю Вас этим поручением, но уж очень нужно.

Сердечный поклон милой Ольге Яковлевне и Вам от нашего семейства.

Ваш В. Пашуто

Г. А. Острогорский — В. Т. Пашуто

86

4 октября 1970 г.

Дорогой Владимир Терентьевич,

Посылаю Вам обещанную свою карточку [1] и прошу извинить, что делаю это с таким опозданием.

С удовольствием вспоминаю свое пребывание в Москве и радуюсь многим тамошним встречам, в частности и нашей с Вами встрече [2].

Желаю Вам всего лучшего и новых успехов в работе. С сердечным приветом Г. Острогорский.

Г. А. Остроухов — В. Т. Пашуто

87

4 сентября 1975 г.

Уважаемый Владимир Терентьевич!

По просьбе В. М. Котрубенко [1] направляю Вам работу П. Б. Струве «Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права древней Руси». А также статью А. Кизеветтера на немецком языке «Сперанский».

Пользуясь случаем, обращаюсь к Вам за советом по следующему вопросу. Я перевел с французского языка (из-за отсутствия подлинника на русском языке) заинтересовавшую меня работу А. Фатеева «Проблема индивидуума и государственного деятеля в исторической личности Александра I-го, императора России». Эта работа была напечатана в «Записках Научно-Исследовательского Объединения при Русском Университете» в Праге (т. III — 1936, т. V — 1937, т. VII — 1938 и т. IX — 1939).

Напечатанная на машинке (через два интервала) статья А. Фатеева заняла 180 стр.

Полагая, что столь обширная статья едва ли может быть напечатана в каком-либо историческом журнале, я намерен на ее основе составить очерк в 50 страниц.

Но приступить к этой работе целесообразно при наличии уверенности, что данная тема заинтересует редакцию исторического

журнала, например, такого журнала, как «Вопросы истории». Для этого необходимо, чтобы в работе принял участие историк.

Хотелось бы знать, уважаемый Владимир Терентьевич, следующее: 1. Ваше мнение о целесообразности данной работы, возможности вызвать к ней интерес со стороны редакции журнала. 2. Могли ли бы Вы взять на себя редактирование этой статьи и составление к ней предисловия.

Очень прошу сообщить об Вашем отношении к этому вопросу.

Адрес 〈. . .〉

С уважением Г. Остроухов

P. S. Оглавление труда проф. А. Н. Фатеева: 1-ая часть — Индивидуум; 2-ая часть — Промежуточный период; 3-я часть — Правление Александра I до реформ Сперанского; 4-ая часть — Реформы Сперанского 1809 г.; Священный Союз 25 / XII 1815; 5-ая часть — Последние 10 лет жизни и правления Александра I. Заключение, стр. 143-180.

Валерьян Михайлович[2] сообщал как-то, что Вы намеревались опубликовать некоторые из статей брата, неопубликованные при его жизни. Хотелось знать: будет ли осуществлено это намерение и можно ли мне рассчитывать на получение экземпляра оттисков этих статей.

88

7 февраля 1977 г.

Уважаемый Владимир Терентьевич!

Обращаюсь с просьбой: нельзя ли получить оттиски текста Вашего доклада о Пражском архиве П. А. Остроухова и протокола заседания по этому вопросу, а также Вашей работы библиографического характера, посвященной П. А. О〈строухову〉[1].

Один экземпляр этих работ я хотел направить в Рязанский Краеведческий Музей, в фондах которого имеются материалы, касающиеся деятельности П. А.; а другой экземпляр хотелось иметь у себя.

Прошло много месяцев с тех пор, как я направил Вам мой перевод сочинения А. Н. Фатеева: «Проблема индивидуума и государственного деятеля в исторической личности Александра I, имп〈ератора〉 России»[2]. Истекли и сроки, намечавшиеся Вами для ознакомления с переводным сочинением. Полагая, что Вам представилась возможность посмотреть перевод, прошу сообщить Ваше мнение: о возможности выпустить в печати весь перевод с Вашим предисловием или о необходимости сократить объем и, следовательно, выполнить специальную работу, составить очерк с объемом в 70—100 стр.

Этот очерк можно озаглавить так: «Личность в истории» или «Не мне их судить» или «Будьте человеком, будьте государем».

Примечание:

«Не мне их судить» — ответ Александра Васильчикову на пред-

ложение принять меры против заговорщиков, будущих декабристов. «Будьте человеком, будьте государем» — основное назидание Александру со стороны Лагарпа, главного воспитателя и преподавателя Александра и Константина.

Если перевод можно напечатать без сокращений, то мне предстоит улучшение изложения в ряде мест текста.

С ув⟨ажением⟩ Г. А. Остроухов.

P. S. Я проделал большую работу по переводу сочинения А. Фатеева и материально заинтересован в реализации перевода, в появлении его в печати под Вашей редакцией и с Вашим предисловием.

89

21 апреля 1977 г.

Глубокоуважаемый Григорий Александрович,

я, наконец, прочитал сочинение А. Н. Фатеева «Проблема индивидуума и государственного деятеля в исторической деятельности [a]Александра I, императора всея[a] России» [1].

К сожалению, должен Вас огорчить. Эта работа написана в духе довольно примитивного психологизма, по-видимому, не без влияния Фрейда. Современный анализ такой личности, как Александр I, немыслим без выявления, притом тщательного выявления социальных, политических корней его идеологии, классовой обусловленности его внутриполитических и внешнеполитических действий. Всего этого в работе Фатеева, проникнутой духом идеализации императора, нет. Разумеется, в связи со сказанным о публикации работы Фатеева в советской печати не может быть и речи.

Возвращаю Вам рукопись. Желаю всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

[a] Так в оригинале.

90

1 мая 1978 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич, я опять обращаюсь к Вам с просьбой сообщить: могу ли я получить два оттиска Вашего доклада о «Пражском архиве П. А. О⟨строухова⟩»[1]. Если рассчитывать на получение оттисков почему-либо нельзя, то я смог бы напечатать на машинке копию доклада. Но для этого нужно иметь на некоторое непродолжительное время доклад.

По предложению дирекции Рязанского Музея-заповедника мне нужно пополнить фонд П. А. Остроухова дополнительными документами, в том числе и Вашим докладом и фотопортретом.

Из ЦГАОР хотели приехать за дополнительными материалами и фотопортретом для пополнения фонда П. А. О⟨строухова⟩, который хранится за номером Р-9586.

Буду очень признателен Вам за ответ по данному вопросу. Примечание.

В протоколе заседания по Вашему докладу об архиве П. А. О⟨строухова⟩ было отмечено, что доклад будет помещен в Археографическом Ежегоднике за 1976 г. Недавно я обратился по этому вопросу по телефону в Археографическую комиссию. Мне сказали, что им неизвестно, в каком издательстве Вы опубликуете доклад [2].

С уважением Г. А. Остроухов

Адрес ⟨. . .⟩

Н. В. Остроухова — В. Т. Пашуто

91

17 февраля 1970 г.

Глубокоуважаемая Надежда Викторовна,

разрешите возвратить Вам фотографию Петра Александровича с приложением двух копий — они Вам могут пригодиться.

К сожалению, со статьей [1] пока что толку не добился, но уверен, что ко времени нашей новой встречи — добьюсь.

Желаю Вам всего хорошего.

Поклон всему Вашему семейству.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

92

11 мая 1970 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,

Большое спасибо за любезную присылку фотографий. Мы рады, что карточка Петра Александровича благополучно вернулась в семью. Мы дорожим ею, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ находим, что она хорошо передала его черты: его умные, ласковые глаза и его застенчивую улыбку. Одолжив ее, дочь беспокоилась, боясь ее случайно потерять. Она высоко ценила отца, его любила, им гордилась, окружала его уходом, заботами и лаской, буквально до последней минуты ночной агонии. Этим она завоевала большую симпатию со стороны преданного друга П⟨етра⟩ А⟨лександрови⟩ча П. Н. Савицкого, который мне несколько раз повторил: «Н⟨адежда⟩ В⟨икторовна⟩, я горжусь Вашей дочерью!» Действительно, она была сильно привязана к отцу. Не потому ли она так болезненно приняла[а] отказ к изданию его статьи. Вся семья, включая брата П⟨етра⟩ А⟨лександрови⟩ча — (Москва) [1], была этим неприятно поражена. Очевидно, тов. Пирумова [2] подумала, что после П⟨етра⟩ А⟨лександрови⟩ча осталось какое-то некультурное, женское потомство, которому можно легко бросить: если умер автор, то не стоит и издавать его работу. Нас очень обрадовало сообщение[б] в 1965 г.[в] о принятии для «Исторических записок» (том 80) работы П⟨етра⟩ А⟨лександрови⟩ча «Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг.», п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ было трогательно желание П⟨етра⟩ А⟨лександрови⟩ча оставить что-то после себя на родине: [г]на чужбине удалось кое-что издать[г]. На родине есть его первый

научный труд: «Англо-русский торговый договор 1734 г.»[3], благосклонно принятый и использованный учеными (напр⟨имер⟩, Кулишером, других не помню). — Ожидая своего «отхода», всю библиотеку мужа я сдала зятю[4], который относится к ней заботливо и с пониманием. Зять был преданным другом своего тестя, его помощником и советником. П⟨етр⟩ А⟨лександрови⟩ч посвящал его в свои работы и намерения. Зять по образованию инженер, но по своим вкусам и интересам историк и политик. На руках Валериана Михайловича (имя моего зятя) оказалось огромное количество работ тестя, законченных и в рукописях, которые он бережно[д] сохраняет.

Спасибо сердечное за Ваши хлопоты и доброе желание сдвинуть дело с мертвой точки. Как сохраняется работа П⟨етра⟩ А⟨лександрови⟩ча? В надежном ли месте? Ведь уже 5 лет, как она лежит где-то без движения. Это — забота моей обеспокоенной дочери. Боюсь, не утомила ли я Вас моим пространным письмом. Тем более, что я сомневаюсь в своем эпистолярном искусстве. Еще раз горячее спасибо за доброе к нам отношение. С удовольствием вспоминаем наши беседы с Вами в Праге в кругу нашей семьи[5] и надеемся еще раз встретиться, как Вы это обещаете.

Я и мои близкие шлют Вам привет.

Ваша Н. Остроухова

[а] Испр. вместо зачеркнутого.
[б] Испр. вместо «известие».
[в] Вставлено над строкой.
[г] Вставлено над строкой.
[д] Испр. вместо зачеркнутого.

93

2 июня 1970 г.

К моей огромной радости и к моей бесконечной благодарности к Вам, многоуважаемый Владимир Терентьевич, я получила [а]от редакции «Исторических записок»[а] (от 12 / V с. г.) уведомление, что статья моего мужа будет опубликована[1]. В то же время на днях, к моему изумлению, мой шурин (брат моего мужа, Москва[2]) мне сообщил, что рукопись и связанная с ней моя переписка с редакцией находится в его руках. Она была возвращена ему тов. Пирумовой[3] еще 9 сентября 1968 г., о чем по какой-то непростительной небрежности сообщает мне только теперь.

Возможно, что в середине июня моя дочь с мужем будет в Москве. Если это состоится, то многое облегчится. Еще раз мое Вам[б] сердечное спасибо.

Горячо признательная с дочерью и зятем Над. Остроухова
P. S. Известно ли Вам, что недели две тому назад Вал⟨ентина⟩ Афан⟨анасьевна⟩ Флоровская оставила этот мир[4].

[а] Вставлено над строкой.
[б] Испр. вместо «Вас».

94

⟨вторая половина 1970 г.⟩

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,

Когда нынче летом виделась с Вами моя дочь в Москве, то Вы попросили у нее сведений о времени посещения Москвы моим мужем. Она этого не могла вспомнить и обещала написать позднее. С помощью моего шурина (брата моего мужа)[1] я восстановила эти сроки. В конце своей жизни П. А.[а] был в Москве 3 раза. В первый раз в 1958 году, второй раз в 1960 г. и последний в 1963 г. (в августе — сентябре). В одном из писем он писал своему брату[б], что беседовал с молодым историком о своей работе. Профессор обещал поговорить с рецензентом Рожковой[2]. Не Вы ли были этим профессором? Вероятно, так. Итак, многоуважаемый Владимир Терентьевич, я исполнила Вашу просьбу[б], т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ успела.

Примите оч⟨ень⟩ сердечный привет от всей оставшейся семьи Петра Александровича.

Ваша Н. Остроухова

P. S. Относительно книги «Библиография рус⟨ских⟩ ученых за границей» могу сообщить только то, что Вы, вероятно, уже знаете. Все издание пожгли от налета, от бомб во время войны в Белграде[б]. Один экземпляр ⟨19⟩41 года[б] сохранил у себя редактор Голенищев-Кутузов[3], кот⟨орый⟩ увез его в Москву и там кому-то подарил (какой-то библиотеке). Это все, что я знаю. Так что один экземпляр есть где-то в Москве. Н. О.

[а] Испр. вместо «он».
[б] Вставлено над строкой.

95

12 августа 1971 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,

В мае прошлого года (12 / V) я с чувством большого удовольствия получила от редакции «Исторических записок» сообщение, что статья моего мужа профессора П. А. Остроухова «Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг.» будет опубликована в одном из ближайших томов[1]. Летом прошлого года при встрече с моей дочерью в Москве Вы сказали, что статья будет опубликована в 1970 году. Я нахожусь в недоумении: 1970 г. прошел и давно настал 1971 г., но об публикации я не слышала ничего. Я сильно надеялась, что буду иметь удовольствие видеть Вас в марте 1971 года, как Вы обещали и нам, и Панасу[2]. Но, увы! Наша встреча, почему-то, не состоялась, а она многое могла бы объяснить.

Вся моя семья шлет Вам свой большой привет.

Ваша Н. Остроухова

96

19 октября 1971 г.

Глубокоуважаемая Надежда Викторовна,
я навел справку по поводу статьи и у редактора Александра Михайловича Самсонова [1], и у Александра Исаевича Юхта [2]. Оба подтвердили, что статья пойдет. Со своей стороны я сделал все, что нужно — подредактировал ее и пр.

Думаю, не будет вреда, если Валерий Александрович [3] сам напишет А. М. Самсонову (на адрес Института), тем более, что недавно был юбилей ярмарки.

Надеюсь увидеть Ваше милое семейство весной будущего года.

С искренним уважением Ваш В. Пашуто

97

20 января 1972 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,
Я поздно отвечаю на Ваши любезные письма [1]. Мои недуги причиной тому. Я и вся моя семья очень тронуты Вашим вниманием к делу печатания статьи моего мужа, Петра Александровича Остроухова. Очень благодарна за добрые пожелания к Новому Году. Я в свою очередь тоже желаю Вам успехов в Ваших делах и много радостей, больших, маленьких, лишь бы радостей.

Сердечный привет от всей семьи.

Ваша Н. Остроухова

98

31 января 1973 г.

Дорогой Владимир Терентьевич,
За присылку тома «Исторических записок», в котором содержится статья·моего мужа, я благодарна Вам до бесконечности [1].

Если бы не Ваше любезное участие в деле опубликования статьи, то не знаю, не знаю — увидела бы когда-нибудь свет эта работа Петра Александровича.

Примите глубокую благодарность и сердечный привет от всей семьи.

Ваша Н. Остроухова

12 февраля 1974 г.

Глубокоуважаемая Надежда Викторовна,

разрешите послать Вам экземпляр газеты «Голос Родины» [1]. В ней Вы найдете статью, в которой я позволил себе упомянуть и Вас. Надеюсь, что Вы не посетуете на меня за это. Собирание источников о деятельности русских историков за рубежом по-прежнему остается моей целью, и я буду весьма признателен Вам за любое содействие в этом отношении.

Поклон всем Вашим.

Уважающий Вас В. Пашуто

P. S. Если не трудно, то покажите, пожалуйста, эту газету Ивану Онуфриевичу Панасу [2]. Ведь я немало обязан ему в получении архива Флоровских [3]. Прошу Вас об этом потому, что еще одного экземпляра у меня нет.

Уважающий Вас В. Пашуто

100

25 февраля 1974 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,

Сердечно благодарю Вас за присылку журнала [1] и письмецо. К сожалению я не прочитала еще журнала, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ больна. Больна главным образом глазами. Журнал находится сейчас в руках зятя, который взялся показать его (по Вашему желанию) Ив⟨ану⟩ А⟨нуфриевичу⟩ Панасу. Для этого будет сделано свидание между ними.

За внимание благодарю еще раз.

Ваша Н. Остроухова

P. S. Мой шурин (брат моего мужа)[2] очень внимателен к памяти своего любимого брата и с любовью рассылает его статьи по «Ниж⟨егородской⟩ Ярм⟨арке⟩» по различным русским библиотекам. Этими статьями, изданными гл⟨авным⟩ обр⟨азом⟩ в «Записках русск⟨ого⟩ научно-исследовательского объединения в Праге» снабжаем его мы, пересылая их к нему в Москву. Иногда он сам делает заказы нам и требует желаемые ему вещи, что мы всегда выполняем.

Простите за беспорядочное письмо. Причины — мое нездоровье.

Привет от моих родных!

И. О. Панас — В. Т. Пашуто

101

31 марта 1969 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич!

На днях В. А. Флоровская [1] просила переслать Вам письмо, написанное под ее диктовку помощницей социального обеспечения, живущей у нее и ухаживающей за ней. По некоторым соображе-

ниям я посылаю Вам только существенный текст письма: «Дорогой Владимир Терентьевич! Большое спасибо Вам за Ваше внимание и ласку во время смерти моего мужа. Письмо, конечно, пишу не я сама. Мне самой писать трудно. Искренне преданная В. Флоровская».

Я не знаю, ответ ли это на Ваше письмо, которое она получила от Вас в последнее время, или же на Ваше письмо, полученное ею еще летом прошлого года. Тогда же я по просьбе и от имени В. А. написал Вам письмо, но оно не было отправлено ввиду того, что дело, по которому она к Вам обращалась, еще не было окончательно и положительно решено, и поэтому она не решалась Вас беспокоить.

А дело было следующее. На имя А. В. Флоровского после его смерти было летом прошлого года получено письмо от издательства «Наука» (от 16 июля за № 69—675, 17 ч-8), в котором главный бухгалтер М. Б. Рудин сообщал, что по ходатайству АН СССР министерство финансов СССР разрешило, в порядке исключения, выплатить невостребованный гонорар в сумме 528 рублей. Бухгалтер просит сообщить, когда А. В. предполагает быть в Москве, чтобы мог получить свой гонорар, причем прибавляет, что гонорар может быть также выплачен по доверенности и другому лицу.

В ответ на это письмо я сообщил главному бухгалтеру о смерти А. В. Флоровского (27. 3. 1968) и просил переслать гонорар супруге А. В. — В⟨алентине⟩ А⟨фанасьевне⟩, являющейся по закону и по завещанию А. В. наследницей своего мужа, через Живостэнский банк в Праге.

В ответ на мое письмо я получил сообщение от издательства (гл⟨авного⟩ бухгалт⟨ера⟩ М. В. Рудина): «было бы желательно выплатить гонорар в Москве любому лицу по доверенности В. А. Флоровской». Ввиду того, что и по присылке соответствующих документов В. А. не могла бы получить гонорара, полученного лицом в Москве по доверенности, я обратился в адвокатскую консультацию, ведающую делами советских граждан. Та, потребовав 100 к⟨рон⟩ ч⟨ехословацких⟩ на предварительные расходы, обратилась на Инюрколлегию в Москве, которая, прежде чем заняться этим делом, в свою очередь потребовала 100 рублей (1000 кч.). Ввиду всего этого и в особенности большого замедления я с согласия В. А. отказался от посредничества указанных учреждений и по просьбе и от имени В. А. обращаюсь к Вам с просьбой получить, если Вас это не затруднит, по прилагаемой при сем доверенности упомянутый гонорар А. В. и оставить у себя до дальнейших возможностей для В. А. получить его [2]. В настоящее и в ближайшее время В. А. по состоянию физического недомогания не может побывать в СССР. После месячного пребывания в больнице она находится дома. У нее на условиях найма поселилась семья (муж и жена). Молодая жена в качестве сестры социального обеспечения ухаживает за В. А., которая не совсем трудоспособна не только ввиду ее физической слабости, но и вследствие ухудшения ее зрения.

Ввиду того, что дело гонорара значительно затянулось, я очень просил бы Вас по возможности скорее связаться с бухгалтером издательства «Наука», М. Б. Рудиным, с которым Вы, по-видимому, знакомы ⟨адрес⟩.

Относительно Вашей просьбы о библиографии трудов А. В. — В. А., конечно, не в состоянии дать Вам справки. Библиография работ А. В., поскольку мне известно, до сих пор не была опубликована [3]. Список рукописей А. В., сданных на хранение здешней Славянской библиотеке, составлял служащий этой библиотеки, молодой [a]историк И. П. Савицкий, сын в прошлом году здесь умершего П. Н. Савицкого[a4]. Но, по-видимому, он его не кончил; в последнее время он перешел на службу в другое учреждение. Среди бумаг А. В. я нашел одну тетрадь, в которой А. В. по случаю 50-летия своей ученой деятельности написал главнейшие даты своей биографии и список важнейших своих трудов. Я предложил сделать несколько копий этой тетради, чтобы можно было их передать заинтересованным лицам. Но до сих пор, поскольку мне известно, этого не сделано.

Был у В. А. в свое время проф. Зайончковский [5], но никаких указаний, ни пожеланий не высказал. Интересовалась работами и перепиской А. В. историк Е. П. Подъяпольская [6] и выразила желание приехать в Прагу. По просьбе и от имени В. А. я послал ей соответствующее приглашение, на март—апрель, но до сих пор неизвестно, когда она приедет и приедет ли вообще.

Вот все, что я могу Вам сообщить по интересующему Вас вопросу. Я филолог, за исторической литературой систематически не слежу, так что не знаю, появились ли за границей более обстоятельные заметки о А.В. [a]В настоящее время печатаются две работы А. В., одна в Москве (изд. «Наука») [7], вторая здесь. Обширную переписку А. В. следует, согласно его завещанию, передать АН СССР, но прежде ее надо привести в порядок[a8].

В заключение присоединяю номера отношений изд «Наука»: ⟨. . .⟩ и Инюрколлегии: ⟨. . .⟩.

Примите уверения в глубоком уважении. И. Панас

И⟨ван⟩ О⟨нуфриевич⟩ Панас, ⟨адрес. . .⟩

[a] Подчеркнуто В. Т. Пашуто. На полях пометы NB.

102

15 апреля 1969 г.

Глубокоуважаемый Иван Онуфриевич,
благодарю Вас за письмо. Как я выполнил Ваши пожелания, благоволите узнать из прилагаемой копии моего письма Валентине Афанасьевне Флоровской [1]. Вероятно, Вы найдете возможным поспоспешествовать скорейшей отправке ею ответного письма.

Со своей стороны, прошу Вас, если это не составит для Вас большого труда, осведомиться у И. П. Савицкого [2] (к сожалению, не знаю ни его имени, ни его узкой специализации), могу ли я

в случае приезда в Прагу в июне с. г. рассчитывать на разрешение ознакомиться с книгами и оттисками, принадлежавшими покойному Петру Николаевичу. Помнится, когда я у него был, они составляли огромный шкаф во всю стену. Дело в том, что я продолжаю работать над книгой по истории русской зарубежной историографии СССР и весьма заинтересован в знакомстве с этим материалом.

Примите, глубокоуважаемый Иван Онуфриевич, мои пожелания доброго здоровья.

В. Т. Пашуто

103

29 апреля 1969 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич!

Благодарю Вас от имени Валентины Афанасьевны Флоровской и от себя лично за положительное и скорое выполнение ее просьбы. В день получения Вашего письма я посетил ее, чтобы спросить ее, что Вам ответить на Ваш вопрос. В. А. хотела бы просить привезти ей электрическую печку, о которой я уже писал Е. А. Подъяпольской. Я считаю, что это лишнее, но если это возможно и незатруднительно, то решите уже сами. На всякий случай сообщаю Вам вольтаж — 220. Но это не так спешно. Теперь лето, торопить не надо. Электрические печки и здесь имеются, и В. А. располагает и здесь значительными средствами. Кроме того, не исключена возможность, что В. А. могла бы переехать на постоянное жительство в какой-нибудь дом отдыха на юге СССР. По этому поводу я наводил справки в здешнем нашем посольстве, и я буду Вам очень благодарен, если Вы во время Вашего пребывания в Праге ознакомитесь с обстановкой на месте, сообщите мне Ваше мнение по этому делу.

По поводу Вашего личного вопроса могу Вам сообщить следующее. Сын П. Н. Савицкого [1], Иван Петрович Савицкий, окончил философский факультет Карлова университета по специальности история. В последнее время он служил в Славянской библиотеке, где и составлял список рукописей А. В. Флоровского, переданных на хранение в ту же библиотеку [2] (кроме переписки, которую надлежит передать АН СССР). В настоящее время И. П. С⟨авицкий⟩ уже не служит в библиотеке, он перешел на службу в другое учреждение (Социологический институт АН), так что архивом А. В. Ф⟨лоровского⟩ больше не занимается. Его узкая специальность — русская история XVIII в. На днях я сообщил ему о предполагаемом Вашем приезде. Он, конечно, охотно предоставит Вам возможность ознакомиться с архивом П. Н. ⟨Савицкого⟩, но заметил при этом, что часть своего архива отец еще при жизни сам передал в один из здешних архивов. Подробности Вы узнаете от него самого.

Для Вас, как занимающегося историей русской зарубежной историографии, будет интересно узнать — полагаю, что Вы об этом больше меня знаете — что в последнее время здесь стали собирать материалы б⟨ывшей⟩ русской ученой эмиграции в ЧССР и других

странах, в частности историков и филологов. Вам, наверно, известно, что А. В. Ф⟨лоровский⟩ в самое последнее время готовил статью о русских историках и филологах (зарубежных; точного заглавия статьи я не мог установить) для сборника, который здесь готовился к VI международному съезду славистов, но, поскольку мне известно, до сих пор не был издан. По-видимому, имеется в виду «Словарь чехословацких славистов», издание которого приготовляет Институт европейских социалистических стран ЧС АН, Брно. Гл⟨авные⟩ редакторы: Зденек Шимечек и доцент Милан Куделка (Ústav dějin evropských socialistických zemí ČSAN, pracoviště Brno — Hrad. Doc. Dr. M. Kudělka, Dr. Z. Šimeček)[3].

Примите уверения в глубоком уважении и пожелания доброго здоровья и дальнейших успехов в Вашей ценной работе.

И. Панас.

[a]P. S. Главное забыл: Остальное, после вычета расходов, В. А. просит здешними бумажк⟨ами⟩, если это — подчеркиваю,— возможно. И. П.[a]

[а–а] Написано от руки.

104

16 июня 1969 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич!

В ответ на Ваше письмо от 15. 04. 69 г.[1] я послал Вам 29. 4. 69 г.[2] довольно обширное письмо, в котором я благодарил Вас от имени В. А. Флоровской и лично от себя за выполнение ее просьбы и сообщил Вам о ее новой просьбе — привести ей электрическую печку на вольтаж 220, а остальное от гонорара обменять на чешские кроны, если это возможно. Кроме того, я в своем письме ответил Вам на другие, Вас интересующие, вопросы.

На днях В. А. получила от Вас Вашу книгу [3], а через несколько дней также Ваше письмо от 15. 04. 69.,[4] т. е. с датой Вашего письма, которое я получил еще в апреле месяце. Выходит, что Ваше письмо В. А., написанное 15. 04. 69 г., получено В. А. только после двух месяцев (14. 6. 69 г.), хотя на конверте Вашего письма имеется почтовая печать с датой 6. 6. 69.

В последнем Вашем письме В. А. Вы сообщаете о посылке ей Вашей книги и опять спрашиваете, как распорядиться деньгами, о чем я Вам уже писал в своем письме от 29. 4. 69 г.[5] Приходится думать, что Вы моего второго письма не получили. К сожалению, это теперь бывает.

После этого длительного вступления перехожу ad rem[а]. Прежде всего от имени В. А. благодарю Вас за Вашу книгу, которую она весьма ценит и с удовольствием читает, хотя ей это и трудно, а равно и за Ваше внимание и, в особенности, за Ваши лестные слова об А. В.

Что касается ее пожеланий, то она после долгих колебаний, к моему удивлению, но и одобрению, отказалась от печки и просит, если это возможно, обменять деньги на здешние кроны. Вот все,

что я могу сообщить Вам относительно пожеланий В. А. Сама она писать не может. Она, правда, несколько строк пыталась написать Вам и Е. П. Подъяпольской, но я затрудняюсь их Вам послать и сохраню их для передачи Вам лично, когда буду иметь честь и удовольствие встретиться, надеюсь, в скором времени с Вами в Праге.

В заключение позвольте мне обратиться к Вам с личной просьбой. Если не трудно, я просил бы купить на деньги В. А. четыре экземпляра Вашей книги и попросить издательство послать их по моему адресу. Расходы я возвращу Вам или В. А.

Желаю Вам доброго здоровья и успехов в Вашей работе.

С искренним уважением И. Панас

[a] «к делу» (лат.).

105

5 августа 1969 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич!

В ответ на Ваше письмо к В. А. Флоровской [1], в котором Вы сообщали о посылке ей Вашей книги и вторично спрашивали, как распорядиться с ее деньгами, я от имени В. А. поблагодарил Вас за Вашу книгу и сообщил Вам ее желание-просьбу по Вашему вопросу. В. А. и я ожидали приезда Вашего и Е. П. Подъяпольской, но, увы, до сих пор никаких вестей ни от Вас, ни от Е. П. не получили. Поэтому мне приходится от имени В. А. и от своего Вас тревожить, тем более, что июнь давно прошел, а от Вас никаких сведений ни В. А., ни я не получили. Я, конечно, уже раньше должен был написать Вам, но мне пришлось отправиться в больницу, где подвергся операции и пролежал две недели.

Отсутствие вестей ни от Вас, ни от Е. П Подъяпольской заставляет меня предполагать, что Вы моего письма от 16-го июня не получили [1]. Вероятность неполучения Вами моего последнего письма усиливается еще тем, что Вы, по-видимому, не получили и моего второго письма от 29-го апреля [2], так как я не получил ответа на него. Конечно, не исключена возможность, что ни я, ни В. А. Вашего письма не получили. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой сообщить мне, получили ли Вы мои упомянутые письма, а если получили, послали ли В. А. или мне ответ, чтобы я мог принять меры по выяснению судьбы Ваших и моих писем. Мои письма были посланы заказным, так что можно будет восстановить ответственность почты, не доставившей писем по принадлежности.

Между прочим, в последнем своем письме я обратился к Вам с просьбой прислать мне посредством издательства Вашу книгу с тем, что расходы возвращу Вам в Праге. Ваша книга мне очень нужна.

В ожидании Вашего ответа шлю сердечный привет и пожелания всего наилучшего.

С глубоким уважением И. Панас

106

9 сентября 1969 г.

Глубокоуважаемый Иван Онуфриевич,
наконец-то я вернулся из отпуска и, получив все Ваши письма, могу на них ответить [1]. Прежде всего спешу сообщить, что дата нашей с Еленой Петровной [2] поездки пока еще не определена, но мы надеемся на скорую встречу. С электрической печкой все в порядке.

Сердечно благодарю Вас за хлопоты относительно важной для меня встречи с коллегой Савицким [3]. Книжка моя разошлась бесследно, но к приезду в Прагу я постараюсь добыть Вам один экземпляр.

Поклон милой Валентине Афанасьевне [4].

Уважающий Вас В. Пашуто

107

21 сентября 1969 г.

Дорогой Иван Онуфриевич,

Прежде всего разрешите поблагодарить Вас за любезное содействие, оказанное Елене Петровне [1] при ее отлете. Дама из президиума перепутала билеты, и я узнал об этом лишь при посадке. Но со мной-то просто: я объяснил, и меня усадили в самолет. Та же дама обещала лично дозвониться Елене Петровне, но, видимо, не очень усердствовала. Ну, да все хорошо обошлось благодаря Вам. О Вашей огромной помощи нам при устройстве дел семейства Флоровских — нечего и говорить.

Ваше поручение я выполнил еще до отлета в Берлин. Теперь же смею беспокоить Вас старой просьбой о библиографии трудов Францева и Ваших. Буду очень признателен, если и тут поможете. Не нужно ли Вам чего в Москве? Пишите, я охотно выполню Ваши поручения, а если надумаете приехать — мы с женой всегда будем рады Вас видеть.

При удобном случае не откажите передать поклон и благодарность Валентине Афанасьевне [2].

Жму Вашу руку и желаю всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

108

9 декабря 1969 г.

Дорогой Иван Онуфриевич,
разрешите направить еще одно письмо, с приложением официального документа Института истории СССР на имя Валентины Афанасьевны [1]. Прошу Вас не отказать в любезности вручить его при подходящих обстоятельствах Вашей подопечной.

Елена Петровна кланяется Вам. Мы до сих пор с приятностью вспоминаем время, проведенное в Вашем обществе в Праге.

Всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

109

20 декабря 1969 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич!

Большое спасибо Вам за Ваше письмо и за оттиск Вашей интересной статьи [1], которую я проштудировал и даже могу использовать в свою пользу в том смысле, что среди многочисленных народов и народностей Древней Руси, которые в статье упоминаются, об украинцах, об украинском народе, и помину нет. Ведь, как известно, и сам Грушевский антов VI в. называет «нашими козаками» (Грушевський. Ілюстрирована Історія України. Київ, 1918. стр. 34), а в украинских учебниках по истории русские князья, как, например, Владимир Святославич, Ярослав Мудрый и др. именуются украинскими (ср., например, І. Крипякевич. Огляд Історії України. Київ — Львів — Відень, 1919). Как жаль, что со стороны русских и советских историков и филологов на эту очевидную и сознательную фальсификацию русского прошлого никто не реагирует.

Благодарю Вас также за выполнение моей просьбы, о чем я в свое время получил извещение и из Ленинграда.

Что касается затруднений при отлете Елены Петровны [2], то это объясняется тем, что в день ее отлета — 7-го ноября — советский Аэрофлот на Парижской улице по случаю государственного праздника был закрыт, так что пришлось обратиться в Аэрофлот чехословацкий. Но там, хотя сначала обещали на основании предъявления паспорта переписку билета устроить, высшее начальство заявило, что чехословацкий Аэрофлот может вносить изменения только на своих бланках, но на бланках других государств этого права не имеет. Дело осложнялось еще и тем, что самолет, на котором должна была лететь Е. П., был чехословацкий, в то время как самолет, на котором Вы улетали, был советский, так что Вам не делали никаких затруднений. Из создавшегося затруднения другого выхода не было как отправиться на аэровокзал. К счастью, советский Аэрофлот на аэровокзале не был закрыт, так что благодаря любезности и отзывчивости его служащих Елена Петровна могла улететь в назначенный день и час.

Относительно библиографических списков трудов Францева и своих работ могу, к сожалению, только сообщить, что постараюсь их Вам в ближайшее время послать. Дело в том, что список трудов Францева, составленный мною, я летом одолжил Инст⟨итуту⟩ яз⟨ыка⟩ и лит⟨ературы⟩ здешней АН на 2—3 недели, но до сих пор не получил его обратно, несмотря на то, что его потребовал, как только Вы уехали.

Ваш привет и благодарность Валентине Афанасьевне я передал. Она очень довольна и просила передать Вам привет. В последнее время она стала более спокойной и сговорчивой.

Благодарю Вас за любезное предложение Вашего содействия в случае надобности, но в настоящее время у меня такой необходимости нет, тем более, что в праздничное время и совестно Вас

затруднять. В Москву я пока не собираюсь, хотя мне бы очень нужно было побывать в библиотеках Москвы и Ленинграда. Но Вы-то собирались на более продолжительное время в Прагу. Мы будем очень рады Вашему приезду.

В заключение разрешите мне поздравить Вас и Вашу супругу с наступающим Новым годом и пожелать всякого благополучия, доброго здоровья и бодрого настроения.

Уважающий Вас И. Панас

110

28 января 1970 г.

Дорогой Иван Онуфриевич,
я к Вам с очередным беспокойством. Как Вам известно, в свое время мы с Еленой Петровной Подъяпольской получили некоторые материалы от П. А. Хмырова [1]. Тогда, мне помнится, мы не успели лично вручить ему соответствующий акт. Прошу Вас, если будет подходящая возможность, отдать П. А. Хмырову мое письмо и копию акта [2]. Надеюсь, что мы с Вами увидимся или в Москве или в Праге.

Не нужно ли Вам чего-нибудь? Пишите.

Ваш В. Т. Пашуто

111

6 марта 1970 г.

Дорогой Иван Онуфриевич,
я вновь докучаю Вам своими просьбами. На этот раз речь идет о письме директора Института истории СССР АН СССР П. В. Волобуева Петру Александровичу Хмырову. Прошу Вас не отказать в любезности передать его при удобном случае адресату.

Как Вы поживаете, что у Вас нового?

Желаю Вам всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

112

12 марта 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Ваше письмо от 28-го января 1970 г. я получил с некоторым опозданием (12-го февраля)[1]. Ваше письмо П. А. Хмырову и копию акта я передал ему лично немедленно (14-го февраля). Он просил передать Вам свою благодарность и выразил готовность быть к Вашим услугам по вопросу Инст⟨итута⟩ им. Кондакова. Ему самому, по-видимому, писать трудно — он просил меня также прочесть ему Ваше письмо и копию акта, — так что он просил меня быть посредником. Я не ответил Вам сразу, так как заболел довольно длительным гриппом. Кроме того, мне хотелось сообщить Вам что-нибудь конкретного о попытке сделать положение

Валентины Афанасьевны более благоприятным. Она в последнее время выражает желание переселиться в Москву. Я справлялся по этому делу, но этот вопрос очень сложен и труден. Тем более, что у нее никого нет там, кто бы мог заняться этим делом. Она сама не только распоряжаться, но и двигаться без чужой помощи не может.

Довожу до Вашего сведения, что она получила благодарность от Института истории СССР АН СССР [2] и благодарность от Архива АН СССР [3], чем была очень довольна и польщена, так что как будто готова подарить архиву и атлас Сем⟨инария⟩ им. Кондакова, который раньше не хотела отдать. Она просит передать привет и благодарность за поздравления с Новым годом и, в свою очередь, пожелать Вам всякого благополучия в Новом году. Она сама, как Вы знаете, писать не в состоянии, так что извините запоздание ответа, в чем culpa mea [a].

Также прошу извинения, что до сих пор я не послал Вам списка трудов В. А. Францева. Я только недавно получил, после напоминаний, копии списка и просил одну знакомую, уезжавшую в Москву, передать Вам, но она отказалась, так что я пошлю Вам список по почте. Если бы явилась возможность список напечатать, то я бы его еще раз просмотрел и написал бы небольшой очерк о Францеве. Я приготовил также переписку В. А. Францева и В. И. Ягича, но не успел еще закончить комментарий к ней.

Как Вы поживаете и как Ваше здоровье? Над чем теперь работаете? Не собираетесь ли в Прагу? Погода у нас улучшается, вскоре будет весна.

Желаю Вам доброго здоровья и успехов в дальнейшей Вашей творческой работе.

Уважающий Вас И. Панас

[a] «моя вина» (лат.).

113

7 апреля 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Онуфриевич,

Спасибо за письмо от 12 марта с. г.[1] Простите, что отвечаю с опозданием — был в отпуске. Надеюсь, что Вы уже здоровы. Позвольте послать Вам номер «Вопросов истории», в котором на стр. 160—161 мы с Еленой Петровной поместили маленькую хронику о работе в Праге [2]. Быть может, Вы найдете возможным познакомить с ней и Валентину Афанасьевну. Если будете у Остроуховых, передайте, пожалуйста, им мой сердечный поклон (получили ли они фото?) [3].

Я надеюсь приехать для продолжительной работы весной будущего года и буду рад видеть Вас и вместе с Вами бродить по архивам, сокращая все пути сквозь неведомые дворы и переулки. Если бы еще на часть срока захватить мою половину [4], чтобы

ускорить копирование материалов, а заодно показать ей Пражское средневековье, то лучшего и желать не надо.

Если Вы сейчас не собираетесь в Москву, то сообщите мне, каков объем библиографии В. А. Францева и Вашего очерка о нем. Я попробую предложить их Институту славяноведения. Если у Вас есть новые поручения в Ленинграде — напишите, тем более, что я там скоро буду. Получается ли что-нибудь с Вашей канадской рецензией на мою книгу? А где же список Ваших трудов?

Желаю Вам полного выздоровления и благополучия.

С искренним уважением Ваш В. Т. Пашуто

114

24 мая 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич!

Вчера я послал Вам телеграмму о кончине В. А. Флоровской [1]. Она скончалась 21-го мая в больнице для психических больных, куда ее отправили 1-го мая без моего ведома и согласия жильцы дома, в котором она жила. Заботы по этому случаю были причиной того, что я до сих пор не ответил на Ваше последнее, для меня интересное письмо, за которое я Вас благодарю и прошу извинения, что так поздно отвечаю.

Я и сейчас не в состоянии удовлетворительно ответить на все затронутые Вами вопросы и выполнить свои обещания, так как занят хлопотами по устройству похорон, а затем по ликвидации всего дела. Если бы у Вас были какие-нибудь указания и пожелания, то сообщите мне или здешнему нашему представительству [2], с которым Вы, в бытность Вашу в Праге [3], познакомились.

Извините также, что я до сих пор не послал Вам библиографии В. А. Францева [4]. Она готова, обнимает 20 страниц (машинописи), но ее надо еще проверить и, по-видимому, переписать, так как она написана старым правописанием. А для этого сейчас у меня времени нет, тем более, что мне необходимо срочно переписывать свою законченную работу, о которой я Вам писал.

Подробностей о печальном событии я пока Вам не сообщаю. Прибавлю только, что кремация состоится в среду 27-го мая в 9.15 часов.

Желаю Вам всего наилучшего, полного здоровья и успехов в Вашей работе.

С глубоким уважением И. Панас.

115

11 июня 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Онуфриевич,
получил Вашу скорбную телеграмму и письмо [1]. Прошу принять выражение моего сочувствия: всегда грустно, когда уходят из жизни люди, которые сопутствовали нам какой-то отрезок, скупо отпущенной судьбой.

Вашу телеграмму [2] я передал в Президиум АН СССР и, видимо, постепенно все дело с завещанием получит свой ход.

Мне удалось уладить вопрос с печатанием статьи П. А. Остроухова, соответствующее письмо Надежде Викторовне от журнала «Исторические записки» послано. Статью я сам отредактировал и думаю предпослать ей маленькое введение о П. А. Остроухове [3].

Икону П. А. Хмырова мы сдали в Третьяковскую галерею (поступление № 41824) [4], которая ее с благодарностью приняла, отметив в акте № 46, что икона принадлежит кисти Г. О. Чирикова, формат доски 27×18, левкас яичный, темпера. Ввиду высокого качества иконы она включена галереей в основной фонд для использования в передвижных выставках. Галерея просила передать глубокую благодарность Петру Алексеевичу.

Вот и все мои новости. Надеюсь встретиться с Вами будущей весной.

Пишите по всем делам.

Нет ли у Вас случайно сведений о рецензиях в ЧССР на мою «Внешнюю политику» [5]? Не думаете ли Вы, что в случае затруднения с печатанием Вашей рецензии в Канаде, ее можно было бы опубликовать в Праге или Братиславе? [6]

116

29 июля 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Онуфриевич,

из письма доктора Бартовой [1] мне стало ясно, что Вы выполнили огромную работу по обеспечению интересов Института истории ЧССР. Присланную ею бумагу я тотчас же направил в Президиум АН СССР для осуществления соответствующих мер.

По поводу книг я думаю, что было бы хорошо взять чистые экземпляры трудов А. В. Флоровского (ни в коем случае не брать беллетристику и разные, уже отброшенные мною, ненужные журналы), хранившиеся отдельно; далее можно поступить двояко: либо нанять упаковщиков и отправить книги (за счет завещанной суммы) в адрес Института истории СССР или (что, по-моему, гораздо обременительнее для Вас) убрать их к Вам и ждать, когда я весной будущего года сам отправлю их в Москву. Труды А. В. Флоровского очень пригодятся нашим библиотекам.

Сейчас у нас в разгаре подготовка к международному конгрессу историков [2], а осенью я очень рассчитываю поработать над историографией, во всяком случае, над ее пражской и, может быть, прибалтийской частью.

Желаю Вам всего наилучшего. Ваш В. Пашуто

117

5 сентября 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

извините, что я до сих пор не ответил Вам на Ваше первое письмо от 11-го июня [1]. У меня не было ни времени, ни настроения писать Вам, тем более, что неудобно было обо всем писать, о чем бы хотелось и о чем бы нужно было Вам сообщить. Как-нибудь подробнее расскажу при встрече, надеюсь, скорой, а пока лучше последовать выражению verba volant, scripta manent[a]. Я далек от того, чтобы кого-нибудь обижать или обвинять, но я был огорчен и возмущен поведением не только жильцов дома, притом, к сожалению, и русских, написавших жалобу на В. А., но и на тех, которые, вместо того чтобы заботиться о больной В. А., ускорили ее кончину, только бы поскорее получить ее квартиру. Неудачным было также поручение дела наследства адвокату. Адвокаты обычно больше заботятся о себе и редко принимают к сердцу интересы своих клиентов. Так, в данном случае получилась оплошность в том, что вещи покойной В. А. вместе с ее квартирой достались тем, которые отправили ее одну, без сопровождения, без моего ведома и согласия в психиатрическую больницу, хотя знали, что я предоставил им комнату в квартире В. А. Именно потому, что я был против, как и В. А. сама, помещения ее в больнице, тем более в психиатрической. Кроме того, они сами просились туда, надеясь таким образом получить квартиру В. А. после ее смерти, не говоря уже о том, что молодая квартирантка была официально установлена попечительницей («печователькой») В. А. и получала зарплату, так что ее повинностью было заботиться о больной, даже если ей иногда приходилось переносить обиды.

Таким образом получилось то, что вещи и квартира В. А. попала в руки тех, с которыми она постоянно пререкалась и хотела их выдворить из своей квартиры, и что ни наследник, т. е. представитель Академии, ни уполномоченный здешнего посольства, ни я, ни адвокат не присутствовали при передаче ключей от комнаты В. А. Адвокат передал ключи официальному продавцу, который все продал квартирантам, которые сразу начали хозяйничать, так что книги и остаток архива я получил от квартирантов и за комплект не отвечаю. Я бегло рассортировал все (книги, письма, оттиски, фотографии, заметки) и по поручению и при помощи Конс⟨ульского⟩ Отд⟨ела⟩ перевез в клуб, где они находятся. Самую ценную из книг — об иконах (большого формата) — я заблаговременно взял к себе, чтобы не пропала, так что жду Вашего распоряжения. Взял я ее в присутствии адвоката и сообщил о ней Конс⟨ульскому⟩ Отд⟨елу⟩. Посылать все это в Москву нет смысла, но решать, что годится, а что не годится, должен кто-нибудь из заинтересованных работников по специальности.

Очень жаль, что ни от Института истории, ни от Президиума АН никто не заинтересовался довольно значительным наследством (правда, для А⟨кадемии⟩ Н⟨аук⟩ оно и не так значительное),

при решении дела могут возникнуть вопросы, при решении которых, кому-то придется защищать интересы наследника. Так, например, драгоценности В. А., переданные мною нотариусу, были оценены в сорок тысяч кч. В своей справке Конс⟨ульскому⟩ Отд⟨елу⟩ я предлагал, чтобы эти вещи были переданы натурой, т. е. какими они есть: во первых, что вещи не были приобретены здесь, а привезены из СССР; во-вторых, вещи завещаны не частному лицу, а государственному учреждению, притом с научной целью — для подготовки специалистов по русско-чешским отношениям и в-третьих, что некоторые вещи имеют не только денежное значение, но и культурно-общественное значение и могут быть использованы как музейные предметы.

Очень сложен вопрос и о переданной мною иностранной валюте, оцененной, по моему мнению, довольно низко (около десяти тысяч кч. — там, между прочим, 703 рубля, 101 доллар и др.), так как говорят, что она передаче не подлежит. Поэтому желательно, чтобы при оформлении наследства представитель АН или уполномоченный представитель здешнего Посольства СССР высказал свои соображения в защиту наследника, если бы это оказалось нужным. Впрочем, этот вопрос будет, по-видимому, решаться дипломатическим путем. Для Вашего сведения сообщаю: мною было передано нотариальной конторе — сберегательные книжки на 116 000 кч, драгоценности на 40 000 кч и иностранная валюта около 10 000 кч. Вся обстановка была оценена (бегло) около 700 кч. — итого: приблизительно сто семьдесят тысяч кч.

Что касается расходов, то они мне пока неизвестны, но полагаю, что они насчитают себе немало (адвокат, оценщики, нотариальная контора, налог). Относительно налога можно было бы привести то обстоятельство, что наследником не является частное лицо, а государственное учреждение, преследующее гуманные и для обеих сторон полезные цели. Конечно, у юристов могут быть другие взгляды. Я могу сообщить только расходы по похоронам (кремации) и дальнейшей процедуре (уложение урн, устройство памятника и др.). Все это было сложно и трудно, так как в настоящее время и место для урны трудно достать, и памятника приходится годами ждать. Но мне удалось приличное место получить — на Ольшанском кладбище недалеко от кладбища советских воинов — и устроить памятник, правда небольшой, в течение трех месяцев. Урны — А. В. и В. А. были уложены 10 августа, а памятник поставлен 31 августа. Все обошлось в 6 540 кч. Остается открытым вопрос, кто будет о памятнике заботиться.

Ваше сообщение об иконе Г. О. Чирикова я П. Хмырову [2] прочел; он был очень рад и благодарит Вас. Я подарил ему из наследства В. А. «Книгу о вкусной и здоровой пище», которую он очень разыскивал.

Относительно Вашего второго письма, за которое приношу Вам свою благодарность, должен сказать, что я был очень огорчен. Дело в том, что оно написано 29-го июля, на почту сдано 12 августа,

а я получил его 18-го августа. Вы писали, что в разгаре подготовка к международному конгрессу историков, а я получил Ваше письмо, когда конгресс был уже в разгаре. Очень жалею, так как я непременно бы приехал, если бы у меня было приглашение. Мне предлагали здесь ехать и без приглашения, но такая внезапная поездка была для меня затруднительной, тем более что я хотел поехать в СССР на более продолжительное время, а для этого нужно было бы подготовиться. Получив Ваше письмо вовремя, я бы, конечно, успел подготовиться в дальнейшее путешествие (Львов, Киев, Москва, Ленинград). В одном из своих писем Елена Петровна[3] еще в начале июня мне писала, но как-то неопределенно, о съезде историков. В своем ответе я просил ее о дальнейшей информации, так как хотел воспользоваться этим случаем для своей поездки в СССР. Но до сих пор от Е. П. никаких писем я не получал, так что или она моего письма не получила, или я не получил ее письма.

На ряд других вопросов и своих обещаний я, к сожалению, остаюсь Вашим должником, но я не забываю о них. Когда Вы собираетесь к нам? У нас перемена консулов — В. А. Домрачева сменил М. Г. Омельченко.

Желаю Вам всех благ и успехов в Вашей работе.

Ваш И. Панас

[a] «слова летят, написанное остается» (лат.).

118

29 сентября 1970 г.

Глубокоуважаемый Иван Онуфриевич,
меня весьма огорчило Ваше сообщение о письме. Я, вообще говоря, думал, что Вы знали о Конгрессе. Но ведь дело можно поправить и обеспечить необходимое Вам для работы посещение Москвы с помощью частного приглашения, я Вам его с удовольствием пошлю в тот срок, который для Вас представляется наиболее удобным. Мы живем с женой вдвоем и диван в кабинете всегда к Вашим услугам. Мы будем рады сделать Ваше пребывание в Москве плодотворным.

На конгрессе от украинцев Канады выступал Р. Сербынь и нес националистическую ерунду о «трагедии» Переяславской Рады и т. п.

Каких все-таки больших трудов потребовало от Вас дело, связанное с кончиной В. А. Флоровской. Надеюсь, что постепенно все уладится дипломатическим путем.

Я сижу над подготовкой переиздания моей монографии о Литве, да и куча других дел. А что Вы сейчас поделываете?

Пишите, что решите о поездке. До марта я буду большую часть времени в Москве.

Всего Вам наилучшего. Ваш В. Пашуто

119

13 июля 1971 г.

Глубокоуважаемый Иван Онуфриевич,
надеюсь, что Вы в добром здоровьи. Дела, к сожалению, сложились так, что в этом году я к Вам попасть не смог. Были деловые командировки в Бухарест и Берлин. Но я очень рассчитываю выполнить намеченную нами программу изысканий в ЧССР по изучению русской зарубежной историографии.

Пока что я получил очень интересный материал от вдовы А. В. Соловьева, относящийся к его творчеству [1].

Желаю Вам всего наилучшего. Ваш В. Пашуто

120

26 июля 1971 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,
большое спасибо Вам за Ваше, на днях мною полученное письмо [1]. Очень жаль, что не смогли приехать в Прагу в марте месяце, как мне здесь было сказано, и оставили без внимания мои опасения относительно наследства В. А. Флоровской, высказанные в моем письме от 14. 12. 1970 [2], где я писал, что лишним было передавать дело наследства адвокату, которые, как правило, больше заботятся о своих интересах, чем об интересах наследника. После получения Вашего письма я навел справки у нотариуса и в конс⟨ульском⟩ отд⟨еле⟩ посольства и могу Вам сообщить, что дело только теперь, т. е. после целого года, закончено и что в заключительном сообщении адвоката расходы по этому делу составляют[a] фантастическую сумму — 21 000 кчс. По понятным причинам я в подробности по этому делу вдаваться не могу, но очень хотелось бы мне с Вами, если Вы приедете в Прагу для Ваших занятий, обо многом поговорить, тем более, что, как Вам известно, здесь имеются еще остатки архива А. В. Флоровского и, в частности, его книги, которые могут пригодиться для советских университетов.

Я должен Вам сообщить прискорбную весть, что П. А. Хмыров, который мог быть полезен Вам при Ваших занятиях, к сожалению, недавно скончался. Очень жаль, что Вы при свидании с ним не узнали и что я не успел разведать у него о том, куда попали ценные иконы, находившиеся в Институте им. Кондакова. И этот вопрос заслуживает внимания.

Очень рад, что Вы получили материал, относящийся к творчеству А. В. Соловьева, выдающегося русского ученого. Я с ним давно знаком — еще по Ростову-на-Дону, когда он только начинал свою ученую карьеру под руководством проф. Малиновского, затем встречался с ним в Белграде и в последнее время в Праге на 6-ом международном съезде славистов в августе 1968.

Надеюсь, что Вы все же как уполномоченный Академии Наук или Вашего Института для принятия наследства или же частным

образом приедете в Прагу. Полагаю, что Вы лично или АН получили от адвоката решение о наследстве В. А. Ф⟨лоровской⟩. Если приедете, можете рассчитывать на всякое содействие с моей стороны. Мои планированные поездки — сначала в СССР, а затем в Париж — не осуществились ввиду разных обстоятельств, так что я, по всей вероятности, буду все время в Праге.

Желаю Вам доброго здоровья, хорошей погоды и хорошего отдыха.

Преданный Вам И. Панас

[a] Вставлено на полях.

121

19 сентября 1971 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,
на Ваше письмо от 13. 7. я Вам ответил письмом 26. 7 [1]. Я надеялся, что Вы все же приедете в Прагу, но, по-видимому, в ближайшее время Вас здесь ожидать не придется, хотя Ваше присутствие здесь было бы желательным. Необходимо, наконец, ликвидировать дело о наследстве В. А. Ф⟨лоровской⟩. Теперь обо всем должен распоряжаться наследник, т. е. АН СССР или ее Институт истории СССР. На днях был у меня разговор с консулом. Он предлагал передать оставшиеся книги библиотеке клуба посольства; я заметил, что книги эти, например, 17 томов труда А. В. Ф., библиотеке не понадобятся. Он согласен книги послать наследнику, но он хотел бы иметь соответствующее уведомление и знать, кто будет платить расходы по пересылке. Посылку книг я мог бы приготовить, но я не могу взять на себя просмотра разных записок и решать, что нужно и что не нужно. Возможно, что многое и не нужно посылать. Это может решить только специалист и интересующийся соответствующими вопросами.

Кроме того, нужно решить целый ряд других вопросов. Так, например, следует ли иностранному наследнику платить налог от наследства своему государству, или же государству, в котором оставивший наследство иностранный гражданин жил и умер. Я конечно, плохой юрист, но знаю два случая, когда здешние власти списали только протокол о смерти, а об остальном, т. е. о наследстве и др. предоставили судить советским властям. Не знаю также, делается ли в отношении налога от наследства различие между наследником — частным лицом и наследником — гуманным учреждением, например Красным крестом, АН и др. Необходимо проверить, засчитаны ли в наследство проценты от сберегательных книжек за последние годы (1970 и 1971), что составляет около 6000 кчс. Я сам пока проверить не могу, так как мне окончательного решения дела не изволили дать, хотя я причастник этого дела и больше о нем знаю, чем кто-либо. Дальнейший вопрос — забота о памятнике; нужно еще обрамление памятника сделать и позаботиться об уходе за ним. Мне удалось получить хорошее место, но с условием, чтобы был поставлен памятник и обеспечен уход

за ним, так как везде кругом должны быть памятники. За место уплачено на десять лет, так что впоследствии надо будет продлить срок. Все это требует некоторых расходов и кто-то должен заботиться об этом. Недавно, как Вам, наверно, известно, в Праге был открыт «Дом советской науки и культуры». Можно обратиться туда по этому делу. Наконец, наследнику полагается еще и гонорар за напечатанные статьи А. В. Ф⟨лоровского⟩. Поскольку я знаю, одна печаталась в Брно, а другая в Ленинграде [2]; за первую В. А. получила аванс, за вторую кто-то привозил гонорар из Ленинграда, но не оставил здесь, а обещал послать именно Вам.

Вот много я Вам настрочил в этот раз, так что Вам надоест все это читать. Но многого я еще не знаю и точных данных у меня нет. Так, например, я не знаю расчета иностранной валюты наследства. Как мне сказано здесь, денежные расчеты переведены уже инюрколлегии в Москве, так что Вы или Академия их получите или уже получили. Любопытно, сколько еще инюрколлегия посчитает себе за свою работу. Ведь когда я хлопотал о переводе гонорара для В. А., который впоследствии Вы устроили, они потребовали вперед на предварительные расходы 100 рублей (1000 кчс). Я, конечно, отказался.

Желаю Вам всего наилучшего, полного здоровья и успехов в Вашей ученой и общественной работе. Ваш И. Панас

122

19 октября 1971 г.

Глубокоуважаемый Иван Онуфриевич,

благодарю Вас за заботливое письмо [1]. Дело с наследством понемногу продвигается. Инюрколлегия известила Институт о поступлении наследства (с необходимой оговоркой о вычете из суммы на содержание могил), я, правда, сумму не указал. Сейчас дело в бухгалтерии, и я буду за ним присматривать и Вас информировать. Надеюсь, что весной мы с Вами встретимся и уладим все относящееся к оставленным Валентиной Афанасьевной книгам.

Не надумали ли приехать в Москву — мы с женой были бы Вам рады. Не нужно ли Вам чего-нибудь в Ленинграде — я мог бы перевести интересующие Вас источники.

Всего Вам хорошего. Ваш В. Пашуто

123

18 ноября 1971 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Благодарю Вас за Ваше милое письмо [1] и Ваши любезные предложения и прошу извинения, что так поздно Вам отвечаю. К сожалению, в настоящее время, т. е. зимою, я не рискую пускаться в далекое путешествие. Относительно Ленинграда я был бы Вам очень признателен, если бы могли повторить мою прежнюю

просьбу. Поблагодарю Вас лично, когда приедете весной в Прагу.

В последнее время я правил корректуру статьи А. В. Флоровского о русских историках за границей и др., на что потребовалось много времени, так как в статье много неточностей, так что приходилось разыскивать то даты рождения и смерти отдельных лиц, то исправлять ошибки в правописании (нем⟨ецкого⟩, франц⟨узского⟩, сербо-хорв⟨атского⟩ и др⟨угих⟩ яз⟨ыков⟩). К сожалению, мне ни русского оригинала статьи А. В. Ф⟨лоровского⟩, ни чешского перевода не доставили, так что многое пришлось исправлять или дополнять по своему усмотрению. Эта статья будет напечатана в издании здешней АН п⟨од⟩ з⟨аголовком⟩ «Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů». Полагаю, что там будет и для Вас некоторый полезный материал о русских историках, как Вернадский, Лаппо, Мякотин, Шахматов, Максимович, Кизеветтер и др.

Относительно наследства А. В. Ф⟨лоровского⟩. Вы пишете о «вычете из сумм на содержание могил». Ведь имеется только одна могила, в которую положены урны А. В. и В. А. Содержание этой могилы не требует больших сумм. До 2/6 1980 г. уплачено 240 кч на 10 лет, так что через 10 лет надо будет уплатить опять 240 кч. до 2/6 1990 г. Что касается ухода за могилой, то это устанавливается по договору в зависимости от того, какой уход требуется. В данном случае никакого особенного ухода не требуется. Площадь могилы небольшая, так что расход будет минимальный. Я могу подробности узнать и Вам сообщить. Важно знать, кто этим будет заниматься. Полагаю, что все это можно будет уладить совместно с консульским отделом, когда Вы весной приедете в Прагу. Итак, до скорого свидания!

Желаю Вам и Вашей глубокоуважаемой супруге всего наилучшего.

Ваш И. Панас

124

25 января 1972 г.

Сердечное спасибо Вам, Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич, за память и Ваши поздравления и пожелания по случаю Нового года [1]. Хотя я, как мне кажется, послал Вам поздравление с Новым годом в свое время [2], ничего предосудительного не будет, если я Вам вторично пожелаю всякого благополучия в Новом году — прежде всего здоровья, спокойствия, хорошего настроения и успехов в Вашей работе и жизни.

Также благодарю Вас за исполнение моей просьбы относительно Ленинграда [3]. Приближается март, и хотелось бы знать, когда мы будем встречать Вас в Праге. — Как обстоит дело с наследством В. А.? Надеюсь, что Инюрколлегия ликвидировала уже его. Ведь вскоре будет уже вторая годовщина кончины В. А.

В надежде, что мы в недалеком будущем встретимся, шлю Вам и глубокоуважаемой Вашей супруге сердечный привет.

Ваш И. Панас

125

19 апреля 1972 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

второй год мы здесь ждали Вашего приезда и, увы, не дождались. А все же Ваш приезд не только желателен, но и нужен, так как надо же дело о наследстве покойной В. А. Ф⟨лоровской⟩, тянущееся уже без малого два года, ликвидировать. Здесь, кроме драгоценностей, находятся остатки книг и заметки А. В. Ф⟨лоровского⟩, судьбу которых надо решить [1], тем более, что никто об этом не беспокоится и библиотека, где они находятся, хотела бы от них избавиться. Можно было бы послать все это в АН, но возникает вопрос, кто будет платить расходы по пересылке. Во-вторых, надо кому-то решить, что из этого посылать, а что посылать не стоит. Этот вопрос может решить только наследник или его уполномоченный — человек сведущий.

Мне давно было сказано, что моя функция с кончиной В. А. Ф⟨лоровской⟩ кончена, и все дело передано адвокату; мне даже не послали текста решения по вопросу о наследстве, хотя я в значительной степени к этому делу причастен, с ним больше всех ознакомлен и могу указать на некоторые недостатки решения. Но я пишу Вам обо всем этом потому, что меня здесь (в консульстве) спрашивают, когда Вы приедете или дадите указания для ликвидации дела.

Вот злободневная тема, о которой я считаю нужным Вам написать. Этим я в этот раз ограничусь, так как надеюсь, что Вы все же вскоре приедете в Прагу, где можно будет подробнее об этом и о других делах и вопросах поговорить.

Желаю Вам всего доброго. Ваш И. Панас

126

25 июля 1972 г.

Дорогой Иван Онуфриевич,

дело, в которое Вы вложили столько трудов — в порядке. По переводу сумм, завещанных А. В. Флоровским, наш Институт получает (с зачетом и реализованных драгоценностей, и процентов по сумме) свыше 10 000 рублей. Они лежат на особом текущем счету для аспирантов, которые будут специализироваться по истории русско-славянских отношений [1]. Пошлин с этой суммы не брали. Теперь остаются еще некоторые дополнительные моменты.

Во-первых, не могли бы Вы выяснить, как, на чье имя и сколько нам следует перевести средств, предназначенных на содержание в порядке могил Флоровских, и, во-вторых, если Вы располагаете сведениями о дополнительно объявившихся зарубежных (вне СССР) посмертных публикациях трудов А. В. Флоровского — не отказать сообщить о них мне [2]. Ну, вот и все мои новости.

Спасибо Вам большое. Теперь дело за нами — подготовить аспирантов, достойных памяти А. В. Флоровского.

Наша с Вами встреча, к сожалению, опять переносится на март 1973 года, так как волею судеб у меня другие маршруты. Но думаю, она непременно состоится — она нужна для всех моих дел. Кстати, если Вам необходим перевод того текста, о котором мы однажды говорили, напишите — и я тотчас все сделаю [3]. И пусть это Вас не беспокоит.

Поклон Остроуховым [4]. «Нижегородская статья» печатается-таки в «Исторических записках» [5]. Я очень рад, что сдержал свое слово по этому непростому делу. Пишите.

Всего Вам доброго. Ваш В. Пашуто

127

25 октября 1972 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

извините, что я до сих пор не ответил на Ваше последнее письмо. У меня дней, в общей сложности, около тридцати были гости из СССР, а затем из Польши, так что пришлось заниматься «гостеприимством» — показывать Прагу, ходить по магазинам и т. п. Во-первых, получив Ваше письмо [1], в котором пишете, что «дело в порядке», я увидел, что дело не совсем в порядке, так как переданное мною нотариусу наследство стоимостью значительно больше того, что получил Ваш Институт. Я наводил справки, что, в свою очередь, потребовало некоторого времени, и убедился, что без адвоката можно было гораздо больше сберечь, чем с адвокатом. Большая ошибка была передача наследства нотариусу, а еще большая — привлечение к делу адвоката, который, в сущности, ничего особенного не сделал — ведь все дело приготовил я, а затем нотариус, — но за свою работу себе (или своему учреждению) посчитал — horribile dictu[a] — 15 000 кч, т. е. 10 % наследства. И только недавно адвокат обратился опять ко мне относительно посмертных публикаций А. В. Ф⟨лоровского⟩ (по-видимому, по Вашей просьбе); я, конечно, сообщил ему о в последнее время появившемся издании, где имеются статьи А. В. Ф⟨лоровского⟩, хотя об этом я сообщил бы Вам и сам. Впрочем, я уже раньше сообщил редакторам этого издания, что Вы именно являетесь исполнителем завещания В. А. Флоровской. Сообщаю полное заглавие издания: Státní knihovna ČSSR. Slovanská knihovna. Československá Akademie věd. Československo-sovětský institut. «Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760». Biograficko-bibliografický slovník. Edice Slovanské knihovny. Státní pedagogické nakladatelství. Redakce: Docent Milan Kudělka, Zdeněk Šimeček a kolektiv. Praha 1972. — Adresa⟨. . .⟩

В книге много статей А. В., часть из них пришлось мне корректировать и дополнять. Часть гонорара В. А. получила еще при жизни авансом, но значительно бо́льшую сумму издатель-

ство должно послать Институту. Книга интересная и полезная (560 страниц), хороший справочник о многих славянских и, в частности, русских ученых и их трудах. Полагаю, что Славянская библиотека, являющаяся издателем, могла бы Вам один экземпляр послать.

Относительно Вашего замечания, что «пошлин не брали», не знаю, кого Вы имеете в виду — здешние или советские учреждения. Здешние хотели взять большой налог (56 810 кч.), но должны были отказаться, так как В. А. советская гражданка и наследником является не частное лицо, а Академия наук.

Что касается подготовки аспирантов, то, по моему скромному мнению, хорошо было бы, чтобы один из них был здешний [2]. Но об этом Вы бы могли поговорить с чешскими историками, когда весной все же приедете в Прагу.

Что касается могилы-памятника Флоровских, то пока дело обеспечено на десять (то есть уже на восемь) лет. О будущем мы можем поговорить более конкретно во время Вашего пребывания в Праге.

Сердечно благодарю Вас за предложение перевода текста, но пока дело не спешно. Мне очень нужно бы было побывать в СССР, но, к сожалению, времени мало.

Желаю Вам, как всегда, всего наилучшего и шлю Вам и Вашей уважаемой супруге сердечный привет. Ваш И. Панас

[a] «Страшно сказать» (лат.).

128

22 января 1973 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

сегодня же я получил соответствующий документ и при сем посылаю его Вам для дальнейшего делопроизводства [1]. Но прежде чем Вы предъявите его вашим учреждениям, не забудьте приписать дату рождения Н⟨аталии⟩ А⟨лександровны⟩ [2] в строчке, где место жительства, чего я не мог сделать, так как Вы мне не сообщили (день, месяц, год). Что касается срока поездки, то я написал март — апрель, так что Вы можете определить по желанию в течение указанного времени. Относительно пребывания в Праге я написал так, как Вы мне сказали (10 дней). Но здесь можно будет продлить, если будет желание и надобность.

Я очень рад, что Ваша долгожданная и откладывавшаяся поездка в Прагу, наконец, осуществится.

В ожидании Вашего приезда и скорого свидания шлю Вам и Вашей глубокоуважаемой супруге сердечный привет.

Ваш И. Панас

P. S. Дополнение моего адреса: С Нового года надо перед — Прага (Praha) писать: 110—00. И. П.

129

31 октября 1974 г.

Дорогой Иван Онуфриевич,

вот мы и в Москве, снова дома, словно и не уезжали[1]. Хотя — нет: в памяти теперь уже навек отпечатались холмы, реки и ручьи, замки и храмы, словом, вся неповторимая чешско-моравско-словацкая сторона. Дел накопилась такая прорва, что сижу с утра до ночи. Ваши оба поручения я выполнил. Рукопись Захарова[2] я сдал в экспедицию Президиума АН СССР, о чем имею визу на копии его письма, а также узнал, что его сочинение будет направлено в Институт права АН СССР, о чем он будет извещен. Об этом я ему сам напишу, но на всякий случай пишу и Вам.

Наталья моя[3] (как и я) сердечно Вас приветствует, желает быть по-прежнему здоровым и бодрым. Напоминаем Вам, что рады Вас видеть всегда, когда Вы пожелаете приехать.

Обнимаем. Ваши Н. и В. Пашуто

130

24 декабря 1974 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Терентьевич,

большое спасибо за Ваше милое письмо и за выполнение моей просьбы. Я очень рад, что Вы и Ваша супруга довольны Вашей поездкой в ЧССР и счастливо без всяких затруднений возвратились к себе домой. Везде хорошо, но дома все же лучше. Не отвечал Вам я сразу на Ваше письмо, так как у меня все еще заботы об устройстве своей обители и, кроме того, срочно пишу статью для сборника о заключенных русских галичанах в Терезинской тюрьме в первую мировую войну, а то, чего доброго, издатели напишут, что это были «украинцы», как это, между прочим, писал и, к сожалению, русский писатель Беляев.

По Вашему вопросу (последнему здесь в Праге) занимался также продолжительное время здесь доцент (Ленинградского университета?) Барихновский Григорий Филимонович[1], который был несколько раз у меня и желал с Вами познакомиться, но Вы уже собирались уезжать восвояси. С. К. Захарова я в свое время предупредил о Вашем письме[2], которое он уже получил. Н. В. Манохин в восторге от Вашей встречи с ним, уезжая на некоторое время в Брно, просил передать Вам привет; у него какое-то дело с посылкой Вам книг[3]. Наконец, я бы просил Вас сообщить мне номер Вашего частного телефона, так как меня об этом спрашивают (Борис Иванович[4], но он все же где-то узнал Ваш номер, так что в этот же вечер беседовал с Вами). Я наводил справку на здешней почте, но у них нет списка частных телефонов Москвы, в то время как списки других заграничных государств имеются. В заключение разрешите мне поздравить Вас

и уважаемую Наталию Александровну с наступающим Новым годом и пожелать Вам всякого благополучия, доброго здоровья, успехов в работе и, как чехи говорят, «Spokojenosti».

С сердечным приветом, Ваш И. Панас

131

24 апреля 1975 г.

Глубокоуважаемые и дорогие Наталья Александровна и Владимир Терентьевич,

прежде всего разрешите мне поздравить Вас с наступающим праздником 1-го Мая 1975 года и с 30-летием победы героической Армии Советского Союза над фашизмом, а равно и с 30-летним миром в Европе. Надеюсь, что Вы вполне здоровы и после долгих странствований прошлого года наслаждаетесь домашним уютом, так как природа пока уютностью не привлекает — по крайней мере у нас. Мне, к сожалению, об уюте и отдыхе и думать не приходится, так как вот уже более полгода я свою обитель в порядок привести не могу — все говорят, что в доме будут переделки делать и все же не делают, так что приходится оставаться дома. Впрочем, я бы и так никуда не уехал, так как работы у меня хоть отбавляй.

Мне помнится, что Вы, Владимир Терентьевич, как-то говорили, что собираетесь опять приехать на продолжительное время к нам, т. е. в ЧССР. Это было бы очень хорошо, так как Вы могли бы побывать на Пряшевской Руси [1], где Вас уже в прошлом году ожидали и жалели, что Вы у них не были. Недавно был у меня карпаторусский историк оттуда, очень хотел с Вами познакомиться; я сообщил ему Ваш адрес и может быть, что он Вам уже написал. Между прочим, он навещал проф. Мавродина [2] в Ленинграде и кажется, что он с ним в переписке. Хорошо было бы, если Вы там побеседовали с крестьянами и потом написали заметку, поскольку вы друг друга понимали, подобно тому, как это написал Эренбург в своей книжке «Виза времени». Вопрос о языковом взаимопонимании северных и южных русских был предметом исследования многих выдающихся языковедов и других ученых и разрешался всегда положительно, т. е. что они в общем понимают друг друга. Поэтому весьма странно, что в докладе так наз. записки Петербургской Академии наук об украинском языке говорится о «полном незнакомстве малорусов с русским языком» (в подлиннике «великорусским»), и это еще в начале нашего столетия (1905), т. е. когда малорусы уже после перерыва находились опять в общем государстве с великороссами, где изучали русский язык в школах и когда малорусы играли отчасти руководящую роль в созидании общерусской культуры (XVII—XVIII вв.). (А. Е. Пресняков. Лекции по русск⟨ой⟩ истории. Т. I. Киев. Р.) [3].

У меня, Владимир Терентьевич, будет некоторая просьба — по-видимому. Пока я хлопочу по всяким здешним учреждениям,

но до сих пор безуспешно. Дело касается издания брошюр галицко-литературных, из которых я Вам 2 передал. Они напечатаны в Бельгии и поэтому десять пакетов, присланных нам типографией, были здешней таможней отосланы обратно. Я предварительно говорил об этом с Б⟨орисом⟩ И⟨вановичем⟩ [4] и он согласился, если это будет нужно, составить соответствующее отношение и послать по Вашему адресу с просьбой, чтобы Вы похлопотали в соответствующей инстанции, если это нужно и возможно будет, за что я Вас заранее благодарю.

В заключение — а на самом деле мне следовало этим начать свое писание — я должен выразить Вам, Владимир Терентьевич, мою глубокую благодарность за Вашу прекрасную книжку об Александре Невском [5], я проштудировал ее и она мне не только понравилась как исследование и литературное произведение, но и понадобилась для моих занятий. Но об этом в другой раз.

Сердечный привет Вам и пожелания всех благ и прежде всего доброго здоровья и хорошего настроения.

Ваш И. Панас

132

29 апреля 1975 г.

Дорогой Иван Онуфриевич,
простите, что так долго не писал Вам, но полтора месяца валялся больной: сердце билось неохотно, и Наталья [1] держала меня в постели. Теперь как будто обошлось, и я охотно посылаю Вам номер моего телефона⟨...⟩. Диван в моем кабинете по-прежнему ждет Вас. Звоните, если можно, по вторникам и средам, когда мы в Москве, а не на даче. Очень будем рады Вас видеть. Надеемся, что Вы, как всегда, полны творческих замыслов.

С работой Захарова пока что дело клеется плохо. Надеюсь в ближайшее время получить какое-то заключение Института права о ней [2]. Его второй труд я получил [3] и тоже передам в Президиум Академии наук СССР для отправки соответствующему Институту.

Всего Вам хорошего. Жена шлет большой поклон.

Ваш В. Пашуто

P. S. Я буду в Ленинграде. Нет ли у Вас поручений?

133

8 июня 1975 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Терентьевич,
благодарю Вас за Ваше последнее письмо [1], а равно и за любезное приглашение в Москву, которым я, к моему глубокому сожалению, воспользоваться не могу. Рада б душа до раю, но грехи не пускают. Обещал я кое-что написать, но не успел. Но главная причина иная. Вы, надеюсь, получили мое последнее письмо, в котором я Вам сообщал, что в нашем доме уже более полгода собираются

менять электрические провода, т. е. ломать стены, а затем исправлять и красить, притом как раз летом, так что мне придется оставаться дома. Правда, я планировал в этом году более продолжительное мое последнее путешествие в СССР, посетить Львов, Киев, Москву и Ленинград, как я всегда делал, как ради своих дел, так и чтобы повидать своих знакомых. Но ввиду моего «почтенного» возраста я решил, что мне одному такое путешествие не рекомендуется. Уж лучше приезжайте Вы с Вашей глубокоуважаемой Наталией Александровной в Прагу, Карловы Вары, Марианские Лазни, Татры — и, конечно, — Ваши архивы.

После малоинтересного «введения» я перехожу к еще менее интересной главной теме. Как я Вам писал в последнем письме, вопрос касается издания двух галицко-русских книжечек, которые я Вам передал в свое время [2]. Подробнее Вы познакомитесь из прилагаемого при сем моего обращения [3] к Б⟨орису⟩ И⟨вановичу⟩. Он в этом деле помочь не может, так же как и мое «хождение по мукам», т. е. по всем возможным инстанциям здешним, вплоть до министерства, осталось безуспешным. Остается одна надежда на Вас. Вы находитесь в центре, больше знаете и больше можете. Я понимаю, что это редкий и весьма сложный случай, но все же авось Вам удастся спасти около 1000 экземпляров книжек, может быть, и не первоклассных, но исторических, так как они свидетельствуют о том, что население Галицкой Руси, несмотря на то, что находилось в течение 7 столетий под чужой властью, никогда не забывало о своем этническом родстве с остальным русским миром и сохранило вплоть до нашего столетия, т. е. 1000 лет, русское самосознание, русский язык и русское имя и стремление к воссоединению с остальной русской массой, чего, наконец, и дождались в Советском Союзе.

Если Вам удастся в этом деле, т. е. отмене запретной присылки книг из Бельгии в Прагу, нам помочь, я буду Вам очень обязателен[a], а те, которые эти книжки получат, будут Вам весьма благодарны.

С сердечным приветом! Глубокий поклон Наталии Александровне!

И. Панас

[a] Так в оригинале.

134

9 сентября 1975 г.

Дорогой Иван Онуфриевич,

простите, что долго не писал. И болел, и ездил, и сейчас только вернулся из Сан-Франциско [1]. Я думаю, что правопреемнику покойного В. Р. Ваврика надо адресовать свое письмо во Всесоюзное Агентство по Авторским правам (ВААП) ⟨адрес. . .⟩. Притом указать точное название и адрес издательства в Лувене и ясно сформулировать предложение по присылке через ВААП авторских экземпляров в СССР в распоряжение, скажем, Библиотеки

им. В. И. Ленина, для последующего их распределения среди других книгохранилищ. Иными словами — правопреемник должен официально[a] уполномочить ВААП завершить это дело. Характеристику книги, вообще Вашу Справку[2], полезно использовать в виде Приложения к письму, опустив абзац 2. А в абзаце 3 нужно объяснить, кто такой П. С. Гарды.

Я сижу над книгой об эмиграции.

Поклон Вам от жены и от меня. Обнимаем Вас.

Как быть с ленинградским переводом?

В. Пашуто

[a] Подчеркнуто В. Т. Пашуто.

135

31 октября 1975 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Терентьевич,

давно не писал я Вам, так как не получал от Вас известий о Вашем здоровье и Вашей работе и так как немало удивлялся, что Вы не отвечали на мое последнее письмо[1], в котором я благодарил Вас за любезное приглашение в Москву и, главным образом, просил Вас об интервенции Вашей в весьма сложном деле, по которому я здесь после многих хождений по властьимущим учреждениям получил отказ.

Поэтому я должен Вам выразить свою глубокую благодарность за Ваше последнее письмо, из которого я рад узнать о Вашем здоровье и работе, а равно и за Ваши указания относительно упомянутого дела[2]. В настоящее время все сделано по Вашему совету и соответствующее заявление послано заказным по адресу указанного учреждения. Этим и объясняется мое опоздание с ответом на Ваше письмо.

Надеюсь, что вопрос этот будет разрешен благополучно, так что мне не придется больше этим делом заниматься. Я и так много времени потерял в связи с обновлением своей обители, так что все лето просидел в Праге и никуда для отдыха не уезжал. По-видимому, мне больше больших странствований предпринимать не придется, так что и ленинградский перевод надо будет, к сожалению, ликвидировать. Если Вас это не затруднит, пошлите его, разделив на две половины, по адресам, если они у Вас сохранились.

Сердечный привет и поклон Глубокоуважаемой Наталии Александровне. Желаю Вам и всем Вашим доброго здоровья и всякого благополучия.

Ваш И. Панас

136

23 декабря 1976 г.

Глубокоуважаемые и дорогие Владимир Терентьевич и Наталия Александровна,

по случаю наступающего Нового Года (1977) разрешите мне поздравить Вас с Новым годом и пожелать Вам всякого благополучия, успехов, доброго здоровья и долгой жизни.

И. Панас

P. S. Как продвигается Ваш труд о русской эмиграции в Праге? Между прочим, я хотел бы Вас спросить, есть ли у Вас в отделе «общества русских писателей в Праге» данные о русской писательнице Елизавете Кут⟨неразб.⟩ировой (по мужу — Яковлевой) [1]. Она написала рассказы и роман (в переводе на чешский язык) и стихи (на русском яз⟨ыке⟩). По совету Бориса Ивановича [2] я просил ее написать 10 стихотворений и краткую автобиографию, чтобы Вы, после своей оценки, могли упомянуть о ней в Вашем труде. Сообщите, пожалуйста, мне Ваше мнение по этому вопросу.

С сердечным приветом, низкий поклон Н. А. И. П.

А. В. Рязановский — В. Т. Пашуто

137

22 мая 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Прошу извинить, что пишу по-английски, но я нахожу, что выражаю свои мысли несколько лучше на этом языке. Мой брат, Николай Валентинович Рязановский [1], рассказал мне, что Вы в настоящее время собираете материалы для исследования, касающегося историков из России, находящихся вне Советского Союза. Именно в этой связи я посылаю Вам три фотокопии моих опубликованных статей и краткой «Curriculum vitae», содержащий некоторые библиографические и биографические данные [2]. Надеюсь, что Вы найдете этот материал полезным. Эти статьи, по моему мнению, наиболее характерны для того вида работы, которым я занимался и продолжу заниматься в будущем. Особый интерес для меня представляют истоки Киевской Руси и, в частности, я надеюсь представить довольно подробную критику так называемой «норманской» теории происхождения «первого русского государства». Моя неопубликованная диссертация на звание доктора философии также посвящена этой теме и называется «Норманская теория происхождения Русского государства: критический анализ».

Пользуюсь случаем пожелать Вам продолжительного успеха в Вашей работе.

С полным почтением А. В. Рязановский

138

15 июня 1970 г.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

благодарю Вас за Ваши оттиски. С огромным интересом прочитал ранее мне неизвестный «Варяжский вопрос» [1]. Прекрасное исследование — в ближайшей же работе непременно откликнусь на него. В историографической части хотелось бы видеть Х. Ловмяньского [2]. К опровержению норманизма направлено и наше «Древнерусское государство» (1965 г.): несостоятельность тезиса об упадке торгового значения Киева и всей Руси вследствие перемещения торговых путей, якобы проторенных норманнами, мы с А. П. Новосельцевым старались показать в статье о внешней торговле Древней Руси [3]. Таким образом норманские аргументы оказываются все более недостоверными. Внешняя политика Древней Руси также свидетельствует против них — и в Центральной и Южной Европе.

Разрешите, пользуясь случаем, послать Вам мою книгу «Внешняя политика Древней Руси». Буду весьма признателен за все Ваши замечания.

Кстати, не располагаете ли Вы сведениями о критических откликах на нее в печати США, я, кроме лихой, но поверхностной рецензии Притцака в гарвардской «Критике», других отзывов американских коллег не знаю.

Всего хорошего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

139

3 декабря 1970 г.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,

разрешите направить Вам маленький оттиск моего доклада 1968 г. и просить Вас о большом одолжении. Дело в том, что Ваш брат Николай Валентинович [1] любезно прислал мне очень ценные для меня материалы о Вашем отце и о себе, а я, забыв, что у меня его парижский, а не американский адрес, утерял конверт и теперь лишен возможности его поблагодарить. Прошу Вас, если можно, прислать мне адрес Николая Валентиновича. Буду очень признателен.

Не нужно ли Вам чего-нибудь из новых книг? Пишите — пришлю.

Уважающий Вас В. Пашуто

140

2 января 1971 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич[а],

большое спасибо за Ваше чрезвычайно любезное письмо от 15 июня 1970 г.[1] и за посылку мне Вашей книги «Внешняя политика Древней Руси». Прошу извинить меня за то, что не ответил раньше. Прошлым летом я преподавал в Гарвардском университете и не получил Вашу книгу до своего возвращения в Филадельфию в начале сентября. А затем я так много отдавал сил преподаванию и частично из-за болезней в семье и давления других дел, что я не имел возможности прочесть «Внешнюю политику. . .» до прошлой недели.

Позвольте поэтому начать с ответа на некоторые вопросы, поднятые в Вашем июньском письме. Историографическая часть моей статьи «Варяжский вопрос» была крайне выборочной; я включил всего несколько работ и только те, которые наиболее доступны в американских и европейских библиотеках. Хотя я знаком и с Вашими, и Х. Ловмяньского весьма существенными работами по этому вопросу, они не упомянуты, потому что они все еще, к сожалению, мало доступны за пределами СССР. Соответственно доступность, а не обязательно достоинства определяли мой выбор.

Касаясь Вашей «Внешней политики Древней Руси» я могу только сказать, что ее следует считать крупнейшим [б] вкладом в эту проблему. К сожалению, при беглом просмотре я не смог найти других рецензий на «Внешнюю политику» в американских и английских журналах, кроме ненужно строгой оценки проф. Прицака. Если Вы этого еще не сделали, может быть, Вам бы следовало послать экземпляры книги различным редакторам разделов рецензий в ведущих американских и английских журналах. Ваша книга бесспорно заслуживает значительно большего внимания, чем она получила пока на западе.

В письме от 3 декабря 1970 г.[2] Вы спрашиваете об адресе моего брата в Америке, который я с радостью посылаю⟨. . .⟩

Благодарю Вас также за оттиск Вашей статьи «Русско-скандинавские отношения. . .» [3], которую я прочел с большим интересом, и за Ваш добрый отзыв о моем скромном вкладе в область наших общих интересов. В настоящее время я заканчиваю небольшую статью «Псевдо-варяжское происхождение Киево-Печерского монастыря», в которой пытаюсь опровергнуть некоторые утверждения ученых—«норманистов», утверждающих, что Киево-Печерский монастырь был основан варягами-скандинавами. По моему мнению, эти заявления «норманистов» совершенно ошибочны и основаны на абсолютно неверном использовании письменных источников. В то же время я надеюсь издать сборник моих собственных статей, некоторые из которых уже опубликованы в Америке и Европе, некоторые новые, под общим названием «Исследования

о происхождении Киевской Руси». Но должен признать, что работа идет очень, очень медленно.

Наконец, я глубоко тронут Вашим весьма любезным новогодним поздравлением. Хотя теперь уже слишком поздно отвечать на это, все же позволю себе использовать эту возможность и пожелать Вам всего наилучшего в Новом году и продолжения успехов в Вашей работе.

Всего хорошего[а]!

Уважающий Вас А. В. Рязановский[а]

[а] Написано от руки по-русски.
[б] Подчеркнуто А. В. Рязановским.

141

11 октября 1977 г.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович,
я давно не имею вестей о Вашем столь полезном для нашей науки творчестве. Посылаю Вам несколько мелочей (в том числе — и на близкую Вашей душе тему [1]), а также наш сборник, который будет продолжен как «Ежегодник» [2]. В этом году выпускаем 1 том Свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» (Скандинавские рунические надписи [3]) и Ежегодник (Наследство Е. А. Рыдзевской [4]).

К Вам просьба покорнейшая — прислать мне список Ваших работ за 1969—1977 год и, если можно, ксерокопию статьи о международных отношениях Древней Руси (1965 г.) [5] — у нас ее нет, а я бы хотел использовать ее во 2-ом издании «Внешней политики Древней Руси».

Если появились новые посмертные публикации трудов В. А. Рязановского, то не откажите в любезности прислать и их список: я продолжаю работу над книгой об историографии русской эмиграции.

Всего хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

Н. В. Рязановский — В. Т. Пашуто

142

23 января 1970 г.

Глубокоуважаемый Николай Валентинович,
прошу извинить меня, что обращаюсь к Вам с этим письмом, не будучи с Вами лично знаком, но к тому побуждают меня интересы науки. Дело в том, что ближайшие годы я намерен посвятить изучению русской зарубежной историографии (1917-1950 гг.). Американская ее ветвь представляет для меня особенный интерес ввиду ее несомненных научных достижений.

Все это сподвигло меня обратиться к Вам с покорнейшей просьбой о содействии. Я был бы весьма признателен Вам за все сведения, относящиеся к Вашему научному творчеству. В пер-

вую очередь мне естественно хотелось бы получить полный список Ваших трудов и Вашу научную биографию. Очень хотелось бы иметь список трудов и других историков Рязановских, а также составить себе представление об их родственных взаимосвязях. Большую ценность имело бы для меня и Ваше суждение о том круге русских историков в США, чье творчество следовало бы рассмотреть в моей книге. Я отдаю себе отчет в сложности избранной темы, однако льщу себя надеждой, что помощь таких деятельных ученых зарубежья, как Вы, поможет мне выполнить задуманное. Хотелось бы надеяться, что моя просьба не окажется для Вас, глубокоуважаемый Николай Валентинович, слишком обременительной.

Желаю Вам всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

Мой адрес 〈...〉

143

7 февраля 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Большое спасибо за Ваше любезное письмо. Разрешите прежде всего воспользоваться этим случаем, чтобы поблагодарить Вас за Ваши научные труды, которым изучающие русскую историю многим обязаны.

Я польщен Вашим интересом к моим работам, хотя я понимаю, что мы стоим на разных позициях и что благодаря этому Ваш подход будет тем более критическим. Когда я возвращусь к себе в Берклей в начале сентября, я обещаю Вам прислать полный список моих трудов, а также краткую сводку жизни, научной деятельности и библиографию работ моего отца, Валентина Александровича Рязановского, который умер два года назад восьмидесяти четырех лет от роду. Отец, который приобрел мировую известность в областях монгольского и китайского права, был в свое время учеником Ключевского [1] и Виноградова [2], его первой большой работой были лекции по русскому гражданскому праву, а последней — обзор истории русской культуры в четырех книгах. (Ряд его работ, но далеко не все, указан в каталоге Ленинской библиотеки). Я Вам дам также точные указания на статьи моего младшего брата, Александра Валентиновича [3], который преподает русскую историю в Пенсильванском университете и который в порядке научного обмена занимался год в Московском университете под руководством академика Рыбакова [4].

Я написал и напечатал четыре книги: Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles (1952); Nickolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855 (1959); A History of Russia (1963, второе издание 1969); The Teaching of Charles Fourier (1969, не в области русской истории). Первые две указаны в каталоге Ленинской библиотеки, последнюю я подарил Институту истории АН СССР перед отъездом. Статей довольно много (например, в чет-

вертом томе Harvard Slavic Studies и в первом и четвертом California Slavic Studies) [5]. Один из моих бывших учеников, профессор Т. Эммонс (T. Emmons) [6] (его руководитель П. А. Зайончковский) [7] находится в этом году в Московском университете.

Оценка американских работ по русской истории большой вопрос. Я отмечаю некоторых историков в моей истории России; также в списке моих трудов будет более восьмидесяти рецензий, многие из них на американские книги.

С уважением и пожеланиями Н. Рязановский

144

18 февраля 1970 г.

Глубокоуважаемый Николай Валентинович,
примите сердечную благодарность за Ваше любезное согласие содействовать моей работе своими сведениями о биографии и библиографии семьи ученых-историков Рязановских.

Разрешите, пользуясь случаем, послать Вам мою последнюю книгу [1] и оттиски, один из которых близок к разрабатываемой Вами теме.

Желаю Вам всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

P. S. Не знаете ли Вы случайно нового адреса П. Е. Ковалевского? [2] Я писал ему в Медон, ответили, что не проживает.

145

5 марта 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Большое спасибо за Ваше любезное письмо и особенно за Ваши ценные подарки: книгу и три статьи, которые благополучно дошли до меня. И книга, с хорошей картой, и статьи мне очень интересны. В будущем надеюсь в какой-то мере отплатить Вам своими работами.

Нового адреса П. Е. Ковалевского [1] я не знаю; в новой парижской телефонной книге его нет.

Разрешите еще раз поблагодарить Вас и пожелать Вам всего самого лучшего.

Уважающий Вас Николай Рязановский

146

13 апреля 1971 г.

Глубокоуважаемый Николай Валентинович,
прошу извинить меня за то, что лишь теперь отвечаю на Ваше письмо [1] и благодарю Вас за столь важные библиографии трудов Вашего отца и Ваши [2]. Но промедлению этому были две причины,

одна — субъективная (я потерял Ваш адрес и лишь позднее получил его от Александра Валентиновича) и объективные — длительные поездки в Литву, Ленинград, Румынию. . .

Вы мне очень помогли, особенно тем, что подкрепили убеждение в научной ценности большого числа трудов, созданных русскими учеными в эмиграции.

Если могу быть Вам чем-либо полезен — пожалуйста, напишите.

Всего хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

147

21 марта 1974 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич:

Большое спасибо за экземпляр «Голоса Родины» с Вашей интересной статьей [1]. В ней было для меня много нового.

Я надеюсь поработать в Советском Союзе осенью этого года. Приятно было бы повидаться и поговорить.

С уважением и наилучшими пожеланиями, Николай Рязановский

П. Н. Савицкий—В. Т. Пашуто

148

2 января 1964[a] г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Терентьевич,

от всей души поздравляю Вас с наступившим Новым годом и желаю Вам в нем здоровья и больших творческих успехов, а также благополучия всем, кто дорог Вашему сердцу! Соберитесь еще раз в Прагу. Мы не успели поговорить о многом, что, как я полагаю, интересует нас обоих. Помимо того, я надеялся бы обновить за счет книжных «завалов» содержимое «амбарчика» небезинтересными, по надежде моей, для Вас вещами.

Буду очень, очень рад, если осуществится Ваша, очень важная для меня мысль [1], и я смогу соответствующим образом ответить западногерманским фальсификаторам.

Шлю Вам в этом конверте две машинописные копии моих «эпистолярных» произведений, лежавшие у меня на столе в момент Вашего посещения. Они предназначаются для Вашего чтения в вагоне или на самолете — не выше! Таких эпистолярных научно-публицистических «творений» я в настоящее время произвожу немало. Скажу в шутку: если будет цела малая наша планета Земелька и здешние фонды и если найдется в какой-нибудь момент будущего охотник, то он, пожалуй, сможет собрать такой писанины на целый томище. . .

Буду усердно искать «Ясу» [2] и «Поток Евразии» [3]!

Только Вы успели скрыться из глаз, как я нашел библиографическую выписку о тех книгах, которые составляют предмет

усердной моей просьбы к Вам. Обе книги вышли в издательстве «Искусство» ⟨адрес⟩ — в серии монографий-путеводителей карманного формата о городах:

1) Г. Н. Логвин. Киев. 1960;

2) Г. А. Пугаченкова. Самарканд, Бухара. 1961.

В 1963 году обе книжки были еще в продаже, но в Прагу не поступали. Буду бесконечно Вам признателен, если Вам удастся раздобыть их для меня.

Просьб вообще много: а) по возможности пораньше побывать у Вашей соседки, а моей сестрицы Анны Николаевны Кренке (квартира 394). Сказать ей, что у нашего историка,[б] а ее племянника[б] Вани [4] я побывал позавчера. Субъективное его состояние неплохое, но, конечно, тревожно очень. Окружающие говорят, что и я похудел за истекшие 12—14 дней — от тревоги. Ваня в больнице интенсивно занялся научной работой и сделал несколько интересных статистических «открытий» (сидя у него, я ознакомился с ними). Теперь у меня новое беспокойство: как бы Ваня не переборщил в своих научных[б] занятиях. Дома с курением и работой по ночам он несомненно переборщил. . .[б] Питание у них там очень хорошее[б]. Если придется к слову, расскажите сестре о «Саванароле». Судьба сложилась так, что она меня никогда не видала. Ни на секунду не забываю, что они с племянником спасли меня в тяжелые годы.

б) показать мое «Месторазвитие русской промышленности» (1932), которое теперь у Вас есть, в редакции «Истории русской экономической мысли» (Ин-т экономики АН СССР — А. И. Пашков, Н. А. Цаголов и др.; печатается Соцэкгизом) [5]. Допускаю, что полемика 1916 г. (до Вашего рождения!) с М. И. Туган-Барановским [6] («Месторазвитие», с. 114 и сл.) представит для них некоторый интерес. Очень уж курьезно!

Шпроты очень вкусны! Они весьма и весьма украсили наш семейный новогодний стол. Частично переданы и Ване в больницу, и им оценены. Сердечно благодарим за подарок!

Теперь во всем мире Вы, пожалуй, наилучший знаток евразийства! Мне кажется, что по широте кругозора даже Н. Н. Алексеев и Г. В. Вернадский не могут в этих вопросах с Вами состязаться.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам П. Савицкий

[а] Испр. вместо «3».

[б] Вписано над строкой.

149

20 июня 1964 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич,
по возвращении из США я получил информацию, что мое посредничество удалось. Вчера мне сообщили, что Вам отправлено письмо редактором «Вопросы истории» [1].

Как видите, «слово отозвалось» не одним сочувствием. Если Вам покажется нужным мое содействие в виде просмотра Вашей статьи-письма, пополнения ее библиографией и т. п. — я к Вашим услугам [2].

Поклон А. В. Флоровскому с супругой [3] и П. А. Остроухову (надеюсь, что с печатанием его статьи — все в порядке [4]).

Остальные поручения пражан постепенно тоже выполню.

Уважающий Вас В. Пашуто

Р. Смит—В. Т. Пашуто

150

7 апреля 1970 г.

Дорогой коллега,
во-первых, мы с женой приветствуем Вас и, во-вторых, у меня есть к Вам одна просьба, связанная с моей работой над книгой о русской зарубежной историографии. Хочется осветить основные ее центры, их состав и выпущенные труды, а также проследить развитие школ, направлений и взглядов отдельных ученых.

Вы знаете, что в Великобритании был один из плодотворных очагов этой историографии. Мне удалось собрать большой материал, относящийся к Д. П. Святополк-Мирскому, но хотелось бы познакомиться с материалами, связанными с изданием Oxf. Sl. Papers и с деятельностью С. А. Коновалова и его коллег. Недавно я написал ему по адресу ⟨пропуск в тексте⟩, но ответа не получил. Вот я и хочу попросить Вас при удобном случае, если можно, узнать, верен ли адрес и в каком состоянии Сергей Александрович. Буду Вам весьма признателен. Тема трудная и без помощи коллег не обойтись, тем более, что приходится спешить: последние свидетели уходят из жизни. Недавно я привез из Праги переписку А. В. Флоровского, завещанную архиву Академии наук СССР [1]. Она богата, но не дает и сотой доли того, что я узнал от него во время встречи.

Н. Е. Носов [2] вернулся полный впечатлений от того прекрасного приема, который был оказан ему у Вас.

Будете ли на конгрессе в Москве?

Всего хорошего. Уважающий Вас В. Пашуто

151

11 мая 1970 г.

Дорогой Владимир Терентьевич,
Поскольку я знаю, адрес Сергея Александровича все еще⟨...⟩. Может быть, он просто не ответил на Вашу просьбу. Говорят, что он один из самых ленивых человек в мире! Мне кажется, что может быть лучше писать Д. Оболенскому ⟨адрес⟩.

Я надеюсь посетить Ленинград для конгресса историков-экономистов в августе, но, к сожалению, у меня и у жены были разные семейные заботы и несчастья за прошлые шестеро месяцев. Оба ее родителя умерли в декабре, и я заболел несколько месяцев — поэтому дела у меня в расстройстве, я не занимался исследовательской работой уже восемь месяцев — вот почему я должен вернуться в Англию до конгресса в Москве. Я надеюсь, что Вы будете в Ленинграде и что мы встретимся.

Горячий привет Вам и жене.

Ваш Боб Смит

А. В. Соловьев — В. Т. Пашуто

152

28 февраля 1967 г.

Глубокоуважаемый Александр Васильевич,
редакция благодарит Вас за любезное согласие принять участие в сборнике, посвященном памяти А. Н. Насонова. Просим Вас представить статью в двух экземплярах, объемом 12 печ. страниц (через два интервала) [1].

Благодарю Вас за сообщение об отправке мне оттисков [2] (они еще не пришли). Прошу Вас принять от меня несколько небольших статеек.

Всего хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

P. S. Мне очень недостает списка Ваших трудов. Особенно теперь, когда занимаюсь внешней политикой. Может быть, он опубликован?

153

8 апреля 1967 г.

Глубокоуважаемый Александр Васильевич,
редакция сборника статей памяти А. Н. Насонова [1] благодарит Вас за интересную статью «Ростовские хронографы и хронограф Спаса-Ярославского монастыря». Замечаний по статье нет, кроме одной мелочи (см. стр. 4 «Давно уже выяснено, что лишь [a] три заголовка», видимо, не «лишь», а «это»?).

Покорнейше благодарю Вас за оттиски и за добрые слова. Особенно хорошо — «Reges». Я просто возрадовался, т. к. давно настаиваю на сложном характере государственной структуры Древней Руси — см. «История СССР», № 2, 1964, стр. 202,

ср. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. Оттиск статьи, правда, старый и испорченный, посылаю Вам, а книга уже вся разошлась. Поищу для Вас С. Л. Пештича [2], хотя это университетское малотиражное издание.

Всего Вам хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

P. S. Между прочим, в «свободное время» я занимаюсь Корчульским статутом (надеюсь издать как Помезанию) и за все справки о нем буду Вам весьма обязан.

[a] Подчеркнуто В. Т. Пашуто.

154

15 октября 1967 г.

Дорогой коллега (не знаю Вашего отчества),

Прошу извинить, что до сих пор не ответил Вам на любезную присылку интересной статьи о «Внешней торговле Древней Руси» и на «смиренную просьбу» прислать мою библиографию [1]. Последнее было нелегко сделать: оглядываясь на склоне жизни на 50 лет моей научной деятельности, я вижу, что я очень разбросался: напечатал более 200 статей по самым разным вопросам. Прежде всего по истории сербского и византийского права, причем занялся и сфрагистикой и геральдикой, издавал югославянские памятники права; в Сараеве занялся увлекательным вопросом о богомилах. В Женеве с 1951 г. стал заниматься русской литературой (о которой, в связи с историей политических идей, писал и раньше); особенно меня привлекает древнерусский эпос, но не забыл Достоевского и Льва Толстого. К сожалению, так и не выпустил крупного труда, кроме моей диссертации «Законодавство Стефана Душана». Б⟨еоград⟩. 1928.

Итак, я с трудом составил для Вас список моих работ по истории русского права и русской литературы, и посылаю его Вам[2].

Статья Ваша очень содержательна, но мне сдается, что в ней преувеличены связи с балтийскими славянами, несколько замалчиваются торговые связи со Швецией.

Признаться, мне смешно читать, что теперь «рассеялись византийский мираж и норманский миф». Влияние Византии было очень сильно, особенно в искусстве; существует не «норманский миф», а «норманский факт[a]» — внедрение варягов-руси из области Рослаген (Rothen/Ruthen или Roths в древних памятниках*) сперва в северную часть России, а затем в южную. По волжско-ладожскому пути поток арабских монет и изделий направлялся в Швецию и оседал там. Надо читать шведскую литературу, напр⟨имер⟩ книгу Эр. Оксенштерна, Die Vikinger, 1959 (есть и фран⟨цузское⟩ издание). Вы увидите, какое богатство оставили в Швеции варяжские купцы 9-11 веков (даже статую Будды, из Китая?).

* В Uplandslag, Ostgötalag.

Торговля северной (и южной) России находилась еще в 10-м веке прежде всего в руках норманской Руси — это факт*, а Вы не приводите сообщения Ибн-Фоцлана, ярко описавшего этих варягов-русь в Болгаре.

Прочтите мою старую статью в «Славия», 1938. В договоре 944 г. норманские имена носят 21 князь (лишь три славянских имени: Святослав, Володислав и Предслава, вероятно, все дети Игоря). Из 25 послов, лучших гридей — 23 норманских и 2 чудских имени: Искусеви и Каницар (это установил Я. Зутис, «Историк-марксист» 1941 г.); из 28 крупных купцов-работорговцев — 26 норманских и 1—2 чудских: Апубскарь и Тилена(?). С этими фактами надо считаться, это не «миф»; но к сожалению, их теперь замалчивают. Ни Шаскольский, ни Шушарин в своих бойких антинорманистских обзорах не упоминают моей статьи в «Славии», которую, однако, легко достать в любой крупной библиотеке.

На мой взгляд, это есть проявление того неумеренного славянофильства, которое овладело советской историографией со времен Сталина. Оно было понятно во время Великой войны, но сейчас, когда Сталин давно исчез, пора вернуться к объективному изложению древней русской истории, а не идти за фантазиями Б. А. Рыбакова **[a]. Надо признать, что был «норманский факт» в нашей истории, как он был в истории Англии, как был «франкский факт» в истории Франции, «визиготский» в истории Испании, а в истории Болгарии — «тюрко-болгарский факт», хотя его тоже отвергали квасные славянофилы типа Иловайского.

Об этом я, может быть, напечатаю еще новую статью, и тогда пришлю ее на Ваше суждение. Не сердитесь на меня, но я в нейтральной стране ищу только объективной истины, той, которую признавали Карамзин, С. М. Соловьев, Ключевский и Шахматов: древняя Русь была норманского корня ***, и против этого ничего не поделаешь. С этим надо примириться.

Шлю Вам самый сердечный привет и опять жалею, что нам не удалось встретиться в Варшаве в сентябре 1965 года.

Искренне Вас уважающий А. Соловьев

[a] Написано над строкой.

---

* Колбяги (Κουλπιγγοι — Kylfingar) — это особые варяжские купцы (см. Vasmer, Russisches Etym. Wörterbuch, B. I. S. V.). Старое мнение Татищева, связывавшего их с гор. Колбрегом, не выдерживает критики. На скандинавской карте 13 в. Россия еще названа Kylfingarland.

** Производить имя «Русь» от реки Рси (Ръсь/Рось) противно правилам филологии, ибо в имени «Русь» (виз. 'ϱῶς, ар. Рус) гласная долгая, как в финском Руотси (шведы).

*** У Константина Багрян⟨одного⟩ (950-е годы) на 1-м месте названия порогов ϱωσιστί (по-шведски), а на 2-м σkλαβινιστι (по-славянски). Он называет княгиню Ольгу — 'Ελγα'ϱωϑένη, значит он слышал еще шведское произношение.

155

〈14〉 ноября 1967 г.

Глубокоуважаемый Александр Васильевич,
душевно благодарю Вас за внушительный список Ваших научных трудов [1]. Список открывает мне счастливую возможность задать Вам еще один вопрос, а именно, — где читается текст о «рушком монастыре», где пребывал «русин родом» Савва. «Живот св. Симеуна. . .», 1865 этих данных как будто не содержит. Прошу Вас, если можно, сообщить мне полные выходные данные Теодосиевой биографии св. Саввы.

Рад я Вашему списку еще и потому, что в ближайшие годы собираюсь писать книгу по истории русской зарубежной историографии (по проблемам истории до 1917 г.). В этой связи я особенно дорожу возможностью получить предварительные материалы от таких ученых, как Вы, А. В. Флоровский. . . Могу ли я просить Вас дать мне совет — что читать о деятельности белградской группы русских историков. Целы ли их труды, кто входил в эту группу, есть ли комплекты журналов, отчеты о съездах? К кому еще Вы посоветуете мне обратиться, имея в виду и Париж? Хочется сделать настоящую книгу, чтобы ничто сто́ящее, настоящее не пропало для русской науки. Буду Вам весьма признателен за любую возможную помощь.

Несколько слов о миражах, мифах и фактах. Я выступаю против старой точки зрения, согласно которой создали Русь варяги, просветили византийцы, разрушили, но и спасибо им, укрепили татары. Вам, видимо, не попалась на глаза моя статья (Вопросы истории, № 10, 1959), где я поддерживаю концепцию славяно-норманского синтеза (то же ср. в сб. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965). Это и есть факт.

Кстати говоря, современный норманизм сильно изменился — см. ученый обзор новейшей историографии вопроса — И. П. Шаскольский. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке. — Труды Ленинградского Отделения Института истории АН СССР, в. 10. Л., 1967, стр. 148—176.

Простите великодушно, что отвечаю с опозданием: был в Вене — читал лекции.

Всего Вам доброго.

Уважающий Вас В. Пашуто

P. S. Зовут меня Владимир Терентьевич.

156

30 января 1968 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Вчера, пересматривая старые письма, к стыду своему обнаружил Ваше письмо от 14 ноября [1], на которое я, насколько помнится, не ответил. Прошу меня простить за забывчивость.

1. О русине, уведшем Савву в монастырь, [a] пишет Теодосий [a]:

«не инь кто, нь Роусинь, онь чрьньць отвель его есть» и раньше: «слоучи же се единь от нихь Роусинь родом», с ним Савва «вышьль есть вь Роушьскый монастырь... Роускы монастырь вьнидоше» (изд. Даничича[б], под ошибочным заглавием: Доментиан[б], Живот св. Саве. Београд 1860, тогда как это писал Теодосий). Доментиан же пишет: «Обретоше й вьсельша се в Светую Гору вь домь св. Паньтелеимона вь Роусьскый монастырь» и «вь Роушьскыи монастырь». Доменти⟨ан⟩[б], Животи, издао Даничић[б], Београд 1865, стр. [а]27 и 124[а]. О форме «рушьский» см. П. А. Лавров[б] в «Иряс АН», т. I (1928), стр. 40—41.

2. Вы предполагаете писать книгу по русской зарубежной историографии. Это прекрасно, но подождите. Сейчас этим занимается целый комитет в Париже. Во главе его стоит инж⟨енер⟩ Вечорин, которого я не знаю. Но членом комитета состоит милый проф. Петр Евграфович Ковалевский[2], автор недурной «Русской Истории» на французском языке. Адрес его ⟨...⟩. Он сможет Вам дать много интересных сведений.

Что касается деятельности белградской группы русских историков (и историков права), то их работы печатались в [а] «Трудах III-го Съезда русских ученых в Белграде» (1929[а], первые два съезда были в Праге), с 1929 г. в [а] «Записках Русского Научного Института в Белграде» [а] (в нечетных выпусках, с 1929 по 1941 г.) и в [а] «Сборниках Русского Археологического Общества» в Югославии (3 тома) [а], наконец, в «Семинариум Кондаковианум» (т. I—X были изданы в Праге, т. XI и [а]«Заметки к Слову о полку Игореве» вып. 2-й в Белграде в 1941 г.) [а] [3]. С приходом немцев вся научная деятельность прекратилась, а в окт⟨ябре⟩ 1945 г., когда сов⟨етские⟩ войска заняли Белград, новые власти сожгли все эти издания во дворе Русского дома (где помещалась русская гимназия, Научный институт, театр и комиссия по делам русских беженцев). Мы тогда полагали, что хоть несколько экземпляров этих изданий были отправлены к Вам, в столичные библиотеки. Поищите их. Особенно ценными были еще два тома [а] «Библиография трудов русских ученых за границей» [а] (т. 1-й Б. 1931, т. 2-й. Б. 1941). У меня ничего из этого не сохранилось.

У меня к Вам просьба. Знаю, что в 1922 была переиздана Тверская летопись (Полное Собр⟨ание⟩ Р⟨усских⟩ Лет⟨описей⟩, т. XV-й) по рукописи 1450-х годов, гораздо древнее той, по которой было сделано первое издание 1863 г., которое здесь есть, а нового издания я найти не могу. Пожалуйста, посмотрите в нем, что сказано под 1380 г. о Куликовской битве (в этом втором издании) и сообщите мне хоть вкратце. Премного буду Вам благодарен.

Примите самый сердечный привет от искренне Вас уважающего

А. Соловьева

[а] Подчеркнуто В. Т. Пашуто.

[б] Подчеркнуто А. В. Соловьевым.

157

20 марта 1968 г.

Глубокоуважаемый Александр Васильевич,
весьма признателен Вам за ценную информацию о парижской историографической группе и о Савве [1]. Последнего сразу же включил в корректуру книги о внешней политике древней Руси, над которой сижу не разгибая спины целыми днями.

Прилагаю фотокопию интересующего Вас отрывка Тверской летописи (стр. 437—440). Если нужно что-нибудь еще — пишите, всегда буду рад Вам споспешествовать.

Всего Вам хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

158

29 мая 1968 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,
получил Ваше милое письмо и сердечно благодарю Вас за желание помочь мне [1]. Но это больше не нужно. Я когда-то прочел в Slavia заметку Седельникова о том, что в 1922 г. вышло издание Тверской летописи по списку XV-го века. Т. к. в старом издании Тв⟨ерской⟩ л⟨етопи⟩си (1853 г [2].) под 1380 г. помещены отрывки из «Задонщины», то мне хотелось выяснить, что же находится в р⟨укопи⟩си XV века. Я обратился и в Варшаву, и оттуда получил фотографии нескольких страниц изд⟨ания⟩ 1922 г. Оказывается, это и есть «Рогожский летописец» и в нем под 1380 г. помещен обычный летописный рассказ о битве (под заглавием «Битва на Вожѣ»). Следовательно, внесение «Задонщины» в Тверскую л⟨етопи⟩сь произошло позже.

Прошу принять выражения моей благодарности и искреннего уважения.

Ваш А. Соловьев

159

18 ноября 1969 г.

Глубокоуважаемый Александр Васильевич,
Весьма огорчен Вашим письмом [1]. Историк, далекий от традиционных тем и путей в науке, житейски Вы двинулись по истоптанной тропе — печень — желчный пузырь. . . Пишу так потому, что сам сижу на омерзительной диете и утешаюсь тем, что лучшие полотна и романы написаны голодными обитателями мансард. Надеюсь, что благодатный горный климат поможет Вам быстрее одолеть последствия недуга.

Письмо Ваше нашел, вернувшись из Праги [2], где по завещанию Антонина Васильевича Флоровского занимался разбором его архива и отправкой на Родину, в Академию наук, переписки

и еще не опубликованных трудов, прежде всего, конечно, «Россия и Австрия при Петре I» [3]. Встречался с Остроуховым, Максимович и др.

Насоновский сборник еще лежит в издательстве [4]. По составу он весьма интересен, но выйдет в свет едва ли ранее 1971 г.

Мы с Черепниным и Новосельцевым сдали в печать книгу об особенностях развития раннесредневекового общества на Руси, на Кавказе и в Прибалтике. Сейчас кончаю книгу об Остфоршунге и собираю материал по внешней политике Руси по русской зарубежной историографии. Дел много, годы мелькают, голова седеет. . .

Жму Вашу руку и желаю Вам всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

Если Вам попадутся на глаза какие-нибудь известия о новых публикациях по истории русской зарубежной историографии — соблаговолите сообщить мне. Вы сами не думаете написать воспоминания?

160

6 февраля 1970 г.

Глубокоуважаемый Александр Васильевич,

в свое время Вы любезно указали мне адрес профессора П. Е. Ковалевского [1], как человека, могущего быть мне полезным в изучении русской зарубежной историографии. Недавно я написал ему, но из Медона мне ответили, что там он не проживает. Вероятно, он переменил место жительства.

Прошу Вас, если Вы располагаете новым адресом П. Е. Ковалевского, сообщить мне его.

Недавно я закончил разбор переписки А. В. Флоровского, которая оказалась очень содержательной, ибо охватывает довольно значительный ареал Европы и США.

Надеюсь, что Вы уже здоровы.

С глубоким уважением В. Т. Пашуто

161

16 февраля 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

сегодня получил Ваше письмо [1] от 6 февраля и немедленно отвечаю. Адрес Петра Евграфовича Ковалевского теперь: 〈. . .〉. Он сейчас выпускает второе, пополненное издание своей «Истории России» на франц〈узском〉 языке.

Мое здоровье поправилось, но как-то лень стало заниматься. Недавно перечитал Вашу книгу «Внешняя политика Древней Руси» и восторгался богатырством всех данных и библиографических указаний. Вы прочли и использовали все, что можно было найти по этим вопросам. От души желаю Вам дальнейших успехов.

Наша унив⟨ерситетская⟩ библиотека так плохо снабжена русскими книгами, что руки опускаются.

Не можете ли Вы мне прислать на прочтение (я Вам сейчас же верну) два оттиска А. А. Зимина, напечатанные в «Ученых записках [a] Чувашского Института» в 1966—7 гг.? Очень буду Вам благодарен.

Искренне Вас уважающий А. Соловьев

Не можете ли Вы сообщить мне адрес (и имя-отчество) В. И. Стеллецкого, переводчика «Слова о полку Игореве»?

[a] Исправлено вместо «Известиях».

162

14 мая 1970 г.

Глубокоуважаемый Александр Васильевич,
разрешите направить интересующие Вас микрофильмы статей, опубликованных в «Ученых записках» научно-исследовательского Института при Совете Министров Чувашской АССР.

Всего хорошего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

163

2 июня 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Сердечно благодарю Вас за любезно присланный Вами микрофильм статей А. А. Зимина. К сожалению, когда я в Унив⟨ерситетской⟩ Библиотеке вложил его в большой аппарат (при помощи специалиста), фильм не дал никакого изображения — одни пустые страницы, даже без всяких строчек. Не знаю, вина ли это аппарата (хотя другие фильмы на нем дают четкое чтение) или самого фильма. Во всяком случае, очень благодарю Вас за хлопоты; сегодня послал Вам как «уздарье» (говоря по-сербски) книжечку о вышивке из собора в Байе. Она прекрасно изображает норманнов 1066 г., их морской поход, червленые щиты и метание копий. Подумать, что 8 тысяч витязей (при них еще тысяч 8 отроков и слуг) было достаточно, чтобы завоевать организованное королевство, в котором по переписи 1080 г. оказалось 1 800 000 населения (Doomsday—Book). Итак, меньше 1 % воинов достаточно, чтобы подчинить 100 % населения. Это меня невольно наводит на мысль о «находниках» (=invasores) и вспоминаю «варягов, дедов лихих, кем русская слава подъята» (А. К. Толстой). Но сейчас об них не следует упоминать. Шлю самый сердечный привет.

Искренне Вас уважающий А. Соловьев

Н. Н. Соловьева — В. Т. Пашуто

164

18 февраля 1971 г.

Милостивая государыня,
с глубокой скорбью узнал я, воротившись в Москву из длительной командировки, о кончине Александра Васильевича, имя которого неразрывно связано с историей русской медиевистики [1].

Примите мое сердечное соболезнование.

Был бы весьма признателен Вам за материалы, относящиеся к биографии Александра Васильевича, которыми можно было бы воспользоваться при написании некролога. Я глубоко убежден, что и архив и переписка такого крупного ученого, как Александр Васильевич, имели бы значительный интерес для истории нашей отечественной науки. . .

Уважающий Вас В. Пашуто

165

1 марта 1971 г.

Многоуважаемый профессор,
только что вернулась в Женеву и нашла Ваше письмо от 18 февраля, которое меня очень тронуло [1]. Очень благодарна Вам за желание написать некролог и прилагаю к этому письму краткую биографию и библиографию трудов Александра Васильевича [2]. В начале февраля я написала проф. Д. С. Лихачеву письмо: с запросом о возможности передачи на хранение в Институт русской литературы АН некоторых рукописей и заметок Ал⟨ександра⟩ Вас⟨ильевича⟩, но ответа пока не получила.

Должна добавить, что рукописи, заметки и переписка А. В. мною еще не разобраны — это представляет большую работу. Как только приведу все это в порядок, сообщу Вам.

Прошу принять мой сердечный привет.

Искренне уважающая Вас Н. Соловьева

166

15 апреля 1971 г.

Милостивая государыня,
благодарю Вас за все присланные материалы, относящиеся к биографии Александра Васильевича. Я сейчас пишу некролог [1] и в этой связи прошу Вас, если можно, сообщить мне имена тех его учеников, которых следовало бы отметить, а также сказать, принимал ли Александр Васильевич советское гражданство.

Ваша готовность передать Академии наук рукописное наследство Александра Васильевича заслуживает полной поддержки. В конце концов, всему написанному людьми, воодушевленными идеей блага России, — место в ее архивах. Лично мне было бы

очень важно получить от Вас фотографию Александра Васильевича (как можно менее официальную); нечего и говорить о том, какую ценность имеют точно атрибутированные фотографии деятелей русской зарубежной науки; вероятно, таких фотографий немало в архиве Александра Васильевича.

Меня зовут Владимир Терентьевич, будьте добры, сообщите мне Ваше имя и отчество.

Всего Вам хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

167

30 апреля 1971 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,

Получила Ваше письмо от 15 апреля, за которое сердечно благодарю Вас. Очень благодарна Вам также за то, что пишете некролог Ал. Вас. Если Вам нужны еще какие-либо сведения, пришлю Вам имеющиеся у меня данные. Вкладываю в это письмо три любительских фотографии; у меня, конечно, имеются еще и другие, но просто не в состоянии сейчас искать. [a] С утра до вечера работаю над рукописями и заметками Ал. Вас. Перебираю тысячи и тысячи страниц, написанных им на различных языках и на разные темы. Очень трудно все привести в полный порядок. Откладываю разные работы и заметки для АН СССР, для Сербской АН, для Междунар. Ак. геральдики и т. д. Собираю еще неизданные работы, разные черновики [a].

Относительно учеников Ал. Вас., которых было очень много, пожалуй, могу назвать только одного, который выбрал карьеру ученого, а именно Р. В. Плетнева, находящегося в Канаде и занимающегося главным образом русской литературой. Конечно, некоторые его ученики работают на юридическом факультете в Белграде; мне кажется, что теперешний декан этого факультета, проф. Денкович, был учеником А. В. Да, его же учеником был проф. Илья Голенищев-Кутузов, скончавшийся в Москве в 1969 году. В Москве работает бывший ученик А. В. Л. С. Гребенщиков — член академ⟨ии⟩ наук, но он работает в другой области, кажется — ботаника. Много учеников живут в разных странах, я не знаю, кто и где именно. Родная сестра Ал. Вас. (она еще жива и старше А. В. на два года) замужем за Д. Беклемишевым, его родной брат В. Беклемишев скончался в Москве, он был долгие годы профессором (биология и ?). Как Вы видите, родной дед Ал. Вас. по матери был П. Н. Рыбников, — известный собиратель былин. Моя урожденная фамилия Раевская, о ней писал Пушкин. Мое имя и отчество: Наталия Николаевна. Мой отец был в свое время председателем совета присяжных поверенных в Петрограде. Его отец Н. И. Раевский был известным педагогом, директором гимназии, по его учебникам училось несколько поколений (география и естественные науки).

Ал. Вас. скончался, будучи швейцарским гражданином, так же как Герцен.

Вкладываю еще в это письмо копию некролога-статьи, которая должна появиться в Archivum Heraldicum, мне кажется, что она очень хорошо написана.

Еще раз большое спасибо за все.

Сердечный привет Вам и всем Вашим.

Искренне уважающая Вас Н. Соловьева

а—а Подчеркнуто В. Т. Пашуто.

168

10 июня 1971 г.

Глубокоуважаемая Наталия Николаевна,

я был чрезвычайно обрадован, найдя по возвращении из Берлина Ваше любезное письмо и две объемистые папки с материалами архива Александра Васильевича [1]. Сердечно Вас благодарю. Присланные Вами материалы будут внесены в специальный акт для передачи в Архив Академии Наук СССР. Копия акта будет Вам тотчас же выслана.

Вероятно, в архиве Александра Васильевича осталось немалое количество оттисков и ныне исчезнувших или трудно доступных книг русских зарубежных изданий, представляющих первостепенный интерес. Вы легко можете представить, какое значение имеют эти материалы для меня, изучающего русскую зарубежную историографию. Хотелось бы надеяться, что они в течение некоторого времени останутся у Вас.

Всего Вам хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

169

6 июля 1971 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,

Сердечно благодарю Вас и П. В. Волобуева [1] (не знаю его имени и отчества) за письмо от 17 июня, которое получила несколько дней тому назад. Рада, что все, посланное мной, дошло благополучно и теперь будет храниться в Архиве Института. Было бы совершенно неправильным держать все рукописи и заметки Ал. Вас. у себя. Еще раз пересмотрю все, что разобрала, подобрала и привела по своему усмотрению в порядок и, возможно, что найду еще некоторые материалы, которые смогу выслать в Институт истории АН.

Предполагаю остаться здесь до середины сентября, а затем уехать к сыну на несколько месяцев. Конечно, не повезу с собой всех «писаний» Алекс. Вас., оставлю все в Женеве и по возвращении сюда снова буду заниматься рукописями. Следовало бы издать некоторые незаконченные или полузаконченные вещи, но это очень трудно, так как надо было бы найти людей очень сведущих и, конечно, честных. Надо было бы принять также

во внимание, что Ал. Вас. писал на данную тему и что писали другие за последние годы. Многое написано на франц⟨узском⟩ языке и о «богомилах и катарах», об «идее славянства», о «русском средневековом эпосе» и т. д.

Какие у Вас планы на лето? Вероятно, поедете куда-нибудь отдохнуть.

От всей души желаю Вам всего хорошего и сердечно приветствую Вас и П. В. Волобуева.

Искренне уважающая Вас Н. Соловьева

170

20 сентября 1971 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,

в скором будущем собираюсь уехать к сыну на несколько месяцев. По возвращении снова займусь пересмотром материалов, оставленных Александром Васильевичем. Вероятно, с Вашего разрешения пришлю Вам еще некоторые рукописи, заметки и письма (научная корреспонденция). Предполагала сделать это еще до моего отъезда, но было много всякого дела, гостили у меня родственники и несколько раз уезжала из Женевы.

Все материалы А. В. разложены по папкам, все хранится у меня в шкафу.

Интересуют ли Вас рукописи, написанные на французском или других иностранных языках?

От всей души желаю Вам здоровья, сердечно приветствую Вас и П. В. Волобуева.

Искренне уважающая Вас Н. Соловьева.

171

7 октября 1971 г.

Глубокоуважаемая Наталья Николаевна,

Ваше милое письмо я воспринял прежде всего как свидетельство Вашего желания содействовать разработке истории русской зарубежной науки и как проявление доверия, которым весьма дорожу. Конечно, и наш Институт (Павел Васильевич [1] со своей стороны просил Вас благодарить и передать Вам наилучшие пожелания), и Архив Академии Наук СССР, и, конечно, я, собирающий материал для книги «Феодальная Россия в русской зарубежной историографии», будем Вам только благодарны за присылку любых материалов (на любом языке), связанных с жизнью и научной деятельностью Александра Васильевича. Мне бы очень хотелось написать книгу, в которой я наряду с традиционными научно-историческими аспектами отразил бы и жизнь людей, пусть волею судеб оторванных от Родины, но вложивших в свои труды неугасимую любовь к ней. Напишите мне, если найдется время, о круге научных связей Александра Васильевича, о людях, которые еще трудятся и могут сообщить что-либо относящееся к нему.

С искренним уважением В. Пашуто

172

12 февраля 1974 г.

Глубокоуважаемая Наталья Николаевна,
сейчас у нас готовится к выходу в свет сборник «Летописи и хроники», в котором публикуется статья Александра Васильевича «Ростовские хронографы и хронографы Спасо-Ярославского монастыря» [1]. Из прилагаемого письма Вам станет известен характер этого издания, посвященного А. Н. Насонову, и я надеюсь на Ваш положительный ответ.

Пользуясь случаем, разрешите послать Вам экземпляр газеты «Голос Родины» и выразить надежду, что Вы не посетуете на меня за сказанное о том, что сделано Вашей семьей для отечественной науки.

С искренним уважением В. Пашуто

173

18 марта 1974 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,
из Вашего письма от 12 февраля 1974 г.[1] с большим удовлетворением узнала, что в сборнике «Летописи и хроники» будет опубликоваться статья Александра Васильевича «Ростовские хронографы и хронографы Спасо-Ярославского монастыря» [2].

После ознакомления с приложенным к Вашему письму письмом академика Рыбакова [3] (от 12.2.1974 г.), конечно, выражаю Вам мое согласие о безгонорарном издании этой статьи. С интересом прочла Вашу статью в приложенной к Вашему письму газете, благодарю Вас за все, сказанное об Александре Васильевиче, и считаю, что такая статья была бы даже более предназначена для опубликования в каком-либо научном периодическом издании.

Буду Вам очень благодарна, если сможете прислать мне оттиски статьи А. В., за что сердечно благодарю Вас заранее.

Желаю Вам всего наилучшего.

Уважающая Вас Н. Соловьева

P. S. Передайте, пожалуйста, мой привет проф. Б. Рыбакову.

174

20 мая 1974 г.

Глубокоуважаемая Наталия Николаевна,
пишу Вам это письмо под свежим впечатлением от книги Александра Васильевича, посвященной истории славянских прав [1]. Дело в том, что я готовлю книгу о Корчульском статусе и, естественно, заинтересовался всем, написанным Вашим супругом, — зачинателем серьезной разработки этого примечательного памятника. «Преподаванја из историје словенских права», изданная на правах рукописи, мне впервые попала на глаза здесь, в Праге [2], где я готовлю и Корчулу, и книгу о русских историках-эмигрантах.

Так что труд Александра Васильевича оказался на стыке обеих занимающих меня тем.

Книга весьма содержательна и я в который раз пожалел, что так мало знаю о творческой лаборатории автора. Она почти недоступна, если не можешь сравнить по черновикам этапы складывания книги и сопутствующей ей переписки.

Одно из Ваших прежних писем порождает у меня вопрос: как Вы предполагаете распорядиться архивом Александра Васильевича? Ведь и черновики, и книги, и оттиски, и письма имеют непреходящее значение и для истории науки, и для полноценной биографии ученого? Простите, что я касаюсь этой темы, но здесь говорит профессиональный долг. Слишком много на моей памяти пропавших архивов. Нужно ли говорить о том, что именно на Родине в Архиве Академии наук будет обеспечено и изучение и надлежащее хранение архива.

На днях получил письмо от В. А. Мошина, который любезно обещает сыскать для меня затерявшуюся рукопись Корчульского статута [3]. В октябре он отмечает, как, конечно, Вам известно, свое восьмидесятилетие, при том готовит к печати две публикации.

Желаю Вам всего хорошего.

Извините за ошибки: осваиваю машинку.

Уважающий Вас В. Пашуто

175

2 июня 1974 г.

Многоуважаемый профессор,

Получила Ваше письмо от 20 мая [1] с большим опозданием, так как меня не было в Женеве. По возвращении было много разных дел и надо было посещать разных больных друзей.

Что касается архива Александра Васильевича, то очень многое, как Вы знаете, послала проф. Лихачеву, большую часть послала также в Сербскую Академию Наук и очень немногое, написанное по-французски, например черновики лекций по истории Византии, которую А. В. читал здесь, передала Женевскому университету. Как только смогу, снова начну перебирать научное наследие А. В. и, если найду что-нибудь, могущее Вас заинтересовать, — пришлю Вам. Оттисков его статей у меня больше нет, за исключением трех, которые Вам и высылаю, хотя эти небольшие статьи написанные не по-русски, они вышли в свет уже после смерти Ал. Вас. Один экземпляр каждой его работы, конечно, храню у себя. Что касается библиотеки А. В., то многое мне удалось продать частным лицам, небольшое количество — в библиотеку университетов, но осталось еще много к продаже [a], особенно на сербском яз. (по истории права), а также сербские научные журналы и советские книги по древне-русской литературе. Конечно, многие книги оставила себе. По поводу затерявшейся рукописи Ал. Вас. о Корчульском статуте у меня была переписка с В. Мошиным, но результаты безуспешные: рукопись куда-то пропала, переписываюсь по этому поводу и с профессорами Загребской Академии

наук. В этой Академии хранится также большая работа Ал. Вас. «Русский средневековый эпос» (с иллюстрациями) на сербском языке, исполненная* в свое время Ал. Васильевичем, и которую Загребская Академия собиралась издать. По этому поводу также несколько раз переписывалась с загребскими профессорами и с В. Мошиным, но в конце концов он написал мне, что эту работу Ал. Вас. печатать не будут, так как она устарела! Это, конечно, меня очень огорчило. К счастью, у меня хранится копия этой работы.

Простите, что написала Вам письмо скверным почерком и с помарками, но очень тороплюсь.

Сердечно приветствую Вас.

Уважающая Вас Н. Соловьева

Вписано над строкой

176

23 марта 1977 г.

Многоуважаемый Владимир Терентьевич,

Получила Вашу книгу о Корчуле [1], которую теперь читаю. Конечно, такую научную историко-юридическую книгу нельзя читать быстро и я ведь не специалист по этому вопросу. Когда Ал. Вас. занимался этим вопросом, он ездил по Далмации и работал в архивах и много ходил пешком к местным жителям, выискивая у них разные бумаги, документы, грамоты, которые у них могли сохраниться. Когда вернулся домой, я помогала ему разобрать весь материал и много для него печатала на машинке, так что имела представление, о чем идет речь. Ваша книга очень хорошо составлена и очень ценная, как грустно, что Ал. Вас. не дожил до появления Вашей работы, он бы с таким интересом прочел ее. Ему было 80 лет, когда он скончался, но голова у него была светлая очень долго и когда он уже путал часы, не понимал, ночь ли это или день, не знал, видел ли он меня и когда и т. д., он все-таки отвечал докторам, задающим ему научные вопросы (литература, искусство, история, геральдика, музыка) совершенно точно и указывал даже даты. Еще раз сердечно благодарю Вас за то, что вспомнили меня и прислали Вашу столь ценную работу. Приветствую Вас и желаю всего хорошего.

Искренне уважающая Вас Н. Соловьева

И. И. Удальцов — В. Т. Пашуто

177

1 июня 1974 г.[1]

Дорогой Иван,

полтора месяца пролетели и можно оглянуться. Итог вполне соответствует прогнозу моего старого друга (ты можешь, выйдя на пенсию, работать футурологом): прочитана одна лекция в Карловом у⟨ниверсите⟩те [2], оформлено сотрудничество с Институтом

ч⟨ехо⟩сл⟨овацкой⟩ и всеобщ⟨ей⟩ истории [3] в издании Корпуса источников, получено еще пять коробок эмигрантских архивов [4], состоялась встреча с болгарскими и местными византинистами, налажена устойчивая работа в трех архивах, написана статья, завершается книжка о Корчуле [5] и собирается отличный материал о белых. Но все идет в таком темпе, что мой привыкший к сопротивлению материала организм, окутанный всеобщей нежностью, испытывает какую-то недостаточность упругости окружающей среды и если бы не Татка, сильно затосковал бы.

А сама среда, видимо, страшно перегружена: директор Ч⟨ехо⟩-сл⟨овацко⟩-сов⟨етского⟩ института [6] все еще не может урвать четверти часа для беседы, в Институте истории искусств у сотрудницы болен ребенок и потому я все еще не притрагивался к архиву Кондакова [7], на первомайскую демонстрацию заехал за нами сопровождающий слишком поздно — коллектива мы не нашли и потому бодро прошли мимо трибуны отдельной колонной вслед за внушительной группой из пяти свободных португальцев — славных и ликующих ребят. О моей лекции как-то запамятовали, и утром я сам с вымытой шеей звонил дочери Кжижека [8], чтобы меня тоже взяли, иначе кто же будет читать. Тогда выяснилось, что все обо мне думали, зазвонили, отвезли: но приехал я на свою лекцию первым, а потом за полчаса разыскали и других участников. Зато было задано много вопросов, свидетельствующих о живом и неподдельном интересе к русской истории, которая в университетской программе сильно сократилась, а до 1861 г. читается вообще в рамках всеобщей истории, имея один спецкурс по времени твоего грозного тезки.

Все очень любезны и с большой заботой отправят нас 5.6 по маршруту: Брно—Братислава—Кошице, будут и встречи, и беседы. И прочие условия отличные для работы: квартира в отеле у самого Белогурского парка (о ней заботится Академия вед [9]), оклад близок к московскому. В парке в двух шагах зайцы, белки, разные ручные поющие птахи...

Одно меня беспокоит: Архив МИД. Я говорил с Сергеем Ивановичем [10]. Он славный человек и очень помог мне своими советами, но не знаю, успел ли он в страшной прощальной перегрузке позвонить в МИД наш о желательности допуска. Ива, как бы сделать, чтоб Сергей Иванович попросил И. Земскова [11] (который меня знает), чтоб он или кто другой известил Посольство, разрешая ему обратиться в местный МИД о моем допуске. Речь идет о нескольких фондах: Вторая секция, Русская акция помощи — Фонд Нансена — Церковные дела — Украинский комитет — Политические документы (кабинет Прокоповича и др.) — Русские и украинские беженцы; Третья секция. Русская эмиграция [12].

Буду весьма благодарен, если поспешествуешь.

Основываясь на нашей заинтересованности в собирании документов (Серг⟨ей⟩ Ив⟨анович⟩ знает о ней), я подумываю, а нельзя ли, не кустарничая, постепенно составить общий перечень таких

материалов, часто инородных для местных хранилищ и поставить вопрос об их дружеской передаче, скажем ЦГАОРу, где многое из Праги уже есть?

Если ко всему я добавлю, что здесь цветет, что Прагу мы изучаем, поделив на квадраты, а Татка [13] с помощью двухтомного словаря и учебника уже составляет довольно длинные фразы из слов в именительном падеже и инфинитиве, которые вызывают почтительное недоумение слушателей, то станет ясно, что Аня [14] тоже верно предсказала наше полное интереснейших впечатлений будущее.

Поклон всему Вашему семейству, за любую, пусть самую коротенькую, эпистоль будем воздавать хвалы.

Это письмо отправляю с Геннадием Григорьевичем Литавриным [15], доктором, секретарем парткома института Володьки Королюка [16], который, как Вам, наверное, известно, опять занедужил.

Обнимаем. Ваши Н. и В.

Д. Феннелл — В. Т. Пашуто

178

11 октября 1977 г.

Дорогой коллега,
у меня к Вам огромная просьба. Работая над книгой по историографии русской эмиграции, я крайне заинтересован в получении некоторых историографических данных, по-видимому близких кругу Ваших интересов.

Это, во-первых, биография и список трудов профессора С. А. Коновалова [1], и, во-вторых, статьи или книги о русских историках-эмигрантах в Англии 1920—1945 гг. (это конечная дата моей книги), о деятельности русского народного университета [2] и т. п. За все библиографические данные по этому вопросу я буду Вам весьма признателен. Со своей стороны готов споспешествовать Вам, чем могу.

Всего хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

179

27 октября 1977 г.

Дорогой коллега,
вот все сведения, которые я мог собрать для Вас. Во-первых, прилагаю все сведения о С. А. Коновалове и список его трудов [1]. Во-вторых, включаю титульные листы библиографий Crowther и Shapiro [2] — в них Вы найдете все, что напечатано о России по-английски, так же как и список трудов Loewenson'а и Meyendorft'а [3]. Если Вас интересует Павел Виноградов (Paul Vinogradoff) [4], то Вы найдете его биографию в его посмертных Collected Papers (1927). Что касается «русского народного университета»,

который Вы упоминаете [5], к сожалению, я никогда не слыхал о нем!

Надо сказать, что я обязан T. S. G. Simmons этими сведениями — так что пожалуйста, упомяните его!

Всего хорошего.

Уважающий Вас Дж. Феннелл

180

11 ноября 1977 г.

Дорогой коллега,

огромное спасибо за отличные библиографические справки о С. Коновалове [1]. Разумеется, все будет мною оговорено. Хронологические рамки моей книги 1920—1945 гг., но для некоторых серьезных ученых они шире (до конца творческого пути). По данным П. Е. Ковалевского, Русский народный Университет существовал в Англии в 20-ые годы.

Всего хорошего. Ваш В. Пашуто

А. В. Флоровский — В. Т. Пашуто

181

15 сентября 1962 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Искреннее спасибо за любезную присылку Вашей важной статьи о «Соборности древней Руси» [1]. Ваш анализ древне-русских понятий вече, собор и т. д. чрезвычайно ценен и полезен.

Я хорошо знал покойного Мстислава Вячеславовича Шахматова (он умер в 1943г., родной племянник акад⟨емика⟩ А. А. Шахматова). Это был восторженный поклонник старой Руси — в своем своеобразном ее понимании, неисправимый фантаст дворянско-усадебного типа и проповедник «самобытничества». Работал очень усердно и много знал и собрал. Интересна в этом смысле и его вторая большая работа об «Исполнительной власти в Московском Государстве», 3 выпуска, Прага, 1935—1937 — о приставах [2].

С наилучшими пожеланиями Ваш А. Флоровский

182

февраль 1964 г.

Глубокоуважаемый Антонин Васильевич

Приветствую Вашу милую супругу и Вас и посылаю Вам три тома Соловьева, относящихся к Петру [1].

П. А. Остроухову прошу передать, что его статья получила положительный отзыв [2], о чем он будет в ближайшее время извещен.

П. Н. Савицкому прошу сообщить, что его сестру я нашел в отличном виде и все новости передал [3]. Разумеется, обоим — мой поклон. Это все, что я пока сделал. Остальное — находится в производстве.

Да, еще сборник в честь Б. Б. Кафенгауза [4] уже в верстке и потому «статейку» Вашу туда включить невозможно, почему бы Вам не послать ее в журнал «История СССР» (заведующая отделом феодализма — Наталья Александровна Горская) [5].

Всего хорошего.

Уважающий Вас В. Пашуто

183

10 марта 1964 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Бесконечно признателен Вам за присылку трех томов Соловьева [1], я теперь в огромном долгу перед Вами — если что-либо книжное или иное Вам в Праге будет нужно — готов всемерно Вам помочь.

Свою заметку о «Статейке» 1725 г. попробую послать в «Историю СССР» по указанному Вами адресу [2]. Авось окажется интересной для этого издания.

И П. Н. Савицкому, и П. А. Остроухову все Ваши поручения передал [3].

Сейчас с интересом читаю «Славяно-германские исследования» [4]. Очень интересен обзор Шушарина. Но почему он русских, работающих вне СССР, зачисляет — по языку и месту действия — то в английских, то затем — германских ученых?! Ведь все они представляют русскую[a] науку и подлежат учёту в ее[a] рамках. Ведь и Шаляпина оттого, что он жил во Франции — можно было бы так объявить французским певцом, Стравинского — американским композитором и т. д. Так придется и Ростовцева [5], и Васильева [6], да и Мечникова [7] и С. Ковалевскую [8], а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ и Герцена вычеркнуть из истории русского[a] влияния в мировой истории и культуре! Надо бы все это подобрать воедино. Я бы применил к этой Руси вне СССР выражение Константина ἔξω‘Ρωσία — Русь внешняя [9], но все же — Русь. Это — только командировка за пределы СССР — и вынужденная, и добровольная, но все же все это — русское творчество. Да, встречаются и вполне денационализированные субъекты, но их не так много.

При случае — передайте привет Н. Д. Ратнер [10].

Валентина Афанасьевна [11] и я кланяемся, конечно, Вашей супруге, хотя и не имеем о ней никакого представления. Блондинка? Брюнетка?

С наилучшими пожеланиями дружески жму Вашу руку.

Ваш А. Флоровский

[a] Подчеркнуто А. В. Флоровским.

184

13 января 1965 г.

Дорогой Владимир Терентьевич,

Сердечное спасибо за память и пожелания — и от Валентины Афанасьевны [1] и от меня. Взаимно желаем Вам всем — всего доброго. — Я лично вторую половину прошлого года вел себя очень скверно — заболел, потерял много крови, получил четыре раза переливание чужой крови и, наконец, операцию. К счастью — ничего злокачественного не нашли. Но из колеи был выбит и сейчас еще работаю только дома. Отстал и от новых журналов и новых книг и ничего Вашего нового не видел. Но зато — почти кончил переписку своей работы о дипломатии Петра I.

Только по названию знаю о новых книгах — Королюка — Западные славяне и Киевская Русь [2] и Шекера Міжнародні Зв'язкі Київскоі Руси, Київ, 1963, стр. 200. Что собой представляет эта вторая книжка? Киевские издания сюда почти никогда не попадают. А киевские коллеги — не отвечают на запросы!

П. Н. Савицкий здравствует. Но он так завален работой по переводам, что не может оторваться от нее для иных дел, а нужно зарабатывать и кормиться. На днях П. Н. посылает Вам раздобытые две книги, не знаю, что именно.

Передайте при случае наш привет Н. Д. Ратнер.

Еще раз большое спасибо и всего наилучшего.

Ваш А. Флоровский

P. S. Предполагаете ли Вы поехать на конгресс историков в Вене? И как вообще организуется участие СССР в его работе?

185

1 августа 1965 г.

Дорогой Владимир Терентьевич,

В Вашем письме от 19.VII[1] мне не все понятно. Рукопись моей статьи «Две Империи» для сборника Л. В. Черепнина [2] Вы получили одновременно с моим письмом от 20.VI[3]. Между тем сообщаете мне и новый срок присылки статьи — к 20. VIII. Как это понимать? Может быть, надо прислать другой экземпляр? Величина? Я старался по возможности стиснуть, но если все же много — сократите или пустите петитом. П. Н. С⟨авицкий⟩ [4] мне сказал, что он не получал «Заказа от журнала» и поэтому и не мог никому ответить. О каком журнале идет речь? [5]

Вы наверное уже знаете, что П. А. Остроухов [6] 14. II. умер — видимо, рак легких. Хорошо, если бы хотя бы посмертно вышла в свет его статья, он ее судьбою последнее время очень интересовался [7]. (Краткий некролог П⟨етра⟩ А⟨лександровича⟩ за подписью jv (=Яр Вавра) см. Slovanský Přehled, 1965, 2, 128).

Валентина Афанасьевна [8] благодарит Вас за память и шлет свой сердечный привет Вам и семье Вашей.

С наилучшими пожеланиями Ваш А. Флоровский

186

21 июля 1966 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Примите искренний мой привет!

Решаюсь обратиться к Вам вот по какому делу.

Написал я прилагаемый при сем обзор рукописных материалов по истории России эпохи Петра Великого, обнаруженных мною в чешских архивах и библиотеках [1]. Хотелось бы эту работу увидеть в печати. И конечно — прежде всего по-русски, ибо русским этот материал наиболее интересен. Был бы глубоко признателен Вам, если бы Вы посоветовали — куда направить этот обозор? Думаю, что он подходит более всего для «Археографический Ежегодник», может быть, и для сборника «Проблемы Источниковедения». Как Вы полагаете? Я мог бы дать к этому обзору и некоторые документы в виде приложения, напр⟨имер⟩ письмо Гвар⟨неразб.⟩ из Москвы 1698—99 г. гр. К⟨неразб.⟩, инструкцию гр. Ки⟨неразб.⟩ при посылке его к чешскому двору в 1721 г. и т. под., а также и иллюстрации — снимки рукописей, портреты — напр⟨имер⟩ Ки⟨неразб.⟩ или Кл⟨неразб.⟩, с которыми общался Петр I. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы выяснили, возможно ли вообще издание этого материала в СССР — в ближайшее время (мне при моем возрасте — ждать долго уже нельзя!) — Вы хорошо знаете все Московские возможности. Мне очень важно было бы знать результаты возможно скорее, — но для издания (1967 г.) по-чешски[a], хотя и с большим русским резюме и под⟨обным⟩.

Простите великодушно за беспокойство! и примите наши — жены и мои наилучшие пожелания жене Вашей и Вам.

Ваш А. Флоровский

187

25 августа 1966 г.

Дорогой Антонин Васильевич,

Вашу интересную статью вместе с моим сопроводительным письмом я передал в редакцию «Археографического ежегодника», ее руководителю член-корреспонденту Ак⟨адемии⟩ наук СССР Виктору Ивановичу Шункову [1].

Думаю, будет хорошо, если в октябре Вы лично напишете в Ежегодник с просьбой сообщить о будущем статьи.

Я занят подготовкой древнерусской внешней политики и социологическим сборником.

Сердечный поклон Вашей милой супруге.

Всего хорошего. Ваш В. Пашуто

188

31 октября 1967 г.

Дорогой Антонин Васильевич,
прошу прощения, что отвечаю с опозданием [1]. Был в Австрии, где читал лекции в Вене и Зальцбурге [2]. Огромное спасибо за Ваши два тома славян [3]. Это — одна из моих настольных книг.

Ваши заявления о выплате гонорара я передал Л. В. Черепнину [4] и они отправились в путь, конечная цель которого — министерство финансов.

Сердечный поклон милой Валентине Афанасьевне.

Всего Вам доброго. Ваш В. Пашуто

P. S. Меня беспокоит судьба русских изданий (евразийских и др.) в Праге. Они не пропадают? Поступают в хранилище или расходятся по рукам? Не случилось бы так, что ко времени, когда я начну писать, останутся одни каталоги.

189

16 февраля 1968 г.

Дорогой Владимир Терентьевич, сердечный привет!

Простите, что беспокою Вас снова по делу о деньгах [1]. Недавно я получил от издательства «Наука» копию его письма на имя и. о. директора Института истрии АН СССР от 23 янв⟨аря⟩ 1968 г. № 69—675.76—7, с указанием, что институту надлежит через Президиум АН возбудить ходатайство по этому делу перед Советом Министров, причем Издательство «не будет возражать» против выплаты и т. д. Не знаю, надлежит ли с[а] моей стороны[а] что-либо предпринять по этому вопросу или же надлежит покорно ждать, а действовать будет Институт Истории и Славяноведения?

Последние недели из-за нездоровья почти безвыходно сижу дома и не вижу новой литературы. Да и обычная работа идет очень медленно, но все же движется. К весне, надеюсь, будет получше.

Предполагаете ли Вы посетить Прагу во время Конгресса Славистов — в его программу ведь входит и история славян, не только филология и литературоведение.

Валентина Афанасьевна шлет Вам сердечный привет.

С наилучшими пожеланиями Ваш А. Флоровский

[а—а] Подчеркнуто А. В. Флоровским.

190

20 марта 1968 г.

Дорогой Антонин Васильевич,
бумага о выплате Вам гонорара ныне двинулась в Президиум АН СССР от имени двух Институтов, нашего и славяноведения [1]. От Вас пока ничего не требуется. Надеюсь на положительное решение.

В Прагу я едва ли попаду, т. к. завален корректурой своей книги [2] и той книгой, что мы пишем с Л. В. Черепниным [3].

Всего хорошего Вам и милой Валентине Афанасьевне [4].

Ваш В. Пашуто

P. S. Позвольте задать Вам два вопроса. Где опубликована полная библиография Ваших трудов? [5] Кто такой «Т. Б.», писавший до войны о русской церкви?

В. А. Флоровская — В. Т. Пашуто

191

после 27 марта 1968 г.

Дорогая Валентина Афанасьевна,
с глубоким сожалением узнал я о постигшем Вас тяжелом горе, о кончине всеми нами уважаемого Антонина Васильевича. Примите мое сердечное сочувствие. Мы почтили его светлую память в секторе, вспомнив встречу с ним. А сейчас как раз опубликованы две большие рецензии на его последнее издание.

Мы, конечно, напечатаем некролог [1] и для этого я просил бы Вас, если можно, сообщить, где опубликована библиография трудов Антонина Васильевича [2]. Его научное наследство (и изданные и неизданные труды) представляют большую научную ценность. Вы были долголетней и верной помощницей в его ученом труде и пусть наша симпатия и сочувствие придадут Вам бодрости и силы в эти горестные дни.

С глубоким уважением Ваш В. Пашуто

192

15 апреля 1969 г.

Дорогая Валентина Афанасьевна,

Разрешите сообщить Вам, что по Вашей, присланной Иваном Онуфриевичем Панасом, доверенности, я получил гонорар Антонина Васильевича (за вычетом налога) в размере 503[x] рублей [1]. Как прикажете распорядиться этими деньгами, имея в виду вероятный приезд в Прагу в июне с. г. Е. П. Подъяпольской и мой [2].

Можно купить Вам то, что Вас интересует, или же попытаться обменять в банке рубли на чехословацкие кроны. Прошу Вас дать указание относительно обеих[a] возможностей с тем, чтобы мы имели время для выполнения Вашего поручения.

Желаю Вам душевной бодрости и скорейшего выздоровления.

С искренним уважением Ваш В. Пашуто

[a] Подчеркнуто В. Т. Пашуто.

П. А. Хмыров — В. Т. Пашуто

193

29 января 1970 г.

Глубокоуважаемый Петр Алексеевич,
разрешите направить Вам акт, которым удостоверяется, что мы приняли от Вас материал, подлежащий передаче Академии наук СССР [1].

Недавно, просматривая материалы архива А. В. Флоровского, я вновь имел случай вспомнить о Вашей деятельности в Институте Кондакова [2]. Надеюсь, если Вы не возражаете, еще раз побеседовать с Вами по вопросам истории русских научных центров в Праге.

Акт о передаче нами Ваших материалов архиву АН СССР будет выслан Вам сразу же после его оформления [3].

Желаю Вам всего наилучшего.

Уважающий Вас В. Т. Пашуто

194

2 апреля 1970 г.

Глубокоуважаемый Владимир Терентьевич,

Покорно благодарю Вас за Ваше письмо и присланный мне Вами акт о приеме материалов Институтом истории СССР Академии наук СССР [1], а равно и за письмо директора Института истории СССР АН СССР П. В. Волобуева [2].

Буду рад увидеть Вас в Праге и быть Вам полезным.

Искренне уважающий Вас П. Хмыров

М. Ю. Шефтель — В. Т. Пашуто

195

28 декабря 1977 г.

Глубокоуважаемый Валериан [а] Терентьевич,

Посылаю Вам фотостат моей библиографии и проспект моего последнего труда. Рецензии мои не упомянуты в библиографии поименно, по американскому обычаю, но если они Вам интересны, я готов указать наиболее важные из них.

Биографические же сведения Вы найдете в двух[б] местах: [в]Dictionary of American Scholars. Vol. I — History, N. Y.; London, 1969 (5th ed.) и Who's who in America[в] (последнее издание, 1975 или 1976 года).

С совершенным почтением

Ваш М. Шефтель (Марк Юрьевич)

[а] Так в оригинале.
[б] Зачеркнуто «трех».
[в—в] Подчеркнуто М. Ю. Шефтелем.

Примечания

Н. Е. Андреев — В. Т. Пашуто. Всего 7 писем.

1

Копия, машинопись

[1] См. письма № 101—136. Сведения об историках — эмигрантах см. выше: Главы из монографии. Приложение I.

[2] Видимо, во время пребывания В. Т. Пашуто в Праге 17 апреля — 17 октября 1974 г.

[3] *Пашуто В. Т.* Сохранить для науки, для истории // Голос Родины, 1974. № 7 /1787/, янв. С. 4—5.

[4] См.: Главы из монографии. Глава II. 1. Seminarium Kondakovianum.

2

Беловой автограф. Бланк Кэмбриджского университета, факультета современных и средневековых языков. В правом верхнем углу адрес.

[1] См. письмо 1, примеч. 1.

[2] См. письмо 1, примеч. 4.

[3] Rhinelander L. H. Exiled Russian Scolars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // Canadian Slavonic Papers. 1974. V. XVI. N 3. P. 331—352.

3

Копия, машинопись.

[1] Институт им. Н. П. Кондакова (см. письмо 1, примеч. 4) издавал серию под названием Seminarium Kondakovianum.

[2] См. Главы из монографии. Глава II. 1.

[3] Поездка в Югославию не состоялась.

[4] См. письма № 181—190.

[5] Пресняков Александр Евгеньевич (1870—1929), русский историк, член-корр. АН СССР, исследователь истории России.

[6] Чарльз Крейн, американский промышленник, меценат, субсидировавший Институт им. Н. П. Кондакова.

[7] Роберт Смит, английский историк, специалист по истории России. См. письма № 150—151.

[8] Имеется в виду оттиск статьи: *Пашуто В. Т., Рыбаков Б. А.* Корпус древнейших источников по истории народов СССР // ВИ. 1974. № 7. С. 49—54.

4

Подлинник, машинопись. Бланк Кэмбриджского университета.

[1] Так в оригинале.

[2] См. письмо № 3.

[3] См. Главы из монографии. Глава II. 1.

[4] См. письмо № 3, примеч. 1.

[5] *Анисимов А. И.* Владимирская икона Божией матери. Прага, 1928; *Грабар А. Н.* Нерукотворенный образ Ланского собора. Прага, 1930.

[6] О переговорах А. П. Калитинского с Н. К. и Ю. Н. Рерихами см. главы из монографии. Глава II. В архиве В. Т. Пашуто имеются также копии писем Калитинского и Рерихов и другие материалы.

[7] См. там же.

[8] См. письмо № 3, примеч. 6.

[9] Г. Гамперль, проректор Карлова университета в Праге, ведавший делами Русского свободного университета во время оккупации.

[10] См. письмо № 3, примеч. 8.

Р. Бёрнз (Robert Byrnes) — В. Т. Пашуто. 16 писем.

5

Копия и машинопись.

[1] С 21 по 29 августа 1975 г. В. Т. Пашуто находился в США в качестве делегата XIV МКИН.

[2] *Пашуто В. Т., Шталь И. В.* Корчула. М., 1976.

[3] Вероятно, имеется в виду кн.: *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974.

[4] Именной и географический указатели к Ипатьевской летописи / Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1975.

6

Подлинник, машинопись. Бланк Университета штата Индиана, США. В левом верхнем углу адрес адресата.

На английском языке. Перевод Е. А. Мельниковой.
[1] См. письмо № 5, примеч. 1.
[2] Имеется в виду визит В. Т. Пашуто к Р. Бёрнзу во время его поездки с лекциями в США 24 апреля — 16 мая 1964 г.

И. Бертеньи (Ivan Bertenji) — В. Т. Пашуто. 30 писем.

7

Копия, машинопись
[1] См. письмо № 5, примеч. 2.
[2] См. письмо № 8.
[3] Наталья Александровна Тарасевич, жена В. Т. Пашуто.

8

Подлинник, машинопись, На венгерском языке. Приложен публикуемый перевод, сделанный М. Куном и написанный его рукой. На 1 стр. перевода помета рукой В. Т. Пашуто: «М. С. Самсонов. Вр.».
[1] См. письмо 1, примеч. 2.
[2] Сведений о М. С. Самсонове, помимо приведенных И. Бертеньи, в архиве В. Т. Пашуто не имеется.
[3] См. Главы из монографии. Глава II. 3. Записки Русского научного института в Белграде.
[4] Съезд Русских академических организаций за границей.
[5] Очевидно, имеются в виду «Записки» Русского научного института в Белграде. Всего было издано 17 томов.
[6] Имеется в виду Русский народный (с 1933 г. — Свободный) университет в Праге.

М. П. Бицилли — В. Т. Пашуто. 1 письмо

9

Беловой автограф.
[1] Петр Михайлович Бицилли (1879—1953), русский историк — медиевист.
[2] Копия письма В. Т. Пашуто М. П. Бицилли отсутствует.
[3] См. письмо № 1, примеч. 2.
[4] Насколько известно, В. Т. Пашуто не имел возможности ознакомиться с этими статьями.

С. Н. Валк — В. Т. Пашуто. 14 писем.

10

Черновик, автограф. Без даты. Предположительно написано в 1969 г., так как статья, о которой идет речь, была отправлена С. Н. Валку 24. XI. 1968 г.
[1] Речь идет о статье об С. А. Аннинском: *Пашуто В. Т.* Советский археограф С. А. Аннинский // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 179—183. В архиве В. Т. Пашуто имеется письмо С. Н. Валку от 24.XI. 1968 г. об отправке статьи и письмо С. Н. Валка, также недатированное, содержащее замечания по статье.
[2] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
[3] Замысел В. Т. Пашуто написать историю внешней политики России XIV—XVII вв. не был осуществлен.

11

Копия, машинопись. Вверху листа помета рукой В. Т. Пашуто: «Валк». Внизу листа запись: «Это в т. II SK, статья Жебелева памяти смотрителя Эрмитажа Я. И. Смирнова о „годе лихолетья" 1918 г.»
[1] Весной 1971 г. поездка В. Т. Пашуто в Прагу не состоялась.
[2] Сергей Александрович Жебелев (1867—1941), советский историк-антиковед.

12

Беловой автограф
[1] См. письмо № 11, примеч. 2.
[2] См. письмо № 10, примеч. 1.

Д. Димчев — В. Т. Пашуто. 1 письмо.

13

Подлинник, машинопись. В правом верхнем углу надпись рукой В. Т. Пашуто «Библ⟨иография⟩ — 13», подчеркнуто красным фломастером. Письмо написано на бланке Института балканистики АН Болгарии.

Е. А. Дудзинская — В. Т. Пашуто. 1 письмо.

14

Машинопись, копия.
[1] Евгения Александровна Дудзинская, советский историк, в то время Ученый секретарь по международным связям Института истории СССР АН СССР.
[2] См. письма № 114—127.
[3] *В. Т. Пашуто, Е. П. Подъяпольская.* ⟨О материалах привезенного в Москву архива А. В. Флоровского⟩ // ВИ. 1970. № 3. С. 160—161.

С. К. Захаров — В. Т. Пашуто. 2 письма.

15

Копия, машинопись.
[1] Никаких сведений об этой рукописи не имеется. Возможно, была получена В. Т. Пашуто во время его пребывания в Праге в 1974 г. См. также письмо № 129.

16

Беловой автограф.
[1] Валериан Михайлович Котрубенко, зять П. А. Остроухова. См. письма № 34—44.
[2] Записки Русского исторического общества в Праге.

Э. Кинан (Edward Keenan)— В. Т. Пашуто. 6 писем.

17

Копия, машинопись.
[1] Имеется в виду кн.: *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1977.
[2] Рец.: *Pritzak O.* // Critica. 1978. N I. P. 21—29.
[3] Речь идет о кн.: *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. IX—XIV вв. М., 1978.
[4] См. письма № 137—141.

18

Подлинник, машинопись. Бланк Гарвардского университета. Русский текст написан латиницей.

П. Е. Ковалевский — В. Т. Пашуто. 12 писем.

19

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 156

20

Подлинник, машинопись. В правом верхнем углу адрес П. Е. Ковалевского. На французском языке. Перевод Н. А. Тарасевич. Пометы В. Т. Пашуто: «+жив ли еще Борис Зайцев, к 90 годам! +Annales. М. А. Алпатов».
[1] Издатель в Париже.

21

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 20.
[2] 24 октября — 22 ноября 1969 г.
[3] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

22

Подлинник, машинопись. В правом верхнем углу адрес П. Е. Ковалевского. На французском языке. Перевод Н. А. Тарасевич.
[1] Опубликованная библиография трудов П. Е. Ковалевского в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.
[2] Два тома этой книги вышли в Париже в 1971 и 1973 гг. См. Главы из монографии. Приложение I.
[3] См. письмо № 21, примеч. 3.

23

Копия, машинопись.

24

Подлинник, машинопись. В правом верхнем углу адрес П. Е. Ковалевского. На французском языке. Перевод Н. А. Тарасевич.
[1] См. письмо № 23.
[2] ЗЕМГОР — Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике.

25

Копия, машинопись.
[1] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь // История и историки. 1973 г. М., 1975, С. 266—297.
[2] См. Главы из монографии. Приложение I.

26

Подлинник, машинопись. В правом верхнем углу адрес П. Е. Ковалевского. На французском языке. Перевод Н. А. Тарасевич.
[1] См. письмо № 25, примеч. 1.
[2] См. Главы из монографии. Приложение I.

27

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 26.
[2] Там же.

28

Подлинник, машинопись. В правом верхнем углу адрес П. Е. Ковалевского. На французском языке. Перевод Н. А. Тарасевич.
[1] См. письмо № 27.

29

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 28.
[2] См. Главы из монографии. Приложение II.

[3] Вероятно, послана книга: *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVII в. М., 1974.

С. А. Коновалов — В. Т. Пашуто. 3 письма.

30

Копия, машинопись.

31

Беловой автограф.
[1] См. письмо № 30.

32

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 31.

В. А. Костакел — В. Т. Пашуто

33

Беловой автограф, написанный рукой В. А. Костакел, румынской исследовательницы, историка-медиевиста. Письмо, к которому была приложена записка, отсутствует. Дата отсутствует и восстановлена быть не может. На первой странице вверху приписки рукой В. Т. Пашуто: «Справка от В. А. Костакел» и рукой Н. А. Тарасевич «Костакел Валерия Алексеевна». На обороте стр. 1 запись В. Т. Пашуто: «По каталогам биб⟨лиоте⟩ки Иорги с⟨пец⟩/х⟨рана⟩ б⟨иблиоте⟩ки Института Иорги выявил оч⟨ень⟩ мало белых книг. *В. А. Костакел объяснила:* В Румынии, захватившей Бесс⟨арабию⟩, русские историки великодержавного толка не были нужны; им трудно и с языком, они лишь проездом бывали, дольше задержался *А. Эк* (см. справку о нем). Но здесь были две газеты: «Наша речь» (Бух⟨арест⟩) и «Бессарабия» (Кишинев) и жили историки славянского корня: *Леон Бога* — готовил документы по истории Бессарабии; *Георгий Безвиконный* — родом из Бессар⟨абии⟩ — объездил бессар⟨абских⟩ помещиков, собрал мат⟨ериа⟩лы и опубликовал в журнале «Прошлое Бессарабии», изучал укр⟨аин⟩ско-рум⟨ынские⟩ отношения (+ в 1922). Часть архива подарил в Кишинев (мемуары). Когда в 1937 г. был основан Инст⟨итут⟩ ист⟨ории⟩, то проф. Иорги содействовал развитию славистики; у него книга — история молд⟨авского⟩ боярства. *Оруэл Казаку* (умер около 1960 г.) история казачества. Поновский Ник⟨олай⟩ Ал⟨ександ⟩р⟨ови⟩ч. История бессараб⟨ской⟩ церкви.

В. М. Котрубенко — В. Т. Пашуто. 11 писем

34

Подлинник, машинопись.

35

Подлинник, машинопись.
[1] См.: Главы из монографии. Приложение IV.
[2] В 1974 г. вышло первое издание, в 1975 г. — второе.
[3] В 1974 г. вышло первое издание «Иллюстрированной истории СССР».
[4] Борис Иванович Чадин, заведующий консульским отделом посольства СССР в ЧССР в то время.
[5] Людмила Петровна Котрубенко, дочь П. А. Остроухова.
[6] Надежда Викторовна Остроухова, жена П. А. Остроухова. См. письма № 91—100.

36

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 35.
[2] Получен летом 1974 г. от Н. В. Остроуховой, вдовы П. А. Остроухова. См. главы из монографии. Приложение II.

37

Подлинник, машинопись. Личный бланк В. М. Котрубенко.
[1] Копия письма В. Т. Пашуто В. М. Котрубенко от 31. VII. 75 в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.
[2] Лев Николаевич Гумилев, советский историк, автор ряда монографий.
[3] Петр Бернгардович Струве (1870—1944), русский экономист, историк, философ.
[4] Материалы находятся в архиве В. Т. Пашуто.
[5] Архив П. А. Остроухова находится в ЦГАОР (№ Р-9586).

38

Копия, машинопись.
[1] См. письмо №37.
[2] Вероятно, во время пребывания в Праге 9. XII. 1963—6.I.1964 гг.
[3] На XIV МКИН, 20—30.VIII.1975 г.
[4] См. письмо № 40, а также главы из монографии. Приложение II.
[5] Александр Александрович Чупров, русский экономист.
[6] Антон Владимирович Карташов, русский историк церкви.
[7] Борис Александрович Никольский,

русский экономист. См. подробнее письмо № 40.
[8] Имеется в виду Питирим Александрович Сорокин, русский экономист.
[9] См. письма № 41, 42.

39

Копия, машинопись.
[1] «Пражский архив П. А. Остроухова», который В. Т. Пашуто предполагал первоначально опубликовать в виде статьи.

40

Подлинник, машинопись.
[1] См. письма № 38, 39.
[2] См. письмо № 38, примеч. 5.
[3] Правительства П. Н. Врангеля в Крыму.
[4] См. письмо № 38. примеч. 6.
[5] Вероятно, в архиве П. А. Остроухова, находящемся в ЦГАОР (№ Р-9586).
[6] Там же.

41

Копия, машинопись.
[1] Находится в ЦГАОР, № Р-9586.
[2] Доклад об архиве П. А. Остроухова был сделан 18 ноября 1975 г. на заседании Археографической комиссии.
[3] Опубликовано сообщение о докладе В. Т. Пашуто: Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 223—226. Полный текст доклада опубликован не был.
[4] Возможно, имеется в виду книга «Древнейшие государства на территории СССР» (М., 1975); ежегодник с этим же названием начал выходить в 1978 г.

42

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 41.
[2] 29 ноября—7 декабря 1975 г.
[3] ЦГАОР № Р-9586.
[4] Захаров, Степан Кириакович, русский ученый, юрист. См. письма № 15, 16.
[5] См. письмо № 16.

43

Подлинник, машинопись. Личный бланк В. М. Котрубенко.
[1] См. письмо № 42.
[2] Там же, примеч. 4.

44

Подлинник, машинопись. Личный бланк В. М. Котрубенко.

М. Кун — В. Т. Пашуто. 22 письма

45

Копия, машинопись.
[1] Имеется в виду командировка в ЧССР 17 апреля — 17 октября 1974 г.
[2] *Пашуто В. Т., Шталь И. В.* Корчула. М., 1976.
[3] Бела Кун (1886—1939), деятель венгерского и международного коммунистического движения, один из создателей и руководителей Венгерской коммунистической партии.

46

Беловой автограф. Без даты.

В. Лейтш (W. Leitsch) — В. Т. Пашуто. 62 письма.

47

Копия, машинопись.
[1] Ответ на письмо В. Лейтша от 27 апреля 1971 г., находящееся в архиве В. Т. Пашуто.
[2] Статья не опубликована. Рукопись храниться в Архиве АН СССР, фонд 1609 (фонд А. В. Флоровского).
[3] Лев Владимирович Черепнин (1905—1977), советский историк, академик.

48

Копия, машинопись.
[1] См. письмо В. Лейтша от 15 марта 1974 г. в архиве В. Т. Пашуто.
[2] Михаил Васильевич Дякин.
[3] См. письмо № 47, а также ряд писем 1971—1974 гг. от В. Лейтша в архиве В. Т. Пашуто.
[4] См. письмо 47, примеч. 2.
[5] Там же.
[6] Там же, примеч. 1.

49

Копия, машинопись.

Н. В. Манохин — В. Т. Пашуто. 7 писем.

50

Беловой автограф.
[1] Договоренность, очевидно, имела место во время пребывания В. Т. Пашуто в Праге (17 апреля — 17 октября 1974 г.).
[2] Дмитрий Николаевич Вергун, русский историк.
[3] Иван Онуфриевич Панас. См. письма № 101—136.
[4] Борис Иванович Чадин, заведующий консульским отделом посольства СССР в ЧССР в то время.
[5] В архиве В. Т. Пашуто.
[6] Чадин Б. И.

51

Подлинник, машинопись.

[1] Проф. В. Краль, директор Чешско-советского института ЧСАН в Праге.

[2] См. письмо № 50, примеч. 4.

[3] Письмо Н. В. Манохина от 2. XII. 1974 в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.

[4] См. письмо № 50, примеч. 2.

52

Копия, машинопись. В верху страницы и на обороте рукописный черновик письма Б. И. Чадину. Копия этого письма была отправлена и имеется в архиве В. Т. Пашуто: «Разрешите направить Вам копию письма, адресованного мною Н. В. Манохину, и пользуясь случаем подарить «Иллюстрированную историю СССР». Вы нашли верный путь отправки архива. Надеюсь вскоре его получить. С искренним уважением В. Т. Пашуто.»

[1] См. письмо № 51, примеч. 1.

[2] См. письмо № 50.

[3] Судьба этих архивов неизвестна.

[4] См. выше: письмо № 50, примеч. 5.

[5] Михаил Антонович Алпатов (1903—1980), советский историк, доктор исторических наук, сотрудник Института истории СССР АН СССР.

53

Подлинник, машинопись.

[1] См. письмо № 52.

[2] См. письмо № 51, примеч. 1.

[3] См. письмо № 50.

[4] См. письмо № 52, примеч. 5.

54

Подлинник, машинопись.

[1] Копия письма В. Т. Пашуто в архиве отсутствует.

[2] См. письмо № 50, примеч. 4.

[3] Сведений о встрече В. Т. Пашуто с А. А. Рочеком не имеется.

[4] Иван Онуфриевич Панас. См. письмо № 50, примеч. 3.

55

Подлинник, машинопись.

[1] Копия письма Н. В. Манохина:

Без даты

Здравствуйте, многоуважаемый товарищ посол.

Я, Манохин Николай Васильевич, инж⟨енер⟩ (1888 г.). В настоящее время я располагаю большим собранием русских книг (прибл⟨изительно⟩ 40 томов), изданных за рубежом после 1917 г. Все они представляют библиографическую и историческую редкость. Кроме того, в моих руках обширный архив Русского сокольского движения за границей и материалы, относящиеся к истории русского казачества за рубежом.

Мое горячее желание — передать все это ценное собрание в дар советским историкам, в частности Институту истории АН СССР.

Я был бы весьма признателен Вам за обращение через МИД СССР в Институт истории СССР АН СССР с просьбой прислать в Прагу компетентного, историка, знакомого с архивами пражской эмиграции. Лучше всего было бы, если бы согласился приехать В. Т. Пашуто, для того чтобы материалы были бы должным образом отобраны и отправлены в адрес Института.

Я обращаюсь к Вам потому, что годы мои преклонны и что будет весьма печально, если оставшиеся без контроля книги и документы, как это уже не раз бывало, через подставных лиц попадут в чужие руки и уплывут за океан.

С уважением инж⟨енер⟩ Н. В. Манохин.

Прошу ответ направить мне по адресу ⟨...⟩

Копия ответа Н. В. Манохину В. Аврамова:

21 октября 1977 г.
№ 686

Уважаемый Николай Васильевич!

Посольство СССР в ЧССР приветствует Ваше намерение передать в дар Институту истории АН СССР книги и другие материалы.

Просим разрешить работникам консульского отдела посольства СССР в ЧССР посетить Вас для беседы по этому вопросу в удобное для Вас время.

Ждем Вашего ответа.

С уважением Зав. Консульским Отделом Посольства СССР в ЧССР В. Аврамов.

О. О. Марков — В. Т. Пашуто. 12 писем.

56

Беловой автограф. Вверху справа личный адрес О. О. Маркова.

[1] Список трудов О. О. Маркова в архиве В. Т. Пашуто не обнаружен.

[2] Письмо О. О. Маркова написано во время пребывания В. Т. Пашуто в ЧССР.

57

Копия, машинопись.

[1] См. письмо № 56 и примеч. 1.

[2] Письмо написано во время пребывания В. Т. Пашуто в ЧССР. Работа В. Т. Пашуто над архивом «Семинара им. Н. П. Кондакова» отражена в: Главы из монографии. Глава II. 1.

[3] Славянская книговня Карлова университета в Праге.

58

Беловой автограф. В правом верхнем углу помета В. Т. Пашуто: «Где архив Рус⟨ского⟩ Юр⟨идического⟩ фак⟨ультета⟩ К⟨арлова⟩ У⟨ниверситета⟩? Когда заглох РЮФ?»

[1] Копия текста в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.

59

Беловой автограф.

60

Беловой автограф. В правом верхнем углу помета В. Т. Пашуто «О РЮФ»

[1] Копия письма В. Т. Пашуто от 3. VIII. 1974 в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.

[2] Имеется в виду золотой запас Российской империи. См. письмо № 50.

В. Ф. Минорский — В. Т. Пашуто. 13 писем.

61

Копия, машинопись. Без даты. Время написания устанавливается по ответу В. Ф. Минорского (письмо № 62).

[1] Письмо от 8. II. 1956 имеется в архиве В. Т. Пашуто.

[2] *Пашуто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956.

[3] Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India/Arabic Text with an English Transl. and Comm. by V. Minorski. L. 1942.

[4] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

[5] *Minorski V. F.* Studies in Caucasian History. Cambridge, 1953.

[6] Проект издания полного корпуса зарубежных источников (включая восточные) по истории народов СССР домонгольского времени был начат самим В. Т. Пашуто в 1970-е гг. С 1977 г. начал выходить «Свод древнейших источников по истории народов СССР». Восточным источникам посвящен пока один том: *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988.

[7] Владимир Николаевич Перцев (1877—1960), советский историк, академик АН БССР. Автор ряда статей по истории пруссов и Пруссии, опубликованных по преимуществу в Ученых записках БГУ (см.: Ботвинник М. Б., В. Н. Перцев. Минск, 1978). Не известно, какую именно из его статей имеет в виду В. Т. Пашуто.

62

Беловой автограф. Личный бланк проф. В. Ф. Минорского.

[1] См. письмо № 61, примеч. 2.

[2] Матвей Кузьмич Любавский (1860—1936), русский и советский историк, занимавшийся вопросами исторической географии России.

[3] Неясно, какая работа Г. В. Вернадского имеется в виду.

[4] Бертольд Шпулер (B. Spuler), западногерманский историк, автор ряда монографий по истории монголо-татар и Халифата.

[5] См. Главы из монографии. Приложение I.

63

Копия, машинопись.

[1] Речь идет о кн.: *Krakowski S.* Polska w wlace najazdami tatarskimi w XIII w. Warszawa, 1956.

[2] См. письмо № 62, примеч. 5.

64

Подлинник, машинопись. Личный бланк проф. В. Ф. Минорского.

[1] *Пашуто В. Т.* Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.) // ИССCР, 1958. № 6. С. 54—81. № 6. С. 60—76.

[2] *Пашуто В. Т.* Так называемое «изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма // В. И. 1959.

[3] Василий Владимирович Бартольд (1869—1930), русский и советский востоковед, академик.

[4] *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1958. 4 Bde. Перевод на русск. яз.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б. А. Ларина. 1964—1973. 4 тт.; 2-е испр. и

доп. изд. — М., 1986—1987, 4 тт.
[5] См. Главы из монографии. Приложение I.
[6] Опубликована в 1959 г.
[7] Halecki Oskar, автор ряда книг по истории Польши.
[8] *Paszkiewicz H.* The Origin of Russia. L., 1954.
[9] Имеется в виду многотомное издание A History of Russia.
[10] См. Главы из монографии. Приложение I.

Т. А. Минорская — В. Т. Пашуто

65

Беловой автограф. Без даты.
[1] Имеется в архиве В. Т. Пашуто.
[2] Теперь Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.

66

Копия, машинопись.
[1] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* К выходу в свет сборников «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы». Вып 1—2. М., 1964—1969 // ИСССР. 1971. № 4. С. 202—203.

67

Подлинник, машинопись. Личный бланк Т. А. Минорской.
[1] В архиве В. Т. Пашуто не обнаружен.
[2] Список некрологов в архиве В. Т. Пашуто не обнаружен. Имеется несколько оттисков некрологов.
[3] Iranica. Publications of the University of Teheran. 1964. Vol. 775.
[4] *Lang D. M.* // Bulletin of the School of Oriental and African Languages. University of London. 1967. Vol. XXIX. P. 3. P. 694—699.
[5] Iran and Islam. In Memory of the Late Vladimir Minorsky / C. E. Bosworth. Edinburgh, 1971.
[6] Юрий Николаевич Завадовский, востоковед, языковед.
[7] Прах В. Ф. Минорского похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

68

Копия, машинопись.
[1] Анатолий Петрович Новосельцев, советский историк-востоковед, член-корреспондент АН СССР, сотрудник Института истории СССР АН СССР.

69

Беловой автограф. В верхнем правом углу личный адрес Т. А. Минорской.
[1] В еженедельнике В. Т. Пашуто за 1970 г. 8 июля сделана запись: «Встречался с Т. А. Минорской». Видимо, с этой просьбой В. Т. Пашуто обратился во время состоявшейся 8 июля беседы.
[2] Фотография В. Ф. Минорского публикуется. Список переводов, сделанных Т. А. Минорской, приложен на отдельном листе.
[3] См. письма № 30—32.

70

Копия, машинопись.

71

Подлинник, машинопись.
[1] См. письмо № 70.
[2] См. письмо № 69, примеч. 1.

72

Копия, машинопись.
[1] Очевидно, имеется в виду письмо № 71.
[2] *Мас'уд ибн Намдар:* Сборник рассказов, писем и стихов / Факсимиле текста. Предисл. и указ. В. М. Бейлиса. М., 1970.
[3] См. письма № 164—166, 168, 169.
[4] См. письмо № 66, примеч. 1.

73

Подлинник, машинопись. В правом верхнем углу личный адрес Т. А. Минорской.
[1] См. письмо № 72, примеч. 2.
[2] Александр Андреевич Губер (1902—1971), советский историк, академик, исследователь современной истории стран Азии.

74

Копия, машинопись.
[1] В архиве В. Т. Пашуто отсутствует.
[2] См. письмо № 1, примеч. 3.

В. А. Мошин — В. Т. Пашуто. 30 писем.

75

Копия, машинопись.
[1] Был прислан В. А. Мошиным и находится в архиве В. Т. Пашуто.

76

Беловой автограф.
[1] См. письмо № 75, примеч. 1.

77

Копия, машинопись.

[1] См. письмо № 75, примеч. 1.

[2] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

78

Беловой автограф.

79

Копия, машинопись.

[1] О передаче архива А. В. Флоровского (Архив АН СССР № 1609) см. письма № 103, 112, 116, 125.

[2] В архиве В. Т. Пашуто имеется библиография трудов А. Л. Погодина с пометой В. Т. Пашуто: «Получена от В. А. Мошина». Список трудов А. К. Елачича не обнаружен.

80

Копия, машинопись.

[1] *Пашуто В. Т., Шталь И. В.* Корчула. М., 1976.

[2] Фотография В. А. Мошина не обнаружена.

81

Копия, машинопись.

[1] Беседа состоялась 24 августа 1970 г. во время пребывания О. Я. и В. А. Мошиных в Москве (установлено по записи в еженедельнике В. Т. Пашуто за 1970 г.).

82

Копия, машинопись.

[1] Эти материалы, включая списки трудов А. В. Соловьева, имеются в архиве В. Т. Пашуто.

83

Подлинник, машинопись.

[1] Поездка В. Т. Пашуто в Югославию ни в 1971, ни в последующие годы не состоялась.

[2] См. письмо № 82.

[3] Юрий Алексеевич Писарев, советский историк, доктор исторических наук, сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

[4] См. письма № 164—176.

84

Беловой автограф.

[1] См. письмо № 82.

85

Копия, машинопись.

[1] См. письмо № 84.

[2] Наталия Николаевна Соловьева /Раевская/, вдова А. В. Соловьева.

[3] Н. Н. Соловьева.

Г. А. Острогорский — В. Т. Пашуто. 1 письмо

86

Беловой автограф.

[1] Фотография Г. А. Острогорского публикуется в данном томе.

[2] Имеется в виду пребывание Г. А. Острогорского в Москве во время XIII МКИН (16—23 августа 1970 г.).

Г. А. Остроухов — В. Т. Пашуто. 4 письма

87

Подлинник, машинопись.

[1] Валериан Михайлович Котрубенко, зять П. А. Остроухова. См. письма № 34—44.

[2] В. М. Котрубенко.

88

Подлинник, машинопись.

[1] См. письмо № 41, примеч. 2.

[2] См. письмо № 87.

89

Копия, машинопись.

[1] См. письмо № 87, 88.

90

Подлинник, машинопись.

[1] См. письма № 87, 88.

[2] См. письмо № 41, примеч. 2.

Н. В. Остроухова — В. Т. Пашуто. 12 писем.

91

Копия, машинопись.

[1] Речь идет о статье П. А. Остроухова «Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг.», опубликованной в: Исторические записки. 1972. Т. 90. С. 209—243.

92

Беловой автограф.

[1] Георгий Александрович Остроухов. См. письма № 87—90.

[2] Наталья Михайловна Пирумова, советский историк, доктор исторических наук, сотрудник Института истории СССР АН СССР.

[3] См. Главы из монографии. Приложение I.
[4] Валериан Михайлович Котрубенко.
[5] Во время пребывания В. Т. Пашуто в ЧССР 24 октября — 12 ноября 1969 г.

93

Беловой автограф.
[1] В архиве В. Т. Пашуто имеется копия письма А. И. Юхта:

Мая 70

Глубокоуважаемая Надежда Викторовна,
редакция «Исторических записок» сообщает Вам, что статья Вашего покойного супруга профессора П. А. Остроухова «Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг.» намечена к опубликованию в одном из ближайших томов.
Уважающий Вас ответственный секретарь редакции А. Юхт

[2] Георгий Александрович Остроухов. См. письма № 87—90.
[3] См. письмо № 92, примеч. 2.
[4] См. подробности в переписке с И. О. Панасом: письма № 114, 117 и др.

94

Беловой автограф. Письмо датируется второй половиной 1970 г. на основании сведений о поездке дочери П. А. Остроухова, Л. П. Котрубенко, в Москву в июне 1970 г. (см.письмо № 93, данное письмо и № 95).
[1] См. письмо № 93, примеч. 2.
[2] Мария Константиновна Рожкова (1898—1982), советский историк, доктор исторических наук, сотрудник Института истории АН СССР.
[3] Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904—1969), советский литературовед.

95

Беловой автограф.
[1] См. письмо № 93, примеч. 1.
[2] См. письма № 101—136.

96

Копия, машинопись.
[1] Александр Михайлович Самсонов, советский историк, академик, ответственный редактор «Исторических записок» в то время.
[2] Александр Исаевич Юхт, советский историк, ответственный секретарь «Исторических записок» в то время.
[3] Имеется в виду Валериан Михайлович Котрубенко.

97

Беловой автограф.
[1] В архиве В. Т. Пашуто имеется копия одного письма Н. В. Остроуховой, предшествующего данному (см. письмо № 96).

98

Беловой автограф.
[1] Т. 90, 1972 г.

99

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 1, примеч. 3.
[2] См. письма № 101—136.
[3] См. письма № 112, 116 и др.

100

Беловой автограф.
[1] Имеется в виду экземпляр газеты «Голос Родины» со статьей В. Т. Пашуто (см. письмо № 1, примеч. 3).
[2] Георгий Александрович Остроухов. См. письма № 87—90.

И. О. Панас — В. Т. Пашуто. 38 писем.

101

Подлинник, машинопись. В верхнем левом углу надпись В. Т. Пашуто: «Е. А., это письмо прошу Вас мне вернуть. В. Пашуто. 16.4.69». Надпись адресована Евгении Александровне Дудзинской, в то время ученому секретарю по международным связям Института истории СССР АН СССР.
[1] Валентина Афанасьевна Флоровская, вдова А. Ф. Флоровского. См. письма № 191, 192.
[2] См. письмо № 192.
[3] Имеется в архиве В. Т. Пашуто.
[4] В архиве В. Т. Пашуто имеется ксерокопия машинописного текста (13 стр., № 1—197), озаглавленная «Soupis materiálů pozustalosti prof. A. V. Florovského» с пометами В. Т. Пашуто: «Список рукописей А. В. Флоровского, принятых слав⟨янской⟩ б⟨иблиоте⟩кой» (стр.1 вверху) и «есть рукой № 198—212?» (на стр. 13). Очевидно: это и есть список, составленный И. П. Савицким. Однако в сам список включены как опубликованные труды А. В. Флоровского, так и неопубликованные рукописи.
[5] Петр Андреевич Зайончковский (1904—1983),советсткийисторик,доктор исторических наук.

[6] Елена Петровна Подъяпольская, советский историк, кандидат исторических наук, сотрудник Института истории СССР АН СССР. Участвовала вместе с В. Т. Пашуто в приеме части архива А. В. Флоровского. См. письмо № 4, примеч. 3.
[7] *Флоровский А. В.* Франциск Скорина и Москва // ТОДРЛ, 1969, Вып. XXIV. 155—158.
[8] Переписка А. В. Флоровского поступала в Архив АН СССР по четырем актам о принятии: от 29.10.1969, 28.5.1970, 16.5.1974, 13.11.1975 (дело фонда А. В. Флоровского, Акт о принятии, стр. 12—13, 18, 19).

102

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 192.
[2] Иван Петрович Савицкий, историк и социолог, сын Петра Николаевича Савицкого, русского историка.

103

Подлинник, машинопись. На обороте записи рукой В. Т. Пашуто: «О русской эмиграции в США. Б. И. Марушкин (1969), стр. 83—88 (+ по указателю). Савицкий П. Н. род⟨ился⟩ 3.V. 1895 г. в Чернигове, кончи⟨л⟩ ПГ. — 1922 доцент русск⟨ого⟩ правов⟨ого⟩ факульт⟨ета⟩ в Праге, потом в экономическом отдел⟨ении⟩ Русско⟨ого⟩ Нар⟨одного⟩ ун⟨иверсите⟩та в Праге. NB Сфотографировать могильные плиты на русском кладбище в Праге».
[1] Петр Николаевич Савицкий (Востоков). См. письма № 148, 149.
[2] См. письмо № 101, примеч. 3.
[3] Полное описание см.: Главы из монографии. Приложение I.

104

Подлинник, машинопись.
[1] См. письмо № 102.
[2] См. письмо № 103.
[3] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
[4] См. письмо № 192.
[5] См. письмо № 103.

105

Подлинник, машинопись.
[1] См. письмо № 192.
[2] См. письмо № 103.

106

Копия, машинопись.
[1] Имеются в виду письма от 16.6.1969 г. (№ 103) и 5.8.1969 (№ 104).
[2] См. письмо № 101, примеч. 6.
[3] Иван Петрович Савицкий. См. письма № 102 и 103.
[4] В. А. Флоровская.

107

Копия, машинопись.
[1] Е. П. Подъяпольская. См. письмо № 101, примеч. 6.
[2] В. А. Флоровская.

108

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 112 и примеч. 2.

109

Подлинник, машинопись.
[1] Речь, видимо, идет о статье В. Т. Пашуто «Особенности этнической структуры Древнерусского государства» // Acta Baltico-Slavica. Bialystok, 1969. T. 6. S. 159—174.
[2] Е. П. Подъяпольская. См. письмо № 101, примеч. 6.

110

Копия, машинопись.
[1] Петр Алексеевич Хмыров. См. письма № 193, 194, а также Главы из монографии. Глава II. 1.
[2] См. письмо № 193, примеч. 1.

111

Копия, машинопись.

112

Подлинник, машинопись.
[1] См. письмо № 110.
[2] См. письмо № 108, примеч. 1.
[3] Архив АН СССР, фонд А. В. Флоровского (№ 1609).

113

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 112.
[2] См. письмо № 14, примеч. 3.
[3] Речь идет о фотографиях П. А. Остроухова. См. письма № 91, 92.

114

Подлинник, машинопись.
[1] Телеграмма в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.

[2] Имеется в виду, очевидно, заведующий консульским отделом посольства СССР в ЧССР Борис Иванович Чадин.
[3] 24 октября—12 ноября 1969 г.
[4] О библиографии трудов В. А. Францева см. письма № 107, 112, 113. Машинописной библиографии трудов В. А. Францева в архиве В. Т. Пашуто нет. Имеется список работ В. А. Францева на двух листах, сделанный рукой Н. А. Тарасевич во время пребывания в Праге (вместе с В. Т. Пашуто) в 1974 г. Судя по пометам, сделанным рукой В. Т. Пашуто, на первом листе («относящиеся к истории») и на втором листе, об. («полная библиогр⟨афия⟩ есть у И. Панаса»), этот список является выборкой из библиографии И. О. Панаса.

115

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 114 и примеч. 1.
[2] Там же.
[3] См. письма № 91—98 и примеч., особенно письмо № 93 и примеч. 1.
[4] См. письмо № 193, примеч. 1.
[5] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
[6] В копии подпись отсутствует.

116

Копия, машинопись.
[1] Сведений о д-ре Бартовой в архиве В. Т. Пашуто не имеется.
[2] В Москве 16—23 августа 1970 г. проходил XIII МКИН.

117

Подлинник, машинопись.
[1] Первое письмо — № 115, второе — № 116 от 29.7.1970.
[2] См письмо № 115
[3] Е. П. Подъяпольская. См. письмо № 101, примеч. 6.

118

Копия, машинопись.

119

Копия, машинопись.
[1] См. письма № 164—171, 174, 175.

120

Подлинник, машинопись.
[1] См. письмо № 118.
[2] Письмо от 14.XII.1970 в архиве В. Т. Пашуто отсутствует. Сведения, о которых пишет И. О. Панас, имеются в его письме от 5.IX.1970 (№ 110).

121

Подлинник, машинопись.
[1] См. письма № 119, 120.
[2] См. письмо № 101, примеч. 7

122

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 121.

123

Подлинник, машинопись.
[1] См. письмо № 122.
[2] Полное библиографическое описание книги см. письмо № 127.

124

Беловой автограф.
[1] Копия в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.
[2] В архиве В. Т. Пашуто отсутствует.
[3] Сведений, в чем выражалась эта просьба, в переписке нет, хотя о ней упоминается не раз: см. письма № 122, 126 и др.

125

Копия, сделанная В. Т. Пашуто. Машинопись. Оригинал, видимо, был передан В. Т. Пашуто в соответствующие организации.
[1] См. о них письма № 102, 103, 116, 117, 121.

126

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 14, примеч. 2.
[2] Эти сведения содержатся в письме И. О. Панаса № 127.
[3] Очевидно, во время пребывания В. Т. Пашуто в Праге в 1969 г., но см. письма № 122, 124.
[4] Имеются в виду Н. В. Остроухова и Л. П. и В. М. Котрубенко.
[5] См. письмо № 91, примеч. 1.

127

Подлинник, машинопись.
[1] См. выше письмо № 126.
[2] Одним из трех аспирантов, обучавшихся на деньги, завещанные А. В. Флоровским, был выпускник Университета в Брно Иржи Прохазка.

128

Беловой автограф.
[1] Официальное приглашение В. Т. Пашуто и Н. А. Тарасевич для поездки в ЧССР, однако, использовано не было.
[2] Н. А. Тарасевич.

129

Копия, машинопись.

[1] Написано сразу после возвращения (17 октября 1974 г.) из полугодовой командировки в ЧССР.

[2] Речь идет о рукописи книги С. К. Захарова «О познании и системе знания в трактовке юриста». См. письмо № 15.

[3] Н. А. Тарасевич.

130

Беловой автограф.

[1] Г. Ф. Барихновский, советский историк, автор монографии «Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924 гг.)». Л., 1978.

[2] См. письмо № 15 и 129.

[3] См. письма № 51—55.

[4] См. письмо № 35, примеч. 4.

131

Подлинник, машинопись.

[1] Пряшевская Русь, историческая область в Словакии.

[2] Владимир Васильевич Мавродин (1908—1987), советский историк, доктор исторических наук, профессор ЛГУ.

[3] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 10.

[4] См. письмо № 34, примеч. 4.

[5] *Пашуто В. Т.* Александр Невский. Изд. 2. М., 1975.

132

Копия, машинопись.

[1] Н. А. Тарасевич.

[2] См. письма № 15 и примеч. 1, № 129, примеч. 2. Рукопись С. К. Захарова опубликована не была.

[3] Сведений об этой рукописи не имеется.

133

Беловой автограф.

[1] См. письмо № 132.

[2] См. письмо № 131, примеч. 5.

[3] Это «обращение» (письмо И. О. Панаса Б. И. Чадину) в архиве В. Т. Пашуто отсутствует (см. также письмо № 134, примеч. 2).

134

Копия, машинопись.

[1] 20—30 августа 1975 г. В. Т. Пашуто участвовал в XIV МКИН.

[2] Вероятно, упоминавшееся в письме № 133 «обращение» к Б. И. Чадину. Возможно, В. Т. Пашуто отправил его И. О. Панасу со своими замечаниями (см. письмо № 133, примеч. 3).

135

Подлинник, машинопись.

[1] См. письмо № 133 и № 131, примеч. 5.

[2] См. письмо № 133.

136

Беловой автограф.

[1] Сведений о ней в архиве В. Т. Пашуто нет.

[2] См. письмо № 34, примеч. 4.

А. В. Рязановский — В. Т. Пашуто, 10 писем.

137

Подлинник, машинопись. Бланк Пенсильванского университета (США). На английском языке. Перевод Е. А. Мельниковой.

[1] См. переписку Н. В. Рязановского и В. Т. Пашуто, письма № 142—147.

[2] В архиве В. Т. Пашуто имеется материал на трех страницах машинописи под названием «Abbreciated [следует читать abbreviated] curriculum vitae Alexander Valentinovich Riasanovsky» («Краткая биография Александра Валентиновича Рязановского»). Этот материал был использован В. Т. Пашуто при подготовке Приложения I.

138

Копия, машинопись.

[1] См. Главы из монографии. Приложение I.

[2] *Łowmiański H.* Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich Warszawa, 1957.

[3] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси до середины XIII в. // ИСССР. 1967, № 3.

139

Копия, машинопись.

[1] *Пашуто В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сб. Таллинн, 1970. Вып. XV. С. 51—62.

[2] См. переписку Н. В. Рязановского и В. Т. Пашуто.

140

Подлинник, машинопись. Бланк Пенсильванского университета (США). На английском языке. Перевод Е. А. Мельниковой.

[1] См. письмо № 138.

[2] См. письмо № 139.

[3] См. письмо № 138, примеч. 1.

141

Копия, машинопись.

[1] Вероятно, имеется в виду статья В. Т. Пашуто «Летописная традиция о „племенных княжениях" и варяжский вопрос» // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 103—110.

[2] Древнейшие государства на территории СССР. 1975 год. М., 1976.

[3] *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий // Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1977.

[4] *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. IX—XIV вв. М., 1978.

[5] См. Главы из монографии. Приложение I.

Н. В. Рязановский — В. Т. Пашуто, 6 писем.

142

Копия, машинопись.

143

Беловой автограф.

[1] Василий Осипович Ключевский (1841—1911), выдающийся русский историк.

[2] Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925), русский историк-медиевист

[3] См. письма № 137—141.

[4] Борис Александрович Рыбаков, советский археолог и историк, академик

[5] См. подробнее Главы из монографии. Приложение I.

[6] Terence Emmons, американский историк, исследователь реформы 1861 г. в России, автор монографии The Russian Landed Gentry and Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968.

[7] См. письмо № 101, примеч. 5.

144

Копия, машинопись.

[1] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

[2] Петр Евграфович Ковалевский. См. письма № 19—29.

145

Беловой автограф.

[1] См. письмо 144, примеч. 2.

146

Копия, машинопись.

[1] Копия этого письма в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.

[2] Библиографии трудов В. А. и Н. В. Рязановских в архиве имеются.

147

Беловой автограф.

[1] См. письмо № 1, примеч. 3.

П. Н. Савицкий — В. Т. Пашуто. 2 письма.

148

Беловой автограф.

[1] В 1960-е гг. В. Т. Пашуто собирал материалы и готовил книгу, посвященную критике западногерманского направления в изучении истории Восточной Европы — «Остфоршунга» (Ostforschung). Книга вышла под названием «Реваншисты — псевдоисторики России» (М., 1971).

[2] Возможно, речь идет о статье Г. В. Вернадского «О составе Великой Ясы Чингис Хана» (см. Главы из монографии. Приложение I).

[3] Чья и какая работа подразумевается под условным названием «Поток Евразии», не установлено. Возможно, имеется в виду одна из работ Г. В. Вернадского.

[4] Иван Петрович Савицкий, сын П. Н. Савицкого. См. о нем письмо № 102.

[5] История русской экономической мысли / А. И. Пашков. М., 1966. Т. 3. Работа П. Н. Савицкого в ней не упоминается.

[6] Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1919), русский экономист и историк.

149

Копия, машинопись.

[1] Статья П. Н. Савицкого в журнале «Вопросы истории» опубликована не была. Черновик письма В. Т. Трухановского был подготовлен В. Т. Пашуто. Черновой автограф его имеется в архиве. В правом верхнем углу более поздняя запись В. Т. Пашуто: «То ли В⟨опросы⟩ ист⟨ории⟩ меня надули и не послали, то ли наша цензура задержала, но П. Н. писем не получил!»

[2] На 6 страницах машинописи через 1 интервал. На полях стр. 1 надпись рукой П. Н. Савицкого: «Один из очередных писанных для научных друзей, „библиографических обзо-

ров" моей лектюры. На этот раз — за сентябрь 1963 г.».
[3] См. письма № 181—190.
[4] См. письма № 91—100.

Роберт Смит (Robert Smith) — В. Т. Пашуто. 17 писем.

150

Копия, машинопись.
[1] Архив АН СССР, фонд А. В. Флоровского (№ 1609).
[2] Николай Евгеньевич Носов (1924—1985), советский историк, доктор исторических наук, сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

151

Беловой автограф. Бланк Университета в Бирмингеме, Англия.

А. В. Соловьев — В. Т. Пашуто. 20 писем

152

Копия, машинопись.
[1] Приглашение участвовать в сборнике, посвященном памяти А. Н. Насонова, содержится в письме В. Т. Пашуто от 3.I.1967, положительный ответ А. В. Соловьева — в открытке, датированной 23.I.1967. Сборник, содержащий статью А. В. Соловьева, вышел в 1973 г.: Летописи и хроники. 1973 г. Посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова. М., 1973.
[2] В письме А. В. Соловьева от 23.I.1967.

153

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 152, примеч. 1.
[2] О труде С. Л. Пештича «Русская историография XVIII в.» речь шла в письме А. В. Соловьева от 24.3.1967.

154

Подлинник, машинопись.
[1] См. письмо № 152.
[2] Список имеется в архиве В. Т. Пашуто.

155

Черновой автограф.
[1] Список трудов А. В. Соловьева имеется в архиве В. Т. Пашуто.

156

Подлинник, машинопись. На полях стр. 2 помета В. Т. Пашуто: «к Белграду»
[1] См. письмо № 155.
[2] См. письма № 19—29.
[3] См. о всех этих изданиях: Главы из монографии. Приложение I.

157

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 156.

158

Беловой автограф.
[1] См. письмо № 157.
[2] Ошибочно вместо 1863 г.

159

Копия, машинопись.
[1] Письмо А. В. Соловьева от 16.10.1969.
[2] Имеется в виду поездка В. Т. Пашуто в Прагу 24.X — 12.XI 1969 г.
[3] См. письма № 185 и примеч. 2, № 186 и примеч. 1.
[4] См. письма № 152, 153 и примеч. 1 к письму № 152.

160

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 156 и примеч. 2.

161

Беловой автограф.
[1] Письмо № 160.

162

Копия, машинопись.

163

Беловой автограф.

Н. Н. Соловьева — В. Т. Пашуто. 15 писем,

164

Копия, машинопись.
[1] А. В. Соловьев скончался 15 января 1971 г. Извещение о смерти имеется в архиве В. Т Пашуто.

165

Беловой автограф.
[1] См. письмо № 164.
[2] Публикуется выше, в разделе «Материалы к биографиям».

166

Копия, машинопись.
[1] Опубликован не был.

167

Беловой автограф

168

Копия, машинопись.
[1] См. письмо № 167. Архив А. В. Соловьева находится в Архиве АН СССР

169

Беловой автограф.

[1] Павел Васильевич Волобуев, советский историк, член-корреспондент АН СССР. В то время — директор Института истории СССР АН СССР.

170

Беловой автограф.

171

Копия, машинопись.

[1] См. письмо № 169, примеч. 1.

172

Копия, машинопись.

[1] См. письмо № 152, примеч. 1.

173

Беловой автограф.

[1] Письмо № 172.

[2] См. письмо № 152, примеч. 1.

[3] См. письмо № 143, примеч. 4.

174

Копия, машинопись.

[1] См.: Главы из монографии. Приложение I.

[2] 17 апреля — 17 октября 1974 г.

[3] Открытка без даты, в архиве В. Т. Пашуто.

175

Беловой автограф.

[1] Письмо № 174

176

Беловой автограф.

[1] *Пашуто В. Т., Шталь И. В.* Корчула. М., 1976.

И. И. Удальцов — В. Т. Пашуто. 1 письмо.

177

Копия, машинопись. Вверху страницы помета рукой Н. А. Тарасевич: «И. И. Удальцову».

[1] Письмо написано во время пребывания В. Т. Пашуто в Праге.

[2] Прага.

[3] ЧСАН.

[4] Из этой поездки В. Т. Пашуто привез архив П. А. Остроухова.

[5] См. письмо № 5, примеч. 2.

[6] Профессор В. Краль. См. письмо № 51, примеч. 1.

[7] Позднее В. Т. Пашуто подробно ознакомился с архивом Семинария Кондакова и привез значительное количество свето- и фотокопий документов, пространные выписки, которые ныне находятся в его архиве.

[8] Ю. Кжижек, чешский историк, сотрудник Чехословацко-советского института ЧСАН.

[9] С. И. Прасолов, сотрудник Посольства СССР в ЧССР.

[10] И. Н. Земсков, заместитель министра иностранных дел СССР в то время.

[11] Возможность работать в архиве МИД ЧССР В. Т. Пашуто получил. В его архиве имеются выписки из фондов «Акция русской помощи» и «Русская эмиграция».

[12] Н. А. Тарасевич.

[13] Жена И. И. Удальцова.

[14] Геннадий Григорьевич Литаврин, советский историк-византинист, сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, член-корреспондент АН СССР.

[15] Владимир Дорофеевич Королюк /1921—1981/, советский историк-славист, доктор исторических наук, сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Джон Феннелл (John Fennell) — В. Т. Пашуто. 18 писем.

178

Копия, машинопись.

[1] См. Главы из монографии. Приложение I.

[2] Сведений о «русском народном университете» в Англии в архиве В. Т. Пашуто не имеется.

179

Беловой автограф. Бланк Оксфордского университета.

[1] Имеются в архиве В. Т. Пашуто.

[2] Имеются в архиве В. Т. Пашуто, также включены в Главы из монографии. Приложение I.

[3] В архиве В. Т. Пашуто не обнаружены.

[4] См. письмо № 143, примеч. 2.

[5] См. письмо № 178.

180

Копия, машинопись.

[1] См. письмо № 179, примеч. 1.

А. В. Флоровский — В. Т. Пашуто. 10 писем.

181

Беловой автограф.

[1] *Пашуто В. Т.* О мнимой соборности Древней Руси // Критика буржуазных концепций истории России пе-

риода феодализма. М., 1962. С. 162—214.

2 См.: Главы из монографии. Приложение I.

182

Копия, машинопись.

1 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962—1963. Кн. VII—IX.

2 Неясно, о какой статье П. А. Остроухова идет речь. В СССР была опубликована только одна статья П. А. Остроухова (см.: Главы из монографии. Приложение I), речь о которой идет в письмах № 91—93, 95, 96.

3 А. Н. Кренке. См. письмо № 148.

4 Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). Сб. ст. к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964.

5 Наталья Александровна Горская, советский историк, доктор исторических наук, сотрудник Института истории СССР АН СССР.

183

Беловой автограф.

1 См. письмо № 182, примеч. 1.

2 Там же.

3 Там же.

4 *Шушарин В. П.* Западно-германская историография русского феодализма // Славяно-германские исследования. М., 1963. С. 293—369.

5 Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952), выдающийся русский антиковед. См.: Главы из монографии. Приложение I.

6 Александр Александрович Васильев (1867—1952), русский историк-византинист. См.: Главы из монографии. Приложение I.

7 Илья Ильич Мечников (1845—1916), выдающийся русский биолог.

8 Софья Васильевна Ковалевская (1850—1891), русский математик.

9 Имеется в виду выражение «из Внешней России» (απότῆςέξω 'Ρωσίας) в гл. 9 сочинения византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей».

10 Надежда Давыдовна Ратнер, советский историк-славяновед, кандидат исторических наук, сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

11 Валентина Афанасьевна Флоровская, жена А. В. Флоровского.

184

Беловой автограф.

1 См. письмо № 183, примеч. 11.

2 *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. О В. Д. Королюке см. письмо № 177, примеч. 15.

185

Беловой автограф.

1 Копия письма В. Т. Пашуто А. В. Флоровскому от 19.VII.1965 в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.

2 Флоровский А. В. Страница истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 389—397.

3 Письмо А. В. Флоровского от 20.VI.1965 г. в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.

4 См. письма № 148—149.

5 См. письмо № 148; журнал «Вопросы истории».

6 См. письма № 34—44, 91—100.

7 Имеется в виду статья «Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг.» Об истории публикации этой статьи см. письма № 91 и примеч. 1, 92, 93, 95—98.

8 Жена А. В. Флоровского.

186

Беловой автограф.

1 *Флоровский А. В.* Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 236—241.

187

Копия, машинопись

1 Виктор Иванович Шунков (1900—1967), советский историк, член-корреспондент АН СССР, председатель Археографической комиссии и ответственный редактор Археографического ежегодника в 1962—1967 гг. Копия письма имеется в архиве В. Т. Пашуто; датирована 2.VIII.1966.

Глубокоуважаемый Виктор Иванович, на днях я получил от пражского профессора Антонина Васильевича Флоровского, автора многих ученых трудов по истории России, статью «Материалы по истории России эпохи Петра Великого в чешских архивах и собраниях».

Автор просил меня передать эту статью в «Археографический еже-

годник» и присовокупил, что готов принять во внимание все замечания редакции.

Я с удовольствием выполняю его просьбу и со своей стороны покорнейше прошу Вас оказать ему внимание: он давно и с пользой для дела печатается в советских изданиях. С глубоким уважением В. Пашуто

188

Копия, машинопись.

[1] Предыдущее письмо А. В. Флоровского в архиве В. Т. Пашуто отсутствует.

[2] Командировка В. Т. Пашуто в Австрию имела место с 11 по 20 октября 1967 г.

[3] Имеется в виду двухтомное исследование А. В. Флоровского «Чехи и восточные славяне в X—XVIII вв.» (Прага, 1935—1947).

[4] Лев Владимирович Черепнин (1905—1977), советский историк, академик, сотрудник Института истории СССР АН СССР.

189

Беловой автограф.

[1] См. письмо № 188.

190

Копия, машинопись.

[1] См. письма № 187, 188.

[2] В марте 1968 г. проходила корректура книги В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси».

[3] В 1968—1969 гг. была начата работа над книгой «Пути развития феодализма» (М., 1972), в котором приняли участие А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин.

[4] Жена А. В. Флоровского.

[5] См. письмо № 101.

В. А. Флоровская — В. Т. Пашуто. 2 письма

191

Копия, машинопись.

[1] *Зайончковский П. А.* Антоний Васильевич Флоровский // ИССCР. 1969. № 2. С. 251.

[2] См. письмо № 190. примеч. 5.

192

Копия, машинопись.

[1] См. письмо № 101.

[2] См. письмо № 103.

П. А. Хмыров — В. Т. Пашуто. 2 письма.

193

[1] См. Главы из монографии. Приложение III.

[2] П. А. Хмыров был секретарем Совета Института им. Н. П. Кондакова на последнем этапе его существования.

[3] Копии акта в архиве В. Т. Пашуто не имеется.

194

Беловой автограф.

[1] См. письмо № 193.

[2] См. письмо № 169, примеч. 1.

М. Шефтель — В. Т. Пашуто. 6 писем.

195

Беловой автограф.

Библиография

Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969.

Алексеев Н. На службе у империалистов (Англо-русский конфликт и белая эмиграция) М., 1923.

Андреев В. История одного путешествия. М., 1974.

Андреев Ю. А. Революция и литература. Л., 1969.

Аристов Ф. Ф. Юлиан Андреевич Яворский. Львов, 1932Ү7

Астемиров В. НТС, как он есть (Рассказ бывшего члена антисоветской организации «Народно-трудовой союз» во Франкфурте-на-Майне). М., 1967.

Бадя Л. Р. Советские историки на международных конгрессах (20—50 гг.) // ИССР. 1974. № 3. С. 63—71.

Барихновский Г. Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924 гг.). Л., 1978.

Баскакова В. М. Ленинская критика социально-философских взглядов П. Н. Милюкова. Челябинск, 1975 (деп. в ИНИОН АН СССР № 624 / 75).

Бегунов Ю. К. Описание малоизвестной части коллекции древнерусских рукописей Славянской библиотеки в Праге // BSl. 1970. т. XXXI/2. S. 204—215.

Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922; 1925 $_2$.

Бобрищев-Пушкин А. Патриоты без отечества Л., 1925.

[*Болдырев Д. В.*] Профессор — крестоносец. Заветные мысли Д. В. Болдырева. Харбин, 1936.

Больдт Ф., Сегал Д., Флейшман Л. Проблемы изучения литературы русской эмиграции первой трети XX в. Тезисы // Slavica Hierosolymitana, Hebrew University of Jerusalem. Selected Topics. Vol. III.

Бромберг Я. А. Запад, Россия и еврейство. Опыт пересмотра еврейского вопроса. Прага, 1931.

Булгаков С. Автобиографические заметки. Посмертное издание. Париж, 1946.

Бунин И. А. Окаянные дни // *Бунин И. А.* Собрание сочинений. Берлин. 1935. Т. X.

Бунин И. А. Дневник (2 августа 1917 — май 1918 гг.) // Новый мир. 1965. № 10; письмо к П. М. Бицилли от 16 августа 1937 г. // Русская литература. 1961. № 4.

Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. М., 1928.

Вардин И. Революция и меньшевики. М., 1925.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956.

Вечерский С. С. Антикоммунистические теории советской экономики в буржуазной литературе 1930-х гг. Автореф. канд. дис. Л., 1979.

Вильгур М. Русские в Америке. Нью-Йорк, б. г.

Владимиров В. Возвратите их на родину. М., 1924.

Воровский В. В мире мерзости и запустения. М., 1919.

Геринг А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. Париж, 1968.

Гессен В. И. В борьбе за жизнь (Записки эмигранта). Нью-Йорк, 1974.

Гессен И. В. Годы изгнания. Париж, 1979.

Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1929). М., 1975 [см. рец.: ИССР, 1976. № 1. — *В. П.*].

Горбов Д. А. 10 лет литературы за рубежом // Печать и революция. 1927. Кн. 8.

Гуренков М. Без России нельзя. Путь А. Н. Толстого к революции. Л., 1967.

Данилова Л. В. Русское средневековье в современной историографии // ВИ. 1961. № 3.

Десять лет жизни РООБА (1926—1936). Нью-Йорк, 1936.

Доброклонский А. П. Моя краткая автобиография // Зап. РНИ. 1938. Вып. 15. С. I—VIII [с библиографией. — *В. П.*].
Егоров Ю. Е. Антисоветская деятельность реакционной украинской эмиграции на современном этапе [Дисс. ДСП. — *В. П.*]
Ефремов С. Історія українського письменства. Лейпциг. 1924. Т. 1.
Иванов Всев. Огненная душа // Русское обозрение. Пекин, 121. № 6—7. С. 280—293 [о Дм. Васильеве-Болдыреве, ученике Лосского, создателе «Братства св. Софии». — *В. П.*]
Изгоев А. С. Рожденное в революционной смуте (1917—1932). Париж, 1932.
Ильина Н. Судьбы. М., 1980.
Иоффе Г. З., Пушкарева И. М. «Контръюбилейная» англо-американская литература о февральской революции // Свержение самодержавия. М., 1970. С. 309—327.
Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1978. История внешней политики СССР, 1917—1975 гг. М., 1976. Т. 1—2.
Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 г. Лондон, 1988.
Калиничева З. В. К вопросу о политической платформе толстовства в 1917—1923 гг. // Общественная жизнь и религия. 1976. Вып. 2.
Киссель М. А. Немарксистская философия истории в XX в. // Кризис современной буржуазной идеологии. Л., 1978. С. 15—25.
Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в ЛГУ (1918—1925). Л., 1970.
Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом: Учебное пособие. Калинин, 1977.
Комин В. В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом: Учебное пособие. Калинин, 1977.
Кошарный В. П. Из истории борьбы с буржуазной идеалистической философией в Советской России в первые годы после Октября (1917—1922 гг.) // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. М., 1978. Вып. 5. С. 51—64.
Красиков Н. П. Эволюция социальной концепции православия // ВИ. 1970. № 9.
Кузьмина В. Д., Хорошкевич А. Л. Вопросы истории СССР в Oxford Slavonic Papers // ИСССР. 1958. № 1. С. 202—213.
Кызласова И. Л. Становление и развитие иконографического метода в трудах Ф. И. Буслаева и Н. П. Кондакова. Автореф. дисс. канд. искусствовед. М., 1978.
Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967.
Ладинский А. П. Парижские воспоминания (1956 г.) [ЦГАЛИ. Ф. 2254. Ед. хр. 33. — *В. П.*].
Лазарев В. Н. Никодим Павлович Кондаков. М., 1925.
Лаппо-Данилевская Н. А. Эмиграция и латинство. Париж, 1924.
Лаптева Л. П. В. А. Францев // Acta Musaei Nationalis Pragae. 1965. Vol. X / 1. S. 1—30.
Лаптева Л. П. В. А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Sl. 1966. R. XXXV / 1.
Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М., 1962—1963. Т. 1—2.
Лукьянов А. Н. К вопросу о содержании понятия «банкротство мелкобуржуазных партий в России» и его критериях // Банкротство мелкобуржуазных партий в России, 1917—1922 гг. М., 1977. С. 181—189.
Луппол И. К. Об отношении советских ученых к ученой эмиграции // Научный работник. М., 1928. № 12. С. 13—22.
Любимов Л. На чужбине // Новый мир. 1957. № 3.
Маклаков В. А. Отрывки из воспоминаний // МУ. С. 294—318.
Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
Медведский Г. Т. Г. Масарик и его культурные связи с русскими учеными и писателями. Прага, 1930.
Мепснер Д. И. Иллюзия и действительность. М., 1957.
Мещеряков Н. О новых построениях русской интеллигенции // Печать революции. 1921. Вып. 3.
Минаев В. Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. М., 1940.
Минаева Н. В. В разладе с историей (заметки о западной историографии, освещаю-

щей политическую мысль России 1 четверти XIX в.) // Проблемы историографии. М., 1977. С. 57—92 [о Кизеветтере, Коновалове. — *В. П.*].
Минцлов И. Р. Трапезундская эпопея. Дневник. Берлин, б. г.
Минцлов С. Р. Прошлое. София.
Мирский Б. В изгнании. Париж, 1922.
Мухачев Ю. В. О некоторых особенностях классовой борьбы в СССР в начале НЭПа // Вопр. историографии и истории крестьянства. Калинин, 1975. С. 116—125 [о «новой тактике» белой эмиграции в 1921—1922 гг. — *В. П.*].
Мухачев Ю. В. Белая эмиграция и особенности классовой борьбы в СССР после гражданской войны // Проблемы социально-экономической истории СССР. М., 1977. Т. 1. С. 88—106.
Набоков В. Другие берега. Нью-Йорк, 1954.
Орлов Вл. Перепутья. М., 1976.
Осипов Н. Е. Революция и сон // Науч. тр. РНУ. 1934. Т. IV. С. 175—203.
Остромиров А. Николай Федорович Федоров и современность. 1928.
Пашева Н. М., Климкова Л. Н. Галицко-русская Матица во Львове и ее издательская деятельность // Книга. Исследования и материалы. М., 1977. Вып. 34.
Покровский М. Н. Противоречия господина Милюкова. М., б. г.
Полевой Б. Н. Двухтомная история картографии России Л. С. Багрова (до 1800 г.) // Изв. АН. Сер. географии. 1979. № 5. С. 131—136.
Пионтковский А. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. I / 18—19. С. 157→176.
Почанин С. З. Историей обреченные. Минск, 1977.
Россия и Пушкин. Харбин, 1937
[*Савинков Б.*] Дело Б. Савинкова. Л., 1924.
Б. Савинков перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. М., 1924.
Савинков Б. Последние письма и статьи. М., 1926.
Сборник в честь А. П. Кутепова. Париж, 1934.
Святополк-Мирский Д. Н. Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего. Париж, 1926.
Семенова Н. М. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической» контрреволюции. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Томск, 1977.
Сергеев В. Л. Очерки по истории белого движения на Дальнем Востоке. Харбин, 1937.
Сергеев В. Н. Советская историческая литература о банкротстве мелкобуржуазных партий на Дону в 1917—1920 гг. // Вопр. историографии и методологии истории. Ростов-на-Дону, 1977. С. 30—47.
Серебренников И. И. Сибиреведение. Харбин, 1920.
Серебренников И. И. Великий отход. Разсеяние по Азии белых русских армий, 1919—1923. Харбин, 1936.
Слоним М. Евразийцы // ВР. 1922. 1 окт. С. 9—21.
Соколов-Микитов И. С. Давние встречи. Л., 1976.
Советско-китайские отношения, 1917—1957 гг. М., 1959.
Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920). 1967.
Старостин Е. В. Документы по истории России в зарубежных архивах. Аналитический обзор. Главархив СССР. М., 1988.
Сыркин А. Евреи в белой эмиграции. Берлин, 1926.
Терский А. В стане произвола и бесправия. Русские в Болгарии до и после переворота. М., 1924.
Троицкий С. В. Правовое положение русской церкви в Югославии // Зап. РНИ. 1940. Вып. 17.
Троцкий Л. Д. Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции. М., 1924.
Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 1—2.
Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. Берлин, 1932.
Троцкий Л. Д. История русской революции. Берлин, 1933. Т. 1—2.
Троцкий Л. Д. Портреты революционеров / Ю. Фильштинский. Нью-Йорк, 1988.
Урбан П. К. Указатель периодических изданий эмиграции за 1919—1952 гг. Мюнхен, 1953 [Munich Institute for the Study of the USSR. № 6].

Устрялов Н. В. Зарубежная смена. Б. м., 1931.
Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972.
Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. М., 1977.
Хейфец А. Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920 гг.).
Хмылев Л. Н., Синяков С. В. Концепция историзма Н. А. Бердяева // Методологические вопросы наук об обществе. Томск, 1976. С. 90—101 [с хорошей библиографией. — *В. П.*].
Чернявский Г. И. Крах договора русских белогвардейцев в Болгарии // УІЖ. 1975. № 6.
Шкаренков Л. К. Белая эмиграция: агония контрреволюции // ВИ. 1976. № 5. С. 100—120.
Шкаренков Л. К. Конец белой эмиграции // ВИ. 1979. № 8. С. 85—103.
Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1981, 1986 2.
Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1928.
Anderle A. Der Antibolschewismus als Mittel der Vorbereitung des zweiten Weltkrieges // Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg. B., 1961. Bd 2. S. 367—379.
Andrejev L. Russia's Call to Humanity "Save Our Souls". An Appeal to the Allies / Introd. by P. N. Milioukov. L., 1919.
Aurich P., Urban R. Das Verhältnis zur Emigration // Nachbarn im Osten 1945—1965. Leer (Ostfriesland), 1965. S. 132—147.
Beneš E. Ploblémy nové Europy a zahraničné politika Československá. Pr., 1924.
Beneš E. Der Panslavismus // Prager Rundschau. 1936.
Beycrly E. The Europocentric Historiography of Russia. An Analysis of the Contribution by Russian Emigré Historians in the USA 1925—1955 Concerning 19th Century Russian History. Mouton. 1973.
Beyssac M. La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique, 1920—1930. P., 1971.
Bidlo J. Michal Hruševskyj. Pr., 1935.
Bilas L. Geschichtsphilosophische und ideologische Voraussetzungen der geschichtlichen und politischen Konzeption M. Hruševskyjs // JGO. 1956. Bd 4 / 3.
Blackstock R. W. «Books for Idiots»: False Soviet «Memoires» // RR, 1966. Vol. XXV / 3. P. 285—296.
Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jh. Wiesbaden, 1961.
Books on Soviet Russia. 1917—1942 / Ph. Grierson. L., 1943.
Bruhn P. Gesamtverzeichnis russischer und sowjetischer Periodica und Serienwerke in Bibliotheken der BRD und Westberlins // Bibliographische Mitteilungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin. 1962. N. 3 / 1; 1966. N. 3 / 2; 1967. H. 3 / 3. Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovnik. Pr., 1972.
Davis D. D. Other Shore Russian Emigration in Interwar Years, 1919—1939 // Garmisch. Zweiter Weltkongress für Sowjet- und Osteuropastudien. 1980.
Deutsch-russische Beziehungen von Bismarck bis zur Gegenwart / W. Markert. Stuttgart, 1964.
Dolansky J. Památce dvou slavistů // Naše věda. Pr., 1947. R. XXV / 3—4. S. 65—79 [о Е. А. Ляцком и В. А. Францеве. — *В. П.*].
Emigranten-Organisationen — Faktoren der Bonner Ostpolitik // Neue Kommentare, 1963. Jg. 6/8. S. 1—15.
D'Emigration russe en Europe / T. Ossorgine-Bakounine. P., 1976—1977. T. 1—2.
L'Emigration russe: revue et recueils, 1920—1980. Index général des articles. P., 1988.
Epstein F. Die Geschichtswissenschaft in Sowjetrussland, 1917—1927 // JKGSl. 1919. Bd 5. S. 260—263.
Epstein F. Die marxistische Geschichtswissenschaft in der Sowjetunion seit 1927 // JKGSl. 1930. Bd 6 / 1.
Fischer G. The Russian Archive in Prague // ASlEER. 1949. Vol. VIII. P. 289—295.
Foster L. A. A Bibliography of Russian Emigré Literature, 1918—1968. Boston, 1970. Vol. 1—2.

Gajan K. Postoj T. G. Masařýk k sovětské zemi a teroristovi Savinkovi // SlP. 1954.
Goble P. A. Samuel N. Harper and the Study of Russia: His Career and Collection // CMRS. 1973. Vol. XIV / 4. P. 408—420.
Halm H. Achtzig Jahre russischer Geschichtsschreibung ausserhalb Russlands // JGO. 1957. Bd 5 / 1—2. S. 9—42.
d'Herbigny M., Doubner A. Evêques russes en exil (1918—1930). Roma, 1931.
Norn W. Ein unbekannter Aufsatz Hitlers aus dem Frühjahr 1924 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1968. Jg. 16. H. 3. S. 280—294 [об отношении Гитлера к русской эмиграции. — *В. П.*].
Huntington W. Ch. The Homesick Millions Russia-out-of-Russia. Boston, 1933.
Ivask G. Literary Archives of the Russian Emigrees //.SlEEJ. 1959. N 27. P. 37—43.
Kafka G. E. Historisch-politische Literatur der russischen Emigration // Neue politische Literatur. 1956. Bd 1. S. 82—90.
Kalašnikova S. Československá buržoazie a sovětské Rusko v letech 1918—1922 // SlP. 1979. N 5. S. 380—388.
Kareiev N. Histoire et historiens depuis cinquante ans. P., 1923.
Karel Kramař a Slovanstvo. Pr., 1937.
Kasack W. Lexikon der Russischen Literatur ab 1917. Stuttgart, 1976.
Krochová V. Les études byzantines en Tchécoslovaquie // Balkan Studies. 1972. 2. P. 307—311.
Krofta K. Politická postava K. Kramařa. Pr., 1930.
Křířek J. T. G. Masařýk a česka politika. Pr., 1959.
Kudela J. O ruském zlatém poklade a československých legiich. Pr., 1922.
Kulikowski M. A. A Neglected Source. The Bibliography of Russian Emigré Publications since 1917 // Solanus. 1989. Vol. 3. P. 88—102.
Leppmann W. Die russische Geschichtswissenschaft in der Emigration // ZOG. 1931. Bd. 5. S. 215—248.
Magocsi P. M. An Historiographical Guide to Subcarpathian Rus'. Cambridge (Mass.), 1975.
Malevskiy-Malevič P. A New Party in Russia. L., 1928.
Masařýk T. G. Sovětske Ruska a my. Pr., 1920.
Mélanges G. Ostrogorsky // Zbornik radova Visantološkog Instituta. Beograd, 1963—1964. T. VIII / 1.
Necásek F., Pachta J. Dokumenty o protisovetských piklech československé reakce. Pr., 1954.
Pipes R. Struve. Camdridge (Mass.), 1970.
Postnikow S. // Osteuropa. 1933—1934. Bd 9. S. 102—114.
Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917—1921. Jena, 1924.
Rimscha H. Russland jenseits der Grenzen, 1921—1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, 1927.
Riha T. Russian Emigré Scholars in Prague // SlEEJ. Vol. XVI/1. P. 22—26; ср.: SlR. 1971. Vol. XXX/4. P. 946.
Rössler R. Das Weltbild Nikolaj Berdjajews. Existenz und Objektivität. Göttingen, 1956.
Solomon R. Zur Lage der Geschichtswissenschaft in Russland // ZOG. 1932. Bd 6/3.
Smal-Stocki R. Die Erforschung der Emigration aus dem Russischen Imperium und ihre Aufgaben // JGO. 1960. Bd 8 / 2. S. 231—235.
Smith C. F. Vladivostok under Red and White Rule. Washington, 1975.
Rhinelander L. H. Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. XVI / 3. P. 331—352.
Schieche E. E. Beneš und die slavischen Ideen // ZO. 1959.
Shteppa K. F. Russian Historians and the Soviet State. New Jersey, 1962 [Рец. С. Пушкарева: SlR. 1962. Vol. XXI / 4. P. 744—745. — *В. П.*].
Shein L. J. N. S. Trubetskoi's Weltanschauung // RR. 1965. Vol. XXIV / 2. P. 128—137.
Soviet and Russian Newspapers at the Hoover Institution. A Catalog / K. Michel. Stanford, 1966.
Verzeichnis der deutschsprachigen Literatur 1939—1952 zur Geschichte Osteuropas // Forschungen zur osteuropäishen Geschichte. Wiesbaden, 1954. Bd 1. S. 251—290; 1956. Bd 4. S. 219—232, 240—249.

Vietroff-Toporoff V. Rossica et sovietica. Bibliographie des ouvrages parus en français de 1917 à 1930 inclus, relatifs à l'URSS. Saint-Cloud, 1931.
Volkmann H. E. Die politischen Hauptströmungen in der russischen Emigration in Deutschland nach dem zweiten Weltkrieg // Osteuropa, 1965. Jg. 15 / 4. S. 242—252.
Volkmann H. E. Die russische Emigration in Deutschland (1919—1929). Würzburg, 1966.
Willems G. H. G. V. Florovsky. His American Career (1948—1965) // The Greek Orthodox Theological Review. 1965. Vol. XI / 1.
Wraga R. Russian Emigration after Thirty Years Exile // The Eastern Quartely. L., 1951. Vol. IV / 1.
Wytrzens G. Fürst Trubetskoy als Kulturphilosoph // WSJb. 1964. S. 154—166.
Zander L. A. Russian Students in Emigration // The Student World. Génève, 1927. January.
Zander L. A. List of the Writings of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris, 1925—1954. P., 1954.
Zernov N. Russian Emigré Authors. A Biographical Index and Bibliography of Their Works on Theology, Religious Philosophy, Church History and Orthodox Culture, 1921—1971. Boston, 1973.

Список архивов

АО — Фонд П. А. Остроухова, ЦГАОР, № Р-9586
АС — Фонд А. В. Соловьева, Архив АН СССР
АСК — архив Семинария им. Н. П. Кондакова: Ustav pro teorii a dějiny uměni Akademii Věd, ЧСФР
АФ — Фонд А. В. Флоровского, Архив АН СССР, № 1609
AHMP — Archiv Hlavního města Prahy
ANM — Archiv Národniho Muzea
SAB — Státní Archiv v Brně
SÚA — Státní ústrědní archiv
SÚA AMZV — Státní ústrědní archiv, Archiv Ministerstva zahraničních věci ČSSR
SÚA AMZV RPA — Státní ústrědni archiv, Archiv Ministerstva zahraničních věci ČSSR, Ruská pomocná akce (1920—1939)
SÚA AMZV RPF — Státni ústrědni archiv, Archiv Ministerstva zahraničních věci ČSSR, Ruská pravnická fakulta v Praze
SSÚA — Štátny Slovensky ústredny archiv (Bratislava)

Список сокращений периодических изданий и учреждений, издававших их

АП — Архив правни
АПДН — Архив за правне и друштвене науке. Београд
Беседа — Беседа. Журнал литературы и науки. Берлин, 1923—1925. № 1—6 / 7
ВИ — Вопросы истории. М.
Возрождение — Возрождение. Еженедельная газета. Белград.
ВР — Воля России. Журнал политики и культуры. Прага, 1922
ВРК — Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1925
ВСб — Владимирский сборник. Белград, 1938
ВСиб — Вольная Сибирь. Прага
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ГМ — Голос минувшего на чужой стороне. Журнал истории и истории литературы. Париж
ГСУ — Годишник на Софийския университет. София
ДРК — День русской культуры. Харбин
ДРС — День русской славы. Белград
ЕВ — Евразийский временник, 1921—1931. Кн. 1—7
Евразиец — Евразиец. Брюссель, 1929—1934. Тетр. 1—25.
ЕТ — Евразийские тетради. Париж, 1934—1936. Тетр. 1—6
ЕХ — Евразийская хроника. Прага, 1925—1926. Кн. 1—4; Париж, 1926—1928. Кн. 5—10; Берлин, 1933—1937. Кн. 11—12.
ЗбБелићу — Зборник лингвистических и филолошких расправа А. Белићу. Београд, 1937.
ЗбМасарикові — Науков. юбил. збірник Українського університету в Празі, посвяч. проф. Т. Г. Масарикові. Прага, 1925.
ЗЧВВ — Записки Чина св. Василия Великого. Жоква
ИЗ — Исторические записки. М.
ИСССР — История СССР. М.
ЈИЧ — Југословенски исторични часопис. Белград.
КР — Крестьянская Россия. Прага
КСб — Карпаторусский сборник. Ужгород, 1930
ЛМС — Летопис Матице Српске. Нови Сад
МУ — Московский университет (1755—1930). Юбилейный сборник / В. В. Ельяшевич, А. А. Кизеветтер, М. М. Новиков. Париж, 1930
На темы — На темы русские и общие. Нью-Йорк, 1965.
НВ — Новое время. Белград
НЕ — Нова Европа. Загреб
НЖ — Новый журнал. Нью-Йорк, 1941
НИО — Научно-исследовательское объединение Русского свободного университета. Прага.
Новик — Новик. Афины, Нью-Йорк
НТШ — Наукове товариство ім. Т. Шевченка
НЧС — На чужой стороне. Историко-литературный сборник / Г. Мельгунов, с 1925 г. В. Мякотин. Берлин; Прага, 1923—1925. № 1—13; Париж, 1926—1928. № 1 (14)—6 (19)
ПК — Православие и культура. Берлин, 1923
ПКИФ — Прилози за књижевност, историју и фолклор. Београд
ПН — Последние новости. Париж

ПОВ — Прослава на освободителната война 1877—1878 гг. София, 1929
ПСРИ — Пушкинский сборник Русского института. Прага
Путь — Путь. Орган русской религиозной мысли / Н. А. Бердяев. Париж. Сент. 1925—март 1940. № 1—61
РА — Руски архив. Београд
РАО — Русское археологическое общество в Белграде. Белград
РАОЗГ—Русские академические организации за границей
РГ—Русский голос. Белград
РИО—Русское историческое общество в Праге. Прага
РИП—Русский институт в Праге. Прага
РЈА—Руско-југословенски алманах. Панчева, 1934
РК—Русская культура. Белград
РМ—Русская мысль. Прага
РНИ—Русский научный институт в Белграде. Белград
РНУ—Русский народный университет в Праге. 1928—1933 (после 1933 г.—РСУ)
РС—Россия и славянство. Париж, 1928—1934. № 1—233 (до 1928 г.—Россия. Орган национальной мысли и освободительной борьбы. Еженедельная газета под ред. П. Б. Струве. Париж, 1927—1928. № 1—37).
РСл — Родное слово. Варшава

РСт — Родная старина. Рига
РСУ — Русский свободный университет в Праге. Прага, 1933—1945 (до 1933 г. — РНУ)
РСХД — Русское студенческое христианское движение. Париж
РУК — Русская учебная коллегия в Праге. Прага
Руль — Руль. Берлин. 16 нояб. 1920 — 14 окт.1931. № 1—3309
РШЗР — Русская школа за рубежом. Прага, 1923—1930.Т. 1—6
РЮФ — Русский юридический факультет в Праге. Прага.
СбБобчев — Юбилеен сборник в честь на С. С. Бобчев. София, 1921
СбЗлатарски — Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925
СбМилетич — Сборник в честь на проф. Л. Милетич. София, 1933
СбМилюкова (Париж) — П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. Париж, 1929
СбМилюкова (Прага) — Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову (1859—1929). Прага, 1929
СбНиков — Сборник в память на проф. П. Ников. София, 1939
СбСтруве — Сборник в честь П. Б. Струве. Прага, 1925
СГ — Славянски глас. София
СЗ — Современные записки. Ежемесячный журнал под ред. Н. Авксентьева, И. Бунакова, М. Вишняка, А. Гуковского, В. Руднева. Париж, 1920—1940. № 1—70 (указатель содержания № 1—65 см.: № 65)
СК — Славянская книга
СКГ — Српски књижевни гласник. Белград
СП — Страни Преглед. Београд
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Л.
ТРУЗ — Труды русских ученых за границей / А. Каминек. Берлин, 1922—1923. Кн. 1—4
УЕ — Утверждение евразийцев
УІЖ — Український історичний журнал. Київ
Числа — Числа. Париж, 1930—1934. № 1—10
ЦЕ — Центральная Европа. Прага
ЮбСДБ — Юбилеен сборник на славянско дружство в България. София, 1925
ЮФ — Юридический факультет. Харбин
AIPHOS — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. Bruxelles
AHDO — Archives d'Histoire du Droit Oriental. Bruxelles, P.
AHR — American Historical Review
ASlEER — The American Slavic and East European Review
BHEO — Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie. P.
BM — Byzantina — Metabyzantina. N. Y.
BSC — Baltic and Scandinavian Countries. Gdynia
Bratislava — Bratislava. Časopis učene společnosti Šafarikovy

BSl — Byzantinoslavica. Pr.
Byz — Byzantion. Bruxelles
BZ — Byzantinische Zeitschrift. München
ČČH — Československy Časopis Historicky. Pr.
CEOMSl — Conférence d'Historiens des Etats de l'Europe Orientale et du Monde Slave. Varsovie, 1927—1928. T. 1—2
ChQuR — The Church Quaterly Review. L.
CMRS — Cahiers du Monde Russe et Sovietique. P.
DOP — Dumbarton Oaks Papers. Washington
HSlS — Harvard Slavic Studies
HZ — Historische Zeitschrift. München; B.
IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics
IM — Imago mundi. L.
JAOS — Journal of the American Oriental Society
JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas
JKGSl — Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Breslau
JCEA — Journal of Central European Affairs
KH — Kwartalnik Historyczny
MSl — Le Monde Slave. P.
OCh — Orientalia Christiana. Roma
OChA — Orientalia Christiana Analecta. Roma
OChP — Orientalia Christiana Periodica. Roma
OSP — Oxford Slavonic Papers
PHP — Przewodnik Historyczno-Prawny. Lwów
RADI — Recueil des Cours de l'Académie du Droit International de La Haye. P.
RESl — Revue des Etudes Slaves. P.
RH — Revue Historique. P.
RHDFE — Revue Historique du Droit Français et Etranger, 4ᵉ sér. P.
RG — Der russische Gedanke. Bonn
RK — Recueil d'Etudes déliés à la mémoire de N. P. Kondakov. Archéologie et Histoire de l'art. Etudes Byzantines. Pr., 1926
RR — The Russian Review
RSJB — Recueil de la Société Jean Bodin. Bruxelles
RSU — Ročenka Slovanského Ústavu. Pr.
S — Saeculum
SbJB — Z dějin východný Europy a slovanství. Sbornik věnovaný Jaroslavu Bidlovi. Pr., 1928
SFFUB — Sbornik Filosofické Fakulty University v Bratislave
SK — Seminarium Kondakovianum
Sl — Slavia. Pr.
SlEEJ — The Slavic and East European Journal
SlEER — Slavonic and East European Review. L.
SlP — Slovanský Přehled. Pr.
SlP — Slavic Review
SlRund — Slavische Rundschau. Pr.
SOF — Südostforschung. München (1936—1939: Südostdeutsche Forschungen)
Sp — Speculum. Cambridge (Mass.)
SPVS — Sbornik věd pravních a štatních. Pr.
SS — Slovo a Slovesnost. Pr.
SSF — Sbornik prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze. Pr., 1931—1932. T. 1—2
TCAAS — Transactions of Connecticut Academy of Arts and Sciences
WSJd — Wiener Slawistischen Jahrbuch. Graz; Köln
WSl — Die Welt der Slawen. Wiesbaden
VČSN — Vestnik kralevske Česke společnosti nauk. Třida filos.-hist.
Zander — Zander L. A. List of the Writings of Proffesors of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris, 1925—1954. P., 1954
ZO — Zeitschrift für Ostforschung
ZOG — Zeitschrift für osteuropäische Geschichte
ZRČ — Zahraniční Rusové Československu. Pr., 1928
ZSlPh — Zeitschrift für Slawische Philologie
ZZR — Zbornik znanstvenih razprav. Ljubljana

Оглавление

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. Т. ПАШУТО

Научное издание

Пашуто Владимир Терентьевич

РУССКИЕ ИСТОРИКИ-ЭМИГРАНТЫ В ЕВРОПЕ

Утверждено к печати Архивом Академии наук СССР

Заведующая редакцией З. Г. Демидова
Редактор издательства Г. И. Рыкова
Художник Н. Ф. Дербенцов. Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор Н. Н. Плохова. Корректоры Н. Б. Габасова, Р. В. Молоканова

ИБ № 47860

Сдано в набор 27.02.91. Подписано к печати 16.10.91. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага писчая № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25. Усл. кр. отт. 25. Уч.-изд. л. 31,8. Тираж 7000 экз. Тип. зак. 1163. Цена 10 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12